Д. Л. ГОЛИНКОВ

КРУШЕНИЕ АНТИСОВЕТСКОГО ПОДПОЛЬЯ В СССР

Д. Л. ГОЛИНКОВ

КРУШЕНИЕ АНТИСОВЕТСКОГО ПОДПОЛЬЯ В СССР

(1917—1925 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1975

9(С)2
Г60

Голинков Д. Л.

Г 60 Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М., Политиздат, 1975.

703 с. с ил.

Эта книга о борьбе советского народа с контрреволюцией в 1917—1925 гг. В отличие от вышедшей в 1971 г. книги того же автора «Крах вражеского подполья», в новой книге рассказывается не только о борьбе с подрывной деятельностью подпольных групп, но и о разгроме всевозможных антисоветских движений в Советской России, на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Средней Азии.

Читатель познакомится с историей создания и деятельностью советских карательных и судебно-следственных учреждений, узнает много интересного о героической и самоотверженной работе чекистов, следователей, работников революционных трибуналов.

В основу книги положены многочисленные исторические документы, следственные и судебные материалы ВЧК—ГПУ, трибуналов и судов Советской страны.

Автор книги Д. Л. Голинков — юрист, в прошлом следователь по особо важным делам в прокуратуре РСФСР и СССР.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Г $\frac{10604-035}{079(02)-75}$ **Без объявления** **9(С)2**

ОТ АВТОРА

Вышедшая в 1971 г. книга «Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России. 1917—1924 гг.)» была положительно встречена читателями и прессой. Многочисленные читательские письма подсказали идею дальнейшей разработки этой темы.

В предлагаемой вниманию читателя новой работе автор поставил перед собой задачу, используя и материалы предыдущей книги, вскрыть закономерности борьбы не только с вражеским подпольем в Советской России, но и с антисоветскими движениями в целом, в масштабе всей Советской страны.

Как свидетельствует история, контрреволюция выступала против рабоче-крестьянской власти во всех советских республиках. Это были и вооруженные выступления различных контрреволюционных групп (в том числе буржуазных националистов) на фронтах гражданской войны, и поддержка международным империализмом открытой интервенции против молодой Советской страны, и подрывная деятельность тайных подпольных вражеских групп — заговоры, диверсии, мятежи и шпионаж — в советском тылу, и идеологические диверсии против социализма. Все эти разновидности контрреволюционной деятельности были взаимосвязаны, нередко переходили одна в другую. Руководили ими зачастую одни и те же силы и даже одни и те же лица, которые задавали тон, направляли деятельность враждебных социализму элементов против рабоче-крестьянской власти. Таковы, например, движение мелкобуржуазной «учредиловской демократии», возглавлявшееся правосоциалистическими партиями эсеров, меньшевиков и прочих «демократов»; калединщина, колчаковщина, деникинщина, врангелевщина, во главе которых стояли кадетско-монархистские организации и генералы бывшей царской армии; махновщина, григорьевщина и другие кулацкие движения; буржуазно-националистические движе-

ния — петлюровщина на Украине, басмачество в Средней Азии и т. д. Поэтому при изучении истории борьбы с подпольной контрреволюцией должны быть исследованы не только факты борьбы на тайном фронте, но и основные черты, характер антисоветского движения в целом.

В книге рассказывается о борьбе советского народа, его партийных, государственных и специальных учреждений с антисоветскими движениями и вражеским подпольем в первые годы Советской власти (1917—1925). Описывая важнейшие события из истории борьбы с контрреволюцией в России, на Украине, в Белоруссии, в Средней Азии и Закавказье, автор показывает неразрывное единство народа и ленинской партии, подлинного авангарда трудящихся, сумевшей отстоять чистоту марксистско-ленинского учения, мобилизовать массы на разгром всех и всевозможных контрреволюционных происков, раскрывает силу народа, отбросившего отщепенцев, исследует политические и идеологические аспекты антисоветских движений и их антинародную практику. Однако главное место в книге отведено фактам истории борьбы масс и специальных советских карательных и судебно-следственных органов с вражеским подпольем, чтобы глубоко и всесторонне раскрыть подвиг чекистов, следователей, судей, всего советского народа в их борьбе с контрреволюцией.

Приводимые в книге исторические факты и примеры являются как бы ответом всем тем, кто пытается фальсифицировать историю борьбы с контрреволюцией в нашей стране и клеветать на карательную политику Советского государства.

Автор благодарит всех, кто своими советами и замечаниями помог ему в работе над книгой, и прежде всего своего друга — Александра Михайловича Ларина, а также Василия Дмитриевича Поликарпова, Альберта Павловича Непарокова, Ивана Владимировича Кононенко и Анатолия Израилевича Разгона.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Расстановка классовых сил после победы Октября. Разгром первых антисоветских выступлений и контрреволюционных мятежей

Уничтожив всякую эксплуатацию человека человеком, равно как и источники, ее порождающие, Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эпохе в истории человечества, эпохе торжества социализма и крушения капитализма. Являясь порождением противоречий, характерных не только для России, но и в целом для всего мира периода империализма и общего кризиса капитализма, Октябрьская революция стала триумфом марксизма-ленинизма, воплотив на практике важнейшие идеи научного коммунизма: о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, о руководящей роли партии рабочего класса, о рабоче-крестьянском союзе и сплочении всех прогрессивных отрядов национально-освободительного движения.

Ведущей силой в свершении революционных преобразований, руководителем общенародной борьбы за социальный прогресс выступил рабочий класс России. Закаленный в суровых классовых боях, обогащенный опытом революции 1905—1907 гг., российский пролетариат, руководимый ленинской партией большевиков, отличался высоким политическим сознанием, организованностью и стойкостью в борьбе против всех видов эксплуатации и гнета. Он явился преемником и продолжателем дела славной плеяды борцов за счастье трудящихся, начиная от Новикова и Радищева и кончая народовольцами. Своей самоотверженной борьбой пролетариат приобрел авторитет авангарда всех трудящихся, стал естественным и единственным руководителем трудящегося крестьянства.

Классовая структура российской деревни (из 97 млн. крестьян — 12% безземельных, 16% — беспосевных, 23% — беско-

ровных, 30% — безлошадных) создавала почву для союза рабочего класса со всем крестьянством в период буржуазно-демократической революции и с его беднейшей частью — в период социалистической революции. Именно союз рабочего класса с беднейшим крестьянством при поддержке всего трудящегося крестьянства привел к победе социалистической революции в России.

Октябрьская революция, принесшая освобождение от всякого гнета русским рабочим и крестьянам, освободила и все колониальные и зависимые народы, составлявшие большинство населения бывшей Российской империи.

После победы Октября большевистская партия и руководимое ею Советское правительство немедленно приступили к осуществлению намеченной программы демократических и социалистических преобразований. В принятом 26 октября 1917 г.[1] II Всероссийским съездом Советов Декрете о мире Советское правительство, выражая всеобщее стремление трудящегося народа покончить с длительной, изнурительной, ненужной ему, развязанной буржуазией империалистической войной, предложило всем воюющим народам и их правительствам начать переговоры о справедливом, демократическом мире и выразило готовность со своей стороны без малейшей оттяжки, тотчас же заключить перемирие. Принятый в тот же день Декрет о земле объявлял, что помещичья собственность на землю отменяется навсегда; вся земля — государственная, монастырская, церковная, помещичья — обращается во всенародное достояние, переходит в безвозмездное пользование всех трудящихся и распределяется между лицами, работавшими на земле. Советское правительство призвало крестьян немедленно, без всяких проволочек создавать земельные комитеты на местах и взять землю в свое распоряжение. 2 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял «Декларацию прав народов России», в которой говорилось: «В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России»[2].

---

[1] До февраля 1918 г. все даты в книге даны по старому стилю. В особых случаях в скобках указаны и даты нового стиля.

[2] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 40.

Чтобы подчеркнуть, какое это будет иметь значение для окончательной победы социалистической революции, декларация специально указывала, что «только в результате такого доверия может сложиться честный и прочный союз народов России.

Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии» [1].

Великие социалистические идеи, провозглашенные Советским правительством и большевистской партией, претворение их в жизнь глубоко воздействовали на сознание самых широких народных слоев. Вокруг Советов и большевистских организаций сплотились многомиллионные массы трудящихся всех национальностей. Они составили прочный, незыблемый оплот новой власти.

Силой, которая сумела объединить воедино все потоки революционного движения и обеспечить ведущую роль пролетариата в борьбе за социалистические и демократические преобразования, за землю, за мир, за национальное освобождение, оказалась созданная Владимиром Ильичем Лениным партия нового типа — партия коммунистов. Опираясь на сознательность коммунистического авангарда, его преданность делу революции, выдержку, самопожертвование и беспримерный героизм, проводя правильную стратегию и тактику, большевики привлекли трудящиеся массы на свою сторону, организовали их на решающее сражение за власть Советов. Ленинская партия была сильна своей верностью революционной теории марксизма, чистотой своих рядов, сознательной дисциплиной добровольно объединившихся единомышленников.

Большевистская партия знала, что новый, социалистический строй не может победить без борьбы со свергнутым капитализмом, и предвидела сопротивление со стороны буржуазии, помещиков и других антисоциалистических сил. В. И. Ленин учил, что рабочий класс сумеет преодолеть все трудности в социалистическом переустройстве общества. «Свержение буржуазии,— писал Владимир Ильич в книге «Государство и революция»,— осуществимо лишь превращением пролетариата в *господствующий класс*, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплуатируемые массы.

---

[1] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 40.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства»[1]. «Развитие вперед, т. е. к коммунизму,— учил В. И. Ленин,— идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя»[2].

В течение первых месяцев после свержения буржуазного Временного правительства до февраля 1918 г. власть Советов с исключительной быстротой распространилась по всей территории бывшей Российской империи. Это был период триумфального шествия революции. Трудовой люд с энтузиазмом встретил революционные преобразования диктатуры пролетариата. Сопротивление буржуазии, в руках которой еще сохранялись определенные материальные ценности и на стороне которой находились опытные командные кадры, а также ее правосоциалистических пособников всенародному революционному движению в этот начальный период существования Советской власти носило характер безнадежных авантюр: реакционные слои не могли сколько-нибудь успешно бороться с превосходящими силами народа. Лишь на окраинах страны (Донская область, Южный Урал, Украина, Средняя Азия, Закавказье) сложились более благоприятные условия для контрреволюции, но и там трудящиеся к марту 1918 г. сломили вооруженные антисоветские выступления.

Что же собой представляла контрреволюция внутри России?

Наиболее реакционную часть антисоветского лагеря составляли монархистские элементы из бывших помещиков и той части крупных промышленников и торговцев, которая была связана с монархией привилегиями, вытекавшими из сохранения в многоукладной экономике России феодально-крепостнических и патриархальных пережитков. Сюда же входили и высшее чиновничество, духовенство и генералитет, мечтавшие о реставрации царизма. Влияние этих слоев на политическую жизнь страны было в значительной степени ограничено уже после Февральской революции. Всеобщая ненависть народа к прогнившему самодержавию не позволяла им открыто выступать за восстановление монархии. Наиболее дальновидные монархисты, приспо-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 26.

[2] Там же, стр. 88.

сабливаясь к новым условиям, проникали в государственные учреждения Временного правительства и армию, чтобы скрытно, исподволь подготовлять реставрацию. После Великой Октябрьской социалистической революции монархисты, лишившись и этих возможностей, изменили тактику. Кое-где они организовали антисоветские выступления с собственными лозунгами, но большей частью пошли под знамена других врагов социалистической революции. Обладая значительными материальными средствами, опытом государственной работы и связями в армии, они готовы были оказывать помощь и поддержку любому антисоветскому движению.

Особую роль в монархистской контрреволюции играл генералитет старой армии. Из этой среды выходили самые опасные враги революции. Они формировали вооруженное ядро антисоветских сил.

Другую силу антисоветского лагеря составляли буржуазия и примыкавшая к ней буржуазная интеллигенция, чьи политические взгляды находили наиболее полное выражение в программе конституционно-демократической (кадетской) партии. Эта партия, возникшая в 1905 г., в 1917 г. присвоила себе фальшивое название «партии народной свободы». До революции кадеты добивались реформ в рамках конституционно-монархического строя, во время Февральской революции они скомпрометировали себя в глазах народа попытками сохранить монархию путем перестановки лиц на царском престоле, затем объявили себя республиканцами, возглавили первое Временное правительство, а потом входили в состав коалиционных правительств, занимая в них наиболее реакционную позицию.

Еще во время керенщины буржуазные группировки для достижения своих целей создавали политические объединения. Таким был, например, «Совет общественных деятелей», образованный в августе 1917 г. в Москве накануне так называемого Государственного совещания. Он представлял собой постоянный орган, состоявший из 30—40 виднейших промышленников, членов Государственной думы, кадетов, реакционных профессоров и пытавшийся от имени «общественности» оказывать влияние на политическую жизнь страны, добиваясь укрепления в России буржуазного строя.

После Великой Октябрьской социалистической революции кадеты сразу же выступили против диктатуры пролетариата. Они организовали саботаж мероприятий рабоче-крестьянской власти, поддерживали все вооруженные антисоветские выступления. В обращении Совета Народных Комиссаров к населению

25 ноября 1917 г. указывалось: «...Враги народа империалисты, помещики, банкиры и их союзники казачьи генералы предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания... Политическим штабом этого восстания является Центральный комитет кадетской партии» [1]. Через три дня в специальном правительственном сообщении о контрреволюционном восстании буржуазии СНК подчеркнул, что «прямая гражданская война открыта по инициативе и под руководством кадетской партии» и что Центральный комитет этой партии является «политическим штабом всех контрреволюционных сил страны» [2]. Исходя из этого, 28 ноября 1917 г. Советское правительство приняло декрет, согласно которому «члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа», подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагался особый надзор за партией кадетов ввиду ее бесспорной связи с гражданской войной против революции [3]. Партия кадетов была единственной партией, объявленной тогда враждебной народу.

Деятели правых социалистических партий также оказались в лагере врагов Советской власти. Эти партии были весьма неоднородны по своему составу, отражая пестроту мелкой буржуазии, интересы и настроения которой они представляли. Здесь были так называемые народные социалисты (энэсы), почти ничем не отличавшиеся от кадетов; партии, в которых были представлены все оттенки народнического, эсеровского мировоззрения; меньшевики. Их общим идеалом было создание в России путем соглашения с буржуазией так называемого демократического строя по западноевропейскому буржуазному образцу. От других противников Октябрьской социалистической революции представители этих партий отличались тем, что, действуя под лозунгами защиты Временного правительства, Учредительного собрания, «чистой демократии» и стремясь сохранить хоть какое-то влияние в народе, пытались маскировать свою контрреволюционную сущность социалистической фразеологией. Поэтому именно эти партии явились удобным прикрытием для самых реакционных правых кругов. В первые же дни после Октября и монархисты, и кадеты использовали правосоциалистиче-

[1] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 154, 155.
[2] Там же, стр. 165.
[3] См. там же, стр. 162.

ские партии для борьбы с Советской властью в своих целях, выдвигая их на первый план и действуя за их спиной.

На окраинах страны и в национальных районах в антисоветский лагерь входили, кроме общероссийских контрреволюционных сил, разнородные буржуазные, мелкобуржуазные, а порою и феодального типа автономистские, националистические партии и организации. Спекулируя на национальных чувствах, они пытались отвлечь трудящихся от подлинно революционных целей, от борьбы за социализм, боролись за сохранение капиталистических, а порой феодальных порядков, за свои особые местные привилегии.

Еще во времена Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в национальных районах страны образовались всевозможные местные, так называемые национальные, «парламенты» и «правительства». Это были: Центральная рада на Украине, Белорусская рада в Белоруссии, курултаи в Крыму и Башкирии, «национальные советы» в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, «Алаш-орда» в Казахстане и др. Ту же роль играли и автономистские «войсковые правительства» в казачьих областях. Эти и подобные им буржуазно-националистические и сепаратистские организации, возникшие после победы Октября, выступили против интернациональной политики большевизма и Советской власти. Все они были составной частью внутренней контрреволюции.

Не имея сколько-нибудь широкой социальной базы, внутренняя контрреволюция в первые месяцы после Октября черпала кадры за счет тех, кто враждебно встретил Советскую власть или был введен в заблуждение псевдосоциалистическими фразами правосоциалистических партий и буржуазных националистов. Первые же антисоветские выступления и контрреволюционные мятежи показали, что контрреволюция в России не располагала достаточными силами, чтобы самостоятельно пойти на свержение Советской власти.

27 октября 1917 г. в противовес Военно-революционному комитету, руководившему Октябрьским вооруженным восстанием, в Петрограде образовался «Комитет спасения родины и революции». В его состав вошли представители Петроградской городской думы, Временного совета республики (предпарламента), свергнутого Временного правительства, утратившего свои полномочия ЦИК Советов первого созыва, центральных комитетов партий правых социалистов-революционеров, меньшевиков и народных социалистов. «Комитет спасения» опубликовал «Воззвание к гражданам Российской республики», в котором ясно

определил свои антисоветские цели. ««Всероссийский комитет спасения родины и революции»,— говорилось в воззвании,— призывает вас, граждане: не признавайте власти насильников (так эти контрреволюционеры называли рабоче-крестьянское правительство, созданное после победы Октября.— *Д. Г.*). Не исполняйте их распоряжений. Встаньте на защиту родины и революции» [1].

Вскоре стало известно, что бежавший в октябрьские дни бывший премьер бывшего Временного правительства А. Ф. Керенский ведет с фронта казаков, чтобы удушить революцию.

Главной ударной силой Керенского был отряд генерала П. Н. Краснова, который к вечеру 27 октября насчитывал около 500 человек при 8 пулеметах и 16 орудиях. Позднее к этому отряду присоединилось еще несколько частей, в том числе юнкера находившейся в Гатчине школы прапорщиков. В распоряжении Керенского оказались также бронепоезд и броневик, захваченные казаками по дороге в Пулково. К моменту начала наступления на Петроград у Керенского было не менее 5 тыс. человек. Революции грозила серьезная опасность.

Сурово и гневно встретил рабочий народ известие о походе контрреволюционных войск на Петроград. Десятки тысяч мужчин и женщин по призыву большевистской партии и Военно-революционного комитета вышли на улицы. С ружьями, ломами, лопатами, мотками проволоки, патронташами, таща за собой пулеметы и пушки, пешком, на повозках и грузовиках рабочие, солдаты, матросы тянулись к югу и юго-западу, к Московской заставе. Там они возводили баррикады, устраивали проволочные заграждения на подступах к городу, рыли окопы, занимали боевые позиции. Революционный пролетариат грудью встал на защиту столицы рабоче-крестьянской республики.

А в это время в городе готовился удар в спину революции.

На рассвете 29 октября красногвардейский патруль задержал у Троицкого моста двух подозрительных мужчин, которые ехали в автомобиле от особняка Кшесинской. Их доставили к комиссару Петропавловской крепости Г. И. Благонравову. Выяснилось, что задержан видный деятель партии правых эсеров А. А. Брудерер, которого сопровождал солдат. У Брудерера нашли важные документы. Одним из этих документов был приказ № 1 от 29 октября 1917 г. командующего войсками «Комитета спасения родины и революции» полковника Г. П. Полковникова. «По поручению Всероссийского комитета спасения ро-

---

[1] «Красный архив», 1932, т. 4, стр. 39.

дины и революции,— говорилось в этом приказе,— я вступил в командование войсками спасения.

Приказываю:

1) Никаких приказаний Военно-революционного комитета (большевистского) не исполнять.

2) Комиссаров Военно-революционного комитета во всех частях гарнизона арестовать и направить в пункты, которые будут указаны дополнительно.

3) Немедленно прислать от каждой отдельной части по одному представителю в Николаевское инженерное училище (Инженерный замок).

4) Все, не исполнившие этот приказ, будут считаться врагами родины и изменниками делу революции».

Приказ этот подписали смещенный после Октября командующий войсками Петроградского военного округа полковник-монархист Полковников и начальник штаба мятежников подполковник Хартулари [1].

Второй документ оказался удостоверением, выданным Брудереру в том, что он назначается «Всероссийским комитетом спасения родины и революции» комиссаром Владимирского военного училища и все его распоряжения подлежат немедленному исполнению. Удостоверение было подписано членом «Комитета спасения» А. Гоцем и скреплено печатью и подписью секретаря М. Броуна [2]. Кроме того, у Брудерера были изъяты распоряжения: одно — Владимирскому военному училищу, в котором говорилось: «Училищу немедленно быть готовому к выступлению. По прибытии к училищу увечных воинов вы поступаете в распоряжение подполковника Куропаткина и по соединении с Павловским училищем выполняйте задачи, возложенные на подполковника Куропаткина. Действовать быстро и решительно.

Полковник *Полковников*.
Член Комитета спасения родины
и революции *А. Гоц*» [3];

второе — Павловскому военному училищу. «По соединении с Владимирским училищем,— говорилось в этом документе,— вы поступаете в распоряжение подполковника Куропаткина и комиссара Брудерера, которому даны определенные задачи.

Полковник *Полковников*.
Член Комитета спасения *А. Гоц*» [4].

---

[1] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М., 1957, стр. 817—818.

[2] ЦГАОР СССР (далее — ЦГАОР), ф. 366, оп. 1, д. 277, л. 140.

[3] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 816.

[4] Там же.

Брудерер отказался дать какие-либо объяснения, но и без этого было ясно, что в городе полным ходом идет подготовка вооруженного выступления против Советов. Г. И. Благонравов поспешил в Смольный к председателю Военно-революционного комитета Н. И. Подвойскому. Немедленно были приняты меры для ликвидации готовившегося антисоветского выступления. Утром 29 октября Военно-революционный комитет в специальном обращении известил население города о раскрытии заговора, отметив, что этот заговор связан с контрреволюционным походом казаков на город, но не имеет никакой опоры ни в гарнизоне, ни среди рабочего населения и рассчитан исключительно на внезапность удара [1].

В то утро руководители мятежа, не зная, что их контрреволюционные планы уже раскрыты, передали по телеграфу следующий приказ: «29 октября войсками «Комитета спасения родины и революции» освобождены все юнкерские училища и казачьи части; занят Михайловский манеж; захвачены броневые и орудийные автомобили, занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института — последних убежищ большевиков. Предлагаем сохранить полнейшее спокойствие, оказывая всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией «спасения родины и революции» полковника Полковникова и его помощника подполковника Краковецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого Военно-революционного комитета. Всем воинским частям, опомнившимся от угара большевистской авантюры и желающим послужить делу революции и свободы, приказываем немедленно стягиваться в Николаевское инженерное училище; всякое промедление будет рассматриваться как измена революции и повлечет за собой принятие самых решительных мер.

Подписали:

Председатель Совета республики *Авксентьев.*

Председатель Комитета спасения родины и революции *Гоц.*

Комиссар Всероссийского комитета спасения родины и революции при командующем армией спасения *Синани.*

Член Центрального комитета партии социалистов-революционеров *Броун»* [2].

---

[1] См. «Правда», 31 октября 1917 г.

[2] «История гражданской войны в СССР», т. 2. М., 1942, стр. 195.

Несмотря на то что юнкерское восстание и поход Краснова — Керенского на Петроград в момент наивысшего революционного подъема широчайших народных масс представляли собой явную авантюру, возглавляемую кучкой обанкротившихся политиков, последние тешили себя надеждой удушить революцию и обманывали людей заявлениями о поддержке, которую им якобы оказывают «все демократические организации». Генерал П. Н. Краснов в приказе № 1 по войскам Российской республики, сосредоточенным под Петроградом, 27 октября 1917 г. возвещал из Гатчины «Всем, всем, всюду», что Временное правительство будто бы «не свергнуто, но насильственным путем удалено от своих постов (!!) и собирается при Великой армии фронта», что его поддерживает «весь народ», что Совет союза казачьих войск объединил все казачество и оно, «бодрое казачьим духом, поклялось послужить родине, как служили деды наши», что на стороне Временного правительства находятся все крестьянские съезды и войска фронтов. Краснов призвал казаков донцов, кубанцев, уссурийцев, забайкальцев, амурцев, енисейцев «прийти и спасти Петроград от анархии», будто бы вызванной «кучкой... людей, руководимых волею и деньгами императора Вильгельма...» [1]. Комиссар Временного правительства при ставке В. Б. Станкевич, со своей стороны, в телефонограмме «Всем, всем, всем» 30 октября от имени свергнутого правительства обманно сообщал: «За последние 3 дня комитеты спасения родины и революции установили непосредственное сношение с министром-председателем Керенским. Министр-председатель все время подробно осведомляется о деятельности комитетов, и наоборот — комитеты в курсе всех шагов и предположений министра-председателя. Это дало возможность теснейшим образом объединить и координировать действия и выступления комитетов в Петрограде и отряда войск, действующего по направлению на Петроград. Вчера у министра-председателя была делегация комитета спасения. Личные переговоры дали возможность установить полное совпадение взглядов и настроений по вопросу о возможности государственной власти и объединения всех сил революционной демократии. Все министры, находящиеся в Петрограде, принимают непосредственное участие в делах Комитета спасения» [2].

Фактически к кучке обанкротившихся политиков примкнули только контрреволюционные, черносотенные элементы.

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 97, л. 14.
[2] Там же, д. 23, л. 35.

Между тем по распоряжению Военно-революционного комитета рано утром 29 октября штаб мятежников, находившийся в Инженерном замке, а также все юнкерские училища (Владимирское, Павловское, Николаевское и др.) были окружены верными революции воинскими частями, матросами и красногвардейцами. Началось подавление восстания.

Положение мятежников утром 29 октября довольно правдиво характеризовал начальник штаба контрреволюционных сил подполковник Хартулари: «Владимирское училище осаждено, горит и может держаться не более двух часов. Обстреливается броневиками. Павловское училище также нуждается в немедленной помощи. По отношению к этим двум училищам приняты все возможные меры помощи. Константиновское училище держится выжидательно, оружие и орудие внутри здания, вокруг никого. Первый и четвертый казачьи полки выжидают... Приближаются правительственные (контрреволюционные.— *Д. Г.*) войска, 14-й казачий полк распылен и пассивен, в разговорах лукавит. Наши силы состоят из 230 юнкеров Николаевского инженерного училища (отряды этих юнкеров заняли телефонную станцию и Михайловский манеж), 6 броневых машин, обслуживаемых офицерством, и 50 ударников-добровольцев, вооруженных также гранатами. Увечные воины заперты вместе с владимирцами... На Литейном большое движение грузовиков в сторону Выборгской. Большое движение частей красногвардейцев в разных частях города. Редкий огонь, разъезжают большевистские броневики. Общее число красногвардейцев достигает 10 000 плохо стреляющих, но стойких людей. Положение наше затруднительное, требующее немедленных и решительных шагов со стороны правительственных войск, необходима быстрая помощь. Павловский полк наступает на зàмок...» [1]

К полудню 29 октября 1917 г. юнкера, участвовавшие в восстании внутри города, сдались народным революционным войскам, а 30 октября рабочие, солдатские и матросские отряды под Пулковом нанесли поражение войскам Краснова. Обманутые Керенским — Красновым, казаки отказались вести наступление против народа и вступили в мирные переговоры с революционными войсками. Они обязались даже выдать Керенского для суда над ним. В ночь на 31 октября 1917 г. авантюристический поход на Петроград был окончательно ликвидирован. Командир 3-го конного корпуса генерал-майор П. Н. Краснов вынужден был вступить в переговоры о прекращении военных действий.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 361, л. 6—7.

Балтийский матрос П. Е. Дыбенко принял его капитуляцию. Керенский, переодевшись матросом, бежал из Гатчины.

Сразу же после разгрома юнкерского восстания «Комитет спасения родины и революции» заявил в эсеровской печати о своей непричастности к событиям. Объявлялось, что приказ за подписью Н. Д. Авксентьева, А. Р. Гоца и других не был санкционирован «Комитетом». Открещивались от приказа и подписавшие его[1]. А бывший городской голова и член руководства «Комитета спасения» Г. И. Шрейдер заявил: «Что касается военно-боевой деятельности Комитета, то мне решительно ничего не известно. Против выступления Полковникова я протестовал пост-фактум самым решительным образом»[2].

Тем временем руководители юнкерского восстания и похода на Петроград — Керенский, Гоц, Чернов, Савинков, монархисты Полковников, Хартулари[3] и другие — бежали. Отвечали перед народом лишь капитулировавший казачий генерал, юнкера и их командиры. Монархист Краснов, помогавший «социалистам», объяснял, что поход на Петроград он начал, поддавшись «уговорам» Керенского, правоэсеровских лидеров, Б. Савинкова и прочих деятелей Временного правительства, и перекладывал на них всю вину. «Я хотел оттянуть,— говорил он,— хотя бы до вторника 31-го, но под убеждением дать немедленную помощь Петрограду я решил 30-го дать усиленную рекогносцировку с боем для определения главным образом свойств противника. Рекогносцировка эта показала мне, что сопротивляться с моими силами я не могу, и заставила отойти к Гатчине, чтобы ожидать подкрепления... Когда по отходе в Гатчину за все 31 октября к нам не подали ни одного солдата на помощь, среди казаков 9-го полка и батареи началось брожение, и по переговоре с ними я выяснил, что без достаточного подкрепления пехотой, не менее дивизии, нам нечего и думать о движении вперед. Когда 9-й полк отказался разбирать патроны, а артиллерия — становиться на позиции, мне стало ясно, что я остаюсь в полном одиночестве и мне остается или отходить назад, или воспользоваться предложением заключить перемирие»[4].

Юнкера и их командиры заявляли, что были «обмануты». Б. Муффель, руководивший выступлением юнкеров Николаев-

---

[1] См. «Дело народа», 31 октября 1917 г.

[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 352, л. 2—3.

[3] Г. П. Полковников впоследствии принимал участие в контрреволюции на Дону и был убит в Задонских степях в марте 1918 г. Хартулари также бежал на Дон и служил в деникинской контрразведке.

[4] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 358, л. 129—132.

ского училища, сказал, что Г. П. Полковников, явившись в училище в ночь на 29 октября, отдавал приказания от имени якобы существовавшего еще Временного правительства и «Комитета спасения» [1].

Спустя несколько лет на судебном процессе правых эсеров выяснились подробности юнкерского восстания. Непосредственные его участники — бывшие члены военной комиссии при ЦК партии правых эсеров штабс-капитан М. Броун-Ракитин и подполковник А. Краковецкий — рассказали, что юнкерское восстание было задумано и организовано правыми эсерами. Уже на другой день после Октябрьского вооруженного восстания военная комиссия (по инициативе уже упоминавшегося А. Брудерера) предложила ЦК партии правых эсеров произвести контрпереворот с участием юнкеров военных училищ. Член ЦК партии А. Гоц поддержал этот план и взял на себя политическое руководство выступлением, которое формально проходило под флагом «непартийной» организации — «Комитета спасения родины и революции» [2]. В 1922 г. и А. Гоц не отрицал того, что несет «моральную и политическую ответственность» за это выступление (правда, он пытался затушевать его контрреволюционные цели). «Целый ряд фактов мы определенно признаем...— говорил он на суде.— Партия эсеров занимала оборонительные позиции (в октябрьские дни.— *Д. Г.*)... Мы считали нужным с оружием в руках отстаивать и бороться за те завоевания революции, которым в то время грозила непосредственная опасность. Отсюда вытекало так называемое 29 октября, когда мы с оружием в руках вынуждены были бороться против тех большевистских частей, на которые опирался в то время Военно-революционный

---

[1] См. «Красный архив», 1928, т. 1, стр. 184—185; «Русские ведомости», 30 декабря 1917 г.

[2] На суде, между прочим, М. Броун-Ракитин показал: «Ранним утром, когда первые шаги наши оказались удачными, мною был составлен приказ ко всему населению Петрограда (речь идет о воззвании, опубликованном 29 октября от имени «Комитета спасения родины и революции».— *Д. Г.*)... Ввиду отсутствия в данный момент Гоца и Авксентьева их подписи получить не удалось, и приказ пошел в печать в копии с печатными подписями на машинке Гоца и Авксентьева» («Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами». М., 1922, стр. 9—10). Вот, оказывается, что дало «право» Гоцу и Авксентьеву в 1917 г. отрицать свое участие в руководстве юнкерским восстанием!

комитет»[1]. Гоц, как один из руководящих членов «Комитета спасения», прикрываясь именем этой организации, назначил реакционера Полковникова командующим военными силами восстания; он же поддерживал связь с генералом Красновым, наступавшим на Петроград.

На суде по делу правых эсеров один из обвиняемых, член ЦК партии народных социалистов В. И. Игнатьев, состоявший в «Комитете спасения родины и революции», рассказал, что после провала юнкерского восстания на заседании «Комитета спасения» обсуждался вопрос о том, кто явился зачинщиком восстания, проводившегося от имени «Комитета спасения». «И оказалось,— говорил Игнатьев,— что никто ничего не знает, кто и почему вызвал восстание и при чем тут «Комитет спасения родины и революции»». В то же время свидетель Краковецкий показал: «Военная комиссия стояла на той точке зрения, что возглавить восстание должны мы, эсеры, но Центральный комитет (правых эсеров.— *Д. Г.*) решил, что ему неудобно возглавить восстание, пусть поэтому оно идет от имени «Комитета спасения родины и революции»».

«Таким образом,— резюмировал в обвинительной речи Н. В. Крыленко,— с одной стороны, Комитет говорит: знать не знаем, ведать не ведаем; с другой стороны, партия с.-р. говорит: это не мы, не партия, т. е. мы и в то же время не мы, а Комитет,— мы тут, мол, тоже сторона. Вот еще одна черта, которую мы встретим и впоследствии,— спрятаться в случае нужды за чужую спину, прикрываться чужой организацией, действовать от имени чужой организации, чтобы потом, когда потянут к ответу, сказать: мы тут ни при чем»[2].

Верховный революционный трибунал в приговоре по делу правых эсеров дал такую оценку этому контрреволюционному восстанию: «...Первое восстание против Советской власти, в коем участвовали: генерал Краснов, казаки, юнкера Николаевского училища, броневики, обслуживаемые офицерами, и др. буржуазно-контрреволюционные и черносотенные силы, руководилось партией «социалистов-революционеров». Прикрываясь лже-социалистическими знаменами этой мелкобуржуазной партии, на приступ Советской власти шли крупная буржуазия и самые черносотенные общественные группы. Объединенная реакция могла выдвинуть вперед в борьбе против Советской власти только такую партию, которая, хотя бы по имени, была социа-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 358, л. 1. Стенограмма 11-го дня судебного процесса по делу правых эсеров.

[2] *Н. В. Крыленко.* Судебные речи. Избранное. М., 1964, стр. 107.

листической и которая своим революционным прошлым была бы способна увлечь за собой хотя бы некоторую часть трудящихся» [1]. Однако, как показал ход событий, тщетны были надежды контрреволюционеров на расширение социально-политической базы восстания. Они остались в полной изоляции. Первый контрреволюционный мятеж против власти Советов был разгромлен.

Следующая попытка антисоветского выступления в Петрограде была предпринята в связи с открытием Учредительного собрания, на которое контрреволюционеры возлагали все свои надежды. Антисоветский «Комитет спасения родины и революции» был ими распущен, и вместо него 23 ноября 1917 г. создан «Союз защиты Учредительного собрания» под председательством видного деятеля партии правых эсеров В. Н. Филипповского.

Согласно постановлению Советского правительства, изданному в первые дни Октября, Учредительное собрание намечено было открыть 28 ноября. Однако к этому дню в Петроград прибыло недостаточное число делегатов, что не позволило открыть его. Но подпольная группа бывших министров Временного правительства (С. Н. Прокопович, П. Н. Малянтович и др.), давно уже потерявших власть и влияние в народе, «постановила» открыть 28 ноября Учредительное собрание и вместе с «Союзом защиты Учредительного собрания» призвала население к демонстрации в его «защиту». Кучка эсеров — членов Учредительного собрания, около 40 человек,— собралась в Таврическом дворце на «частное совещание». Одновременно у дворца собралась «демонстрация» бастующих чиновников, учащихся и обывателей, вскоре разогнанная рабочими.

Учитывая, что в некоторых слоях народа еще не были изжиты конституционные иллюзии, Советское правительство перенесло открытие Учредительного собрания на 5 января 1918 г. Теперь уже антисоветские элементы стали тщательно готовиться к выступлению. «Союз защиты Учредительного собрания» и военная комиссия при ЦК партии правых эсеров распространили огромное количество листовок с призывом к рабочим в день открытия Учредительного собрания прекратить работу на фабриках и заводах, выйти на улицы и демонстрировать под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». Одновременно втайне шла подготовка боевых дружин и воинских частей для вооруженного восстания.

---

[1] «Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии эсеров». М., 1922, стр. 6—7.

Непосредственный участник событий, член ЦК партии правых эсеров М. А. Лихач, впоследствии рассказывал, что на совещаниях военного отдела «Союза защиты Учредительного собрания» и военной комиссии при ЦК партии правых эсеров был разработан такой план «мирной демонстрации»: «Каждая часть идет манифестировать в честь Учредительного собрания как воинская сила... Был разработан маршрут. Такая-то рабочая демонстрация... должна была подойти к броневому дивизиону... захватить его по дороге... Вместе с броневым дивизионом пойти в Семеновский полк как самый надежный полк, затем вместе с Семеновским полком подойти к Измайловскому полку... к ротам Преображенского полка... Таким образом, вся рабочая демонстрация и вся военная демонстрация, сохраняя военный порядок, должны отправиться к зданию Учредительного собрания. Представитель от демонстрации должен был потребовать от стражи, охранявшей Учредительное собрание, пропуск внутрь, чтобы он мог приветствовать (депутатов Учредительного собрания.— *Д. Г.*) и предоставить воинские силы в распоряжение Учредительного собрания» [1]. Другой член ЦК партии правых эсеров, Е. М. Тимофеев, еще более откровенно говорил, что воинские части, распропагандированные эсерами, должны были в случае необходимости «идти штурмом на Смольный».

К выступлению готовились и некоторые офицерские группы. Одна из таких групп, созданная по инициативе известного монархиста В. В. Шульгина, рассчитывала использовать созыв Учредительного собрания, чтобы «стравить» эсеров и большевиков, а затем устранить и тех и других и добиться главного — свержения Советского правительства [2].

Советские органы приняли необходимые меры обороны. 4 января Народный комиссариат по военным делам образовал Чрезвычайный военный штаб «для защиты власти Советов от всех покушений контрреволюционных сил» в составе Н. И. Подвойского, К. С. Еремеева, К. А. Мехоношина и И. Юренева. Ответственным за порядок в районе Смольного был назначен В. Д. Бонч-Бруевич, в Таврическом дворце — М. В. Пригоровский, в районе Петропавловской крепости — Г. И. Благонравов. Считаясь с возможностью серьезных столкновений, приказ Чрезвычайного штаба предписывал красногвардейцам охраны района Смольного: «Безоружных возвращать обратно, вооруженных людей, проявляющих враждебные намерения, не допускать

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 353, л. 150—151.

[2] См. *Н. Рубинштейн.* Вокруг Учредительного собрания.— «Пролетарская революция», 1929, № 6, стр. 115.

близко, убеждать разойтись... В случае неисполнения приказа обезоружить и арестовать. На вооруженное сопротивление ответить беспощадным вооруженным отпором. В случае появления демонстрации каких-либо рабочих, убеждать их до последней возможности, как заблуждающихся товарищей, идущих против своих товарищей и народной власти» [1].

Тем временем все усилия контрреволюционных элементов поднять рабочих и солдат на демонстрацию и превратить ее в антисоветское восстание оказались тщетными. Рабочие заводов не поддержали мятежников. Полковой комитет Семеновского полка отказался отдать приказ об участии в демонстрации. Активный организатор готовившегося выступления, член военной комиссии при ЦК партии правых эсеров Г. И. Семенов впоследствии рассказывал, что руководство его партии, учитывая отрицательное отношение масс к выступлению, в критический момент, в ночь с 4 на 5 января, «испугалось» поднятого им движения и заколебалось. «Гоц мне (в ту ночь) сказал,— показал Семенов,— что... еще нет точного учета реальных сил и что брать на себя ответственность (за вооруженное выступление.— *Д. Г.*) нельзя, нужно подождать... Когда Семеновский полк и броневики выступят, тогда начните это движение» [2].

Но ни броневой дивизион, ни Семеновский, ни Преображенский, ни Измайловский полки на демонстрацию не вышли. На улицах города собрались беспорядочные кучки студентов, гимназистов, чиновников разных ведомств, черносотенцев и партийные дружины правых эсеров, народных социалистов, меньшевиков, кадетской партии. Когда демонстранты попытались в нескольких местах прорвать караулы, красногвардейцы дали им надлежащий отпор. Как правильно отметил Верховный революционный трибунал в приговоре по делу членов ЦК партии правых эсеров, эта партия, «прикрывшись лицемерным лозунгом «мирной демонстрации», пыталась 5 января 1918 г. организовать вооруженное выступление, но в критический момент ЦК партии эсеров «забил отбой, бросив спровоцированные им немногочисленные элементы населения на произвол судьбы» [3]. Демонстрация сорвалась.

А Учредительное собрание, отказавшееся одобрить изданные рабоче-крестьянской властью декреты, в том числе декреты о

---

[1] *Н. Рубинштейн.* К истории Учредительного собрания в России.— «Историк-марксист», 1928, т. 10, стр. 66.

[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 353, л. 167.

[3] «Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии эсеров», стр. 7—8.

земле и мире, разоблачило себя как антинародное учреждение и 6 января было распущено.

Первые вооруженные выступления против Советской власти показали, что внутренняя контрреволюция нуждается в активной поддержке внешних империалистических сил, враждебно настроенных к государству пролетарской диктатуры. Молодой республике Советов, таким образом, с первых дней существования пришлось столкнуться и с враждебной силой международного империализма.

Буржуазные правительства государств англо-французской коалиции и США (бывших союзников России) отклонили предложение Советского правительства о немедленном заключении всеобщего демократического мира. Они повели борьбу против Советов. Другая сторона (Германия и ее союзники), хотя и выразила согласие на мирные переговоры, рассчитывала использовать их в своих целях. Как империалисты англо-французской коалиции и США, так и германский империализм в равной степени были заинтересованы в ликвидации опасного очага, ставшего для международного пролетариата примером борьбы за социализм. Создалась сложная обстановка, чреватая опасностью открытого вмешательства империалистических хищников обоих лагерей во внутренние дела России.

Сразу же после Октябрьского вооруженного восстания разведчики и дипломаты держав Антанты выступили на стороне русской контрреволюции. Конкретное представление об этой их «деятельности» дает дело поручика 9-го драгунского Казанского полка Н. А. Штырова.

В одном из аристократических домов Петрограда Штыров встретился с вербовщиком, который свел его с членами французской военной миссии Лораном и Вокье и рекомендовал для разведывательной работы. Впоследствии Штыров так рассказывал о заданиях, полученных от французов: «В это время (28 октября 1917 г.— *Д. Г.*) Керенский находился в Царском Селе. Мне были предложены следующие задачи: I. 1) где Керенский, кто с ним из членов правительства; 2) состав его штаба; 3) кто командует отрядом; 4) состав отряда; 5) настроение среди высших и низших чинов отряда; 6) настроение в Петроградском гарнизоне. Эта задача была частью мною лично выполнена... Дня через два мне предложено было: II. 1) где находятся комиссары Ленин (и другие.— *Д. Г.*); 2) что делается в Смольном; 3) возможно ли достать какие-либо документы из кабинета Ленина (и другие.— *Д. Г.*)... Затем III. 1) отправиться в Москву и в кратчайший срок вернуться; 2) передать в Мо-

скве по адресу: Арбат, 22, госпоже Клячкиной устно: «Вся семья здорова, шлет привет, все чувствуют себя хорошо»; 3) постараться войти в сношения с правительственной партией, ее настроение и состояние; 4) положение большевиков, их настроение; 5) кто руководит правительственными войсками, состав штаба; 6) кто из членов правительства в Москве... Получил на выполнение задачи 300 рублей. Вслед за этим капитан Лоран экстренно вызвал меня и сообщил: только что перехватили телеграмму из Швеции Фюрстенберга-Ганецкого, где он сообщает на имя Ленина, что он выезжает в Россию, и затем узнается, что из Петрограда в Торнео заказан экстренный поезд, очевидно для Ганецкого, и что он на следующий день в 8 часов утра выезжает из Торнео, в 2 часа будет в Белоострове. Мне поручается: I. 1) какими угодно средствами похитить чемодан Фюрстенберга-Ганецкого; 2) отправить похищенное в миссию; 3) отправиться в Воронеж или Новочеркасск, войти в связь с Калединым, узнать подробно положение и состояние его войск. На выполнение задачи получено всего 500 рублей для пункта 1 и 2, а 400 — для 3. Так за все время я получил 1200 рублей... И последняя задача: V. 1) проникнуть в Петропавловскую крепость и постараться передать Бурцеву [1] для подписи чек на 30 тыс. рублей на имя его секретаря (Лебединской); 2) узнать, живет ли на Мойке, 22, фон Люциус и кто там бывает... Кроме вышеизложенного мне было поручено зарегистрировать в Петрограде все большие винные склады и склады, имеющие военное значение, чтобы при надобности можно было их уничтожить» [2].

К выполнению полученных шпионских заданий Штыров привлек своих друзей. Но вскоре его стала тяготить роль шпиона, агента иностранной разведки, с которым «хозяева» могут поступать как им заблагорассудится. После ареста он дал подробные показания о своих отношениях с французской разведкой.

Во время похода генерала Краснова на Петроград «союзники» поддерживали связь с организаторами этого похода. Как показал следственной комиссии Военно-революционного комитета Краснов, к нему в отряд приезжал член французской воен-

---

[1] В. Л. Бурцев — в прошлом редактор журнала «Былое», во время войны — крайний шовинист. Резко выступил против социалистической революции и Советов. Впоследствии белоэмигрант, активный враг Советской страны.

[2] ЦГАОР, ф. 336, д. 353, л. 8—11.

ной миссии Ниссель, который вел переговоры с Керенским, обещая помощь «союзников» в деле удушения революции [1].

14 ноября 1917 г. представитель армии США при штабе верховного главнокомандующего подполковник М. Керт и начальник французской военной миссии генерал Лавернь обратились к верховному главнокомандующему русской армии генералу Духонину с письмами, в которых призывали его не вступать в переговоры о перемирии с немцами. Лавернь писал: «Ваше превосходительство. Председатель совета министров и военный министр уполномочили меня заявить вам нижеследующее: Франция не признает власти народных комиссаров. Доверяя патриотизму русского верховного командования, она рассчитывает на его твердые намерения отклонить всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу» [2]. В таком же духе было выдержано и письмо М. Керта. Эти обращения были сделаны в тот момент, когда Советское правительство предложило Духонину начать переговоры о перемирии. Народный комиссариат по иностранным делам заявил решительный протест против вмешательства «союзных» военных агентов во внутренние дела России. «Военные представители союзных стран,— говорилось в заявлении,— позволяют себе призывать генерала Духонина вести политику, прямо противоположную той, какую ведет Совет Народных Комиссаров...

Такое положение не может быть терпимо. Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания Советской власти. Но в то же время Советская власть, ответственная за судьбы страны, не может допустить, чтобы союзные дипломатические и военные агенты, во имя тех или других целей, вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны.

Дальнейшие шаги на этом пути неминуемо вызовут самые тяжкие осложнения, ответственность за которые Совет Народных Комиссаров заранее снимает с себя» [3]. В заявлении Наркоминдела особенно подчеркивалось лицемерие дипломатических представителей Соединенных Штатов Америки. В то время как подполковник М. Керт обращался к генералу Духонину с призывом не подчиняться Советскому правительству, начальник военной миссии США бригадный генерал У. В. Джонсон офи-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 358, л. 131.

[2] «Наша речь» (Петроград), 17 (30) ноября 1917 г.

[3] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 33.

циально заверяет, будто «американцы питают величайшую симпатию ко всему русскому народу и в той сложной обстановке, в которой русский народ сейчас находится, не желают вмешиваться ничем, кроме помощи, в разрешении каких-либо русских проблем» [1].

«Союзным» дипломатам не удалось сорвать переговоры Советского правительства с Германией.

Условия борьбы с Советской властью, как уже указывалось, диктовали объединение обеих антисоветских сил — иностранной и внутренней. Шаги к этому объединению были продолжены в момент, когда внутренняя контрреволюция попыталась использовать реакционную часть казачества для организации на Дону нового всероссийского центра борьбы с Советами, одновременно подняв казацкий мятеж и на Урале.

Еще до революции В. И. Ленин отмечал, что реакционность казаков объясняется их привилегированным экономическим положением. Это были в большинстве своем земледельцы, обеспеченные землей вдесятеро больше всей остальной массы крестьянства России. Среди казаков в известной мере сохранялись монархистские традиции, средневековые черты жизни, хозяйства и быта; зажиточные казаки, их войсковая верхушка цепко держались за «дарованные» им царизмом привилегии и «права». В казачьих областях, писал В. И. Ленин, «можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи» [2]. Вместе с тем Ленин указывал, что и среди казаков имеются трудовые слои, склонные к миру, демократии и революции. Оценивая силы контрреволюции накануне Великой Октябрьской социалистической революции, Ленин отмечал, что «целый ряд фактов показал, что *даже* казацкие войска не пойдут против правительства мира!» [3]. 8 октября 1917 г. в «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», Ленин писал: «В борьбе Корнилов и Керенский могут опираться только на дикую дивизию да на казаков. А теперь разложение началось и у казаков, а кроме того, им изнутри их казачьих областей грозят гражданской войной крестьяне» (имелись в виду враждебные отношения между каза-

---

[1] «Наша речь», 17 ноября 1917 г.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 219. Вандея — один из департаментов Франции, где во время Французской буржуазной революции, в марте 1793 г., началось контрреволюционное восстание, в котором участвовало отсталое крестьянское население, руководимое дворянами и духовенством. Вандея стала синонимом реакционных мятежей и очагов контрреволюции.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 283.

ками и «коренными» крестьянами, проживавшими в казачьих областях, и так называемыми «иногородними».— *Д. Г.*) [1].

После Октября буржуазия, помещики, кадеты действительно сразу же попытались превратить казаков в оплот буржуазно-помещичьей контрреволюции. С этой целью они использовали созданный еще в июне 1917 г. «Совет союза казачьих войск», находившийся в Петрограде и ставший во главе казачьей контрреволюции, «войсковые круги» и «войсковые правительства» в казачьих областях. На первых порах контрреволюции удалось привлечь на свою сторону и часть рядовых казаков, участвовавших вместе с юнкерами в защите Зимнего дворца во время Октябрьского штурма, в походе Краснова — Керенского на революционный Петроград и т. д.

Наиболее опасные контрреволюционные движения возникли в казачьих областях.

Уже 25 октября 1917 г., как только было получено сообщение о пролетарской революции в Петрограде, войсковой круг и правительство Дона во главе с атаманом войска Донского генералом А. М. Калединым и его помощником М. П. Богаевским в Новочеркасске объявили о непризнании центрального Советского правительства, захватили власть и ввели военное положение в области. На Дон стали стекаться силы контрреволюции со всех концов страны. В ноябре 1917 г. сюда прибыли бежавшие из Быхова главари корниловского заговора — генералы Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин и др. Корнилов, поддержанный Калединым, призвал всех офицеров бывшей царской армии собираться на Дону, а в случае, если туда невозможно пробраться, объединяться на местах в антисоветские отряды. Здесь, на Дону, плели заговоры и поднимали против рабоче-крестьянской власти реакционную часть казачества и офицерства бывший при царе начальником штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев и другие генералы, лишенные революцией их высоких постов. Сюда поспешили и политические вожди всероссийской контрреволюции — лидер монархистов-октябристов, бывший председатель Государственной думы М. В. Родзянко, кадетский лидер профессор П. Н. Милюков, А. И. Гучков. С ноября 1917 г. здесь формировались контрреволюционная Добровольческая армия, во главе которой стали Алексеев и Корнилов, и казачья армия под командованием Каледина. Таким образом, на Дону образовался опаснейший очаг контрреволюции. Состав калединцев, руководящее участие в

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 388.

мятеже монархистов и кадетов не оставляли сомнения в том, что калединский мятеж преследовал цель реставрировать буржуазно-помещичий строй в стране.

Однако открыто выступать под флагом монархистской реставрации Каледин и его сподвижники не посмели. Они вынуждены были прикрываться «демократическим» знаменем.

Наглядное представление о подлинных замыслах казачьих верхов дает сохранившаяся телеграфная лента записи по прямому проводу переговоров между деятелями калединского движения в первые дни мятежа. Представитель Каледина — подъесаул Иванов, являвшийся товарищем председателя общефронтового казачьего съезда, собравшегося в те дни в Киеве,— сообщал «Совету Союза казачьих войск» в Петрограде: «Сейчас я вел переговоры с помощником атамана войска Донского Богаевским. Вот что он мне передал: войсковое правительство всю власть взяло в свои руки. Атаман Каледин орудует вовсю для подавления большевистского восстания. Тихий Дон таковым и остался; на Дону все благополучно, порядок полный, власть Каледина распространяется включительно до Царицынского округа. Ростов, откуда со мной говорил Богаевский, подчиняется воле Дона, идя с ним в полном контакте. Передайте сию же минуту, как только отойдете от меня: войсковое правительство требует от Керенского, чтобы он немедленно прибыл в Новочеркасск для организации государственной власти на Дону. Дон предлагает все услуги для сконструирования этой власти...»

Член «Совета Союза казачьих войск», который вел переговоры по прямому проводу с Киевом (фамилия его была вырвана из ленты в целях конспирации), выслушав эту информацию, ответил: «...При капитуляции Зимнего дворца среди арестованного правительства Керенского не оказалось. Он выбыл в критический момент в неизвестном направлении. Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходимцем, в тылу он потерял всякое влияние. Взять его, конечно, к себе надо как *наживу на удочку для известного сорта рыбы*. Правительство должно быть организовано в Новочеркасске в контакте с московскими общественными деятелями (речь идет о полумонархистском «Совете общественных деятелей».— *Д. Г.*). Это объективная логика событий и обстановки. Продолжайте пока быть верным Временному правительству» [1].

Итак, казачьи лидеры рассматривали «социалиста» Керенского как «наживу на удочку», которой можно было вовлечь в

---

[1] ЦГАОР, ф 336, оп. 1, д. 23, л. 94—95. Подчеркнуто мною.— *Д. Г.*

контрреволюционное движение некоторую часть обманутых мелкобуржуазных слоев населения. Калединцы поддерживали его «пока», чтобы в подходящий момент прогнать и передать власть монархистским кругам [1].

Наряду с такой «игрой» казачьи верхи, используя заинтересованность зажиточных казаков в сохранении их экономических привилегий, вели в станицах пропаганду некой исключительности казачьего сословия. Они утверждали, будто казаки представляют собой особую народность, и требовали применения к ним принципа самоопределения наций. Каледин заявлял, что «установление порядка на Дону есть дело донских казаков». А в своей программной речи после мятежа объявил: «Что касается отношения Дона ко всей России, мы признаем необходимым связь с ней при самой широкой автономии или даже еще больше — самостоятельности Дона». Повторяя Каледина, «Совет Союза казачьих войск» в начале мятежа опубликовал резолюцию, в которой говорилось: «Казачество... руководствуясь демократическими началами самоопределения народностей... не потерпит на своей территории (то есть в казачьих областях.— *Д. Г.*) иной власти, кроме народной, образуемой свободным соглашением местных народностей без всякого внешнего и постороннего давления» (читай: без руководства центрального Советского правительства.— *Д. Г.*) [2].

Каледин был одним из инициаторов создания так называемого «Юго-Восточного союза», в который вошли контрреволюционные верхи донского, кубанского, терского и астраханского

---

[1] По имеющимся данным, А. Ф. Керенский приезжал к Каледину. Один из деятелей калединского мятежа, генерал Д. П. Потоцкий, впоследствии показал при допросе в ВЧК: «Слышал, как приехал к Каледину в Новочеркасск Керенский. Я был в это время у войскового атамана с докладом о положении дела в Ростове. Когда доложил Богаевский, что приехал А. Ф. Керенский, то войсковой атаман приказал его выгнать, не допуская до себя» (ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 367, л. 7).

[2] Цит. по работе И. И. Ульянова «Казаки и Советская республика» (М., 1929), стр. 43. Автономистские настроения встретили отпор трудового казачества. В марте 1920 г. на Всероссийском съезде трудового казачества была принята такая резолюция: «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа. Поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, теперь спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи. Всякие попытки оторвать казаков от общего дела и общей жизни со всем русским трудовым народом трудовое казачество клеймит как явно враждебное своим интересам и интересам революции и будет беспощадно с ними бороться» (*Иван Ульянов.* Первые страницы новой истории казачества. Самара, 1920, стр. 15).

казачества, горцев Северного Кавказа, Дагестана, калмыков Астраханской и Ставропольской губерний. Это объединение, возникшее накануне Октября, ставило своей официальной целью добиться признания прав входящих в него областей и народностей на образование «отдельных штатов» в будущем государстве Российском. Фактически же это был реакционный союз для борьбы с надвигавшейся пролетарской революцией, в защиту прав и привилегий казачьих верхов, феодальных элементов и духовенства горских народов. После Октября Каледин безуспешно пытался опереться на помощь этого «Союза» и повести вместе с ним наступление на революционные центры России — Москву и Петроград.

Рабоче-крестьянское Советское правительство квалифицировало калединский мятеж, а также мятеж оренбургских казаков под руководством атамана А. И. Дутова как антинародные движения, возглавляемые контрреволюционной буржуазией и кадетской партией. В обращении «Ко всему населению» от 25 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров отмечал: «Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей. Каледин ввел на Дону военное положение, препятствует доставке хлеба на фронт и собирает силы, угрожая Екатеринославу, Харькову и Москве. К нему на помощь прибыл бежавший из заключения Корнилов, тот самый, который в июле ввел смертную казнь и шел походом на революционный Петроград... Буржуазия предоставляет десятки миллионов контрреволюционным генералам на дело мятежа против народа и его власти... Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются... прийти на помощь своим генералам — Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ» [1].

Активное участие в организации и финансировании калединского мятежа приняли империалисты стран Антанты и агенты Соединенных Штатов Америки. Один из таких заговоров в поддержку мятежного генерала Каледина был раскрыт уже в начале декабря 1917 г.

В опубликованном 9 декабря сообщении Советского правительства указывалось: «Отдельные союзные офицеры, члены союзных военных миссий и посольств позволяют себе самым активным образом вмешиваться во внутренние дела России,

---

[1] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 154, 155.

разумеется, не на стороне народа, а на стороне контрреволюционных калединско-кадетских сил. Мы предостерегали этих господ не раз. Но настал, по-видимому, час последнего предостережения. Виднейшие представители Соединенных Штатов оказываются замешанными в калединском заговоре: они принимали все меры, чтобы оказать ему содействие». Далее сообщалось, что американские офицеры в Яссах — Андерсен и Пэркинс — с помощью русских офицеров Колпашникова и Верблюнского предприняли попытку под видом поезда Красного Креста, предназначавшегося для Юго-Западного фронта, отправить 80 автомобилей на Дон, Каледину. Заговор был раскрыт, полковник А. Колпашников и другие участники его арестованы, в руки советских властей попали документы, уличающие заговорщиков. Телеграммой начальника американской миссии Красного Креста в Яссах Андерсена полковнику Колпашникову поручалось получить у посла Соединенных Штатов Фрэнсиса 100 тыс. рублей на отправку поезда... в Ростов. У Колпашникова изъяли подписанное Фрэнсисом удостоверение, в котором было сказано, что поезд идет из «Петрограда в Яссы». «Сейчас этот таинственный поезд никуда не пойдет,— говорилось в сообщении.— Он задержан в Петрограде Советской властью». Сообщение заканчивалось таким обращением к послу Соединенных Штатов Америки: «Заговор раскрыт. Заговор американских (и не только американских) империалистов с калединцами. Нити этого заговора ведут, как видно, очень высоко. Слово за Фрэнсисом! Слово за теми, кто его сюда послал!» [1]

Вынужденный отвечать, посол Соединенных Штатов Америки Давид Р. Фрэнсис выступил с опровержением, в котором, вопреки фактам, утверждал: «Обвинение или инсинуация в том, что я оказывал содействие Каледину или какой-либо другой из многочисленных русских партий, лишено всякого основания, и это мое утверждение должно было бы быть достаточным, чтобы убедить всех в правдивости и конкретности этого утверждения» [2]. Фрэнсис не мог опровергнуть факта попытки с помощью посольства США отправить белогвардейцам автомобили, но заявил, будто бы он помогал лишь переотправить их в Румынию и был заинтересован в том, чтобы машины не попали в руки немцев. Даже некоторые американцы, например начальник американской миссии Красного Креста в России полковник Рэймонд Робинс и его помощник Вордвел, признавали, что явный

---

[1] «Известия ВЦИК», 5 декабря 1917 г.
[2] Там же, 12 декабря 1917 г.

корниловец А. Колпашников намеревался сопровождать автомобили к генералу Каледину.

Между тем Каледин лихорадочно искал пути привлечения к своему движению не только казаков, но и более широких масс населения. При этом он немало надеялся на помощь соглашательских элементов мелкобуржуазных партий.

В первые дни Октября в центре Донской области — Ростове — городской Совет рабочих и солдатских депутатов по инициативе большевиков (имевших в исполкоме Совета 16 из 30 мест) создал Военно-революционный комитет для поддержания пролетарской революции, борьбы с контрреволюцией, «предупреждения возможной калединщины в Донской области». Меньшевики и эсеры не вошли в ВРК и в противовес ему образовали при городской думе «Комитет спасения родины и революции».

Вскоре представителям мелкобуржуазных партий удалось вовлечь деятелей Ростовского ВРК в переговоры о соглашении, в результате чего большевистский ВРК был заменен вновь созданным коалиционным органом — Военно-революционным комитетом объединенной демократии, в котором эсеры и меньшевики оказались в большинстве. Теперь уже соглашатели, несмотря на протесты большевиков, потребовавших отмены военного положения, введенного Калединым в Донской области, и отказа Каледина от претензий на верховную власть, вступили в переговоры со ставленником Каледина — генералом Д. Н. Потоцким, командовавшим войсками в городе.

Под прикрытием начатых переговоров о «соглашении с демократией» генерал Потоцкий неожиданно в ночь на 26 ноября 1917 г. приказал своим войскам разоружить и арестовать Ростовский военно-революционный комитет, Совет и Красную гвардию.

Два отряда казаков и юнкеров выполнили приказ Потоцкого. Калединцы ворвались в здание Совета рабочих и солдатских депутатов, где помещались и ВРК и штаб Красной гвардии. Воспользовавшись внезапностью нападения, казаки и юнкера разгромили помещения рабочих организаций, находившихся в здании, а также помещение большевистского комитета и убили членов ревкома Кунда, Казбирюка и двух красногвардейцев. Зверская расправа калединцев вызвала гнев рабочих, которые на следующий день восстановили прежний большевистский Военно-революционный комитет и начали военные действия против калединцев. Генерал Потоцкий укрылся с двумя сотнями казаков в одном из зданий города, два дня отражал атаки крас-

ногвардейцев и 28 ноября вынужден был сдаться. Власть в городе перешла в руки Военно-революционного комитета.

Но подошедшие вскоре калединские части вместе с подразделениями Добровольческой армии повели наступление и 2 декабря 1917 г. вновь овладели Ростовом. В городе воцарилась откровенная террористическая военная диктатура.

В другом занятом калединцами крупном городе Донской области — Таганроге — рабочие также выступали против власти казаков, юнкеров и офицеров Добровольческой армии. 10 января 1918 г. здесь произошли грандиозные похороны убитого юнкерами рабочего (в похоронах участвовало около 35 тыс. человек). 15 января таганрогские железнодорожники объявили забастовку, а 17 января в городе вспыхнуло восстание рабочих против Каледина.

Донское войсковое правительство, рассчитывая на соглашательские элементы, послало в Таганрог «мирную» делегацию во главе с войсковым старшиной Слоновым, которая должна была «помирить» рабочих с юнкерами. 17 января таганрогские меньшевики и эсеры, входившие в президиум Совета, начали переговоры с делегацией калединцев. На совещании представителей городской управы, президиума Совета рабочих депутатов и других организаций, руководимых соглашателями, совместно с делегацией войскового правительства была выработана компромиссная резолюция о прекращении военных действий между юнкерами и красногвардейцами. Но рабочие города отвергли это «соглашение», отдававшее их во власть контрреволюции. 19 января 1918 г. калединцы были разгромлены подошедшими советскими войсками и красногвардейцами города.

29 декабря 1917 г. донское войсковое правительство созвало в Новочеркасске съезд крестьянского, неказачьего, населения Донской области. Каледин, выступая на съезде, призывал коренных крестьян и «иногородних» примкнуть к поднятому им антисоветскому движению. «...Не дадим,— восклицал он,— захлестнуть себя в большевистской волне» [1]. Он обещал «демократические свободы». Но эти призывы не помогли. Крестьяне хорошо знали волчьи повадки казачьих правителей и не пожелали поддержать контрреволюцию. Делегаты «иногородних» бросали в лицо Богаевскому и Каледину реплики: «Палачи!», «Долой контрреволюцию!», требовали освободить из тюрем заключенных большевиков и отменить военное положение. Только не-

[1] «Борьба с калединщиной» (По документам белых). Декабрь 1917 и январь 1918 г. Таганрог, 1929, стр. 5.

большие группы кулаков отозвались на призывы контрреволюционеров.

Брожение охватило и широкие массы трудового казачества Дона. Совет Народных Комиссаров в обращении к ним призывал «отменить старые порядки, сбросить с себя покорность крепостникам-офицерам, помещикам, богачам, скинуть со своей шеи проклятое ярмо... Мы призываем вас, казаки,— говорилось в обращении,— присоединиться к этому новому народному порядку и создавать ваши собственные **Советы казацких депутатов**. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть. Не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям... Корниловы, Каледины, Дутовы, Карауловы, Бардижи всей душой стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками. Но вы, трудовые казаки, разве же вы сами не страдаете от бедности, гнета и земельной тесноты? Сколько есть казаков, у которых не больше 4—5 десятин на двор? А рядом с ними казаки-помещики, у которых тысячи десятин своей земли и которые сверх того прибирают к рукам войсковые земли и угодья. По новому советскому закону земли казаков-помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков-тружеников, казачьей бедноты...» Обращаясь к казакам-фронтовикам, Совет Народных Комиссаров указывал, что ненавистная народу изнурительная империалистическая война приносит барыши только капиталистам, помещикам. «А вам, рядовым казакам? Вы гибли без смысла и без цели, подобно вашим братьям солдатам и матросам... Трудовому казачеству война принесла лишь разорение и гибель... Теперь, казаки, решайте сами: хотите ли вы дальше вести пагубную, бессмысленную, преступную бойню?.. **А если хотите скорого и честного мира, тогда становитесь в ряды Советов и поддержите Совет Народных Комиссаров**»[1]. Эти горячие правдивые большевистские призывы доходили до сознания широких масс.

10 января 1918 г. в станице Каменской состоялся съезд фронтового казачества, который образовал Донской военно-революционный комитет. Председателем Комитета был избран унтер-офицер Ф. Г. Подтелков, секретарем — прапорщик М. В. Кривошлыков.

Калединское войсковое правительство пыталось «уговорить» революционных казаков. Оно предложило Военно-революцион-

---

[1] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 156, 157, 158.

пому комитету прислать делегатов в Новочеркасск для «переговоров о мирном разрешении вопроса о власти». 16 января 1918 г. делегация ВРК в составе Подтелкова, Кривошлыкова и Лагутина встретилась в Новочеркасске с вожаками контрреволюции. Донской военно-революционный комитет потребовал ликвидации войскового правительства и передачи всей власти Советам, а войсковое правительство требовало ликвидации Военно-революционного комитета. Естественно, что ни о каком соглашении не могло быть и речи. Как показали события, калединцы под прикрытием «переговоров» начали наступление и стали готовить расправу с делегатами ВРК. Однако с помощью местных большевиков Подтелкову и его товарищам удалось бежать из Новочеркасска.

Стремясь расширить плацдармы для военных действий и наступления в центр России, Каледин посылал отряд за отрядом во все районы области и в шахтерские поселки Донбасса. Контрреволюционное казачество терроризировало рабочих и их организации, разгоняло Советы. Оказывая стойкое сопротивление калединцам, шахтеры Донбасса обратились в Петроград в Совет Народных Комиссаров с просьбой о помощи. Советское правительство приняло решительные меры для подавления этого преступного восстания против народа. Из разных губерний направлялись в Донскую область и на Украину, где в это время развивалось антисоветское движение украинских буржуазных националистов, красногвардейские отряды.

Еще в начале декабря 1917 г. в Харьков для руководства борьбой с калединской контрреволюцией прибыл представитель Совета Народных Комиссаров нарком по военным делам В. А. Антонов-Овсеенко. В Харькове был создан штаб Южного революционного фронта, и в его распоряжение стали поступать вновь прибывавшие красногвардейские формирования. Отдельными отрядами командовали П. В. Егоров, большевик-прапорщик Н. А. Руднев, Ю. В. Саблин, Р. Ф. Сиверс, Г. К. Петров и др. В борьбе против мятежников наряду с присланными из центральных губерний действовали отряды местных красногвардейцев Донбасса, Харькова, казачьи сотни Донского военно-революционного комитета. Представители революционных казаков были направлены в донские станицы для распространения большевистских идей.

Решающие военные действия развернулись во второй половине января, а к концу месяца калединцы потерпели полное поражение. Однако даже в этот критический момент калединцы все еще надеялись вовлечь в антисоветское движение население

области и избежать гибели. В опубликованной декларации войсковое правительство заявило о решении создать областной «законодательный орган» в составе представителей не только казачьего, но и неказачьего населения, обещало охранять свободу слова, печати, собраний, амнистировать всех заключенных по политическим и земельным делам, отменить военное положение в области, установить строгий контроль за офицерской Добровольческой армией. Но трудящиеся массы уже поняли реакционную суть калединского движения и не верили его главарям. Кольцо вокруг мятежников сжималось. Они вынуждены были отойти к Ростову и Новочеркасску. В их рядах началось разложение. Под давлением всех этих событий генерал А. М. Каледин сложил с себя полномочия и 29 января 1918 г. покончил жизнь самоубийством. Казачьи верхи (войсковым атаманом вместо Каледина стал генерал А. Назаров) еще некоторое время пытались оказывать сопротивление революции, но калединщина уже доживала свои последние дни. 24 февраля советские отряды, поддержанные мощным революционным движением в тылу противника, заняли Ростов, а 26 февраля — Новочеркасск. Остатки калединцев бежали за Дон. Мятеж был ликвидирован, на Дону установилась Советская власть.

Реакционные круги казачества являлись главной силой антисоветского движения и в Оренбуржье. Еще в октябре 1917 г., при Временном правительстве, войсковой круг, состоявший из офицеров и казачьих кулацких элементов, образовал оренбургское войсковое правительство и вручил атаманскую булаву полковнику А. И. Дутову — председателю уже упоминавшегося общероссийского «Совета союза казачьих войск». Войсковой круг сразу же выступил в защиту Корнилова и Каледина, замышлявших заговор против революции. Несмотря на то что казачьи верхи не жаловали тогда и Временное правительство, Дутов в Оренбурге выступил на борьбу с Советами в союзе с «демократами» и «социалистами» — сторонниками Временного правительства. Укрывшись за спиной антисоветского «Комитета спасения родины и революции», Дутов полагал, что под такой вывеской он сможет добиться своих личных целей.

Между тем оренбургские большевики получили большинство в городском Совете рабочих и солдатских депутатов и поставили вопрос о переходе власти в руки Советов. В город для формирования советских органов власти прибыл комиссар центрального Советского правительства, известный на Урале большевик С. М. Цвиллинг.

Дутов решил одним ударом покончить и с Советами, и с большевиками. По его приказу и по решению «Комитета спасения» в ночь с 6 на 7 ноября казаки арестовали «за призывы к восстанию против Временного правительства» шестерых наиболее видных большевиков города, в том числе председателя Совета А. Коростелева.

В ответ на эти действия Оренбургский городской Совет рабочих и солдатских депутатов провел 14 ноября собрание, на котором был избран Военно-революционный комитет под председательством С. М. Цвиллинга. ВРК постановил предъявить ультимативные требования «Комитету спасения» — передать власть в руки Совета и немедленно сместить с поста заведомого реакционера Дутова, терроризировавшего рабочих, освободить арестованных большевиков. Но Дутов опередил события... В здание караван-сарая, где шло созванное Советом собрание, ворвался отряд казаков и юнкеров во главе с самим Дутовым. Последний объявил об аресте всех членов Совета. Над участниками собрания была учинена зверская расправа.

Газета «Уральский рабочий» так описывала действия дутовцев: «И вот произошло то, что делалось прежде при Николае Кровавом: арестованных силой вытаскивали из помещения, били прикладами, ругали площадной бранью, а когда в кармане Цвиллинга нашли указ Совета Народных Комиссаров о назначении его комиссаром, то произошла ужасная сцена: один из юнкеров рукояткой револьвера нанес ему удар по голове, а остальные начали бить куда попало. Когда арестованные кинулись на защиту председателя, то их постигло то же самое. Озверевшие юнкера, не зная, куда еще применить свою силу, били прикладами стены здания, крича, что камня на камне не оставят от этого гнезда. Избитых арестованных отправили в войсковое правление, где снова подвергли допросу и обыску, после чего часть из них отпустили, а остальных в числе 25 человек отправили в станицы» (явно в расчете на то, что в станицах казаки их убьют.— *Д. Г.*) [1].

Расправа Дутова с членами Совета рабочих и солдатских депутатов вызвала гнев рабочих города, объявивших всеобщую забастовку. К ним присоединились железнодорожники. Никакие уговоры Дутова и «демократов» из «Комитета спасения» не помогали: рабочие требовали освобождения арестованных и

---

[1] «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции». Сборник документов и материалов. Свердловск, 1957, стр. 251—252.

прекращения репрессий против представителей рабочих организаций.

Дутова поддержали только кучка торговцев и промышленников города и «Комитет спасения». 2 декабря 1917 г. он выступил в здании оренбургской биржи перед купцами и промышленниками, призывая их помочь в борьбе с большевиками. Собравшиеся пожертвовали Дутову на содержание конной белогвардейской милиции миллион рублей. Владельцы кожевенных заводов выдали бесплатно большое количество сапог для казаков. Буржуазия организовала на свои средства и лазарет. Председатель «Комитета спасения» правый эсер Барановский на заседании войскового круга благодарил Дутова за помощь, оказанную им «Комитету». Несколько позже «Комитет спасения» принял решение о назначении Дутова «командующим Оренбургским военным округом».

Около трех месяцев орудовал Дутов под вывеской «Комитета спасения». Отряды его казаков захватили Троицк, Верхнеуральск, Челябинск, прервали связь Центральной России со Средней Азией и Сибирью. Дутов посылал казаков на помощь контрреволюции в Саратов, Астрахань, Уральск, Омск. Осуществляя заветные цели реакционных верхов казачества об автономии казачьих областей, Дутов 22 декабря объявил оренбургское войсковое правительство «единственной властью на всей территории оренбургского казачьего войска».

Пытаясь раздуть пламя мятежа, Дутов связывался и с буржуазными националистами соседних районов. 5—13 декабря 1917 г. в Оренбурге состоялся общеказахский (общекиргизский) национальный съезд, прошедший под руководством казахских буржуазных националистов из партии «Алаш». Съезд занял антисоветскую позицию и образовал «Временный народный совет Алаш-орды» в качестве казахского автономного правительства. Во главе этого «правительства» встал потомок наследственных ханов Букеевской орды, бывший член Государственной думы Алихан Букейхан. Партия «Алаш» требовала созыва Учредительного собрания, «автономии», уверяла, что действует в «защиту бедных». Фактически же она боролась за сохранение феодально-буржуазных порядков в Казахстане и навязывала изнывавшим под тяжкой эксплуатацией казахским крестьянам изжившие себя феодальные мусульманские обычаи. «Пользование землей,— учили казахские буржуазные националисты,— должно происходить так, чтобы районы, аулы пользовались землей родами», «служащие никуда не могут отлучиться без разрешения хозяина», «суд в степи должен происходить по всем

обычаям», «после бога самыми сильными являются судьи», то есть байские элементы, осуществлявшие суд и расправу согласно религиозным правилам шариата и адата. Казахские буржуазно-националистические лидеры видели в черносотенно-монархической дутовщине «родственное движение» и выражали готовность вступить в союз с Дутовым для достижения общих целей — «избавления от большевизма».

Дутов завязал отношения и с башкирскими буржуазно-националистическими лидерами, добивавшимися «автономии для мусульман». В Оренбурге обосновался «Башкирский национальный совет», объявивший об образовании «Башкирской автономной республики». 20 декабря 1917 г. «Учредительный съезд — курултай Башкирии», собравшийся вновь в Оренбурге под защитой Дутова, создал башкирское антисоветское правительство во главе с Ахметом-Захи Валидовым.

Однако широкие трудящиеся массы, поднятые к политической жизни бурным развитием Великой Октябрьской социалистической революции, не поддерживали контрреволюцию. Рабочие Оренбурга не прекращали забастовку. В городе действовали подпольные большевистские организации. Среди уральского казачества усилился раскол: трудовые казаки (как и на Дону) выступали против реакционной политики Дутова, появились первые отряды фронтовых казаков под командованием Ивана Каширина, поддерживавших Советскую власть. Выборы в Учредительное собрание, происходившие в Оренбурге в начале декабря, показали, что значительное количество голосовавших (37%) отдало свои голоса большевикам. Не помогли Дутову и буржуазные националисты, которые и сами не имели поддержки среди трудовых масс собственного народа.

В ряду важнейших событий, происходивших в Оренбурге, не последнее место занимала борьба за освобождение большевистских руководителей, заключенных дутовцами в тюрьму. Несмотря на тяжелые тюремные условия, большевистские руководители не порывали связей с рабочими массами. С. М. Цвиллинг писал из тюрьмы: «Дорогие товарищи!.. Нас сидит всего 35 человек. Они (дутовцы) заявили, что согласны освободить всех, кроме меня, так как считают меня самым вредным и опасным большевиком... Они меня поймали 14 ноября и, как полагается «социалистам», избили до полусмерти и избитого отправили в казачью станицу, за 30 верст от Оренбурга. Там заперли в клоповник. Местные «старики» первые два дня грозили все время самосудом, затем мы стали разговаривать, и в результате в несколько дней у меня перебывала вся станица и оказалась

распропагандированной. В станице продержали 11 дней и затем перевели под давлением рабочих и солдат в губернскую тюрьму... От частичных освобождений мы отказались. Объявили голодовку, но на третий день состоялось собрание рабочих до 4000 человек, потребовавшее от нас категорически прекращения голодовки ввиду того, что уже идет к нам помощь и мы должны сохранить силы для работы после освобождения. Мы подчинились и голодовку прекратили... Несмотря на все пережитое, настроение у нас хорошее. Каждый день приходят делегаты от рабочих и солдатских организаций. Выборы в Учредительное собрание дали нам здесь половину всех голосов (до 20 000), в то время как эсеры получили около 3000 и меньшевики около 2000. И после этого они имеют еще наглость держать здесь власть в своих руках. Но еще несколько [времени], и они будут сметены в корзину исторического мусора, где им и надлежит быть по заслугам» [1].

12 декабря большевистская городская подпольная организация устроила побег арестованных. Узникам тайно передали оружие в тюрьму, и они, вооружившись, совершили под руководством С. М. Цвиллинга смелый налет на часовых и надзирателей, разоружили караульную команду, заперли ее в одну из камер и вышли из тюрьмы. Неподалеку их ждали наготове красногвардейцы.

Между тем Советское правительство и оренбургские рабочие формировали вооруженные отряды для разгрома дутовщины. Возглавил эту работу командированный из центра чрезвычайный комиссар по борьбе с дутовщиной, член большевистской партии с 1898 г. П. А. Кобозев. Неподалеку от Оренбурга, в Бузулуке, была создана база формирования советских войск. Сюда по распоряжению Советского правительства направлялись вооруженные отряды из Самары, Златоуста, Челябинска, Уфы и других мест.

Боевые действия развернулись во второй половине декабря, и уже 16 января 1918 г. красногвардейские отряды нанесли тяжелое поражение дутовским войскам, которые отошли к Оренбургу. А 17 января в городе, в тылу мятежников, вспыхнуло вооруженное рабочее восстание. Атакованные с фронта и тыла, дутовцы были разгромлены. 18 января красногвардейцы вступили в Оренбург. Дутов с небольшим отрядом казаков бежал в Верхнеуральск. Другой отряд ушел в сторону Уральска, осталь-

---

[1] «Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции». Сборник документов и материалов, стр. 256—257.

ные рассыпались по станицам. Так был ликвидирован еще один очаг контрреволюции.

Трудящиеся национальных районов устанавливали у себя власть Советов в борьбе против буржуазных националистов.

В то время как рабочий класс, верный идеалам пролетарского интернационализма, возлагал свои надежды на союз с братским русским и другими народами, украинские буржуазные националистические круги ратовали за отделение от Советской России и образование «самостийной» Украины.

Еще в марте 1917 г. украинские националисты совместно с мелкобуржуазными «социалистическими» партиями (украинских эсеров и украинских эсдеков) созвали в Киеве Всеукраинский национальный конгресс, который образовал руководящий националистический центр — Украинскую Центральную раду и ее исполнительный орган — Генеральный секретариат. Председателем Центральной рады был избран профессор М. С. Грушевский, а председателем Генерального секретариата В. К. Винниченко (украинский эсдек). Бессовестно спекулируя на национальных чувствах некоторой части политически незрелого населения, Центральная рада смогла создать крупные вооруженные отряды так называемого вольного казачества.

27 октября 1917 г. Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов в Киеве на объединенном заседании приняли большевистскую резолюцию о признании общероссийского Советского правительства, образованного в Петрограде, и выделили из своего состава Военно-революционный комитет для осуществления перехода власти в городе от администрации Временного правительства в руки Советов. Против этого решения выступили штаб Киевского военного округа и некоторые воинские части (юнкера и казаки). 31 октября революционные силы разгромили сторонников Временного правительства.

В это время Украинская Центральная рада на словах соблюдала так называемый нейтралитет. Но как только рабочие и солдаты одержали победу над вооруженными силами штаба Киевского военного округа, Центральная рада, опираясь на сосредоточенные в Киеве свои войска общей численностью около 18 тыс. человек, захватила власть в городе. 7 ноября 1917 г. Центральная рада обнародовала «Универсал», в котором заявила, что не признает общероссийского Советского правительства, и, так как Временное правительство уже не существовало, объявила себя единственной государственной властью на территории Украины.

Центральная рада широковещательно обещала украинскому народу провести демократические и социалистические преобразования, решить земельный вопрос в пользу крестьян, установить восьмичасовой рабочий день и т. п. Это были декларации, рассчитанные на завоевание симпатий народа путем обмана. Фактически же деятели Украинской Центральной рады после Октября отказались от требования автономии, которое они выдвигали при буржуазном Временном правительстве, выразив свое намерение отделиться вовсе от Советской революционной России, образовать «самостийное» украинское буржуазное государство по образцу и подобию западноевропейских буржуазных государств. Недаром Центральную раду поддержали все противники Октября, в том числе и представители международного империализма, видевшие в украинском буржуазном национализме движение, направленное против социалистической революции.

Между тем в ряде украинских городов (особенно в пролетарских центрах) борьба за Советскую власть в октябрьские дни завершилась победой революционных сил. 10 ноября Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов принял большевистскую резолюцию, в которой приветствовал «законное общероссийское правительство народных комиссаров». Харьковские рабочие и солдаты заявили, что берут власть в городе в свое ведение и признают все декреты, изданные Советским правительством, образовавшимся в Петрограде. Они высказались за осуществление украинским народом своего права на национальное самоопределение, предложили созвать Всеукраинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и образовать на нем Украинскую республику, находящуюся в федеративной связи с Советской Россией. Рабочие установили Советскую власть также во многих городах и рабочих поселках Донбасса — Луганске, Горловке, Никитовке, несколько позднее в Макеевке, Краматорске, Щербиновке, Мариуполе.

Таким образом, революционный процесс завоевания рабочим классом власти на Украине развивался неравномерно. Вначале большая часть украинской территории была захвачена Центральной радой и лишь в пролетарских центрах победили Советы. Кое-где наряду с учреждениями и войсками Рады существовали еще органы свергнутого Временного правительства. В районах, примыкавших к Дону, орудовали калединцы.

Стремясь к полному захвату власти, Центральная рада начала борьбу как против Советов на местах, так и против Советской России. Контрреволюционная суть Рады особенно ярко

проявилась в ее отношении к калединскому движению. Несмотря на то что банды калединцев совершали разбойничьи налеты с Дона на города и поселки украинского Донбасса, Харьковской и Екатеринославской губерний, Центральная рада не только не защищала от них украинские земли, но всячески содействовала калединцам. Под предлогом помощи «родственному движению в пользу самоопределения Дона» Рада пропускала через свою территорию казачьи части, офицеров, юнкеров, двигавшихся на Дон для присоединения к Каледину, позволила последнему размещать казаков на украинской земле, обеспечивала их продовольствием и фуражом. В то же время она препятствовала продвижению советских войск, направлявшихся на борьбу с калединской контрреволюцией, разоружала революционные воинские части. Наконец, Рада вступила в тайные переговоры с Калединым о разделе Донбасса и совместной борьбе против Советов.

Контрреволюционная деятельность Центральной рады сопровождалась разнузданной шовинистической агитацией, которую она вела среди украинцев, натравливая их на братский русский народ. Такая политика Рады наносила тяжкий вред не только Советской России, но и украинскому трудовому народу. Классовые интересы русских и украинских пролетариев требовали объединенных совместных действий против общего врага — Каледина, пытавшегося задушить революцию на всей территории бывшей Российской империи, повсеместно реставрировать буржуазно-помещичий строй.

3 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял Манифест к украинскому народу, написанный В. И. Лениным. В Манифесте разъяснялась политика Советского правительства в вопросе о самоопределении Украины.

«Исходя из интересов единства и братского союза рабочих и трудящихся, эксплуатируемых масс в борьбе за социализм,— подчеркивалось в Манифесте,— исходя из признания этих принципов многочисленными решениями органов революционной демократии, Советов, и особенно II Всероссийского съезда Советов, социалистическое правительство России, Совет Народных Комиссаров, еще раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России.

Поэтому мы, Совет Народных Комиссаров, признаем народную Украинскую республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской республикой

о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними.

Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно» [1].

Вместе с тем Советское правительство разоблачило в Манифесте реакционную суть Центральной рады, указав на серьезные последствия, к которым неизбежно приведет ее политика сотрудничества с калединской контрреволюцией. Совнарком потребовал от Рады немедленного прекращения поддержки ею калединского движения, оказания содействия революционным войскам в борьбе с антинародным мятежом, отказа от попыток дезорганизации общего революционного фронта.

Центральная рада не дала удовлетворительного ответа на требование Совета Народных Комиссаров и тем самым вступила в открытую войну с Советской Россией. Эти события ускорили процесс ликвидации правительства буржуазных националистов и образования на украинской земле рабоче-крестьянского Советского правительства.

По инициативе большевиков 11—12 декабря в Харькове состоялся I Всеукраинский съезд Советов, который постановил объявить Украину Народной республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и избрал ее высший орган — Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет. Съезд заявил, что Украина будет находиться в федеративной связи с Советской Россией и другими советскими республиками, образовавшимися на территории бывшей царской России. Было решено распространить на Украину все декреты и распоряжения Советского рабоче-крестьянского правительства, находившегося в Петрограде. 17 декабря Всеукраинский ЦИК образовал первое Украинское Советское правительство республики — Народный Секретариат. Совнарком РСФСР приветствовал этот революционный шаг украинских рабочих и крестьян и обещал первому советскому правительству Украинской республики полную поддержку в борьбе за социализм.

4 января 1918 г. Народный Секретариат опубликовал обращение к украинским войскам, рабочим и крестьянам, в котором призвал их к войне с буржуазным правительством Центральной рады. Он заявил: «Генеральный секретариат Центральной рады поддерживает Каледина и всех русских контрреволюционеров

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 143.

в их борьбе против рабоче-крестьянской революции, разжигает национальную вражду между братскими народами и старается образовать на Украине буржуазную власть.

От имени Украинской Народной Республики объявляем Генеральный секретариат Центральной рады врагом свободного украинского народа, призываем и приказываем всем верным делу рабоче-крестьянской революции войскам бороться против буржуазного секретариата Киевской Центральной рады и Каледина» [1].

В ходе этой революционной войны против врагов народной власти выковывалось братское единство русских и украинских пролетариев. Война с калединскими реставраторами буржуазно-помещичьего строя и с поддерживавшей их Центральной радой пользовалась сочувствием широких масс украинских трудящихся. Украинское Советское правительство приступило к формированию красногвардейских частей, и вскоре объединенные русские и украинские советские войска развернули боевые действия против калединцев и Центральной рады. 26 января 1918 г. рабочие-арсенальцы, поднявшие в Киеве восстание против Центральной рады, и наступавшие извне советские войска под командованием В. А. Антонова-Овсеенко освободили столицу Украины. В течение декабря 1917 — февраля 1918 г. Советская власть утвердилась почти на всей украинской земле.

В Белоруссии противником Октября выступила буржуазно-националистическая Белорусская рада. Но широкие массы белорусских рабочих и крестьян поддержали Октябрьскую социалистическую революцию и разогнали буржуазную Раду. Тогда деятели Белорусской рады связались с командованием польского корпуса, составленного из австрийских военнопленных в России. Корпусом командовал реакционный генерал-корниловец И. Р. Довбор-Мусницкий. В январе 1918 г. при поддержке корпуса начался мятеж против Советской власти. Мятеж был подавлен, а его инициаторы бежали в соседние районы, занятые германскими войсками. Позднее, 21 февраля 1918 г., в ходе наступления немцы захватили Минск и ликвидировали Советскую власть на большей части территории Белоруссии.

Германский империализм подавил революционные движения народных масс и поддержал буржуазно-помещичьи, националистические круги в оккупированных районах Латвии, Эстонии и Литвы.

---

[1] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине», т. 3. Киев, 1957, стр. 49.

В тесной связи с общероссийским революционным процессом развивались события в Молдавии. В течение ноября — декабря 1917 г. и января 1918 г. рабочие и крестьяне установили Советскую власть в Кишиневе, Бендерах, Тирасполе и других городах и населенных пунктах Бессарабии. Однако сразу же после победы социалистической революции молдавские буржуазные националисты и прямые агенты королевской Румынии при помощи эсеров, меньшевиков, бундовцев, контрреволюционного командования Румынского фронта сформировали антисоветский административный орган края «Сфатул цэрий» («Совет страны»), во главе которого стал молдавский националист И. Инкулец.

2 декабря 1917 г. «Сфатул цэрий» провозгласил создание так называемой Молдавской Народной Республики. Был сформирован исполнительный орган — Совет генеральных директоров под председательством молдавского эсера П. Ерхана. Руководящие посты в нем заняли: бывший заместитель губернского комиссара Временного правительства В. Кристи, молдавские буржуазные националисты Ионку, Кодрян, Кожокарь, Чобан, украинский националист Савенко [1].

Убедившись, однако, что народные массы их не поддерживают, а ряды введенных ими в заблуждение редеют, лидеры националистического «Сфатул цэрий» вскоре стали искать опору у контрреволюционной Украинской Центральной рады, калединцев и иностранных империалистов. Последние жадно ухватились за «Сфатул цэрий», усмотрев в нем орудие, с помощью которого можно было бы попытаться предотвратить окончательную победу социалистической революции в крае и осуществить захватнические планы в отношении Бессарабии и всей России. И лишь только «Сфатул цэрий» объявил о своем существовании, как незамедлительно получил поддержку со стороны государств Антанты. В середине декабря Франция, не имея на то согласия Советского правительства, открыла в Кишиневе свое консульство, которое возглавил П. Сарре. Последний немедленно установил связи с молдавскими буржуазными националистами, монархистами, меньшевиками, эсерами, бундовцами и всеми имевшимися в его распоряжении средствами направлял их деятельность против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Антисоветскую деятельность французского консульства в Кишиневе поддерживал штаб Румынского фронта, в котором фактически хозяйничали американский посол в Румынии Ч. Во-

[1] См. *Д. И. Антонюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис.* Предательская роль «Сфатул цэрий». Кишинев, 1969, стр. 87.

пичка, французский посол Д. Сент-Олер и английский — Д. Барклай [1].

Не в силах самостоятельно подавить социалистическую революцию в крае, молдавская буржуазно-националистическая контрреволюция совершила величайшее национальное предательство. Ее главари — окопавшиеся в «Сфатул цэрий» и Совете генеральных директоров И. Инкулец, П. Ерхан, И. Пеливан и др.— втайне от народа сговорились с правящими кругами империалистических государств об отторжении правобережной (между Прутом и Днестром) части Молдавии, носившей название Бессарабии, и передаче ее королевской Румынии. В январе — марте 1918 г. Бессарабия была оккупирована румынской армией. В восточной (левобережной по Днестру) части Молдавии установилась Советская власть.

Власть трудящихся победила также в Крыму и на Северном Кавказе. В Закавказье после Октября националистические партии грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов объединились в антисоветскую коалицию и образовали в Тифлисе так называемый «Закавказский комиссариат», который стал буржуазным правительством края (Грузии, Азербайджана, Армении) и вскоре вовсе отделился от Советской России. Но буржуазным националистам не удалось тогда распространить свою власть на всю территорию края. В пролетарском городе Баку рабочие, солдаты и матросы разных национальностей поддержали Октябрьскую социалистическую революцию и центральное Советское правительство. Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов стал высшей властью в Баку и его районах. Во главе Совета стоял член ЦК РСДРП (большевиков) С. Г. Шаумян. Вскоре Совнарком РСФСР назначил Шаумяна и чрезвычайным комиссаром Советского правительства по делам Кавказа.

Против революционного Баку ополчились: антисоветское краевое правительство — «Закавказский комиссариат», бакинские организации националистических партий — мусават (азербайджанской), дашнакцутюн (армянской), имевшие свои национальные воинские формирования, русские группы эсеров и меньшевиков. Городу угрожали и турецкие войска, пытавшиеся захватить этот богатый нефтью край.

Особую опасность представляли тогда азербайджанские буржуазные националисты. До революции 1917 г. их партия — мусават — придерживалась клерикально-феодальных, панис-

---

[1] См. *Д. И. Антинюк, С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис.* Предательская роль «Сфатул цэрий», стр. 119.

ламистских взглядов, призывая все мусульманские народы «без различия наций и религиозных толков» объединиться для борьбы за возвращение былой славы», когда ислам был «властителем на таких громадных частях света, как Азия, Европа и Африка» [1].

В октябре 1917 г. председатель Бакинского ЦК партии мусават Мамед Эмин Расул-заде, выступая на I съезде объединенной партии мусават, заявил, что «целью тюркского народа является... стремление, чтобы в цветущем саду человечества вырос ароматный тюркский цветок... И этот цветок составит вместе с остальными группами, «входящими в состав мусульманского интернационала», общий букет». Этими словами Расул-заде пытался замаскировать идею создания в союзе с другими мусульманскими народами единого тюркского буржуазного государства. Прежние панисламистские, клерикальные идеи мусавата дополнялись теперь буржуазно-националистическими, пантюрксистскими [2].

После победы Октября мусаватисты открыто проповедовали отделение Азербайджана от Советской России. Они образовали мусаватистское «управление» во многих районах Азербайджана, а их главари вошли в антисоветское правительство «Закавказский комиссариат». Теперь мусаватисты, поддерживаемые антисоветскими организациями Грузии, Дагестана, готовились к захвату власти в Баку, открыто угрожая мятежом Совету рабочих и солдатских депутатов.

30 марта 1918 г. в Баку на пароходе «Эвелина» прибыл вооруженный отряд, сформированный офицерами бывшей царской «дикой дивизии» и состоявший из мусульман — горцев Дагестана. Такие отряды являлись тогда ударной вооруженной силой контрреволюции. Вокруг прибывшего отряда, расположившегося у пристани, стали собираться местные мусаватисты. Посланное Бакинским Советом для проверки подразделение красногвардейцев было встречено огнем. Стало ясно, что заговор мусаватистов вступил в решающую фазу. Бакинский Совет образовал Комитет революционной обороны.

С утра 30 марта вооруженные отряды мусаватистов, сконцентрированные в старом городе, напали на советские воинские части. В последовавших затем кровопролитных боях с обеих сторон участвовало около 20 тыс. человек. Одновременно про-

---

[1] См. *С. Е. Сеф.* Борьба за Октябрь в Закавказье. Заккнига, 1932, стр. 125—126.

[2] См. там же, стр. 129.

исходили кровавые столкновения между азербайджанским и армянским населением города. В течение двух дней было убито более 3 тыс. человек.

1 апреля советские войска, поддержанные рабочим населением города, подавили мятеж. Мусаватисты приняли условия ультиматума, предъявленного им Комитетом революционной обороны: признали власть Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и обязались подчиняться его распоряжениям; отряды «дикой дивизии» должны были немедленно уйти из Баку и из его районов, национальные мусульманские и армянские воинские части — выведены из города или подчиниться Бакинскому Совету [1].

Победа революционных сил явилась заключительным этапом перехода всей полноты власти к Бакинскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Это был, как говорили тогда, «бакинский Октябрь».

31 октября 1917 г. трудящиеся Ташкента, административного центра Туркестанского края, в который входили обширнейшие земли Средней Азии и прилегающих районов, выступили с оружием в руках против Временного правительства. В четырехдневных боях революционные отряды нанесли поражение юнкерам и казакам, заняли город и крепость и передали власть Совету рабочих и солдатских депутатов. Вскоре Советская власть образовалась в Самарканде, Ходженте, Термезе, Мерве, Чарджуе, Ашхабаде и других городах обширного края.

15 ноября 1917 г. созванный в Ташкенте III краевой съезд Советов принял декларацию об образовании Советской власти и избрал Туркестанский ЦИК и Совет народных комиссаров в качестве высших органов власти в крае. В состав Совнаркома вошли большевики, левые эсеры и эсеры-максималисты. Председателем Совнаркома стал большевик Ф. И. Колесов. Однако съезд не решил вопроса о национальной автономии Туркестана. Этим воспользовались буржуазные националисты, которые в союзе с русскими контрреволюционерами выступили против новой власти.

Вскоре после переворота феодально-байские элементы созвали в Ташкенте мусульманский съезд, который противопоставил себя III краевому съезду Советов. Состоявший из местной знати и духовенства, мусульманский съезд заявил, что «пути к самоопределению мусульман не могут быть иными, как

---

[1] См. «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане». Документы и материалы. Баку, 1957, стр. 333—334.

только те, которые указаны в Коране и шариате», и потребовал предоставить в органах власти края половину мест здешней местной буржуазии и духовенству. В сущности, это было требование ликвидировать Советскую власть — власть рабочих и крестьян — и заменить ее властью местных баев и духовенства. III краевой съезд Советов отверг притязания мусульманских реакционеров.

27 ноября лидеры буржуазных националистов вновь созвали в Коканде (Ферганская область) общемусульманский съезд, который провозгласил теперь уже «автономию» Туркестана. В противовес Советскому правительству в Ташкенте съезд образовал «Совет министров автономного Туркестана» во главе с лидером буржуазно-националистической мусульманской организации «Шуро-и-исламия» Танышбаевым (вскоре его заменил Мустафа Чокаев). В городе Коканде образовались две власти: в новом городе и крепости — Советская власть, т. е. власть выборных от рабочих, солдат и местной бедноты; в старом городе — власть «автономного правительства», то есть власть баев, богачей и мусульманского духовенства. Кокандские автономисты создали «вооруженные мусульманские силы» под командованием «главнокомандующего» Чанышева. Основу этой армии контрреволюции составил отряд басмачей под командованием известного в Фергане Иргаша, отбывавшего в прошлом наказание за налеты и разбои и ставшего при «автономистах» начальником милиции в Коканде.

13 декабря 1917 г. (в день «рождения» пророка Магомета) мусульманскому духовенству и буржуазным националистам при поддержке других контрреволюционных элементов удалось организовать в Ташкенте антисоветскую демонстрацию в поддержку «Кокандской автономии» и «в защиту ислама». Толпы фанатиков прорвались к тюрьме и насильственно освободили содержавшихся там контрреволюционеров, в том числе бывших деятелей буржуазного Временного правительства. В городе произошли кровавые столкновения между демонстрантами и рабочими. Демонстранты были разогнаны.

В конце января 1918 г. туркестанские советские органы потребовали, чтобы «правительство Кокандской автономии» разоружило и распустило шайки басмачей. «Совет министров Кокандской автономии» отказался выполнить это требование, и в ночь на 30 января его отряды — главным образом басмачи Иргаша — напали на красногвардейцев Коканда. Басмачи окружили крепость и учинили в новом городе резню и погром. Городской военно-революционный комитет во главе с большевиком

Е. П. Бабушкиным организовал оборону и отбил нападение басмачей. Через два дня после первого нападения «автономисты» вновь окружили Кокандскую крепость. Теперь во главе нападавших оказались лидеры мусульманской религиозной организации «Улема». Они провозгласили Иргаша «главнокомандующим», вручили ему зеленый флаг и призвали туркестанских мусульман к войне против «нашествия большевиков», «в защиту ислама». Начались кровопролитные бои. Рабочие Ташкента, Самарканда и других мест оказали военную поддержку кокандским трудящимся. Басмачи были разгромлены и «Кокандская автономия» ликвидирована. Вся власть перешла в руки Кокандского Совета рабочих и солдатских депутатов. Иргаш с остатками своей шайки скрылся.

Кокандское «автономистское» движение оказало влияние на все районы Туркестана и на его окраины. Бухарский эмир Сейид-Алим-хан, находившийся в вассальной зависимости от царской России, поддержал это контрреволюционное движение и отложился от Советской России. Так же действовали и правители ханской Хивы. Английские империалисты снабдили их оружием и толкнули на войну с Советской Россией.

Так в Туркестанском крае началось антисоветское буржуазно-националистическое движение, возглавляемое местными реакционными феодальными элементами и мусульманским духовенством. В борьбе против социалистической революции эти элементы выдвинули лозунг отделения от Советской России.

С первых же дней Советское правительство выступило как защитник ранее угнетаемых русским самодержавием народов, в том числе и мусульманских. Рабоче-крестьянская власть призывала мусульман устраивать свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. «Вы имеете право на это,— говорилось в обращении Совета Народных Комиссаров к трудящимся-мусульманам от 20 ноября 1917 г.— Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов... Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное Правительство!.. Не от России и ее революционного Правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма...» [1] Но реакционные элементы мусульманства, заинтересованные в сохранении эксплуататорских привилегий, натравливали отсталые массы, призывали их к борьбе против русского трудового народа, который нес им освобождение от национального, колониального и феодального гнета.

---

[1] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 114.

Опаснейшей формой проявления буржуазного национализма в Туркестане стало басмачество. Басмачами в Средней Азии издавна называли разбойников — «налетчиков». В годы царизма они формировались главным образом из разорившихся дехкан. Под предводительством вожаков, помимо обычных разбойных налетов, они нападали на местную царскую администрацию, на русских поселенцев, выражая этим протест против колониального гнета. В советское время буржуазно-националистические и байские элементы привлекли басмачей к себе на службу, чтобы превратить их в антисоветскую силу, в защитников феодального уклада жизни. Басмачество стало реакционным, антисоветским движением, главари которого действовали методами кровавого бандитизма.

Большую опасность в крае представляло и антисоветское движение бывших колонизаторских элементов. Кадры этого движения составляли: зажиточная часть казачества, бывшие царские чиновники и администраторы, жандармы, полицейские, русские владельцы промышленных предприятий, кулаки русских поселений. До революции это был оплот царского строя в Туркестане, а теперь, после Октября, они отстаивали свои привилегии, собственность, вынашивая планы восстановления колониальных порядков. Нередко туркестанские колонизаторские элементы, как и реакционеры в других местах, действовали за спиной псевдодемократических, правосоциалистических партий и организаций.

В ноябре 1917 г. реакционная верхушка «войскового совета Семиреченского казачьего войска» не подчинилась центральному Советскому правительству, разогнала местный Совет рабочих и солдатских депутатов и захватила власть в центре Семиречья — Верном (ныне Алма-Ата), потребовав сохранения в неприкосновенности казачьего землевладения и своих сословных привилегий.

В январе 1918 г. по дороге на родину в Туркестан прибыли оренбургские и семиреченские казаки, стоявшие раньше гарнизонами в Хиве и Персии. Эта вооруженная масса (казаков было 14 сотен) представляла угрозу для только что образовавшейся Советской власти края. Туркестанский Совнарком предложил казакам сдать оружие. Но их начальник, полковник И. М. Зайцев, командовавший ранее русскими войсками в Хиве, отказался разоружить казаков и, объединившись с другими антисоветскими силами, выступил против рабоче-крестьянской власти. Казаки Зайцева заняли города Чарджуй, Самарканд и двинулись на Ташкент. 14 февраля 1918 г. красногвардейские отряды

туркестанских рабочих встретили казаков возле станции Ростовцево (неподалеку от Самарканда). Казаки заколебались и, отказавшись воевать против народа, сдали оружие.

2—3 марта 1918 г. трудящиеся Семиречья, не подчинившись «войсковому совету Семиреченского казачьего войска», организовали в Верном «военревком» и приступили к созданию Советской власти и Красной гвардии. Казаки вынуждены были уступить рабочим. В феврале 1918 г. Советская власть была установлена и в Пишпеке (ныне Фрунзе) и в других городах Семиречья.

Первые шаги Советской власти в Туркестане слились с общим потоком триумфального шествия Великой Октябрьской социалистической революции по территории России.

Таким образом, Советская власть в первые месяцы после Октября была установлена на большей части территории бывшей царской Российской империи (не считая Финляндии, которая получила независимость по декрету Советского правительства, и Польши). Лишь в отдельных районах в связи с местными условиями и иностранной интервенцией победили тогда силы контрреволюции. Объясняя причины столь быстрой победы, В. И. Ленин говорил: «По всей России вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Наш лозунг «Вся власть Советам», практически проверенный массами долгим историческим опытом, стал их плотью и кровью» [1].

2. Образование и начало деятельности советских органов борьбы с контрреволюцией

В первые же дни Октябрьской революции восставший народ сломал ненавистный буржуазный государственный аппарат насилия и принуждения: полицию, жандармерию, суды, старую прокуратуру. Была проведена демократизация старой армии, вся полнота власти в ней была передана солдатским комитетам и Советам. Трудящиеся взяли на себя и борьбу с контрреволюцией и уголовной преступностью. Революционный порядок в стране, завоевания Октября могли быть обеспечены и сохранены лишь при условии максимального развития самодеятельности широких народных масс, при их участии в строительстве нового государства под руководством большевистской партии и Советов.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 5.

В эти дни В. И. Ленин призывал: «Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное.

Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу...» [1]

В Петрограде, Москве и других местах, где победила революция, рабочий класс и его организации приступили к созданию своих революционных органов борьбы с контрреволюцией и новых судебно-следственных учреждений.

Первым советским органом борьбы с контрреволюцией и уголовной преступностью стал Военно-революционный комитет, образованный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов еще накануне Октябрьской революции. Это был боевой орган революции, созданный под руководством партии большевиков для подготовки и проведения вооруженного восстания и установления Советской власти. С 27 октября ВРК — главный оперативный орган ВЦИК и Совнаркома по созданию аппарата новой государственной власти, а также по борьбе с саботажем и контрреволюцией.

Уже 24 октября 1917 г. Военно-революционный комитет призвал всех трудящихся Петрограда «задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам Совета в ближайшую войсковую часть». Комитет предупреждал: «При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу — преступники будут стерты с лица земли». Опираясь на вооруженные массы рабочих и солдат, Военно-революционный комитет подавлял все контрреволюционные попытки и сопротивление приверженцев старого режима, строго охранял революционный порядок в столице. «Дело порядка и революции,— указывал ВРК,— в твердых руках» [2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 66.
[2] «Известия ВЦИК», 27 октября 1917 г.

Первая советская следственная комиссия образовалась при Петроградском военно-революционном комитете в те дни, когда на улицах столицы еще шли революционные бои. В ее работе принимали участие рабочие, солдаты, матросы. Они задерживали врагов революции, уголовников, спекулянтов, приводили их в Смольный, где такие же рабочие, солдаты и матросы — члены следственной комиссии, выделенные общественными организациями,— разбирали их дела. Наиболее опасных преступников заключали в тюрьму, менее опасных освобождали.

В эту комиссию большевистская партия направила своих активных работников — П. А. Красикова, М. Ю. Козловского, Б. Д. Мандельбаума и др. В расследовании отдельных дел участвовали П. И. Стучка, М. С. Урицкий, Н. В. Крыленко, Я. С. Шейнкман.

М. Ю. Козловский впоследствии рассказывал, что комиссии пришлось начинать свою работу «во время революции, когда события разыгрывались на улицах, перед Зимним дворцом... В комиссии был матрос Алексеевский. ...Это было единственное лицо, изображавшее и председателя, и члена комиссии, и чуть ли не весь секретариат. Работала комиссия в одной комнатке в Смольном, наверху в 3-м этаже, в ужасных условиях... В нашем распоряжении был стол и несколько стульев, писали на коленях. Бесконечное количество людей, постоянный приток солдат... Следственная комиссия работала днем и ночью без перерыва...» [1].

И действительно, надо было расследовать дела арестованных контрреволюционеров, участников заговоров против только что рожденной Советской республики; вести борьбу с чиновниками, начавшими саботаж; с капиталистами, финансировавшими антисоветские выступления; с контрреволюционной и желтой прессой, злобно клеветавшей на революцию; со спекулянтами, которые пользовались продовольственными трудностями; с наследием старого режима — разгулявшимися бандитами, хулиганами, уголовниками.

В те первые дни Советской власти, когда не было еще судов, эта комиссия выполняла не только судебно-следственные, но и административные функции: закрывала старые судебные учреждения, разбирала их дела и архивы, конфисковывала имущество капиталистов, штрафовала спекулянтов, реквизировала обнаруженные у них товары и т. д. Условия революционного времени заставляли действовать быстро, решительно.

---

[1] «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 64.

Председатель правления Русско-Азиатского банка, известный капиталист А. И. Путилов, обвинялся в финансировании контрреволюции. Следственная комиссия вызывала его несколько раз, но он не являлся. В газетах было напечатано такое объявление: «Следственная комиссия предписывает Алексею Ивановичу Путилову немедленно явиться для допроса... В случае уклонения Путилова от явки в течение недельного срока со дня напечатания сего имущество Путилова будет подвергнуто конфискации» [1]. Однако и после этого Путилов не явился в следственную комиссию и бежал из Петрограда за границу. И тогда 30 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров постановил все его движимое и недвижимое имущество конфисковать [2].

Деятельность Петроградской следственной комиссии вызвала ненависть и злобные нападки враждебных элементов. Особенно отличалась контрреволюционная пресса, злостно клеветавшая на работников следственной комиссии. По настоянию левых эсеров, подхвативших буржуазную провокацию, в середине января 1918 г. была начата ревизия работы следственной комиссии. Но провокация провалилась. 26 февраля, заслушав доклад ревизионной комиссии, Совет Народных Комиссаров констатировал, что «поход против них (руководителей следственной комиссии.— *Д. Г.*) представляет собой часть общей злостной кампании лжи и клеветы, направленной против рабоче-крестьянской власти представителями, агентами и наемниками буржуазии» [3].

Через несколько дней после победы Октября, 4 ноября 1917 г., в Петрограде, на Выборгской стороне, в доме № 33 по Большому Сампсониевскому проспекту, открыл первую сессию суд, образованный районным Советом рабочих и солдатских депутатов. Это был первый в России советский народно-революционный суд.

Места за судейским столом заняли пять судей, раздельно избранных Советом рабочих и солдатских депутатов, районным бюро профессиональных союзов, советом фабрично-заводских комитетов, районной думой и советом домовых комитетов. Председатель суда — большевик с завода «Новый Лесснер» И. В. Чакин — обратился к публике и призвал всех активно участвовать в рассмотрении дел. Он разъяснил, что присутствующие имеют право задавать подсудимым и свидетелям вопросы и высказывать свое мнение по существу дела, что суд

---

[1] «Известия ВЦИК», 16 декабря 1917 г.

[2] См. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 308.

[3] Там же, стр. 499.

будет предоставлять слово двум гражданам из публики, желающим выступить в качестве обвинителей, и двум гражданам, желающим защищать подсудимых.

В те же первые дни Октября в другом районе Петрограда, в зале Горчаковского дворца, начал работу и второй народно-революционный суд в составе представителей профессиональных союзов и Совета рабочих и солдатских депутатов. Здесь также обвинителями и защитниками выступали присутствовавшие на суде граждане, а решения принимались большинством голосов этого суда-собрания. В Нарвском районе Петрограда действовал суд в составе рабочих-путиловцев Ивана Генслера, Василия Алексеева, Григория Самодеда, Федора Лемешева [1]. В Кронштадте рабочие и матросы создали «суд общественной совести», в котором судьями были представители общественных и партийных организаций. Здесь наметилась определенная тенденция — «построить новый суд на основе политической группировки местного Совдепа» [2].

Яркое представление о том, как создавались органы борьбы с контрреволюцией на периферии, дают воспоминания члена партии большевиков с 1904 г. И. Л. Толстикова, участника Октябрьского переворота в городе Богородске Нижегородской губернии. «Все 29 человек членов фракции (большевиков.— *Д. Г.*), вооружившись винтовками,— рассказывал он,— забрали все оружие у местной милиции и затем в час ночи, окружив два клуба промышленников, под моим руководством, как комиссара юстиции, произвели обыски. В помещениях клубов были обнаружены спиртные напитки всевозможных сортов и несколько сильно пьяных промышленников, тогда как рабочие заводов в это время голодали. О всем обнаруженном мною был составлен акт. На второй день, то есть 6 декабря 1917 г., в Богородском народном доме было созвано общее собрание рабочих со всех 400 кожевенных заводов для суда над промышленниками. Общее собрание рабочих... единогласно постановило наложить на них штраф в сумме 150 тыс. рублей с конфискацией клубных помещений и всего инвентаря в полное распоряжение местного Совета депутатов...

Будучи комиссаром юстиции Совета депутатов, я видел, что судебный аппарат царского режима разрушен окончательно, а нового пока не создано. Потребность же у населения в этом аппарате чувствовалась огромная. Я широко поставил в извест-

---

[1] См. *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства. М., 1965, стр. 319.

[2] «Материалы НКЮ», 1918, вып. 1, стр. 56—57.

ность население района, а также рабочих кожевенных заводов, что каждый гражданин или гражданка, имеющие надобность в обращении к судебным органам как в гражданском, так и в уголовном порядке, могут с ходатайством обращаться ко мне, как к комиссару юстиции, и мною таковые будут рассматриваться публично в Народном доме. В день назначенного заседания набивалось обычно большое количество народа. Я всегда ровно в 7 часов вечера объявлял судебное заседание открытым и предлагал собравшимся избрать на данное заседание председателя и секретаря. Всегда неизменно избирали меня и моего технического секретаря, и такие заседания часто затягивались до 4 или 5 часов утра, и публика терпеливо дожидалась конца. В прениях по тому или иному процессу участвовали, кроме сторон, и все присутствующие в Народном доме, причем собравшиеся путем голосования решали судьбу того или иного процесса и определяли меру наказания или удовлетворения гражданского иска» [1].

Трудящиеся, участвовавшие в работе первых советских судов и следственных комиссий, расследовали дела и судили не по писаным законам, а по своему революционному правосознанию. Каждый участвовавший в процессе чувствовал себя ответственным следователем, судьей. Приговоры народно-революционных судов пользовались огромным авторитетом у трудящихся.

Наряду с разнообразными народно-революционными судебно-следственными учреждениями в первое время после Октября кое-где в стране сохранились и дореволюционные судебные установления. Жизнь и революционный опыт показали, что необходимо создать единообразные по всей стране, постоянные советские судебно-следственные учреждения, при этом двух видов: для рассмотрения обычных уголовных и гражданских дел и специальные — для борьбы с контрреволюцией и особо опасными преступлениями.

22 ноября 1917 г. Советским правительством был принят первый Декрет о суде. Декрет прежде всего установил, что все существовавшие ранее, дореволюционные судебные установления — окружные суды, судебные палаты, правительствующий Сенат, военные и морские суды, институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры — упраздняются, а действие института мировых судей при-

---

[1] «От Февраля к Октябрю» (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957, стр. 349—351.

останавливается. Взамен прежних вводились новые выборные советские судебно-следственные учреждения. Предусматривалось образование и специальных судебно-следственных учреждений для борьбы с контрреволюцией. В ст. 8 декрета указывалось: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии» [1].

Этот декрет и последующие инструкции юридически закрепили в судебных учреждениях важнейшие демократические принципы судоустройства и судопроизводства, выработанные самодеятельными народно-революционными судами и следственными комиссиями еще до опубликования декрета. Основными принципами работы революционных трибуналов и народных судов стали: 1) избираемость судей и членов следственных комиссий Советами; широкое участие в работе судов и следственных комиссий народных представителей; 2) гласность и публичность судопроизводства; публичность распространялась и на деятельность следственных комиссий, важнейшие решения которых принимались в открытых заседаниях; 3) полное равноправие сторон в судебном процессе, достигавшееся отменой особых прав, которые имело раньше обвинение (прокуратура) в процессе дознания, следствия и суда; общественными обвинителями и общественными защитниками мог быть каждый из присутствующих на суде неопороченных граждан; 4) допущение защиты со стадии предварительного следствия; 5) коллегиальность в решении вопросов предварительного следствия и судебного процесса; 6) в виде наказаний суды могли применять: денежный штраф, общественное порицание, лишение общественного доверия, принудительные общественные работы, лишение свободы, высылку за границу и т. п. Смертная казнь не входила в число предусмотренных законом наказаний.

---

[1] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 125—126. Позже следственные комиссии состояли при революционных трибуналах.

Но судебно-следственные учреждения, сложившиеся в первое время после Октябрьской революции, как вскоре выяснилось, не обеспечивали эффективной борьбы с контрреволюцией и другими видами наиболее опасных преступлений. Следственные комиссии и революционные трибуналы занимались расследованием и рассмотрением дел об уже известных совершенных преступлениях. Между тем контрреволюция тайно устраивала заговоры, готовила восстания, не брезгуя никакими средствами борьбы против республики Советов. Политическая обстановка настоятельно требовала создания такого аппарата, который мог бы выявлять, своевременно пресекать, предупреждать еще зреющие, подготавливаемые контрреволюцией преступления, аппарат мобильный, который опирался бы на содействие трудящихся и мог бы в необходимых случаях проявлять оперативность и решительность в борьбе с врагами революции. С этой целью были образованы специальные комиссии и комитеты по борьбе с отдельными видами особо опасных для революции преступлений. Среди них наибольшее значение приобрели Комитет по борьбе с погромами и Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Вскоре после победы Октябрьской революции темные, буйствующие элементы в Петрограде стали громить винные погреба и склады. Они напивались, поднимали стрельбу, совершали грабежи и убийства. В. А. Антонов-Овсеенко, командовавший в то время войсками Петроградского военного округа, так описывал эти явления: «...Никогда не виданное бесчинство разлилось в Петрограде. То там, то сям появлялись толпы громил, большей частью солдат, разбивавших винные склады, а иногда громивших и магазины... Никакие увещания не помогали. Особенно остро встал вопрос с погребами Зимнего дворца... Как только наступал вечер, разливалась бешеная вакханалия. «Допьем романовские остатки!» — этот веселый лозунг владел толпой. Пробовали замуровать входы — толпа проникала сквозь окна, высадив решетки, и грабила запасы. Пробовали заливать погреба водой — пожарные во время этой работы напивались сами». Действенные меры борьбы с погромами подсказали революционные массы, которые начали расправляться с пьяницами и грабителями. «Только когда за борьбу с пьяницами взялись гельсингфорсские моряки, погреба Зимнего были обезврежены. Это была своеобразная титаническая борьба. Моряки держались стойко, связанные свирепым товарищеским обетом — «смерть тому, кто не выполнит зарока», и, сами в другое время великолепные «питухи», они победили николаевское зелье... На Ва-

сильевском острове борьба была проведена твердо. Финляндский полк объявил остров на осадном положении и заявил, что будет расстреливать грабителей на месте, а винные погреба взрывать»[1].

Возникла необходимость образовать специальный комитет, который решительными мерами покончил бы с погромами и бандитизмом в Петрограде. Инициатором создания такого комитета был управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич, ставший его председателем. В. И. Ленин придавал этому делу большое значение. В письме в Петроградский комитет партии он писал: «Прошу доставить не менее 100 человек *абсолютно* надежных членов партии в комнату № 75, III этаж,— комитет по борьбе с погромами. (Для несения службы *комиссаров).*

Дело архиважно. Партия ответственна. Обратиться в районы и в заводы»[2].

Впоследствии В. Д. Бонч-Бруевич рассказывал: «Подбор сотрудников у нас был таков, что принимали только рабочих, непременно партийных, и левых эсеров. Фабрика избирала, район утверждал, и потом мы входили в Петербургский комитет. Было несколько отводов, но они объяснялись молодостью, или, как например, был отведен один товарищ за то, что он заснул». Вот как, по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, действовали выделенные народные представители — матросы, солдаты и рабочие: «Они чинили допрос, и я свидетель того, что иногда попадалась громадная шайка фальшивомонетчиков, которая ни за что не хотела себя открыть. И рабочие допрашивали их таким перекрестным огнем, что, помню, как один поддался и сказал: «Нет, я не могу, я должен сказать всю правду». И он стал на колени и начал рассказывать перед всеми собравшимися, что у них организована фальшивомонетная мастерская. Рассказал все, что у них было сделано, просил, чтобы рассудили рабочие, так как он не может молчать»[3].

В ночь на 6 декабря 1917 г. Комитет по борьбе с погромами раскрыл контрреволюционный заговор. В. Д. Бонч-Бруевич на заседании Петроградского Совета докладывал: «Петроград затоплен шквалом пьяных разгромов... Разгромы начинались с мелких фруктовых, а за ними следовали склады Келера и Пет-

---

[1] *В. А. Антонов-Овсеенко.* Записки о гражданской войне, т. I. М., 1924, стр. 19—20. Описание борьбы с пьяными погромами см. также в записках С. Н. Баранова «Ветер с Балтики» (М., 1967, стр. 168—171).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 17.

[3] «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 70.

рова, крупный магазин готового платья. В одни полчаса мы получили 11 извещений о погромах и едва успевали отправлять на места воинские части... При опросе задержанных отдельных воинских чинов выяснилось, что их спаивали и сорганизовывали из них особый институт подстрекателей братьев к выпивке, за что платили по 15 рублей в день...» Вскоре члены Комитета по борьбе с погромами задержали двух лиц, раздававших прокламации. Прокламации внешне походили на большевистские документы: на них имелись заголовки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», заканчивались они лозунгами: «Долой империализм и его лакеев!», «Да здравствует рабочая революция и всемирный пролетариат!» Но по содержанию это были явно контрреволюционные прокламации: они поощряли погромно-черносотенные идеи, подстрекали солдат, матросов, рабочих громить винные склады и всячески дезорганизовывать нормальную жизнь столицы. Задержанные с прокламациями оказались: один — сотрудником черносотенной газеты «Новая Русь», а другой — его племянником. «Под угрозой расстрела,— продолжал на заседании Петроградского Совета В. Д. Бонч-Бруевич,— они сообщили, что посланы организацией, и указали нам адреса. Когда мы пошли по первому же адресу, мы наткнулись на 20 тыс. экземпляров этого воззвания... Мы двинулись дальше и арестовали многих лиц... Ясно, что мы имеем дело с заговором контрреволюции во всероссийском масштабе, организованном чрезвычайно широко при больших денежных средствах, задавшимся целью удушить... революцию» [1].

Склад прокламаций был обнаружен у приват-доцента Петроградского университета, одного из лидеров черносотенного «Союза русского народа» А. А. Громова. При допросе его выяснилось, что инициатором распространения контрреволюционных прокламаций был князь К. В. Кекуатов. «Он (князь Кекуатов.— *Д. Г.*) показал мне,— говорил Громов,— текст этой прокламации, написанной на пишущей машинке, и предложил мне организовать распространение этих прокламаций среди населения... Свидание наше закончилось определенным соглашением, по которому я обещался постараться найти людей, могущих организовать распространение этих прокламаций... При беседе с князем Кекуатовым присутствовала его жена, княгиня Кекуатова... Княгиня Кекуатова во время этого свидания передала мне на расходы по исполнении принятого поручения две тысячи рублей» [2].

[1] «Известия ВЦИК», 8 декабря 1917 г.
[2] Там же.

6 декабря Комитет по борьбе с погромами ввел в Петрограде осадное положение и предупредил: «Попытки разгромов винных погребов, складов, лавок, магазинов, частных квартир и проч. и т. п. будут прекращаемы пулеметным огнем без всякого предупреждения» [1].

Яркое представление о деятельности Комитета дает такое сообщение: «В Комитет по борьбе с погромами позвонили о начавшемся погроме винного погреба на Екатерининском канале, причем сообщили, что преступники громят не только погреб, но и частные квартиры прилегающих домов. Комиссар по борьбе с погромами тов. Олехно, получив это сообщение, немедленно с отрядом в 10 красногвардейцев выехал на место происшествия. Здесь он застал почти двухтысячную толпу. К тов. Олехно обратились местные рабочие и обыватели с просьбой принять самые решительные меры против погромщиков. После предупреждения, которое ни на кого не подействовало, был открыт огонь, и район моментально очищен от погромщиков. Местное население горячо благодарило тов. Олехно за твердые революционные действия. В большинстве убитых, одетых в солдатские шинели, опознали местных хулиганов и громил» [2].

Почти одновременно с учреждением Комитета по борьбе с погромами был создан и специальный орган борьбы с контрреволюцией. 6 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров, обсудив вопрос о готовящейся чиновниками всероссийской забастовке в правительственных учреждениях, поручил Ф. Э. Дзержинскому «составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа». Ф. Э. Дзержинский должен был на следующий день представить в Совнарком список членов комиссии и предложить меры борьбы с саботажем. 7 декабря В. И. Ленин написал Ф. Э. Дзержинскому записку:

«Товарищу Дзержинскому

К сегодняшнему Вашему докладу о мерах борьбы с саботажниками и контрреволюционерами.

Нельзя ли двинуть *подобный* декрет:

О борьбе с контрреволюционерами
и саботажниками

Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

---

[1] «Известия ВЦИК», 6 декабря 1917 г.
[2] «Известия ВЦИК», 26 января 1918 г.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей.

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками» [1].

В этой записке В. И. Ленин намечал ряд конкретных мер борьбы и контроля за контрреволюционерами и саботажниками.

7 декабря (20 декабря по новому стилю), заслушав доклад Ф. Э. Дзержинского, Совнарком постановил образовать Всероссийскую Чрезвычайную комиссию при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) в составе Ф. Э. Дзержинского (председатель), Г. К. Орджоникидзе, Я. Х. Петерса, И. К. Ксенофонтова, Д. Г. Евсеева, К. А. Петерсона, В. К. Аверина, Н. А. Жиделева, В. А. Трифонова и В. Н. Васильевского [2]. Совнарком поставил перед комиссией задачу «пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажн. попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили». Методы работы и структуру комиссии Совнарком определил таким образом: «...Предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними... комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения; ...комиссия разделяется на отделы: информационный, организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и филиальных отделов), отдел борьбы...

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 156. Предложенный Лениным декрет не был издан; выраженные в нем идеи позже нашли свое воплощение в ряде постановлений Советского правительства.

[2] В таком составе комиссия собралась только один раз. На следующий же день все члены комиссии, кроме Дзержинского, Петерса, Ксенофонтова и Евсеева, получили новые назначения, а вместо них в коллегию были назначены В. В. Фомин, С. Е. Щукин, И. И. Ильин и Чернов («Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 5—6).

7 января 1918 г. СНК утвердил Коллегию ВЧК в составе Ф. Э. Дзержинского (председатель), И. К. Ксенофонтова, Я. Х. Петерса, В. В. Фомина, С. Е. Щукина и В. Р. Менжинского. От левых эсеров СНК утвердил членами Коллегии ВЧК В. Д. Волкова, М. Ф. Емельянова, П. Ф. Сидорова и В. А. Александровича — зам. председателя, которого позже сменил левый эсер Г. Д. Закс (см. *Л. М. Спирин.* Крах одной авантюры. Мятеж левых эсеров в Москве 6—7 июля 1918 г. М., 1971, стр. 17).

Меры — конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.» [1]

Петроградский военно-революционный комитет 5 декабря 1917 г. был упразднен. Его функции подавления сопротивления буржуазии и ликвидации «контрреволюционных и саботажных попыток» перешли теперь, на основании постановления СНК от 7 декабря, к Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем — первому специальному советскому органу государственной безопасности. В отличие от Военно-революционного комитета, действовавшего главным образом военными мерами подавления, ВЧК должна была осуществлять оперативный розыск лиц, виновных в контрреволюционных преступлениях, производить дознания по их делам, передавать дела суду революционного трибунала, а также применять к виновным указанные в законе административные меры.

Одним из первых шагов в деятельности ВЧК было задержание нескольких членов «Союза защиты Учредительного собрания». 18 декабря 1917 г. по ордеру, подписанному Ф. Э. Дзержинским и И. К. Ксенофонтовым, член коллегии ВЧК С. Е. Щукин явился в Вольно-экономическое общество, где происходило собрание членов «Союза защиты Учредительного собрания», и задержал ряд его деятелей. Левые эсеры, которые входили тогда в состав Совета Народных Комиссаров, возражали против этой меры, а их представители в правительстве — нарком юстиции И. З. Штейнберг и член коллегии Наркомюста В. А. Карелин, используя свое служебное положение, освободили задержанных (они специально для этого явились на собрание). Возник конфликт, разбиравшийся 19 декабря на заседании Совета Народных Комиссаров. Правительство признало действия Штейнберга и Карелина неправильными, так как «какие бы то ни было изменения постановления комиссии Дзержинского, как и других комиссий, назначенных Советами, допустимы только путем обжалования этих постановлений в Совет Народных Комиссаров». Совнарком отметил, что задержание членов «Союза защиты Учредительного собрания» было произведено по его указанию «для выяснения личностей» [2], то есть не в судебном, а в административном порядке. Этот акт не повлек за собой никакого дознания, следствия или судебного процесса. После этого инцидента Штейнберг разработал и представил в СНК проект положения о ВЧК, в котором попытался

---

[1] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.». Сборник документов. М., 1958, стр. 79.

[2] См. Ленинский сборник XXI, стр. 111.

свести к минимуму полномочия, а следовательно, и эффективность работы Чрезвычайной комиссии. Но В. И. Ленин внес поправки почти в каждую статью проекта.

В поправках к проекту постановления СНК, принятых Совнаркомом 21 декабря, ВЧК признавалась органом «беспощадной борьбы с контр-революцией, саботажем и спекуляцией», находящимся под ближайшим наблюдением Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата внутренних дел и президиума Петроградского Совета. Устанавливалось, что ВЧК действует на основе инструкции, вырабатываемой ею, НКЮ и НКВД, результаты же своей работы передает в Следственную комиссию при революционном трибунале или прекращает дело. Левые эсеры настаивали, чтобы ВЧК подчинялась НКЮ (фактически — им, так как левые эсеры стояли во главе НКЮ), чтобы аресты, имеющие политическое значение, производились с ведома НКЮ и НКВД. Совнарком по предложению В. И. Ленина постановил, что ВЧК производит такие аресты самостоятельно с извещением об этом НКЮ и НКВД. Далее подчеркивалось, что неурегулированные конфликты между ВЧК, НКЮ, НКВД и президиумом Петроградского Совета «восходят на окончательное разрешение Совета Народных Комиссаров, не останавливая обычной деятельности и оспоренных мер... соответствующих Комиссий» [1].

31 января 1918 г., рассмотрев вопрос «О точном разграничении функций существующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда», Совнарком постановил: «В Чрезвычайной комиссии концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступлений, все же дальнейшее ведение следствий и постановка дела на суд предоставляется Следственной комиссии при трибунале» [2].

Таким образом, ВЧК была учреждена как административно-политический орган розыска, пресечения и предупреждения контрреволюционных преступлений. Ей предоставлялось право вырабатывать меры борьбы, применять в отношении контрреволюционеров административные меры (конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. п.). В области судебной ВЧК должна была выполнять функции органа дознания: она могла вести расследование, «поскольку это нужно для пресечения», затем вскрытые ею дела должны были поступать в следственную комиссию для предварительного следствия и передачи в суд.

---

[1] Ленинский сборник XXI, стр. 114.

[2] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 111—112.

Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией создавалась как аппарат, опирающийся на помощь и содействие широких масс трудящихся, кровно заинтересованных в безопасности советского строя. Чекисты пошли на фабрики, заводы, в воинские части, широко оповестили рабочих, солдат, матросов о своих задачах, просили их сообщать сведения о контрреволюционерах и приглашали принять активное участие в работе ВЧК; объявления об этом публиковались и в газетах [1]. ВЧК нередко выдавала ордера для производства арестов и обысков наиболее сознательным рабочим, солдатам и матросам. Популярность ВЧК росла; имея многих добровольных помощников, она могла немногочисленным аппаратом выполнять большие задачи. Видный чекист М. Я. Лацис впоследствии писал: «В первые месяцы работы ВЧК в Москве в ее аппарате насчитывалось всего 40 сотрудников, включая сюда и шоферов и курьеров. Даже к моменту восстания левых эсеров в ВЧК число сотрудников доходило только до 120 человек. Если все же ВЧК осуществляла сравнительно большую работу, то главным образом благодаря содействию населения. Почти все крупные заговоры были раскрыты указанием населения. Первая нить бралась от них, этих добровольных и бесплатных сотрудников от населения и потом уже разматывалась аппаратом ВЧК» [2].

Сложность и специфичность работы ВЧК, большие права, предоставленные ее сотрудникам, требовали от чекистов большевистской идейности, преданности революции, высокой сознательности, честности и самоотверженности. Кроме того, необходимыми качествами чекистов Ф. Э. Дзержинский считал сдержанность и вежливость. В одной из инструкций в 1918 г. он писал: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что нашей задачей — пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать их в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескром-

[1] См. «Известия ВЦИК», 15, 19 декабря 1917 г.

[2] «Пролетарская революция», 1926, № 9, стр. 90.

ность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть». А в «Инструкции для производящих обыск и дознание» Ф. Э. Дзержинский писал:

«1. Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность.

2. Обращение с арестованными и семьями их должно быть самое *вежливое*, никакие нравоучения и окрики не допустимы.

3. Ответственность за обыск и поведение падает на всех из наряда.

4. Угрозы револьвером и вообще каким бы то ни было оружием недопустимы.

Виновные в нарушении данной инструкции подвергаются аресту до трех месяцев, удалению из комиссии и высылке из Москвы» [1].

Такова была система судебно-следственных и карательных учреждений, сложившихся в первый период существования Советской власти в центре России. Эта система постепенно, с учетом местных особенностей распространялась по всей стране, в том числе в автономных и национальных республиках, входивших в Советскую федерацию.

I Всеукраинский съезд Советов, состоявшийся 11—12 декабря 1917 г., как уже указывалось, принял постановление о том, что на территории Украинской Народной Республики Советов должны применяться наряду с украинскими декреты и постановления правительства Советской России. 4 января 1918 г. Народный Секретариат Украинской Советской Республики издал постановление «О введении народного суда», которым упразднил все действовавшие ранее на Украине судебно-следственные учреждения и, по примеру учрежденных в Советской России, ввел новые: участковые, уездные, городские суды и революционные трибуналы для подавления сопротивления контрреволюционеров, борьбы со спекуляцией, саботажем и другими особо опасными преступлениями. Это постановление осуществлялось по мере освобождения территории Украины от контрреволюции и интервентов.

Процесс образования учреждений по борьбе с контрреволюцией на Украине имел и свои особенности. На Украине в то время превалировала задача военного подавления противника в лице Центральной рады и калединцев, которые вели вооруженную гражданскую войну с Советами. Поэтому борьба с контрреволюцией в тылу часто не отделялась здесь от военной

---

[1] «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 5—6.

борьбы. Здесь дольше, чем в центрах Советской России, действовали временные военно-революционные комитеты и позже возникали постоянные советские судебно-следственные и карательные органы. Если в Советской России по постановлению СНК от 7 декабря 1917 г. была образована единая Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, то на Украине в это время единого органа, подобного ВЧК, еще не было. Функции, которые выполняли в Советской России органы ВЧК, здесь продолжали выполнять военно-революционные комитеты, разные штабы, военное командование, единоличные комиссары и коменданты.

Прибывший на Украину в декабре 1917 г. для ликвидации калединского мятежа В. А. Антонов-Овсеенко не только командовал здесь войсками (по поручению правительства Советской России), но и выполнял работу по охране общественного порядка и безопасности, по подавлению контрреволюционных элементов в тылу. Он и именовался «народным комиссаром по военным делам и по борьбе с контрреволюцией».

В декабре 1917 г. харьковские капиталисты, недовольные введенным Советской властью 8-часовым рабочим днем, отказались выплатить заработную плату рабочим. В. А. Антонов-Овсеенко вызвал к себе 15 крупнейших капиталистов-миллионеров и предложил им немедленно изыскать миллион рублей наличными для расплаты с рабочими. Когда же они отказались выполнить это требование, Антонов-Овсеенко посадил их под арест в одном из вагонов II класса своего поезда. Он предупредил, что если они не внесут денег в срок, то будут отправлены на тяжелые работы. Угроза подействовала, капиталисты внесли деньги и были освобождены из-под ареста.

В. И. Ленин, узнав об аресте харьковских капиталистов, в телеграмме на имя В. А. Антонова-Овсеенко от 29 декабря 1917 г. писал: «Одобряю и приветствую арест миллионеров-саботажников в вагоне I и II класса. Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудники» [1]. Вопрос о деятельности Антонова-Овсеенко на Украине рассматривался 1 января 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров РСФСР. Сонарком принял решение, в котором приветствовал решительные меры Антонова-Овсеенко в борьбе с калединскими войсками и их пособниками и наряду с этим отметил, что «командующий войсками вправе применять против грозящих вызвать безработицу и голод капиталистов-саботажников репрессии вплоть

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 21—22.

до отдачи виновных в принудительные работы на рудники». По предложению В. И. Ленина к этому постановлению было принято такое дополнение: «Как только будет возможно создание революционных трибуналов, они немедленно рассматривают каждый случай назначения на принудительные работы и либо определяют срок пребывания на работах, либо освобождают арестованных» [1].

Это постановление имело принципиальное значение. Советское правительство, В. И. Ленин, допуская осуществление репрессий в отношении виновных капиталистов непосредственно военной властью, рассматривали такие случаи как исключительные меры в обстановке революционного военного времени, допустимые в момент, когда еще не образовались судебные органы — революционные трибуналы. Постановления военных властей требовали, однако, подтверждения революционными трибуналами (после их образования).

26 января 1918 г. советские войска заняли Киев. Поддержание общественного порядка и борьбу с контрреволюцией в городе взяли на себя тогда военные власти. Командующий войсками, занявшими город, объявил, что он будет «беспощадно подавлять всякие призывы к насилию над населением в целом и над его частями», а также, что будет беспощадно караться погромная и контрреволюционная пропаганда. Для рассмотрения таких дел, объявлял командующий, в дальнейшем будет образован революционный трибунал. В следующем приказе командующий довел до всеобщего сведения, что он назначает Г. И. Чудновского комиссаром Киева по гражданской части и что впредь все обыски и аресты в городе могут производиться исключительно по ордерам его штаба. Командующий войсками выделил также специальную воинскую часть для охраны города и назначил военного коменданта [2].

Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов, а также образованный здесь Военно-революционный комитет подтвердили назначение Чудновского комиссаром и отнесли к его компетенции «принятие самых решительных мер в полном контакте с революционными военными властями к возможно скорейшему установлению в г. Киеве подлинно революционного порядка и нормальной жизни гражданского населения города» [3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 215.

[2] См. «Борьба за власть Советов на Киевщине (март 1917 г.— февраль 1918 г.)». Сборник документов и материалов. Киев, 1957, стр. 535—536, 539.

[3] «Борьба за власть Советов на Киевщине», стр. 541.

Как только в городе наступило относительное спокойствие, 16 февраля 1918 г. Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов упразднил должность комиссара по гражданскому управлению города. Выполнение его обязанностей взяли на себя отделы Киевского Совета и Военно-революционный комитет. Теперь уже только ВРК имел право выдавать ордера на производство обысков, арестов и реквизиций [1].

В Харькове Всеукраинский военно-революционный комитет образовал губернский главный штаб борьбы с контрреволюцией, совмещавший функции военной работы, подавления контрреволюционных выступлений в тылу и борьбы против спекуляции и преступности.

Такие же штабы и подобные им организации подавления контрреволюции создавались повсеместно, где побеждала революция. Но, как правило, только судебные органы — революционные трибуналы — являлись учреждениями, имевшими право принимать решения о наказаниях по делам о контрреволюции и об уголовных преступлениях.

Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов строго следил за соблюдением революционного порядка и законности в городе. В связи со случаями самовольного расстрела солдатами захваченных контрреволюционеров 30 января 1918 г. по предложению большевиков Совет принял такую резолюцию: «Общее собрание Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями гарнизона выражает решительное осуждение... самосудам над пленным врагом, которые пятнают славную победу пролетариата.

Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов вменяет в обязанность Исполнительному комитету и Военно-революционному комитету принять самые решительные меры для прекращения самосудов и требует, чтобы все без исключения арестованные представлялись на суд революционного трибунала» [2].

Процесс образования революционных судебно-следственных учреждений в далеком, оторванном от центра Туркестанском крае происходил принципиально так же, как и в центральных районах России. И здесь трудящиеся и их организации во время вооруженного восстания и последующей борьбы за установление Советской власти арестовывали лиц, враждебно относившихся к революции, и уголовных преступников. Ташкентский Совет рабочих депутатов в начале ноября 1917 г. образовал

---

[1] См. «Борьба за власть Советов на Киевщине», стр. 567.
[2] Там же, стр. 554.

следственную комиссию для разбора дел арестованных контрреволюционеров и уголовных преступников. Эта комиссия стала постоянным органом борьбы с контрреволюцией.

12 декабря Туркестанский Совет Народных Комиссаров опубликовал приказ об упразднении дореволюционных судов в крае и замене их судами, образуемыми демократическими выборами. В основе этого приказа лежал первый Декрет о суде, изданный СНК РСФСР. Однако приказ Туркестанского Совнаркома не предусматривал учреждения революционных трибуналов. В отличие от советских судов Центральной России, в Ташкенте вначале был организован народно-революционный суд для рассмотрения дел лиц, обвиняемых в тяжких преступлениях. Судопроизводство осуществлялось по принципам суда присяжных.

Долгое время в Туркестанском крае, несмотря на предписания ВЧК, не учреждались и местные органы Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Это объяснялось противодействием левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, входивших в состав Туркестанского ЦИК и СНК.

Наконец, постановлением Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов от 16 января 1918 г. было принято решение об образовании (в соответствии с первым Декретом о суде РСФСР) революционного трибунала. Для расследования дел, подсудных революционному трибуналу, были созданы две следственные комиссии (состоявшие каждая из четырех лиц): одна — по делам о контрреволюции, вторая — по делам о хищениях, спекуляции и мародерстве. Следственные комиссии и революционный трибунал стали основными органами борьбы с контрреволюцией и особо опасными преступлениями в крае. Только впоследствии в Туркестане были организованы и чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Сложившиеся после победы Октября демократические принципы устройства и деятельности судебно-следственных и карательных учреждений Советской власти соответствовали социально-политической обстановке в стране в то время, а также периоду победного шествия революции по территории России. Победивший пролетариат, имевший подавляющее превосходство над контрреволюцией, проявлял великодушие по отношению к поверженному врагу. Революционные трибуналы применяли минимальные наказания, чрезвычайные комиссии производили аресты контрреволюционеров лишь в целях пресечения вредной деятельности и изоляции их от общества на время острой политической борьбы. Такие арестованные освобождались, как только заявляли об отказе от дальнейшей активной борьбы с рабоче-

крестьянской властью. Выступая 4 ноября 1917 г. на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовали фронтовые представители, В. И. Ленин говорил: «Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы арестовываем... Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять. И, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила. Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку в том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается»[1]. Эти слова Ленина как нельзя более точно характеризуют деятельность советских органов борьбы с контрреволюцией в первые послеоктябрьские дни.

Советское правительство проявило великодушие к участникам антисоветских выступлений. В пылу борьбы негодующий народ хотел расправиться с захваченными контрреволюционерами, но по распоряжению В. И. Ленина самосуды над юнкерами были прекращены и приняты меры к сохранению жизни всех арестованных, в том числе и министров[2].

С задержанными участниками юнкерского восстания обращались вежливо, корректно. В «Известиях ВЦИК» 1 ноября 1917 г. сообщалось: «В ночь на 30 октября были препровождены в Кронштадтскую морскую следственную тюрьму сдавшиеся на телефонной станции 44 юнкера и 3 офицера с миноносца «Деятельный». Все арестованные были благополучно доставлены и водворены в морскую тюрьму. Следственная комиссия и администрация тюрьмы приняли меры к установлению в тот же день нормальных условий заключения. Свидания с заключенными разрешаются два раза в неделю... Допускается переписка и передача заключенным вещей. Заключенным не угрожает никакой опасности, тюрьма находится под охраной Красной гвардии, состоящей из сознательных рабочих города».

Расследование по делу юнкерского восстания производила следственная комиссия. В ее работе участвовали видные деятели большевистской партии — П. И. Стучка, М. С. Урицкий, П. А. Красиков, М. Ю. Козловский, а также М. И. Модель, Б. Д. Мандельбаум, В. Трушин, левый эсер Г. Д. Закс и др.

Члены следственной комиссии допрашивали арестованных юнкеров, их командиров, включая генералов, и брали у них подписку такого содержания: «Я, нижеподписавшийся, даю на-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 63.
[2] См. «Известия», 5 ноября 1966 г.

стоящую подписку военно-следственной комиссии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в том, что я даю честное слово не выступать вооруженной силой против Советского правительства и не призывать к тому других и явиться по первому требованию вышеупомянутой комиссии». Такая подписка считалась достаточным основанием для освобождения участников юнкерского восстания. Позже следствие было вовсе прекращено в соответствии с декретом Совнаркома Петроградской коммуны об амнистии в ознаменование пролетарского праздника 1 Мая в 1918 г. [1]

Фактически никаких мер против «Комитета спасения родины и революции», под флагом которого проходило юнкерское восстание, принято не было. «ЦИК констатирует,— сообщалось в газетах,— что никакого приказа об аресте «Комитета спасения» не было... Значительная часть арестованных уже освобождена, и... впредь будут освобождаться все лица, кроме тех, которые угрожают завоеваниям революции» [2].

Под «честное слово» не выступать более против народа были отпущены на свободу генерал П. Н. Краснов [3] и задержанный 31 октября 1917 г. комиссар Временного правительства при Северном фронте, один из организаторов похода Керенского — Краснова меньшевик В. С. Войтинский. Были освобождены и арестованные в Зимнем дворце во время Октябрьского штурма министры-«социалисты» Временного правительства.

Среди арестованных во время штурма Зимнего дворца находился управляющий военным министерством генерал А. А. Маниковский — крупный военный специалист по снабжению армии. 28 октября 1917 г. первый советский главнокомандующий Н. В. Крыленко явился в Петропавловскую крепость, где содержался Маниковский, и от имени Советского правительства предложил ему продолжать работу в военном министерстве. Маниковский согласился и был освобожден из заключения. Однако вскоре выяснилось, что он не только не сочувствовал советской политике, но и пытался активно выступать за ограничение прав новой власти в вопросе о смещении командного состава армии. 20 ноября по приказу ВРК Маниковский был вновь арестован.

В тот же день, 20 ноября 1917 г., Совет Народных Комиссаров вынес постановление об аресте и другого генерала — на-

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 13, л. 35; д. 17, л. 1; д. 352, л. 3. Это была первая амнистия, объявленная в Советской стране.

[2] «Известия ВЦИК», 7 ноября 1917 г.

[3] Свое «честное слово» Краснов не сдержал и вскоре, сбежав на Дон, стал одним из злейших врагов Советской власти.

чальника генерального штаба В. В. Марушевского, обвинявшегося в том, что он вел направленные против Советской власти переговоры с бывшим главнокомандующим генералом Духониным и преступно саботировал при подборе делегации для переговоров о перемирии с Германией [1].

Оба генерала — Маниковский и Марушевский — предстали перед следственной комиссией. Член комиссии П. А. Красиков, допросив арестованных, пришел к выводу, что «данных относительно активного противодействия политике народных комиссаров в деле не усматривается», и высказался за их освобождение. Однако председатель комиссии М. Ю. Козловский не согласился с этим предложением и написал такую весьма характерную для того времени резолюцию: «Разделяя оценку (П. А. Красикова) фактической стороны — отношения генералов к Советской власти и отметая всякие «юридические» соображения как лицемерную игру в формы, полагаю, что, поскольку задержание генералов продиктовано было соображениями политической стратегии, арест их следует продолжить (хотя бы в интересах авторитета «твердой» власти демократии)» [2]. Между тем генералы дали заверения, что не будут выступать против Советской власти. В. Марушевский собственноручно писал: «Современной власти считаю нужным подчиниться и исполнять ее приказания» [3].

1 декабря 1917 г. Маниковский был освобожден. За него поручилась специальная депутация служащих военных учреждений, давших подписку в том, что он «не будет принимать участия в политических выступлениях, направленных против власти Советов народных комиссаров». Тогда же был освобожден и Марушевский [4].

Под честное слово были освобождены генерал-квартирмейстер Северного фронта В. Л. Барановский [5] (за него хлопотал комиссар Северного фронта Б. П. Позерн [6]); начальник гарнизона Ростова-на-Дону генерал Д. Н. Потоцкий [7] и др.

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 232, л. 4.

[2] Там же, д. 229, л. 2об.

[3] Там же, д. 232, л. 10.

[4] Там же, д. 229, л. 4. Впоследствии Маниковский работал в учреждениях Красной Армии; умер в 1920 г. Марушевский, нарушив свое «честное слово», участвовал в вооруженной борьбе против Советской власти.

[5] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 65, л. 14.

[6] Там же, д. 155, л. 10.

[7] Там же, д. 367. Потоцкий был активным участником калединского движения, что не помешало ему лицемерно отречься от этого и заявить о нежелании участвовать в гражданской войне.

Часть задержаний производилась с целью предупреждения возможности активной антисоветской деятельности арестованных. Так, полтора месяца находился под арестом бывший комиссар Временного правительства при штабе Западного фронта В. А. Жданов, что лишило его возможности установить контрреволюционные контакты.

В октябре 1917 г. (еще до Октябрьского вооруженного восстания) в Петрограде был сформирован добровольческий 151-й Пятигорский «батальон смерти», составленный из одураченных студентов и гимназистов. Командовал батальоном прапорщик В. Н. Синебрюхов.

12 декабря 1917 г. несколько солдат явились в «Полевой штаб Петроградского военного округа» и сообщили, что ударники из батальона Синебрюхова вербуют солдат в калединские отряды и производят сбор средств в пользу «батальона смерти». Егор Новожилов сообщил, что один из ударников, студент Виталий Квасницкий, во время вербовки солдат рассказывал им: «Я был с поручиком В. Н. Синебрюховым в одном месте (8—9 декабря они были на съезде ударников в Новочеркасске.— *Д. Г.*), где нам говорили, чтобы мы приводили людей для записи в отряды Каледина. Каждый записавшийся получает немедленно 60 руб. и поддельный санитарный билет, по которому можно проехать как бы на излечение на юг. «Я тоже вам достану и вы поедете»,— говорил он... Он говорил, чтобы ударники были спокойны, потому что... наше дело еще не проиграно, мы еще сумеем возвратить то, что для нас приемлемо» [1].

15 декабря комиссар «Полевого штаба» с нарядом солдат прибыл в кафе Филиппова и задержал там бывшего юнкера, младшего офицера «батальона смерти» 17-летнего Ф. Г. Малахова. В кафе находился и Виталий Квасницкий, но он сумел скрыться, оставив лишь свои документы.

Материалы о задержанном Малахове «Полевой штаб» направил в следственную комиссию революционного трибунала. Через несколько дней Малахова освободили. Он дал такую подписку: «Я, нижеподписавшийся, обязуюсь под честным словом явиться к петроградскому воинскому начальнику не позже 12 января 1918 г., причем заявляю, что отныне никакой контрреволюционной деятельностью заниматься не буду» [2].

Накануне контрреволюционного выступления «в защиту Учредительного собрания», утром 5 января 1918 г., Комитет по

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 227, л. 19.
[2] Там же, л. 5.

борьбе с погромами получил сведения о том, что на квартире прапорщика В. Н. Синебрюхова собираются ударники «батальона смерти». По ордеру председателя Комитета В. Д. Бонч-Бруевича сотрудники Комитета явились на 5-ю Рождественскую, дом 10, и в квартире Синебрюхова арестовали группу ударников — С. Савинцева, А. Кукина, А. Мартынова, Н. Петерсена, М. Чирикова и др. Они признались, что явились к Синебрюхову по его приказу, чтобы участвовать в выступлении «в защиту Учредительного собрания». Хозяина квартиры, прапорщика Синебрюхова, в квартире не оказалось; он скрылся.

Расследованием этого дела занимались Комитет по борьбе с погромами и ВЧК.

Когда в Петрограде наступило относительное спокойствие, ВЧК освободила всех арестованных ударников, а дело о них передала в следственную комиссию революционного трибунала. 30 апреля 1918 г. туда явился с повинной и сам В. Н. Синебрюхов. Вот что он показал: «Я принадлежал к организации ударников, которые должны были принять участие в охране Учредительного собрания, когда оно соберется. Вся эта организация находилась в ведении «Союза защиты Учредительного собрания». Я исполнял ответственную функцию в организации ударников — получал деньги от Анатолия Сомова, вольноопределяющегося, который пригласил меня в эту организацию, для раздачи остальным членам организации ударников. Сомов говорил, что предстоит выступление против большевистской власти и против тех, кто посягает на Учредительное собрание». Далее Синебрюхов рассказал, что все время после ареста его подчиненных он скрывался вне Петрограда. «За время моих скитаний я пережил очень много, со мной произошел полный душевный перелом, взгляды мои совершенно изменились. Мне 21 год, и взгляды мои еще не сложились прочно и окончательно. Я решил добровольно явиться в Следственную комиссию и предоставить себя в ее распоряжение» [1]. И тогда следственная комиссия революционного трибунала (председателем ее в то время был А. Самойлов) постановила освободить Синебрюхова, обязав его явиться по первому требованию, и, так как у него не было документов, выдать ему по его просьбе удостоверение на право проживания в Петрограде. 15 июня 1918 г. дело о Синебрюхове и членах его отряда было прекращено на основании Декрета Совнаркома Петроградской коммуны от 1 мая 1918 г. о смягчении участи лиц, совершивших преступные деяния [2].

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 296, л. 72.
[2] Там же, л. 75.

Аналогичных примеров мягкой репрессивной деятельности учреждений борьбы с контрреволюцией в те первые дни Советской власти было немало. Такова была общая линия карательной политики Советской власти. А когда победа Октября вполне определилась, Советское правительство позаботилось и о соблюдении большей революционной законности в работе советских учреждений, потребовав от всех своих органов, чтобы аресты и иные репрессивные меры против контрреволюционеров производились только судебно-следственными учреждениями. В телеграмме Народного комиссариата юстиции всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 31 января 1918 г. указывалось: «Подавление или пресечение активных контрреволюционных выступлений должно войти в русло революционного правопорядка. Политические аресты, обыски и выемки должны производиться только одной Следственной комиссией, состав которой должен публиковаться. Целью ее должно явиться только предание суду революционного трибунала... Пусть возмездие будет быстро и решительно, но пусть оно исходит от революционного суда; пусть никто не посмеет сказать, что на территории Советской республики нет социалистической справедливости. Революция сурова к своим активным врагам и великодушна к поверженным и побежденным» [1].

3. Ликвидация саботажа

Стремясь помешать фактическому переходу государственной власти в руки рабоче-крестьянского правительства, контрреволюционные элементы после победы Октября организовали саботаж служащих государственных и общественных учреждений. Чиновники и служащие министерств, банков, казначейств, почты и телеграфа, городских управ, школ, больниц, военачальники в армии отказывались признать Советскую власть, подчиниться и работать под руководством назначенных ею лиц. Одновременно владельцы промышленных предприятий, бойкотируя декреты нового правительства о рабочем контроле на фабриках и заводах, останавливали производство, задерживали выдачу заработной платы рабочим, создавали помехи в хозяйственной жизни страны. Саботаж носил политический характер и поддерживался всем антисоветским лагерем — от монархистов до «социалистов». Все они были уверены в том, что рабочие и крестья-

---

[1] «Известия ВЦИК», 31 января 1918 г.

ие не справятся с управлением государством и промышленностью, что большевикам не удастся овладеть государственной машиной и они вынуждены будут отступить и передать власть в руки прежних правителей.

В ноябре 1917 г. чиновники образовали в Петрограде «Союз союзов служащих государственных учреждений» и при нем центральный стачечный комитет для руководства забастовкой в учреждениях города. В опубликованном воззвании саботажники заявляли: «Союз союзов служащих государственных учреждений Петрограда считает своим долгом широко оповестить население о своем решении приостановить занятия во всех государственных учреждениях» [1].

Саботаж чиновников и служащих вносил дезорганизацию в работу учреждений, причинял вред народу. Поэтому Военно-революционный комитет в обращении «Ко всем гражданам» объявил: «Богатые классы оказывают сопротивление новому, Советскому правительству — правительству рабочих, солдат и крестьян. Их сторонники останавливают работу государственных и городских служащих, призывают прекращать службу в банках, пытаются прервать железнодорожные и почтово-телеграфные сообщения и т. п. Мы предостерегаем их — они играют с огнем. Стране и армии грозит голод. Для борьбы с голодом самое тщательное исполнение всех работ в продовольственных учреждениях, на железных дорогах, на почте, в банках, безусловно, необходимо. Рабочее и крестьянское правительство принимает все необходимые меры для обеспечения страны всем необходимым. Сопротивление этим мерам — преступление против народа. Мы предупреждаем богатые классы и их сторонников: если они не прекратят свой саботаж и доведут до приостановки подвоза продовольствия, первыми тяготу созданного ими положения почувствуют они сами. Богатые классы и их прислужники будут лишены права получать продукты. Все запасы, имеющиеся у них, будут реквизированы. Имущество главных виновников будет конфисковано. Мы выполнили свой долг — мы предостерегли играющих с огнем. Мы уверены, что в этих решительных мерах, если они окажутся необходимыми, мы встретим полную поддержку всех преданных революции граждан, всех рабочих, солдат и крестьян» [2].

19 ноября Совет Народных Комиссаров рекомендовал, не останавливаясь перед арестами и преданием саботажников рево-

[1] *Вера Владимирова.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.— Л., 1927, стр. 76.

[2] «Известия ВЦИК», 7 ноября 1917 г.

люционному суду, предложить им «или 1) работать, подчиняясь власти правительства, или 2) вернуть деньги (полученное ими жалованье.— *Д. Г.*). В случае отказа судить их, как за воровство народного имущества» [1]. 26 ноября Военно-революционный комитет опубликовал заявление, в котором было сказано, что «чиновники государственных и общественных учреждений, саботирующие работу в важнейших отраслях народной жизни, объявляются врагами народа», и призвал к общественному бойкоту контрреволюционных чиновников, подрывающих народную власть [2]. Борьбу с саботажниками повели все советские организации, следственные учреждения и революционные трибуналы.

И все же саботаж продолжался.

Чиновники министерства государственного призрения отказались сдать дела и ключи А. М. Коллонтай, назначенной Советским правительством народным комиссаром государственного призрения. А. М. Коллонтай писала в Военно-революционный комитет: «Прошу немедленно выдать ордер на арест членов стачечного комитета чиновников министерства государственного призрения, а также назначить наряд для приведения в исполнение этого ареста. Подлежат аресту следующие лица: Колумбовский, Волков, Афанасьева, Ордин, Зарин, Чернявский, Маркузе. Одновременно прошу прислать наряд в Министерство государственного призрения (Казанская, 7) для усиления охраны на сегодняшнюю ночь и в ближайшие дни». 14 ноября 1917 г. следственная комиссия революционного трибунала «ввиду упорного саботажа» арестовала чиновников министерства. После того как забастовщики сдали ключи и документы министерства, Военно-революционный комитет 16 ноября (за подписью Ф. Э. Дзержинского) распорядился их освободить [3].

Народный комиссариат просвещения 19 декабря 1917 г. писал в ВЧК: «До сведения Народного комиссариата по просвещению дошло, что параллельно с Комиссариатом по просвещению образовались заново некоторые отделы министерства народного просвещения, куда будто бы и направляется вся корреспонденция, адресованная на имя Комиссариата по просвещению, а также и обратно. Это «министерство» отправляет свою корреспонденцию в адрес попечителей округов и других учреждений по народному просвещению. Нам известно, что в 6-й гимназии бы-

---

[1] «Из истории борьбы за установление Советской власти (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.)». Сборник исторических документов и материалов. М., 1943, стр. 73.

[2] См. «Известия ВЦИК», 26 ноября 1917 г.

[3] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 9, л. 1, 7 и др.

ло собрание около 400 саботирующих чиновников в министерстве просвещения, и, возможно, что именно на этом собрании и сконструировались отделы «министерства». Доводя об этом до сведения Комиссии по борьбе с контрреволюцией, прошу выяснить, соответствуют ли циркулирующие слухи действительности, и если окажется, что бумаги обращаются, минуя комиссариат, то принять самые энергичные меры к ликвидации самозванного «министерства», вплоть до ареста членов его. Товарищ комиссара по просвещению Гр. Закс. Секретарь Е. Адамович»[1].

Но особенно опасным был саботаж чиновников и служащих в учреждениях, ведавших связью, здравоохранением, продовольственным снабжением, и в банках.

В первые же дни революции, во время юнкерского восстания, центральная телефонная станция, находившаяся в ведении Петроградской городской думы, была занята мятежниками, которых вскоре выбили оттуда отряды Военно-революционного комитета. На телефонную станцию был послан для контроля советский комиссар, но управление телефонной станции отказалось ему подчиниться и объявило о прекращении работы телефонной станции. В связи с этим Совет Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина издал декрет, опубликованный 4 ноября 1917 г. «Вследствие оставления своих постов администрацией телефонной сети Петрограда,— говорилось в декрете,— устройства отдельными лицами администрации умышленных повреждений, а также отказа Петроградской городской управы от заведывания этим делом,— общественно необходимое предприятие может перестать функционировать.

Сохранение телефонной сети и поддержание нормального хода работ возможно лишь при условии принятия государством, в лице народного комиссара почт и телеграфов, заведывания телефонным делом Петрограда.

Ввиду этого народный комиссар почт и телеграфов временно принимает заведывание телефонной сетью»[2].

Работники министерства внутренних дел врачи — инспектор Кирьянов, его помощники Булатов и Шмидт, врачи управлений врачебной инспекции Ипполитов, Филаретов и другие отказались выполнять свои обязанности, связанные с охраной народного здоровья. В приказе народного комиссара внутренних дел Г. И. Петровского отмечалось, что «следствием забастовки этих врачей было, между прочим, то, что три телеграммы, уведомляю-

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 12, л. 4.
[2] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 42.

щие о появлении эпидемии чумы в Астраханской губернии и холеры в Бакинской губернии, оставались без рассмотрения»[1].

Чиновники министерства продовольствия и деятели общественных учреждений, занимавшиеся снабжением продовольствием, также отказались сотрудничать с Советской властью и не передавали дела назначенным Советским правительством руководителям Народного комиссариата продовольствия (в частности, исполнявшему обязанности народного комиссара А. Г. Шлихтеру).

18 ноября 1917 г. созванный саботажниками Всероссийский продовольственный съезд признал главным средством борьбы с Советской властью забастовку и постановил прекратить доставку продовольствия в революционные центры, а заготовленный хлеб передать в распоряжение Учредительного собрания, когда оно соберется. Съезд избрал так называемый «Всероссийский продовольственный совет» во главе с меньшевиком В. Г. Громаном (председателем Петроградской продовольственной управы).

27 ноября самозванный «Продовольственный совет» созвал в Петрограде в помещении бывшего министерства продовольствия совещание руководителей продовольственных учреждений по вопросу об организации антисоветского саботажа. Во время заседания в зал вошел Ф. Э. Дзержинский с нарядом красногвардейцев. Задав вопрос, действительно ли здесь происходит заседание «Совета продовольственных съездов», и получив на него утвердительный ответ, Феликс Эдмундович объявил, что по решению Совета Народных Комиссаров все присутствующие подлежат аресту. Председатель совещания Д. С. Коробов потребовал предъявить ордер на арест. Ф. Э. Дзержинский ответил, что он является товарищем народного комиссара по внутренним делам, и тут же выписал ордер об аресте членов «Совета продовольственных съездов» А. М. Беркенгейма, М. В. Кондратьева, Д. С. Коробова, Г. В. де Сен-Лорана, П. Л. Кузьмина, И. Ф. Федосеева, В. Г. Громана, В. В. Розена, бывших товарищей министра продовольствия Н. Д. Кондратьева и С. А. Ершова[2].

В составленном затем протоколе, подписанном всеми присутствовавшими, отмечено: «Товарищ министра Н. Д. Кондратьев задал Дзержинскому вопрос, арестован ли он, а также другой товарищ министра С. А. Ершов. Дзержинский ответил: «Да». Н. Д. Кондратьев спросил, будет ли все-таки арестован он как

---

[1] «Известия ВЦИК», 6 декабря 1917 г.

[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 6, л. 2.

член Учредительного собрания, как член II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов и как член партии социалистов-революционеров. Дзержинский ответил: «Да». Представитель служащих в свою очередь спросил, арестованы ли и они. Дзержинский ответил, что вопрос об этом будет выяснен потом. После того как представители служащих заявили, что они не подчиняются Совету Народных Комиссаров и не сдадут дел без распоряжения непосредственного начальства, они также были объявлены арестованными... Дзержинский предъявил требование о сдаче ему всех находящихся у присутствующих бумаг, что было исполнено».

Решительные меры против саботажников способствовали прекращению саботажа. Через некоторое время задержанные по решению СНК были освобождены [1].

Забастовки чиновников и служащих государственных и общественных учреждений вызывали возмущение самых широких масс населения, страдавших от хозяйственной разрухи, продовольственного кризиса и иных неурядиц, вызванных контрреволюционными саботажниками. Во многих учреждениях сотрудники протестовали против саботажа и оказывали содействие назначенным Советским правительством руководителям.

В декабре 1917 г. в Народный комиссариат внутренних дел поступило такое заявление: «Настоящим довожу до вашего сведения: 1-е. Во всех частных банках сего числа производится сбор денег на формирование юнкеров по постановлению якобы профессионального союза служащих кредитных учреждений. 2-е. 15 декабря подготовляется всеобщая забастовка всех служащих как кредитных учреждений, так равно разных предприятий. Примите строгие меры. Для этого необходимо арестовать в каждом банке главарей: директоров, доверенных, а в особенности учетчиков. Мы, служащие разных банков, умоляем вас — спасите завоеванную нашу народную революцию. Снимите с учетов всех предателей, они хуже директоров тормозят все дело. Председатель собрания мелких служащих (подпись неразборчива)» [2]. Это заявление 19 декабря было передано в ВЧК Ф. Э. Дзержинскому и послужило материалом при расследовании дела о саботаже чиновников бывшего министерства финансов и кредитных учреждений.

28 ноября 1917 г. после «демонстрации в защиту Учредительного собрания» участвовавшие в ней чиновники-саботажники со-

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 6, л. 9, 3 и др.
[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 5, л. 102.

брались в помещении бывшего Святейшего синода. На этом собрании сотрудники Следственной комиссии революционного трибунала арестовали бастующих чиновников министерства внутренних дел, казенной палаты и других учреждений. Но арестованные скрывали своих активистов, заявляли, что они собрались «случайно» и обсуждали вопросы, не связанные с забастовкой. Некий чиновник Н. К. Васильев, например, так отвечал на вопросы Следственной комиссии: «...Власти народных комиссаров подчинюсь, если ее признает Учредительное собрание... Забастовка чиновников возникла стихийно... Мое отношение к забастовке было пассивное... В отношении приступа к работе считаю себя обязанным подчиняться решению профессиональной организации» (то есть саботировать.— *Д. Г.*) [1]. Чиновник министерства финансов А. А. Дезен показывал: «Я... был арестован на собрании, состоявшемся 28 ноября с. г. в помещении Святейшего синода. На этом собрании присутствовали представители различных профессиональных организаций, сошедшиеся для обсуждения текущего момента в связи с открытием Учредительного собрания... Я на собрание был приглашен во время демонстрации перед Таврическим дворцом в честь Учредительного собрания в тот же день утром... В отношении вопроса о занятиях вполне подчиняюсь решению общего собрания служащих» [2]. Следственной комиссии так и не удалось тогда выявить главарей «Союза союзов». Арестованные чиновники 4 декабря были освобождены, а 14 декабря «Союз союзов» объявил всеобщую забастовку служащих государственных учреждений Петрограда.

Слушанием дела о преступном саботаже начал свою работу учрежденный в Петрограде революционный трибунал.

10 декабря 1917 г. в бывший дворец великого князя Николая Николаевича пришли представители различных слоев населения. Были здесь и бастующие адвокаты, старые судебные чиновники, друзья и близкие подсудимой — известной буржуазной общественной деятельницы, члена ЦК кадетской партии графини С. В. Паниной. По залу шмыгали бойкие корреспонденты буржуазных газет, все еще выходивших в городе; они заранее распространяли слухи о «жестокости» нового суда. Зал бурлил, клокотал, кипели политические страсти.

В час дня в зал вошел председатель Петроградского революционного трибунала, участник революции 1905 г., рабочий, большевик с 1909 г. Иван Павлович Жуков с шестью заседателями

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 369, л. 8.
[2] Там же, д. 138, л. 3.

и, заняв место за столом, обратился к публике. «69 лет тому назад,— сказал он,— во время революции 1848 г. во Франции возникли революционные суды, которые назывались революционными трибуналами. И как те первые революционные суды, так и ныне начавший жить русский революционный трибунал, я надеюсь, будет строгим оценщиком, самым ярым защитником прав и обычаев русской революции. Он будет строго судить всех тех, кто пойдет против воли народа, кто будет мешать ему на пути. И я уверен, что невиновные перед волей революционного народа найдут в революционном трибунале наиболее надежного защитника. Объявляю заседание революционного трибунала открытым» [1].

Так начался первый судебный процесс в революционном трибунале.

Графиня С. В. Панина — товарищ министра просвещения свергнутого Временного правительства — обвинялась в саботаже. На вопрос председательствующего, признает ли она себя виновной, Панина ответила, что не признает. Председатель предложил секретарю суда огласить доклад Следственной комиссии.

Суть дела заключалась в следующем. Не признавая власти рабочих и крестьян и назначенных ею руководителей Комиссариата просвещения, Панина решила не передавать новой администрации денежные средства, имевшиеся в кассе министерства. 15 ноября 1917 г. запиской на имя экзекутора [2] Дьякова она распорядилась: «Срочно. Секретно... Предлагаю вам немедленно по предъявлении сего все хранящиеся у вас денежные суммы, как в наличных деньгах, так и в процентных бумагах состоящие, передать предъявителям сего — делопроизводителю департамента народного просвещения Рождественскому и департамента профессионального образования Козлову и вместе с ними отправиться для внесения сих сумм на хранение в место по указанию означенных лиц» [3]. Так саботажники изъяли около 93 тыс. рублей народных денег. Когда пришла советская администрация, в кассе министерства просвещения не осталось ни копейки.

Вечером 28 ноября сотрудники следственной комиссии явились к Паниной. В ее квартире в это время происходило совещание членов Центрального комитета контрреволюционной партии кадетов с участием Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. В от-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 20.

[2] В царской России экзекуторами назывались чиновники, ведавшие хозяйственными делами и надзором за внешним порядком в каком-либо государственном учреждении.

[3] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 11.

вет на вопросы членов Следственной комиссии Панина заявила: «Признаю, что приказ экзекутору Дьякову от 15 ноября 1917 г. о внесении народных денег, бывших в моем распоряжении по министерству народного просвещения, дан мною. Куда я приказала отправить эти суммы, я указать не желаю. Сочту своей обязанностью представить отчет о всей деятельности и суммах единственно Учредительному собранию как единственной законной власти. От всяких разъяснений комиссарам или Следственной комиссии я отказываюсь» [1].

После оглашения материалов дела председательствующий спросил у присутствующих в зале суда, не желает ли кто-нибудь выступить обвинителем. Желающих не нашлось. Тогда И. П. Жуков предоставил слово защитнику подсудимой. Из публики вышел директор гимназии В. Я. Гуревич. Он принялся восхвалять достоинства подсудимой, оправдывая ее действия и одновременно дискредитируя процесс. Он заявил, что Панина не имела права передать деньги Совету Народных Комиссаров, а передаст их только «настоящему хозяину» — Учредительному собранию, которое якобы является выразителем воли всего народа [2].

Выступление защитника нашло благодатную почву среди части присутствовавшей на процессе публики. В зале раздавались крики, возгласы, кто-то устроил истерику. Некий Иванов, назвавшийся рабочим, потребовал слова и заявил, что подсудимая помогла ему, дотоле «темному человеку», научиться «любить науку и жизнь». Он подошел к скамье подсудимых, театрально поклонился Паниной и воскликнул: «Благодарю вас». Буржуазная публика устроила ему овацию.

Антисоветские выступления возмутили находившихся в зале рабочих. Один из них, рабочий завода «Парвиайнен» Наумов, сказал: «Суд был прав, когда привлек к ответственности гражданку Панину... Класс угнетенных кровью добыл власть и не может, не должен претерпевать оскорбления этой власти... Сейчас перед нами не отдельное лицо, а деятельница, деятельница партийная, классовая. Она вместе со всеми представителями своего класса участвовала в организованном противодействии народной власти, в этом ее преступление, за это она подлежит суду. Я рабочий, я мог бы питать вражду к представителям другого класса, но во мне нет этой вражды в данном случае. Я просто с раннего детства, как и все мои товарищи, попал в ад стан-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 16.
[2] Там же, л. 20—21.

ков. В грохоте станков мы приучились трезво смотреть на вещи, мы не могли увлекаться иными побуждениями, нужда была нашим учителем, и я напоминаю товарищам судьям, что... ваша исходная точка — это право трудового народа на счастье. Если трибунал признает за рабочими это право, то тех, кто тормозит проведение этого права в жизнь, революционный трибунал обязан обезвредить. Идеалы рабочего класса, великие идеалы, к которым мы стремимся, оправдают. И во имя этих идеалов, во имя миллионов угнетенных я призываю вас действовать» [1].

Судьи удалились на совещание. Когда они вернулись, в зале воцарилась тишина. И. П. Жуков читал, и все вслушивались в слова приговора: «Именем Революционного Народа! Революционный трибунал, рассмотрев дело гражданки Софьи Владимировны Паниной об изъятии ею из кассы бывшего министерства народного просвещения принадлежащей народу суммы — около 93 тыс. рублей, постановил: 1) оставить гражданку Софью Владимировну Панину в заключении до момента возврата взятых ею денег в кассу Комиссариата народного просвещения; 2) Революционный трибунал считает гражданку Софью Владимировну Панину виновной в противодействии народной власти, но, принимая во внимание прошлое обвиняемой, ограничивается преданием гр-ки Паниной общественному порицанию» [2].

19 декабря 1917 г. саботажники внесли изъятые деньги в Народный комиссариат просвещения, и Панина была освобождена. Впоследствии она стала белоэмигранткой.

14 декабря 1917 г. Петроградский революционный трибунал заслушал второе дело о саботаже. Бывший командующий 5-й армией генерал В. Г. Болдырев обвинялся в том, что он, не признавая власти назначенного Советами Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, дважды ослушался его приказаний и не явился по его требованию.

Генерал Болдырев заявил, что так как Крыленко назначен большевиками, поэтому он не подчинялся его приказаниям. Кроме того, он пытался оправдаться тем, что армейский комитет также разделял его точку зрения, а о переходе комитета на советские позиции он не знал.

Когда у Болдырева на суде спросили, как бы он поступил, если бы знал о переходе армейского комитета на советские позиции, подчинился ли бы он в этом случае приказаниям Крыленко, он ответил: «Я считаю себя гражданином свободной Рос-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 21—22.
[2] Там же, л. 23.

сии и подчиняюсь воле Учредительного собрания», то есть дал понять, что он не признает Советской власти.

Революционный трибунал признал Болдырева виновным в неисполнении распоряжений Верховного главнокомандующего Крыленко и приговорил его к трем годам тюремного заключения [1].

Вскоре в Петроградском революционном трибунале слушалось дело графини О. Апраксиной.

В декабре 1917 г. в Народный комиссариат государственного призрения (ныне Министерство социального обеспечения), руководимый А. М. Коллонтай, пришла сестра милосердия благотворительного церковного приюта, носившего название «Во имя царицы небесной», А. В. Кобылина и сообщила об ужасном состоянии находящихся в приюте детей. В приюте, говорила она, «перестали совершенно топить несмотря на суровые морозы. Трубы стали лопаться от холода... Белье перестали стирать, и дети ходят в грязном белье, кишащем паразитами... Дети голодают, от голода у детей стали появляться на руках и ногах язвы и раны... Смертность среди детей ужасающая... Дошло до того, что покойник оставался непогребенным три недели... Видя эти ужасы, я стала настойчиво обращать внимание графини Апраксиной (попечительницы приюта.— *Д. Г.*) и других лиц на нравственную ответственность за состояние детей, но мне постоянно указывали, что нужно терпеть... У меня создалось твердое убеждение, что все это безобразие создавалось искусственно с целью убедить народ в том, что всему этому виною является власть большевиков. Это... подтверждается еще и тем, что графиня Апраксина упорно не желала обратиться за помощью в министерство призрения...»

Народный комиссариат государственного призрения, узнав об этом, принял приют в свое ведение, ассигновал необходимые средства на содержание детей и спас многих из них от гибели. Назначенная комиссаром приюта Е. Н. Миндлина через короткое время заявила: «Совокупность всех обстоятельств, при коих продолжалось бесчеловечное существование детей, меня убедила в том, что графиня Апраксина умышленно старалась избе-

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 15 декабря 1917 г. В. Г. Болдырев был освобожден из заключения в мае 1918 г. на основании амнистии, объявленной декретом СНК Петроградской коммуны 1 мая 1918 г. Позже участвовал в борьбе против Советской власти, был членом Директории Уфимского правительства и главкомом его вооруженных сил. Колчаком выслан в Японию. После разгрома колчаковцев Красной Армией возвратился во Владивосток и вторично был амнистирован Советской властью.

гать правительственной помощи с целью дискредитировать власть народных комиссаров, на опыте демонстрируя всю внесенную якобы ими в жизнь приюта разруху».

Рассмотрев это дело, Петроградский революционный трибунал признал, что «со стороны Апраксиной и Бурнашевой (старшей сестры приюта.— *Д. Г.*) было допущено бездействие, подлежащее строгому порицанию». Революционный трибунал постановил отстранить их от управления приютом и лишить права активного участия в благотворительных учреждениях [1].

Но меры, применявшиеся революционными трибуналами, оказывались недостаточными, чтобы сломить саботаж. Нужна была более решительная борьба, и основная тяжесть ее легла на плечи Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Выполняя указания Совнаркома, ВЧК в первые дни своего существования раскрыла и ликвидировала центральный стачечный комитет «Союза союзов служащих государственных учреждений», руководивший забастовкой чиновников [2]. Сотрудники Чрезвычайной комиссии выяснили, что руководители стачки чиновников собираются в Петрограде в доме № 46 по Литейному проспекту. 22 декабря 1917 г. председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, лично занимавшийся расследованием этого дела, предписал произвести обыск по Литейному, 46, кв. 17, и задержать всех заподозренных лиц, в том числе Валединского, который публично собирал деньги для саботажников [3]. Чекисты с отрядом красногвардейцев обнаружили по этому адресу конторы нескольких организаций («Союза трудовой интеллигенции», «Союза инженеров», «Союза союзов») и около 30 сотрудников и посетителей контор, пытавшихся уничтожить бумаги и скрыться. Но чекисты задержали их и изъяли ряд документов (в том числе издававшийся саботажниками бюллетень и подписные листы на сбор средств в «забастовочный фонд»), характеризовавших их подрывную деятельность. Когда один из задержанных в конторе пытался бежать от приставленных к нему красногвардейцев, его обыскали и нашли у него визитную карточку на имя чиновника министерства внутренних дел А. М. Кондратьева, о котором ВЧК имела сведения как об одном из организаторов забастовки. Задержанный оказался председателем

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 1, л. 27, 30, 38 и др.

[2] Это было первое дело, расследованное ВЧК. Подробнее об этом см. *Д. Л. Голинков.* Первое дело ВЧК.— «История СССР», 1965, № 4, стр. 120—123.

[3] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 391, л. 3.

«Союза союзов». Деньги он успел передать какому-то сообщнику, и они исчезли.

Ф. Э. Дзержинский изучил найденные при обыске документы. У Кондратьева была отобрана записная книжка, в которой он вел «бухгалтерию» саботажников. По обрывкам разорванных при обыске бумаг Дзержинский восстанавливал их содержание. Так, например, в найденном бюллетене (печатался на гектографе) содержалась информация о ходе забастовки, в частности отмечалось: «Министерство финансов... Почтовое отделение при таможне приступило к работе по инициативе Центротама (центральной организации таможни.— *Д. Г.*), признавшего до Учредительного собрания власть народных комиссаров и обратившегося с воззванием ко всем органам. Главным деятелем по срыву забастовки является некто Фиденев. Центральный стачечный комитет постановил объявить Фиденева штрейкбрехером, просил стачечный комитет министерства составить контробращение к служащим и представить в Центральный стачечный комитет для сведения» [1]. В бюллетене сообщалось о забастовке служащих, работавших в органах министерства продовольствия, которые создали свой центральный орган, имевший задачей превращение местных забастовок во всероссийскую [2].

О деятельности «Союза союзов» в бюллетене содержалась и такая информация: «1) Принято постановление, в подтверждение прежних, об отчислении со служащих в стачечный фонд 3% содержания за ноябрь и декабрь (однодневный заработок) из расчета всего годового содержания (с наградными), деленного на 12 месяцев. Если отчисление за ноябрь уже произведено не в тех размерах, то принять меры к возможному его пополнению, а за декабрь сделать нормальное отчисление; 2) подтверждено решение Центрального стачечного комитета о манифестациях 28 ноября; 3) воззвание к населению о защите Учредительного собрания, за недостаточностью собранных подписей, особенно некоторых крайних партий, решено отложить на некоторое время опубликованием, а т. Плетневу поручено переговорить о привлечении подписей партий... 4) для осведомления дежурных признано необходимым снабжать их информацией (бюллетенем), отсутствующих знакомить о положении дел через членов, присутствовавших на собрании; 5) дежурными на 28 назначены тт. Троицкий (1—2—3) и Демидов (3—6). Собрание комитета на 28-е назначено в 7 часов вечера» [3].

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 406, л. 114.
[2] Там же, л. 112—113.
[3] Там же, л. 117.

Располагая этими данными, Ф. Э. Дзержинский разработал подробный план дальнейшего расследования. Только составленный им список с заголовком «Надо арестовать по делу Кондратьева. Организаторы» содержал свыше 100 фамилий [1]. 30 декабря 1917 г. было арестовано несколько активистов «Союза союзов». Ф. Э. Дзержинский лично допрашивал и записывал показания большинства арестованных. Вот некоторые из этих показаний.

А. Я. Литвиненко — чиновник бывшего министерства внутренних дел: «Жалованье, как и все другие, и я получал от стачечного комитета, жалованье иногда полностью, иногда урезанное... А. М. Кондратьева я знал как своего сослуживца... Запись моей фамилии и адреса, о которых вы (Дзержинский) мне сообщаете [2], я объясняю тем, что недели три тому назад я по просьбе председателя А. М. Кондратьева выполнял некоторые поручения: я был секретарем Кондратьева в течение 2—3 дней для связи с IV группой».

А. А. Антоневич — один из кассиров стачечного комитета: «Цифра 3764 руб. 91 коп.— это может быть расчет с А. М. Кондратьевым. Я работал с ним вместе в министерстве внутренних дел до 5 июня 1917 г. Он пригласил меня как служащего на жалованье в организацию союза служащих ведомств. Там поступали разные сборы, и я вел по этим сборам записи. Записи вел на бумажках, так как не работал уже в министерстве как состоящий на военной службе, не мог правильно вести как неорганизованное и неналаженное еще дело. Цифра 3764 руб. 91 коп.— сумма сборов почти до последнего времени. Эта сумма у меня была, передал я ее Кондратьеву неделю (если не 10 дней) тому назад. С тех пор если и поступали какие суммы, то ему я передавал. Встречался обыкновенно на Литейном, 46. Был он председателем этой организации ведомства внутренних дел» [3].

В результате расследования выяснилось, что «Союз союзов» и состоявший при нем Центральный стачечный комитет руководили забастовкой чиновников в Петрограде и готовили забастовку во всероссийском масштабе. «Союз союзов» был связан с антисоветскими политическими организациями, с «Союзом защиты Учредительного собрания», с представителями банков, крупных промышленников и торговцев, от которых получал средства на выплату жалованья бастующим. Были выявлены ведомствен-

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 391, л. 2—23, 34-а.

[2] Ф. Э. Дзержинский предъявил допрашиваемому запись в книжке Кондратьева.

[3] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 406, л. 27, 109.

ные стачечные комитеты, стачечные комитеты министерств, отраслевые объединения, входившие в «Союз союзов», и существовавшие при нем бюро печати и бюро для сношения с Москвой.

Одним из выявленных ВЧК отраслевых комитетов «Союза союзов» был стачечный комитет служащих кредитных учреждений. В его состав входили Теслер, Коробков, Кемплер, Рошаль, Данилович и др.; главную роль в нем играли меньшевики. Финансисты-стачечники собрали значительные средства (свыше миллиона рублей) в «фонд помощи» бастующим чиновникам. Их передал для распределения между служащими 9 банков бывший министр финансов, видный кадет Н. Н. Кутлер. Саботажники получали средства от торгового дома Ивана Стахеева и К° в Москве, от табачной фабрики Богданова, от Кавказского, Тульского поземельного, Московского народного и иных банков.

Из-за предательства соглашательских партий на поддержку врагов революции пошла и часть народных денег. В свое время, еще в дни керенщины, трудящиеся собрали и предоставили в распоряжение ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов первого созыва значительную сумму денег для использования их в интересах рабочего класса. После победы Октября меньшевики и эсеры, возглавлявшие ЦИК первого созыва, не постеснялись утаить эти средства (около 250 тыс. рублей) от Советов и преступным путем использовали их для поддержки контрреволюционных саботажников, выступавших против рабочего класса [1].

В процессе расследования дела «Союза союзов» ВЧК изолировала главарей стачки чиновников, разрушила аппарат стачечного комитета, расстроила источники поступления средств, вела работу по расслоению саботажников, откалывая неустойчивую их часть и привлекая на сторону Советской власти тех из них, которые были наиболее близки к трудящимся. Под влиянием сотрудников ВЧК арестованные давали подписку, что они не будут больше участвовать в актах саботажа; получив такую подписку, ВЧК освобождала арестованных. ВЧК согласовывала свою деятельность с партийными и советскими организациями, которые вели разъяснительную работу среди служащих министерств и чистку их от контрреволюционных элементов.

1 марта 1918 г. ВЧК направила материалы произведенного ею дознания в Следственную комиссию революционного трибу-

---

[1] См. *М. Я. Лацис (Судрабс).* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920, стр. 12—13.

нала. В это время под арестом находился лишь председатель «Союза союзов» Кондратьев. 2 марта 1918 г. Следственная комиссия освободила из-под стражи и его. Теперь, когда саботаж был сломлен, Советская власть не сочла нужным наказывать побежденных врагов.

Почти одновременно с раскрытием в Петрограде дела «Союза союзов» в Москве был ликвидирован стачечный комитет служащих городской управы. Он состоял из высших служащих городских, преимущественно медицинских, учреждений и больниц и руководил забастовкой, которая весьма тяжело отражалась на состоянии городского хозяйства и больниц.

13 января 1918 г. это дело рассматривал в открытом судебном заседании Московский революционный трибунал. Перед судом предстали члены стачечного комитета: врач Фрейдберг, сестры милосердия Ромоданова, Артамонова и контролер Давыдов.

Трибунал постановил: «1) Признать этих граждан виновными в том, что они, будучи членами стачечных комитетов, приняли участие в организации забастовки высших городских служащих, направленной заведомо для них к увеличению развала городского хозяйства в интересах контрреволюции, и 2) за это преступное деяние объявить этих граждан врагами народа и лишить их права быть избираемыми на какую-либо общественную или государственную должность» [1].

Советское правительство приняло меры и против саботажа капиталистов, не желавших подчиниться рабочему контролю и закрывших свои заводы и фабрики, торговые заведения. Такие предприятия подлежали конфискации.

Вот первое постановление Советского правительства от 17 ноября 1917 г. по этому поводу: «Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад народного комиссара труда А. Шляпникова о закрытии фабрики товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова, считает, что:

1) Закрытие фабрики, исполняющей заказы на армию и обслуживающей нужды беднейших потребителей,— недопустимо.

2) Материалы по обследованию дел на фабрике указывают на злую волю предпринимателя, явно стремившегося локаутировать рабочих, саботировать производство.

3) В интересах народного хозяйства, широкой массы потребителей и 4000 рабочих и их семей находит необходимым пустить указанную фабрику в ход, а посему постановлено:

---

[1] «Известия Московского Совета», 14 января 1918 г.

4) Фабрику товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова при поселке Ликино Владимирской губ. со всеми находящимися при ней материалами, сырьем и прочим, объявить собственностью Российской республики.

5) Организация управления ею поручается народному комиссару труда А. Г. Шляпникову» [1].

В течение декабря 1917 г. за отказ подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством были конфискованы заводы и имущество акционерных обществ Богословского горного округа, Симского общества горных заводов, Правления Русско-Бельгийского металлургического общества, Общества электрического освещения 1886 года, Управления автомобильных мастерских, Международного общества спальных вагонов, акционерных обществ Сергинско-Уфалейского горного округа, Кыштымского горного округа, Путиловских заводов, Невьянского горного округа [2].

Такая же борьба с саботирующими чиновниками и промышленниками велась советскими организациями в провинции и в национальных районах.

На Украине уже в первые дни Октября созданный исполкомом Совета рабочих депутатов и Военно-революционным комитетом рабочий революционный трибунал судил забастовщиков из числа бывших чиновников и отдельных владельцев предприятий, занимавшихся саботажем. В январе — феврале 1918 г. Военно-революционный комитет в Харькове закрыл за саботаж Правление съезда горнопромышленников Юга России, а его председателя, А. Ф. фон Дитмара, как вдохновителя саботажа капиталистов арестовал.

Исполком Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов 16 ноября 1917 г. предупредил саботажников из почтово-телеграфного ведомства: «Те из бастующих, которые в течение 24 часов со времени объявления настоящего обращения не приступят к работе, будут считаться уволенными от службы со всеми вытекающими отсюда последствиями (как-то: призыв на военную службу и лишение пенсии), а стачечный комитет, как руководитель настоящего контрреволюционного выступления, будет арестован» [3]. Стачка была прекращена.

В январе 1918 г. в знак протеста против роспуска антисоветской Ташкентской городской думы высшие служащие городской

[1] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 105.

[2] См. там же, стр. 186—187, 194—195, 233—234, 241, 290—294, 301—302.

[3] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане». Сборник документов. Ташкент, 1947, стр. 114.

управы объявили забастовку. Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов уволил со службы руководителей и инициаторов забастовки, а остальных служащих предупредил.

29 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров Туркестанского края издал приказ, запрещавший владельцам закрывать свои предприятия [1].

Решительные меры ВЧК, судебные процессы, административное воздействие, разъяснительная работа партийных организаций среди служащих, чистка учреждений от антисоветских элементов — все это в конце концов сломило саботаж: чиновники приступили к работе, саботажники-капиталисты были устранены из предприятий. В апреле 1918 г. В. И. Ленин констатировал: «...Теперь мы саботаж сломили. «Красногвардейская» атака на капитал была успешна, была победоносна, ибо мы победили и военное сопротивление капитала и саботажническое сопротивление капитала» [2].

4. Борьба с контрреволюционной прессой

Газеты разных антисоветских партий заполняли свои страницы злобной клеветой на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и Советы. Многие из этих газет находились на содержании у буржуазии и иностранцев. Так, например, из разоблачений, сделанных В. Бакрыловым, личным секретарем видной деятельницы партии эсеров Е. К. Брешко-Брешковской, стало известно, что эсеры получили на издание правоэсеровских газет («Воля народа», «Земля и воля», «Народная правда») от русской буржуазии 100 тыс. рублей и от американцев 2 млн. рублей. Буржуазные и правосоциалистические газеты имели большие запасы бумаги и свои типографии, в то время как большевистская печать не располагала необходимой полиграфической базой.

Сразу же после взятия власти в Петрограде Военно-революционный комитет назначил комиссара по делам печати — члена большевистской партии, старого полиграфиста Н. И. Дербышева; со второй половины ноября обязанности комиссара исполнял большевик А. Е. Минкин. Помимо комиссара по делам печати, в состав ВРК входили контрольная комиссия над печатью и институт комиссаров типографий, реквизированных и конфи-

---

[1] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане». Сборник документов. Ташкент, 1947, стр. 117.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 178.

скованных органами Советской власти. Все это объединялось в специальный отдел, который в документах ВРК значился как отдел печати и информации. Отвечал за его работу член ВРК В. А. Аванесов [1]. Отдел печати и информации Петроградского ВРК был первым специальным органом, который проводил широкие мероприятия по подавлению буржуазной прессы.

Чтобы пресечь потоки лжи и клеветы, которые буржуазия обрушила на победивший пролетариат и его партию, Военно-революционный комитет в Петрограде вынужден был в дни Октября запретить издание некоторых контрреволюционных газет (кадетской «Речи», меньшевистского «Дня» и др.). Вместе с тем ВРК прибегал и к таким мерам, как временное запрещение издания газет, задержка печатания отдельных номеров, запрещение публикации контрреволюционных воззваний, призывов и других враждебных выступлений. С этой целью проводилась проверка типографий, в которых печатались буржуазные и мелкобуржуазные издания.

Так, проверке подверглись типографии газет «Копейка», «Народное слово», «Север», «Единение» и др. Представители ВРК обнаружили, что печатавшиеся здесь газеты содержали контрреволюционные материалы. Правоэсеровская газета «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» (типография газеты «Копейка»), например, заверстала в очередном, 147-м номере приказ Керенского и воззвание бывшего Временного правительства. В типографии «Народное слово» печаталось антисоветское воззвание ЦК партии народных социалистов, в типографии «Севера» готовился номер черносотенной газеты «Мира, хлеба и свободы». ВРК приостановил работу над этими изданиями и задержал выход в свет очередного номера газеты «Единение».

Однако это была всего лишь первая попытка ограничить подрывную деятельность буржуазной прессы. Достаточно сказать, что к 27 октября в Петрограде было закрыто лишь около 20 враждебных Советам газет. Часть из них, несмотря на это, продолжала выходить [2].

27 октября 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял Декрет о печати, в котором говорилось: «В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять

---

[1] См. *А. З. Окороков.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970, стр. 169.

[2] Там же, стр. 172.

целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.

Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати.

Рабочее и крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.

Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть рабочих и крестьян только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса».

На будущее декрет устанавливал правила, регулирующие закрытие газет. «Закрытию,— говорилось в декрете,— подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновение рабочему и крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера» [1].

Декрет о печати положил начало более организованным мерам борьбы против враждебных революции изданий буржуазии и соглашательских партий.

31 октября 1917 г. большевистская фракция Ревельского Совета поставила вопрос о закрытии ряда буржуазных газет, распространявших заведомо ложные и провокационные сведения, наносящие громадный ущерб делу революции. 62 голосами против 30 Совет принял решение закрыть на время все местные буржуазные газеты [2]. В январе 1918 г. Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Искалат) закрыл газету латышских меньшевиков «Страдниеку Авизе» («Рабочая газета»).

---

[1] «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» (далее — СУ), 1917, № 1, ст. 4.

[2] Здесь и далее данные о закрытии антинародных газет местными органами революционной власти приводятся по работе А. З. Окорокова «Октябрь и крах русской буржуазной прессы», стр. 201—203.

На Украине, в Харькове, 9 декабря 1917 г. были закрыты буржуазный «Южный край» и черносотенная «Русская жизнь». В январе — феврале 1918 г. прекратили существование «Новости дня», «Новая жизнь», «Южный рабочий», выходившие в Одессе.

Совет Народных Комиссаров Туркестанского края 12 декабря 1917 г. закрыл газету «Туркестанский вестник» и конфисковал типографию «за нарушение Декрета о печати рабочего и крестьянского правительства, выразившееся в призыве к открытому сопротивлению и ниспровержению рабочего и крестьянского правительства... из-за сеяния смуты путем явно клеветнического извращения фактов...»

Вскоре после издания декрета от 27 октября для наблюдения за прессой были учреждены специальные комиссариаты по делам печати. Они получили право принимать административные меры в случаях преступного использования прессы, вести расследование и передавать такие дела на рассмотрение следственных комиссий и революционных трибуналов.

Применявшиеся судебно-следственными органами меры борьбы с преступным использованием прессы в первое время были малоэффективны. Так, по указанию Военно-революционного комитета следственная комиссия произвела расследование по делу об опубликовании некоторыми газетами («Утренние ведомости», «Речь», «Единство», «Воля народа», «Трудовое слово», «Рабочее дело») воззвания подпольной группы бывших министров Временного правительства, которые призывали к антисоветской демонстрации «в защиту Учредительного собрания». 17 ноября 1917 г. Следственная комиссия арестовала члена редакции газеты «Воля народа» правого эсера А. А. Аргунова, члена редакции газеты «Трудовое слово» народного социалиста С. В. Дмитриевского, заведующего информационным отделом той же газеты В. Я. Яроцкого, издателя и редактора ряда кадетских журналов, члена ЦК кадетской партии Д. Д. Протопопова, но уже через несколько дней они были освобождены, а дело прекращено [1].

23 декабря 1917 г. в Петроградском революционном трибунале было рассмотрено дело газеты «Революционный набат», которая, незаконно называя себя органом Всероссийского ЦИК, систематически распространяла клевету и призывала к борьбе с Советской властью. Дело возникло в связи с привлечением к суду народного социалиста Л. М. Брамсона.

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 38, л. 9 об.

На суде Брамсон вызывающе заявил, что он «от всей души сочувствовал лозунгам газеты и солидарен с нею...». Революционный трибунал признал, что «Брамсон, зная о направлении и приемах борьбы газеты «Революционный набат», не протестовал против включения его имени в списки участвующих (в издании газеты.— *Д. Г.*) и этим самым проявил свою солидарность с такими приемами борьбы», и постановил «выразить ему от имени революционного народа общественное порицание и презрение». Одновременно трибунал решил закрыть газету «Революционный набат», а имущество ее конфисковать в пользу Российской республики [1].

8 января 1918 г. Московский революционный трибунал рассмотрел свое первое дело — о преступном использовании печати редактором буржуазной газеты «Утро России» Садковым и издателем Родионовым. Заседание открыл председатель революционного трибунала большевик Я. Л. Берман. Так же как и И. П. Жуков в Петрограде, он в начале заседания произнес речь о задачах нового революционного суда. Затем назвал имена 24 заседателей, избранных Московским Советом на настоящую сессию, и приступил к жеребьевке, чтобы отобрать из них шесть заседателей для участия в рассмотрении настоящего дела. Заседатели заняли свои места за судейским столом.

В качестве обвинителей на суде выступали большевики И. С. Кизельштейн и С. А. Степняк, а защитником «из публики» оказался адвокат, в прошлом председатель чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве Н. Муравьев [2].

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 24 декабря 1917 г.

[2] К тому времени порядок допуска защиты и обвинения в революционных трибуналах несколько изменился. По первому «Руководству для устройства революционных трибуналов» от 28 ноября 1917 г., подписанному П. И. Стучкой (как и по постановлению Московского Совета «Об учреждении Московского ревтрибунала» от 8 декабря 1917 г.), в качестве защитников и обвинителей допускались «все неопороченные граждане»; обвинители и защитники могли быть назначены только в данном судебном заседании из присутствующих лиц. Новая инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. предусматривала учреждение при революционных трибуналах специальной «коллегии лиц, посвятивших себя правозаступничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты». Из этой коллегии должны были избираться по желанию подсудимых и по назначению трибунала обвинители и защитники. Инструкция одновременно допускала и возможность участия в судебных прениях одного обвинителя и одного защитника из публики, находившейся в зале заседания. Старая буржуазная адвокатура саботировала трибуналы и не желала входить в коллегии правозаступников. Вместе с тем, пользуясь установившимся в новых судах обычаем допускать защитников из числа присутствующих в зале заседания лиц, старые адвокаты пыта-

В. К. Садков и И. О. Родионов обвинялись в том, что они в контрреволюционных целях опубликовали в двух номерах газеты ложные сведения. В одной из заметок сообщалось, будто Народный комиссариат по военным делам отдал распоряжение о демобилизации некоторых категорий военнослужащих, в другой — что в боях между советскими войсками и войсками Украинской Центральной рады под Харьковом с обеих сторон было будто бы около 17 тыс. убитых и раненых, а «два большевистских полка перешли на сторону рады». Ложный характер заметок, помещенных в газете, доказывался показаниями свидетелей. Защитник Н. Муравьев произнес на суде громкую, напыщенную речь «в защиту свободы печати и слова», которую якобы нарушают большевики.

Московский революционный трибунал признал Садкова и Родионова виновными в опубликовании «заведомо ложных сведений, имевших целью вызвать панику в населении и разрушить фронт русской армии», и приговорил: первого — к двухнедельному аресту, а второго — к штрафу в 15 тыс. рублей, с заменой в случае несостоятельности подсудимого тремя месяцами тюрьмы.

По постановлению народного комиссара юстиции левого эсера И. З. Штейнберга от 18 декабря 1917 г. при революционных трибуналах были учреждены особые революционные трибуналы печати для расследования и рассмотрения дел о «преступлениях и проступках против народа, совершаемых путем использования печати». При этом трибуналы печати должны были рассматривать дела не о лицах, обвиняемых в преступном использовании печати, а о «произведениях печати». В отношении последних революционные трибуналы печати могли выносить судебные приговоры о наказаниях в виде денежного штрафа, выражения общественного порицания, приостановки издания или изъятия его из обращения, конфискации типографии или имущества [1]. В сущности, революционные трибуналы печати, таким образом, должны были стать органом, решающим в судебном порядке вопросы, относящиеся к ведению административных органов — комиссариатов по делам печати.

В Петрограде революционный трибунал печати образовался только в конце января 1918 г. под председательством левого эсера А. Шрейдера. Уже в первые дни своего существования,

---

лись использовать трибуну революционных судов для выступлений против нового правопорядка. Именно в таком амплуа и выступил Н. Муравьев на процессе деятелей буржуазной газеты «Утро России».

[1] СУ, 1917, № 10, ст. 156; СУ, 1917, № 12, ст. 170.

24 января 1918 г., трибунал, превратно толкуя постановление народного комиссара юстиции от 18 декабря, обратился в Совет Народных Комиссаров с просьбой дать указание всем следственным комиссиям, действовавшим в городе, о передаче ему дел о преступлениях, связанных с печатью, и об освобождении всех лиц, арестованных по таким делам. В связи с этим СНК исправил недостатки постановления НКЮ от 18 декабря и издал 28 января 1918 г. декрет «О революционном трибунале печати», которым постановил, что в сферу компетенции революционных трибуналов печати входит не только суд над произведениями печати, но и над лицами, совершившими преступления путем использования печати, которые могут быть приговорены им к лишению свободы, лишению прав и т. п. наказаниям [1].

Однако деятельность революционных трибуналов печати была еще слабой. На судебные процессы в трибуналы являлись контрреволюционные элементы, буржуазные адвокаты, выступавшие «из публики» с антисоветскими речами, десятки репортеров буржуазных газет, разносивших в газетных отчетах клеветнические слухи и измышления. Вся эта публика пыталась превратить судебные процессы в антисоветские демонстрации. Резкую отповедь радетелям «свободы печати» давали видные деятели большевистской партии, участвовавшие в процессах в качестве обвинителей.

24 марта 1918 г. московская буржуазная газета «Русские ведомости» опубликовала статью Бориса Савинкова под названием «С дороги», наполненную гнусными измышлениями. «Большевики,— писал Савинков,— служили и служат немцам». Он призывал «бороться с немцами и бороться с большевиками». По постановлению Комиссариата по делам печати редактор газеты П. В. Егоров за опубликование этих измышлений был привлечен к суду, а издание газеты до решения суда прекращено. 4 апреля 1918 г. дело рассматривалось в Московском революционном трибунале печати, образованном в марте 1918 г. Н. В. Крыленко, выступивший на процессе, убедительно показал лживость инсинуаций Савинкова и виновность редактора в опубликовании клеветы и дал резкую отповедь защитникам «свободы печати». Трибунал печати постановил закрыть газету «Русские ведомости», а редактора приговорил к общественно-принудительным работам на три месяца. Но ввиду преклонного возраста Егорова это наказание было заменено ему тюремным заключением на тот же срок.

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 14 (1) февраля 1918; СУ, 1917, № 28, ст. 362.

На процессах по делам о преступлениях в печати выступал член президиума Петроградского Совета и комиссар по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарский, раскрывавший в своих пламенных речах суть буржуазной «свободы печати». 27 мая 1918 г. в речи по делу петроградской газеты «Новый вечерний час» В. Володарский, проанализировав содержание отдельных номеров этой газеты, показал, что она распространяла лживые, провокационные вымыслы, вызывавшие в стране «страстное, нервное, жгучее настроение». Высмеивая ссылки обвиняемых и их защитников на «ошибки», «опечатки» газеты, он говорил, обращаясь к одному из свидетелей: «Припомните такой случай, когда бы вы ошиблись в пользу Советской власти. Смешно говорить об ошибках и промахах, делать оскорбленный вид... Процесс прессы превращают в процесс опечаток!.. Но когда опечатки приносят колоссальный вред Советской власти, я говорю: либо вы не умеете владеть оружием, которое у вас в руках, и тогда его нужно вынуть из ваших рук, или вы сознательно пользуетесь этим оружием против Советской власти».

Отклонив демагогические заявления защитников о «свободе печати», В. Володарский продолжал: «Защищайте все, что угодно, но свободы печати нет ни в Англии, ни во Франции, ни в Соединенных Штатах. Я мог бы назвать имена закрытых газет и имена редакторов, моих близких товарищей, которые сидели в тюрьмах и в Англии, и во Франции, и в Соединенных Штатах. Вы все великолепно знаете, какая была свобода печати до того момента, когда мы пришли к власти... Какую вакханалию отплясывали эти господа 3—5 июля.., вспомните весь тот ужас, который мы переживали в течение этих месяцев. Вспомните закрытие «Правды», закрытие рабочих газет [1]. О, эти господа не говорили тогда о свободе печати, они тогда ничего не говорили о свободе печати, они отплясывали дикий канкан на трупах тех, кто пал, на трупах тех газет, которые были закрыты. Да, они плясали! Они тогда не знали удержу, не знали ни чести, ни совести! Ничего у них не было. Они видели красный призрак надвигающегося коммунизма. Все средства были тогда хороши: ложь, клевета, бешеная слюна — все было пущено в ход только для того, чтобы нас оклеветать. И это у них свобода печати. Да, теперь они держатся иначе.., они другим оружием действуют,

[1] После июльских событий (с 5 июля по 5 сентября) 1917 г. Временное правительство закрыло много рабочих большевистских газет в Петрограде, Кронштадте, Риге, Царицыне, Воронеже, Минске, Ревеле и других городах.

они могут нанести нам удар в спину, могут каждый день изобретать какую-нибудь сенсацию, которая колеблет умы, подрывает основы нашей власти. И они это великолепнейшим образом делают.

Пусть, товарищи, они не попытаются вас смутить высокими разговорами об абсолютной свободе печати. Ее нет, как нет абсолютной свободы в каком бы то ни было государстве...»

Заканчивая свою речь, В. Володарский говорил: «Я считаю, что то обвинение, которое мы выдвинули — систематическое сообщение ложных слухов, сеющих панику и клевету,— вполне и безусловно доказано... В тяжелый момент, когда общественного спокойствия и так мало, когда жизнь каждую минуту хлещет нас по нервам, красть это спокойствие, позволять кому бы то ни было подходить и подкладывать поленья в костер, на котором мы уже достаточно жаримся, это колоссальное преступление перед революцией и перед народом...

Я не сомневаюсь, что вы, как представители революционного трибунала, как представители народа, скажете — нет, граждане, больше слухов мы не хотим, дайте нам честную информацию, или вы не будете больше существовать!» [1].

Только в апреле 1918 г. за клеветнические статьи антисоветского характера были привлечены к суду редакции меньшевистского журнала «Рабочий» в Воронеже, эсеровской газеты «Голос революции» в Астрахани, меньшевистского «Народного голоса» в Туле, «Курьера» и «Вечерней зари» в Самаре, эсеровской газеты «Путь народа» в Томске.

По имеющимся данным, за четыре месяца, с момента победы Октября и до конца февраля 1918 г., было отдано под суд революционных трибуналов 19 газет, наложено штрафов на газеты на сумму 142 тыс. рублей, арестовано 18 редакторов и сотрудников газет (они наказывались штрафом и краткосрочным арестом).

Всего в 1917—1918 гг. было закрыто 170 буржуазных и 167 мелкобуржуазных газет [2].

Согласно декрету «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г., трибуналы печати были ликвидированы.

После ликвидации революционных трибуналов печати вопросы работы печати разрешались в административном порядке

---

[1] «Социалистическая законность», 1958, № 10, стр. 43—44.

[2] См. список газет, закрытых органами Советской власти, данный в приложении к книге А. З. Окорокова. Для сравнения следует отметить, что только в одной Москве в начале 1918 г. выходило около 600 буржуазных и мелкобуржуазных периодических изданий.

комиссариатами по делам печати, а дела о преступном использовании прессы рассматривались в общих революционных трибуналах.

5. Арест монархистской группы Пуришкевича. Первый крупный политический процесс в Петрограде

3 ноября 1917 г. в штабе Петроградского военного округа красногвардейцы задержали семнадцатилетнего юнкера, служившего в Кавказском ударном батальоне, Евгения Зелинского, который пытался выкрасть бланки штаба. Его доставили в Смольный. Член Военно-революционного комитета Н. В. Крыленко и член следственной комиссии А. И. Тарасов-Родионов допросили его.

Зелинский рассказал, что в августе он был произведен генералом Корниловым в прапорщики и прибыл в Петроград с фронта. Оставшись после Октябрьской революции без средств, он отправился в общежитие офицеров за помощью. Там какой-то прапорщик предложил ему вступить в монархический союз и привел к В. М. Пуришкевичу. Тот завербовал его в офицерско-юнкерскую организацию, готовившую вооруженное выступление против Советской власти, и поместил в оплачиваемую монархистами гостиницу «Россия», где жили и другие офицеры и юнкера. По заданию этой организации Зелинский и пытался выкрасть бланки в штабе Петроградского военного округа.

Крупный помещик Бессарабской губернии В. М. Пуришкевич был в свое время главарем монархистского «Союза русского народа», а с 1907 г.— столь же реакционного «Союза Михаила Архангела» и организовывал выступления черносотенцев против революционного народа. Речи Пуришкевича в Государственной думе вызывали возмущение всех честных людей, а его имя стало синонимом воинствующей монархистской реакции.

С нескрываемой враждой Пуришкевич встретил Февральскую революцию; он не мог примириться даже с буржуазным Временным правительством. После Октября Пуришкевич жил по подложному паспорту на имя Евреинова и был настроен, как свидетельствовал прапорщик Е. В. Зелинский, весьма агрессивно. Участникам своей группы он говорил: «Необходимо... ударить в тыл и уничтожать их (большевиков.— *Д. Г.*) беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начать со Смольного института и потом пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами» [1].

[1] «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 183.

Следственная комиссия решила арестовать контрреволюционную группу, о которой рассказал Зелинский. В номерах гостиницы «Россия» было задержано несколько участников заговора и в том числе Пуришкевич. Там же было найдено оружие (даже пулемет), заготовленное заговорщиками. На квартире некоего И. Парфенова, являвшейся местом сборищ монархистов, нашли пачку подложных удостоверений на бланках различных воинских частей и список лиц, связанных с бывшим лейб-гвардии штабс-ротмистром бароном Н. де Боде, начальником штаба тайной организации. На столе лежало еще не отправленное, но подписанное Пуришкевичем и Н. де Боде письмо к генералу Каледину, поднявшему на Дону мятеж против Советов. Пуришкевич писал: «Положение Петрограда отчаянное, город отрезан от внешнего мира и весь во власти большевиков...

Организация, во главе коей я стою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части, но сразу, без этого условия, ни на одного солдата здесь рассчитывать нельзя... Казаки же в значительной части распропагандированы благодаря странной политике Дутова, упустившего момент, когда решительными действиями можно было еще чего-нибудь добиться. Политика уговоров и увещаний дала свои плоды — все порядочное затравлено, загнано, и властвуют преступники и чернь (так монархистский зубр Пуришкевич отзывался о революционном народе и его вождях.— *Д. Г.*), с которыми теперь нужно будет расправиться уже только публичными расстрелами и виселицей.

Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами. Но для того нам нужно установить с вами связь и прежде всего узнать о следующем:

I. Известно ли вам, что от вашего имени всем офицерам, которые могли бы участвовать в предстоящей борьбе здесь, предлагается покинуть Петроград, с тем якобы, чтобы к вам присоединиться?

II. Когда примерно можно будет рассчитывать на ваше приближение к Петрограду? Об этом было бы полезно нам знать заблаговременно, дабы сообразовать свои действия» [1].

В. М. Пуришкевич создал контрреволюционную монархистскую группу еще при Временном правительстве, в октябре

[1] «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 170—171.

1917 г. В ее состав входили: доктор Всеволожский, генералы Аничков и Сербинович (которым удалось скрыться), полковник Ф. Винберг, упомянутые барон де Боде, Парфенов, несколько гвардейских офицеров, юнкеров и студентов из аристократических семей города (бывший председатель монархистского союза студентов-академистов Н. Граф, юнкера Д. Лейхтенбергский, С. Гескет). Заговорщики вербовали офицеров и юнкеров, закупали оружие, создали «контрразведку» и готовились к вооруженному выступлению.

После ареста Пуришкевич заявил, что он не готовил вооруженного выступления, «ибо не видел в России в данный момент для этого никакой почвы». «Письмо мое к генералу Каледину от 4 ноября я писал, имея в виду присоединиться к нему с несколькими моими единомышленниками в случае, если бы Каледин вступил со своим отрядом в Петроград... Цели же, преследовавшиеся мною и руководившие мною при попытке создать организацию из единомышленников, заключались единственно в том, чтобы добиться водворения в России твердой власти и порядка, чего не может быть при власти большевиков. Но власти Советов раб. и солд. депутатов и советских комиссаров я не признаю...» [1]

Среди членов организации Пуришкевича оказались лица, принимавшие участие в юнкерском восстании 29 октября. Пуришкевич отрицал какую бы то ни было связь с этим восстанием и «Комитетом спасения родины и революции». «Юнкера, которые были в нашей организации в распоряжении Боде,— утверждал он,— были двинуты для занятия телефонной станции, Михайловского манежа и Инженерного замка вопреки распоряжению моему и Боде и подчиняясь только провокационным приказаниям полковника Полковникова и «Комитета спасения родины и революции», с коими я лично не имел никаких сношений» [2].

Суд по делу Пуришкевича и 13 его сообщников, происходивший с 28 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г., был первым крупным политическим процессом о монархистском заговоре против молодой республики Советов. Дело вызвало огромный интерес. Зал судебного заседания был переполнен. Пришло много друзей и близких подсудимых. Защищать монархистов «из публики» вызвались видные петроградские адвокаты. Обвинителями были Д. З. Мануильский и другие большевики.

---

[1] «Красный архив», 1928, т. 1 (26), стр. 171.
[2] Там же, стр. 172.

Подсудимые и их защитники стремились, хотя и безуспешно, превратить процесс в политическую демонстрацию против Советской власти. Они утверждали, что никакого монархистского заговора не было, а существовала лишь «группа единомышленников», которая собиралась якобы «для бесед на политические темы». В то же время подсудимые не скрывали своих монархистских убеждений и высказывали их на суде. Полковник Ф. Винберг заявил, например, что всю жизнь посвятил подавлению революции и нисколько в этом не раскаивается.

Судьи революционного трибунала тщательно разбирали доказательства обвинения и возражения защиты, проявляя объективность и великодушие. Один из обвинителей, Евдокимов, говорил на суде: «Те, кто сидит перед вами на скамье подсудимых, есть злейшие враги трудящихся масс. Но победивший народ, которому победа досталась страшной ценой крови и бесчисленных жертв, победив, не мстит своим старым врагам... Победивший народ всегда, во все времена относится великодушно к побежденному врагу. Он часто платится за свое великодушие... Мы вас посадили сюда,— обращался он к подсудимым,— чтобы народный суд рассудил вас и сделал бы вас безвредными. Нам нужно только обезвредить вас. Мы не поступим так, как поступили вам подобные с французскими коммунарами... Им зонтиками выкалывали глаза... Вы вынесете свой приговор,— продолжал обвинитель, обращаясь к судьям,— и в нем будете иметь в виду не старую боль и обиды, а новую светлую жизнь. Чтобы они не мешали, их, людей темного царства, надо изолировать. А когда наша революция укрепится, когда пройдет переходное время... мы их на все четыре стороны отпустим» [1].

Революционный трибунал под председательством И. П. Жукова констатировал, что «монархистская организация Пуришкевича преследует контрреволюционные цели, достижение которых в каждый подходящий момент может вылиться в кровопролитие», и приговорил В. М. Пуришкевича к «принудительным общественным работам при тюрьме сроком на четыре года условно; при условии, если в течение первого года свободы не проявит активной контрреволюционной деятельности, он освобождается от дальнейшего наказания». На таких же условиях, как и Пуришкевича, революционный трибунал осудил на три года принудительных работ барона де Боде, полковника Ф. Винберга и И. Парфенова. Остальные подсудимые были осуждены на срок от двух до девяти месяцев, а юнкера Д. Лейхтенберг-

---

[1] «Известия ВЦИК», 4 января 1918 г.

ский и С. Гескет по молодости вовсе освобождены от наказания и отданы «под надзор родственников» [1].

17 апреля 1918 г. председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский и комиссар юстиции Петроградской коммуны Н. Н. Крестинский разрешили временно освободить Пуришкевича из заключения в связи с болезнью его сына.

Когда в Совете рабочих и солдатских депутатов Петроградской коммуны обсуждался декрет об амнистии (в ознаменование дня международной пролетарской солидарности) всех арестованных и осужденных за политические преступления, представитель Комиссариата юстиции А. И. Свидерский указал, что освобождению подлежит и Пуришкевич, в настроениях которого в последнее время будто бы замечался перелом. В. М. Пуришкевич, находившийся в это время на свободе, узнав о выступлении А. И. Свидерского, «обиделся» и опубликовал в газете опровержение, в котором, между прочим, заявил: «Не вхожу в подробности прений, касавшихся моего освобождения, оставляя на ответственности говоривших все, что ими было сказано обо мне. Скажу кратко: я не Рузский, не Гучков и не Шульгин, чтобы лягать отказавшегося от трона бывшего государя... И я менее, чем кто-либо, способен быть «апологетом Советской власти»... Я остался тем же, чем был, само собой разумеется, не изменившись ни на йоту» [2].

И все же этот любитель «твердой» монархистской власти был по амнистии освобожден. Так же как Краснов, Пуришкевич по-своему оценил великодушие народа. Он отправился на юг, в стан монархистской контрреволюции, и продолжал бороться против революции вплоть до своей смерти в 1920 г.

6. Суд над Доррером в Ташкенте

В ночь на 28 октября 1917 г. попытку предотвратить переход власти в руки рабочих и солдат предпринял Туркестанский комитет Временного правительства. По приказу генерального комиссара Временного правительства генерала Коровиченко отряд юнкеров и казаков окружил в Ташкенте «Дом свободы» и арестовал находившихся там председателя Совета рабочих и солдатских депутатов и некоторых членов исполнительного комитета. Одновременно были произведены нападения на казармы революционных 2-го и 1-го Сибирских полков и на гарнизон

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 277, л. 6.

[2] «Новая жизнь», 4 мая (21 апреля) 1918 г.

крепости. Юнкера разоружили солдат 2-го полка и заняли крепость. Солдаты 1-го полка оказали вооруженное сопротивление нападавшим. Возмущенные контрреволюционной диверсией, рабочие, красногвардейцы и революционные солдаты Ташкента поднялись против контрреволюционеров. Сражение длилось четыре дня. На рассвете 1 ноября юнкера сложили оружие. Власть перешла в руки Совета. Главари мятежа были арестованы.

30 ноября Совет Народных Комиссаров Туркестанского края постановил образовать Временный революционный выборный суд присяжных и передать ему на рассмотрение дело о вдохновителях, руководителях и активных участниках контрреволюционного выступления 28 октября — 1 ноября.

3 декабря в зале Военного собрания Ташкента открылось первое заседание народного революционного суда. Слушалось дело арестованного 1 ноября помощника генерального комиссара Временного правительства в Туркестанском крае графа Г. И. Доррера.

Судейская коллегия постановлением Совнаркома Туркестанского края от 30 ноября была утверждена в следующем составе: председатель — представитель адвокатуры Чарковский, товарищи председателя — Агапов (комиссар внутренних дел Туркестанского края) и Агеев (представитель исполкома Совета), члены суда — Солдатов (от Центрального бюро профессиональных союзов) и Беловицкий (от Совета крестьянских депутатов Ташкентского уезда), секретарь суда — Шевченко.

15 присяжных заседателей были избраны Ташкентским Советом рабочих и солдатских депутатов, Центральным бюро профсоюзов, полковыми комитетами 1-го и 2-го Сибирских полков, первой, второй и третьей дружинами, саперной ротой, тремя артиллерийскими батареями и Советом крестьянских депутатов. Это были преимущественно участники боев за Советы.

Общественными обвинителями выступали: видный деятель большевистской организации, председатель Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов И. О. Тоболин и товарищ председателя Совета, меньшевик-интернационалист Вайнштейн. Союз адвокатов города назначил двух защитников — Шермана и Штейн (женщина-адвокат).

Открывая заседание суда, председатель Чарковский разъяснил в своей речи собравшимся, чем новый суд отличается от старого, дореволюционного суда. В народном революционном суде, сказал он, дело рассматривают коллегия судей в составе пяти человек и присяжные заседатели — представители народа, которые решают «не по букве закона, а по совести». Решение их

обжалованию не подлежит. Коллегия судей должна лишь следить за тем, чтобы судебный процесс протекал правильно, чтобы строго соблюдались интересы как обвинения, так и защиты.

Председатель сообщил также, что в новом суде, как суде народном, помимо обвинителей, защитников, свидетелей, может выступить любое лицо из публики — как на стороне обвинения, так и на стороне защиты.

Далее Чарковский разъяснил, что революционный суд может применять в качестве наказания лишение политических прав, лишение свободы на срок от одного года до 20 лет, а в особых случаях приговаривать к пожизненному заключению и лишению всех прав. Революционный суд не признает смертной казни.

После этого председатель суда призвал присяжных заседателей при рассмотрении дела быть внимательными и беспристрастными, судить по совести и потребовал от них торжественного обещания выполнять эти указания. Народные представители торжественно обещали судить по совести.

Рассмотрение дела, по существу, началось с выступления общественного обвинителя И. О. Тоболина, который также подчеркнул роль и значение нового суда и прежде всего его подлинную народность. «Обвиняемого,— заявил он,— будет судить в этом суде сам народ, и не по писаным законам, а с точки зрения общественной». Тоболин привел факты контрреволюционной деятельности Доррера, представил суду ряд документов, подтверждающих, что подсудимый является одним из вдохновителей и организаторов попытки подавить народное революционное движение. Характеризуя личность подсудимого, обвинитель отметил, что за свою антинародную деятельность Доррер по требованию общественных организаций был отстранен в Ашхабаде от должности комиссара Временного правительства, которое обещало расследовать его незаконные действия. Оставшись не у дел в Ашхабаде, Доррер связался с генералом Коровиченко, посланным Временным правительством в Ташкент с карательной экспедицией, и стал его помощником в подавлении революционного движения в Туркестане. Доррер, в частности, принимал активное участие в руководстве контрреволюционным выступлением 28 октября. Обвинитель представил суду доклад Доррера Временному правительству, написанный им, когда он находился уже под арестом. Доррер призывал Временное правительство немедленно прислать войска в Ташкент для подавления революции. Обвинитель потребовал приговорить Доррера к лишению свободы на 20 лет.

Слово получил подсудимый, в прошлом адвокат. Прежде всего он стал критиковать порядок судопроизводства в новом суде, заявив, что он не соответствует общепринятым судебно-правовым нормам. По его делу не производилось предварительного расследования, и поэтому он только на суде, из речи обвинителя, узнал, в чем его обвиняют. Однако Доррер вынужден был признать, что, хотя по его делу не велось формального следствия, тем не менее он, как юрист, понимает, в чем его обвиняют. «Меня обвиняют в том, что по заранее обдуманному заговору я выступил против интересов народа»,— сказал Доррер.

Отвергая это обвинение, подсудимый объяснил, что он был лишь помощником генерального комиссара Коровиченко, который управлял краем единолично, на правах наместника. Все решения, которые привели к вооруженному столкновению, Коровиченко принимал сам. С некоторыми из этих решений он, Доррер, якобы не был согласен. «Если меня обвиняют в содействии кровавому столкновению,— заявил он,— то я это отвергаю, если же меня обвиняют в том, что я боролся с большевизмом, то это правда...»

Судебное разбирательство происходило 3—5 декабря 1917 г. при активном участии всех присутствовавших на процессе — обвинителей, защитников, присяжных заседателей, свидетелей, вызванных судом, и лиц, пришедших на суд по собственной инициативе. Все они горячо обсуждали обстоятельства дела.

Когда некая Смельницкая, свидетель «из публики», заявила, что Доррер в феврале — марте 1917 г. был одним из активных участников революции в Ашхабаде, другой свидетель, находившийся в суде, потребовал слова и заявил, что Доррер, будучи комиссаром Временного правительства в Ашхабаде, проводил антинародную, буржуазную линию. Он, например, назначил миллионера Дубского комиссаром в Форт-Александровск...

Председатель суда Чарковский сдерживал страсти, разгоравшиеся на суде, призывал стороны избегать острой полемики, чтобы не оказать давления на присяжных. Вместе с тем суд детально, с полной объективностью выяснял и устанавливал точные данные о конкретных преступлениях подсудимого.

После допроса свидетелей председатель суда предоставил слово общественному обвинителю И. О. Тоболину. Обращаясь к присяжным, Тоболин призвал их вынести решение о виновности Доррера, игравшего роль «первой скрипки» при Коровиченко.

Далее с защитительной речью выступил сам подсудимый, который пытался изобразить свою деятельность как деятельность, направленную «на пользу обществу».

Защитники Штейн и Шерман просили о снисхождении к подсудимому.

В своем последнем слове подсудимый Доррер заявил, что он понял теперь: «большевизм — это широкое народное течение» — и что была допущена «громадная ошибка», когда пытались бороться с большевизмом.

Суд удалился на совещание для выработки вопросов, на которые должны были ответить присяжные. Вопросы были обсуждены сторонами, окончательно сформулированы и переданы присяжным. После полуторачасового совещания присяжных были оглашены их ответы на следующие вопросы:

На вопрос, виновен ли Доррер в том, что своими действиями способствовал обстрелу революционных солдат крепости, ответ присяжных гласил: «Нет, не виновен».

На вопрос, виновен ли Доррер в том, что своими действиями способствовал разоружению 1-го и 2-го Сибирских полков, зная, что это может вызвать кровопролитие, присяжные ответили: «Да, виновен, но заслуживает снисхождения».

На вопрос, виновен ли Доррер в том, что своими действиями способствовал вооружению контрреволюционных групп гражданского населения Ташкента, присяжные пришли к выводу: «Нет, не виновен».

Затем суд удалился на совещание для вынесения приговора, и через час председатель суда объявил:

— Временный революционный суд, рассмотрев дело о Георгии Иосифовиче Доррере, определил: подвергнуть Доррера лишению свободы на три года и четыре месяца с лишением политических прав на тот же срок [1].

Формы устройства суда и судопроизводства по делу Доррера отличались от форм устройства суда и правил судопроизводства, установленных Советским правительством в первом Декрете о суде от 22 ноября 1917 года. Каждый из прошедших первых пооктябрьских судебных процессов по делам о контрреволюции в стране (в Петрограде, Москве, Ташкенте, на Украине) отличался своеобразием. Но все они были при этом удивительно похожи. Это были подлинно демократические народные суды, в которых торжествовали правда, справедливость, объективность победившего в Октябре рабочего класса, его гуманизм.

---

[1] Подробный отчет о суде над Доррером печатался в газете «Туркестанские ведомости», 5, 6, 8 и 9 декабря 1917 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Обострение классовой борьбы весной и летом 1918 г.

В конце 1917 — начале 1918 г. важнейшим жизненным вопросом для Советской Республики был вопрос о мире с Германией. Советское правительство во главе с В. И. Лениным считало необходимым заключить с Германией мирный договор и, получив передышку, использовать ее для укрепления государства рабочих и крестьян. Эта ленинская политика встретила яростное противодействие со стороны внутренних контрреволюционных сил и резкое усиление происков и вмешательства во внутренние дела России со стороны империалистов англо-французского блока и США.

Переговоры о мире с Германией начались еще в декабре 1917 г. В ходе этих переговоров германские империалисты потребовали уплаты контрибуции и отторжения от России Финляндии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Украины. Они рассчитывали использовать материальные ресурсы этих территорий для продолжения войны с англо-французской коалицией и США и лелеяли надежду создать здесь зависимые от Германии вассальные государства. Свои грабительские требования немцы подкрепляли силой. 18 февраля, нарушив условия перемирия, заключенного с Советским правительством 21 декабря 1917 г., они начали наступление, оккупировали значительную часть Прибалтики, Украины, заняли Двинск, Минск, Полоцк, Псков и создали угрозу Петрограду. Повсюду на захваченных территориях немцы ликвидировали советский строй, восстанавливали власть капиталистов и помещиков.

Чтобы сохранить завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, Советское правительство вынуждено было согласиться на тяжелые, грабительские условия мира, продик-

тованные германскими империалистами. 3 марта 1918 г. советская делегация подписала в Брест-Литовске мирный договор со странами Австро-германского блока — Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Страна получила долгожданную передышку от войны. Расчеты международного империализма с помощью германских штыков свергнуть Советскую власть провалились. Советская Россия, по выражению Ленина, получила время для «собирания сил» [1].

Империалисты Антанты пытались сорвать ратификацию Советским правительством Брестского мирного договора. Но, видя тщетность своих усилий, начали открытую военную интервенцию против Советской страны.

9 марта англичане высадили десант в Мурманском порту, а 18 марта сюда вошел французский крейсер «Адмирал Об». 5 апреля во Владивостоке высадились японские и английские войска, а также американские и французские воинские части.

25 мая началось антисоветское выступление чехословацкого корпуса, состоявшего из 50 тыс. военнопленных австро-венгерской армии. В конце марта Советское правительство разрешило чехословацкому корпусу возвратиться на родину через Владивосток. Эшелоны с частями корпуса растянулись от Пензы до Владивостока. Это была стратегическая расстановка сил перед началом антисоветского мятежа, спровоцированного правительствами держав Антанты. В короткое время чехословацкие войска захватили важные центры Сибири, Урала, Среднего Поволжья и поддержали местные антисоветские силы.

14 июня Советское правительство выразило протест представителям США, Англии и Франции в связи с незаконным пребыванием в советских территориальных водах военных кораблей Антанты. Но интервенция продолжалась.

2 августа англичане захватили Архангельск, 3 августа высадили новый десант во Владивостоке, а 4 августа английские войска вступили в Баку.

Пользуясь тяжелым положением страны, вопреки условиям Брест-Литовского договора, оккупировали новые территории и германские империалисты. Весной и летом 1918 г. помимо Украины, Белоруссии, Прибалтики немецкие войска захватили Грузию, Таганрог, Ростов, Крым, вошли в Новороссийский порт, вторглись в Донскую область. Союзница Германии — Турция вторглась в Армению. Немцы снабжали оружием белоказачью армию генерала Краснова, поддерживали контрреволю-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 31.

цию на Дону, где вновь образовался крупный очаг борьбы с Советской властью. Интервенция против Советской республики на Севере, Юге и Дальнем Востоке ободрила различные контрреволюционные организации внутри страны. Империалисты Антанты поддерживали всех, кто готов был выступить против Советской власти, и в широких масштабах организовали подрывную работу внутри страны. С этой целью они использовали свергнутые эксплуататорские классы, кулачество, представителей различных контрреволюционных партий и групп. Без такой помощи интервентов внутренняя контрреволюция не могла бы более или менее успешно выступить против народа.

Положение осложнялось еще и тем, что весной 1918 г. в России разразился тяжелый продовольственный и хозяйственный кризис. Население городов голодало. Из-за отсутствия сырья и топлива промышленные предприятия закрывались. Не хватало продовольствия для армии. ВЦИК и Совнарком издали декрет о продовольственной диктатуре. Весь хлеб в стране был взят на учет. Крестьяне должны были продавать его только государству по твердым ценам для централизованного снабжения населения и армии. Однако основные держатели хлеба — кулаки — отказывались продавать хлеб государству по твердым ценам, укрывали его запасы и срывали хлебную монополию. И Советское правительство вынуждено было принять решительные меры. В декрете ВЦИК и СНК от 13 мая отмечалось: «Гибельный процесс развала продовольственного дела страны, как тяжкое последствие четырехлетней войны, продолжает... обостряться... Скопившая в своих кубышках огромные суммы денег, вырученных от государства за годы войны, крестьянская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеба к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам — мешочникам. Этому упорству жадных... **деревенских кулаков и богатеев** должен быть положен конец. Продовольственная практика предшествующих лет показала, что срыв твердых цен на хлеб и отказ от хлебной монополии, облегчив возможность пиршества для кучки наших капиталистов, сделал бы хлеб совершенно недоступным для многомиллионной массы трудящихся и подверг бы их неминуемой голодной смерти. Остается единственный выход: на насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответить насилием над владельцами хлеба. Ни один пуд хлеба не должен оставаться в руках кре-

стьянина, за исключением количества, необходимого на обсеменение его полей и на продовольствие его семьи до нового урожая» [1].

ВЦИК и СНК потребовали, чтобы кулаки немедленно сдали все излишки хлеба, и призвали всех трудящихся и не имевших излишков хлеба крестьян «к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками» [2].

В соответствии с декретом Советского правительства от 11 июня в деревне стали создаваться комитеты бедноты (комбеды), которые должны были содействовать изъятию хлебных излишков у кулаков, отбирать у кулачества излишки земли, инвентаря, тягловой силы и распределять их среди бедноты. В помощь бедноте в деревни направились отряды рабочих.

В ответ кулаки начали антисоветские выступления: они убивали рабочих, посланных в деревни, поднимали восстания и мятежи. Кулачество становилось главной опорой контрреволюции. По данным ВЧК в 1918 г. кулаки организовали 245 контрреволюционных восстаний и выступлений, имевших кровавые последствия [3].

В сложной обстановке, которая создалась в стране, подняли голову и резко активизировали подрывную деятельность все антисоветские партии и организации. Возникали политические объединения и контрреволюционные союзы, ставившие своей целью захват государственной власти в стране. Они различались главным образом своим отношением к вопросу о мире с Германией, ориентацией на тот или другой лагерь империалистических хищников.

Первым политическим объединением, направлявшим антисоветские движения в стране, был созданный в Москве в марте 1918 г. нелегальный «Правый центр». В его образовании участвовали представители ЦК кадетской партии и существовавших еще со времен керенщины «Совета общественных деятелей» (объединявшего самые реакционные круги буржуазии и интеллигенции), Торгово-промышленного комитета (объединения крупных промышленников, финансистов, торговцев) и «Союза земельных собственников» (объединения помещиков и крупных кулаков). На организационных совещаниях по созданию «Правого центра» присутствовали: от «Совета общественных деятелей» — бывший товарищ царского министра внутренних дел Д. М. Щепкин, бывший товарищ министра внутренних дел

[1] «Декреты Советской власти», т. II. М., 1959, стр. 261, 262.

[2] Там же, стр. 262.

[3] См. *М. Я. Лацис* (Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте, стр. 75.

С. М. Леонтьев, буржуазный публицист А. С. Белевский (Белоруссов); от кадетской партии — профессор П. И. Новгородцев, Н. И. Астров, В. А. Степанов, А. А. Червен-Водали; от Торгово-промышленного комитета — известные промышленники и фабриканты С. А. Морозов, И. А. Бурышкин, А. М. Невядомский, М. М. Федоров; от «Союза земельных собственников» — бывший царский министр А. В. Кривошеин, член царского государственного совета В. И. Гурко, помещик И. М. Мейснер; от монархистских групп — Л. Г. Кисловский и А. П. Рогович (бывший обер-прокурор Святейшего синода). Кроме того, в образовании «Правого центра» участвовали профессор П. Б. Струве, князья Г. Н. и Е. Н. Трубецкие. Руководителями объединения стали Новгородцев, Кривошеин, Гурко и Леонтьев.

«Правый центр» ставил задачу сплотить наиболее реакционные силы, с тем чтобы после предполагаемого свержения Советов взять руководство страной в свои руки и не допустить к власти левые элементы. Большинство деятелей этого объединения придерживалось германской ориентации. Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией впоследствии отмечала: «Германофильский «Правый центр», считавший возможным, в случае вступления в переговоры с немцами, добиться пересмотра Брест-Литовского договора, вступил летом 1918 г. в переговоры с представителями германского посольства в Москве о возможности путем оккупации Центральной России свержения Советской власти и образования дружественного Германии правительства. Переговоры эти не привели к определенным результатам исключительно под влиянием колебаний немецкой политики, так как наряду с уклончивыми ответами на поставленные немцам вопросы о возможности и условиях пересмотра Брест-Литовского договора германский представитель высказался против оккупации Центральной России и обмолвился крылатой фразой: «Этого спектакля мы русской буржуазии не дадим»... Представители «Правого центра» в указанный период вели переговоры [и] с представителями Антанты в Москве и Петербурге, причем с представителями Франции от имени «Правого центра» говорили В. И. Гурко и Е. Н. Трубецкой, и представитель французского правительства предложил «Правому центру» через Е. Н. Трубецкого известную сумму денег за согласование политики «Правого центра» с политикой Антанты» [1].

[1] «Обвинительное заключение по делу о раскрытых в Москве контрреволюционных организациях и их деятельности в 1918—1919 гг. («Тактический центр» и объединенные в нем организации: «Союз общественных деятелей», «Национальный центр», «Союз возрождения», Торгово-

Вскоре в «Правом центре» начались разногласия. Эти разногласия закончились выходом многих деятелей «Правого центра» из организации и образованием в мае — июне 1918 г. объединения под названием «Национальный центр», ориентировавшегося на страны англо-французского блока и США. Деятельность «Правого центра» стала замирать, и вскоре он вовсе прекратил существование.

В образовании «Национального центра» участвовали кадеты Н. И. Астров, В. А. Степанов, Н. Н. Щепкин, впоследствии к ним присоединились А. А. Червен-Водали, видный церковный деятель А. В. Карташев, бывший товарищ министра просвещения при Временном правительстве О. П. Герасимов, представитель Торгово-промышленного комитета М. М. Федоров и представитель «Совета общественных деятелей». Первым председателем «Национального центра» был земский деятель октябрист Д. Н. Шипов, а после его ареста в начале 1919 г. председателем стал бывший член Государственной думы кадет Н. Н. Щепкин. По замыслу учредителей «Национального центра» он должен был стать штабом, направляющим деятельность всех правых групп, борющихся с Советской властью. Этот центр поддерживал сношения с белыми генералами, воевавшими против вооруженных сил Советской республики, и с подпольными военными группами, имевшимися в тылу.

Одновременно с объединением правых группировок происходил и процесс консолидации так называемых «демократических» антисоветских групп. Этот процесс закончился образованием в Москве «Союза возрождения России», в который вошли представители партий народных социалистов, правых эсеров, некоторые меньшевики-оборонцы и часть кадетов. Основателями его были: от партии народных социалистов — Н. В. Чайковский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов; от правых эсеров — Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков-Фундаминский, несколько меньшевиков-оборонцев, кадеты Н. И. Астров, Н. М. Кишкин и Д. И. Шаховской, а также профессор С. П. Мельгунов. Видный деятель «Союза возрождения России» В. А. Мякотин, характеризуя задачи и цели «Союза», писал, что этот «Союз» ставил своей задачей воссоздание в тесном согласии с союзниками русской государственной власти, продолжение войны против Германии и союзных с ней держав, воссоединение с Россией отторгнутых от нее областей, затем, по окончании войны, созыв Учредительного

промышленный комитет, Кусковский клуб, так называемый «Союз русской молодежи» и Центральный комитет кадетской партии)». М., 1920, стр. 8—9.

собрания, которому надлежит установить формы государственной жизни страны [1].

Другой деятель «Союза возрождения» — меньшевик-оборонец В. Н. Розанов — впоследствии говорил: «Образование «Союза возрождения» относится ко времени, непосредственно примыкавшему к Брестскому миру... Приблизительно после пасхи (1918 г.) в связи с Брестским миром в Москве происходил ряд междупартийных совещаний в различных группировках. Тогда выяснилось, что некоторая часть цензовой буржуазии склоняется к германской ориентации и к признанию Брестского мира. Социалисты-революционеры, трудовики и меньшевики были резко против этой линии. Выяснилось, что большинство кадетов также против германской ориентации и тогдашнего поведения Милюкова. Тогда и было решено в Москве основать «Союз возрождения» со следующей платформой: 1) непризнание Брестского мира и восстановление России в границах 1914 г., за исключением Польши и Финляндии; 2) возрождение русской государственности путем созыва Учредительного собрания. На этом согласились социалисты-революционеры, меньшевики-оборонцы, трудовики и часть кадетов. Названные группы и решили образовать «Союз возрождения» как организацию, временно объединявшую участников ее для достижения названной платформы, но без ограничения их автономного существования и полной свободы действий и пропаганды» [2].

Помимо «Национального центра» и «Союза возрождения России», в масштабе всей страны действовали тогда и другие нелегальные антисоветские организации (например, «Союз защиты родины и свободы»), активизировались также буржуазно-националистические и кулацкие организации на окраинах страны.

Как и раньше, вражеский лагерь рядился главным образом в «демократические» одежды. Он выдвигал своей целью свержение Советов, созыв Учредительного собрания для решения вопроса о форме государственной власти в стране. На этом сходились все контрреволюционные партии и организации того времени — от монархистов и кадетов до «социалистов». Но при этом каждая из этих партий по-своему представляла себе будущее и боролась именно за «свое» будущее. И все же на первый план борьбы с Советской властью выдвигались тогда мелкобуржуазные правосоциалистические и националистические партии. Все другие антисоветские силы, в том числе и международные импе-

---

[1] См. *В. Мякотин.* Из недалекого прошлого.— «На чужой стороне» (Берлин), 1923, № 1.

[2] «Известия ВЦИК», 25 октября 1919 г.

риалисты обоих лагерей, действуя в союзе с «демократами», «учредиловцами», использовали их как удобное прикрытие для своих целей и избавлялись от них, как только представлялась к тому возможность.

В Сибири и на Дальнем Востоке на первый план вышли правые эсеры, имевшие здесь значительное влияние не только среди буржуазии и интеллигенции, но и среди зажиточного крестьянства, поддерживавшего выдвинутую сибирскими эсерами идею «сибирского областничества», требование о предоставлении Сибири автономии. Созванный сибирскими «областниками» 6 декабря 1917 г. в Томске чрезвычайный съезд объявил, что до созыва всесибирского учредительного собрания и образования общесибирской «демократической власти» Сибирь (включая Дальний Восток) должна управляться Временной сибирской областной думой. Избранный на съезде исполнительный орган думы — Временный сибирский областной совет — состоял почти целиком из правых эсеров.

Эта антисоветская затея была ликвидирована Томским Советом рабочих и солдатских депутатов, который в ночь на 26 января 1918 г. объявил областную думу распущенной и арестовал нескольких ее членов.

Арестованных посадили в вагон, вывезли на станцию Тайга и отпустили, запретив возвращаться в Томск.

В это время около тридцати членов областной думы, оставшихся в городе, собрались на одной частной квартире и поспешно «избрали» так называемое «Временное сибирское правительство», объявившее себя «единственной властью автономной Сибири». В это «правительство», возглавляемое правым эсером П. Я. Дербером, были «зачислены»: известный сибирский деятель — областник П. В. Вологодский (кадет по убеждениям, принятый эсерами после Февральской революции в свою партию), В. М. Крутовский, А. А. Краковецкий (участник юнкерского восстания в Петрограде), А. Е. Новоселов, И. А. Михайлов, И. И. Серебренников, И. Б. Шатилов и др.

Вскоре большая часть «правительства на колесах» выехала на Дальний Восток, потом в Северную Маньчжурию — Харбин. Дербер повсюду вел переговоры с представителями «союзников», добиваясь их помощи в борьбе с Советской властью и признания своего «правительства». Но на его пути стояли такие же авантюристические организации и отдельные лица, претендовавшие на власть. Одним из них был генерал Д. Л. Хорват — управляющий Китайско-Восточной железной дороги, имевший влияние среди крупной буржуазии и финансистов Дальнего Во-

стока и обладавший определенными международными связями. На средства буржуазии Хорват сформировал в Харбине антисоветский отряд, который состоял при контрреволюционном «Дальневосточном комитете активной защиты родины и Учредительного собрания», образованном русскими дельцами в Харбине в феврале 1918 г.

Другим «претендентом» выступал деятель «Совета союза казачьих войск» есаул Г. М. Семенов — провозгласивший себя атаманом Забайкальского казачьего войска. На средства «союзников» (главным образом Японии) Семенов сформировал из разношерстного сброда (реакционных казаков, китайцев-хунхузов и т. п.) «особый маньчжурский отряд». Первым его актом было нападение в январе 1918 г. на станцию Маньчжурия. Здесь Семенов со своей бандой перепорол нагайками десятки жителей, захватил и замучил ряд советских активистов. Трупы убитых членов Совета семеновцы в запломбированном вагоне отправили в Читу в адрес Совета рабочих и солдатских депутатов.

В это же время на Дальнем Востоке активно выступал и есаул Б. Э. Калмыков, избранный в январе 1918 г. на Имане атаманом уссурийского казачьего войска. Организованная им банда головорезов также содержалась на японские средства. Она нападала на советские учреждения и районы, в случае неудач скрывалась на китайскую территорию и оттуда снова совершала набеги.

Американский участник интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири генерал-майор Уильям Грэвс, встречавшийся с Семеновым и Калмыковым в 1918—1920 гг., характеризовал их как убийц, грабителей и беспутных людей. В книге «Американская авантюра в Сибири» Грэвс писал: «Семенов финансировался Японией и не имел никаких убеждений, кроме сознания необходимости поступать по указке Японии... Он поступал так потому, что не мог бы продержаться в Сибири и недели, если бы не опирался на поддержку Японии». И этот-то Семенов — предатель и преступник, состоявший на содержании иностранцев,— по свидетельству Грэвса, также всегда вел разговоры о «возрождении родины» [1]. А о Калмыкове Грэвс писал: «Калмыков был самым отъявленным негодяем, которого я когда-либо встречал, и я серьезно думаю, что, если внимательно перелистать энциклопедический словарь и посмотреть все слова, определяющие различного рода преступления, то вряд ли можно будет найти такое преступление, которого бы Калмыков не совершил. Япония

[1] *Грэвс.* Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1932, стр. 63.

в своих усилиях «помочь русскому народу» снабжала Калмыкова вооружением и финансировала его... Там, где Семенов приказывал другим убивать, Калмыков убивал своею собственной рукой, и в этом заключается разница между Калмыковым и Семеновым» [1].

Конечно, такие недостаточно «респектабельные» претенденты на власть не могли удовлетворить запросам западноевропейских и американских империалистов, выдававших себя тоже за «демократов». Лишь бесцеремонные политики японского милитаризма делали главную ставку на таких, как Семенов и Калмыков. Западноевропейские и американские «союзники» предпочитали более солидных «претендентов».

Англичане обратили внимание на Александра Васильевича Колчака. Вице-адмирал Колчак был видным деятелем русского императорского Морского генерального штаба. Во время войны 1914—1918 гг. (день объявления которой он встретил, по его собственным словам, как «один из самых счастливых и лучших дней») командовал минной флотилией на Балтийском море, затем был командующим Черноморским флотом. После Февральской революции Колчак своей резко контрреволюционной позицией вызвал возмущение матросов и по их требованию был отстранен от командования флотом. Временное правительство по просьбе США 28 июня 1917 г. командировало его в Соединенные Штаты как специалиста по минному делу. Не найдя «достойного» для себя места в России, Колчак начал тайные переговоры с представителями правительств США и Англии о своей службе в их вооруженных силах и на флоте. С американским адмиралом Д. Гленоном он договаривался об участии в операциях военно-морского флота США в Средиземном море; английское же военное министерство предложило ему командовать сухопутными войсками в Месопотамии. Колчак принял английское предложение и перешел на английскую службу. Но еще до прибытия Колчака в Месопотамию империалистические заправилы Англии решили, что он будет полезнее для них в России в качестве руководителя вооруженной борьбы против Советской власти. По предложению английского правительства Колчак прибыл на Дальний Восток и весною — летом 1918 г. продвигался англичанами (в частности английским генералом Ноксом, находившимся там) на пост руководителя антисоветского фронта. Он был их «солидным претендентом на власть» и имел немалые шансы.

---

[1] *Грэвс.* Американская авантюра в Сибири (1918—1920), стр. 67.

Сибирское «правительство» Дербера, учитывая английские связи Колчака, пригласило его вступить в свое «эсеровское правительство», но Колчак отказался, выжидая подходящей обстановки для взятия безраздельной власти.

После чехословацкого мятежа политическая ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке стала складываться по-иному.

Когда в ночь на 26 мая 1918 г. мятежники захватили станцию Новониколаевск (ныне Новосибирск), эсеровские дружины вместе с бывшими офицерами арестовали городской Совет депутатов. Находившиеся в Новониколаевске члены Учредительного собрания эсеры П. Я. Михайлов, Б. Д. Марков, М. Я. Линдберг и председатель Томской земской управы В. О. Сидоров заявили, что они уполномочены «Временным сибирским правительством» (Дербера) организовать управление на территории, очищенной от большевиков, и держать ее, пока обстоятельства не позволят приехать самому «правительству». Эта группа эсеров образовала «Западносибирский комиссариат» с «правительственным аппаратом», в который вошли не только эсеры, но и кадеты. Эсеровские мятежники действовали в согласии с командованием чехословаков и вместе с ними захватывали сибирские города. Вначале центр «правительства» находился в Новониколаевске, затем в захваченном чехословаками 8 июня Омске.

Между тем в Сибири возникло еще одно «правительство», на этот раз в Томске. 31 мая, когда советские органы в связи с наступлением белочехов эвакуировались, власть в городе захватили белогвардейцы.

Члены бывшей сибирской областной думы, в свое время, как уже отмечалось, разогнанной Томским Советом, уполномочили наличных членов «Временного сибирского правительства» (Дербера) приступить к исполнению обязанностей. Таковых оказалось пять: П. В. Вологодский, Г. Б. Патушинский, И. А. Михайлов, И. Б. Шатилов и В. М. Крутовский. Они-то и провозгласили себя общесибирской властью и образовали «министерский аппарат».

Новое сибирское «правительство» объявило о независимости Сибири и аннулировало все декреты Советского правительства. Оно проводило явно реакционную политику, все более подпадая под влияние белого офицерства (начальников воинских гарнизонов, командиров, казачьих атаманов) и буржуазии, захватывавших фактическую власть на местах. Главную роль в «правительстве» играл ловкий адвокат, бывший кадет П. В. Вологодский, упорно добивавшийся власти. Эсеровский «Западносибирский комиссариат» был ликвидирован.

Между тем 29 июня чехословацкие легионеры захватили Владивосток, и тотчас же туда из Харбина прибыли П. Я. Дербер и члены его «кабинета». Дербер объявил свою группу «Временным правительством автономной Сибири». Одновременно неподалеку объявился генерал Хорват со своим «кабинетом министров», провозгласивший себя «верховным правителем России».

Начавшиеся между всеми этими «правительствами» столкновения закончились тем, что Вологодскому удалось уговорить Дербера и Хорвата сдать «власть» томскому общесибирскому правительству.

На территории Поволжья, в Самаре, под защитой чехословацких мятежников образовалась еще одна «всероссийская власть» — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). В состав «правительства», созданного Комучем, вошли: Е. Ф. Роговский (председатель и управляющий ведомством государственной охраны), П. Д. Климушкин (ведомство внутренних дел), Д. Ф. Раков (ведомство финансов), П. Г. Маслов (ведомство земледелия), В. И. Алмазов (ведомство продовольствия), М. А. Веденяпин (ведомство иностранных дел), А. С. Былинкин (ведомство юстиции), В. Н. Филипповский (ведомство торговли и промышленности), И. М. Майский (ведомство труда), И. П. Нестеров (ведомство путей сообщения), П. Г. Белозеров (ведомство почт и телеграфов), В. С. Абрамов (ведомство государственных имуществ и госконтроль), полковник Н. А. Галкин (военное ведомство), Е. Е. Лазарев (ведомство просвещения). Кроме того, от президиума Комитета членов Учредительного собрания в правительство («Совет управляющих ведомствами») вошли: председатель Комитета В. К. Вольский и два товарища председателя — М. Я. Гендельман и В. Г. Архангельский [1].

Доминировали в самарском правительстве эсеры, сделавшие Поволжье центром своей деятельности. 19 сентября в Самару прибыл эсеровский лидер Виктор Чернов [2].

Власть Комуча после временных августовских побед объединенных контрреволюционных сил белочехов и так называемой «народной» армии самарского правительства распространялась на Казанскую, Самарскую, часть Уфимской, Симбирской и отдельные уезды Саратовской и Пензенской губерний.

Оживший вновь и захвативший 3 июля 1918 г. Оренбург атаман Дутов и войсковой круг уральского казачества объявили о

[1] См. *И. Майский.* Демократическая контрреволюция. М.-Пг., 1923, стр. 58—59.

[2] См. там же, стр. 66.

своем подчинении самарскому «правительству». При Комуче обосновались миссии иностранных государств (американская, французская, английская, японская и др.), хотя официально правительство Комуча признано не было.

2 августа на Севере России, в Архангельске, при поддержке англичан образовалось еще одно антисоветское правительство — «Верховное управление Северной области», возглавляемое лидером партии народных социалистов Н. В. Чайковским. В его состав вошли эсеры С. С. Маслов, А. И. Гуковский, Г. А. Мартюшин, Я. Т. Дедусенко, М. А. Лихач, А. А. Иванов и кадеты — товарищ городского головы г. Вологды П. Ю. Зубов, заместитель председателя Архангельской городской думы Н. А. Старцев. «Главнокомандующим» русскими вооруженными силами был назначен английский агент, капитан второго ранга Г. Е. Чаплин.

Под покровительством империалистов обоих лагерей на территории бывшей Российской империи образовывались и другие антисоветские «правительства».

В июле 1918 г. контрреволюционные элементы, спровоцировав служащих и рабочих железнодорожников, подняли восстание в Ашхабаде. Движение быстро распространилось по всей Закаспийской области, охватив крупнейшие города — от Красноводска до Мерва.

Восставшие ликвидировали советские органы управления и создали новые во главе с Временным исполнительным комитетом, председателем которого стал член партии правых эсеров с 1905 г. Ф. А. Фунтиков. Среди руководителей восстания были эсеры и меньшевики (Татаринов, В. Дохов, Доменнюк), к которым примкнули кадетские (граф Алексей Доррер), белогвардейские и авантюристические элементы (В. Г. Кун, С. Л. Дружкин), а также туркменские буржуазно-националистические деятели и офицеры текинских кавалерийских частей (Ораз-Сердар, Хаджи-Мурат, Овезбаев).

В Закаспийскую область выехал видный большевик, народный комиссар труда Туркестанской республики П. Г. Полторацкий, пользовавшийся уважением рабочих. Но мятежники, заманив его «для беседы с Фунтиковым», арестовали. В письме из тюрьмы к рабочим П. Г. Полторацкий 21 июля писал: «Умереть не важно, но слишком больно и тяжело чувствовать то, что часть демократии, подпав под влияние белогвардейцев, своими же руками роет себе могилу, совершая преступное дело перед теми славными борцами, которые, не щадя своей жизни, шли гордо и сейчас идут на борьбу за светлое будущее социализма. Пере-

ходя к вопросу ашхабадского и туркестанского движения и анализируя его тонкости, я во всеуслышание заявляю, что движение, возглавляемое ашхабадскими контрреволюционерами, идет под эгидой... империализма... Их лакеи, продав себя за тридцать сребреников... отуманивая рабочий класс, руками же рабочих прочищают путь... империализму... Никогда в истории не обманывали так ловко и нагло рабочий класс. Не имея сил разбить рабочий класс в открытом и честном бою, враги рабочего класса к этому делу стараются приобщить самих же рабочих. Вам говорят, что они борются с отдельными личностями, а не с Советами. Наглая ложь! Не верьте, преступно обманывают рабочий класс. Наружу вылезли все подонки общества: офицерство, разбойники, азисханы, эмир бухарский. Спрашивается, что, вся эта контрреволюционная челядь защищать пошла поруганные права рабочего класса? Да нет! Сто раз нет! Не верьте, не верьте. Вас обманывают. Товарищи рабочие, опомнитесь, пока еще не поздно! Вы еще пока вооружены, есть силы. В ваших руках аппарат передвижения, в ваших руках вся жизнь города, и вам только лишь необходимо сознание и организованность. Не давайте себя взять окончательно в руки контрреволюции, ибо тогда будет слишком трудно и опять потребуется много жертв. Берите пример со своих братьев-оренбургцев, они уже два месяца бастуют, не давая ни одного паровоза, ни одного человека для преступно-кошмарного дела (имеется в виду сопротивление рабочих атаману Дутову, захватившему Оренбург.— *Д. Г.*). Смело! Дружными рядами вставайте на защиту своих интересов, поддержите еще не совсем запачканное Красное знамя» [1].

Страстное большевистское слово П. Г. Полторацкого не было услышано. Заговорщики подло убили его. Начались дикие репрессии против большевиков и советских работников. В ночь на 23 июля 1918 г. банда мятежников при участии председателя эсеровского «правительства» Фунтикова вывезла девять арестованных ашхабадских комиссаров (большевиков и левых эсеров) из города и расстреляла их на одной из ближайших станций железной дороги. Так погибли: председатель областного Совнаркома Виссарион Теллий, комиссар продовольствия Житников, военный комиссар Молибожко, председатель Ашхабадского Совета Батминов, комиссар финансов Розанов, Петросов, Колостов, Смелянский и Хренов.

---

[1] «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)». Сборник документов. Ашхабад, 1957, стр. 49.

Мятежники образовали вооруженный фронт против Советов.

Уже в первых боях закаспийская контрреволюция потерпела поражение от советских войск. Ликвидация ашхабадской авантюры была вопросом дней. И тогда мятежное эсеровское «правительство» Закаспийской области обратилось за помощью к английским империалистам, пристально следившим за событиями в Туркестане.

19 августа Дохов, министр иностранных дел в «правительстве» Фунтикова, подписал в Мешхеде (Персия) с английским генералом Маллесоном договор, по которому англичане брали на себя военную и финансовую поддержку мятежников, получив «право» на оккупацию Закаспия.

Оккупировавший еще во время февральского наступления 1918 г. Прибалтику германский капитал поддержал местных буржуазных националистов, которые при его помощи и пришли к власти. В Латвии это был «национальный совет» во главе с лидером кулацкой партии Ульманисом, в Эстонии — буржуазное правительство Пятса, в Литве — буржуазно-националистическое правительство Вольдемараса.

Поддержали немцы также и националистов на Украине.

В январе 1918 г. Украинская Центральная рада, чтобы удержаться у власти, вступила в сепаратные «дипломатические отношения» с германскими империалистами и их союзниками. Германская коалиция признала раду и поддержала ее, когда та уже находилась в состоянии полного развала. 27 января между «сторонами» был подписан мирный договор, тайными пунктами которого предусматривались поставки немцам и австрийцам огромного количества хлеба, мяса, сырья. А в двадцатых числах февраля крупные силы австро-германских войск под предлогом «защиты Центральной рады от большевиков» по просьбе рады двинулись на Советскую Украину. В обозе оккупантов следовала недобитая «армия» рады под командованием Симона Петлюры. Преодолев сопротивление украинских советских войск, немцы 1 марта 1918 г. захватили Киев, а затем оккупировали и остальные украинские земли.

На Украине воцарились Центральная рада и ее правительство — Совет народных министров, в состав которого вошли шесть представителей партии украинских социал-демократов и один социалист-«самостийник». Это «правительство» для обмана масс называло себя «социалистическим». На словах оно обещало провести демократические и социалистические преобразования в стране, социализацию земли, 8-часовой рабочий день и т. п.

На деле же оно было буржуазным правительством, опиравшимся на штыки иностранных оккупантов.

Центральная рада аннулировала советские законы о национализации промышленности, банков, о труде, тормозила решение основного вопроса, интересовавшего крестьян,— закрепления за ними земли, полученной в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Командование немецких оккупационных войск непрестанно требовало от рады поставок продовольствия, выполнения всех взятых ею на себя обязательств и предлагало для этого восстановить помещичьи имения. Но буржуазные националисты не решались пойти открыто на такое антинародное дело. И тогда немцы приступили к этому сами. Они силою заставляли крестьян возвращать захваченные у помещиков земли и имущество, разгоняли Советы, профессиональные организации рабочих, расстреливали и вешали непокорных рабочих и крестьян.

Центральная рада, пригласившая иностранных интервентов, разбойничавших в стране, и став марионеткой в их руках, потеряла всякое влияние. Даже основная социальная опора буржуазных националистов — кулаки, подвергавшиеся грабежу оккупантов, отвернулись от нее. За «игру в социализм» ею были недовольны и буржуазия и помещики. В конце концов рада стала ненужной немецким оккупантам, которые могли обходиться и без ее услуг в грабеже украинских богатств.

Кризис власти был разрешен немцами в союзе с украинскими помещиками, выдвинувшими идею воссоздания исторически давно изжившего себя гетманства. Созванный Украинским союзом земельных собственников и помещичье-кулацкой «Украинской демократическо-хлеборобской партией» в Киеве 29 апреля съезд землевладельцев «избрал» немецкую кандидатуру — одного из потомков последнего гетмана, помещика и генерала П. П. Скоропадского, гетманом Украины. Центральная рада была ликвидирована.

Захватив Украину, немецкие оккупанты вместе со своими союзниками, вопреки условиям Брестского мирного договора, двинулись через Донецкий бассейн в Донскую область и на Северный Кавказ. Недостаточно организованные красногвардейские и партизанские советские отряды не могли оказать должного отпора германской армии и отступили.

Положение Советской власти на Дону стало крайне тяжелым. Резко активизировались все антисоветские силы.

Провозглашенная 16 апреля Донским областным ВРК Донская Советская Республика пыталась организовать боеспо-

собную армию для отпора немцам и борьбы с мятежниками в тылу.

1 мая руководитель чрезвычайного штаба обороны Донской республики Ф. Г. Подтелков и член штаба, нарком Донской республики М. В. Кривошлыков по заданию Донского ЦИК выехали с небольшим отрядом (около 80 человек) в северные округа Дона с целью организации новых сил для борьбы с контрреволюцией. 9 мая они прибыли в Усть-Медведицкий округ. В хуторе Калашниково экспедиция была окружена восставшими казаками и разоружена. Разъяренные кулаки собрали сход (сюда явились и казаки соседних станиц) и решили всех членов отряда расстрелять, а Подтелкова и Кривошлыкова — повесить. 11 мая эта кровавая расправа была осуществлена на хуторе Пономарево Краснокутской станицы. Один из участников революции на Дону А. Френкель впоследствии рассказывал:

«В хуторе Пономарево, куда привели наших товарищей, их выводили в одном нижнем белье по 20 человек к яме. Расстреливали их по 8 человек. 12, стоя на одном и том же ряду, ждали очереди. Некоторые не выдерживали и падали живыми в яму, их пристреливали... При расстреле присутствовал поп. Первая группа причащалась, остальные резко отказались. Подтелков и Кривошлыков все время присутствовали тут же на месте казни. К Подтелкову подошел перед расстрелом один казак из нашей команды и сказал:

— Благослови, товарищ Подтелков.

На это последний ответил:

— Иди, брат, спокойно, скоро и они пойдут туда же.

При этом Подтелков указал на стоявших кругом контрреволюционеров.

Подтелков и Кривошлыков наблюдали всю процедуру, ободряя готовящихся к смерти товарищей... Не охраняемые никем, расхаживали они по площади и открыто вступали с собравшимися в разговоры. Говоря разъяренным казакам об их темноте и невежестве, Подтелков и Кривошлыков рассказывали им о новой жизни трудового народа, о Советской власти, за которую боролись... Подтелков и Кривошлыков, когда их вешали, держали себя изумительно твердо. Стоя у виселицы и держа петлю в руках, они обратились к народу с речью, говоря, что спокойно умирают за счастье трудящихся, и призывали не верить офицерам и атаманам. Кривошлыков перед самой смертью своей написал живущим неподалеку оттуда родным письмо, где в рифмованном четверостишье просил не горевать и не беспоко-

иться, так как он со спокойной совестью умирает за счастье трудового народа» [1].

Между тем немцы наступали. 1 мая 1918 г. они заняли Таганрог, 8 мая — Ростов-на-Дону. Мятежные казаки входили в соглашение с германским военным командованием и часто получали от немцев оружие для борьбы с Советской властью. 6 мая восставшими казаками был занят Новочеркасск.

Продвижение германской армии решило в Донской области, как и на Украине, исход борьбы в пользу контрреволюции. Тотчас же после падения Советской власти в Новочеркасске собрался Круг спасения Дона, избравший антисоветское донское «правительство». 16 мая атаманом войска Донского по рекомендации немцев стал генерал П. Н. Краснов. Казачья контрреволюционная армия снова возродилась. На Дону ожил опаснейший очаг контрреволюции, теперь уже возглавляемый откровенным монархистом.

Краснов не стеснялся открыто говорить о своей тесной связи с императорской Германией. Хвастливо звучала его речь на заседании Большого войскового круга: «Я обратился с письмом к императору Вильгельму. Я писал ему, как равный суверенный властитель пишет равному. Я указывал ему на рыцарские чувства обоих воинственных народов — германцев и донских казаков — и просил его содействия в признании нас самостоятельным государством... и в помощи оружием. Взамен этого я обещал, что войско Донское не обратит своего оружия против немцев, будет соблюдать по отношению к ним нейтралитет и продаст избыток своих продуктов... преимущественно им... Письмо возымело свое действие... Мы получили оружие» [2].

В мае Краснов, вооруженный немцами, начал наступление на Царицын, заливая народной кровью города и села, повсюду вешая рабочих и крестьян.

28 августа Большой войсковой круг Дона принял решение объявить всевеликое войско Донское самостоятельным государством, основанным «на началах народоправства». Согласно этому решению, законодательная власть на Дону должна была принадлежать Войсковому кругу, а «высшая исполнительная власть» — донскому атаману. Как понимали здесь «народоправство», показывает тот факт, что избирательные права предоставлялись только казачьему сословию, а все остальное насе-

---

[1] Приведено Н. Д. Янчевским в книге «Гражданская война на Северном Кавказе», ч. 1. Ростов-на-Дону, 1927, стр. 46.

[2] *С. Пионтковский.* Гражданская война в России. Хрестоматия. М., 1925, стр. 417.

ление (коренные крестьяне, иногородние) было лишено их. Фактически власть на Дону перешла к Краснову — исполнителю указаний германского военного командования.

Немецкое вторжение на юг России способствовало и развитию белогвардейской Добровольческой армии. Она получила от немцев серьезную поддержку. Германские войска отделили казачьи области, где находилась и Добровольческая армия, от Центральной России, создали своеобразную завесу, защищавшую белогвардейцев.

Добровольческая армия, являясь оплотом всероссийской буржуазно-помещичьей, монархистской контрреволюции, так же как и другие антисоветские силы в то время, пользовалась «демократическим» прикрытием, заявляя, что стоит за созыв Учредительного собрания. Сменивший Корнилова на посту командующего генерал-лейтенант А. И. Деникин в воззвании от 10 апреля 1918 г. заявил, что Добровольческая армия ставит своей задачей уничтожение в России большевизма и установление в ней такого строя, который признает будущее Всероссийское Учредительное собрание.

Вокруг Добровольческой армии группировались монархисты, кадеты и иные «государственно мыслящие» элементы общероссийской контрреволюции. Летом 1918 г. в расположение Добровольческой армии прибыла из Москвы группа лидеров антисоветского «Национального центра» (В. А. Степанов, М. М. Федоров, Н. И. Астров и др.). Они образовали здесь филиал своей организации и в качестве советников вошли в деникинское «правительство». Главари Добровольческой армии находили «общий язык» и с казачьей автономистской контрреволюцией, и с казачьим монархистом Красновым, и с «самостийным» украинским гетманом Скоропадским.

В апреле — мае 1918 г. Добровольческая армия двинулась на Кубань, где, подмяв федералистскую Кубанскую раду, стала главной силой контрреволюции, а затем распространила свое влияние и на весь Северный Кавказ.

Вторжение немцев и их союзников на территорию России повлекло за собой важные последствия и в Закавказье.

Войска Турции не прекращали военных действий на Кавказском фронте и после подписания акта о перемирии с Советской Россией. Они вторгались в армянские районы и зверски расправлялись с мирным населением, а после заключения Брестского мира в апреле 1918 г. заняли Батум, Батумскую, Карскую и Ардаганскую области и создали непосредственную угрозу Эривани и Тифлису.

22 апреля под диктовку германо-турецких захватчиков меньшевистско-националистический Закавказский сейм объявил Закавказье «независимой федеративной республикой» и официально отделился от Советской России. В правительство Закавказской федерации на паритетных началах вошли грузинские меньшевики, армянские дашнаки и азербайджанские мусаватисты. Это правительство подписало в мае 1918 г. в Батуме мирный договор с Германией и Турцией, согласившись на оккупацию части территории Закавказья.

Но вскоре «федерация» распалась, раздираемая внутренними противоречиями. 26 мая «Национальный совет Грузии» провозгласил образование «независимой республики Грузии» во главе с меньшевиком Н. Рамишвили, замененным впоследствии Н. Жордания.

28 мая «Центральный национальный армянский совет» объявил и Армению «независимой республикой», а 17 июня азербайджанские мусаватисты образовали «правительство» во главе с крупным помещиком Ф. Хан-Хойским.

Новые республики находились в полной зависимости от германских и турецких захватчиков. Германия заключила договор с Грузией, по которому взяла под контроль все железнодорожные пути сообщения, получила право эксплуатировать важнейшие предприятия и природные богатства страны, оккупировать грузинскую территорию. Азербайджанские мусаватисты, опираясь на турецкие войска, вели подрывные и военные действия против Бакинской коммуны. Грузинское правительство меньшевиков разрешило турецким войскам проход через свою территорию, предоставило им транспорт, и они двинулись на революционный Баку.

* * *

Итак, весною и летом 1918 г. объединенные силы внутренней контрреволюции и международного империализма буквально раздирали Советскую Россию на части. В стране свирепствовали голод и хозяйственная разруха. Характеризуя политическую обстановку, В. И. Ленин говорил 29 июля на объединенном заседании ВЦИК: «На Россию надвинулся бич голода, который обострился неслыханно, потому что как раз план империалистических хищников состоит в том, чтобы отрезать от России хлебные местности.

...Обострение классовой борьбы в связи с продовольственным кризисом, как раз тогда, когда новый урожай в своем богатстве определился, но реализован быть не может, и тогда, когда мучительно голодных жителей в Петрограде и Москве толкают

кулацкие элементы и буржуазия, которые говорят в самых отчаянных усилиях: либо теперь, либо никогда, — от этого становится понятной та волна восстаний, которая прокатывается по всей России... И мы видим влияние англо-французов; мы видим расчет контрреволюционных помещиков и буржуазии.

...Из этого соединенного усилия англо-французского империализма и контрреволюционной русской буржуазии вытекло то, что война гражданская у нас теперь... слилась с войной внешней в одно неразрывное целое...

...Выйдя с одной стороны из войны с одной коалицией, сейчас же испытали натиск империализма с другой стороны... Их война с войной гражданской сливается в одно единое целое, и это составляет главный источник трудностей настоящего момента...» [1]

2. Усиление карательных мер в отношении контрреволюции

Вмешательство международного империализма во внутренние дела Советской страны, всесторонняя поддержка, оказываемая им внутренней контрреволюции, резко активизировали весною и летом 1918 г. все группы антисоветского лагеря. Образовавшиеся фронты гражданской войны оказывали непосредственное влияние на советский тыл, где действовали тайные подрывные контрреволюционные организации. На самих фронтах молодая Рабоче-Крестьянская Красная Армия героически отражала атаки врагов Советского государства. Обстановка требовала усиления карательных мер по отношению к поднявшей голову контрреволюции и в тылу.

В. И. Ленин еще в первые дни Октября подчеркивал: «Чем более крайним является сопротивление эксплуататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплуатируемыми» [2]. Начиная с января 1918 г. Владимир Ильич неоднократно отмечал слабость карательной политики трибуналов против контрреволюционеров и уголовников и требовал ее усиления. Наши революционные и народные суды чрезвычайно слабы, указывал он в «Очередных задачах Советской власти», «диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 11—14.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 194.

Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; — с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса» [1].

И Ленин требовал: «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам... Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главные разряда *паразитов,* вскормленных капитализмом; это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом» [2].

В выступлении В. И. Ленина 14 января на совещании президиума Петроградского Совета по вопросу о борьбе с голодом уже встречается высказывание о необходимости применения террора. «Петроградские рабочие и солдаты,— говорил он, — должны понять, что им никто не поможет, кроме их самих. Факты злоупотребления очевидны, спекуляция чудовищна, но что сделали солдаты и рабочие в массах, чтобы бороться с нею? Если не поднять массы на самодеятельность, ничего не выйдет... Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет... Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте» [3]. При этом В. И. Ленин считал, что террор могли бы применять специально организованные рабочие отряды по борьбе со спекуляцией или Советы на основании своих решений.

Как известно, в первые дни после Октябрьской революции большевистская партия и Советское правительство не считали нужным применять террор. Впоследствии, однако, развитие уголовщины, пьяные погромы вынудили допустить применение террора в отношении погромщиков и грабителей. Теперь, в ян-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 196.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 200, 201.
[3] Там же, стр. 311.

варе 1918 г., когда продовольственный голод в Петрограде достиг угрожающей остроты, В. И. Ленин считал возможным применить организованный террор и в отношении спекулянтов, наживавшихся на народном бедствии.

В критический для революции момент, когда немцы, прервав мирные переговоры, начали наступление на Советскую Россию и угрожали Петрограду, Совет Народных Комиссаров принял 21 февраля 1918 г. декрет «Социалистическое Отечество в опасности!», в котором подчеркивалось, что для обеспечения обороноспособности и революционного порядка в стране должны приниматься самые решительные меры. Статья 8-я декрета устанавливала: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления» [1].

На следующий день Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией объявила: «До сих пор Комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции наглеет с каждым днем, вдохновляемая предательским нападением германских контрреволюционеров, когда всемирная буржуазия пытается задушить авангард революционного интернационала — российский пролетариат, Всероссийская Чрезвычайная комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления, а потому объявляет, что все неприятельские агенты и шпионы, контрреволюционные агитаторы, спекулянты, организаторы восстаний и участники в подготовке восстаний для свержения Советской власти,— все бегущие на Дон для поступления в контрреволюционные войска калединской и корниловской банд и польские контрреволюционные легионы, продавцы и скупщики оружия для отправки финляндской и белой гвардии, калединско-корниловским и довбор-мусницким войскам, для вооружения контрреволюционной буржуазии Петрограда — будут беспощадно расстреливаться отрядами Комиссии на месте преступления» [2]. Так в момент грозной опасности, нависшей над республикой, рабоче-крестьянское правительство в ответ на действия врагов революции вынуждено было прибегнуть к крайней мере социальной защиты — расстрелу опаснейших преступ-

---

[1] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 491.
[2] «Известия ВЦИК», 23 февраля 1918 г.

ников на месте преступления. Исполнение этой исключительной меры борьбы взяла на себя ВЧК.

На Украине, где создалось не менее угрожающее положение, также были приняты чрезвычайные меры. В связи с началом вторжения австро-германских войск Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины 22 февраля образовал в Киеве Комитет Народного Секретариата для «руководства всеми мероприятиями по обороне революции от западных империалистов» и предоставил ему чрезвычайные полномочия. В Комитет вошли: Юрий Коцюбинский (сын классика украинской литературы М. М. Коцюбинского), Николай Скрыпник, Сергей Бакинский, Яков Мартьянов и Виталий Примаков. Комитет стал называться «Чрезвычайной комиссией Народного Секретариата для защиты страны и революции». Один из членов Комитета — командир червонного казачества В. М. Примаков — был назначен комиссаром Народного Секретариата по борьбе с контрреволюцией. Ему были предоставлены широкие полномочия по производству обысков, арестов и тому подобных действий для подавления контрреволюции. Чрезвычайная комиссия Народного Секретариата вела как военную работу, так и борьбу с контрреволюцией в тылу. В день своего образования Комиссия объявила Киев и его окрестности на осадном положении и предупредила, что «все виновные в контрреволюционных действиях будут беспощадно караться». В одном из обращений ко всем Советам, революционным штабам и комендантам Чрезвычайная комиссия предписывала: «...Не медля ни минуты, организуйте боевые отряды, группируйте их вокруг себя, одевайте организованные дружины за счет местной буржуазии в надежде, что дальнейшие средства будут присланы Советской властью. Будьте решительны, не останавливайтесь перед мерами воздействия на буржуазию, с которой рабочие и крестьяне Украины и всей России ведут последнюю решительную борьбу, знайте, что буржуазия беспощадна по отношению к рабочим и крестьянам» [1]. В специальном обращении к Советам по поводу сбора излишков хлеба и реквизиции его у кулаков Народный Секретариат указывал: «Все укрыватели (излишков хлеба.— *Д. Г.*), спекулянты подлежат аресту и преданию революционному суду как враги народа и революции и будут караться по всей строгости, вплоть до конфискации всего имущества и отдачи на принудительные работы. Советы должны проявить всю решительность в борьбе

[1] «Гражданская война на Украине». Сборник документов и материалов, т. I, кн. 1. Киев, 1967, стр. 12.

со спекуляцией и злостным укрывательством, не останавливаясь перед применением в необходимых случаях вооруженной силы» [1].

В Харькове, где в феврале 1918 г. образовалась Донецко-Криворожская Советская Республика со своим Совнаркомом, существовавший до этого губернский Главный штаб по борьбе с контрреволюцией 27 февраля был переименован в «Главный штаб Донецкой республики по борьбе с контрреволюцией» с распространением сферы его деятельности на всю область. Главному штабу были подчинены «все вооруженные силы... борющиеся с контрреволюцией на территории Донецкой республики». Он назначил военных комиссаров на места и занимался как военными делами, так и борьбой с контрреволюцией в тылу [2].

В ночь на 4 марта на общем собрании всех военно-революционных организаций в Харькове был образован Чрезвычайный штаб для руководства военно-оперативными действиями против надвигавшейся извне контрреволюции и для поддержания революционного порядка в Донецком и Криворожском бассейнах. При штабе состоял отдел по борьбе с контрреволюцией, заменивший Главный штаб [3]. С 6 часов вечера 5 марта Чрезвычайный штаб объявил Харьков на военном положении и назначил комендантом города П. А. Кина. Отныне ордера на право обысков и арестов объявлялись действительными лишь за подписью Кина. Все лица, производившие самочинные обыски и аресты, подлежали революционному суду и наказанию, вплоть до расстрела [4].

Военно-революционный комитет Донецко-Криворожского бассейна в телеграмме местным ревкомам и Советам от 27 февраля предписывал: «Пьянство и хулиганство, как контрреволюционные действия, должны быть прекращаемы всеми мерами, вплоть до расстрела... Саботажников посылайте в шахты, на горячие и мокрые работы» [5]. В обращении Донецкого Совнаркома к рабочим Донбасса от 5 марта было сказано: «Пользуйтесь самым широким правом реквизиции, организовав для местной охраны отряды... Контрреволюционеров арестовывайте, при сопротивлении расстреливайте» [6].

---

[1] «Гражданская война на Украине». Сборник документов и материалов, т. I, кн. 1, стр. 4—5.

[2] См. «Борьба за власть Советов в Донбассе». 1957, стр. 316—317.

[3] См. там же, стр. 329.

[4] См. «Гражданская война на Украине», т. I, кн. 1, стр. 24.

[5] «Борьба за власть Советов в Донбассе», стр. 317—318.

[6] «Гражданская война на Украине», т. I, кн. 1, стр. 19.

Чрезвычайные органы борьбы с контрреволюцией создавались и в других городах Украины. В Одессе была образована «Высшая автономная коллегия по борьбе с румынской и украинской контрреволюцией». В Полтаве при Военно-революционном комитете действовала Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. В Екатеринославе 23 марта был образован Чрезвычайный штаб для «организации обороны Екатеринослава против наступающих белогвардейцев, борьбы с контрреволюцией и всякого рода грабителями и хулиганами».

2 марта 1918 г. народный комиссар юстиции Донецко-Криворожской республики потребовал от всех комиссаров юстиции и революционных трибуналов усилить репрессии в отношении контрреволюционеров. «Общероссийские условия, вызывающие необходимость беспощадной и неуклонной борьбы с контрреволюцией и саботажниками, в пределах Донецкой области осложняются...— говорилось в этом документе.— Революционными трибуналами, созданными для борьбы с контрреволюцией и саботажем, мародерством, спекуляцией и прочим, ведется недостаточно решительная борьба. Члены революционных трибуналов, следователи и другие проявляют излишнюю жалость по отношению к контрреволюционерам; иногда вследствие недостаточной революционной чуткости и беспощадности, неумения отличить волков от овец, поддельных чувств и слов от искренних, поддаются проливающимся слезам безусловнейших контрреволюционеров. ...Предписываю революционным трибуналам ни на минуту не забывать о том, что мы живем сейчас в эпоху ожесточенной классовой борьбы... Никакой пощады, никакого послабления не должно быть по отношению к контрреволюционерам... Всякое попустительство и послабление... равносильно величайшему преступлению перед рабочим классом всего мира...» [1]

В первое время п. 8 декрета Совнаркома РСФСР «Социалистическое Отечество в опасности!», предусматривавший «расстрел на месте», применялся весьма редко.

26 февраля 1918 г. ВЧК расстреляла известного авантюриста-бандита, самозваного князя Эболи (он же де Гриколи, Найди, Маковский, Далматов) и его сообщницу Бритт за ряд грабежей, совершенных ими под видом обысков от имени советских органов. Этот первый расстрел был произведен по специальному постановлению Коллегии ВЧК. Заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс так объяснял причины применения

[1] «Борьба за власть Советов в Донбассе», стр. 325—328.

расстрела: «Вопрос о смертной казни с самого начала нашей деятельности поднимался в нашей среде, и в течение нескольких месяцев после долгого обсуждения этого вопроса смертную казнь мы отклоняли как средство борьбы с врагами. Но бандитизм развивался с ужасающей быстротой и принимал слишком угрожающие размеры. К тому же, как мы убедились, около 70% наиболее серьезных нападений и грабежей совершались интеллигентными лицами, в большинстве бывшими офицерами. Эти обстоятельства заставили нас в конце концов решить, что применение смертной казни неизбежно, и расстрел князя Эболи был произведен по единогласному решению» [1].

28 февраля по постановлению Коллегии ВЧК были расстреляны бандиты В. Смирнов и И. Заноза (он же гайдамак Строгов), которые, назвавшись комиссарами Чрезвычайной комиссии, с отрядом вооруженных лиц явились в гостиницу «Медведь» и ограбили находившихся там посетителей. Преступников задержали с поличным — награбленными деньгами.

В первое время ВЧК расстреливала только уголовных бандитов. Начало применения расстрела за контрреволюционные преступления хронологически связывается с делом бывших офицеров лейб-гвардии Семеновского полка братьев А. А. и В. А. Череп-Спиридовичей. Согласно Брестскому мирному договору, Советское правительство должно было оплачивать все русские ценные бумаги, предъявляемые Германией. Используя это положение договора, немецкие агенты по указанию германского посла Мирбаха скупали за бесценок акции национализированных Советской властью предприятий, с тем чтобы предъявлять их к оплате. Братья Череп-Спиридовичи, являвшиеся крупными акционерами и членами правления Веселянских рудников, были задержаны при попытке продать германскому представительству акции национализированных рудников на сумму 5 млн. рублей. За это преступление, расцененное как государственная измена, братья Череп-Спиридовичи и их комиссионер, биржевой маклер Б. С. Берлисон, 31 мая 1918 г. были расстреляны.

Применение расстрела в качестве меры борьбы с контрреволюционерами изменило характер деятельности Чрезвычайной комиссии. В беседе с сотрудником газеты «Новая жизнь» председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский сказал: «Наша задача — борьба с врагами Советской власти и нового строя жизни. Такими врагами являются как политические наши противники, так и все бандиты, жулики, спекулянты и другие преступники,

[1] «Известия ВЦИК», 6 ноября 1918 г.

подрывающие основы социалистической власти. По отношению к ним мы не знаем пощады. Мы терроризируем врагов Советской власти, дабы задушить преступление в корне... Комиссия состоит из 18 испытанных революционеров, представителей ЦК партий и представителей ЦИК. Казнь возможна лишь по единогласным постановлениям всех членов Комиссии в полном составе... В большинстве случаев от поимки преступника до постановления проходят сутки или несколько суток, но это, однако, не значит, что приговоры наши необоснованны... Все дела о преступлениях, которые представляются нам не особенно опасными для Советской власти, мы передаем в военно-революционный трибунал и оставляем за собой непосредственных врагов, с которыми и боремся предоставленными нам СНК средствами» [1].

26 июня ВЧК выступила с официальным разъяснением, в котором говорилось: «В большинстве газет Комиссия трактуется как следственная, в то время как Комиссия является Всероссийской Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Подобное «недоразумение» ведет к тому, что в значительной степени извращает задачи и цели работы Комиссии и представляет в совершенно ложном свете как функции, так и способы и образ действий Комиссии» [2]. Таким образом, после того как ВЧК начала применять внесудебную репрессию — террор в виде расстрела на месте, она стала не только органом розыска и дознания, каким по преимуществу являлась раньше, но и превратилась в орган непосредственной расправы с наиболее опасными преступниками.

Усилили репрессии и революционные трибуналы. 16 июня народный комиссар юстиции П. И. Стучка, сменивший на этом посту левого эсера И. З. Штейнберга, подписал приказ, в котором было сказано: «Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и прочим не связаны никакими ограничениями» [3]. Тем самым революционным трибуналам предоставлялось право выносить в судебном порядке смертные приговоры. 21 июня 1918 г. вновь учрежденный Верховный революционный трибунал при ВЦИК в публичном открытом заседании вынес первый смертный приговор, осудив на расстрел за антисоветскую деятельность бывшего начальника Балтийского флота контр-адмирала А. М. Щастного.

---

[1] «Новая жизнь», 8 июня 1918 г.
[2] «Известия ВЦИК», 26 июня 1918 г.
[3] СУ, 1918, № 44, ст. 533.

В приговоре по этому делу говорилось: «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Революционный трибунал при ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, заслушав в открытых заседаниях своих от 20 и 21 июня 1918 г. и рассмотрев дело по обвинению бывшего начальника морских сил Балтийского флота гр. Алексея Михайловича Щастного, 37 лет, признал доказанным, что он, Щастный, сознательно и явно подготовлял условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своею деятельностью восстановить матросов флота и их организации против постановлений и распоряжений, утвержденных Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. С этой целью, воспользовавшись тяжким и тревожным состоянием флота, в связи с возможной необходимостью, в интересах революции, уничтожения его и кронштадтских крепостей, вел контрреволюционную агитацию в Совете комиссаров флота и в Совете флагманов: то предъявлением в их среде провокационных документов, явно подложных, о якобы имеющемся у Советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о сдаче его немцам, каковые подложные документы отобраны у него при обыске; то лживо внушал, что Советская власть безучастно относится к спасению флота и жертвам контрреволюционного террора; то разглашая секретные документы относительно подготовки на случай необходимости взрыва Кронштадта и флота; то ссылаясь на якобы антидемократичность утвержденного СНК и ЦИК Положения об управлении флотом, внося, вопреки этому Положению, в Совет комиссаров флота на разрешение вопросы военно-оперативного характера, стремясь этим путем снять с себя ответственность за разрешение таких вопросов; то попустительствовал своему подчиненному Зеленому в неисполнении распоряжений Советской власти, направленных к облегчению положения флота, и замедлил установление демаркационной линии в Финском заливе, не исполняя своей прямой обязанности отстранения таких подчиненных от должности; то под различными предлогами на случай намеченного им, Щастным, переворота задерживал минную дивизию в Петрограде; и всей этой деятельностью своей питал и поддерживал во флоте тревожное состояние и возможность противосоветских выступлений. Принимая во внимание, что вся эта деятельность Щастного проявлялась им в то время, когда он занимал высокий военный пост и располагал широкими правами во флоте Республики, Трибунал постановил: считая его

виновным во всем изложенном, расстрелять. Приговор привести в исполнение в течение 24 часов» [1].

Применение Чрезвычайной комиссией террора в виде расстрела на месте и особенно введение смертной казни по суду вызвало озлобленные вопли всех врагов революции. Вопрос о смертной казни стал предметом дискуссии на V Всероссийском съезде Советов. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, излагая сущность разногласий по этому вопросу с левыми эсерами, 5 июля говорил на съезде: «...Вначале вся их (левых эсеров.— *Д. Г.*) аргументация сосредоточилась на вопросе формальном, на том, что 2-й съезд Советов отменил смертную казнь вообще... Я должен указать, что нас этот формальный момент, если бы он даже и был, нисколько не связывает... Плох тот революционер, который не понимает, что спокойного и незыблемого момента (в период революции) революционная власть установить не может.

Революция в своем развитии вынуждает нас к целому ряду таких актов, к которым в период мирного развития, в эпоху спокойного, органического развития мы бы никогда не стали прибегать». Отмечая непоследовательность позиции левых эсеров в вопросе о смертной казни, Я. М. Свердлов продолжал: «Я напомню товарищам о том, что в Российской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией... принимают равное участие во всех работах, в том числе и в расстрелах, проводимых комиссией, и левые эсеры, и большевики, и по отношению к этим расстрелам у нас как будто никаких разногласий нет. Но левые эсеры заявляют, что они — против смертной казни. Тут нужно сделать корректив: они против смертной казни по суду, но смертная казнь без суда ими допускается. Для нас, товарищи, такое положение является совершенно непонятным, оно нам кажется совершенно нелогичным. Я не сторонник употребления резких слов, но важно указать, что как-нибудь нужно свести концы с концами» [2].

В речи, направленной против большевиков, лидер левых эсеров Мария Спиридонова с «революционным» пафосом возражала против использования советского государственного аппарата для подавления сопротивления эксплуататоров, в частности против применения смертной казни по суду. Она отрицала необходимость для пролетарского государства иметь организованную армию. Судебные и карательные органы, созданные про-

---

[1] «Известия ВЦИК», 22 июня 1918 г.

[2] *Я. М. Свердлов.* Избранные произведения, т. 2. М., 1959, стр. 242, 243.

летариатом для защиты завоеваний социалистической революции, для защиты своей Советской власти, она анархистски считала «арсеналом буржуазного государства» [1].

Псевдореволюционные доводы левых эсеров на деле означали призыв к полному разоружению пролетарского государства перед лицом бешено сопротивлявшегося классового врага. В своем докладе на съезде В. И. Ленин разоблачил лицемерие левых эсеров. «Ужасное бедствие — голод — надвинулось на нас,— говорил Владимир Ильич,— и чем труднее наше положение, чем острее продовольственный кризис, тем более усиливается борьба капиталистов против Советской власти. Вы знаете, что чехословацкий мятеж — это мятеж людей, купленных англо-французскими империалистами. Постоянно приходится слышать, что то там, то здесь восстают против Советов. Восстания кулаков захватывают все новые области. На Дону Краснов, которого русские рабочие великодушно отпустили в Петрограде, когда он явился и отдал свою шпагу, ибо предрассудки интеллигенции еще сильны и интеллигенция протестовала против смертной казни, был отпущен из-за предрассудков интеллигенции против смертной казни. А теперь я посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова, как он расстреливает рабочих и крестьян. Нам говорят, что, когда в комиссии Дзержинского расстреливают — это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контрреволюционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мертвы. Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов» [2].

Таким образом, расстрел на месте и смертная казнь по суду рассматривались большевиками и Советским правительством как исключительные меры, вызванные резкой активизацией враждебной деятельности контрреволюционеров. Широта их применения зависела от политической обстановки в стране. Известный деятель, член Коллегии ВЧК М. Я. Лацис указывал, что за первую половину 1918 г. было расстреляно всего 22 человека, в дальнейшем же широкая волна заговоров и самый необузданный белый террор потребовали усиления карательных мер по отношению к контрреволюционной буржуазии [3].

---

[1] «Известия ВЦИК», 6 июля 1918 г.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 503.

[3] См. *М. Лацис (Судрабс).* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, стр. 9.

3. Ликвидация преступных анархистских групп

Серьезную дезорганизацию в жизнь страны вносили в то время анархисты. Небольшие их группы вместе с большевиками приняли участие в Октябрьской революции; некоторые из них, увлеченные общенародным революционным подъемом, храбро сражались за победу Октября. Однако каждая анархистская группа считала себя совершенно самостоятельной и не признавала никакой организованности в действиях.

Их мелкобуржуазная распущенность в полной мере проявилась после установления власти Советов. Анархисты по-прежнему не признавали какой бы то ни было государственной власти, не делали различия между буржуазным и Советским государством. Многие из них требовали немедленного перехода к «безгосударственному» строю. Некоторые группы анархистов хотя и изъявляли готовность сотрудничать с большевиками, участвовать в советской работе, но выступали против ленинского принципа демократического централизма, предлагали передать всю полноту государственной власти на места, а предприятия и фабрики — в собственность тех, кто на них работает. В ряде городов анархисты захватывали особняки, принадлежавшие буржуазии, под предлогом «защиты революции» создавали вооруженные отряды, которые фактически занимались экспроприациями, добыванием средств «на нужды организации». В анархистские группы потянулись преступные элементы, и под флагом анархизма началось ограбление лавок, складов, магазинов, частных квартир.

31 января 1918 г. анархисты Лев Черный (П. Д. Турчанинов), Михаил Крупенин, В. Бармаш и Абба Гордин образовали «Совет Московской федерации анархистских групп» и самовольно заняли для этой организации помещение бывшего купеческого клуба в Москве. Целью своей организации они провозгласили распространение анархистских учений и привлечение новых членов в анархистские группы. Совет федерации создал вооруженный отряд под названием «Черная гвардия», якобы для борьбы с контрреволюцией, производства обысков и реквизиций у буржуазии. Под влиянием «Совета федерации» в Москве стали быстро расти анархистские группы, носившие разные названия — «Ураган», «Авангард», «Борцы», «Студенческая группа», «Коммуна Морозова», «Десма». Некоторые из них признавали федерацию как центральную, объединяющую организацию, другие не признавали. К началу апреля группки анархистов занимали в городе около 20 особняков. Многие члены

этих групп никакого представления об анархизме как идейном течении не имели, их привлекала возможность, прикрываясь анархистским флагом, совершать темные дела. Нередко под видом анархистских создавались настоящие уголовные шайки. Вскоре уголовники появились и в самой «Черной гвардии». Под предлогом производства обысков у контрреволюционеров они совершали кражи и грабежи. «Совет федерации», конечно, знал об этих преступлениях, но никакой борьбы с ними не вел.

Такое же положение было и в Петрограде. Анархисты и здесь самочинно занимали помещения для своих организаций, грабили квартиры. Захватив на Васильевском острове особняк бывшего барона, миллионера Гинцбурга, анархисты вывезли мебель, ковры, дорогие картины, гобелены, зеркала и т. п. В ряде помещений, занятых анархистами, создавались склады оружия, устраивались оргии. Во время работы съезда анархистов Петрограда, куда они явились вооруженными, взорвалась бомба, было много убитых и раненых [1].

Одна из петроградских анархистских газет — «Буревестник» — пыталась даже «теоретически» обосновать неизбежность участия преступных элементов в анархистских группах. «За нами идет целая армия преступности,— писала она.— Мы это хорошо знаем. Почему же мы идем вместе? Вернее, почему они идут под нашим прикрытием? У нас с внешней стороны одна цель: мы разрушаем современное общество, и они разрушают. Мы выше современного общества, а они ниже. Но мы с глубоким презрением к современному обществу протягиваем руку этим преступникам. У нас общий враг — современное общество... Мы приветствуем всякое разрушение, всякий удар, наносимый нашему врагу. Разите его, доконайте его — вот возгласы поощрения, издаваемые нами при всяком покушении, при всяком посягательстве на современное общество» [2].

Такова была «идеология» многих анархистов. А вот один из примеров их «практики». В апреле несколько анархистов из «Всероссийской федерации анархистов-коммунистов» во главе с Ф. Горбовым явились в частную московскую контору торгового товарищества «Кавказ и Меркурий». Предъявив мандат от анархистской федерации, они потребовали выдачи всего опиума, хранившегося на складе, для того, чтобы, по их словам, уничтожить его как вредный для общества продукт. Комиссар предприятия потребовал от явившихся подтверждения предъявлен-

---

[1] См. *А. Л. Фрайман.* Форпост социалистической революции. Л., 1969, стр. 192.

[2] «Буревестник», 19 апреля 1918 г.

ного мандата советскими органами. Анархисты удалились и вскоре вернулись с тем же мандатом, на котором теперь имелась подпись одного из членов президиума солдатской секции Московского Совета. Администрация товарищества опиум выдала, и анархисты, погрузив его на подводу, вывезли. Об этом происшествии сообщили в ВЧК. По указанию Ф. Э. Дзержинского и при его личном участии чекисты произвели обыск в гостинице «Метрополь», где жил Ф. Г. Горбов, являвшийся членом ВЦИК от анархистской федерации. Чекисты нашли несколько бомб, револьверы и крупную сумму денег, принадлежавших федерации. Горбова арестовали. В той же гостинице был арестован и другой участник «операции» с опиумом — А. Светлов, у которого также обнаружили револьверы, бомбы, патроны, бинты и запасы остродефицитных в то время чая, круп и других продуктов. Далее выяснилось, что анархисты подделали подпись члена президиума солдатской секции на мандате, предъявленном при изъятии опиума. Наконец, чекисты нашли у спекулянта Журинского вывезенный анархистами со склада товарищества «Кавказ и Меркурий» опиум — 200 пакетов по 10 фунтов каждый. Весь опиум был продан спекулянту за 100 тыс. рублей. Деньги получил анархист Мамант Дальский.

Дезорганизаторские, преступные действия анархистских групп не могли быть терпимы Советской властью. Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией в марте 1918 г., в первые же дни после переезда в Москву, выступила с предупреждением: «Волею Совета Народных Комиссаров РСФСР мы призваны к деятельности в г. Москве. Вступая в отправление своих обязанностей, ВЧК считает необходимым довести до сведения граждан Москвы, что первейшей задачей ВЧК будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилий самовольных захватчиков и бандитов, разбойников и хулиганов и обыкновенного жулья, осмелившихся скрываться и выдавать себя за анархистов, красногвардейцев и членов других революционных организаций. В борьбе с этими двойными преступниками, охотно входящими в сношения и принимающими в свою среду контрреволюционеров, ударников и белогвардейцев, будет проявлена особая решительность и беспощадность. Все население призывается к полному содействию законной власти, к неукоснительному искоренению всех элементов, деятельность которых явно враждебна свободному республиканскому строительству нашего социалистического отечества... Лицам, занимающимся грабежами, убийствами, захватами, налетами и про-

чими тому подобными, совершенно нетерпимыми преступными деяниями, предлагается в 24 часа покинуть город Москву или совершенно отрешиться от своей преступной деятельности, зная наперед, что через 24 часа после опубликования этого заявления все застигнутые на месте преступления немедленно будут расстреливаться»[1].

В ночь на 12 апреля по решению ВЧК и городских властей чекисты с помощью красноармейцев разоружили в Москве различные сомнительные анархиствующие группы и арестовали около 400 человек. В разъяснении ВЧК говорилось, что эта операция была направлена против бандитов и уголовников. Всех анархистов, не причастных к грабежам и уголовщине, освобождали. Но оказалось, что таких среди арестованных было не более 5%.

Полное представление о «деятельности» арестованных членов анархистских групп дает следующее сообщение ВЧК: «Отделом при ВЧК по борьбе с преступностью ведется в настоящее время интенсивная работа по очищению Москвы от преступного элемента. Значительная часть из обнаруживаемых преступников — это лица, так или иначе примазавшиеся к идейному течению анархизма. Расстрелянный недавно изверг — главарь шайки «Граком» Лапшин-Липкович — на допросе выдавал многих своих товарищей, и по его указанию еще до сих пор открываются возмутительные по своей дерзости грандиозные преступления, участниками которых были члены групп «анархистской» платформы. Лапшин-Липкович, как известно, во время одной «экспроприации» замучил бесчеловечной пыткой Батурина, скальпировав свою жертву, поливая рану одеколоном, пытаясь таким способом вырвать у Батурина признание, где спрятаны деньги. Из допроса, между прочим, выяснилось, что этот Лапшин на одном из собраний «анархистских» групп требовал, чтобы все члены групп разных наименований признавали своим кредо безграничное право реквизиций и конфискаций. Предлагалось товарищам, не согласным с такими постановлениями, высказываться. Однако на собрании не нашлось ни одного, который бы высказался хотя бы за ограничительное право конфискации. Многие группы действовали в контакте, совместно устраивали грабежи. Таковы были группы: 1-й Самарский отряд, 2-й отряд, «Граком», «Буря» и др. Членами этих групп были совершены десятки грабежей на миллионные суммы... Из преступников на месте преступления захвачены: С. Кузин,

[1] «Известия ВЦИК», 3 апреля 1918 г.

С. Захаров, В. Матейчик. Первые двое из них, принадлежавшие к организованной шайке, захвачены во время вооруженного грабежа по Цветному бульвару, № 21, а последний — при грабеже в Барашковском переулке, где он оказал вооруженное сопротивление» [1]. Сознались в совершенных преступлениях И. Д. Слоп, И. Т. Зильберман, А. С. Данилин, В. Спаков, А. А. Бойцов, И. Г. Цулукидзе, А. Андреев («Зюзик»), С. Г. Кузин, С. Захаров, В. П. Матейчик и И. Е. Баранов.

Бандиты были расстреляны.

Решительные меры, принятые ВЧК против «анархиствующих» бандитов в Москве, Петрограде, Саратове, Воронеже и других городах, оздоровили обстановку и нанесли серьезный удар по дезорганизаторской деятельности анархистов.

4. Под флагом борьбы за «учредиловскую демократию»

VIII совет партии правых социалистов-революционеров, состоявшийся 7—14 мая 1918 г., провозгласил официальной линией партии подготовку вооруженного восстания против Советской власти и образование «демократического правительства», которое должно быть избрано Учредительным собранием. Совет правых эсеров признал также необходимым добиваться возобновления войны с Германией в союзе с правительствами стран англо-французской коалиции и США, создания на территории России Восточного фронта и считал «приемлемым в стратегических целях» приглашение в Россию войск Антанты.

В течение лета 1918 г. правые эсеры с помощью международного империализма стремились осуществить эти свои замыслы. Как уже отмечалось, в Самаре, занятой чехословацкими мятежниками, они образовали Комуч и открыли фронт гражданской войны против Советской власти. Вся деятельность партии эсеров в советском тылу после этого была направлена на поддержку Комуча, а также антисоветских «эсеровских правительств» Сибири и некоторых других районов страны, на подрыв советского тыла в войне с ними. Как признал впоследствии член ЦК партии эсеров Д. Д. Донской, деятельность всех эсеровских партийных организаций в советском тылу направлялась «в русло поддержки образовавшегося Восточного фронта, в русло содействия приближению войск Комитета членов Учредительного собрания на Запад... в русло ведения вооруженной

[1] «Известия ВЦИК», 31 мая 1918 г.

борьбы против Советской власти». Эсеровские организации, свидетельствовал Донской, «имели своей задачей облегчить продвижение народной армии (так эсеры называли антисоветскую армию, созданную «учредиловским правительством».— *Д. Г.*) и в случае ее прихода подготовить на данном месте, к моменту ее прихода, восстание» [1].

Партия меньшевиков после победы Великой Октябрьской социалистической революции встала примерно на те же антисоветские позиции, что и партия социалистов-революционеров. «Марксистская» меньшевистская партия считала, что Октябрьская революция не может осуществить социалистическое преобразование страны, поскольку не произошла еще революция на Западе, не признавала диктатуры пролетариата и выступала за создание в России демократической республики буржуазного образца. Многие меньшевики принимали участие в восстаниях и мятежах, которые весною и летом прокатились по стране, некоторые из меньшевиков входили и в состав образовавшихся тогда антисоветских «эсеровских правительств».

Пользуясь старыми связями в профессиональных союзах, меньшевики действовали преимущественно среди отсталых групп рабочего класса и городского мещанства, разработав «особые» методы борьбы с Советской властью. Так, они утверждали, что Советы лишь общественные организации рабочего класса и должны представлять его узкопрофессиональные интересы. Меньшевик О. А. Ерманский писал: «Советы должны стать самостоятельными органами воли трудящихся... не претендуя на роль органов власти» [2].

В противовес Советам меньшевики выдвинули идею созыва «беспартийных рабочих конференций», «Всероссийского рабочего съезда», которые могли бы «оказывать влияние» на правительство, отстаивая профессиональные интересы. Такое противопоставление «беспартийных конференций» Советам должно было бы, по мысли меньшевистских лидеров, оторвать рабочий класс от большевиков и Советской власти.

Меньшевики выступали также за предоставление избирательных прав буржуазии, развязавшей гражданскую войну против трудящихся. Ерманский, например, призывал Советы не бояться «осуществления основного принципа демократии — всеобщего избирательного права» — и не прибегать к силе, чтобы держать в «бесправии целые слои граждан» (то есть буржуазии,

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 349, л. 9—11.
[2] «За год». Сборник статей. Пг., 1919, стр. 54—55.

капиталистов и других лиц, лишенных диктатурой пролетариата избирательных прав.— *Д. Г.*)[1].

Во время наступления немцев, в конце февраля 1918 г., меньшевики развернули на фабриках и заводах Петрограда антисоветскую агитацию, обвиняя большевиков и Советское правительство во всех бедах и страданиях рабочих и предлагая созвать без ведома и участия советских организаций беспартийное «Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов». Для подготовки этого собрания, которое открылось 13 марта 1918 г. в Петрограде в клубе меньшевиков, последние создали специальное оргбюро.

На собрание явились «представители беспартийных рабочих» от заводов и фабрик, и среди них оказались видные меньшевики: М. С. Каммермахер-Кефали — представитель Центрального совета печатников, А. Н. Смирнов, выступавший от патронного завода, О. А. Ерманский — член Совета рабочих депутатов и др. Председателем собрания был избран правый эсер Е. С. Берг, который во вступительном слове поставил перед собравшимися задачу «создать рабочий орган для оформления общественного мнения и объединения воли петроградского пролетариата».

После ряда крикливых выступлений инициаторов сборища была принята антисоветская «декларация», в которой речь шла не об экономических и не о профессиональных требованиях, а о требованиях политических: 1) не утверждать мирный договор с Германией; 2) отставка Совета Народных Комиссаров; 3) немедленный созыв Учредительного собрания и передача ему всей власти для прекращения гражданской войны, воссоздания единства свободных народов России, организации промышленности, сельского хозяйства, собирания сил для отпора вторжению насильников и заключения мира на основах, ограждающих интересы революционной России[2].

Однако даже среди специально подобранных меньшевиками участников собрания не было единодушия по поводу данной «декларации». Присутствовавшие отмечали явную «меньшевистскую партийность» этого «беспартийного собрания».

Собрание постановило избрать делегацию в составе 10 человек (среди них, конечно, были избраны Каммермахер, Смирнов и другие меньшевики), которая должна была огласить все-таки принятую «декларацию» на предстоящем Всероссийском съезде

[1] См. «За год». Сборник статей, стр. 54—55.

[2] См. «Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда», № 1-2, 18 марта 1918 г., стр. 2, 14.

Советов и, вопреки советскому закону, потребовать своего участия в съезде.

На следующем заседании нелегального «Чрезвычайного собрания», 15 марта, по предложению Каммермахера была принята резолюция «В защиту свободы печати».

Наконец собрание избрало постоянное бюро для руководства работой организации в составе тех же Каммермахера, Берга, Смирнова и других меньшевиков и эсеров. Это бюро, между прочим, должно было подготовить созыв «Всероссийского съезда уполномоченных от беспартийных рабочих» и всеобщую антисоветскую забастовку [1].

В Москве меньшевики в конце марта 1918 г. также начали подпольную работу по созыву собрания уполномоченных от фабрик и заводов города, выделив для этого «Временное бюро беспартийных рабочих совещаний». 13 июня 1918 г. в клубе Александровской железной дороги под предлогом обсуждения продовольственного вопроса состоялось такое же, как и в Петрограде, «беспартийное собрание». На нем присутствовало 59 человек, в том числе 44 меньшевика и эсера. Среди делегатов находились М. С. Каммермахер-Кефали, секретарь Московского комитета партии меньшевиков Г. Д. Кучин и другие меньшевистские деятели. Организаторы сборища, назвавшие его «Чрезвычайным собранием представителей фабрик и заводов Москвы», выступали с антисоветскими речами, требовали разрешения свободной торговли, созыва Учредительного собрания и призывали к забастовкам.

Открытая антисоветская деятельность правых эсеров и меньшевиков вынудила ВЧК принять меры. 10 июня чекисты установили, что на Николаевской улице в Петрограде происходит нелегальное собрание, и арестовали присутствовавших на нем 10 сотрудников военной комиссии эсеровского ЦК партии, в том числе руководителя комиссии Р. Р. Леппера. Выяснилось, что эта комиссия собирала сведения о расположении, численности и моральном состоянии красноармейских частей, вербовала и направляла людей в районы мятежей для участия в военных действиях против Красной Армии. Она пользовалась поддельными документами, печатями, бланками красноармейских частей и издавала антисоветские прокламации. Военная комиссия поддерживала связи с другой эсеровской группой — «организацией налетчиков», занимавшейся грабежами («экспроприация-

---

[1] См. «Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда», № 1-2, 18 марта 1918 г., стр. 8.

ми») и добывавшей таким образом средства на нужды партии. Главарь этой второй группы, бывший офицер Погуляев-Демьяновский, был убит во время ареста при попытке к бегству [1].

13 июня чекисты арестовали и участников меньшевистского «беспартийного собрания» в Москве.

А 14 июня ВЦИК, заслушав доклад ВЧК (его сделал М. Я. Лацис), постановил:

«Принимая во внимание:

1) что Советская власть переживает исключительно трудный момент, выдерживая одновременно натиск как международного империализма всех фронтов, так и его союзников внутри Российской Республики, не стесняющихся в борьбе против Рабоче-Крестьянского правительства никакими средствами, от самой бесстыдной клеветы до заговора и вооруженного восстания;

2) что присутствие в советских организациях представителей партии, явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть Советов, является совершенно недопустимым;

3) что из ранее опубликованных, а также оглашенных в нынешнем заседании документов ясно обнаруживается, что представители партий — социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков, вплоть до самых ответственных, изобличены в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами — на Дону с Калединым и Корниловым, на Урале с Дутовым, в Сибири с Семеновым, Хорватом и Колчаком и, наконец, в последние дни с чехословаками и примкнувшими к последним черносотенцами.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

исключить из своего состава представителей партий социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков, а также предложить всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов удалить представителей этих фракций из своей среды» [2].

Эсеры и меньшевики с еще большим ожесточением продолжали подрывную деятельность.

Меньшевистский организационный комитет по созыву «Всероссийского съезда уполномоченных от беспартийных рабочих», избранный в марте, назначил на 2 июля всеобщую забастовку

[1] См. *М. Я. Лацис (Судрабс).* Два года борьбы на внутреннем фронте, стр. 52—54.

[2] «Декреты Советской власти», т. II, стр. 430—431.

в Петрограде. Но питерский пролетариат отказался участвовать в этой меньшевистской затее: все заводы и фабрики в этот день работали.

21 июля в Москве собралось около 40 делегатов, нелегально избранных на предприятиях разных городов. Они объявили себя «Всероссийской конференцией уполномоченных беспартийных рабочих». Конференцией руководили: член ЦК партии меньшевиков Р. А. Абрамович, А. Н. Смирнов, П. К. Борисенко, И. И. Шпаковский, Д. И. Замараев, М. А. Бороничев, П. П. Уханов, бундовец В. И. Альтер, эсеры Е. С. Берг, А. Е. Бейлин, В. П. Шестаков и С. И. Полукаров. Конференция приняла две резолюции. Одна из них требовала «прекращения опытов социализации и национализации», создания условий для привлечения в промышленность русских и иностранных капиталов «на началах свободной конкуренции». Во второй резолюции основной политической задачей рабочего класса провозглашалась «борьба за низвержение Советской власти и восстановление демократического строя». 23 июля участники конференции были арестованы.

В августе отдел военного контроля и чрезвычайная комиссия 4-й армии Восточного фронта ликвидировали в этой армии заговор, имевший целью открыть фронт уральским казакам. Во главе заговора стояли бывший штабс-ротмистр царской армии Буренин, занимавший должность дежурного генерала 4-й армии, командир 2-го кавалерийского полка Бредихин, его помощник Шевелев, группа левых эсеров (Полочков — бывший начальник штаба армии, Павлов, Гончаров и др.), отстраненных в свое время от занимаемых ими командных постов в армии, и другие лица, в частности сын генерала царской армии Ушакова. Эта контрреволюционная группа намеревалась в ночь на 20 августа вывести кавалерийский полк Бредихина за окопы и сообщить противнику пароль. Казаки должны были проникнуть под видом красноармейского отряда в расположение советских войск и открыть фронт для общего наступления, а руководители заговора — захватить штаб армии. Буренин имел связи с некоторыми бывшими местными помещиками, которые снабжали его денежными средствами для организации заговора и подкупа командиров армии.

Незадолго до намеченного контрреволюционного выступления Буренин выехал на фронт к одному из крупных советских командиров и попытался вовлечь его в замышляемую авантюру. За участие в заговоре Буренин предложил этому командиру 2 тыс. рублей золотом. Категорически отклонив это предложе-

пис, тот арестовал Буренина, сообщил о заговоре представителям отдела военного контроля и послал вооруженный отряд на защиту штаба армии. Политический комиссар и одновременно председатель чрезвычайной комиссии при штабе 4-й армии П. Г. Петровский (сын известного старого большевика Г. И. Петровского) вместе с другими руководителями штаба своевременно принял необходимые меры. Главари заговора были арестованы, выступление предупреждено. Расследование по этому делу вели органы Чрезвычайной комиссии Восточного фронта. Многие участники заговора, в том числе Буренин, Полочков, Ушаков, Павлов и другие, были расстреляны. Бредихину удалось бежать к казакам [1].

Полагая, что заговор имеет более глубокие корни, чекисты продолжали наблюдение за теми, кто внушал подозрение, и тщательно допрашивали захваченных в плен.

В октябре 1918 г. был пленен белый офицер Николай Ракин, рассказавший, что он до полуторамесячной службы в белой армии жил в Саратове, где и был завербован представителями тайной организации. Завербовавший его Н. И. Панфилов, квартира которого служила в качестве сборного пункта этой организации, предложил ему выехать в Покровск Саратовской губернии и явиться к П. В. Поспелову, который должен был переправить его через фронт к белым. 15 августа Ракин и выехавший вместе с ним Новичков явились к Поспелову. Последний вначале предложил им поступить на службу в Красную Армию, во 2-й кавалерийский полк, которым командовал уже упоминавшийся участник заговора Бредихин, и лишь затем согласился переправить их через фронт. 18 августа Ракин и Новичков по указанию Поспелова явились к адъютанту 2-го кавалерийского полка Трущелеву, а затем были переправлены через фронт; вместе с ними бежал к белым и Трущелев.

На основании показаний Ракина чекисты в Саратове арестовали Панфилова (оказавшегося эсером) и некоего С. М. Максимова, жившего в его квартире под именем В. С. Люблинского. Максимов рассказал, что в мае, приехав в Петроград, он познакомился с шофером Шульинским, который предложил ему «работу» и представил некоему Ганжонкову [2]. Ганжонков свел его с «Виктором Борисовичем», а последний направил в дом

---

[1] См. *А. Айтиев.* Из истории общественно-политического движения Уральской области.— «Степные зори», кн. 1 (Оренбург), 1923, стр. 51—52.

[2] Эсер Ганжонков был известен чекистам; он неоднократно проходил по материалам разных следственных дел как активный враг Советской власти.

№ 22 по Литейному проспекту, где помещался эсеровский клуб. Здесь Максимов встретился с Е. А. Ивановой, которая порекомендовала ему поехать в Москву и выдала на дорогу деньги и фальшивые документы на имя И. М. Слепцова. Прибыв 27 июня в Москву, Максимов явился по указанному адресу к Н. В. Скуридиной, получил от нее адрес и пароль и выехал в Саратов. Там через разных лиц он и нашел Панфилова, занимавшегося отправкой завербованных лиц в белогвардейскую армию. Максимов сблизился с ними и стал одним из активных членов подпольной организации.

Помимо вербовки и отправки бывших офицеров в район расположения белой армии заговорщики занимались засылкой своих людей и в советские воинские части. Таким путем комплектовались контрреволюционными кадрами 2-й кавалерийский полк, с помощью которого Буренин намеревался открыть фронт казакам, батальон связи при штабе 4-й армии и 3-я минно-подрывная рота. Заговорщики собирали шпионские сведения для передачи противнику, готовили взрывы мостов и крушения воинских поездов.

Так на основании показаний Ракина, Максимова, Панфилова и других была раскрыта подпольная эсеровская антисоветская организация. Во главе заговорщиков стояли видные эсеры — И. С. Куликовский[1], Д. И. Нечкин, Г. И. Васильев, В. К. Рейзнер. Они-то и вовлекали белогвардейцев в деятельность своей организации. К примеру, под видом артели грузчиков была создана железнодорожная группа во главе с эсерами Д. И. Нечкиным и И. Г. Львицыным, занимавшаяся подготовкой крушений поездов. В качестве исполнителей в этой группе действовали бывший полковник Чесноков, офицеры Трынкин, Горбунов и другие «грузчики».

Расследование дела саратовской организации позволило чекистам раскрыть петроградскую и московскую подпольные эсеровские организации. Во время ареста одного из членов московской организации, Н. Н. Гладкова, у него нашли квитанцию о сдаче саквояжа в камеру хранения на Николаевском (ныне Ленинградском) вокзале. Когда этот саквояж вскрыли, в нем оказался динамит, доставленный из Петрограда.

В обвинительном заключении по этому делу председатель Обвинительной коллегии Верховного революционного трибунала Н. В. Крыленко так сформулировал обвинение против привле-

[1] Под фамилией И. С. Куликовский скрывался И. С. Дашевский — член военной комиссии при ЦК партии эсеров. Впоследствии он был амнистирован и вышел из партии эсеров.

ченных к ответственности лиц: И. С. Куликовский, Д. И. Нечкин, Г. И. Васильев, В. К. Рейзнер и Н. И. Панфилов обвинялись «в том, что они, будучи членами партии социалистов-революционеров (правых), т. е. лицами, называющими себя убежденными социалистами и сторонниками, следовательно, интересов рабочего класса и трудового крестьянства, сознательно, по взаимному между собою соглашению, вошли в тайную организацию, имевшую свои отделения в Москве, Петрограде, Аткарске, Покровске и других городах... в целях свержения власти рабоче-крестьянского правительства в России, для чего, пользуясь имевшимися в их распоряжении паспортными бланками, подложными документами, а также динамитом и другими взрывчатыми веществами, и при помощи личных связей и знакомств с отдельными лицами, занимавшими те или другие посты в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, систематически занимались транспортировкой своих сторонников из явно белогвардейских элементов, из состава бывшего офицерства, по ту сторону фронта, к чехословакам, в целях нанесения наибольшего ущерба Советской власти путем оказания военной помощи внешнему неприятелю; во-вторых, в тех же целях занимались транспортированием взрывчатых веществ из Петрограда в Саратов, в целях организации железнодорожных крушений, взрыва мостов и повреждения железнодорожных путей, пользуясь для этих целей теми же белогвардейскими элементами или привлеченными ими рабочими, привлекая их на службу в товарную станцию в Саратов и понуждая их собирать и засим подпиливать железнодорожные гайки; в-третьих, в тех же целях, при помощи связи с воинскими частями, занимались насыщением красноармейских частей своими сторонниками, а именно: 2-го кавалерийского полка, 3-й минно-подрывной роты и службы связи и штаба 4-й армии... в-четвертых, распространяли при помощи своих сторонников контрреволюционного содержания литературу среди воинских частей в тех же целях подготовки свержения Советского правительства, причем, в частности... Иосиф Самойлович Куликовский под именем Михаила Петровича играл руководящую роль в саратовской и московской организациях, Виктор Карлович Рейзнер — в петроградской и саратовской организациях, Николай Иванович Панфилов — в саратовской, руководил, сверх того, переправкой офицеров по ту сторону фронта и сообщением им же секретных военных сведений. Дмитрий Иванович Нечкин играл такую же роль в саратовской организации и, сверх того, занимался поставкой, под видом грузчиков, агентов по подготовке разрушения желез-

нодорожных путей сообщения. Григорий Иванович Васильев, сверх того,— по обвинению в оказании вооруженного сопротивления при аресте» [1].

В. П. Кузнецов, Е. А. Иванова, Н. Н. Богоявленская, Н. В. Скуридина и И. Г. Воронин обвинялись в том, что, зная о существовании контрреволюционной организации и ее целях, они предоставляли участникам ее явочные конспиративные квартиры, укрывали у себя членов этой организации или направляли их по заранее условленным с главарями организации адресам, уведомляя о паролях.

П. В. Васильеву, К. Коваленко, С. И. Одинцову, К. М. Полякову-Хреновскому, П. В. Поспелову, Б. В. Аксенову, Д. А. Рогову, А. И. Доброхотову и Ф. Ф. Коневу предъявлялось обвинение в том, что они, состоя членами той же организации, занимались отправкой офицеров через фронт на сторону врагов Советской власти, добыванием и передачей неприятелю секретных военных сведений и документов, хранили в зашифрованном виде руководящие директивы организации.

В. Д. Суворкин, П. Л. Фалунин, П. В. Цветаев, И. Г. Львицын, В. М. Трынкин, В. М. Горбунов, Н. В. Власов, А. Никонов, С. А. Иванов, В. П. Барков и И. И. Поляков, привлеченные по этому делу, принимали участие в подготовке взрыва железнодорожного пути, собирали сведения о движении воинских эшелонов и передавали эти сведения руководителям организации, а некоторые из них участвовали ранее в антисоветском выступлении в Саратове.

Обвиняемые М. Г. Масленников и Е. С. Швырков, зная о существовании тайной организации «и находясь на службе Красной Армии», вели работу по разложению частей Красной Армии путем агитации и распространения контрреволюционной литературы, в чем им помогали В. К. Белецкий, Я. С. Ефимов и С. В. Черников.

Н. Н. Гладков, В. Ф. Томашевич, П. И. Рудаков и В. И. Михайлов обвинялись в том, что, будучи членами подпольной организации, исполняли ее поручения и распоряжения, переправляли из Петрограда в Саратов динамит для взрыва железнодорожных путей [2].

История, однако, показала, что это были далеко не все преступления правых эсеров.

---

[1] «Обвинительное заключение по делу саратовской и петроградско-московской организаций правых эсеров...».— «Красный архив», 1927, т. 1, стр. 162—163.

[2] См. там же, стр. 163—165.

5. Левоэсеровский мятеж. Измена Муравьева

Левые социалисты-революционеры после Октябрьской революции порвали с правым большинством своей партии. В конце ноября — начале декабря 1917 г. они вошли в состав Советского правительства, где получили по соглашению с большевиками семь важных постов. Вскоре, однако, они начали борьбу с большевистским руководством, выступив против заключения Брестского мира. Когда же IV Всероссийский съезд Советов в марте 1918 г. большинством голосов ратифицировал мирный договор, левые эсеры вышли из состава Совета Народных Комиссаров (они остались, однако, в составе ВЦИК и в других советских учреждениях, в том числе и в Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией). Возникли разногласия и по другим вопросам политики Советской власти.

4 июля в Москве открылся V Всероссийский съезд Советов. Левые эсеры располагали на нем не более чем одной третью голосов, но вели себя крайне агрессивно. Они выступили против организации в деревне комитетов бедноты, против посылки туда продовольственных отрядов и против других мероприятий Советской власти. Особенно они ополчились на большевиков при обсуждении вопроса о положении на Украине, где немецкие оккупанты поставили у власти гетмана Скоропадского. Не считаясь с тяжелым состоянием страны, разоренной изнурительной четырехлетней войной, левоэсеровские лидеры истерически призывали к разрыву мирного договора с Германией и возобновлению военных действий. Один из членов ЦК партии левых эсеров, Б. Д. Камков, выступая 4 июля, грозил с трибуны съезда германскому послу графу Мирбаху, находившемуся в дипломатической ложе. «Они (солдаты.— *Д. Г.*),— восклицал Камков,— не будут слепыми свидетелями того, как рукой германского разбойника, рукой тех палачей, которые сюда явились, рукой мерзавцев, грабителей, разбойников...» Шум в зале не позволил ему закончить фразу [1].

6 июля около двух часов дня в германское посольство в Москве явились двое неизвестных. Один из них назвался членом ВЧК Блюмкиным, а другой — членом революционного трибунала Андреевым. Они предъявили удостоверение с печатью ВЧК, подписанное председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским и секретарем И. К. Ксенофонтовым, и потребовали лич-

---

[1] «Пятый Всероссийский Съезд Советов...». Стенографический отчет. М., 1918, стр. 24.

ного свидания с Мирбахом для переговоров по служебному делу. Мирбах после некоторого колебания согласился принять явившихся. В приемной посольства собрались Мирбах и его сотрудники — советник Рицлер и лейтенант Мюллер. Блюмкин стал рассказывать о деле арестованного ВЧК по обвинению в немецком шпионаже офицера австрийской армии Роберта Мирбаха, являвшегося будто бы племянником посла. Мирбах, прервав Блюмкина, заявил, что это дело его не интересует. Тогда Блюмкин спросил:

— Видимо, графу интересно, какие меры будут приняты с нашей стороны?

Вслед за этим Блюмкин и Андреев вскочили с мест и открыли стрельбу в посла и присутствующих. Мирбах кинулся в другую комнату, но Блюмкин последовал за ним и бросил бомбу. Мирбах был убит, а его сотрудники ранены. Воспользовавшись поднявшейся суматохой, террористы выскочили через окно во двор и скрылись, уехав в ожидавшем их автомобиле.

Это чрезвычайное происшествие было чревато серьезными политическими осложнениями. Убийство германского посла лицами, назвавшимися работниками советских органов, могло отразиться на взаимоотношениях между Советским и германским правительствами. Столь нужный тогда стране мир ставился под угрозу.

В тот же день В. И. Ленин вместе с Я. М. Свердловым приехал в германское посольство и, выразив соболезнование от имени Советского правительства, заявил, что дело об убийстве будет немедленно расследовано и виновные понесут заслуженную кару.

Для расследования происшедшего в посольство прибыл председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Осмотрев оставленное убийцами удостоверение, он установил, что подписи на нем подделаны, хотя печать ВЧК и бланк удостоверения — подлинные. Яков Блюмкин был известен Дзержинскому; левый эсер, он работал тогда в ВЧК в качестве начальника секретного отделения, а Николай Андреев был фотографом ВЧК. Возникло подозрение, что убийство Мирбаха является левоэсеровской провокацией.

Сотрудники ВЧК узнали, что Блюмкин скрывается в отряде ВЧК, находившемся под командованием левого эсера Д. Попова в Трехсвятительском переулке. Чекисты потребовали выдачи Блюмкина, но Попов ответил отказом. Тогда Ф. Э. Дзержинский сам отправился в отряд. В докладе правительству он рас-

сказывал: «...В сопровождении нескольких десятков вооруженных матросов подошли ко мне члены ЦК левые эсеры Прошьян и Карелин, заявив мне, что я напрасно ищу Блюмкина... что Блюмкин убил графа Мирбаха по распоряжению ЦК партии эсеров. В ответ на это заявление я объявил Прошьяна и Карелина арестованными, сказав присутствовавшему при этом начальнику отряда Попову, что если он, как подчиненный мне, не подчинится и не выдаст их, то я моментально пущу ему пулю в лоб, как изменнику.

Прошьян и Карелин тут же заявили, что они повинуются моему приказанию, но, вместо того чтобы пойти в мой автомобиль, они вошли в соседнюю комнату, где заседал ЦК, и вызвали Спиридонову, Саблина, Камкова, Черепанова, Александровича, Трутовского и начальника их боевой дружины Фишмана и других. Меня окружили со всех сторон матросы; вышел Саблин и приказал мне сдать оружие. Тогда я обратился к окружающим матросам и сказал: позволят ли они, чтобы какой-то господин разоружил меня, председателя ЧК, в отряде которой они состоят. Матросы заколебались. Тогда Саблин, приведший 50 матросов из соседней комнаты, при помощи Прошьяна (который схватил меня за руки) обезоружил меня. После того, когда отняли у нас оружие, Черепанов и Саблин с триумфом сказали: вы стоите перед совершившимся фактом. Брестский договор сорван, война с Германией неизбежна» [1]. Таким образом, в первые же часы после убийства Мирбаха стало известно, что этот террористический акт совершили по решению ЦК партии левых эсеров лица, работавшие в ВЧК. Более того, в отряде ВЧК обосновался штаб левоэсеровских заговорщиков — их Центральный комитет. Среди заговорщиков был и заместитель председателя ВЧК левый эсер В. А. Александрович. Это он использовал вверенную ему по службе печать ВЧК для изготовления подложного удостоверения, которое Блюмкин и Андреев предъявили в германском посольстве.

Арестовав Ф. Э. Дзержинского, мятежники объявили его заложником для обеспечения безопасности лидера левых эсеров М. А. Спиридоновой, отправившейся на заседание V Всероссийского съезда Советов. Они выпустили прокламацию и разослали агитаторов в части Московского гарнизона, рассчитывая найти поддержку у красноармейцев. Левые эсеры уверяли, что убили германского посла, чтобы защитить русский

---

[1] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения, т. 1. М., 1967, стр. 264—265.

Ф. Э. Дзержинский, председатель ВЧК.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Записка В. И. Ленина Дзержинскому об организации борьбы с контрреволюционерами (ленинский автограф на двух страницах).

Я. Х. Петерс, заместитель председателя ВЧК.

М. Я. Лацис (Судрабс), член Коллегии ВЧК, председатель Всеукраинской чрезвычайной комиссии в 1919 г.

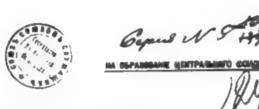
Первое дело ВЧК:
(документы 1—5)

1.
Ордер ВЧК от 22 декабря 1917 г. на производство обыска и арест подозреваемых по делу центральной организации саботажников — «Союза союзов», выписанный лично Ф. Э. Дзержинским.

2.
Документы, обнаруженные во время обыска в помещении конторы «Союза союзов».

— первая страница Бюллетеня № 3, издававшегося «Союзом союзов»;

Подписной листъ № 30

выдать

Жертвователи	СУММА	
	Цифрами	Прописью
[illegible]	50 —	[illegible]

— один из подписных листов на пожертвование в забастовочный фонд.

3.
Протоколы допросов обвиняемых, проведенных и записанных Ф. Э. Дзержинским.

4.
Первая страница списка, составленного Ф. Э. Дзержинским по делу «Союза союзов», с заголовком: «Надо арестовать по делу Кондратьева».

5.
Заключение по делу «Союза союзов», написанное Ф. Э. Дзержинским.

Первый народно-революционный суд. Петроград, 2 декабря 1917 г.

Первый состав Петроградского революционного трибунала. В центре — председатель трибунала И. П. Жуков.

Дело В. М. Пуришкевича:
(документы 1—3)

Петроградъ 4 Ноября 1917 г.

№ 532

Генералу КАЛЕДИНУ

Положеніе Петрограда отчаянное, Городъ отрѣзанъ отъ внѣшняго міра и весь во власти большевиковъ. Газетъ нѣтъ кромѣ большевистскихъ, типографіи захвачены, телеграфъ и телефонъ не работаютъ, людей хватаютъ на улицахъ, сбрасываютъ въ Неву, топятъ и безъ суда заключаютъ въ тюрьмы. Даже Бурцевъ находится въ Петропавловской крѣпости подъ суровымъ режимомъ.

Организація, во главѣ коей я стою, работаетъ не покладая рукъ надъ спайкой офицерства и всѣхъ остатковъ военныхъ училищъ и надъ ихъ вооруженіемъ. Спасти положеніе можно только созданіемъ офицерскихъ и юнкерскихъ полковъ. Ударивъ ими и добившись первоначальнаго успѣха, можно будетъ затѣмъ получить и содѣйствіе воинскія части, но сразу, безъ этого условія, ни на одного солдата здѣсь разсчитывать нельзя, ибо лучшіе изъ нихъ развращены и терроризованы сволочью во всѣхъ рѣшительно полкахъ. Казаки-же въ значительной части распропагандированы благодаря странной политикѣ Дутова, упустившаго моментъ, когда рѣшительными дѣйствіями можно было еще чего-нибудь добиться. Политика уговоровъ и увѣщаній дала свои плоды-все порядочное затравлено, загнано, и властвуютъ преступники и чернь, съ которыми теперь нужно будетъ расправиться уже только ПУБЛИЧНЫМИ разстрѣлами и висѣлицей.

Мы ждемъ Васъ сюда, Генералъ, и къ моменту Вашего подхода выступимъ со всѣми наличными силами. Но для того намъ нужно установить съ Вами связь и прежде всего узнать о слѣдующемъ:

I/ Извѣстно-ли Вамъ, что отъ Вашего имени всѣмъ офицерамъ которые могли-бы участвовать въ предстоящей борьбѣ, здѣсь предлагается покинуть Петроградъ, съ тѣмъ яко-бы, чтобы къ Вамъ присоединиться.

II/ Когда примѣрно можно будетъ разсчитывать на Ваше приближеніе къ Петрограду. Объ этомъ было-бы желательно намъ знать заблаговременно, дабы сообразовать свои дѣйствія.

При всей преступной нерадивости здѣшняго сознательнаго общества, которое позволяетъ налагать себѣ на шею большевист ярмо, при всей поразительной вялости значительной части офицерства, которое тяжело и трудно организовать, мы вѣримъ, что правда за нами, и мы одержимъ верхъ надъ порочными и темными силами, дѣйствуя во имя любви къ Родинѣ и ради Ея спасенія, что-бы ни случилось мы не падемъ духомъ и останемся стойкими до конца.

Пуришкевичъ

Н. Боде

1.
Письмо В. М. Пуришкевича и Н. де Боде генералу Каледину от 4 ноября 1917 г., обнаруженное при обыске.

3-го января 1918 года

Именем Революционного Народа.

[illegible]

ПОСТАНОВИЛ:

1/ [illegible]

2/ Подсудимых:

1/ [illegible]

2/ [illegible]

3/ [illegible]

[illegible]

3/ Подсудимых:

1/ [illegible]

2/ [illegible]

3/ [illegible]

4/ [illegible]

[illegible]

4/ [illegible]

2.
Первая страница приговора Петроградского революционного трибунала по делу В. М. Пуришкевича и других от 3 января 1918 г.

102

17-ое Апрѣля 1918- го года .

Настоящим обязуюсь своим честным словом явиться
по истеченіи опредѣленнаго мнѣ срока, т.е. 25-го с.м.
в Революціонный ТРИБУНАЛ. [illegible]
Втеченіе этого времени обязуюсь не принимать никакого
участія в общественной жизни, не выступать публично.
Удостовѣряю, что прошу временнаго освобожденія с
исключительной цѣлью ухаживать за больным сыном.

[illegible]

[illegible]

3.
Подписка В. М. Пуришкевича, данная им при освобождении из заключения в связи с болезнью его сына.

Заключение следственной комиссии по делу генералов А. Маниковского и В. Марушевского от 20—21 ноября 1917 г.

Подписка, данная генералом Д. А. Мельниковым следственной комиссии 11 ноября 1917 г., с обязательством под «честное слово» не выступать с оружием против Советской власти.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ!

Чтобъ спасти изнуренную, истерзанную страну отъ новыхъ военныхъ испытаній, мы пошли на величайшую жертву и объявили нѣмцамъ о нашемъ согласіи подписать ихъ условія мира.

Наши парламентеры 20 (7) февраля, вечеромъ, выѣхали изъ Рѣжицы въ Двинскъ и до сихъ поръ нѣтъ отвѣта.

Нѣмецкое правительство, очевидно, медлитъ отвѣтомъ. Оно явно не хочетъ мира. Выполняя порученіе капиталистовъ всѣхъ странъ германскій милитаризмъ хочетъ задушить русскихъ и украинскихъ рабочихъ и крестьянъ, вернуть земли помѣщикамъ, фабрики и заводы — банкирамъ, власть монархіи.

Германскіе генералы хотятъ установить свой „порядокъ" въ Петроградѣ и въ Кіевѣ.

Соціалистическая Республика Совѣтовъ находится въ величайшей опасности.

До того момента, какъ поднимется и побѣдитъ пролетаріатъ Германіи, священнымъ долгомъ рабочихъ и крестьянъ Россіи является беззавѣтная защита Республики Совѣтовъ противъ полчищъ буржуазно-имперіалистской Германіи.

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ постановляетъ:

1) Всѣ силы и средства страны цѣликомъ предоставляются на дѣло революціонной обороны.

2) Всѣмъ Совѣтамъ и Революціоннымъ организаціямъ вмѣняется въ обязанность защищать каждую позицію до послѣдней капли крови.

3) Желѣзнодорожные организаціи и связанные съ ними Совѣты обязаны всѣми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратомъ путей сообщенія; при отступленіи уничтожать пути, взрывать и сжигать желѣзнодорожныя зданія; весь подвижной составъ — вагоны и паровозы, — немедленно направлять на востокъ въ глубь страны.

4) Всѣ хлѣбные, и вообще продовольственные запасы, а равно всякое цѣнное имущество, которымъ грозитъ опасность попасть въ руки врага, должны подвергаться безусловному уничтоженію; наблюденіе за этимъ возлагается на мѣстные Совѣты подъ личной отвѣтственностью ихъ предсѣдателей.

5) Рабочіе и крестьяне Петрограда, Кіева, всѣхъ городовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень по линіи новаго фронта должны мобилизовать баталіоны для рытья окоповъ подъ руководствомъ военныхъ спеціалистовъ.

6) Въ эти баталіоны должны быть включены всѣ работоспособные члены буржуазнаго класса, мужчины и женщины, подъ надзоромъ красногвардейцевъ; сопротивляющихся разстрѣливать.

7) Всѣ изданія, противодѣйствующія дѣлу революціонной обороны и становящіяся на сторону нѣмецкой буржуазіи, а также стремящіяся использовать нашествіе имперіалистическихъ полчищъ въ цѣляхъ сверженія Совѣтской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этихъ изданій мобилизуются для рытья окоповъ и другихъ оборонительныхъ работъ.

8) Непріятельскіе агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контръ-революціонные агитаторы, германскіе шпіоны разстрѣливаются на мѣстѣ преступленія.

Соціалистическое отечество въ опасности. Да здравствуетъ соціалистическое отечество! Да здравствуетъ Международная Соціалистическая революція!

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ.

«Социалистическое Отечество в опасности!» — Декрет Совнаркома, принятый 21 февраля 1918 г.

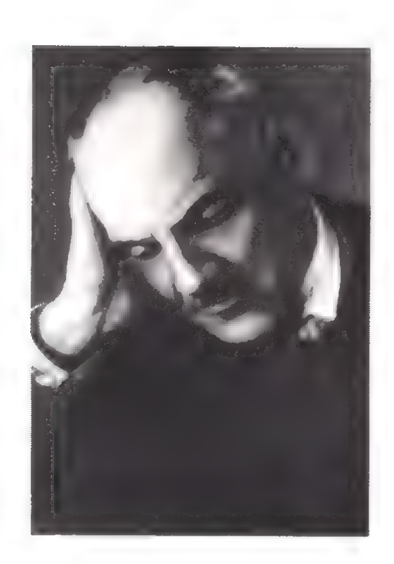
Отъ Всероссійской чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей.

Всероссійская Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ и [illegible] съ контръ-революціонерами, шпіонами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, **кромѣ безпощаднаго уничтоженія на мѣстѣ преступленія,** а потому объявляетъ, что всѣ непріятельскіе агенты и шпіоны, контръ-революціонные агитаторы, спекулянты, организаторы возстаній и участники въ подготовкѣ возстанія для сверженія Совѣтской власти—всѣ бѣгущіе на Донъ для поступленія въ контръ-революціонные войска Калединской и Корниловской банды и польскіе контръ-революціонные легіоны, продавцы и скупщики оружія для отправки финляндской бѣлой гвардіи, Калединско-Корниловскимъ и Довборъ-Мусницкимъ войскамъ, для вооруженія контръ-революціонной буржуазіи Петрограда **будутъ безпощадно разстрѣливаться отрядами Комиссіи на мѣстѣ преступленія.**

Всероссійская Чрезвычайная Комиссія.

Петроградъ, 22 февр. 1918 г.

Сообщение Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Н. В. Крыленко, председатель Верховного революционного трибунала.

П. И. Стучка, народный комиссар юстиции в 1918 г.

ОТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Совете Нар[одных] Ком[иссаров] *приглашает всех граждан, пострадавших от вооружённых ограблений, явиться* в уголовно-розыскную милицию (3-й Знаменский пер., рядом с Адресным столом) для опознания грабителей, задержанных при разоружении анархистских групп, в течение 3 дней от 12 до 2 час., считая первым днём 13 апреля.

Председатель комиссии *Дзержинский.*

«Известия» № 73 от 13 апреля 1918 г.

Сообщение ВЧК.

Правительственное сообщение.

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК.

ПРАВДА

Коммунисты—будьте в эти дни всѣ на своих постах! Ни паники, ни колебанiй—строжайшая дисциплина! Мы побѣдим в iюлѣ, как побѣдили в октябрѣ.

Правительственное сообщенiе № 3.

трудовой народ, социалистическую революцию и Советскую власть от международного империализма. Они клеветнически утверждали, что большевистское правительство, испугавшись империалистов, ведет соглашательскую линию.

Как выяснилось впоследствии, левые эсеры действовали в соответствии с принятым Центральным комитетом их партии 24 июня секретным постановлением, в котором признавалось необходимым «в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира». В этих целях ЦК партии левых эсеров решил организовать «ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма», а в случае принятия Советским правительством мер противодействия «прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций» [1]. Одновременно левоэсеровское руководство намеревалось развернуть активную работу на местах и захватить там в свои руки власть.

Осуществляя тактику так называемой «вооруженной обороны занятых позиций», левые эсеры вступили в вооруженную борьбу с Советской властью. Они мобилизовали силы и стали стягивать в Москву свои периферийные боевые дружины [2]. Заговорщики выставили в Москве патрули, задерживали автомобили, арестовывали большевиков — ответственных работников (всего было арестовано 27 человек). Пользуясь тем, что отряд Попова нес охрану ВЧК, они арестовали М. Я. Лациса, назначенного, после того как эсерами был задержан Ф. Э. Дзержинский, председателем ВЧК, захватили председателя Московского Совета П. Г. Смидовича и объявили их заложниками. Член ЦК партии левых эсеров П. П. Прошьян прибыл в занятое отрядом Попова помещение Центрального телеграфа на Мясницкой улице и стал передавать оттуда воззвания заговорщиков. Член ЦИК Всероссийского почтово-телеграфного союза, левый эсер В. В. Лихобадин, даже издал приказ, в котором объявил левых эсеров «правящей в настоящее время» партией и предписал задерживать все телеграммы за подписями Ленина и Свердлова [3].

Псевдореволюционная авантюра левых эсеров могла иметь гибельные последствия для революции и Советской власти. Срывая мирный договор с Германией и втягивая Советскую Рос-

---

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1. М., 1920, стр. 209—210.

[2] Прибыл только отряд из Петрограда (45 человек), но и он был обезоружен по дороге с вокзала.

[3] См. «Известия ВЦИК», 8 июля 1918 г.

сию в войну с тогда еще сильным германским империализмом, они ставили под угрозу революционные завоевания рабочих и крестьян России.

Опасность левоэсеровского мятежа усиливалась тем, что в той острой политической обстановке он мог активизировать белогвардейские силы. Советское правительство приняло решительные меры к его подавлению. По указанию Ленина на борьбу были мобилизованы большевистские партийные организации и верные революции воинские части. Общее руководство ликвидацией мятежа было поручено Н. И. Подвойскому и комиссару Московского военного округа Н. И. Муралову, а непосредственное командование войсками — начальнику латышской дивизии И. И. Вацетису. Все левоэсеровские делегаты Всероссийского съезда Советов во главе с М. А. Спиридоновой были изолированы. Рано утром 7 июля начались военные действия против мятежников. После того как советские войска обстреляли здание, которое занимал отряд Попова, мятежники стали разбегаться и сдаваться в плен. Захваченные левыми эсерами заложники были освобождены самими караульными.

В официальном правительственном сообщении говорилось: «Ликвидация мятежа была вполне достойна первоначального замысла и всего хода этой постыдной авантюры... Поставя перед собой такую цель, как захват государственной власти, вожди левых эсеров, по-видимому, совершенно не оценивали размеров и значения этой совершенно непосильной для них задачи. Мятежники после ничтожных попыток сопротивления начали посылать в разных направлениях парламентеров, а затем перешли к беспорядочному отступлению» [1]. К двум часам дня мятеж был подавлен.

При ликвидации мятежа были задержаны один из организаторов убийства Мирбаха, бывший заместитель председателя ВЧК В. А. Александрович, а также 12 человек из отряда Попова, участвовавших в аресте сотрудников ВЧК и в военных действиях. По решению ВЧК их расстреляли. Задержанные при ликвидации мятежа рядовые участники выступления были освобождены. ВЧК объявила: «После провокационного убийства 6 июля германского посла графа Мирбаха отряд Попова, состоящий боевым отрядом при ВЧК, вооружившись с ног до головы, предательски выступил против той же Комиссии, против Советской власти. Главным организатором этого выступления, как и убийства графа Мирбаха, был В. А. Александрович, бывший

[1] «Декреты Советской власти», т. II, стр. 536.

товарищ председателя ВЧК. Воспользовавшись своим положением, он ввел в Комиссию убийц Мирбаха — Блюмкина и Андреева. Он же приложил печать к подложному удостоверению, с помощью которого убийцы добились приема у графа Мирбаха. Кроме того, им были захвачены из Комиссии 544 тыс. рублей и переданы ЦК партии левых эсеров. Решившись на выступление, Александрович заблаговременно подготовил пути отступления для отряда и принял самое деятельное участие в восстании. Им был отдан приказ арестовать Лациса, Добола, Петерса, Визнера и других членов и сотрудников Комиссии. Он же послал отряд для захвата всей Комиссии и ее помещения. Во главе посланного отряда стояли комендант помещения Комиссии А. Е. Жарков, назначенный на пост этот Поповым, а также М. С. Загорин. В числе напавших на Комиссию были: А. А. Филонов, Ф. Н. Кабанов, М. Я. Кострюк, И. А. Кузин, И. С. Буркин, А. И. Юшманов. Все они — члены боевого отряда при ВЧК. За эти преступления все вышеозначенные лица были расстреляны. Кроме них расстреляны члены боевого отряда Кулаков, В. Немцев, А. Д. Лопухин, Пинешин, захваченные как разведчики, с оружием в руках во время самого мятежа» [1].

Для полного расследования событий 6—7 июля Совет Народных Комиссаров образовал особую следственную комиссию в составе П. И. Стучки, В. Э. Кингисеппа и Я. С. Шейнкмана.

В. И. Ленин характеризовал левоэсеровский мятеж как «бессмысленную и преступную авантюру», «безумную попытку левых эсеров убийством Мирбаха вовлечь нас в войну», как авантюру, в результате которой Россия была поставлена «на волосок от смерти», а лидеров заговора — как «шайку левоэсеровских предателей», людей, «увлеченных звонкой фразой», «безголовых», «преступных авантюристов, интеллигентов-истериков» [2], оказавшихся пособниками белогвардейцев, помещиков и капиталистов.

В связи с преступной авантюрой левых эсеров правительство Германии потребовало допустить в Москву для охраны германского посольства немецкую воинскую часть. Советское правительство категорически отказалось выполнить это требование. 16 июля в «Правде» было опубликовано «Правительственное заявление», в котором говорилось: «Бессмысленная и преступная авантюра левых эсеров привела нас на волосок от

---

[1] «Известия ВЦИК», 14 июля 1918 г.; «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 179. Более подробно о левоэсеровском мятеже см. *Л. М. Спирин.* Крах одной авантюры. Мятеж левых эсеров в Москве 6—7 июля 1918 г.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 525, 532, 527, 526, 531, 518.

войны. Отношения наши к германскому правительству, вопреки нашему желанию, не могли не обостриться. Признавая законность желания германского правительства усилить охрану своего посольства, мы шли и идем далеко для удовлетворения этого желания. Но когда нам было сообщено желание германского правительства, не носящее еще характера безусловного требования, чтобы мы пропустили в Москву батальон вооруженных немецких войск в форме, то мы ответили — и повторяем теперь этот ответ перед лицом высшего органа Советской власти рабочих и крестьян, перед лицом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета,— что подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы, объективно, началом оккупации России чужеземными войсками» [1]. Предвидя возможность нападения немецких войск на Советскую Россию, Советское правительство призвало рабочий класс и крестьянство к бдительности, выдержке и защите социалистического Отечества. Благодаря большим усилиям, дипломатическому такту и твердости Советскому правительству удалось урегулировать отношения с Германией и избежать войны с ней.

Зловещим откликом на левоэсеровское выступление в Москве была измена главнокомандующего Восточным фронтом М. А. Муравьева, решившего поддержать эту авантюру.

М. А. Муравьев представлял собой своеобразную фигуру. Это был человек честолюбивый, склонный к авантюризму, с весьма крутым нравом. Способный и храбрый офицер, он не имел определенных политических убеждений. После Февральской революции штабс-капитан М. А. Муравьев служил в войсках Временного правительства и стал подполковником, а после Октябрьской революции примкнул к левым эсерам. В ноябре 1917 г. М. А. Муравьев явился в Смольный и предложил свои услуги Советской власти. В дни похода Керенского — Краснова на Петроград возглавлял войска Петроградского военного округа. В декабре 1917 г. В. А. Антонов-Овсеенко, вступивший в командование войсками, действовавшими против Каледина и Центральной рады, взял его к себе в Харьков начальником штаба. Потом Муравьев командовал группой войск, сражавшихся против Центральной рады и румынских захватчиков.

В это время отрицательные черты характера М. Муравьева стали проявляться все сильнее. В ВЧК поступали сигналы о его самодурстве, политической бестактности, карьеризме, чрезмер-

---

[1] «Декреты Советской власти», т. III. М., 1964, стр. 33—34.

ном властолюбии. В апреле 1918 г. Муравьев из самолюбия отказался от нового назначения, предложенного ему Антоновым-Овсеенко, и уехал в Москву. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский предложил привлечь его к ответственности за злоупотребления властью [1]. Муравьев был арестован, однако по ходатайству и поручительству ряда военных деятелей освобожден. 13 июня Совет Народных Комиссаров, учитывая боевые качества Муравьева, назначил его главнокомандующим фронтом, созданным для борьбы против белочехов. Тогда же был образован Реввоенсовет фронта в составе видных большевиков П. А. Кобозева, К. А. Мехоношина и Г. И. Благонравова, которым поручалось направлять и контролировать деятельность Муравьева.

Когда началась левоэсеровская авантюра, Советское правительство специально рассматривало вопрос о возможности дальнейшего пребывания Муравьева, левого эсера, на столь ответственном посту. Муравьев заверил фронтовой Реввоенсовет в том, что он решительно против организованного левоэсеровскими лидерами мятежа, и заявил о выходе из партии левых эсеров. Реввоенсовет фронта сообщил об этом В. И. Ленину, и Владимир Ильич 7 июля телеграфировал К. А. Мехоношину: «Запротоколируйте заявление Муравьева о его выходе из партии левых эсеров, продолжайте бдительный контроль. Я уверен, что при соблюдении этих условий нам вполне удастся использовать его превосходные боевые качества» [2]. Но Муравьев обманул членов Реввоенсовета.

В ночь на 10 июля он без ведома РВС покинул Казань и направился на пароходах с отрядом своих приверженцев (численностью около тысячи человек) в Симбирск. Оттуда Муравьев телеграфировал в Совет Народных Комиссаров, в германское посольство и в другие адреса об объявлении войны Германии. Одновременно он отдал войскам фронта распоряжение повернуть оружие против немцев, которые якобы перешли в наступление на Советскую Россию. В воззвании к населению, желая навербовать себе по возможности больше сторонников, он писал: «Всем рабочим, солдатам, казакам, матросам и анархистам. Сборная по всем городам из Симбирска. Всех моих друзей и боевых сподвижников наших славных походов и битв на Украине и на юге России ввиду объявления войны Германии призываю под свои знамена для кровавой и последней борьбы с

[1] См. *П. Г. Софинов.* Очерки истории ВЧК (1917—1922 гг.). М., 1960, стр. 79.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 116.

авангардом мирового империализма — Германией. Долой позорный Брестский мир! Да здравствует всеобщее восстание» [1].

Отряды мятежников по распоряжению Муравьева принялись арестовывать в Симбирске партийных и военных работников. В числе арестованных были командующий 1-й армией М. Н. Тухачевский (которого арестовал сам Муравьев), политкомиссар штаба Симбирской группы войск А. Л. Лавров, заместитель председателя губисполкома К. С. Шеленшкевич, политработники Б. Н. Чистов, М. М. Муратов и многие другие. Отряд солдат во главе с адъютантом Муравьева занял почту, телеграф и другие важные пункты города.

Далее Муравьев вызвал к себе командующего одной из групп войск на Чехословацком фронте левого эсера Клима Иванова и предложил ему участвовать в выступлении, назначив командующим Симбирским укрепленным районом. Впоследствии Иванов (под псевдонимом «П. С. И.») писал, что в ответ на его вопрос Муравьеву, действует ли он по решению партии левых эсеров, последний заявил, что «действует в данный момент самостоятельно, но Центральный комитет партии левых эсеров об этом знает» [2].

В тот же день, вечером 10 июля, Муравьев собрал актив левоэсеровской организации Симбирска. Лицемерно объявив себя сторонником Советской власти, он заявил, что обстановка требует немедленной передачи власти в руки партии левых эсеров и что московские события заставили его форсировать выступление. Муравьев предложил образовать Поволжскую советскую республику. Главою правительства этой республики избрать Камкова, членами правительства — Спиридонову, Карелина и других, немедленно заключить перемирие с чехословаками, прекратить гражданскую войну и объявить войну Германии. Кроме того, он заявил, что предлагает провести мобилизацию офицеров [3].

Между тем советские органы приняли надлежащие меры к ликвидации муравьевской авантюры. Совет Народных Комиссаров специальным декретом за подписью В. И. Ленина объявил для всеобщего сведения: «Муравьев сбежал из штаба Революционного военного совета в Симбирск и отдал по всем войскам приказ повернуть против немцев, которые будто бы взяли Оршу

[1] Цитируется по сборнику «Незабываемое». М., 1961, стр. 49.

[2] «Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 1918—1922», изданный Высшим военно-редакционным советом. М., 1922, стр. 9.

[3] См. там же, стр. 9—10.

и наступают на нас. Приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев. Измена Муравьева своевременно раскрыта Революционным военным советом, и все войска, действующие против чехословаков, верны Советской власти.

Сим объявляется по войскам, по Советам и всем гражданам Советской республики:

1. Немцы нигде на нас не наступают, на немецком фронте все спокойно.

2. Всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте.

3. Бывший главнокомандующий на Чехословацком фронте левый эсер Муравьев объявляется изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте.

4. Все приказы по войскам, действующим против чехословаков, будут впредь до нового распоряжения подписываться Мехоношиным и Благонравовым» [1].

Симбирские большевики также приняли необходимые меры к ликвидации авантюры. Практическую работу в этом отношении взяли на себя члены Симбирского губкома партии И. М. Варейкис, В. Н. Фрейман, И. Х. Иванов, А. В. Швер, Г. Д. Каучуковский и др. Не получил никакой поддержки Муравьев и в армии. Армейские политические комиссары вовремя поняли провокационную сущность его выступления [2].

Большевики Симбирска повели разъяснительную работу в гарнизоне, в отряде Муравьева и решили арестовать его, вызвав на заседание губисполкома в здание бывшего кадетского корпуса. Большевики приготовились к встрече. И. М. Варейкис привлек надежную вооруженную силу. Латышские стрелки, красноармейцы бронеотряда и московского отряда во главе с Александром Медведем разместились в засаде в комнатах рядом с той, где должен был заседать исполком.

Муравьев явился на заседание, уверенный в том, что все условия, выдвинутые им, будут приняты. Говорить он начал нагло и ультимативно, призывая к перевороту. И. М. Варейкис так описывает события, происшедшие на заседании: «Наша фракция, особенно тт. Фрейман и Иванов (комиссар труда), дали Муравьеву и фракции эсеров достойный отпор, называя его авантюристом и шулером. Муравьев нервничал, кусал губы.

---

[1] «Декреты Советской власти», т. III, стр. 9—10.

[2] Подробнее см. *А. Г. Ненароков.* Восточный фронт. 1918. М., 1969, стр. 107—108.

В заключительной своей речи я в резкой форме заявил, что «мы не за вас, а мы против вас». Фракция левых эсеров, встретив такое сопротивление со стороны нашей фракции, потребовала перерыва. Перерыва фракция потребовала еще и потому, что она догадывалась, что наша фракция что-то замышляет, готовит для нее неожиданный сюрприз... Все взоры направлены на Муравьева. Я смотрел на него в упор. Муравьев тоже. Чувствуется, что он прочел в моих глазах что-то неладное для себя, или ему совестно стало своей трусости, что его заставило сказать: «Я пойду успокою отряды». Повернулся и направился солдатским шагом со своей свитой к двери. Для слабых — момент психологически невыносимый. В это время за дверью приготовились для ареста. Медведь наблюдал в стекло двери и ждал условного знака, который я условился подать в нужный момент. Муравьев шел к выходной двери. Ему осталось сделать шаг, чтобы взяться за ручку двери. Я махнул рукой. Медведь скрылся... Через несколько секунд дверь перед Муравьевым растворилась, блестят штыки... Муравьев оказался поставленным лицом к лицу с вооруженными, с зло сверкающими взглядами красноармейцами и коммунистами. «Вы арестованы!» — «Как? Провокация!» — крикнул Муравьев и схватился за маузер, который висел у него за поясом. Медведь схватил его за руку. Он выхватил из кармана браунинг и начал стрелять. Увидев вооруженное сопротивление, отряд тоже начал стрелять. После шести-семи выстрелов с той и другой стороны в дверях исполкома Муравьев свалился» [1].

Войска Муравьева, находившиеся в Симбирске, осознав предательский характер его замыслов, поддержали Советскую власть. Авантюра была ликвидирована.

6. Крах «Союза защиты родины и свободы»

В мае 1918 г. к командиру латышского полка, охранявшего Кремль, явилась сестра милосердия и сообщила, что бывший юнкер Иванов, скрывающийся под видом больного в Иверской

[1] В официальном сообщении о ликвидации авантюры Муравьева, опубликованном в «Известиях ВЦИК» 12 июля 1918 г., ошибка: там сказано, что после провала попытки склонить Симбирский Совет на свою сторону Муравьев покончил с собой. Действительные обстоятельства ликвидации авантюры изложены в статье И. М. Варейкиса, опубликованной через год после событий, 10—11 июля 1919 г., в симбирской газете «Заря». Статья И. М. Варейкиса напечатана также в сборнике воспоминаний «Симбирская губерния в 1918—1920 гг.». Ульяновск, 1958, стр. 113—121.

больнице, рассказал ей о существовании в Москве тайной организации, которая готовит восстание. Командир полка сообщил об этом в ВЧК. Заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс и начальник оперативного отдела М. Я. Лацис лично занялись расследованием дела и распорядились установить тщательное наблюдение за Ивановым. Вскоре выяснилось, что Иванов бывает в одной из квартир дома № 3 по Мало-Левшинскому переулку, где часто собираются подозрительные лица. 29 мая отряд во главе с Я. Х. Петерсом окружил этот дом. Когда чекисты вошли в квартиру, там шло нелегальное собрание. За столом сидели 13 человек: Иванов, хозяин квартиры Сидоров (Аваев), бывшие офицеры Парфенов (Покровский), Висчинский, Ольгин (Герцен) и др. На столе лежали пачка денег, от которой все отказались, и набросок схемы пехотного полка. При личном обыске у задержанных была обнаружена программа «Союза защиты родины и свободы», отпечатанная на пишущей машинке; странный картонный треугольник, вырезанный из визитной карточки, с буквами на нем «ОК»; инструкция квартирьерам; «Памятка во исполнение общей цели»; сведения о расквартировании воинских частей и разные казанские адреса.

Ближайшими задачами «Союза защиты родины и свободы», как об этом было сказано в программе, объявлялись: «Свержение Советского правительства, организация «твердой власти» в России, воссоздание старой армии и продолжение войны с Германией. Программа устанавливала строгие конспиративные правила построения тайного общества, ядром которого являлось офицерство. Руководители общества обязаны были ознакомить подчиненных с его программой, чтобы те, «кто чувствует себя слабым духом и неспособным выдерживать тех испытаний, которые неизбежны в решительной активной борьбе...», могли своевременно (до поступления документов в Центральный штаб) отказаться «от участия в деле», иначе всякие уклонения от обязанностей и отказы будут считаться «сознательной изменой, равно как и разглашение тайн организации, и караться до лишения жизни включительно...» [1].

Таким образом чекисты напали на след опасной контрреволюционной организации. Дальнейшее раскрытие ее представило, однако, большие трудности. Конспиративная квартира в Мало-Левшинском переулке являлась штабом лишь одного из «полков» организации. Заговорщики же, задержанные там, не были откровенны в своих показаниях и скрывали имена гла-

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 16—17.

варей. И только после длительного допроса юнкер Иванов (это был Мешков) назвал среди членов организации штабс-капитана Пинкуса (Альфреда), являвшегося начальником пехотных формирований «Союза защиты родины и свободы». Через несколько дней Пинкус был арестован, и Я. Х. Петерсу удалось склонить его к правдивым показаниям. Впоследствии Я. Х. Петерс рассказывал: «...Пинкус не имел возможности скрыть от меня свои контрреволюционные убеждения (Петерс в свое время встречался с ним на службе в армии.— *Д. Г.*). Сначала он вообще отказывался давать показания, но с первого же разговора я видел, что Пинкус чрезвычайный трус, что арест и грозящее наказание его очень пугали. Поэтому, поговорив с ним несколько часов, я убедил его сознаться и рассказать все» [1].

Пинкус рассказал, что «Союз защиты родины и свободы» насчитывает до 5 тыс. членов; строится по военному образцу: имеет отделения помимо Москвы в Казани, Ярославле, Рыбинске, Рязани, Челябинске, Муроме и других городах и готовит вооруженное выступление против Советской власти, которое должно начаться в Поволжье. В Казани уже созданы склады оружия, туда посланы квартирьеры и людские резервы. Работу «Союза» направляет Центральный штаб, который под видом «лечебницы для приходящих больных» помещается на Остоженке (Молочный переулок, 2, квартира 7). Пинкус объяснил значение картонного треугольника, представлявшего собой часть визитной карточки, с буквами «ОК». Это был пароль для связи между участниками заговора: основная часть визитной карточки, из которой был вырезан треугольник, находилась у лица, к которому должен был явиться член организации с треугольником. Пинкус сообщил и другой пароль, посредством которого можно было проникнуть в среду участников заговора в Казани. Наконец, он назвал руководителя организации — Бориса Савинкова.

Извилисты были жизненные пути этого человека. В 1903—1906 гг. Б. Савинков был одним из руководителей эсеровской «Боевой организации», принимал участие в организации покушений на министра внутренних дел, шефа жандармов В. К. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Романова. В 1907 г. из-за разногласий с эсеровским руководством Савинков вышел из партии и в 1911 г. уехал за границу. Во время первой мировой войны Савинков был активным оборонцем и даже добровольно вступил во французскую

---

[1] «Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 13.

армию для участия в войне против Германии. В начале Февральской революции он появился в Петрограде, именуя себя «независимым социалистом». Керенский назначил его комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте, а затем управляющим военным министерством. Вместе с генералами-монархистами Корниловым и Алексеевым этот «социалист» был сторонником установления в стране военной диктатуры и жестоких расправ с солдатами, не желавшими воевать за интересы буржуазии. В первые дни после Октябрьской революции Савинков участвовал в походе Краснова на Петроград, а после провала этой авантюры бежал на Дон и вошел в «Гражданский совет», образованный генералом Алексеевым в противовес Советской власти. Помогал формировать белогвардейскую Добровольческую армию. Но главной целью Савинкова было создание конспиративной организации, которая совершала бы террористические акты и вела подрывную работу в советском тылу.

24 января 1918 г. в Комитет по борьбе с погромами в Петрограде явился некий Н. В. Дубровин, приехавший из Новочеркасска. Он рассказал, что состоит в одной из боевых дружин, созданных Савинковым для борьбы с Советской властью, но разочаровался в контрреволюции и решил предупредить советские органы о готовящихся преступлениях. Дубровин показал, что Савинков вместе с генералом Алексеевым, собирающим на Дону и Кубани антисоветскую армию (речь шла о Добровольческой армии), сколачивает боевые дружины для засылки их в советский тыл. «Савинков,— сообщил Дубровин,— организовал четыре боевые дружины (600 человек), цель которых произвести покушения на товарища Ленина (и других). 1 февраля из 1-й и 2-й дружин должны выехать из Новочеркасска в Петроград на конспиративную квартиру... 12 человек во главе с Жировым (политически амнистирован, член партии социалистов-революционеров, гласный Пятигорской думы). В Петрограде они должны разбиться на четыре отдельные группы, пополненные Петроградской организацией Б. Д. (боевых дружин.— *Д. Г.*) и под видом делегаций направиться к Ленину... Во время приема должны произвести покушение. Одновременно в Ставку под видом делегации выезжают для покушения на тов. Крыленко и в Ставку революционной армии, действующей против Каледина, для покушения на тов. Антонова. После удачных покушений Алексеев во главе армии Спасения при содействии Савинкова и при поддержке Каледина открыто выступают против советских войск. Во главе 1-й дружины стоит Жиров (с.-р.).

Во главе 2-й дружины стоит капитан Стародубцев (с.-р.). Во главе 3-й дружины стоит прапорщик Думсадзе (с.-р.). Во главе 4-й дружины стоит казак Безродный (с.-р.). 1-я дружина и Ц. штаб помещаются в Новочеркасске, 2-я дружина — в станице Усть-Медведица (Донской обл.), 3-я дружина — в станице Цымлянской (Донской обл.), 4-я дружина — в г. Ейске (Кубанской обл.)» [1].

Усилия Савинкова не увенчались успехом. И тогда в феврале (или в марте) 1918 г. он по поручению генерала Алексеева выехал в Москву и здесь создал контрреволюционный подпольный «Союз защиты родины и свободы».

В ВЧК понимали, что имеют дело с опытным конспиратором, человеком, склонным к авантюрам, хитрым и коварным врагом. Его надо было во что бы то ни стало задержать. Пинкус предложил ВЧК свои услуги и в этом отношении. Я. Х. Петерс рассказывал: «Пинкус стал говорить все... Стал водить наших сотрудников, указывать им участников организации и, наконец, попросил, чтобы его освободили и он найдет Савинкова. Его освободили, обязав ежедневно являться ко мне на квартиру, и он регулярно являлся. Одно утро он мне сообщил, что он встретится с Савинковым у Большого театра... Мы мобилизовали все силы... Но... Пинкус не явился... и с тех пор мы Пинкуса не видели» [2]. Впоследствии из воспоминаний Савинкова стало ясно, что Пинкус рассказал далеко не о всех обстоятельствах заговора.

В Центральный штаб «Союза защиты родины и свободы» входили: генерал-лейтенант Рычков (командующий «вооруженными силами» «Союза»), полковник А. П. Перхуров (начальник штаба), Ян Бреде (завербованный «Союзом» командир латышского советского полка), А. А. Дикгоф-Деренталь (начальник отдела сношений «Союза»), Д. С. Григорьев (военный врач, член близкой к меньшевикам группы «Единство»). Штаб «Союза» помещался на конспиративной квартире в Молочном переулке, где Григорьев для маскировки содержал под чужим именем медицинский кабинет. Заседания штаба обычно проводились в других местах, но все срочные дела решались здесь.

Арестовать членов главного штаба не удалось. Б. Савинков и его соратники после провала организации скрылись. В тот же

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 39, л. 4—5.

[2] «Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 15. Впоследствии Пинкус участвовал в боях против Красной Армии, а затем эмигрировал в буржуазную Латвию.

день к вечеру в Молочном переулке и других местах города было арестовано около 100 членов «Союза», но не удалось захватить ни одного из начальников отделов — полковник Перхуров, Дикгоф-Деренталь, доктор Григорьев, полковник Бреде и другие остались на свободе [1].

В ночь на 6 июля в Ярославле, 7 июля в Рыбинске и 8 июля в Муроме начались вооруженные антисоветские выступления. Выступлениями руководили избежавшие ареста главари «Союза защиты родины и свободы». Восстание в Ярославле возглавил начальник Центрального штаба «Союза» полковник Перхуров, в Рыбинске — начальник разведки «Союза» Ян Бреде (туда выезжали также Савинков и Дикгоф-Деренталь), в Муроме — Д. С. Григорьев и полковник Сахаров. Мятежникам удалось захватить также Ярославль и удерживать его 16 дней.

Восстание в Ярославле начала группа заговорщиков (106 человек); к ним присоединился изменивший Советской власти бронедивизион. Заговорщики захватили военные склады и вооружились. К ним примкнули проживавшие в городе бывшие офицеры, буржуазные и купеческие элементы, часть интеллигенции, духовенства и служащие из бывших чиновников.

Полковник Перхуров объявил себя «главноначальствующим» Ярославской губернии и командующим группой войск Северной добровольческой армии. Своим помощником «по гражданской части» Перхуров назначил железнодорожного служащего, лидера местных меньшевиков И. Т. Савинова, а в городскую управу — бывшего городского голову, инженера по образованию домовладельца Лопатина, купца Каюкова, членов кадетской партии Соболева и Горелова, бывшего присяжного поверенного меньшевика Мешковского и в качестве «представителя рабочих» меньшевика Абрамова. По приказу Перхурова все декреты Советской власти отменялись, советские учреждения упразднялись, восстанавливались царские порядки в судах,

---

[1] Более успешно чекисты провели операцию в Казани. Командированный туда один из сотрудников ВЧК использовал открытый Пинкусом пароль и под видом белогвардейца проник в штаб заговорщиков. В результате удалось арестовать большую группу контрреволюционеров. Кроме того, чекисты раскрыли в Казани монархистскую офицерскую группу, которой руководил генерал-майор И. И. Попов, и обнаружили склад оружия белогвардейцев. По признанию генерала, он имел в своем распоряжении в Казани вооруженный офицерский отряд численностью в 500 человек, которые в момент восстания должны были действовать вместе с отрядами «Союза защиты родины и свободы».

а также волостные старшины, уездная и городская полиция (стража).

Мятеж в Ярославле сопровождался разгулом белого террора. Мятежники разыскивали советских и партийных работников и чинили над ними расправу. Были зверски убиты комиссар военного округа, видный большевик С. Нахимсон, председатель исполкома городского Совета Д. Закгейм, члены губисполкома Шмидт, Зелинченко и многие другие советские работники. Свыше двухсот арестованных советских активистов были доставлены на баржу, стоявшую на середине Волги, и обречены на голод и мучения. При попытке узников бежать с этой «баржи смерти» в них стреляли. Только на тринадцатый день находившимся на барже заключенным удалось тайно сняться с якоря и привести ее в расположение красноармейских частей. В живых на барже осталось 109 человек.

Мятежники разъезжали по предприятиям города и ближайшим волостям, уговаривая население выступить в их поддержку. Они играли на недовольстве кулацкой части деревни политикой Советской власти и на продовольственных трудностях в городе. Бывшему члену губисполкома эсеру Мамырину удалось подбить на восстание часть крестьян Заволжья.

Большевики Ярославля и верные рабоче-крестьянскому правительству красноармейские части (1-й Советский полк) оказали сопротивление мятежникам. Вскоре белогвардейцы были окружены вызванными в Ярославль отрядами Красной Армии. В городе начались ожесточенные бои.

Одновременно потерпели провал предпринятые по плану «Союза» выступления и в других городах Поволжья. В Рыбинске местная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией своевременно узнала о готовящемся выступлении. Большевики города мобилизовали рабочих и достойно встретили мятежников. Позже стало известно, что тайное общество в Рыбинске насчитывало до 400 членов. Это были офицеры довоенного и военного времени. Советский же большевистский гарнизон был малочисленный. Мятежники рассчитывали захватить артиллерийские склады и двинуться с артиллерией на город. Но все дороги, ведущие к артиллерийским складам, были перекрыты защитниками города, которые встретили мятежников пулеметным огнем. Понеся большие потери, мятежники бежали.

Вечером 8 июля началось восстание в Муроме. Как и в Ярославле, к мятежникам присоединились бывшие офицеры, торговцы, гимназисты, а также некоторые священники и монахи

во главе с епископом Митрофаном Муромским, давшим мятежникам свое «благословение». Но уже на следующий день местные рабочие и воинские части изгнали мятежников из города.

Таким образом, расчеты заговорщиков Ярославля на помощь из Рыбинска и Мурома не оправдались. Кольцо окружения Ярославля сжималось. С обеих сторон насчитывались сотни убитых и раненых, город горел. Тогда под предлогом вылазки «главноначальствующий» Перхуров с отрядом в 50 человек покинул город. И не вернулся. Бежали и другие главари восстания. Настали критические часы мятежа.

В то время в Ярославле находилось около 1500 немцев-военнопленных, которые согласно условиям Брестского договора готовились к выезду на родину, и ярославские мятежники решили... сдаться в плен этим немцам. Председатель германской комиссии военнопленных лейтенант Балк 19 июля ответил согласием на предложение заговорщиков, заявив, что сумеет гарантировать им безопасность как германским «пленникам». И когда 20 июля у мятежников не оставалось уже никаких надежд, штаб савинковцев в количестве 57 офицеров «сдался» немцам, которые поместили их в городском театре и приняли на себя их охрану. 21 июля лейтенант Балк подписал такой любопытный приказ: «Допущенная на основании Брестского договора правительством Русской Федеративной Республики и уполномоченная тем же правительством германская комиссия № 4 в Ярославле имеет честь оповестить следующее: штаб Ярославского отряда Северной добровольческой армии объявил 8-го сего июля германской комиссии № 4, что Добровольческая армия находится с Германской империей в состоянии войны. Так как военные операции не привели к желательным результатам и дабы избегнуть дальнейших разрушений города и избавить жителей от неисчислимых бедствий, Ярославский отряд Северной добровольческой армии 21 июля 1918 г. предложил германской комиссии № 4 сдаться ей и выдать свое оружие. Германская комиссия № 4 приняла предложение. Комиссия передает штаб в качестве военнопленных Германской империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее. Германская комиссия № 4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославле до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета. Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддерж-

ку. Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и заживут с полной надеждой на лучшее будущее» [1].

Затем лейтенант Балк, возомнивший себя главой власти в Ярославле, выслал навстречу наступавшим советским войскам парламентеров. Советское военное командование предложило Балку сложить оружие. Немецкие солдаты выполнили это требование. Офицеры-мятежники, находившиеся в городском театре, оказались в руках советских органов государственной безопасности.

Ярославское восстание было ликвидировано.

Еще в начале восстания, как только стало известно об участии в нем «Союза защиты родины и свободы», ВЧК приняла решение расстрелять арестованных в конце мая и в июне в Москве и Казани наиболее активных деятелей «Союза». В официальном сообщении об этом указывалось: «Практика показала, что заключение членов этого преступного сообщества в тюрьмах не достигает цели, так как эта организация, обладая огромными средствами, организует побеги, причем скрывшиеся лица продолжают свою контрреволюционную деятельность. Подготовляемый вооруженный мятеж грозил огромными человеческими жертвами также и со стороны мирного населения, почему ВЧК в целях предупреждения этих возможных жертв решила уничтожить в корне контрреволюционную организацию, поступив с главарями ее как с открытыми врагами рабоче-крестьянского строя, пойманными с оружием в руках» [2]. На основании этого решения ВЧК были расстреляны генерал И. Попов, руководитель вооруженного отряда белогвардейцев, задержанный в Казани; бывшие офицеры А. А. Виленкин (начальник кавалерийских формирований и казначей «Союза защиты родины и свободы»), Сидоров-Аваев (начальник штаба 2-го полка «Союза», на квартире которого были задержаны 13 заговорщиков) и некоторые другие руководящие деятели «Союза». Ряд заговорщиков был заключен в концлагерь.

ВЧК направила в Ярославль группу своих сотрудников во главе с членом коллегии Д. Г. Евсеевым для расследования на месте обстоятельств мятежа. Особая следственная комиссия выявила организаторов мятежа, которые понесли заслуженное наказание.

Удар, нанесенный «Союзу защиты родины и свободы», провал поднятых им восстаний привели к тому, что уже в 1918 г.

---

[1] «Шестнадцать дней». Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6—21 июля 1918 г.). Ярославль, 1924, стр. 83—84.

[2] «Известия ВЦИК», 13 июля 1918 г.

«Союз» прекратил свое существование. Его главарь Борис Савинков вместе с секретарем Ф. Клепиковым и А. Дикгоф-Деренталем бежали из Рыбинска. Удалось скрыться и многим другим деятелям «Союза».

Вскоре был арестован и приговорен к расстрелу член главного штаба «Союза защиты родины и свободы» предатель Ян Бреде. В 1919 г. во время колчаковского переворота был убит Д. С. Григорьев. После бегства из Ярославля А. П. Перхуров, произведенный контрреволюционерами за свои «подвиги» в генерал-майоры, сражался против советских войск в рядах колчаковцев, а затем, скрыв свое участие в мятеже, служил в штабе Приуральского военного округа. В мае 1922 г. он был разоблачен и 19 июля того же года по приговору Военной коллегии Верховного трибунала расстрелян.

7. Подрывная деятельность международного империализма. Шпионы с дипломатическими паспортами

Одной из задач молодых советских органов государственной безопасности являлась борьба с подрывной и шпионской деятельностью агентов международного империализма в советском тылу. В борьбе против Страны Советов международный империализм использовал любые средства, в том числе шпионаж, диверсии, антисоветские заговоры. В этой борьбе принимали участие и дипломатические представители западных государств, засылавших в нашу страну своих агентов и создававших в советском тылу шпионскую сеть.

Сразу после победы Октября активную подрывную и шпионскую деятельность развивала агентура кайзеровской Германии.

В конце 1917 — начале 1918 г. в Петрограде существовала антисоветская организация, возглавляемая бывшим присяжным поверенным и биржевым дельцом Н. Н. Ивановым, сторонником германской ориентации. Иванов был связан с генералом Н. Н. Юденичем, находившимся тогда в Петрограде. Организация пыталась достигнуть соглашения с германским генеральным штабом, который должен был двинуть несколько немецких корпусов на Петроград, чтобы свергнуть Советскую власть. Через начальника штаба Северного германского фронта, с которым он был связан непосредственно, Иванов тайно ездил в Германию, вел переговоры с начальником генерального штаба германской армии Людендорфом и получал средства из немецких

источников. Участники этой антисоветской организации подкупали темных, малосознательных людей, явных авантюристов, создавали в Петрограде шпионские группы. Им удалось проникнуть в минный дивизион Балтийского флота и вызвать там волнения. Иванов пытался также установить связи с правоэсеровскими военными организациями[1]. Однако организация не нашла поддержки в народе и вскоре была разоблачена и ликвидирована.

В январе 1918 г. Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем выяснила, что существовавшие в Петрограде некоторые «благотворительные общества», официальной целью которых было оказание помощи нуждающимся офицерам, вербовали их для борьбы с Советской властью. Установив наблюдение за такими организациями, ВЧК убедилась, что контрреволюционеры, действующие в них, связаны с представителями бывшей российской аристократии и с иностранцами, в особенности с прибывавшими в Петроград немецкими военнопленными, занимавшимися шпионажем. Одно из таких «благотворительных обществ» вербовало офицеров и юнкеров и направляло их на Дон — к Каледину, который готовил армию для борьбы против Советов.

ВЧК удалось раскрыть одну из таких групп, которую возглавляли бывший полковник Н. Н. Ланской и поручик А. П. Орел. «В одну из партий офицеров и юнкеров,— сообщала ВЧК,— которая должна была отправиться на Дон к Каледину, в двадцатых числах января удалось записаться одному из агентов Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Это обстоятельство дало возможность более близко подойти к раскрытию всей шайки... Агент Комиссии в эту партию попал под видом бывшего офицера, оставившего полк ввиду враждебного отношения к нему солдат и приехавшего в Петроград как-нибудь устроиться» [2]. При подготовке к отправке этой группы на Дон поручик А. П. Орел был арестован.

Расследование показало, что целью контрреволюционной группы, называвшей себя «Обществом помощи нуждающимся офицерам», в действительности была борьба с большевиками, свержение Советского правительства и установление военной диктатуры во главе с генералом Калединым. Группа ставила перед собой и террористические цели (убийство руководителей Советской власти), являлась частью широкой организации

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 346, л. 31—33, 183—189, 197—199.
[2] «Известия ВЦИК», 7 марта 1918 г.

(центр ее находился в Москве и возглавлялся генералом Дерновым) и располагала значительными средствами: ее финансировали Каледин (дал около 6 млн. рублей), известный финансист князь Д. И. Шаховской (дал 2 млн. рублей), крупный фабрикант Морозов (дал 800 тыс. рублей) и другие капиталисты. Каждый завербованный в организацию получал ежемесячно 360 рублей.

Организация намечала начать восстание в момент, когда немецкие войска приблизятся к Петрограду. В выступлении должны были участвовать военнопленные немцы и австрийцы. В официальном сообщении ВЧК по этому делу отмечалось, что «раскрытая контрреволюционная организация насчитывает около трех с половиной тысяч человек, которые вербовались как здесь, среди несознательных солдат и представителей разных классов, до подонков и преступников включительно, так и в Финляндии и на Дону. Число вооруженных немцев и австрийцев из числа военнопленных и военнообязанных, с которыми должны были слиться русские контрреволюционеры, дошло до 13 тыс. человек. Для последних вооружение было своевременно приготовлено путем покупки при содействии видных иностранцев в Финляндии, в Петрограде и в разных местах в провинции, преимущественно в прифронтовой полосе, во время самовольной демобилизации»[1]. Заговорщическая деятельность контрреволюционной организации была своевременно пресечена.

В феврале 1918 г. германский империализм представлял собой главную угрозу для Советской республики. Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией 23 февраля радиограммой предупреждала все Советы, что навстречу и в помощь наступавшим германским войскам устремилась польская, белорусская и украинская буржуазия. «Всероссийская буржуазия с нетерпением ожидает и радуется пришествию Вильгельма,— говорилось в радиограмме ВЧК.— Она с каждым днем льет ушаты грязи, клеветы и подлости на российскую революцию... На помощь наступающим отрядам офицеров, юнкеров и белогвардейцев Вильгельма приготовились предательски выступить офицеры, юнкера и белогвардейцы российской и национальной буржуазной контрреволюции, путем вооруженного восстания ударить: Вильгельм — извне, российская контрреволюция — изнутри, в лицо и в спину Советской Социалистической Республике, помочь взять Петроград, Моск-

[1] «Известия ВЦИК», 7 марта 1918 г.

ву и другие российские города. Штабы этого вооруженного восстания раскрыты. Центральные штабы находятся в Петрограде и в Москве, а остальные почти по всем городам России. Названия они носят: «Организация борьбы с большевиками и отправка войск к Каледину», «Все для родины», «Белый крест», «Черная точка». Многие из штабов вооруженного восстания ютятся в различных благотворительных организациях, как-то: помощь пострадавшим от войны офицерам и т. п.»[1]. ВЧК призывала трудящихся к беспощадной борьбе с заговорщиками.

После заключения Брестского мира немецкие империалисты продолжали тайную подрывную деятельность против социалистического государства рабочих и крестьян. На оккупированных ими советских территориях формировались монархистские и буржуазно-националистические организации и воинские части, которые при содействии и помощи германского военного командования забрасывались в советский тыл, вели там подрывную работу, нападая на красноармейские части. Особенно неблагополучно было в Западной области и на территориях, примыкающих к украинским землям.

В мае — июне 1918 г. чекисты Западной области задержали на станции Смоленск подозрительного человека, оказавшегося бывшим офицером, связанным с помещиками Поречского уезда. При нем нашли письма, свидетельствующие о том, что он имел задание вербовать в Западной области людей для контрреволюционной армии. В процессе расследования чекисты произвели обыск в имении помещика Поречского уезда Тарновского и нашли важный документ, озаглавленный «Список лиц, стоящих на платформе защиты Временного правительства». В списке значились имена крупнейших помещиков и капиталистов области, а также смоленского нотариуса Ильинского. Когда некоторых упомянутых в списке лиц арестовали и допросили, выяснилось, что они вносили крупные суммы денег на вербовку кадров контрреволюции, а также сами занимались вербовкой в антисоветские отряды. Чекисты ликвидировали эту помещичью контрреволюционную группу.

Следствие установило, что раскрытая антисоветская организация связана с какой-то военной организацией, однако понадобилось еще несколько месяцев напряженной работы, чтобы стала ясной общая картина.

Однажды чекисты задержали бывшего офицера, который сообщил, что в прошлом он был связан с нотариусом Ильин-

---

[1] «Известия ВЦИК», 23 февраля 1918 г.

ским. Проверяя связи задержанного, чрезвычайной комиссии удалось установить, что в Смоленске существует штаб контрреволюционной военной организации, которая возглавляется бывшим генерал-майором Михаилом Дорманом. В сентябре 1918 г. чекисты обнаружили принадлежавшие организации Дормана склады оружия, патронов и бомб, пулеметные ленты, взрывчатые вещества и задержали многих ее участников. Среди них были: главарь организации Михаил Дорман, бывшие офицеры Михаил Кац, Виктор Фенраевский, Александр Захаров, Стефан Антоневич, а также Григорий Лядковский, Борис Урядов, присяжный поверенный Станислав Жданович и др. В связи с делом группы Дормана были арестованы также помещики Смоленской губернии, финансировавшие заговор,— Реутт, Энгельгардт и Василий Сорокин, в свое время возглавлявший виленскую охранку. Раскрытая организация занималась вербовкой в Смоленской и Витебской губерниях белогвардейцев, направляя их на Украину в так называемую Южную армию.

Антисоветская группа Дормана являлась западным отделением обширного монархистского союза «Наша родина», действовавшего на юге и юго-западе России. Центр этого союза находился в Киеве. Союз был создан с ведома и не без содействия германского военного командования. Союз возглавляли крупный помещик и сахарозаводчик, бывший член Государственной думы и царский министр граф А. А. Бобринский, герцог Н. Лейхтенбергский и присяжный поверенный М. Е. Акацатов. В программном документе, найденном при ликвидации западного отделения организации, говорилось: «Цель и назначение организации «Наша родина» — борьба с большевиками, восстановление в России монархии... Ориентация — сперва выгнать большевиков, восстановить монархию, а потом уже разбирать наши внутренние дела... Образ правления — монархия с народным представительством при двухпалатной системе, министерство ответственное, но не парламентарное». Программа предусматривала сохранение частного землевладения, и лишь в крайних случаях «отчуждения (земли.— *Д. Г.*) должны производиться путем выкупа». Особо подчеркивалось, что землей могут наделяться прежде всего пострадавшие на войне, георгиевские кавалеры и те, которые «не запятнали себя грабежами и насилиями во время революции». При такой формулировке надела землей лишались все крестьяне, получившие землю во время революции; их-то и называли помещики и контрреволюционеры грабителями! В национальном вопросе и в области идеологии и культуры программа предусматривала «воспитание в религи-

озном и национально-русском духе... первенствующее положение русского народа и русского языка»[1].

Непосредственной задачей союза «Наша родина» было создание «Южной армии», во главе которой стояли герцог Н. Лейхтенбергский и начальник штаба генерал-лейтенант Литовцев. Агенты союза — хорошо оплачиваемые офицеры, заведующие этапными пунктами, курьеры — вербовали личный состав «Южной армии» и направляли людей в главные пункты сбора: в Житомир (начальник пункта — генерал Пальчинский), в Псков (полковник Тучинский), в Могилев (полковник Зубржицкий), в Харьков, Полтаву, в Екатеринослав (во главе этих пунктов стоял полковник Домашнев), в Минск, Бердичев, Елисаветград. Начальником главного бюро по набору добровольцев приказом генерал-майора Шульгина от 13 августа 1918 г. был назначен полковник Чесноков. В обязанности начальников этапных пунктов, находившихся при вокзалах, на пристанях Днепра, в конторах дежурных по станциям, входило обеспечение добровольцев деньгами и направление их в центральный пункт. Сформированные воинские части вооружались и снабжались германским военным командованием. Одна из таких частей — 1-я дивизия под начальством генерала Семенова — была направлена на Дон в помощь германскому ставленнику генералу Краснову и сражалась там против Красной Армии.

В сентябре 1918 г. наиболее активные участники формирования «Южной армии», в том числе генерал Дорман, помещики Реутт и Энгельгардт, были расстреляны. Задержанные члены отрядов «Южной армии» заключались в концентрационные лагеря. В январе 1922 г. был задержан и привлечен к судебной ответственности бывший начальник штаба «Южной армии» генерал-лейтенант Литовцев. Военная коллегия Верховного революционного трибунала приговорила его к расстрелу, но, учитывая раскаяние подсудимого, а также разгром к тому времени всех белогвардейских армий, применила к нему амнистию и заменила расстрел пятью годами лишения свободы.

Следует отметить, что и в северо-западных районах, оккупированных немцами (Псковская губерния), с помощью германского военного командования формировалась белогвардейская Северная армия (впоследствии армия генерала Н. Н. Юденича).

Подрывную антисоветскую работу вели и официальные дипломатические миссии, и посольство Германии.

Назначенный в апреле 1918 г., после заключения Брестского мирного договора, послом в Москве, граф Вильгельм Мирбах яв-

[1] «Еженедельник ВЧК», № 5, 20 октября 1918 г., стр. 6—8.

лялся представителем наиболее реакционных феодально-аристократических кругов кайзеровской Германии. Он считал советский строй в России недолговечным и связывался с теми группами русских контрреволюционеров, которые, как ему казалось, должны были скоро прийти к власти. Естественно, все его симпатии были при этом на стороне российских монархистов и других крайних реакционеров.

Опубликованные недавно документы немецких дипломатических архивов, а также донесения Мирбаха рейхсканцлеру Германии Г. Гертлингу и министру иностранных дел Р. Кюльману, за апрель — июнь 1918 г. раскрывают подробности антисоветской деятельности германского посла в Советской стране.

Уже с первых дней пребывания в Москве Мирбах беспокоился, как бы его не опередили в установлении тайных связей с русскими контрреволюционными группами. Он видел свою задачу в «предотвращении объединения под руководством Антанты противников находящейся в агонии большевистской системы». При этом Мирбах предусматривал возможность и военного вмешательства для помощи русской контрреволюции. Он писал: «Длительный развал экономики и постоянное тяжелейшее ущемление всех наших интересов могут в любое время и в удобный для нас момент быть использованы как предлог для военного выступления. Любое крупное наше выступление — при этом вовсе нет необходимости занимать с самого начала обе столицы — сразу же автоматически приведет к падению большевизма; и так же автоматически заранее подготовленные нами и всецело преданные нам новые органы управления займут освободившиеся места».

Соответственно этим «планам», с ведома и согласия своего правительства, Мирбах и его сотрудники — советники К. Рицлер и Р. Басевиц — «с должными мерами предосторожности и соответственно замаскированно» (как писал в своих донесениях Мирбах) приняли меры к установлению связей с различными реакционными антисоветскими группами.

«Из многочисленных групп, с которыми были попытки установления связей,— доносил Мирбах,— политическое значение имеют три: ...группа правого центра (Кривошеин.— *Д. Г.*), финансовый магнат из Петербурга Ярошинский и Временное правительство в Харбине — Омске». Наибольшее же значение Мирбах придавал отношениям с известным уже нам «Правым центром», так как «благодаря этому,— цинично писал Мирбах,— мы (то есть Германия.— *Д. Г.*) прежде всего сумеем использовать большой процент влиятельных представителей промышленных

и финансово-банковских кругов для наших безбрежных экономических интересов». Вот почему Мирбах и его советники вступили в переговоры с одним из руководителей «Правого центра», бывшим царским министром земледелия А. В. Кривошеиным.

13 июня Мирбах сообщал в Берлин: «После того, как он (Кривошеин.— *Д. Г.*) через членов партии октябристов осторожно запросил, согласна ли германская миссия установить связи с некоторыми представителями вышеназванной группы («Правого центра».— *Д. Г.*), и получил утвердительный ответ, он поручил предпринять дальнейшие шаги двум членам Центрального комитета кадетской партии — барону Нольде, бывшему помощнику министра иностранных дел в кабинете Львова, и Леонтьеву, бывшему помощнику министра внутренних дел в том же кабинете». Мирбах сообщал, далее, германскому правительству о ходе переговоров с «Правым центром», о стремлении деятелей этой организации восстановить в России буржуазно-помещичий строй, об их отношении к Брестскому миру. В последнем донесении, от 28 июня 1918 г., он писал: «Во время последней беседы с представителями группы «Правого центра»... князь Урусов и бывший помощник министра Леонтьев сообщили, как они представляют себе выступление этой группы против большевиков. Надежда на удачу путча, организованного собственными силами, по их мнению, за последнее время возросла. Не исключается возможность, что его удастся осуществить через несколько недель. Если путч удастся, то группа будет вынуждена, чтобы заставить многочисленные другие группы, в особенности в Сибири, присоединиться и подчиниться ей, заключить с ними договор, в котором будет оформлено их право выступать от имени монарха. Затем они собираются опубликовать против большевиков манифест, в котором объявят программу нового правительства, а также о созыве всеобщего Земского (Учредительного) собрания и о заключении мира с другими державами. При этом группа считает нужным выразить пожелание о смягчении Брестского договора, которое вернуло бы России жизнеспособность. Группа все еще обеспокоена возможностью, что царь или другой член царской фамилии попадет в руки Антанты и будет использован ею для своих комбинаций. Группа пытается установить контакты с сибирскими генералами и, как я уже сообщал ранее, удержать генералов с Дона от перехода на сторону держав Антанты и от участия в их комбинациях» [1].

[1] Документы — донесения Мирбаха — опубликованы С. М. Драбкиной в журнале «Вопросы истории», 1971, № 9, стр. 120—123.

Приведенные выше документы не нуждаются в комментариях. Но следует отметить, что планам деятелей русской монархистской контрреволюции и их германских вдохновителей не суждено было осуществиться.

Продолжали вести подрывную антисоветскую работу и миссии и посольства держав Антанты и США. После заключения Брестского мира они превратились в основные центры, направлявшие такую деятельность в советском тылу. С ними были связаны главные контрреволюционные объединения «союзнической ориентации» («Национальный центр», «Союз возрождения России», «Союз защиты родины и свободы» и др.).

Французской агентурой в России руководили посол Франции Нуланс и глава военной миссии генерал Лавернь. От имени правительств «союзных» стран Нуланс выступил с вербальной нотой, которую посольство распространило среди так называемых русских «общественных деятелей». В ноте выражались «соболезнование» по поводу заключения Брестского мира и готовность «помочь» русскому народу. Лицемерно заверяя, что «союзники» будто бы не намерены вмешиваться во внутренние дела России, французский посол рекомендовал «общественным деятелям» образовать противобольшевистское русское правительство, которое стало бы «правительством директивного типа, опирающимся на национальный фронт... и имело бы своей задачей созвать Учредительное собрание» [1].

Французский журналист Ренэ Маршан, находившийся при французском генеральном консульстве в Москве, рассказывал впоследствии советским следственным органам: «Французская миссия и консульство в Москве по поручению Нуланса имели и поддерживали в 1918 г. связь отдельно и специально с каждой из политических группировок в России. Связь с Савинковым поддерживалась через Готье, связь с монархическими организациями — через графа де Шавиньи, связь с меньшевиками — через бывшего депутата-социалиста Шарля Дюма, связь же с партией с.-р. поддерживалась миссией через Эрлиха... Я знаю, что французский консул Гренар придавал большое значение связям с эсерами и Савинковым... Партия эсеров получала довольно значительные субсидии от французского консульства через Эрлиха для работы своих боевых дружин... Под именем «мосье Анри» в Москве в 1918 г. работал агент миссии для разрушений. Его фамилия Вертимон. Это — морской капитан, он занимался тогда работами по разрушению железных дорог и железнодо-

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 363, л. 75—76.

рожных мостов... В работе Вертимона принимал участие представитель английской военной миссии Рейли» [1]. Далее Ренэ Маршан уточнил: «Деятельность генерального консульства все время, даже в тот период, когда велись переговоры с Советской властью... в действительности была исключительно направлена к свержению Советской власти, для каковой цели велись переговоры с политическими русскими группами... Презрение (французского посла.— *Д. Г.*) Нуланса к России было чем-то поразительным... Я помню одну фразу, весьма характерную, когда на докладе Эрлиха о переговорах с Черновым Нуланс сказал: «Передайте им, что нам довольно этих социалистических экспериментов в России и что мы больше никаких социалистических экспериментов не намерены допускать...» Помимо связи консульства с партией социалистов-революционеров для политических действий, была с нею связь для так называемых активных действий у французской военной миссии. Члены ЦК партии эсеров встречались на тайной квартире с капитаном Лораном, который был раньше членом французской миссии в Петрограде и, официально уехав во Францию, затем совершенно секретно вернулся в Россию» [2].

Вскоре после Октября в знак непризнания рабоче-крестьянского правительства английский посол Дж. Бьюкенен покинул Россию. Впрочем, он оставил в Петрограде своих сотрудников, продолжавших военную и разведывательную работу; среди них был опытный разведчик — капитан морской службы Кроми.

В январе 1918 г. английское правительство командировало в Россию миссию во главе с Р. Локкартом, работавшим ранее (с 1912 г. по сентябрь 1917 г.) в английском генеральном консульстве в Москве. Р. Локкарт слыл в Англии, как он сам выражался, «особенно искусной ищейкой» и оказывал услуги военному министерству, выведывая военные тайны России. Он имел широкие знакомства в аристократических и бюрократических кругах Москвы. Эти «способности» Локкарта и были учтены при назначении его руководителем британской миссии в Советской республике. Прибыв в Россию, Локкарт прикинулся «другом», «доброжелателем», стоящим за признание Советского правительства, и, прикрываясь этой маской, вел разведывательную и подрывную работу. В опубликованной много лет спустя книге-«исповеди» Локкарт писал: «Гикс (помощник Локкарта по разведке.— *Д. Г.*) служил посредником между мной и вра-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 346, л. 176—177.
[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 362, л. 33, 35, 37.

гами большевиков. Они были представлены в Москве так называемым Центром, имевшим левое и правое крыло, а кроме того, Лигой спасения России, созданной Савинковым. Между этими двумя организациями происходили постоянно распри... Оба контрреволюционных органа (крыла.— *Д. Г.*) были единодушны лишь в одном отношении — оба желали получить от союзников помощь деньгами и оружием... На протяжении многих недель финансирование их было предоставлено всецело французам. Политические агенты Алексеева и Деникина ставили мне в укор, что я отстраняюсь на задний план. ...Я принял часть финансирования на себя. Раздобыть наличные деньги было не очень трудно, хотя банки и были закрыты, а девизные операции воспрещены. Многие русские обладали крупными запасами наличных рублей, которые они охотно обменивали на переводы на Лондон. Для большей безопасности мы поручили сбор этих денег одной английской фирме в Москве, которая вела торговлю с русскими. Она устанавливала курс и выдавала переводы на Лондон. В некоторых случаях мы принимали на себя гарантии за эту фирму. Рубли доставлялись в американское генеральное консульство и вручались Гиксу, который заботился об их дальнейшем направлении» [1].

Английская «Интеллидженс сервис» командировала в Москву, помимо Локкарта, еще и специального агента — лейтенанта разведывательной службы Сиднея Рейли. Это был один из искуснейших ее представителей. Как пишет Р. Локкарт, под именем Сиднея Рейли скрывался некий Розенблюм, родившийся в Одессе. Он занимался коммерцией и жил главным образом в Петербурге, а во время войны оказался в Англии, принял тамошнее подданство, женился на ирландке и в честь тестя (Рейли Келлэгрэн) принял его фамилию и назвался Сиднеем Рейли [2]. Прекрасно зная русский язык и выдавая себя то за русского, то за «турецкого и восточных дел негоцианта», Сидней Рейли вербовал среди морально неустойчивых элементов агентов и вел активную разведывательную работу против Советской России.

Весной 1918 г. англичане послали в Россию еще одну миссию, состоявшую из английского консула в Кашгаре Джорджа Маккартнея, полковника Бейли и капитана Блеккера. Прибыв из Индии в Ташкент, англичане заявили, что желают установить контакты с местными советскими властями. Фактически же это была шпионская миссия.

---

[1] *Р. Локкарт.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, стр. 282, 307.

[2] См. там же, стр. 319.

Активную работу против молодой Советской республики вели и агенты Соединенных Штатов Америки, возглавляемые послом Давидом Фрэнсисом.

Представители держав Антанты на первых порах делали ставку на так называемые демократические группировки внутренней российской контрреволюции.

«Союз возрождения России», о котором уже говорилось, имел военную организацию, готовившую кадры для антисоветских вооруженных выступлений и для участия в военных действиях против Германии. Эта организация финансировалась «союзниками». Один из ее руководителей в Петрограде, генерал А. И. Верховский, в прошлом военный министр Временного правительства, спустя несколько лет рассказывал: «Я был в марте 1918 г. персонально приглашен «Союзом возрождения России» в состав военного штаба «Союза». Военный штаб являлся организацией, имевшей целью организацию восстания против Советской власти... Военный штаб имел связи с союзническими миссиями в Петрограде. Сношениями с союзническими миссиями ведал генерал Суворов... Представители союзнических миссий интересовались моей оценкой положения с точки зрения возможности восстановления... фронта против Германии. Я имел по этому поводу беседы с генералом Нисселем — представителем французской миссии. Военный штаб через кассира штаба Суворова получал денежные средства от союзнических миссий» [1].

Другой деятель штаба «Союза возрождения России» — член ЦК партии народных социалистов В. И. Игнатьев — впоследствии также подтверждал, что источник средств организации был «исключительно союзнический». Первую сумму из иностранных источников Игнатьев получил от генерала А. В. Геруа, к которому его направил генерал М. Н. Суворов. Из беседы с Геруа он узнал, что генералу поручено отправлять офицеров в Мурманский район в распоряжение английского генерала Ф. Пуля и что на это дело ему отпущены средства.

В Петрограде действовала и другая шпионско-подрывная антисоветская группа, возглавляемая доктором Ковалевским. Она также направляла офицеров, преимущественно гвардейских, английскому генералу Пулю в Архангельск через Вологду. Группа высказывалась за установление в России военной диктатуры и содержалась на английские средства. Представитель этой

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 346, л. 195. А. И. Верховский был арестован в мае 1918 г. и вскоре освобожден. После этого он отошел от антисоветской деятельности и служил в Красной Армии.

группы, уже известный нам английский агент капитан Г. Е. Чаплин, работал в Архангельске под фамилией Томсон [1].

«Союз возрождения России» получал деньги не только от английских, но и от французских союзников. Генерал Суворов вел переговоры с французской миссией о получении для военной организации «Союза возрождения» 100—200 тыс. рублей. По прошествии некоторого времени агент французской миссии, приехавший из Москвы, вручил Игнатьеву 30 тыс. рублей и сообщил, что вскоре он получит значительно большую сумму [2].

Интересные детали о связях дипломатических представителей стран англо-французской коалиции и США с «Союзом возрождения России» сообщил один из деятелей этого «Союза», В. А. Мякотин, в воспоминаниях, опубликованных за рубежом. Он писал о том, что все сношения с дипломатическими представителями союзников вели несколько членов центральной организации «Союза». Пока послы союзников находились в Москве, эти связи осуществлялись через французского посла Нуланса, позже, когда послы уехали в Вологду,— через французского консула Гренара. При первой встрече с членами «Союза возрождения России» представители союзников заверили их, «что они продолжают видеть в России союзницу, временно попавшую в бедственное положение, и хотели бы всячески прийти ей на помощь... При одном из следующих свиданий представители держав Согласия поставили «Союзу» вопрос, как отнеслось бы население России к высадке союзников в русских пределах для борьбы с Германией... Мы решили указать, что, по нашему мнению, население России отнеслось бы благожелательно к высадке союзников».

Мякотин подтвердил также, что французы финансировали «Союз возрождения России». Он, между прочим, отметил бесцеремонное поведение французского посла Нуланса во время переговоров с членами «Союза». Был случай, когда в беседе с Нулансом они указали «на некоторые неправильные действия представителей союзников в России». В ответ он заявил, что «союзники, собственно, и не нуждаются в содействии русских политических организаций и, если высадят свои войска в России, смогут удовольствоваться непосредственными сношениями с русскими железнодорожниками, кооператорами и т. д.» [3].

---

[1] См. *В. И. Игнатьев.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны, ч. 1 (1917—1921 гг.). М., 1922, стр. 17—18. Ковалевский был впоследствии разоблачен и расстрелян.

[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 362, л. 123—126.

[3] *В. Мякотин.* Из недалекого прошлого.— «На чужой стороне» (Прага), 1923, № 2, стр. 188—190.

Средства, полученные от представителей стран англо-французской коалиции и США «Союзом возрождения России» в целом и отдельными антисоветскими организациями, использовались на нужды контрреволюционной работы и подготовку антисоветских переворотов.

Были связаны с «союзными» разведчиками и правоэсеровские заговорщики. Так, например, диверсионно-подрывная эсеровская группа, во главе которой стоял бывший офицер М. А. Давыдов, поддерживала в Москве связи с «подрывником», уже упоминавшимся выше французским разведчиком «мосье Анри» (морским капитаном Вертимоном), от которого получала взрывчатые вещества для диверсий в тылу Красной Армии. В обвинительном заключении по делу правых эсеров отмечалось: «Давыдов встречался вместе с Глебом (другим участником диверсионной группы.— *Д. Г.*) с двумя французами, с Мартеном, среднего роста, бритым, темным блондином, и с Анри, худощавым брюнетом, на Страстном бульваре, где и был разговор с Мартеном о снабжении группы оружием. С Анри встреча была у Красных ворот. Явочная квартира у французов была у Мясницких ворот, в каком-то французском убежище «Азиль». От французов было получено два револьвера и три коробки с взрывчатыми веществами... Согласно показанию гр. Ренэ Маршана, Вертимон является как раз тем лицом из французской миссии, которое фигурирует, по показаниям Давыдова, под именем Анри. Эта компания работала по разрушению железных дорог». В том же обвинительном заключении отмечалось, что французский гражданин Паскаль (молодой офицер, работавший во французской военной миссии) рассказал на предварительном следствии, что «в Москве заготовкой гранат и бомб ведал Лоран, а Вертимон имел запас взрывчатых веществ» [1].

В 1918 г. ВЧК раскрыла несколько дел, связанных с подрывной работой агентуры международного империализма.

В марте в Москве была выявлена подпольная организация, занимавшаяся вербовкой людей (главным образом офицеров старой армии), снабжением их и отправкой на Дон — в контрреволюционные банды генералов Каледина и Корнилова. Графиня Ланская содержала в доме на Новинском бульваре штаб-квартиру этой организации и распоряжалась крупными денежными средствами: приобретала обмундирование для белогвар-

---

[1] «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 105.

дейцев, снабжала их продовольствием на дорогу и т. п. Большую роль в этих делах играл известный в Москве заводчик — американский подданный В. А. Бари. 14 апреля у него был произведен обыск. Найденные переписка и счета показали, что Бари финансировал работу графини Ланской, посылал курьеров с поручениями расплатиться с завербованными в белогвардейскую армию людьми. Консульство США в Москве выступило в защиту арестованного Бари и представило официальное поручительство, настаивая на освобождении его до суда. В. А. Бари освободили, и он скрылся.

Через несколько месяцев Московский революционный трибунал вынужден был рассматривать дело Бари и нескольких русских участников заговора заочно. В приговоре по этому делу указывалось: «Московский революционный трибунал считает вполне установленным, что американский гражданин В. А. Бари, пользуясь покровительством консульства Соединенных Штатов Америки и его содействием, с 29 октября 1917 г. и по 26 марта 1918 г. принимал активное участие в помощи врагам Советской социалистической России... Это участие выразилось в том, что Бари по соглашению с Харлафовым, Кривошеиным (бывшими офицерами.— *Д. Г.*) и другими представителями буржуазии и бывшим командным составом организовывал банды из контрреволюционно настроенных офицеров и студентов, снабжая последних деньгами, продовольствием, обмундированием и отправляя их на Дон к генералам Корнилову и Каледину, заклятым врагам рабоче-крестьянской власти. Виновность Бари усиливается и тем, что он, пользуясь правами американского гражданина и защитою правительства США и помогая скрытым врагам революционного пролетариата, злоупотреблял именем трудящихся масс Соединенных Штатов. Ввиду изложенного Московский революционный трибунал заочно приговорил: ...скрывшегося от суда американского гражданина Бари объявить врагом всего трудящегося человечества, лишенным защиты рабоче-крестьянской власти, и в случае выдачи или поимки его по удостоверении личности расстрелять».

В приговоре далее имелось частное определение, относящееся к консульству США: «Московский революционный трибунал, обсудив неисполнение высокоавторитетным учреждением США, его московским консульством, поручительства в том, что Бари от суда никуда не скроется, и принимая во внимание, что поручительство это было уважено только из доверия к представителю правительства США, постановил: Московское североамериканское консульство, представляемое Пулем и Лерсом,

считать укрывателем преступника, содействовавшим побегу Бари, обманувшим доверие рабоче-крестьянской власти в России, привлечь которого к ответственности сможет один только американский народ» [1].

ВЧК неоднократно разоблачала членов военных миссий «союзников», в частности французской военной миссии, которые под предлогом наблюдения за эвакуацией военнопленных эльзасцев, чехов, поляков, сербов разъезжали по городам России, формировали польские и чешские легионы, белогвардейские банды, финансировали их и занимались шпионажем.

В апреле 1918 г. ВЧК ликвидировала польскую организацию, возглавляемую братьями Лютославскими, работавшими под руководством начальника французской военной миссии генерала Лаверня. Эта организация переправляла военнопленных поляков из России во Францию для участия в войне с Германией, вела среди польских солдат и офицеров, находившихся в России, антисоветскую агитацию, фабриковала провокационные фальшивые документы, в которых утверждалось, будто Советское правительство заключило тайное соглашение с немцами и отдает польский народ во власть Германии.

1 июля 1918 г. сотрудники ВЧК арестовали на Ярославском вокзале в Москве 45 офицеров — польских легионеров. Они были завербованы агентами польской националистической организации по заданию французской военной миссии и направлялись в Вологду для вступления во французскую армию. В Воронеже чекисты установили, что отряд железнодорожной охраны, состоявший из 400 польских солдат, способствовал переброске польских легионеров на Мурман. Тогда же и в Вологде выявили до 600 легионеров. Несомненно, французская военная миссия силами польских легионеров готовила выступление, подобное чехословацкому мятежу [2].

Советскому правительству, конечно, было известно о происках разведчиков, шпионов иностранных государств. Нити многих раскрытых заговоров вели к дверям посольств и миссий этих держав. Но посольства и миссии пользовались дипломатической неприкосновенностью.

---

[1] «Известия ВЦИК», 3 января 1919 г.

[2] См. «Известия ВЦИК», 4 мая, 2 июля 1918 г.; *М. Я. Лацис (Судрабс)*. Два года борьбы на внутреннем фронте, стр. 19. Впоследствии почти все задержанные польские легионеры были освобождены как обманутые своими лидерами.

8. «Рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором»

Гражданская война, навязанная буржуазией рабочему классу Советской страны, принимала все более ожесточенный, кровавый характер. Мятежные белогвардейские генералы, офицеры, кулаки и иностранные агрессоры применяли массовый террор против советских активистов и представителей рабочего класса. Повсюду — на Украине, в Прибалтике, в Поволжье и Сибири, в Туркестанском крае, где временно побеждали внутренняя контрреволюция и интервенты,— рекою лилась кровь рабочих и крестьян. В Финляндии после удушения с помощью немцев Советской власти буржуазия в течение нескольких дней хладнокровно казнила свыше 16 тыс. человек и бросила в концентрационные лагеря еще 70 тыс.

В советском тылу действовали белые заговорщики-террористы. Контрреволюция задумала обезглавить рабочий класс и революцию и в первую очередь устранить Владимира Ильича Ленина, вдохновителя побед и главу рабоче-крестьянского правительства.

1 января 1918 г., около 19 часов 30 минут, автомобиль, в котором В. И. Ленин, М. И. Ульянова и секретарь Швейцарской социал-демократической партии Ф. Платтен возвращались с митинга в Михайловском манеже, был обстрелян на Симеоновском мосту через Фонтанку контрреволюционерами-террористами.

Весть о покушении на вождя рабочего класса вызвала гнев и возмущение трудящихся. Рабочие на собраниях принимали негодующие резолюции. «Пролетариат... борется за освобождение всего человечества,— писала в передовой статье 3 января 1918 г. «Правда».— И когда в этой отчаянной борьбе (ибо для него тоже сейчас стоит вопрос о жизни и смерти) негодяи буржуазии пытаются казнить вождей пролетариата, пусть не пеняют, что пролетариат расправится с ними так, как они того заслужили.

Если они будут пытаться истребить рабочих вождей, они будут беспощадно истреблены сами. Все рабочие, все солдаты, все сознательные крестьяне скажут тогда: да здравствует красный террор против наймитов буржуазии».

Виновников покушения на жизнь В. И. Ленина установить не удалось [1].

---

[1] По одним данным, это покушение было совершено контрреволюционной группой, возглавляемой упоминавшимися выше Орлом и Ланским.

В том же январе 1918 г. в Чрезвычайную комиссию по охране города Петрограда, которую возглавлял К. Е. Ворошилов, поступили сведения о готовящемся новом покушении на жизнь В. И. Ленина. Латышские стрелки, несшие караульную службу в Смольном, обратили внимание на то, что какие-то личности следят за выездами Ленина из Смольного и записывают номера автомобилей народных комиссаров. Было замечено также, что за некоторыми квартирами ответственных работников (в частности, за квартирой управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича) также ведется наблюдение.

В середине января к В. Д. Бонч-Бруевичу явился солдат, георгиевский кавалер Я. Н. Спиридонов, и рассказал, что ему поручили выследить и взять живым (или убить) В. И. Ленина и обещали за это 20 тыс. рублей.

Выяснилось, что во главе заговора стояли деятели «Петроградского союза георгиевских кавалеров»: председатель «Союза» старший унтер-офицер А. С. Осьминин, подпоручик Г. Ушаков (в прошлом адъютант командующего Московским военным округом полковника А. Е. Грузинова), капитан А. М. Зинкевич, военный врач М. В. Некрасов (брат бывшего министра Временного правительства Н. В. Некрасова), вольноопределяющийся Н. И. Мартьянов и др.

По словам Я. Н. Спиридонова, заговорщики имели сведения о том, что В. И. Ленин часто приезжает на квартиру В. Д. Бонч-Бруевича по Херсонской улице, 57, неподалеку от Перекупного переулка, где проживала и содержала небольшую лавку знакомая Осьминина — некая О. В. Салова. Осьминин предложил Саловой принять в ее лавку приказчиком солдата Спиридонова, который мог бы, находясь поблизости от квартиры Бонч-Бруевича, проследить за появлением там В. И. Ленина. Салова от-

---

А. П. Орел показывал на следствии в ВЧК: «Стреляли в Ленина наемные люди, нанятые князем Ш. (речь идет об известном финансисте Д. И. Шаховском.— *Д. Г.*), нанял их сам князь за полмиллиона рублей. Лица эти грузины, в количестве 12 человек, часть из них служит в городской милиции. Покушение было сделано... через подосланных лиц. Часть из этих 12 человек (офицеров) уехала в Новочеркасск («Известия ВЦИК», 7 марта 1918 г.). По другим данным, покушение совершила правоэсеровская террористическая группа. На процессе правых эсеров в 1922 г. один из подсудимых, член ЦК партии эсеров Н. Н. Иванов, показывал: «В Сибири в 1919 г. я слышал от одного из офицеров, бывших в 1918 г. в Петрограде (он сочувствовал с.-р.), что в январе 1918 г. действительно было произведено в Петрограде покушение на Ленина, при его проезде на автомашине с Платтеном, причем это покушение было совершено какой-то военной группой при участии Тагунова» (ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 347, л. 6).

казалась. Тогда Осьминин попросил ее познакомиться с домашней работницей Бонч-Бруевича и выяснить через нее, когда у них бывает В. И. Ленин, но опять получил отказ. Спиридонов попытался устроиться дворником в доме, где жил Бонч-Бруевич, и некоторое время сам следил за ним. В конце концов у него заговорила совесть, и он решил рассказать обо всем... Бонч-Бруевичу.

В связи с показаниями Спиридонова в ночь на 22 января Чрезвычайная комиссия по охране города Петрограда произвела одновременно аресты Саловой, Ушакова, Некрасова, Зинкевича и Мартьянова. Осьминин был арестован на следующий день в помещении «Союза георгиевских кавалеров» по Захарьевской улице, 14. Здесь же были найдены бомбы, гранаты и несколько винтовок.

Задержанные Ушаков, Осьминин, Некрасов и другие заговорщики сознались в том, что разрабатывали план нападения на В. И. Ленина, с тем чтобы захватить его в качестве заложника (или, как показал Спиридонов, убить). На вопрос, с какой целью они замышляли это злодеяние, подпоручик Ушаков ответил, что они хотели таким путем заставить большевиков прекратить борьбу с контрреволюцией.

Заговорщики принадлежали к группе военной молодежи, связанной в прошлом с «Комитетом спасения родины и революции» и «Союзом защиты Учредительного собрания». Арестованные раскаивались в своей деятельности, а поручик Ушаков заявил, что теперь он осознал свое заблуждение и что «все те ложные сведения, которые в изобилии он получал на фронте против большевиков из буржуазной прессы, теперь совершенно выветрились из его души». Официальное сообщение об аресте этой антисоветской группы заканчивалось так: «Являются ли эти слова (слова Ушакова.— *Д. Г.*) только отводом или искренним заявлением, судить пока трудно, но несомненно, что этот молодой человек, бывший адъютант главнокомандующего Московским округом полковника Грузинова, отличавшийся большой храбростью и решительностью во время Февральской революции, переживает большую душевную тревогу» [1].

В. Д. Бонч-Бруевич впоследствии рассказывал: «По логике вещей все главные виновники покушения, конечно, должны были быть немедленно расстреляны, но в революционное время действительность и логика вещей делают огромные, совершенно неожиданные зигзаги, казалось бы, ничем не предусмотренные.

[1] «Известия ВЦИК», 26 января 1918 г.

Когда следствие уже было закончено, вдруг была получена депеша из Пскова, что немцы двинулись в наступление... Все дела отпали в сторону. Принялись за мобилизацию вооруженного пролетариата для отпора немцам.

Как только было опубликовано ленинское воззвание «Социалистическое Отечество в опасности», из арестных комнат Смольного пришли письма покушавшихся на жизнь Владимира Ильича, просивших отправить их на фронт на броневиках для авангардных боев с наседавшим противником.

Я доложил об этих письмах Владимиру Ильичу, и он, всегда забывавший о себе, в мгновение ока сделал резолюцию: «Дело прекратить. Освободить. Послать на фронт».

И вот те, которые еще вчера были у нас на следствии и сидели под строгим арестом, ожидая неминуемого расстрела, спешили броситься в головной ударной группе в атаку на немцев.

Громадное благородство было проявлено здесь Владимиром Ильичем...

Что может быть более возвышенным, чем этот поступок действительно революционного бойца и глубоко проникновенного социалиста, каким всегда был Владимир Ильич?» [1]

Между тем в недрах вражеского подполья готовились новые террористические акты.

20 июня 1918 г. в Петрограде проходили рабочие собрания в связи с кампанией перевыборов в Советы. На этих собраниях выступали виднейшие деятели большевистской партии, в том числе член президиума Петроградского Совета, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарский. Во время поездки Володарского по городу в связи с этой кампанией автомобиль из-за нехватки горючего остановился на одной из пустынных улиц, недалеко от фарфорового завода. В. Володарский и сопровождавшие его сотрудницы Смольного, Н. А. Богословская и Е. Я. Зорина, выйдя из автомобиля, направились к находившемуся поблизости зданию районного Совета. В это время на улице появился неизвестный, который, по-видимому узнав Володарского, быстро направился к нему и, приблизившись, сделал в него несколько выстрелов в упор, а затем бросился бежать. За убийцей погнались люди, находившиеся недалеко от места происшествия, но он, бросив бомбу, скрылся. Володарский, смертельно раненный в сердце, скончался на месте [2].

Убийство В. Володарского вызвало волну негодования. Рабо-

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Избранные сочинения, т. III. М., 1963, стр. 274.
[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 359, л. 51—53, 55—60.

чие готовы были ответить врагам революции их же оружием — террором, но петроградские партийные и советские органы сдерживали рабочих. Узнав об этом, В. И. Ленин писал 26 июня Зиновьеву, Лашевичу и другим членам ЦК: «Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере *рабочие* хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, *тормозим* революционную инициативу масс, *вполне* правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего *решает»* [1].

Обнаружить убийц Володарского не удалось. Расследование, продолжавшееся до 28 февраля 1919 г., не дало результатов [2].

В пятницу 30 августа в десятом часу утра на Дворцовой площади появился велосипедист. Он остановился у дома № 6, где в то время помещались Комиссариат внутренних дел Петроградской коммуны и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Велосипедист — молодой человек в кожаной куртке и фуражке офицерского образца — поставил велосипед у подъезда и вошел в здание. В комиссариате был приемный день. В вестибюле ожидали посетители, и никто не обратил внимания на молодого человека, который уселся в кресло неподалеку от входной двери.

Около десяти часов утра к зданию комиссариата подъехал в автомобиле народный комиссар внутренних дел Петроградской коммуны и председатель Петроградской чрезвычайной комиссии М. С. Урицкий. Он прошел через вестибюль, направляясь к лифту. Швейцар открыл дверь лифта — и вдруг раздались выстрелы... Стрелял неизвестный в кожаной куртке, который, увидев М. С. Урицкого, подошел к нему вплотную и сделал несколько выстрелов из револьвера. М. С. Урицкий, смертельно раненный в голову, упал и на месте скончался. Убийца выбежал на улицу, схватил свой велосипед и пытался скрыться. Но вызванная дежурным швейцаром охрана погналась за ним на автомобиле по Миллионной улице. Бросив велосипед, покушав-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 106.
[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 359, л. 39, 41—42.

шийся вбежал в подъезд дома № 17, в котором помещалось петроградское Английское собрание. Через несколько минут переодетый убийца (поверх кожаной куртки на нем было пальто) пытался выйти на улицу, но, увидев красноармейцев, открыл по ним стрельбу и был схвачен.

В Чрезвычайной комиссии убийца назвался Леонидом Канегиссером, студентом 4-го курса Политехнического института, 22 лет. Он заявил, что является социалистом, но назвать партию, к которой принадлежит, отказался. Свое преступление объяснил политическими мотивами, утверждал, что действовал один, по собственной инициативе, вне связи с какой-либо организацией или партией.

Выяснилось, что Канегиссер происходит из богатой семьи директора Металлического завода; при Временном правительстве был юнкером Михайловского артиллерийского училища, состоял в партии народных социалистов и являлся председателем секции юнкеров-«социалистов».

В день, когда был убит М. С. Урицкий, 30 августа 1918 г., в Москве было совершено злодейское покушение на жизнь В. И. Ленина. Приблизительно в 7 часов вечера в Замоскворецком районе Москвы на заводе бывш. Михельсона (ныне завод имени Владимира Ильича) состоялся митинг, на котором В. И. Ленин выступил с докладом «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)». Когда собрание закончилось, Ленин направился к выходу, во двор завода, где его ждал автомобиль. Уже во дворе, около автомобиля, он остановился, продолжая беседу с рабочими. В это время один за другим раздались три револьверных выстрела. Толпа отхлынула, рассыпалась в стороны. У автомобиля недвижимым остался лежать тяжело раненный двумя пулями Владимир Ильич. Третьей пулей была ранена беседовавшая с ним участница собрания М. Г. Попова — кастелянша Петропавловской больницы.

Шофер Ленина С. К. Гиль, находившийся в автомобиле, в момент стрельбы заметил на расстоянии не более трех шагов от В. И. Ленина какую-то женщину с револьвером в руке. Он выскочил из машины, рванулся к этой женщине, но она бросила ему под ноги револьвер и скрылась в толпе.

Раненого Ленина поместили в автомобиль и повезли в Кремль. А в это время случайно находившийся на собрании помощник военного комиссара 5-й Московской пехотной дивизии С. Н. Батулин бросился разыскивать убийцу. Вот что он потом рассказал: «Я закричал: «Держите убийцу товарища Ленина». С этими криками выбежал на Серпуховку... Добежавши до так

называемой «стрелки» (трамвайной линии.— *Д. Г.*) на Серпуховке, я увидел... позади себя, около дерева... с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования... Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карманы и взяв портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на товарища Ленина: «Зачем вы стреляли в товарища Ленина?», на что она ответила: «А зачем вам это нужно знать?» ...В это время ко мне подошли еще человека тричетыре, которые помогли мне сопровождать ее. На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в товарища Ленина. После этого я еще раз спросил: «Вы стреляли в товарища Ленина?», на что она утвердительно ответила... Боясь, как бы ее не отбили из наших рук лица, ей сочувствующие и ее единомышленники, как бы над ней не было произведено толпой самосуда, я предложил находившимся в толпе и имевшим оружие милиционерам и красноармейцам сопровождать нас. А товарищи рабочие, по большей части рабочая молодежь, образовали цепь, которой сдерживали толпу народа, требовавшего смерти преступнице» [1].

Террористку привели обратно на завод. Здесь ее опознал и председатель заводского комитета Н. Я. Иванов, приметивший ее еще до начала собрания, когда она подслушивала разговоры рабочих о скором приезде В. И. Ленина. Настроение рабочих было гневным; они готовы были растерзать преступницу, посягнувшую на жизнь народного вождя. Террористка, очутившись лицом к лицу с возмущенными рабочими, закрывала лицо руками. Н. Я. Иванов отвел ее руки и сказал: «Если ты не имела стыда стрелять в товарища Ленина, то пусть у тебя не будет стыда смотреть нам в глаза».

С. Н. Батулин и заводские рабочие-активисты доставили преступницу в военный комиссариат Замоскворецкого района, куда вскоре прибыли работники органов следствия. В расследовании приняли участие заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс, народный комиссар юстиции Д. И. Курский, член коллегии НКЮ М. Ю. Козловский, председатель Московского революционного трибунала А. М. Дьяконов, член ВЦИК В. Э. Кингисепп, заведующий отделом ВЧК по борьбе с контрреволюцией Н. А. Скрыпник и др.

---

[1] «Пролетарская революция», 1923, № 6-7, стр. 279—280.

Террористка назвалась Фаней Ефимовной Каплан, 28 лет. На первом допросе, 30 августа в 11 часов 30 минут вечера, она заявила, что стреляла в В. И. Ленина по политическим мотивам, но отказалась давать подробные объяснения. Она сказала: «Я сегодня стреляла в Ленина. Я стреляла по собственному побуждению... Решение стрелять в Ленина у меня созрело давно. Я считала себя социалисткой». Преступница упорно скрывала соучастников злодеяния и изображала его «индивидуальным» политическим актом. Она упрямо твердила: «Ни к какой партии не принадлежу... Я совершила покушение лично от себя. Революцией я была недовольна — встретила ее отрицательно. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за это. По течению эсеровской партии я больше примыкаю к Чернову... Самарское правительство принимаю всецело и стою за союз с союзниками против Германии». На вопросы об оружии, которым она стреляла, о найденных у нее деньгах и железнодорожном билете Томилино — Москва она отвечала: «Из какого револьвера я стреляла, не скажу... Кто дал мне револьвер, не скажу... Когда я приобрела железнодорожный билет Томилино — Москва, я не помню... В Томилино я не была... Откуда у меня деньги, я отвечать не буду» [1].

Весть об убийстве М. С. Урицкого и злодейском покушении на жизнь Владимира Ильича Ленина мгновенно облетела страну. Эти террористические акты, а также зверства белогвардейцев против рабочих и крестьян в местностях, где им удавалось свергнуть Советскую власть, вызвали бурю негодования рабочего класса. Теперь уже советские и партийные органы не могли сдержать народной ярости и гнева. Повсюду, еще до опубликования решений правительства, рабочий класс по своей инициативе начал ответный массовый красный террор против врагов революции.

31 августа в газетах было опубликовано сообщение ВЦИК о покушении на В. И. Ленина. ВЦИК призвал трудящихся усилить борьбу с контрреволюционными элементами и объявил, что «на покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции» [2].

1 сентября 1918 г. ВЧК заявила о том, что обнаглевшая контрреволюция поднимает голову, делая попытки вырвать из наших рядов вождей рабоче-крестьянского дела. Предательский

---

[1] «Пролетарская революция», 1923, № 6-7, стр. 282—285.
[2] «Декреты Советской власти», т. III, стр. 266.

выстрел в Ленина ВЧК с полным основанием расценила как преступление против рабочего класса в целом. Призывая трудящихся сплотить ряды и дружным напором раздавить гидру контрреволюции, ВЧК указывала: «Преступная авантюра с.-р., белогвардейцев и всех других лжесоциалистов заставляет нас на преступные замыслы врагов рабочего класса отвечать массовым террором» [1].

2 сентября Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, заслушав сообщение Я. М. Свердлова о покушении на жизнь В. И. Ленина, принял резолюцию, в которой предупредил прислужников российской и союзнической буржуазии, что за каждое покушение на деятелей Советской власти будут отвечать все контрреволюционеры и их вдохновители. «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти,— говорилось в резолюции,— рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов» [2].

Народный комиссар внутренних дел Г. И. Петровский подписал приказ, в котором потребовал от местных властей положить конец расхлябанности и миндальничанью с врагами революции, применяющими массовый белый террор против рабочих и крестьян. В приказе предлагалось взять из буржуазии и офицерства заложников и при дальнейших попытках контрреволюционных выступлений в белогвардейской среде принимать в отношении заложников репрессии [3].

Подтверждая законность применения красного террора, Совет Народных Комиссаров объявил 5 сентября 1918 г., что все лица, причастные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, подлежат расстрелу [4].

Так началась кампания красного террора против врагов революции. Среди репрессированных тогда были крупные деятели монархической реакции (директор департамента полиции С. П. Белецкий, министр внутренних дел А. Н. Хвостов, министр юстиции И. Г. Щегловитов, ряд деятелей жандармерии и охранных отделений), известные своей жестокостью при подавлении революционных выступлений во времена царизма, а также изобличенные явные враги рабоче-крестьянской власти.

На периферии красный террор применялся лишь в некоторых городах. Резкое обострение социально-политической обстановки в стране вынудило пересмотреть карательную линию органов

---

[1] «Известия ВЦИК», 1 сентября 1918 г.
[2] «Декреты Советской власти», т. III, стр. 267.
[3] См. «Известия ВЦИК», 4 сентября 1918 г.
[4] См. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 291—292.

борьбы с контрреволюцией даже в тех местах, где раньше местные организации не создали учреждений, подобных Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Так, например, после злодейского покушения на жизнь В. И. Ленина объединенное заседание Совнаркома, ЦИК, Ташкентского Совета и других общественных организаций Туркестанской республики приняло резолюцию, в которой говорилось: «На предательское убийство из-за угла и непрекращающееся противодействие Советской власти мы ответим беспощадным террором над всеми врагами революции». 5 сентября 1918 г. ЦИК и Совнарком республики учредили в Туркестане Чрезвычайную следственную комиссию (по типу ВЧК) с «самыми широкими полномочиями» [1].

Советское правительство рассматривало красный террор как исключительную акцию рабочего класса в ответ на белый террор буржуазии в обстановке острой борьбы против озверевших врагов народа. Массовый красный террор, осуществлявшийся главным образом в начале сентября 1918 г., в дальнейшем, несмотря на подчас весьма тяжелую обстановку в стране, никогда больше в таком виде не применялся.

Буржуазная печать и дипломатический корпус подняли в связи с красным террором вой. Старшина дипломатов швейцарский посланник Э. Одье от имени «нейтральных» дипломатических представителей в России направил народному комиссару по иностранным делам РСФСР ноту, в которой «во имя гуманности» протестовал против красного террора. В ответной ноте народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин дал достойный ответ «защитникам гуманизма». Он писал: «Подавляющее большинство русского народа в лице Второго съезда рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов отдало власть в руки рабоче-крестьянского правительства. Кучка капиталистов, желающих получить обратно в свои руки фабрики и банки, отнятые у них в пользу народа, кучка помещиков, желающих отнять у крестьян их землю, кучка генералов, желающих снова палкой учить подчинению рабочих и крестьян, не признали этого решения русского народа. Они при помощи денег иностранного капитала мобилизуют контрреволюционные банды, при помощи которых отрезают Россию от хлеба, дабы костлявая рука голода задушила русскую революцию. Они, убедившись в невозможности скинуть рабочее правительство, поддержива-

---

[1] См. *Р. Арипов, Н. Мильштейн.* Из истории органов госбезопасности Узбекистана (Документальные очерки истории 1917—1930 гг.). Ташкент, 1967, стр. 53.

мое народными массами, руками этих масс устраивают контрреволюционные восстания с целью оторвать рабоче-крестьянское правительство от положительной работы, помешать ему вывести страну из анархии, в которую толкнула его преступная политика прежних правительств. Они предали Россию на юге, севере и востоке чужестранным империалистическим государствам, призывая чужие штыки отовсюду, откуда только их могут получить. Из-за леса иностранных штыков они посылают наемных убийц, дабы устранить вождей рабочего класса, в которых не только пролетариат России, но и все истерзанное человечество видит олицетворение своих надежд. Эту контрреволюционную клику, пользующуюся поддержкой иностранного капитала и русской буржуазии, желающей набросить на шею русского народа петлю рабства и войны, русский трудовой народ беспощадно подавит. Мы заявляем перед лицом пролетариата всего мира, что никакие лицемерные протесты и просьбы не удержат руку, которая будет карать тех, кто поднимает оружие против рабочих и беднейших крестьян России, кто их хочет заморить голодом, кто их хочет погнать на новые войны во имя интересов капитала» [1].

В напряженных условиях того времени ВЧК расследовала обстоятельства убийства М. С. Урицкого и покушения на жизнь В. И. Ленина. Это было трудное дело. Непосредственные исполнители террористических актов Канегиссер и Каплан отказались назвать сообщников и раскрыть связи с какими-либо политическими организациями. ВЧК вынесла решение о расстреле их. 3 сентября 1918 г. комендант Московского Кремля П. Д. Мальков выполнил постановление о расстреле Каплан; был расстрелян в Петрограде и убийца М. С. Урицкого — Канегиссер.

Центральный комитет партии правых эсеров официально в печати заявил: «Ввиду поступающих со стороны местных организаций запросов по поводу убийства т. Урицкого в Петрограде и покушения на т. Ленина в Москве, Центральный комитет партии социалистов-революционеров заявляет, что ни одна организация партии к этим актам отношения не имеет» [2]. Но это было лживое заявление. Лишь в 1922 г. обстоятельства покушения на жизнь В. И. Ленина были раскрыты во всей полноте.

---

[1] «Известия ВЦИК», 13 сентября 1918 г.
[2] «Известия ВЦИК», 6 сентября 1918 г.

9. Заговор «трех послов»

Как-то летом 1918 г. в Петрограде в Латышском клубе появились двое молодых командиров-латышей. Они быстро сошлись с завсегдатаями клуба, среди которых были члены контрреволюционной группы, связанной с морским атташе английского посольства Кроми. В беседах с новыми знакомыми молодые командиры, напоминавшие бывших офицеров, не скрывали своего отрицательного отношения к советским порядкам.

Вскоре заговорщики решили познакомить молодых командиров с английским разведчиком. Первая такая встреча состоялась в гостинице «Французская». Кроми решил, что один из командиров, назвавшийся бывшим офицером Шмидхеном, заслуживает доверия. Через некоторое время Кроми предложил Шмидхену выехать в Москву, связаться там с начальником британской миссии Р. Локкартом и под его руководством начать подрывную работу в советских латышских воинских частях. Он дал Шмидхену рекомендательное письмо к Локкарту.

На следующий день Шмидхен и его товарищ выехали в Москву. Там они, соблюдая осторожность, немедленно направились в ВЧК. Молодые командиры были чекистами. Их послал в Петроград Ф. Э. Дзержинский для раскрытия антисоветского подполья. Чекист, назвавшийся Шмидхеном, в действительности был Ян Буйкис [1], а его товарищ — Ян Спрогис.

ВЧК решила продолжить начатую «игру», проникнуть в лагерь дипломатических заговорщиков, выяснить их замыслы и разоблачить их. Для этого в «игру» подключили командира 1-го дивизиона латышских стрелков Эдуарда Берзиня, который должен был разыграть роль «разочаровавшегося» красного командира, готового к измене.

14 августа Шмидхен с Эдуардом Берзинем явились на частную квартиру Р. Локкарта в Хлебном переулке, 19.

Появление Шмидхена и Берзиня насторожило опытного разведчика. Но вскоре сомнения у него исчезли. Много лет спустя в книге-«исповеди» Локкарт писал: «Шмидхен принес мне письмо от Кроми, которое я тщательно проверил. Я держался постоянно начеку, опасаясь провокаторов, но убедился в том, что письмо это, несомненно, писано рукою Кроми. В тексте письма имелась ссылка на сообщения, переданные мною Кроми через

[1] Обстоятельства участия Я. Я. Буйкиса в разоблачении Локкарта были освещены в печати лишь в 1966 г. (см. «Неделя», 1966, № 11, 13). Вл. Кравченко написал об этом и документальную повесть «Под именем Шмидхена». М., 1970.

посредство шведского генерального консула. Типичной для такого бравого офицера, как Кроми, была также фраза о том, что он приготовляется покинуть Россию и собирается при этом сильно хлопнуть за собой дверью. Характерным было также правописание... Орфографию Кроми никто не сумел бы подделать... В заключительной части письма Шмидхен рекомендовался мне как человек, услуги коего могут мне быть полезны» [1].

Убедившись, что письмо подлинное, Локкарт начал беседу. Э. Берзинь и Шмидхен представились ему как латышские офицеры, разочаровавшиеся в Советской власти. Они, в частности, заявили, что не хотят воевать с архангельским английским десантом, куда их собираются послать большевики, и не прочь были бы договориться с командующим десантом, английским генералом Пулем. Локкарт был осторожен. Поддержав намерение Берзиня и Шмидхена порвать с большевиками, он предложил им явиться на следующий день. Прежде чем связываться с Берзинем и Шмидхеном, Локкарт решил посоветоваться со своими коллегами-союзниками. В своей книге Локкарт так рассказал об этом: «Вечером я подробно переговорил о происшедшем с генералом Лавернем и французским генеральным консулом Гренаром... Мы пришли к тому заключению, что предложение латышей является, по всем вероятиям, искренним, и что если мы будем действовать с необходимой осторожностью, то особого вреда от того, что мы направим этих людей к Пулю, получиться не может... Мы решили свести обоих латышей с Сиднеем Рейли, который сможет наблюдать за ними и помочь им в осуществлении их благих намерений» [2].

На следующий день состоялась вторая встреча Локкарта с Берзинем и Шмидхеном. Теперь уже Локкарт не был так осторожен, как прежде. Он всячески поддерживал их намерение порвать с большевиками, говорил им, что союзники помогут латышам восстановить независимость Латвии, советовал создать «национальный латышский комитет» и обещал финансировать заговор. Чтобы связать Берзиня и Шмидхена с генералом Пулем, Локкарт заготовил удостоверения, по которым заговорщики должны были отправиться в расположение английских войск для переговоров. Эти документы с официальным гербом и печатью британской миссии были подписаны Локкартом. Они гласили: «Всем британским военным властям в России. 17 августа 1918 г. Предъявитель сего... латышский стрелок состо-

---

[1] *Р. Локкарт.* Буря над Россией, стр. 309—310.

[2] Там же, стр. 311.

ит на ответственной службе в штабе британской миссии в Москве. Прошу дать ему материальную поддержку и свободный проезд и оказывать ему всемерное содействие. Роберт Локкарт». Один экземпляр удостоверения был заполнен на имя Яна Яновича Буйкиса (на подлинную фамилию, имя и отчество Шмидхена), второй — на имя капитана Крып Кранкаля[1]. Вручив им эти документы, Локкарт в заключение беседы направил Берзиня к лейтенанту Сиднею Рейли, с которым предложил в дальнейшем держать связь.

Конечно, документы, собственноручно подписанные Локкартом, были тотчас же переданы в ВЧК. Они служили несомненным доказательством подрывной деятельности начальника британской миссии.

Первая встреча Э. Берзиня с Сиднеем Рейли состоялась на Цветном бульваре. Английский разведчик стал обсуждать с ним вопрос об участии латышских стрелков в военных действиях союзнического десанта в Архангельске. Потом Сидней Рейли заговорил и об участии латышей в готовившемся антисоветском восстании в Москве. Так как латышские стрелки охраняли Кремль, английский разведчик поручил им захватить членов Совета Народных Комиссаров, Государственный банк, Центральный телеграф, телефон и другие важные учреждения. Во время свидания Сидней Рейли передал Э. Берзиню 700 тыс. рублей на расходы по организации заговора.

22 августа состоялось новое свидание Берзиня с английским разведчиком. Теперь они обсуждали план захвата Совета Народных Комиссаров во время одного из пленарных заседаний. Разведчик особенно интересовался Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным. По первоначальному плану предполагалось направить захваченных членов Совнаркома под конвоем в Архангельск, но Рейли изменил план. Он сказал Эдуарду Берзиню: «Ленин обладает удивительной способностью подходить к простому человеку. Можно быть уверенным, что за время поездки в Архангельск он сумеет склонить на свою сторону конвойных и те освободят его. Поэтому было бы наиболее верным Ленина немедленно после ареста расстрелять...»[2] Во время этой встречи Сидней Рейли передал Э. Берзиню 200 тыс. рублей.

28 августа 1918 г., встретившись в третий раз с английским разведчиком, Берзинь получил задание выехать в Петроград и

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 3 сентября 1918 г.; «Неделя», 1966, № 11.
[2] «Известия ВЦИК», 3 сентября 1918 г.

установить связь с петроградской группой заговорщиков. И снова он дал Берзиню «на содержание организации» 300 тыс. рублей. (Все полученные деньги, 1200 тыс. рублей, Э. Берзинь, конечно, сдал в ВЧК.)

29 августа, выполняя «задание» Рейли, Берзинь прибыл в Петроград, явился на квартиру некой Е. М. Боюжовской (там он, между прочим, случайно обнаружил визитную карточку Сиднея Рейли, в которой был указан адрес одной из его московских явок — конспиративной квартиры в Шереметьевском переулке, 3). Через Боюжовскую Берзинь связался с петроградскими заговорщиками.

Между тем ВЧК располагала и другими данными, подтверждавшими подрывную деятельность дипломатов-заговорщиков. Среди них было письмо французского журналиста Ренэ Маршана на имя президента Французской Республики Пуанкаре. В письме говорилось: «Мне довелось присутствовать недавно на официозном собрании, вскрывшем самым неожиданным для меня образом огромную, тайную и в высшей степени опасную, на мой взгляд, работу... Я говорю о закрытом собрании, имевшем место в генеральном консульстве Соединенных Штатов... Присутствовали генеральный консул Соединенных Штатов господин Пуль и наш генеральный консул. Присутствовали союзные агенты... Случайно я был поставлен в курс замысла тем, что высказывали присутствующие агенты. Так, я узнал, что один английский агент подготовлял разрушение железнодорожного моста через реку Волхов, недалеко от Званки. Достаточно бросить взор на географическую карту, чтобы убедиться, что разрушение этого моста равносильно обречению на полный голод Петрограда; в таком случае город фактически оказался бы отрезанным от всяких сообщений с востоком, откуда прибывает весь хлеб, и без того крайне недостаточный для существования... Один французский агент присовокупил, что им уже сделаны попытки взорвать Череповецкий мост, что привело бы продовольствование Петрограда к таким же гибельным последствиям, как и разрушение моста у Званки, так как Череповец расположен на линии, соединяющей Петроград с восточными областями. Затем речь шла о разрушении рельсов на разных линиях... Я не распространяюсь, полагая, что уже достаточно сказал, чтобы на основании недвусмысленных фактов выяснить сформулированные мною выше тяжелые опасения. Я глубоко убежден, что дело идет не об изолированных починах отдельных агентов. Но даже подобные частные инициативы могут иметь единственный гибельный результат: бросить Россию во все более

кровавую политическую и бесконечную борьбу, обрекая ее на нечеловеческие страдания от голода...»[1]

Впоследствии Ренэ Маршан разъяснил: «В августе месяце 1918 г. генеральный консул (Гренар, который собирался тогда уезжать из России.— *Д. Г.*) сказал мне, что меня предполагают оставить в России в качестве политического информатора, чтобы я мог посылать доклады о политическом положении в стране, и при этом заявил, чтобы я зашел в пять часов вечера в здание американского консульства, где он познакомит меня до своего отъезда с некоторыми людьми, которые тоже будут оставлены в России. Я туда явился. Тут (были.— *Д. Г.*) генеральный консул Гренар, американский консул Пуль... Здесь американский генеральный консул представил мне как агента по экономическим вопросам гр. Каламатиано... Потом здесь же были английский лейтенант Рейли и Вертимоп, которые мне были представлены несколько дней тому назад во французском консульстве как агенты по разрушению на Украине, которая еще тогда была оккупирована немцами. На этом собрании, к моему большому удивлению, пришлось мне услышать совершенно для меня неожиданный план взятия Петрограда измором, путем взрыва мостов на реке Званке и на реке Волхов, на большой магистрали Москва—Петроград. Это на меня произвело колоссальное впечатление... И несмотря на то, что для меня тогда было очень тяжело, потому что это значило вступление в открытую борьбу с режимом, с которым я был тогда всецело связан... я счел необходимым принять все меры, чтобы положить конец подобному лицемерию и подобной гадости. Я это сделал. С тех пор я открыто перешел в противоположный лагерь для борьбы против французского правительства, изменившего одновременно не только русскому, но и французскому народу, который никогда ему не давал и не мог дать подобных злодейских поручений»[2].

В самый разгар распутывания нитей заговора послов, 30 августа, произошли чрезвычайные события — покушение на жизнь В. И. Ленина и убийство М. С. Урицкого. Надо было принять энергичные меры против представителей международного империализма, фактически находившегося в состоянии войны с Советской Россией. Было немало оснований считать их причастными к покушению на жизнь В. И. Ленина. Поэтому решено было ликвидировать заговор, даже если бы пришлось нарушить дипломатическую неприкосновенность иностранных разведчиков и

---

[1] Это письмо было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 24 сентября 1918 г.

[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 362, л. 41—43.

заговорщиков. Заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс впоследствии писал: «...Предварительная работа по раскрытию этого заговора еще далеко не была доведена до конца. При продолжении работ... открылись бы все новые и новые данные, пролетариат увидел бы, как Локкарт, пользуясь правом экстерриториальности, организовывал поджоги, восстания, готовил взрывы... Но после ленинградских событий... необходимо было немедленно производить аресты»[1]. В Петроград выехал Ф. Э. Дзержинский, в Москве руководство операцией поручалось Я. Х. Петерсу.

В 6 часов вечера 31 августа группа чекистов во главе с Гиллером оцепила здание английского посольства на Дворцовой набережной в Петрограде и заняла его нижний этаж. Когда чекисты поднимались на второй этаж, раздались выстрелы. Помощник комиссара Шейнкман был ранен в грудь, разведчик Янсон убит, следователь ЧК Бортновский ранен. Чекисты открыли ответный огонь (в результате оказался убитым морской атташе посольства разведчик Кроми) и затем заняли помещение посольства.

В тот же день чекисты произвели обыски и аресты среди сотрудников английской и французской дипломатических служб в Москве. Ночью 31 августа комендант Московского Кремля П. Д. Мальков по поручению ВЧК явился на квартиру Локкарта, произвел обыск и доставил английского дипломата и его помощника Гикса в ВЧК. Я. Х. Петерс спросил Локкарта, знает ли он террористку Каплан, а затем предложил дать объяснения по поводу попытки подкупить командира советской воинской части Э. Берзиня, предъявив выданное британской миссией удостоверение на имя латышского «заговорщика», командированного в расположение английских войск. Локкарт был смущен, но, ссылаясь на правила дипломатической неприкосновенности, отказался давать объяснения. Много лет спустя в своей книге «Буря над Россией» Р. Локкарт, желая изобразить себя ловким разведчиком, «обманувшим» во время ареста чекистов, рассказывал: «В боковом кармане моего пиджака я внезапно нащупал свою записную книжку, в которую я вносил тайным шифром пометки о выплаченных мною суммах. Чекисты обыскали мою квартиру... но позабыли осмотреть то платье, которое мы надели на себя во время нашего ареста. Содержание этих записей было понятно только мне, но цифры могли в руках большевиков оказаться компрометирующим меня материалом... Мысль о за-

[1] «Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 25.

писной книжке мучила меня. Как мне от нее избавиться?.. Я попросил у наших четырех караульных разрешения сходить в уборную. Разрешение мне было дано. ...А когда я захотел притворить дверь, они не позволили этого сделать и стали как вкопанные у двери. Состояние уборной заставило меня действовать. Бумаги там не имелось... Я принудил себя сохранить хладнокровие, вынул записную книжку из кармана, вырвал из нее опасные страницы и употребил их в дело в соответствии с обстоятельствами» [1].

По указанию Я. М. Свердлова и Г. В. Чичерина Локкарта отпустили из ВЧК.

Несмотря на принятые в ту ночь меры, иностранные шпионы Сидней Рейли, Анри Вертимон и Ксенофонт Каламатиано скрылись. В комнате Анри Вертимона, жившего в помещении католической гимназии при церкви Петра и Павла (где директором была Жанна Моренс), нашли 18 фунтов 48 золотников пироксилина, 39 капсулей от динамитных шашек, шпионские шифры и карту Генерального штаба.

Чекисты устроили засаду на конспиративной квартире Сиднея Рейли в Шереметьевском переулке, где проживала актриса Художественного театра Елизавета Оттен. Здесь они задержали бывшую надзирательницу гимназии Марию Фриде, принесшую какой-то пакет, в котором оказался документ, подписанный «Агент № 12». В нем говорилось о формировании дивизий Красной Армии в Воронеже, о графике работ Тульского оружейного завода, о количестве выпускаемой патронным заводом продукции, о том, что из-за нехватки хлопка производство боеприпасов сократилось в два раза... Выяснилось, что Мария Фриде служит в американском консульстве в Москве сестрой милосердия отряда Красного Креста и одновременно выполняет секретные поручения дипломатов-шпионов. Пакет, который она должна была вручить Сиднею Рейли через актрису Елизавету Оттен, был получен ею от брата, Александра Фриде. В годы царизма Фриде служил военным следователем Московского военно-окружного суда, а в послеоктябрьский период работал в управлении начальника военных сообщений.

Чекисты направились на квартиру Марии Фриде. Но как только мать Фриде увидела комиссара ВЧК, она выбежала с каким-то свертком, пытаясь скрыться. Сверток у нее отобрали и нашли в нем также шпионские материалы, принадлежавшие ее сыну, Александру Фриде. В донесении «Агента № 26» говори-

---

[1] *Р. Локкарт.* Буря над Россией, стр. 315.

лось: «В Тамбове формирование частей Красной Армии протекает крайне медленно. Из 700 красноармейцев, готовых к отправке на фронт, 400 человек разбежались. В Липецке вообще отказались ехать на формирование, сказав, что будут защищать интересы Советов только в своем уезде. Здесь также полное отсутствие патронов, оружия и снарядов». В квартире Фриде нашли спрятанными за зеркалом 50 тыс. рублей. Засада, оставленная в квартире сотрудниками ВЧК, вскоре задержала участника шпионской группы, бывшего чиновника московской таможни П. М. Солюса. Как оказалось впоследствии, это и был «Агент № 26».

Провал Марии Фриде, результаты обыска, когда были найдены прямые доказательства шпионской деятельности, вынудили Александра Фриде сознаться в том, что он состоит на службе у американского агента Каламатиано и по его поручению собирает сведения об экономическом, политическом и военном положении Советской республики.

Среди знакомых Сиднея Рейли оказалась сотрудница ЦИК Ольга Старжевская, которой он дал 20 тыс. рублей на покупку обстановки и содержание квартиры, где намеревался устроить конспиративную явку. Через Старжевскую он рассчитывал получить сведения о работе советских учреждений. Рейли поддерживал близкое знакомство с заведующим автомобильным складом Московского военного округа Трестаром, который предоставлял ему в пользование автомобили.

Таковы были результаты первых дней расследования. Я. Х. Петерс отмечает: «Было арестовано около 30 человек, но, за исключением брата и сестры Фриде и еще нескольких лиц, против которых были все данные, обвиняющие их в шпионаже, против остальных арестованных прямых улик не было. Трех главных виновников, которых иностранные посольства наметили оставить в России и руководить шпионской работой после своего отъезда за границу: Рейли, Вертимона и Каламатиано,— поймать не удалось. Так что нить оборвалась...» [1]

Французское и английское правительства, западная буржуазная печать подняли шумную кампанию протеста против нарушений Советским правительством правил дипломатической неприкосновенности. В отместку англичане без всяких оснований арестовали в Лондоне представителя РСФСР М. М. Литвинова и его сотрудников. Совет Народных Комиссаров Северной коммуны в обращении «Ко всему цивилизованному миру» заклеймил позорную деятельность иностранных «дипломатов». «Не-

[1] «Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 26.

слыханные, чудовищные преступления совершаются на нашей земле,— говорилось в обращении.— Английская и французская буржуазия, кичащиеся своим мнимым демократизмом, взяли на себя задачу восстановления монархии в России... Англо-французскими шпионами кишмя кишат наши родные города. Мешки англо-французского золота употребляются на подкуп различных негодяев... Мы получили совершенно точные данные, что официальные английские представители подготовляют взрыв железнодорожных мостов около Званки и Череповца для того, чтобы отрезать нас от Перми и Вятки и тем оставить нас совсем без хлеба. Они готовят ряд взрывов наших фабрик и заводов, подготовляют крушения поездов, подготовили ряд террористических покушений... Мы не можем молчать, когда посольство превращается в конспиративную квартиру заговорщиков и убийц, когда официальные лица, живя на нашей территории, плетут сеть кровавых интриг и чудовищных преступлений против нашей страны» [1].

Арест в Англии М. М. Литвинова и его сотрудников заставил Советское правительство вновь задержать Р. Локкарта в Москве. Народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин 7 сентября 1918 г. заявил иностранцам: «Дипломатические и военные представители Англии и Франции пользуются своим званием для организации на территории РСФСР заговоров, направленных к захвату Совета Народных Комиссаров с помощью подкупа и агитации среди войсковых частей, к взрыву мостов, продовольственных складов и поездов... Данные устанавливают с несомненностью тот факт, что нити заговора сходились в руках главы английской миссии Локкарта и его агентов. Равным образом установлено, что здание английского посольства в Петрограде фактически было превращено в конспиративную квартиру заговорщиков... Поэтому правительство РСФСР поставлено в необходимость создать для лиц, уличенных в заговоре, такие условия, при которых они были бы лишены возможности продолжать свою преступную, с точки зрения международного права, деятельность». Далее народный комиссар от имени Советского правительства заявил: «Все интернированные представители английской и французской буржуазии, среди которых нет ни одного рабочего, будут немедленно освобождены, как только русские граждане в Англии и во Франции и в районах оккупации союзных войск и чехословаков не будут больше подвергаться репрессиям и преследованиям. Английские и фран-

[1] «Известия ВЦИК», 5 сентября 1918 г.

цузские граждане будут иметь возможность немедленно покинуть территорию России, когда эту же возможность получат российские граждане в Англии и во Франции. Дипломатические представители той и другой стороны, и в том числе глава заговорщиков Локкарт, одновременно будут пользоваться возможностью возвращения на родину...» [1]

Пока шла дипломатическая переписка, многие из заговорщиков-дипломатов (в том числе французский генеральный консул Гренар, генерал Лавернь и др.) укрылись в помещении нейтрального норвежского посольства и отсиживались там. За ними было установлено наблюдение.

Однажды сотрудники ВЧК задержали гражданина, который пытался проникнуть в норвежское посольство. Задержанный предъявил паспорт на имя студента С. Н. Серповского. В действительности это был разыскиваемый американский агент Ксенофонт Каламатиано. Его доставили в ВЧК. Петерс и Кингисепп во время допроса Каламатиано обратили внимание на его массивную трость и решили ее осмотреть. Внутри нее они обнаружили массу записок, шифровок и расписок в получении денег. В трости Каламатиано оказалась тайная шпионская канцелярия. Необходимо было лишь выяснить, какие фамилии скрываются под номерами, которые находились на расписках в получении денег. Таких номеров было до тридцати [2]. Каламатиано, убедившись в том, что он окончательно провалился, вынужден был давать объяснения и расшифровывать фамилии, скрывавшиеся под номерами. Оказалось, что и сам Каламатиано имел шпионский номер. Его агенты адресовали свои донесения на имя «агента № 15», под которым значился их шпионский шеф — Каламатиано. Этот опытный разведчик разработал инструкцию для агентов, в которой, между прочим, говорилось: «В сообщениях следует зашифровывать особо важные данные следующим образом: номера войск обозначаются как количество пудов сахара и патоки, а также цена на них. Дух войск — положение в сахарной промышленности. Номера артиллерийских частей — мануфактура и цены на нее. Дезертирство из рядов Красной Армии — эмиграция на Украину». И эта инструкция была найдена в шпионской трости. Поддельный паспорт на имя студента Петроградского университета С. Н. Серповского, по которому скрывался Каламатиано, был изготовлен для него агентом А. К. Хвалынским по поручению А. Фриде.

---

[1] «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. II. М., 1926, стр. 170—171.

[2] См. «Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 26—27.

После ареста Каламатиано на квартире, где он проживал под именем Серповского, чекисты устроили засаду. Вскоре сюда явился какой-то неизвестный. Дежуривший в квартире чекист «приветливо» встретил его. Тот спрашивал Каламатиано. Как оказалось, это был чех Иозеф Пшеничка, доставивший для Каламатиано письмо от командования Чехословацкого корпуса, содержавшее важную информацию. «Политическое значение нашего выступления (чехословацкого мятежа.— *Д. Г.*),— говорилось в письме, — это возможность восстановления восточного антигерманского фронта. Временные областные правительства, принявшие на себя власть в освобожденных районах, провозгласили Брестский мир недействительным. Эту же задачу ставит Добровольческая армия Алексеева, пробивающаяся к нам с юга России. Не сомневаемся, что центральное русское правительство, над созданием которого мы сейчас работаем, подтвердит эти международные акты...»

Действуя заодно с союзными разведчиками — Сиднеем Рейли и Вертимоном и прикрываясь вывеской американских коммерческих фирм, а когда нужно, и поддельными документами, Каламатиано вербовал для службы в американской разведке людей, которые за плату поставляли сведения об экономическом, политическом и военном положении Советской республики. В эту шпионскую сеть входили: его ближайший помощник А. В. Фриде, бывший генерал-майор А. А. Загряжский, бывший чиновник московской таможни П. М. Солюс, бывший полковник Генерального штаба Е. М. Голицын, студент университета А. К. Хвалынский, журналист Д. А. Ишевский, служащий Центропленбежа [1] А. А. Иванов, бывший офицер А. В. Потемкин и др.

Представление о характере сотрудничества Каламатиано со своими осведомителями и о моральном облике последних дает, между прочим, найденное при обыске у Каламатиано письмо агента Ишевского, адресованное Каламатиано. «С первых же ваших слов я заключил,— писал Ишевский,— что «фирма» и «условия транспорта» есть не что иное, как маска, прикрывающая политическую и военную разведку. В этом направлении я и стал вести наблюдения во время моей командировки. Но каково было мое удивление, когда я, по возвращении в Москву, узнаю от вас, что в моих услугах не нуждаются. Получили то, что было нужно, и дали гроши, которые получают курьеры тепе-

---

[1] Центральная коллегия по делам пленных и беженцев при Народном комиссариате внутренних дел.

решних министерств... Человек в надежде на будущие перспективы рисковал многим, сидел под арестом, работал... и за все — 600 рублей и «уходи вон!». Нет, к своим секретным агентам другие государства так не относятся, и в полном сознании своей моральной правоты... я требую восстановления справедливости. Я свое требование — получить 4500 рублей — готов поддержать имеющимися в моем распоряжении средствами» [1].

Полученные при расследовании дела о заговоре Локкарта данные не давали все же полного представления о подрывной деятельности «союзных» послов против Советской России. Впоследствии стали известны и другие факты.

Благодаря мерам, принятым Советским правительством в результате расследования, преступная деятельность иностранных шпионов, скрывавшихся под маской дипломатов, в значительной степени была пресечена.

10. Падение Бакинской коммуны и убийство 26 комиссаров

Летом 1918 г. над революционным Баку нависла грозная опасность. Бакинские мусаватистские отряды вместе с националистическими бандами из других районов Азербайджана и Дагестана и наступавшие турецкие войска после ожесточенных боев подошли к окрестностям Баку. А в самом городе Советская власть испытывала опасное давление со стороны буржуазно-националистического армянского «Национального совета» и правосоциалистических партий эсеров и меньшевиков, ориентировавшихся на страны англо-французского блока и США. Англичане ловко подкинули приманку — обещание оказать городу «помощь» против турок. Эсеры, меньшевики и армянские дашнаки охотно пошли на эту приманку. Настаивая на принятии такой «помощи», они вели открытую и тайную борьбу против большевистского руководства Бакинской коммуны, разоблачавшего империалистические замыслы и разъяснявшего трудящимся, что́ означают эти «обещания».

Уже в июне в Баку был раскрыт заговор правых эсеров. Члены этой партии — Кириченко и Иванов, действовавшие по заданию английской разведки,— используя бланки канонерской лодки «Ардаган», разослали повестки предприятиям и воинским частям города, приглашая на митинг, якобы созываемый

[1] «Правда», 20 октября 1918 г.

командованием Каспийской флотилией. Провокаторы были арестованы. У них нашли проект приказа о роспуске Бакинского Совета, об аресте Степана Шаумяна (они намеревались и убить его), письмо к английскому консулу, в котором содержалась «покорнейшая просьба» передать английским вооруженным силам, что их ждут в Баку и в губернии. В заранее заготовленном воззвании заговорщики от имени Каспийской флотилии призывали население «искренне и с великой радостью встретить англичан, которые на днях прибывают в Баку». Хотя этот заговор был сорван, авантюры империалистов, расшатывавшие боевой фронт обороны города, продолжались.

В соседней с Азербайджаном Персии в то время находился английский отряд под командованием генерал-майора Денстервиля. Последний внимательно следил за развитием политических событий в Баку. Несколько лет спустя он выпустил в Англии книгу воспоминаний, в которой довольно откровенно рассказал о своих «операциях» против революционного Баку.

В этих воспоминаниях Денстервиль писал о том, что ему удалось завербовать полковника Лазаря Бичерахова (осетина по национальности), командовавшего русским отрядом терских казаков (численностью около 1500 человек) в Персии. Бичерахов согласился оказывать содействие Денстервилю в Персии, а позднее и на Кавказе. Скупое английское казначейство неоднократно запрашивало, «стоит ли Бичерахов» тех больших денег, которые ему выплачивались. Но Денстервиль отвечал, что не считает требования Бичерахова чрезмерными, «если принять во внимание то, что он для нас делает...» [1].

Вскоре Денстервиль и Бичерахов разработали план проникновения в Баку. Вот как описывает этот циничный план Денстервиль: «Бичерахов решил сделаться большевиком... Об этом решении он писал и телеграфировал комитету большевиков, признаваясь чистосердечно, что только Советская власть... может спасти Россию». Бичерахов предложил свои услуги Бакинскому Совету, который, не подозревая о коварном плане английской разведки, пригласил его прибыть со своим отрядом в Баку. Денстервиль пишет: «Он (Бичерахов.— *Д. Г.*) был готов немедленно же произвести посадку на пароходы, и я решил отправить вместе с ним нескольких английских офицеров... а также одну роту бронированных автомобилей. Высадка в Баку отдала бы его всецело в руки большевиков, которые могли бы в

---

[1] См. *Денстервиль.* Британский империализм в Баку и Персии. 1917—1918. Воспоминания. Тифлис, 1925, стр. 106.

любой момент обернуться против него; исходя из этих соображений, он решил высадиться в Алятах, в маленьком порту, милях в 50-ти от Баку, откуда дорога делает поворот на запад, по направлению к Тифлису. Этим путем он думал избежать непосредственного контакта с большевиками...» [1]

Отряду Бичерахова была поручена оборона Баку от турецких войск на одном из участков фронта. Так империалистическим разведчикам удалось внедрить в самое сердце революционного Баку враждебный ему вооруженный отряд.

Тем временем Денстервиль тайно укреплял связи с бакинскими правыми эсерами. «Связь с Баку у меня,— писал Денстервиль,— была налажена при посредстве почти ежедневных курьеров; наши друзья, социал-революционеры, казалось, были в состоянии произвести в скором времени coup d'état, то есть свергнуть большевиков, установить новую форму правления в Баку и пригласить на помощь англичан» [2]. А в своем докладе в Англию Денстервиль отмечал: «Я неоднократно вел переговоры с представителями партии с.-р., программа которых гораздо больше соответствует нашим целям, и по своему существу она созидательна... Они хотят нашей помощи, особенно финансовой. Я поддерживаю дружественные отношения с с.-р., и они знают, что смогут во многом рассчитывать на нас, если захватят власть в свои руки» [3].

А затем последовали события...

25 июля 1918 г. Чрезвычайное заседание Бакинского Совета совместно с другими общественными организациями незначительным большинством голосов правых эсеров, меньшевиков и армянских дашнаков приняло резолюцию о приглашении англичан.

29 июля английский агент Л. Бичерахов покинул вверенный ему участок фронта и увел свой отряд в направлении Дагестана.

31 июля Советская власть в Баку пала. Большевистский Бакинский Совнарком (он был создан 25 апреля 1918 г.) сложил с себя полномочия.

1 августа правые эсеры, меньшевики и армянские дашнаки вместе с контрреволюционно настроенным командованием Каспийской флотилии сформировали «правительство» — так называемую «Диктатуру Центрокаспия», в состав которого вошли

---

[1] См. *Денстервиль.* Британский империализм в Баку и Персии, стр. 146—147.

[2] Там же, стр. 159.

[3] Там же, стр. 163—164.

меньшевик Садовский (председатель), Г. Г. Айолло, С. Мелик-Еолчян (лидер бакинской организации дашнакцутюн) и др. Бичерахов был назначен «главнокомандующим».

«Едва только новое правительство успело взять бразды правления в свои руки,— писал Денстервиль,— как, согласно выработанному уже плану, послало к нам гонца с просьбой о помощи» [1].

4 августа в Баку вступила небольшая группа англичан, а 17 августа прибыла остальная часть отряда во главе с Денстервилем.

Но «помощь» англичан оказалась весьма призрачной (их было всего 800—900 человек). Англичане, собственно, сами и не думали воевать, они собирались лишь руководить.

В связи с создавшимся положением большевики Баку решили эвакуировать отряд Г. К. Петрова, присланный из Москвы в помощь Баку, в Астрахань, с тем чтобы, получив там подкрепление, он мог через некоторое время вернуться. В воззвании к рабочим большевики указывали, что после измены Бичерахова и появления английских войск в городе социалистическая, пролетарская оборона Баку превратилась в борьбу между двумя империалистическими силами — Англией (и ее союзниками) и Турцией (и ее союзниками). Обе эти силы одинаково враждебны рабочему классу, и поэтому представители Советской власти не могут оставаться в городе.

16 августа руководящие деятели Бакинской коммуны во главе с С. Г. Шаумяном вместе с отрядом Г. К. Петрова погрузились на 16 пароходов и направились в Астрахань. Но в море их догнали военные суда Каспийской флотилии и, угрожая открыть огонь, от имени «Диктатуры Центрокаспия» приказали вернуться в Баку.

17 августа возвратившихся в Баку руководителей Бакинской коммуны встретили вооруженные группы предателей под командованием правого эсера Васина. 35 человек и среди них С. Шаумян, кандидат в члены ЦК РКП(б) П. Джапаридзе, старейшие члены большевистской партии И. Фиолетов, Я. Зевин, Г. Корганов и другие были арестованы и заключены в тюрьму.

Арест комиссаров Бакинской коммуны был произведен правительством «Диктатуры Центрокаспия» по совету англичан, которые уже давно ждали случая избавиться от опасной для них группы революционеров. Правящая верхушка меньшевиков и эсеров назначила «расследование», чтобы получить «юри-

---

[1] *Денстервиль.* Британский империализм в Баку и Персии, стр. 184.

дические основания» для расправы над руководителями бакинского пролетариата. Расследование поручили бывшему царскому следователю Жукову.

Вначале бакинским комиссарам пытались приписать обвинение в присвоении народных средств. А когда оснований для этого не оказалось, следователи остановились на обвинении в политических преступлениях.

7 сентября «Чрезвычайная следственная комиссия» составила так называемое заключительное постановление, подписанное эсерами — председателем М. Васиным и его заместителем Л. Далиным. Решено было привлечь к ответственности руководителей Бакинской коммуны С. Шаумяна, Г. Корганова, М. Коганова, П. Джапаридзе, А. Костандяна, С. Осепянца, Ионесянца, А. Амирова, В. Полухина, А. Тер-Саакянца, А. Нуриджаняна и Г. Петрова. Им предъявили обвинение в том, что они, занимая ответственные должности, якобы не принимали никаких мер к защите города, бросили бакинский пролетариат в «минуту смертельной опасности» (имелось в виду германо-турецкое наступление.— *Д. Г.*) и призывали население к «ниспровержению существующей власти» (то есть контрреволюционной «Диктатуры Центрокаспия») и т. д. и т. п.

Кощунственно звучали слова этого постановления, авторы которого обвиняли большевиков как бы от имени «бакинского пролетариата», «заботились» о боеспособности Красной Армии, в то время как фактически выполняли волю антипролетарских элементов и международных империалистов. Большевистским руководителям Баку приписывали вину за поражение в военных действиях против турецко-германских войск. Это было заведомо фальшивое обвинение. Слабость обороны Баку объяснялась недостаточной боеспособностью партизанских отрядов, защищавших город; они не могли успешно противостоять хорошо оснащенной регулярной турецко-германской армии. За короткое время пребывания у власти, при разлагающей деятельности эсеров, меньшевиков, армянских дашнаков бакинские большевики не могли создать хорошо организованную армию. После перехода власти от большевиков к антисоветской коалиции правых эсеров, меньшевиков и дашнаков даже при участии в боевых действиях казачьего отряда Бичерахова и английского отряда и новое «правительство» не могло отстоять город, захваченный турецкими войсками 15 сентября. Деятельность большевистских руководителей Баку вполне соответствовала политике центрального Советского правительства. Советский отряд Петрова был послан центром в распоряжение большевистского

руководства Баку и не мог подчиняться лицам, пришедшим к власти в результате переворота, организованного империалистами.

Рабочие Баку дали свою оценку работы большевистских руководителей. 28 августа, уже после ареста и предъявления им голословных, явно несправедливых обвинений, 28 большевиков, в том числе Степан Шаумян, Прокофий Джапаридзе, Иван Фиолетов, Григорий Корганов, Мешади Азизбеков, Иван Малыгин, Яков Зевин, Меер Басин, Соломон Богданов, расправу с которыми готовили правые эсеры, меньшевики и армянские дашнаки, были избраны в Бакинский Совет.

11 сентября 1918 г. бакинская «Чрезвычайная следственная комиссия» передала дело об арестованных большевиках военно-следственной комиссии для предания их военному суду. В тот же день бакинские «правители» опубликовали и ввели в действие положение о военно-полевом суде. Этому суду по решению «Диктатуры Центрокаспия» подлежали дела: о нарушениях обязанностей службы с намерением оказать содействие врагу; о самовольном оставлении фронта; о бегстве с поля боя; о невыполнении приказания начальника; о капитуляции; о захвате вооруженными лицами чужого имущества и т. п. За совершение каждого из этих преступлений виновные карались расстрелом. Разбирательство таких дел должно было происходить при закрытых дверях, а приговоры вступали в законную силу по объявлении их и не более чем через сутки должны были приводиться в исполнение. Если сравнить перечень дел, подлежавших военно-полевому суду, с пунктами обвинения, предъявленного большевистским комиссарам, то станет понятным, что «Положение» было задумано так, чтобы, придав закону обратную силу, «юридически оформить» готовившийся расстрел большевистских комиссаров. Именно поэтому дело об арестованных большевиках было передано в военно-следственную комиссию. «Диктаторы» из среды правых эсеров, меньшевиков и дашнаков по указанию английского военного командования явно готовили кровавую расправу.

Но суда не последовало. 14 сентября 1918 г. турецкие войска и отряды мусаватистов перешли в наступление. Англичане поспешили оставить Баку. Началась эвакуация города.

Об эвакуации арестованных большевиков «правительство» и не подумало. Бывший товарищ председателя «Чрезвычайной следственной комиссии» Л. Далин позже показывал, что никаких распоряжений относительно арестованных большевиков он не получал. «Участь заключенных большевиков, очевидно, была

Диктатурой решена — оставить их на растерзание туркам и мусаватистам...

Участие англичан в судьбе бакинских коммунистов я считаю несомненным, так как их влияние на весь ход событий в Баку было огромно, кроме того, их намерение уничтожить большевистских руководителей видно из покушения на тов. Степана Шаумяна (в июне 1918 г.— *Д. Г.*), которое было произведено по прямому указанию англичан...

Оглядываясь на пройденный путь, я должен констатировать тот факт, что все партийные организации: с.-р., меньшевиков и дашнаков, вследствие своей разношерстности, немонолитности в убеждениях и многоликости в политическом смысле оказались фактически марионетками на поводу у англичан-интервентов» [1].

Ввиду нависшей над арестованными смертельной угрозы большевистская организация Баку решила насильственно освободить арестованных и создала для этого небольшой вооруженный отряд во главе с сыном Степана Шаумяна — Суреном. 14 сентября член городского комитета большевистской партии и член Бакинского Совета А. И. Микоян по поручению организации в последний раз потребовал от властей «Диктатуры» немедленно освободить арестованных, которым грозит гибель от наступающих турок и мусаватистов (большевики намеревались после освобождения эвакуировать их в Астрахань, даже договорились об этом с находившимся тогда в Баку капитаном советского парохода «Севан»).

Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях А. И. Микоян: «Я поехал в Центрокаспий. Несколько часов добивался приема. Никого из большого начальства там не оказалось, все они в панике сбежали...

Наконец вечером появился член «Диктатуры Центрокаспия» Велунц. Я прямо-таки напал на него, заявив, что они трусы и мерзавцы, если оставляют наших товарищей на растерзание туркам, что все это черное дело фактически делается их грязными руками. Сказал, что это подлость, которая даром не пройдет.

— Вы, Велунц,— сказал я ему,— будете головой отвечать за это.

Он заявил, что не может освободить людей из тюрьмы, не имеет на это права, но и не хочет оставлять арестованных тур-

---

[1] «Последние дни комиссаров Бакинской коммуны». По материалам судебных процессов. Баку, 1928, стр. 60—61.

кам. Тогда я спросил: если он не имеет права освободить, то почему не может их эвакуировать? Велунц ответил, что не имеет для этого никаких возможностей, а кто вообще может это осуществить, он сам не знает. Тогда я заявил, что могу это сделать сам, поскольку являюсь членом Бакинского Совета депутатов трудящихся.

Неожиданно Велунц со мной согласился и сказал, что даст соответствующее указание заместителю начальника контрразведки Далину. Я попросил его написать об этом письменный приказ. Он написал. С этим документом я пошел к Далину...» [1].

Впоследствии Л. Далин рассказывал: «14 сентября около 10—11 часов вечера большевик Микоян принес из «Диктатуры Центрокаспия» и исполкома на мое имя предписание за подписью А. Велунца и секретаря А. Тер-Карапетяна, в котором говорилось, чтобы мною были приняты меры к посадке всех захваченных большевиков на пароход «Севан», командир которого получит распоряжение о дальнейшем следовании. Также было указано место стоянки парохода. Написав тут же распоряжение в тюрьму об отпуске всех содержавшихся в политическом корпусе под расписку тов. Микояна, я предложил ему взять с собою 1-е отделение дружинников (12 человек) для сопровождения и охраны при посадке их на пароход» [2].

А. И. Микоян получил под расписку арестованных в Баиловской тюрьме и вместе с ними и конвоем направился на пристань к пароходу «Севан». Когда они подошли к месту, где их должен был ожидать пароход, «Севана» там не оказалось: его захватили войска «Диктатуры Центрокаспия». Пробираясь под обстрелом в город, они встретили командира партизанского отряда Татевоса Амирова, сочувственно относившегося к большевикам, и тот предложил Шаумяну и его товарищам погрузиться на пароход «Туркмен», предоставленный для эвакуации его отряда. Комиссары, а также прибывшие на пристань члены их семейств, А. И. Микоян и некоторые другие большевики разместились на пароходе «Туркмен», который вскоре вышел в море. Таким образом, арестованные фактически оказались на свободе.

В пути С. Шаумян договорился с капитаном, что пароход пойдет в Астрахань, которая находилась в руках большевиков. Но на пароходе оказались сторонники «Диктатуры» и два английских офицера, бежавшие из Баку. Не согласился с решением капитана парохода идти в Астрахань и судовой комитет.

[1] *А. И. Микоян.* Дорогой борьбы, кн. 1. М., 1971, стр. 204.

[2] *Вадим Чайкин.* К истории российской революции, вып. 1. «Казнь 26 бакинских комиссаров». М., 1922, стр. 62.

И капитан повел судно в Красноводск, где правили эсеровский, так называемый «стачечный комитет», подчиненный «Закаспийскому правительству» в Ашхабаде, и английские оккупанты.

Вечером 16 сентября пароход пришел в Красноводск. Здесь его встретили представители «стачкома». Выяснив, кто прибыл на пароходе, они приказали капитану поставить до утра пароход «на карантин». 17 сентября к моменту выгрузки на пристань Уфра были стянуты: туркменская рота под командованием Якунина, эсеровская вооруженная дружина во главе с Рыбалкиным, милиционеры с начальником милиции Ф. Алания и английская артиллерия. Красноводские «власти» обыскивали прибывших на пароходе и задержали бакинских комиссаров по доносам предателей — некоего Лалаева, механика парохода, адъютанта отряда Амирова Гегомяна и двух английских офицеров. Всего было задержано 35 человек, в том числе родственники комиссаров, А. И. Микоян, командир отряда Амиров, помогавший большевикам эвакуироваться из Баку, и некоторые другие лица. Часть задержанных поместили в арестный дом, а остальных в Красноводскую тюрьму.

Комиссары как представители центрального Советского правительства заявили протест. С. Шаумян, П. Джапаридзе, И. Фиолетов, Я. Зевин, Г. Корганов и Г. Петров по уполномочию всех задержанных 17 сентября составили радиограмму в адрес правительства «Диктатуры Центрокаспия», которое после эвакуации из Баку находилось в Петровске. В радиограмме содержалась просьба подтвердить красноводским властям, что они были освобождены из Бакинской тюрьмы и выехали из Баку по распоряжению «Диктатуры» и поэтому не являются беглецами. «Если не найдете возможным распорядиться, чтобы нас отправили в Астрахань,— говорилось в радиограмме,— пусть пошлют нас в Петровск. Вы в курсе нашего дела, там же можете выяснить все обстоятельства нашей поездки в Красноводск через пассажиров и команду парохода «Туркмен», которые отправляются в Петровск» [1]. Задержанные просили «стачечный комитет» отправить эту радиограмму в Петровск. В другом заявлении на имя красноводских властей комиссары протестовали против каторжного тюремного режима, установленного для них. Председатель «стачечного комитета», английский агент В. Г. Кун, наложил на заявлении такую издевательскую резолюцию: «Начальнику административного отдела: 1) объявить заключенным, что тюрьма не для комфорта, 2) можно просить,

[1] «Последние дни комиссаров Бакинской коммуны», стр. 166—167.

но не требовать. Вообще укажите заключенным побольше думать и поменьше писать» [1].

О задержании бакинских комиссаров Кун сообщил по прямому проводу председателю ашхабадского «Закаспийского правительства» эсеру Ф. А. Фунтикову и в Петровск — «главнокомандующему» войсками бакинской «Диктатуры Центрокаспия» Л. Бичерахову. При этом он высказал мнение, что задержанных следует предать военно-полевому суду. Бичерахов ответил: «Одобряю ваши действия, направленные к аресту бакинских комиссаров. Предложение ваше о предании их военно-полевому суду разделяю. Мнение мое поддерживает исполнительный комитет «Диктатуры Центрокаспия»» [2].

Но никакого суда не было. Ашхабадские власти, получив сообщение из Красноводска, тотчас же приступили «к действиям». Они снарядили специальный экстренный поезд, и в Красноводск выехали ответственные представители «областной власти» с отрядом. Уже в ночь на 20 сентября прибывшие из Ашхабада отобрали в Красноводской тюрьме двадцать шесть заключенных и тем же специальным поездом увезли их в направлении Ашхабада. Остальные девять человек — родственники бакинских комиссаров, А. И. Микоян и некоторые другие товарищи — были оставлены в тюрьме. На этом следы бакинских комиссаров терялись.

Бакинские рабочие и большевистские организации, однако, не забывали о своих руководителях и настойчиво разыскивали их. Возвратившиеся в Баку 17 ноября 1918 г. (после освобождения города от турецких войск) английское военное командование и бакинское «правительство» из местных контрреволюционеров всячески препятствовали этому. Большевику Левану Гогоберидзе, просившему разрешить ему поездку в Красноводск для выяснения судьбы комиссаров и содержащихся в тюрьме их родственников, бакинские «правители» пропуска не выдали и заявили, что комиссары отправлены англичанами в Индию. То же заявляли и другим лицам. В конце 1918 г. в Красноводск ездил делегат, избранный рабочей конференцией, но местный «диктатор» В. Г. Кун заявил и ему, что комиссары увезены англичанами в Индию в качестве заложников.

Между тем распространился слух, что комиссары погибли. Рабочие все настойчивее требовали объяснений. Советское правительство также неоднократно обращалось к английским вла-

---

[1] «Последние дни комиссаров Бакинской коммуны», стр. 167—169.
[2] Там же, стр. 170.

стям с требованием сообщить о судьбе задержанных на оккупированной ими территории представителей Советского правительства. Но англичане не отвечали.

А. И. Микоян рассказывает, что через месяц после того, как С. Шаумяна и его товарищей увезли из Красноводска, в тюрьму, где он содержался, дошел слух о гибели комиссаров. «...В нашу камеру,— пишет А. И. Микоян,— пришла ужасная весть. Проводник с железной дороги рассказал красноводским товарищам, что был в поезде, на котором везли бакинских комиссаров, и стал очевидцем, как на рассвете 2 сентября... комиссары были выведены из вагона в пески и частью расстреляны, а частью зарублены» [1].

В конце февраля 1919 г. бакинские рабочие добились освобождения содержавшихся в Красноводской тюрьме без предъявления каких-либо обвинений родственников бакинских комиссаров, А. И. Микояна и других товарищей, которые в начале марта приехали в Баку. Они-то и рассказали, что 26 бакинских комиссаров расстреляны. Это сообщение вызвало бурю негодования у бакинского пролетариата.

Судьбой бакинских комиссаров, помимо других, заинтересовался и опытный юрист, бывший член Учредительного собрания, в прошлом член ЦК партии эсеров В. Чайкин, приехавший в Баку. Он хотел выяснить обстоятельства этого загадочного дела, убедиться, действительно ли эсеры участвовали в гнусном преступлении, разоблачить конкретных виновников и смыть таким путем пятно позора, чернившее всю эсеровскую партию.

21 февраля 1919 г. В. Чайкин выехал из Баку в Красноводск и Ашхабад и занялся частным расследованием. Он опросил эсеровских деятелей ашхабадского «правительства» и получил доказательства того, что бакинские комиссары расстреляны в Закаспийской области по указанию английских военных властей при полном согласии и участии эсеровского «Закаспийского правительства».

Член ашхабадского «правительства» Л. А. Зимин 2 марта дал Чайкину следующее письменное объяснение: «На ваш вопрос о том, что мне известно по делу о 26 бакинских комиссарах, могу сообщить следующее... Я спросил председателя исполнительного комитета Фунтикова и начальника розыскного бюро Дружкина о судьбе комиссаров, на что получил ответ, что они расстреляны... Когда я спросил капитана Тиг-Джонса (начальник штаба английских оккупационных войск в Ашхабаде, раз-

[1] *А. И. Микоян.* Дорогой борьбы, кн. 1, стр. 227—228.

ведчик.— *Д. Г.*) о том, известна ли ему судьба комиссаров, он мне ответил, что известна и что великобританская миссия считает это действие правильным.

Помню, что спросил однажды Дружкина, как он думает оправдаться в этом деле, если у него когда-нибудь потребуют ответа. Ведь он, стоявший во главе политического розыска, имел возможность предотвратить случившееся. Он ответил, что капитан Тиг-Джонс обещал ему дать удостоверения об отправке всех расстрелянных в Индию и об их смерти там, о чем может быть представлено какое угодно медицинское свидетельство» [1].

Бывший председатель «Закаспийского правительства» эсер Ф. А. Фунтиков также письменно сообщил Чайкину, что 26 бакинских комиссаров были расстреляны по требованию английского представителя в Ашхабаде капитана Тиг-Джонса и его агента в «Закаспийском правительстве» — начальника розыскного бюро (разведки) С. Л. Дружкина. Фунтиков признал, что это убийство было совершено с его, Фунтикова, и других ответственных членов «правительства» согласия. «Представитель английской миссии в Ашхабаде Тиг-Джонс говорил мне лично до расстрела комиссаров, как и Дружкин, о необходимости расстрела,— писал Фунтиков,— а после расстрела выражал удовольствие, что расстрел в соответствии с видами английской миссии произведен». Фунтиков заявил также, что Тиг-Джонс обещал эсеровским «правителям» выдать документ о том, что комиссары увезены в Индию, а если нужно будет, то и медицинское свидетельство об их смерти, чтобы таким образом скрыть факт расстрела и снять с эсеров ответственность за этот подлый акт. Это подтвердил и другой член «Закаспийского правительства», эсер И. И. Седых. Из их объяснений вытекало, что убийство совершено на одном из перегонов между железнодорожными станциями Красноводск и Ашхабад и что они принимали непосредственное участие в нем [2].

Результаты своего расследования В. А. Чайкин опубликовал в бакинских газетах 11—12 марта 1919 г. [3]

Английское военное командование, встревоженное разоблачениями Чайкина, отрицало причастность английских предста-

---

[1] *Вадим Чайкин.* К истории российской революции, вып. 1, стр. 59.

[2] См. *Вадим Чайкин.* К истории российской революции, вып. 1, стр. 181—183.

[3] После освобождения Баку и Туркестана от английских войск В. Чайкин 25 июля 1920 г. опубликовал в «Известиях ВЦИК» материалы своего расследования в статье «Черное дело». А в 1922 г. в Москве была издана книга Чайкина по этому вопросу.

вителей, а также своего тайного агента Дружкина к совершенному злодеянию и приняло меры к их защите. Глава английской военной миссии в Закавказье генерал-майор В. М. Томсон вызвал к себе Чайкина, потребовал от него представления «доказательств» его утверждений, устроил ему очную ставку с Дружкиным и угрожал ему. Но позже, 24 мая 1919 г., тот же Томсон от имени главного британского штаба опубликовал новое заявление, в котором говорилось: «Возвращаясь к заявлениям Чайкина, обвиняющего капитана Тиг-Джонса в убийстве 26 бакинских комиссаров, сообщаются нижеследующие данные о степени причастности капитана Тиг-Джонса к этому делу.

Капитан Тиг-Джонс предложил отправить комиссаров в Индию, на что один из членов Асхабадского (исполнительного) комитета ответил, что он может сделать свои распоряжения.

Через два дня после этого капитан Тиг-Джонс узнал, что относительно комиссаров приняты меры, причем намекалось на их убийство; об этом капитан Тиг-Джонс немедленно сообщил генералу Маллесону.

Спустя некоторое время упомянутый член Асхабадского комитета, придя к капитану Тиг-Джонсу в взволнованном состоянии, заявил, что родственники Шаумяна спрашивают о его местопребывании, и просил Тиг-Джонса удостоверить, что комиссары отправлены в Индию. Тиг-Джонс с негодованием отказался.

Этим ограничивается вся причастность капитана Тиг-Джонса к убийству комиссаров» [1].

Словом, английское военное командование попыталось теперь переложить всю вину на эсеровское «правительство»...

В Советской стране был проведен ряд судебных процессов по делам участников расправы над бакинскими комиссарами. Важнейшие из них: 1) судебный процесс, происходивший в Красноводске с 19 по 26 апреля 1921 г., по которому перед выездной сессией Военного революционного трибунала Туркестанского фронта под председательством И. Р. Фонштейна предстали 42 подсудимых, в том числе: И. Седых, А. Седов, Н. Баклеев, Г. Герман, А. Яковлев; 2) 11 января 1925 г. на хуторе Лепичево Нижневолжского края чекисты арестовали скрывавшегося там бывшего председателя эсеровского ашхабадского «правительства» Ф. А. Фунтикова. После этого дело о гибели 26 бакинских комиссаров рассматривалось более обстоятельно в Баку — с 17 по 27 апреля 1926 г. Верховным судом СССР под

[1] *Вадим Чайкин.* К истории российской революции, вып. 1, стр. 105.

председательством П. А. Камерона; 3) с 1 по 6 марта 1927 г. в Баку Верховный суд Азербайджанской ССР под председательством Худадатова рассмотрел дело машиниста Среднеазиатской железной дороги З. Е. Щеголютина, который вел специальный поезд с арестованными комиссарами к месту казни. Кроме того, в 1920 г. был задержан и привлечен к ответственности участник этого преступления — бывший начальник милиции Красноводска, а затем Ашхабада Ф. Алания.

Виновность представителей империалистической Англии и членов эсеровского ашхабадского «правительства» в убийстве 26 комиссаров была установлена вполне. Ф. А. Фунтиков прямо заявил: «Расстрел 26 бакинских комиссаров был произведен англичанами и организацией эсеров в полном между собой согласии при непосредственном участии в расстреле видных членов партии эсеров и англичан. При расстреле присутствовал также, насколько помню... Тиг-Джонс, являвшийся от лица английского военного командования главным и идейным вдохновителем расстрела» [1].

Ответственность за это гнусное преступление несет и бывший главный военный представитель Англии в Туркестане генерал Маллесон. Впоследствии в своих воспоминаниях он, в сущности, «полупризнал» участие английских представителей в злодейском убийстве бакинских комиссаров. «На наших берегах,— писал Маллесон,— неожиданно появилась (после прибытия бакинских комиссаров в Красноводск.— *Д. Г.*) группа крупнейших агитаторов России... Правда, комиссары были безоружны в том смысле, что огнестрельное оружие у них было отобрано, но они владели более грозным оружием, чем огнестрельное,— силой опытного агитатора, силой, которая повелевает толпой и вызывает новые большевистские восстания...

При наличии колеблющегося и политически неустойчивого населения было вполне возможно, что они скоро вновь сделают страну большевистской, и тогда что стало бы со всеми нашими планами... Кроме того, какова была бы участь наших войск, сражающихся на Мервском фронте, если бы они имели большевистского противника впереди и другого такого же противника сзади? Было ясно, что прибытию такой группы в Ашхабад нужно было помешать любой ценой» [2]. Эти «откровения» только

---

[1] «Последние дни комиссаров Бакинской коммуны», стр. 87.

[2] Приведено из английских источников С. П. Тимошковым в его книге «Борьба с английской интервенцией в Туркестане». М., 1941, стр. 55—56.

подтверждают, что английские интервенты были прямо заинтересованы в устранении опасной для них группы большевиков.

А. И. Микоян отмечает, что и теперь, через 55 лет после событий, некоторые англичане пытаются реабилитировать Маллесона и других английских участников убийства бакинских комиссаров. Служивший в военной миссии Маллесона английский офицер Эллис в 1967 г. опубликовал в Лондоне книгу «Закаспийский эпизод», в которой уверяет, что Маллесон, узнав утром 18 сентября 1918 г. об аресте в Красноводске бакинских комиссаров, дал указание: «Ни при каких обстоятельствах комиссарам не должно быть позволено совершить переезд по железной дороге до Ашхабада» — и предоставил эсеровскому «правительству» «решать, какие именно меры предложить для предотвращения этого». Конечно, реабилитировать Маллесона Эллису не удалось. Напротив, его объяснения лишь подтверждают виновность Маллесона в расправе над комиссарами [1].

Вот некоторые подробности злодеяния, установленные материалами судебных процессов.

Получив сообщение о прибытии в Красноводск бакинских комиссаров, организаторы убийства направили туда из Ашхабада вооруженный отряд во главе с председателем «правительства» Фунтиковым. Прибывшие предъявили в тюрьме письмо министра юстиции ашхабадского «правительства» графа А. Доррера, в котором администрации предлагалось выдать предъявителям письма заключенных бакинских комиссаров. Вместе с красноводскими «властями» прибывшие отобрали по имевшемуся у них списку заключенных. Как впоследствии выяснилось, отбор производился по списку, обнаруженному у Г. Корганова — бывшего арестантским «старостой камеры» в Бакинской тюрьме. В этом списке значились фамилии 25 заключенных, с которыми Корганов содержался в одной камере. Ашхабадские «власти» добавили еще Татевоса Амирова, который помогал большевикам эвакуироваться из Баку.

Арестованные были помещены в один из вагонов специального поезда, прибывшего из Ашхабада; в другом вагоне разместились палачи. В обратный путь поезд вели машинист З. Е. Щеголютин и его помощник А. Курашев. Вот что рассказал позже Щеголютин: «На рассвете мы приехали на ст. Перевал. При отправлении поезда с этой станции ко мне на паровоз взошел Гермаш, вооруженный револьвером, в сопровождении неизвестного мужчины среднего роста, на вид лет 20—25, одетого в гимнастерку и вооруженного винтовкой...

[1] См. *А. И. Микоян.* Дорогой борьбы, кн. 1, стр. 243—244.

Когда мы отъехали от станции, Гермаш обратился ко мне и сказал, что на этом перегоне по его указанию нужно остановиться. На мой вопрос — зачем, Гермаш сказал, что у них есть работа и им нужно свести счеты с бакинскими комиссарами, коих они везут...

Отъехав от Перевала верст 6—7 и подъехавши к воинскому разъезду, Гермаш мне предложил поезд остановить. Я требование это исполнил и паровоз остановил. После остановки Гермаш и неизвестный с паровоза сошли и пошли к вагонам.

Спустя несколько минут после остановки поезда из одного из вагонов вышли человек 10—12 мужчин, вооруженных винтовками. По национальности эти лица были русские и туркмены по наружному виду...

После выхода этих лиц из вагона начали выходить и комиссары, которых, выпустив из вагона человек 13, окружили и повели в левую сторону поезда. Выведенные комиссары, по-видимому, не знали, для какой их цели ведут, и многие из них несли с собой свой ручной багаж.

Завели комиссаров за песчаные бугорки, находящиеся от линии железной дороги шагов в 75—100, спустя несколько минут послышалась беспорядочная стрельба, продолжавшаяся 2—3 минуты, а затем эти лица возвратились обратно к вагону и вывели из вагона остальную, вторую группу комиссаров, которых повели туда же...

Вторая партия комиссаров также была расстреляна в том же месте...

Из лиц, участвовавших в расстреле, я знаю только пятерых, а именно: Пиотровича, Гермаша, Худоложкина, Седых и Анисимова. Все эти лица состояли у власти [1]. При выводе комиссаров из вагона каждый из названных имел винтовку. После этого расстрела трупы комиссаров были закопаны. Это я знаю потому, что видел, как туда бегали с лопатками» [2].

Расправа англичан и эсеров над 26 комиссарами юридически никак не может быть обоснована. Ни следствия, ни тем бо-

---

[1] Непосредственными убийцами комиссаров были: председатель закаспийского эсеровского «правительства» Ф. А. Фунтиков, его заместитель Курилев, английский капитан Тиг-Джонс, начальник контрразведки С. Л. Дружкин, члены «Закаспийского исполкома» эсеры И. И. Седых, Н. И. Анисимов, А. С. Гладырев, Егоров, эсеровские дружинники Н. А. Филатов, И. Гермаш, И. А. Пиотрович, текинец Атта-Мурат, Ф. С. Белоконь, комендант Ашхабада прапорщик М. И. Худоложкин, начальник милиции А. К. Седов, адъютант комендантского управления Н. И. Баклеев и др.

[2] «Последние дни комиссаров Бакинской коммуны», стр. 108—109.

лее суда (хотя бы военно-полевого) над расстрелянными не было. Нельзя принять всерьез и постановление бакинской «Чрезвычайной следственной комиссии» от 7 сентября 1918 г. по делу о большевистских руководителях, тем более что в этом постановлении говорилось лишь о 9 из 26 расстрелянных — о Шаумяне, Корганове, Коганове, Джапаридзе, Костандяне, Осепянце, Амирове, Полухине и Петрове. 17 человек были расстреляны без каких бы то ни было материалов. Расстрел бакинских комиссаров является бессудной и жестокой расправой над политическими противниками.

Пойманные и изобличенные советскими органами борьбы с контрреволюцией, виновники гибели бакинских комиссаров понесли строгое возмездие. Лишь агентам английской разведки С. Дружкину и В. Куну удалось избежать наказания: англичане переправили их за границу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Перегруппировка политических сил к концу 1918 г.

За год, прошедший с момента Октябрьской революции, международное и внутреннее положение молодой республики Советов существенно изменилось.

К осени 1918 г. империалисты поняли, что их надежда на скорую и легкую победу потерпела крах. Созданная Советским государством Красная Армия освободила от мятежников и иностранных оккупантов территорию с населением около 40 млн. человек. Сложился и окреп союз рабочего класса и крестьянства, развивалась социалистическая революция в деревне, утверждалось прочное интернациональное единство народов нашей Родины. Главным орудием защиты интересов революции, перестройки всей жизни страны явилось Советское государство. Поэтому Коммунистическая партия укрепляла Советы и их органы в центре и на местах, усиливала в них влияние коммунистов, стремилась как можно шире привлекать трудящихся к управлению страной. За год Советской власти был пройден путь от первых зачатков советской организации к упрочению ее в целом. В России не осталось «такого захолустья,— как подчеркнул на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов в ноябре 1918 г. В. И. Ленин,— где бы советская организация не упрочилась, не составляла бы цельной части Советской конституции, выработанной на основе долгого опыта борьбы всех трудящихся и угнетенных» [1]. Успехи Рабоче-Крестьянской Красной Армии и укрепление Советской власти в целом, безусловно, улучшили внутреннее положение Советской страны. Этому способствовала и международная обстановка.

В некоторых странах Западной Европы начался революционный подъем. В сентябре 1918 г. вспыхнуло солдатское восстание

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 138.

в Болгарии, в октябре началась революция в Австро-Венгрии, а 10 ноября — в Германии. Немецкий народ низложил кайзера Вильгельма. Весной 1919 г. произошли революции в Венгрии и Баварии.

13 ноября 1918 г. ВЦИК аннулировал навязанный Советской республике грабительский Брестский договор. Началось очищение от германских войск оккупированных ими советских территорий. Теперь против Советской республики стояла только коалиция держав Антанты и США.

Правительства стран Антанты вначале надеялись, по выражению В. И. Ленина, «разделаться с Советской Россией» при помощи небольшого количества собственных войск. В ряде мест на отторгнутой советской территории они заменили войска немецких оккупантов и их союзников своими, в других — обязали своих бывших противников продолжать оккупацию. Но все их расчеты оказались нереальными.

Еще летом 1918 г. против австро-германских оккупантов и гетманского режима восстали крестьяне Киевской, Полтавской, Черниговской, Херсонской, Екатеринославской и других губерний. На борьбу поднялись рабочие в городах и промышленных центрах Украины. Возглавили эту борьбу украинские коммунисты, объединившиеся в июле 1918 г. в Коммунистическую партию большевиков Украины — составную часть единой РКП(б). ЦК КП(б)У уже тогда начал практически решать вопрос о вооруженном восстании. Вокруг украинских большевистских организаций объединялись все революционные силы народа, создавались подпольные партийные ячейки, возникали повстанческие отряды, стихийные выступления крестьян входили в организованное русло. Борьба приняла всенародный характер. Наиболее ярко это проявлялось в партизанском движении.

И вновь на пути революционного движения народных масс встали украинские националисты, деятели провалившейся Украинской Центральной рады. Лишившись власти после гетманского переворота в мае 1918 г., по инициативе В. К. Винниченко и С. В. Петлюры они образовали в Киеве «Украинский национальный союз», в котором объединились украинские эсеры, украинские социал-демократы, социалисты-федералисты, трудовики, «хлеборобы-демократы» и другие националистические организации, и перешли в оппозицию к гетманщине. Когда стало ясно, что дни Скоропадского сочтены, президиум «Украинского национального союза» избрал 13 ноября 1918 г. правительство — Директорию — в составе Винниченко, Петлюры, Швеця и Андриевского.

Понимая, что основную силу антигетманского движения составляют большевики, и не желая допустить их победы, собравшиеся во время гетманщины в Киеве правые круги общероссийской контрреволюции также разработали политическую платформу и решили представить ее правительствам Антанты. В Яссы (Румынию) для совещаний с послами Франции, Англии, США и Италии в ноябре 1918 г. была послана делегация в составе монархиста В. И. Гурко, бывшего царского посла в Вене Н. Н. Шебеко, представителей торгово-промышленных кругов П. П. Рябушинского, В. Я. Демченко, Н. Ф. фон Дитмара, лидера кадетов П. Н. Милюкова, бывшего царского министра А. В. Кривошеина, бывшего московского городского головы В. В. Руднева и представителя «Союза возрождения России» правого эсера И. И. Бунакова-Фундаминского. Они передали послам такое свое обращение: «Юг России переживает тяжелое переходное время... Только немедленный приход союзных вооруженных сил может предупредить восстание антисоциальных (так эти контрреволюционеры называли широкое революционное движение трудовых масс Юга России.— *Д. Г.*) и узконационалистических элементов, которые повергнут страну в хаос анархии и сделают ее легкой добычей большевиков и лишат русские и союзные силы необходимой базы для развития операций против Советской власти» [1]. Контрреволюционеры просили незамедлительно прислать военные корабли в черноморские порты и хотя бы несколько отрядов войск в большие города и главнейшие стратегические железнодорожные пункты Юга России.

21 ноября старшина дипкорпуса в Яссах, французский посол Сент-Олер, основываясь на решениях совещания с правыми кругами общероссийской контрреволюции, радировал в Париж: «Мы считаем необходимым: 1) немедленно продвинуть отряд союзных войск в Одессу и приступить немедленно к оккупации Киева и Харькова; 2) издать специальную декларацию, в которой твердо указать на решение Согласия поддержать в России слои общества, стоящие за порядок» [2].

В конце ноября в Одессу стали прибывать корабли французской эскадры, в Николаевский порт вошел английский крейсер. В Севастополь 11 декабря прибыл английский броненосец с небольшим отрядом войск, в Одессу 16 декабря — итальянский броненосец и два английских миноносца, 17 декабря — первый эшелон французских сухопутных войск в 5 тыс. человек.

[1] «Летопись революции» (Харьков), 1925, № 1, стр. 125—126, 130.
[2] Там же, стр. 131.

Вскоре агрессоры заняли Херсон и Николаев. Почти одновременно «союзники» послали войска и в другие важные пункты Юга и Юго-Запада России. Место германо-турецких войск на Кавказе заняли англичане: 17 ноября они вошли в Баку, 23 декабря — в Батуми, а 25 декабря вступили в Тифлис.

Советское правительство пришло на помощь рабочим и крестьянам национальных регионов, выступившим против националистов и интервентов.

17 ноября 1918 г. был образован Украинский фронт. Возглавил его В. А. Антонов-Овсеенко. 28 ноября была воссоздана Украинская Советская Республика и создано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, которое объявило гетмана Скоропадского низложенным и призвало рабочих и крестьян усилить борьбу за полное изгнание оккупантов, гетманцев и буржуазно-националистических отрядов Директории, за восстановление Советской власти на всей Украине. Гетманщина затрещала по всем швам.

Шаг за шагом, изгоняя немцев, интервентов стран Антанты с украинской земли, громя гетманцев и войска Директории, украинские советские отряды вместе с частями Красной Армии Советской России освобождали Украину, и к весне 1919 г. почти повсюду здесь была восстановлена Советская власть.

Революция одерживала победы над интервентами и в Прибалтике.

В Эстонии 12 ноября 1918 г. рабочие Ревеля (Таллин) образовали революционный Совет и выступили против буржуазного правительства Пятса, державшегося на германских штыках. Эстонские рабочие обратились за помощью к Советской России. Совместными усилиями Эстония была освобождена. 29 ноября 1918 г. была провозглашена Эстонская Советская Республика (Эстляндская трудовая коммуна) и создано рабоче-крестьянское правительство во главе с Я. Я. Анвельтом.

В Латвии рабочие восстали против правительства Ульманиса. 17 ноября 1918 г. Временное Советское правительство Латвии возглавил видный революционер П. И. Стучка. 3 января в Ригу вступили латышские части Красной Армии.

В первой половине декабря 1918 г. было создано Временное рабоче-крестьянское правительство Литвы во главе с В. С. Мицкявичюсом-Капсукасом, призвавшее народ к восстанию против контрреволюционной Тарибы (Литовский буржуазный национальный совет). Наиболее сильное сопротивление переходу власти в руки рабочего класса оказали националистические литовские и польские контрреволюционные части (их поддерживали

и немцы) в городе Вильно. Польские легионеры объявили Вильно (Вильнюс) польским городом. Однако 6 января 1919 г. Красная Армия Советской России и литовские советские воинские части освободили этот город.

Продолжая политику открытой интервенции, Антанта в начале декабря направила британский флот к берегам Латвии и Эстонии; 9 декабря английские корабли вошли в Либавский порт, 12 декабря — в Ревель, 18 декабря — в Ригу. Но остановить развитие революционного движения империалистам не удалось. 31 декабря 1918 г. коммунисты Белоруссии создали Временное рабоче-крестьянское правительство. Попытка контрреволюционной Белорусской рады удержать власть при помощи империалистов Антанты оказалась безуспешной. 1 января 1919 г. была провозглашена Белорусская Советская Социалистическая Республика. Председателем правительства стал большевик А. Ф. Мясников.

23 декабря 1918 г. ВЦИК, заслушав доклад наркома по делам национальностей И. В. Сталина об освобождении народов Эстонии, Латвии, Литвы, Украины и об установлении на их территории Советской власти, принял постановление о признании независимости новых республик (в начале января аналогичное постановление было принято и в отношении Белорусской республики). В постановлении ВЦИК говорилось о полной готовности РСФСР оказать необходимую помощь и поддержку трудящимся этих республик в борьбе против внутренней контрреволюции и защите их независимости от попыток иностранного завоевания. Так складывался и креп военно-политический союз советских республик.

Надежды империалистов Антанты на успех открытой интервенции были поколеблены. Посланные в Советскую страну оккупационные войска встречали сопротивление могучей Красной Армии и широких народных масс. В войсках Антанты зрело недовольство: солдаты быстро революционизировались под влиянием идей Октября. Ширилось и движение рабочего класса против интервенции в самих капиталистических странах.

18 января 1919 г. генеральный штаб вооруженных сил Антанты направил правительствам стран Антанты записку такого содержания: «Благодаря поражению центральных держав и недостаточным действиям союзников в России большевизм неуклонно увеличивает свое могущество.

На Севере и на Востоке его, по-видимому, задержали.

Но внутри страны он укрепился.

На Западе и Юго-Западе уход германских войск открывает

ему свободное поле действий в прибалтийских провинциях, Польше и на Украине. Красная Армия стоит у ворот Ревеля, занимает Ригу и Вильно, она вступила в Харьков, откуда уже угрожает флангу армий Краснова и Деникина...

Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы... она сама должна вызвать перерождение России путем свержения большевизма и воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами.

Интервенция, преследующая эту цель, является для нее жизненной необходимостью...»

Исходя из такой оценки положения, генеральный штаб Антанты разработал план, предусматривавший не только вооруженные действия своих войск, но и «мощную материальную и моральную поддержку» русским антисоветским военным формированиям. Штаб считал, что главные военно-политические формирования Колчака в Сибири, Деникина и Краснова в Южной России должны объединиться под единым командованием. «Долг Антанты,— писали генштабисты,— защищать их, помочь их соединению, позволить им предпринять и успешно продолжать борьбу...»

По мнению штаба, к тому времени, когда штабисты писали свой план, окружение большевизма было уже начато.

«На Севере — благодаря оккупации портов Ледовитого океана.

На Востоке — благодаря созданию барьера в виде русско-чешского фронта.

На Юге — действиями армий Деникина и Краснова и оккупацией портов Черного моря...

На Юго-Востоке — путем движения из района Каспийского моря с целью соединения армий Деникина — Краснова с уральскими армиями...

На Западе — путем восстановления прочной в военном отношении Польши, способной играть роль буферного государства между Россией и Германией; в случае необходимости, путем оккупации Петрограда... или по крайней мере путем блокады балтийского побережья».

Кроме того, по плану генерального штаба намечалась оккупация Украины как наиболее богатой области России.

Для осуществления своего плана «окружения и уничтожения большевизма» генеральный штаб предлагал поделить «зоны действия» между государствами Антанты и настойчиво призывал правительства «срочно прийти к соглашению в целях: установления принципов интервенции в России, уточнения

распределенных обязанностей, обеспечения единого руководства»[1].

Пока в дипломатических и военных сферах Антанты шло обсуждение планов интервенции, серьезные социально-политические изменения произошли и во внутреннем антисоветском лагере. В то время как на центральной территории республики советская государственная система укреплялась, по ту сторону фронта, в местностях, где эсеры и меньшевики образовали антисоветские, так называемые «демократические правительства», углублялся процесс разложения.

Режимы «учредиловской демократии» в Поволжье, Сибири, на Севере, в Закаспийской области Туркестана означали возврат к буржуазно-помещичьему строю. Наиболее полно «учредиловская демократия» была представлена в созданном правыми эсерами самарском правительстве Комуча (Комитет членов Учредительного собрания). Но и там при самом его возникновении явно обозначилась тенденция превращения созданного антисоветского режима в прежний, дореволюционный, буржуазно-помещичий. В самарском перевороте помимо «социалистических» партий участвовали белогвардейские офицерские отряды под командованием полковника Н. А. Галкина. Их деятельность в дни захвата власти ознаменовалась кровавым террором, самосудами, расстрелами коммунистов, советских активистов, представителей революционно настроенных масс. Эсеры тем не менее предоставили Галкину пост «командующего войсками» так называемой «народной армии» — оплота созданного ими правительства. На территорию, подвластную Комучу, стали стекаться со всех сторон бежавшие от революции реакционеры, которые заняли важные посты в административном и военном аппарате и практически восстанавливали на местах старорежимные дореволюционные порядки. Несмотря на обещания Комуча защищать демократические права населения, установить либеральные формы правления, на его территории тюрьмы оказались переполненными. Была создана военная контрразведка. Действовали военно-полевые суды, состоявшие из белых офицеров. По их приговорам расстреливали рабочих, подозреваемых в большевизме. Террористический режим возмущал трудящихся. Советы рабочих депутатов, лишенные эсерами и меньшевиками власти и превращенные лишь в «органы выражения общественного мнения», проявляли недовольство. Рабочие

---

[1] «Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов и материалов, т. 1 (май 1918 — март 1919). М., 1960, стр. 82, 83, 84, 87.

требовали сохранения советских законов о труде, рабочего страхования, прекращения политических репрессий и арестов. Стало прозревать и крестьянство, испытывавшее на себе все прелести «демократического рая». Если крестьяне вначале прислушивались к эсеровской агитации, то вскоре в своей массе, и прежде всего бедняки и середняки, стали отворачиваться от эсеров и их «правительства». Военное командование посылало в деревни карательные отряды против крестьян, уклонявшихся от мобилизации в армию. В сущности, власть принадлежала эсеровскому Комучу только формально, фактически же она находилась в руках белогвардейцев, которые требовали от эсеров прекращения игры в демократию, возвращения помещикам и капиталистам их владений, отнятых революцией, решительного перехода к прежним капиталистическим порядкам. Такие же требования к «демократам» предъявляли и международные империалисты: «Учредиловская демократия» теперь не устраивала их. Все чаще и чаще в антисоветском лагере раздавались голоса за установление военной диктатуры.

В Сибири процесс реставрации буржуазно-помещичьего строя шел еще более интенсивно, чем в Поволжье. Реакционные, монархистские и кулацкие элементы имели здесь большое влияние. Используя эсеровские лозунги, они сразу же после свержения Советской власти приступили к осуществлению своих действительных реставраторских целей. Соглашательская политика «демократов» только поощряла их к этому.

Эсеровские боевые дружины, поднявшие вооруженное восстание в Сибири, состояли преимущественно из офицеров, прикрывавшихся эсеровской ширмой. В Томске эсеровскими дружинами командовал полковник А. Н. Пепеляев, вскоре произведенный в генералы; в Омске — подполковник П. П. Иванов-Ринов, в прошлом жандармский офицер, вскоре избранный атаманом сибирского казачьего войска и тоже произведенный в генералы; в Челябинске — подполковник Войцеховский, позже перешедший на службу к чехословакам; в Новониколаевске — полковник А. Н. Гришин-Алмазов; в Семипалатинске — казачий есаул Сидоров и т. д. Все это позволило кадетствующему деятелю П. В. Вологодскому быстро повести дело к ликвидации «эсеровского засилья» и переходу к военной диктатуре. Вологодский открыто блокировался с реакционным офицерством, с метившим в диктаторы Гришиным-Алмазовым, назначенным военным министром, и сменившим его потом Ивановым-Риновым и крупной буржуазией. Его «правительство» отменило все советские декреты (чего не посмел сделать Комуч), денациона-

лизировало промышленные предприятия, ликвидировало Советы рабочих и крестьянских депутатов, восстановило дореволюционный суд и администрацию, объявило о возвращении крупным землевладельцам имений, упразднило земельные комитеты. Белогвардейский террор в Сибири был еще более разнузданным, чем в Поволжье и на Урале. Дошло до того, что реакционная военщина подвергала здесь репрессиям даже эсеров — членов «правительства» Вологодского.

В сентябре 1918 г. эсеровские министры Крутовский, Шатилов, Новоселов и председатель областной думы Якушев, прибывшие в Омск, были по распоряжению «военного министра» Иванова-Ринова арестованы. Солдаты доставили их в штаб начальника Омского гарнизона полковника Волкова, где принудили Крутовского и Шатилова подписать прошение об «отставке». Впоследствии при расследовании этого дела специальной комиссией Крутовский показывал, что его вызвали в отдельную комнату и положили перед ним уже заготовленное прошение об отставке, в котором указывалось, будто он просит освободить его от обязанностей члена правительства «по старости и болезни». Когда он отказался подписать такой документ, офицеры вывели его в коридор и приставили к нему часовых.

«— После меня,— продолжает свои показания Крутовский,— вызывают Шатилова. Поднимается шум на очень короткое время, затем все стихает. Когда все стихло, меня опять приводят в эту же комнату и говорят:

— Шатилов подписал прошение, теперь вы подпишите.

— Я уже сказал, что не могу этого сделать.

— Но это будет стоить вам очень дорого...

— Значит, вы меня хотите...

Тогда Нарбут (один из офицеров.— *Д. Г.*) подходит ко мне вплоть и говорит:

— Три минуты размышления — или вы подпишете, или мы вас увезем на автомобиле и вы будете расстреляны.

Крутовский подписал.

— Я,— продолжает Крутовский,— иду к Шатилову и говорю:

— Как, вы подписали прошение?

— Как же,— говорит,— мне не подписать, когда мне дали три минуты на размышление — или подписать, или я буду расстрелян» [1].

---

[1] Цитируется по выдержкам из показаний Крутовского, приведенным в примечаниях В. Д. Вегмана к воспоминаниям В. Г. Болдырева «Директория. Колчак. Интервенты». Новониколаевск, 1925, стр. 517—518.

На следующий день белогвардейские офицеры, состоявшие, как и их начальник Волков, в монархистской организации, объявили Крутовскому и Шатилову о том, что, «согласно их прошению», они отстранены от должностей, и приказали им в 24 часа покинуть Омск. Новоселова же офицеры оставили под арестом, заявив, что дело о нем будет передано прокурору, поскольку он подозревается в связях с большевиками. 23 сентября 1918 г. члены монархистской организации поручик Семенченко и хорунжий Мефодьев по дороге в тюрьму расстреляли А. Новоселова в Загородной роще.

Аналогичные события происходили и на Севере. Сформированное в Архангельске в августе 1918 г. антисоветское «Верховное управление Северной области» возвестило, что оно ставит своей задачей восстановление деятельности Учредительного собрания, земств и городских дум.

Народные социалисты, возглавлявшие «Верховное управление», включили в его состав представителей цензовых элементов — кадетов Старцева и Зубова, а «командующим всеми русскими вооруженными силами Северной области» назначили английского агента, белогвардейца, капитана 2-го ранга Г. Е. Чаплина, участвовавшего с офицерским отрядом в перевороте.

Они денационализировали и возвратили прежним владельцам все предприятия в области. Член «Верховного управления» правый эсер М. А. Лихач призывал рабочих к «самоограничению» в пользу буржуазии. Как и в Самаре, белогвардейская контрразведка на Севере грубо попирала права и свободу рабочих и крестьян.

Разгул контрреволюции дополнялся тяжелым гнетом оккупантов, высадившихся в городе. Английское военное командование постоянно вмешивалось в деятельность «Верховного управления» и поддерживало самые реакционные местные силы. Главную роль среди русских правых элементов, группировавшихся вокруг английского командующего Фредерика Пуля, играл известный авантюрист и карьерист, бывший комиссар при Ставке в корниловские дни М. М. Филоненко, образовавший в Архангельске так называемый «Национальный союз». В эту группу входили председатель царского окружного суда С. Н. Городецкий, Н. А. Старцев, полковник князь Мурузи, полковник Вульфович, английский агент Г. Е. Чаплин, корнет Половцев, местные биржевики и капиталисты.

В ночь на 6 сентября 1918 г. «командующий всеми русскими вооруженными силами в Северной области» капитан

Г. Е. Чаплин со своими штабными офицерами, при участии кадета Н. А. Старцева и с благословения англичан, арестовал всех членов «Верховного управления» во главе с Н. В. Чайковским и вывез их на Соловецкие острова, в монастырь. Молодчики Чаплина арестовали также некоторых меньшевиков и эсеров — деятелей профессиональных союзов. В выпущенном воззвании к населению Чаплин и Старцев заявили, что «Верховное управление» не может справиться с поставленными задачами, что «только мощная армия и организованная военная сила могут обеспечить надежду на светлое будущее России», и объявили в Северной области военную диктатуру армии и ее «командующего» Чаплина.

Диктатор Чаплин нагло заявил: «Я создал это правительство (то есть «Верховное управление».— *Д. Г.)*. Теперь оно не нужно... Я здесь не вижу пользы в каком бы ни было правительстве...»

Трудящиеся Архангельска, оказавшиеся перед фактом перехода власти к монархистам, объявили всеобщую забастовку. Движение приняло такой широкий размах, что «союзники» вынуждены были 10 сентября 1918 г. возвратить из Соловецкого монастыря арестованных членов «Верховного управления». Но ненадолго. Вскоре они принудили «социалистов» из «Верховного управления» уступить место более правым элементам. «Социалист» Чайковский согласился возглавить угодное «союзникам» «правительство». Наконец Чайковский вовсе уехал в Париж. «Русская власть» сосредоточилась в руках «генерал-губернатора» Е. К. Миллера...

Процесс превращения «демократических правительств» в режимы военной диктатуры шел повсюду. Лидеры «социалистов», вступившие в блок с реакционерами для свержения Советской власти, были не в состоянии, да и не желали решительно бороться с усилением реставраторских тенденций. Вместо этого они вынашивали идею создания из многочисленных областных и национальных «правительств», существовавших на занятых контрреволюцией территориях и в подполье, единого «всероссийского правительства», которое, как им казалось, должно было предотвратить процесс разложения «учредиловской демократии».

Самарский Комуч считал себя единственно законным правительством на «освобожденной от большевиков» русской земле. Свои претензии он обосновывал тем, что в его составе находилось около ста членов избранного в свое время Учредительного собрания. Но «обоснования» эти были весьма шатки, так

как всего членов Учредительного собрания в стране было избрано 715, и, конечно, сотня членов Комуча не могла заменить самого собрания. «Демократы» из Комуча аннулировали мандаты членов Учредительного собрания большевиков и левых эсеров (их было избрано 215 человек), но и такая «операция» не укрепила их позиции. Даже империалистические правительства стран Антанты не признавали законность Комуча как всероссийского правительства. Местные антисоветские «правительства», в которых над эсерами преобладали более правые элементы, не желали и слышать об этом.

И все же идея создания единого всероссийского правительства поддерживалась всеми участниками антисоветского лагеря. Вместе с тем каждое течение по-своему представляло себе как программу будущего правительства, так и его состав. Заинтересованность в создании такого правительства проявляли и страны Антанты. Поэтому вскоре начались переговоры и совещания, которые привели в конце концов к образованию «всероссийского правительства» на так называемом Уфимском государственном совещании.

Совещание открылось 8 сентября 1918 г. В нем участвовало 170 человек. Одно лишь перечисление собравшихся показывает пестроту антисоветских движений, существовавших тогда в стране. На совещании были делегации и представители: Самарского комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (официальный представитель М. Веденяпин); Сибирского временного правительства (генерал П. Иванов-Ринов, Старынкевич и др.); областного правительства Урала (А. Кощеев, И. Войтов); казачьих войск (оренбургского, уральского, сибирского, иркутского, семиреченского, енисейского, астраханского); башкирского правительства (Искандер-бек Мухаменарович Султанов); киргизского правительства «Алаш-орды» (председатель Алихан Букейхан); правительства автономного Туркестана (председатель М. Чокаев); национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири (С. Джантюрин, М. Г. Исхаков, Султан-бек-Шаги Бекович Мамлеев); Временного эстонского правительства (Б. Линде и др.); представителя Съезда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья (И. Ахтямов, А. Гачичеладзе, С. Третьяков, Н. Миткевич); партии эсеров (М. Гендельман, Ф. Федорович); меньшевиков (Б. Кибрик, С. М. Лепский); народных социалистов (Ф. Чембулов, И. Суханов); кадетов (А. И. Коробов, С. П. Мельгунов); социал-демократической группы «Единство» (В. Фомин); «Союза возрождения России» (С. Знаменский). Эти разнородные организации

в основном делились на две части: одна, правая, считала нужным ликвидировать «учредиловскую демократию» и установить единоличную военную диктатуру в стране; другая пыталась сохранить остатки «учредиловской демократии».

После длительных обсуждений и компромиссов собравшиеся приняли 23 сентября 1918 г. «Акт об образовании Всероссийской верховной власти», в котором фиксировались состав «Временного всероссийского правительства» и программа его действий.

«Всю полноту Верховной власти на всем протяжении государства Российского», впредь до созыва Всероссийского Учредительного собрания (оно могло состояться при сборе 250 членов), совещание передало «несменяемой и неответственной» Директории из пяти лиц (избранных по персональному, а не по партийному признаку) в составе: Н. Д. Авксентьева, Н. И. Астрова, генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева, П. В. Вологодского и Н. В. Чайковского, с заменой на случай выбытия Авксентьева — А. А. Аргуновым, Астрова — В. А. Виноградовым, Болдырева — известным реакционным генералом М. В. Алексеевым, Вологодского — В. В. Сапожниковым и Чайковского — В. М. Зензиновым. Так как Астрова, Чайковского и Вологодского на месте не было, фактически Директория приступила к работе в следующем составе: Авксентьев (правый эсер, выступавший на совещании в качестве представителя контрреволюционного «Союза возрождения России»), Виноградов (беспартийный, бывший член Государственной думы, входивший в состав Сибирского правительства), генерал Болдырев (член руководства «Союза возрождения России», тот самый, которого Петроградский революционный трибунал в первые дни Октября приговорил за саботаж к трем годам лишения свободы и которого вскоре освободили по амнистии), Сапожников (кадетствующий профессор, член Сибирского правительства, вскоре смененный Вологодским) и Зензинов (крайне правый из правых эсеров). Таким образом, в составе Уфимской директории преобладали реакционные деятели Временного сибирского правительства.

В «Акте об образовании Временного всероссийского правительства» говорилось, что правительство должно «содействовать» тому, чтобы члены Учредительного собрания съехались как можно быстрее. Но пока на деле члены Учредительного собрания и их Комуч лишались какой бы то ни было власти. Все существовавшие «правительства» страны, следовательно, и Комитет членов Учредительного собрания, должны были, со-

гласно «Акту», передать свои функции избранному «несменяемому и неответственному» «Всероссийскому правительству». Осуществление права национальных областей на автономию теперь, как объявлялось, зависело «от мудрости» Директории.

В принятой совещанием программе работ нового правительства говорилось: «В своей деятельности по восстановлению государственного единства и независимости России Временное российское правительство должно ставить в первую очередь следующие неотложные задачи:

1. Борьба за освобождение России от Советской власти.

2. Воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России.

3. Непризнание Брестского и всех прочих договоров международного характера, заключенных как от имени России, так и отдельных ее частей после Февральской революции какой бы то ни было властью, кроме российского Временного правительства, и восстановление фактической силы договорных отношений с державами Согласия.

4. Продолжение войны против германской коалиции».

Программа внутренней политики, в сущности, повторяла программу кадетов. Здесь было и «привлечение к производству частного капитала — русского и иностранного», и «поощрение частной инициативы и предприимчивости», и «принятие мер к действительной охране общественной безопасности и государственного порядка» и т. д.[1]

Итак, и по своему составу, и по программе деятельности Уфимская директория становилась буржуазно-кадетским правительством. Эсеры при его образовании сдали свои позиции реакции, которая, усиливаясь таким путем, получила возможность ликвидировать последние остатки «учредиловской демократии».

События развивались стремительно.

Самарский Комуч, согласно постановлению «Уфимского совещания», быстро ликвидировался. Временное же Сибирское правительство Вологодского от самоликвидации воздержалось. После Уфимского совещания Директория создала так называемое «деловое министерство» под председательством Вологодского. В его состав вошли самые реакционные члены Сибирского правительства (И. Михайлов, Старынкевич и др.); кроме того, Директория пригласила в это министерство в качестве

[1] См. «Акт об образовании Всероссийской верховной власти, принятый на Государственном совещании»; опубликован в виде приложения к воспоминаниям В. Г. Болдырева «Директория. Колчак. Интервенты», стр. 494—497.

военного министра вице-адмирала А. В. Колчака, уже давно дожидавшегося момента для захвата власти. Имея в своих руках «деловой» аппарат, реакционеры торжествовали. Военщина, вдохновляемая Колчаком, подняла голову. Возникла монархистская организация, целью которой была «борьба с членами Учредительного собрания». Эсеровские члены Директории (Авксентьев и Зензинов) потеряли всякое влияние.

В воскресенье 17 ноября 1918 г. в Омске на квартиру эсера Е. Ф. Роговского, занимавшего пост товарища министра внутренних дел Директории, явился отряд казаков во главе с временным командующим сибирской казачьей дивизией полковником Волковым и, арестовав находившихся там членов Директории Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова и Е. Ф. Роговского, под конвоем доставил их в штаб атамана Красильникова, где уже находился также арестованный эсер А. А. Аргунов. Через несколько дней их выдворили из России. Так начался колчаковский переворот в Омске.

Реакционная военщина при полном одобрении англичан, пославших во время переворота свой отряд для «марша» в городе, ликвидировала Директорию и передала власть на территории Сибири, Урала и Поволжья вице-адмиралу Колчаку, объявившему себя «верховным правителем России». Председателем колчаковского правительства стал П. В. Вологодский, способствовавший перевороту; в состав правительства вошли также и другие реакционные члены прежнего Временного сибирского правительства.

К тому времени на Юге России, после гибели Корнилова под Екатеринодаром в апреле 1918 г., во главе белой Добровольческой армии стал генерал А. И. Деникин. В феврале 1919 г. ему подчинилось и «всевеликое войско Донское», которым ранее командовал генерал Краснов, потерпевший поражение от Красной Армии. Краснов подал в отставку и вскоре уехал за границу [1]. Деникин объявил себя «главнокомандующим вооружен-

[1] За границей П. В. Краснов многие годы сколачивал из белоэмигрантов казачьи воинские части для военного похода и кадры для подрывной деятельности против СССР. С приходом к власти Гитлера этот старый германский агент перешел на службу к фашистам. Во время Великой Отечественной войны Краснов был назначен начальником специально созданного при гитлеровском министерстве восточных областей (Розенберга) «Главного управления казачьих войск», формировал контрреволюционные казачьи части для войны против СССР. В январе 1947 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Краснова за все его злодеяния к смертной казни. О суде над Красновым см. очерк Е. Самойлова «От белой гвардии — к фашизму» в сборнике «Неотвратимое воз-

ными силами Юга России» и заявил о своем подчинении Колчаку.

Так повсюду на территории, захваченной контрреволюционными силами, власть перешла в руки монархистских генералов — военных диктаторов. Эсеры и меньшевики с их идеями «учредиловской демократии» окончательно обанкротились. Всем стало ясно, что они только расчищали путь военной диктатуре монархистов, что «правительства», созданные по их рецептам, были лишь ступеньками на пути к полной реставрации буржуазно-помещичьего строя.

Провал политики соглашательства и блокирования с контрреволюционной буржуазией и иностранными интервентами вызвал смятение в рядах мелкобуржуазных правосоциалистических партий. Лидеры партии правых эсеров и Уфимской директории должны были как-то объяснить причины провала.

Члены Уфимской директории Н. Д. Авксентьев и В. М. Зензинов, выдворенные колчаковцами за границу, остались на прежних своих позициях, жизнь ничему их не научила. Обивая пороги иностранных министерств, они продолжали призывать их к вмешательству в русские дела. В 1919 г. Авксентьев от имени своей группы в письме из-за границы товарищам по партии пытался объяснить причины провала эсеровской политики. Директория пала потому, писал он, что лидер правоэсеровской партии центрист В. М. Чернов (которого Авксентьев прозвал «косоглазым другом»), «не считаясь с соотношением сил», требовал невыполнимого, «резко выступал» против реакционеров в Директории, раздражал их, вместо того чтобы продолжать с ними совместную работу. Именно это «помогло реакционерам», вызвало соответствующий нажим с их стороны и привело к разгрому ими Директории [1].

Другой автор пресловутой эсеровской политики, член ЦК партии М. Гендельман, в 1922 г. на судебном процессе по делу правых эсеров, пытаясь оправдать линию своей партии, сваливал вину за крах Директории на Н. Д. Авксентьева. Признавая, что в составе Директории были реакционные элементы, он показывал: «У меня с Авксентьевым... был такой разговор: я его спросил: даете ли вы слово, что найдете у себя решимость для

мездие». По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1973, стр. 122—146.

[1] «Письмо Авксентьева к с.-р. Юга России», опубликованное в «Пролетарской революции», 1921, № 1, стр. 116—118.

того, чтобы немедленно, как только будете в Директории, предписать арест Иванова-Ринова и других (реакционеров.— *Д. Г.*), арестовать и предать суду. Он сказал, что это будет сделано. Он слова не сдержал. Я это заявляю здесь открыто... И если бы тогда в Директории была не такая слякоть, как Авксентьев, непригодный для государственной деятельности, тогда задача, для которой была создана Директория, могла бы осуществиться... Если бы тогда нашлось мужество действовать как твердая власть... разгромить Сибирскую реакцию, тогда, быть может, наша власть уцелела бы» [1].

Объяснения эсеровских лидеров (Авксентьева, Гендельмана) о причинах провала эсеровской политики, приведшей к колчаковщине, не выдерживают критики. Конечно, и Чернов, и Авксентьев, по всей вероятности, заслуживали презрения. Но справедливости ради следует сказать, что такого же отношения заслуживало и все руководство эсеровской партии. Одной из главных причин провала политики правосоциалистических мелкобуржуазных партий являлась их ставка в борьбе с Советской властью на соглашение, блокирование с контрреволюционной буржуазией и иностранными интервентами. Такая их политика, их антисоветизм неизбежно вели к усилению буржуазной контрреволюции. Превращение эсеровских режимов «учредиловской демократии» в военную диктатуру и в оккупационные режимы международного империализма было явлением закономерным, а не случайным, всеобщим, а не местным.

В связи с провалом политики правосоциалистических партий и установлением на занятых контрреволюцией территориях военной диктатуры в политических настроениях крестьянства и других мелкобуржуазных слоев населения начался перелом. Подавляющее их большинство, и прежде всего колебавшиеся ранее крестьяне-середняки, повернуло на сторону Советской власти.

Среднее крестьянство поняло, что только рабочий класс во главе с партией большевиков может спасти трудящихся от возврата помещиков и капиталистов. Теперь уже мелкобуржуазные «социалистические» партии, если они не желали окончательно рвать с массами, должны были пересмотреть свою тактику.

В ноябре 1918 г. ЦК меньшевиков опубликовал «Воззвание к социалистам всех стран». В этом воззвании меньшевики вынуждены были признать, что, «руководствуясь исключитель-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 365, л. 114—116; Стенограмма 21-го дня судебного процесса по делу правых эсеров. Показания М. Гендельмана.

но целью беспрепятственной эксплуатации природных богатств России и ее политического подчинения, союзный империализм пользуется анархией и гражданской войной, которые царят в России, чтобы выступить в роли умиротворителя страны и организатора ее экономического и гражданского возрождения... Чтобы покончить с большевистским правительством, союзники сплачивают вокруг своих десантов те русские вооруженные силы, которые в ходе гражданской войны образовались в течение последнего года. Социальный характер и политические тенденции этих сил в преобладающем большинстве случаев являются контрреволюционными и реакционными... Действительной программой руководящих групп антибольшевистской коалиции является отобрание у крестьян взятой ими у помещиков земли и т. п. Весь опыт господства этих групп на Украине, на Дону и в Белоруссии не оставляет в этом сомнения, равно как и деятельность их в Сибири и на Волге, где у власти стояли более демократические группы и где эти контрреволюционеры не останавливались перед попытками государственного переворота, чтобы еще до полной своей победы во всей России обеспечить диктатуру помещичьих и милитаристских элементов» [1].

Признав, таким образом, контрреволюционность антисоветских движений и агрессивный характер вмешательства международных империалистов в дела России, меньшевики заявили, что они отказываются от поддержки этих контрреволюционных сил.

Колчаковский переворот в Сибири заставил и правых эсеров пересмотреть свою политику соглашательства с белогвардейцами и изменить тактику, с тем чтобы сохранить свое влияние среди мелкобуржуазных слоев населения. Избранный в ноябре на съезде членов Учредительного собрания комитет призвал сибирские, казацкие и словацкие воинские части выступить против Колчака. Делегация комитета в составе бывшего председателя Комуча В. К. Вольского, секретаря съезда Н. В. Святицкого, товарища секретаря Н. А. Шмелева и некоторых деятелей эсеровской партии (Н. И. Ракитникова, К. С. Буревого, Б. Н. Черненкова) начала переговоры с Советским правительством о «примирении».

Большевистская партия и Советское правительство внимательно наблюдали за изменением настроений мелкобуржуазных кругов. Они считали необходимым использовать в интересах революции это изменение политической ориентации мелкой

---

[1] «Известия ВЦИК», 26 ноября 1918 г.

буржуазии и ее партий (хотя, зная двойственность и противоречивость природы мелкой буржуазии, понимали, что такое изменение политической ориентации могло оказаться недолговременным). Учитывая изменения в соотношении классовых сил в стране, В. И. Ленин выступил за изменение политики по отношению к мелкой буржуазии. В докладе на собрании партийных работников Москвы 27 ноября он говорил: «Очень ошибся бы тот, кто задумал бы механически перенести теперь лозунги нашей революционной борьбы того периода, когда между нами не могло быть никакого примирения, когда мелкая буржуазия была против нас, когда наша непоколебимость требовала от нас применения террора. Теперь это была бы не непоколебимость, а просто глупость, недостаточное понимание тактики марксизма...

...Теперь, когда эти люди начинают поворачиваться к нам, мы не должны отворачиваться от них только потому, что наш лозунг в листовках и газетах раньше был другим. Когда мы видим, что они делают полуоборот к нам, мы должны написать наши листовки заново, потому что изменились отношения этой мелкобуржуазной демократии к нам. Мы должны сказать: милости просим, мы вас не боимся. Если вы думаете, что мы умеем действовать только насилием, то вы ошибаетесь. Мы могли бы достигнуть соглашения.

...Мы вас, господа меньшевики, после вашего выступления о «союзниках» охотно легализируем. Это будет сделано Центральным Комитетом нашей партии. Но мы не забудем того, что в вашей партии остались меньшевики-«активисты», и по отношению к ним наши методы борьбы остаются старыми... Мы оставляем за собой государственную власть, *только за собой*» [1].

30 ноября 1918 г. ВЦИК обсудил вопрос об отношении к тем политическим группам, которые его постановлением от 14 июня были исключены из Советов за совместные с контрреволюционной буржуазией выступления против Советской власти. В принятом на заседании ВЦИК постановлении говорилось:

«Ознакомившись с содержанием резолюций и воззванием Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков), Центральный Исполнительный Комитет констатирует, что эта партия, по крайней мере в лице ее руководящего центра, ныне отказалась от союза (коалиции) с буржуазными партиями и группами, как российскими, так и иностранными.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 218, 220.

Тем самым партия меньшевиков открыла для себя возможность принимать — наряду с другими партиями — участие в работе Советов, в работе по организации и обороне страны.

Центральный Исполнительный Комитет, исходя из этого, постановляет считать недействительною резолюцию Центрального Исполнительного Комитета от 14 июня 1918 г. в той ее части, которая касается партии меньшевиков.

Ввиду того что Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии на деле не может взять на себя ответственность за поведение всех групп и членов своей партии, Центральный Исполнительный Комитет считает нужным отметить, что настоящее решение не относится к тем группам меньшевиков, которые продолжают находиться в союзе с русской и иностранной буржуазией против Советской власти» [1].

6—9 февраля 1919 г. в Москве состоялась партийная конференция правых эсеров, живших на территории Советской республики. Участники конференции признали, что происки международного империализма ведут к реставрации монархии в России, и, так же как и руководящие деятели партии меньшевиков, из тактических соображений провозгласили отказ от поддержки интервенции и вооруженной борьбы с Советской властью. В принятой конференцией резолюции говорилось: «Как в борьбе за единство России, так и в воссоединении всероссийской власти конференция отвергает самым решительным образом всякое блокирование и коалирование с буржуазными партиями, вполне выявившими уже свою реакционную сущность, мечтающими об единоличной диктатуре и восстановлении неограниченного хозяйского произвола» [2].

Почти одновременно, но независимо от этого решения эсеровской конференции, представители Советского правительства закончили переговоры с делегацией Комуча, которую возглавлял бывший председатель Комуча В. К. Вольский. Эта группа эсеров призвала воинские части белогвардейцев на Восточном фронте прекратить вооруженную борьбу против Советской власти и обратить свое оружие против Колчака.

19 февраля 1919 г. ЦК РКП(б) заслушал сообщение делегации ВЦИК о результатах переговоров с делегацией Комуча и предложил ВЦИК принять решение о «легализации правых

---

[1] «Декреты Советской власти», т. IV. М., 1968, стр. 96—97.

[2] Цит. по книге Л. М. Спирина «Классы и партии в гражданской войне в России». М., 1968, стр. 298; см. также «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 36.

эсеров». 26 февраля ВЦИК вынес постановление, в котором отмечалось, что партийная конференция правых эсеров Советской России в своих резолюциях отвергла попытки вооруженной борьбы с Советской властью, подчеркнув, что подобная борьба выгодна только контрреволюции; признала ошибочность всей политики мелкобуржуазной демократии, колебания которой привели ее к ряду преступлений против интересов трудящихся масс и способствовали иностранному вмешательству и захвату власти на отдельных окраинах контрреволюционерами; призвала свои партийные организации к свержению реакционных правительств в областях, находившихся под властью иностранных империалистов. Учитывая, что Комитет членов Учредительного собрания и члены ЦК партии эсеров, руководившие вооруженной борьбой против Советской власти на Восточном фронте, прекратили вооруженную борьбу и призвали мобилизованные ими воинские части обратить свое оружие против Колчака и действовать совместно с Советской властью, ВЦИК решил: «Отменить свое постановление от 14 июня (1918 г.— *Д. Г.*) по отношению ко всем группам партии правых социал-революционеров, считающими для себя обязательными указанные выше постановления и шаги партии социал-революционеров и Комитета членов Учредительного собрания, предоставив им право наряду с другими партиями принимать участие в советской работе, предложить административным и судебным органам Советской республики освободить из заключения тех членов партии правых социал-революционеров, которые разделяют точку зрения, изложенную в вышеуказанных резолюциях и заявлениях.

Продолжая по-прежнему беспощадную борьбу со всеми группами, каким бы знаменем они не прикрывались, которые прямо или косвенно поддерживают внутреннюю или внешнюю контрреволюцию,— говорилось далее в постановлении,— Центральный Исполнительный Комитет считает своим долгом предоставить партиям мелкобуржуазной демократии возможность на деле в открытой работе доказать свою готовность поддержать пролетариат и крестьянство в борьбе с внешней и внутренней буржуазной контрреволюцией» [1].

Таким образом, эсеры и меньшевики, отказавшиеся от вооруженной борьбы с Советской властью, были легализованы. Советские органы борьбы с контрреволюцией пошли на отмену острых форм борьбы в отношении этой части антисоветского

---

[1] «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 437.

лагеря. Отсюда вытекала необходимость пересмотра общей карательной линии советских органов в борьбе с контрреволюцией.

2. Реформа органов борьбы с контрреволюцией

Энергичная работа чрезвычайных комиссий по охране революционных завоеваний в тяжелый период, пережитый молодой Советской республикой, высоко подняла их авторитет и значение. Чрезвычайные комиссии создавались во всех уездах, районах, городах, на транспорте и в Красной Армии (позднее они были объединены с органами военного контроля в особые отделы). Кое-где на периферии, однако, чрезвычайные комиссии ускользали из-под контроля НКЮ, НКВД и местных советских и партийных организаций, а иногда продолжали действовать методами красного террора, хотя это и не вызывалось необходимостью. В связи с этим на местах возникали трения между чрезвычайными комиссиями и местными советскими и партийными организациями.

Между тем социально-политическая обстановка в стране существенно изменилась. Органы Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией ликвидировали ряд заговоров и загнали в глубокое подполье наиболее опасных контрреволюционеров. Если раньше враждебные элементы вели активное наступление и органы ВЧК раскрывали один за другим крупные антисоветские заговоры, то с осени 1918 г. и вплоть до весны 1919 г., по крайней мере в центральной части страны, ни одного крупного заговора не было раскрыто. Это было относительное, временное затишье, вызванное происходившей в антисоветском лагере перегруппировкой сил.

Осенью 1918 г. работники советской юстиции, многие партийные и советские органы поставили вопрос об ограничении компетенции чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, усилении партийного контроля за их деятельностью и подчинении их местным исполкомам Советов. Одновременно речь шла о повышении роли обычных судебных органов в борьбе с контрреволюцией и уголовной преступностью и о смягчении жесткой карательной линии, принятой после введения красного террора.

В печати началась дискуссия по вопросу о правах чрезвычайных комиссий, о том, кому они должны подчиняться и как нужно контролировать их деятельность. Дискуссия продолжа-

лась с перерывами с октября 1918 до февраля 1919 г. В ходе этой дискуссии в пылу полемики было высказано немало ошибочных суждений, а некоторые обывательские элементы попытались использовать ее для дискредитации органов борьбы с контрреволюцией. В. И. Ленин решительно осудил обывательские нападки на чрезвычайные комиссии. В речи на митинге сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 г. он говорил: «Когда мы взяли управление страной, нам, естественно, пришлось сделать много ошибок и естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза... У нас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ними.

Мы же говорим: на ошибках мы учимся. Как во всех областях, так и в этой мы говорим, что самокритикой мы научимся. Дело, конечно, не в составе работников ЧК, а в характере деятельности их, где требуется решительность, быстрота, а главное — верность. Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие» [1].

Президиум ВЦИК, рассматривая вопрос о ВЧК, решил детально ознакомиться с деятельностью Чрезвычайной комиссии и ее отделов и поручил это специальной комиссии. Одновременно для урегулирования отношений между центральной и местными чрезвычайными комиссиями, а также с другими советскими учреждениями Президиум ВЦИК назначил еще одну комиссию — по выработке «Положения о чрезвычайных комиссиях» под председательством Я. М. Свердлова. Вместе с тем Президиум подчеркнул необходимость продолжать беспощадную борьбу с контрреволюцией и контрреволюционерами [2].

28 октября 1918 г. Президиум ВЦИК утвердил выработанное комиссией «Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях». ВЧК в качестве органа Совета Народных Комиссаров признавалась центральным органом, «объединяющим деятельность местных чрезвычайных комиссий» и работающим «в тесном контакте с народными комиссариатами внутренних дел и юстиции». Председатель ВЧК входил в коллегию Народного комиссариата внутренних дел. В свою очередь комиссариаты внутренних дел и юстиции должны были делегировать своих представителей в ВЧК. Местные чрезвычайные комиссии, согласно «Положению», комплектовались местными Советами или их исполкомами на равных правах с остальными

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 173.
[2] См. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 450—451.

их отделами, причем члены местных ЧК назначались и отзывались исполкомами. Вышестоящим органам ЧК предоставлялось право посылать в нижестоящие органы своих представителей с правом решающего голоса, а также приостанавливать и отменять их постановления [1].

Рядом законодательных актов Советская власть изменяла и карательную политику. По предложению Совета Народных Комиссаров VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов 6 ноября 1918 г. объявил амнистию. Постановлением съезда предписывалось освободить из заключения всех лиц, задержанных органами борьбы с контрреволюцией, которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено или не будет предъявлено обвинение в непосредственном участии в заговоре против Советской власти или подготовке его, или в организации белогвардейских сил, или в содействии тем партиям и группам, которые явно поставили себе целью вооруженную борьбу против Советской власти; освободить из заключения всех заложников, кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов. Всем революционным трибуналам и народным судам предписывалось в срочном порядке пересмотреть списки осужденных ими лиц и применять досрочное освобождение в самых широких размерах в отношении тех, чье освобождение не представляет опасности для Республики [2].

Это была первая амнистия, проведенная во всероссийском масштабе. Содержавшееся в постановлении съезда положение о необходимости предъявлять конкретные обвинения всем задержанным органами борьбы с контрреволюцией, о запрещении каким бы то ни было организациям, кроме ВЧК, брать заложников означало большой шаг в развитии революционной законности.

Через некоторое время вопрос о работе чрезвычайных комиссий вновь встал перед центральными правительственными учреждениями в связи с обсуждением вопроса об аресте специалистов, работавших на предприятиях и на железной дороге и занимавшихся антисоветской деятельностью.

Сохранились собственноручные заметки В. И. Ленина от 3 декабря 1918 г., в которых он выразил свои мысли и предложения о работе чрезвычайных комиссий. «Во главе должны стоять члены партии,— писал Владимир Ильич,— не менее двух лет пробывшие в партии.

---

[1] См. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 458—459.

[2] См. там же, стр. 529—530.

Переработать положение о ЖЧК [1].

Подтвердить право *профессиональных* и партийных организаций *брать на поруки.*

Более строго преследовать и карать расстрелом за ложные доносы.

Право брать на поруки дать наркомам с подписью двух членов коллегии.

Право участия в следствии предоставляется и т. д.

При введении учета технических сил, а равно интеллигенции вообще, предупредить, что не зарегистрировавшиеся теряют право на получение свидетельств с поручительствами.

Немедленно расширить в ВЧК отдел жалоб и просьб об ускорении дела» [2].

Требуя беспощадно бороться с контрреволюцией, соблюдать революционную законность, Ленин требовал также вдумчивого, серьезного отношения к каждому аресту, к судьбе каждого обвиняемого.

«Есть ли серьезные обвинения против арестованного вами профессора Зернова?

Горбунов и Красин просят освободить» [3],— запрашивал Владимир Ильич телефонограммой ВЧК. «Есть ли серьезные улики?» — телеграфировал он Рогачевской чрезвычайной комиссии в связи с арестом Я. Загорского и А. Козловского [4]. «Оставить в тюрьме можете только тех, против кого имеете улики» [5],— указывал он Самарскому губисполкому и ЧК. «...Я не знаю, есть-ли теперь данные против Пальчинского? Какие? серьезные? Почему не применен к нему закон об амнистии?» [6] — запрашивал он Петроград.

В июне 1919 г. VIII отдел НКЮ постановил привлечь к ответственности за контрреволюционную пропаганду руководителя московской религиозно-трудовой общины-коммуны «Трезвая жизнь» И. М. Трегубова. Получив сообщение НКЮ, В. И. Ленин дал такое указание заместителю народного комиссара юстиции П. И. Стучке: «По делу о Трегубове и его деятельности требуется, видимо, доследование: верно ли, что он *контрреволюционные речи* ведет, как сказано VIII отделом Народного комиссариата юстиции...

[1] ЖЧК — железнодорожные чрезвычайные комиссии.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 535.
[3] Ленинский сборник XXI, стр. 233.
[4] Там же, стр. 238.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 216.
[6] Ленинский сборник XXI, стр. 235.

Согласны ли Вы расследовать и проверить точно? Прошу Вас ответить мне на это» [1].

В сентябре 1919 г. в Петрограде в связи с принадлежностью в прошлом к кадетской партии был арестован профессор С. И. Сазонов. Ученые, сотрудники Академии наук, ходатайствовали об освобождении арестованного под их поручительство. 9 сентября 1919 г. В. И. Ленин написал Ф. Э. Дзержинскому: «...По-моему, освободить (если нет *улик*), взяв еще 2 поручителей, коих *можно* наказать за побег» [2]. Указание Ленина было выполнено. Решением коллегии Петроградской губчека от 18 сентября Сазонов был освобожден.

В. И. Ленин с большим вниманием относился к людям, обращавшимся с жалобами на те или иные, по их мнению, неправильные действия органов Советской власти.

В телеграмме Тамбовскому губисполкому он писал: «Получил жалобу Ивана Богданова на арест его сына Владимира, 17 лет, больного бронхитом, за саботаж. Пересмотрите дело, проверьте болезнь, неопытность, молодость арестованного, особенно расследуйте, не были ли настоящими саботажниками 30 служащих земельного комиссариата, которые отказались от работы, взвалив ее на Богданова. Результат проверки телеграфируйте» [3]. В августе 1918 г. во Владимире был арестован бывший нотариус И. В. Одинцов. Он написал жалобу в Совет Народных Комиссаров. Я слаб и стар, писал он, и тюремный режим для меня весьма тяжел. Управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич доложил жалобу В. И. Ленину, добавив, что старик умирает в тюрьме. Владимир Ильич тотчас отдал распоряжение о его освобождении, и Одинцов был освобожден.

В ноябре 1918 г. ВЧК арестовала по подозрению в связях с кадетской партией зубного врача К. С. Гинзбурга. В. И. Ленин писал тогда в ВЧК: «Я запросил сегодня утром сведений о том, почему не освобожден Кирилл Семенович Гинзбург, несмотря на то что его берут на поруки два члена Российской Коммунистической партии большевиков — Дауге и Жуховицкий, а равно сведений о том, кто из членов ВЧК и когда заявил, будто не могут найти Гинзбурга, хотя он содержится в Бутырках.

Сведения эти я затребовал к вечеру 11 ноября. До сих пор, $10^1/_2$ часов, ответа не имею. Повторяю еще раз свое требова-

---

[1] Ленинский сборник XXXVII, стр. 156.
[2] Там же, стр. 168.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 216.

ние» [1]. В другом случае В. И. Ленин телеграфировал Самарской ЧК: «Сообщите основания ареста Павла Александровича Преображенского. Отложите решения до приезда Свидерского (члена коллегии Наркомпрода, очевидно лично знавшего педагога Преображенского.— *Д. Г.*), коего прошу ознакомить с делом, а также сообщите мне, нельзя ли освободить Преображенского на поруки учительскому союзу» [2].

В феврале 1919 г. Красногорская уездная чрезвычайная комиссия Северо-Двинской губернии арестовала как врага Советской власти П. И. Михайлова. Получив жалобу по этому делу, В. И. Ленин послал такой телеграфный запрос в Вологодскую губернскую ЧК: «Получил прошение детей Михайлова, больного, привезенного из больницы Северодвинская. Просят освободить. Сообщите ваше заключение» [3]. В результате тщательной проверки была установлена необоснованность обвинения Михайлова, он был освобожден, и дело о нем прекращено.

Вскоре после смерти В. И. Ленина на одном из собраний, посвященных его памяти, Мария Ильинична Ульянова поделилась своими воспоминаниями о нем и между прочим сказала: «Вы помните 18 и 19 гг., вы помните, какое количество врагов Советской власти было повсюду, какую непреклонную борьбу приходилось вести с ними. Владимир Ильич умел быть непреклонным к этим врагам, но он мог проявлять высшую справедливость, поскольку он видел ту или другую ошибку, допущенную к кому-либо из них. Я приведу один небольшой факт. Их можно было бы привести много, но я ограничусь пока одним. На днях мы получили письмо. Автор этого письма в 19 году был приговорен к расстрелу. Его мать, обезумевшая от горя, побежала в Кремль в надежде, что она сможет повидать Ленина, но ей не удалось видеть его. Она возвращается домой и находит письмо Ленина, доставленное самокатчиком, в котором он пишет, чтобы она не волновалась, что можно подать кассационную жалобу и, наконец, просить ВЦИК о помиловании. Кассационная жалоба не была удовлетворена. Но когда мать автора этого письма пришла во ВЦИК просить о помиловании, то секретарь встретил ее словами: «Да, знаю, знаю, мне т. Ленин много раз звонил о вас». В результате обвиняемый был помилован и позднее был выбран членом Московского Совета.

«Скажите,— пишет автор,— в какой части света можно найти главу государства, который проявил бы столько внима-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 203—204.

[2] Там же, стр. 211.

[3] Ленинский сборник XXXVII, стр. 127.

ния к человеку, совершенно для него незнакомому и чуждому?»» [1].

11 декабря 1918 г. Совет Рабочей и Крестьянской Обороны принял постановление о порядке ареста сотрудников советских учреждений и предприятий. В нем указывалось, что аресты сотрудников болезненно отзываются на работе учреждений и предприятий, в то время как борьба с ополчившимся на Советскую Россию империализмом требует напряжения всех сил. Совет Обороны потребовал от ВЧК и ее местных органов в случаях, когда представится возможным, предварительно извещать соответствующее ведомство относительно своих постановлений об арестах ответственных работников, инженеров и техников, занятых в промышленных предприятиях и на железных дорогах, а если невозможно известить предварительно, то делать это не позднее 48 часов после ареста, сообщая вместе с тем и существо обвинения, предъявленного арестованному. Народным комиссариатам, губернским и городским комитетам партии предоставлялось право посылать своих делегатов для участия в следствии об арестованных гражданах и право освобождать из-под ареста тех, за кого письменно поручатся два члена коллегии комиссариата или два члена городского или губернского комитета партии. Такое же право предоставлялось губернским и городским Советам депутатов (под письменное поручительство всех членов президиума), а также местным или центральным профсоюзам (под письменное поручительство всех членов правления союза) [2].

Это постановление усиливало контроль партийных органов за деятельностью комиссий, устанавливало право участия советских и профессиональных организаций в работе чрезвычайных комиссий. В нем нашла свое выражение и ленинская идея поручительства общественных организаций при решении вопроса о судьбе арестованных [3]. Тем самым постановление

---

[1] «Правда», 8 февраля 1924 г.

[2] См. «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 208—209.

[3] Ленинская идея поручительства общественных организаций за арестованных вошла в практику работы чрезвычайных комиссий. Например, приказом ВЧК от 8 января 1921 г. были даны такие указания периферийным органам ЧК: «...Если заставить (провинившегося.— *Д. Г.*) рабочего вместо тюрьмы работать на своем же заводе, под ответственностью остальных рабочих, то такое пребывание на всем честном народе, который будет ждать — опозорит он опять завод или станет настоящим сознательным товарищем,— такой порядок будет действовать гораздо сильней и целесообразней, чем сидение под следствием и судом. Рабочая среда сумеет выправить слабых, малосознательных товарищей, а тюрьма их

укрепляло начала социалистической законности и партийности в практике борьбы с контрреволюцией.

В развитие этого постановления ВЧК издала 19 декабря приказ местным органам. В нем отмечалось, что в ряде мест чрезвычайные комиссии часто применяют такие методы и приемы борьбы, которые идут вразрез с политикой, намечаемой Советской властью и Коммунистической партией на ближайшее будущее. В подтверждение этого в приказе приводились такие примеры:

«1) в то время как Советская власть, сделавшись сильной и приступив к сознательной работе по налаживанию хозяйственного, военного механизма страны, для чего решено было использовать все колеблющиеся мелкобуржуазные, обывательские и буржуазные технические силы, ЧК на местах не дают возможности этого выполнить, арестовывая их на каждом шагу, чем идут вразрез с постановлением центра и дискредитируют ЧК как орган государственной власти;

2) в то время, когда нужно в высшей степени осторожно подходить к создающемуся экономическому, военному и железнодорожному аппарату страны, относительно которых к деятельности ЧК было сделано особое постановление Высшего Совета Обороны 3 декабря 1918 г., целый ряд комиссий и местных властей его совершенно неправильно поняли и истолковали».

Президиум ВЧК потребовал от руководителей губернских ЧК, чтобы на местах методы работы были приведены в соответствие с общей политикой Советской власти:

окончательно искалечит. Лозунг органов ЧК должен быть: «Тюрьма — для буржуазии, товарищеское воздействие — для рабочих и крестьян».

В приказе предлагалось: «...Произвести обследование мест заключения и пересмотреть дела на предмет выявления осужденных рабочих и крестьян: а) поднять вопрос перед местными завкомами и профсоюзами о возбуждении последними ходатайства о досрочном освобождении на поруки и под свое наблюдение осужденных рабочих и крестьян, б) вменить в обязанность ответственным работникам ЧК регулярно посещать места заключения и посредством личной беседы с арестованными рабочими и крестьянами выяснять мотивы проступков и возможность возбуждения ходатайства о применении досрочного освобождения, в) поднять вопрос перед парткомами о регулярном посещении мест заключения и ведении бесед, особое внимание уделив арестованным рабочим и крестьянам».

Вместе с тем в том же приказе говорилось: «Уголовный элемент отпускать на поруки с крайней осторожностью, избегая освобождения рецидивистов»; «освобождать на поруки лиц буржуазного класса лишь в крайних случаях, проверив незаменимость их как специалистов в работе учреждения»; «досрочное освобождение к буржуазии не применять» *(Лацис (Судрабс).* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, стр. 19—23.)

«1. Не терроризировать мирную обывательскую среду, а дать ей возможность окончательно убедиться в прочности и необходимости существования Советской власти. То же самое относительно рабочих и беднейших крестьян: надо быть сугубо осторожным и не терроризировать их в процессе борьбы с буржуем, кулаком.

2. Мелкобуржуазным элементам и всем социалистам необходимо дать полную возможность работать, однако, чтобы не имели возможности надуть Советскую власть, ЧК необходимо установить строжайшее негласное наблюдение...

3. В занимаемых нами вновь областях прекратить террор мирного населения и прочистить советские ряды от примазавшихся элементов, которые спешат занять советские места, будучи явными врагами Советской власти.

4. Относиться в высшей степени осторожно к железнодорожному аппарату, давая возможность налаживать таковой» [1].

7 января 1919 г. Коллегия ВЧК решила сократить аппарат чрезвычайных комиссий и ликвидировать уездные ЧК. Это решение было подтверждено 24 января 1919 г. Президиумом ВЦИК [2].

Наконец встал вопрос о практике вынесения решений по делам о контрреволюции самими чрезвычайными комиссиями. Часть работников чрезвычайных комиссий, не учитывая изменения внутриполитической обстановки в стране, считала, что следует пользоваться теми методами борьбы с контрреволюцией, которые применялись в период красного террора, выступала за внесудебные репрессии в отношении опасных контрреволюционеров. Эти ошибочные взгляды были осуждены Коммунистической партией и центральными правительственными органами.

В декабре 1918 г. Народный комиссариат юстиции разработал и представил в центральные партийные и советские учреждения общий проект реформы чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов, вносивший изменения в методы и формы борьбы с контрреволюцией (одним из основных авторов проекта был Н. В. Крыленко). Согласно проекту, единственным органом, имевшим право выносить решения по делам о контрреволюции, признавался суд — революционный трибунал, а за чрезвычайными комиссиями сохранялись розыскные и следственные функции. Вместе с тем намечались меры по укреплению революционных трибуналов, которые должны были стать более

---

[1] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.». Сборник документов, стр. 236—237.

[2] СУ, 1919, № 1, ст. 14.

эффективным, чем раньше, орудием борьбы с контрреволюцией и другими опасными преступлениями. Этот проект был вынесен на обсуждение.

Некоторые советские и партийные работники (например, председатель Московского революционного трибунала А. М. Дьяконов) высказывали крайние, ошибочные взгляды, утверждая, что время деятельности чрезвычайных комиссий в Советской стране будто бы уже прошло и что их следует вообще ликвидировать, а дело борьбы с контрреволюцией возложить на общие судебно-следственные учреждения. Отголоски таких взглядов нашли практическое выражение в том факте, что после освобождения от немцев Латвии, Эстонии и Литвы осенью — зимой 1918/19 г. органы Чрезвычайной комиссии здесь не создавались и борьба с контрреволюцией возлагалась исключительно на следственные комиссии и революционные трибуналы.

8 февраля 1919 г. ЦК РКП(б) опубликовал обращение ко всем коммунистам — работникам чрезвычайных комиссий, в котором высказал свое отношение к намеченной реформе. ЦК высоко оценил деятельность ВЧК и указал на огромную роль, которую она сыграла в укреплении Советской власти. Вместе с тем ЦК РКП(б) отметил, что «изменение внутреннего положения и международной обстановки Советской власти, достигнутые успехи в деле подавления белогвардейского заговора внутри и военные успехи в борьбе с к.-р. во вне,— должны будут сказаться и на характере и функциях ЧК».

В связи с этим Центральный Комитет наметил новые правила работы ЧК, согласно которым «право вынесения приговоров передается новым, реорганизованным революционным трибуналам, а деятельность ЧК сосредоточивается на общем наблюдении за движением контрреволюционных сил, на непосредственной борьбе с вооруженными выступлениями (контрреволюционными, бандитскими и т. д.).

ЦК партии коммунистов твердо уверен, что и в этой области работы работники ЧК проявят всю свою преданность делу пролетарской революции, и призывает их к дальнейшей энергичной и дисциплинированной работе по директивам и указаниям партии» [1].

17 февраля 1919 г. ВЦИК принял постановление «О Всероссийской Чрезвычайной комиссии», в первой статье которого говорилось о том, что право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в ЧК, передается реорганизованным трибу-

[1] «Правда», 8 февраля 1919 г.

налам. Постановление предусматривало также основные принципы реорганизации революционных трибуналов, которые обеспечивали эффективное и быстрое рассмотрение дел. Ревтрибуналам предоставлялось право проверки следственных действий чрезвычайных комиссий и проверки закономерности содержания арестованных. Вместе с тем ВЦИК сохранял за чрезвычайными комиссиями право непосредственной расправы для пресечения преступлений при наличии вооруженных контрреволюционных и бандитских выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении, за преступления, перечисленные в самом постановлении о введении военного положения. Чрезвычайным комиссиям предоставлялось право заключения виновных в концентрационный лагерь на основании специальной инструкции, утвержденной ВЦИК [1].

Докладчиком от имени большевистской фракции на заседании ВЦИК был Ф. Э. Дзержинский. «Мне кажется,— говорил он,— что необходимость в реорганизации ЧК и революционных трибуналов настолько созрела, что возражать по этому поводу едва ли кто будет серьезно...» Методы враждебной деятельности против Советской власти в настоящее время изменились, указывал Ф. Э. Дзержинский, массовых сплоченных контрреволюционных сил уже нет. Поэтому теперь нужно выявлять и наказывать отдельных преступников через революционные трибуналы. Заканчивая свое выступление, Ф. Э. Дзержинский говорил: «С принятием настоящего проекта не будет у нас того параллелизма, благодаря которому до сих пор преступники, которые должны были быть наказаны, оставались часто безнаказанными. У нас были два органа: ЧК и Ревтрибунал, которые действовали совершенно самостоятельно, одновременно и параллельно. Настоящей реорганизацией этот параллелизм будет уничтожен. Новое положение проводит разделение труда и взаимное дополнение. ЧК будет доставлять материалы в Ревтрибунал, для того чтобы последний судил. Таким образом, не будет столкновений и не будет той волокиты, когда дела, поступавшие от нас, переходили в Ревтрибунал, где они слишком долго залеживались, залеживались до того, что дело теряло всякую живость. Теперь этого не будет» [2].

ВЦИК принял единственно целесообразное решение. В то время нельзя было отказаться от такого действенного орудия

---

[1] СУ, 1919, № 12, ст. 130.

[2] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.». Сборник документов, стр. 257.

борьбы с контрреволюцией, какими были чрезвычайные комиссии. Но их деятельность упорядочивалась и ставилась под надзор революционных трибуналов. В то же время усиливался и партийный контроль за их работой.

3. Судебный процесс по делу Локкарта

В конце ноября — начале декабря 1918 г., когда политическая обстановка в стране в значительной мере смягчилась, когда произошли изменения в карательной политике Советской власти, состоялся судебный процесс по делу о заговоре Локкарта, раскрытом ранее.

Перед судом Верховного революционного трибунала предстали 24 обвиняемых, из них четырех — Локкарта, Гренара, Сиднея Рейли и Генриха (Анри) Вертимона — судили заочно, так как Рейли и Вертимону удалось скрыться, а Локкарту и Гренару Советское правительство разрешило выехать на родину [1].

Бывший начальник английской миссии в Москве Локкарт и бывший французский генеральный консул Гренар обвинялись в том, что они, вопреки международному праву и обычаю, использовали свое положение для создания в России контрреволюционной организации, в задачу которой входило разрушение железнодорожных мостов и путей сообщения, чтобы вызвать в стране волнения на почве голода, а затем, пользуясь недовольством масс, при помощи подкупленного командования некоторых латышских частей свергнуть правительство Советской республики и реставрировать в стране буржуазно-капиталистический строй.

Лейтенант английской службы Сидней Рейли, французский гражданин Генрих Вертимон, американский гражданин К. Каламатиано, проживавший по подложному паспорту Сергея Серповского, обвинялись в том, что, зная о планах Локкарта и Гренара, принимали непосредственное участие в их осуществлении.

Бывший подполковник царской армии Александр Фриде, служивший в управлении начальника военных сообщений, и

[1] Когда в Москве был арестован Локкарт, английское правительство дало указание арестовать находившегося в Лондоне советского представителя М. М. Литвинова. После переговоров английское правительство согласилось освободить Литвинова, и Локкарту было разрешено уехать в Англию.

бывший генерал-майор Загряжский обвинялись в сотрудничестве с Каламатиано и созданной им организацией. Бывший офицер Потемкин, бывший чиновник московской таможни Солюс, бывший подполковник генерального штаба и военный цензор Голицын, студент Петроградского университета Хвалынский, корреспондент газет Ишевский, бывший служащий Центропленбежа[1] Иванов, чешский гражданин Пшеничка, бывшая сотрудница распределительного отдела ВЦИК Старжевская и бывший заведующий автомобильным складом Московского военного округа Трестар обвинялись в том, что, пользуясь своим служебным положением, собирали сведения для Каламатиано и Рейли. Артистка Художественного театра Оттен, бывшая надзирательница женской гимназии Мария Фриде и бывшая директриса женской гимназии Жанна Моренс обвинялись в том, что принимали участие в контрреволюционной организации в качестве посредниц по тайной передаче донесений, сводок и корреспонденций. Бывший генерал-майор Политковский, чешские граждане Шмейц, Лингарт и Иелиннек, английский подданный Кембер-Хиггс обвинялись в том, что укрывали агентов-шпионов и помогали им собирать сведения[2].

Дело рассматривалось в Москве с 28 ноября по 3 декабря 1918 г. в открытом судебном заседании, в условиях полной гласности, под председательством заместителя председателя Верховного революционного трибунала О. Я. Карклина, с участием обвинителя Н. В. Крыленко и 14 защитников, в числе которых были деятели дореволюционной адвокатуры Н. Муравьев, А. Тагер и С. Плевако. На суде присутствовали представители дипломатических миссий нейтральных государств (норвежской, шведской, датской).

Центральной фигурой судебного процесса был американский шпион Ксенофонт Каламатиано, пойманный с поличным во время расследования дела. Вынужденный признать, что он собирал шпионские сведения через агентуру, состоявшую из завербованных русских граждан, Каламатиано утверждал, что не был связан с Локкартом, а действовал в интересах американских коммерческих фирм, которые нуждались в выяснении экономического и политического положения России.

«Какое же отношение к торговым делам имеет сообщение агента № 12 (подполковника Голицына.— *Д. Г.*) о количестве

---

[1] Центральная коллегия по делам пленных и беженцев при Народном комиссариате внутренних дел.

[2] См. «Известия ВЦИК», 26 ноября 1918 г.

винтовок и пулеметов, вырабатываемых на тульских заводах, а также сведения о формировании Красной Армии?» — спросил на суде Н. В. Крыленко и зачитал выдержки из донесения агента № 26 — П. М. Солюса. «Новгород. Формирование частей Красной Армии медленное,— говорилось в этом документе.— Население губернии настроено резко отрицательно против Советской власти. Во Владимире работа по всевобучу остановлена из-за отсутствия комсостава, орудий и продовольствия. В Сарапуле местными военными начальниками мобилизованы солдаты 1893 и 94 года рождения и матросы — 1889 года рождения. В Москве в первой и второй артиллерийских дивизиях порядок поддерживают исключительно инструкторы первой советской школы. Из перечисленных 5 тыс. солдат для пополнения 4 тыс. разбежались. По словам солдат, положение Ленина — безнадежное. Из Арзамаса в Тверь передислоцирован специальный склад для аэропланов». «Эти данные вы предназначали для Рейли?» — спросил Крыленко. «Да»,— ответил Каламатиано.— «Вы утверждаете, что это коммерческие данные?» — последовал новый вопрос.

Подсудимый не мог ни дать вразумительного ответа на поставленные вопросы, ни объяснить, почему конспирировал свою «легальную коммерческую работу», храня шпионскую канцелярию в толстой полой трости, зачем зашифровывал своих агентов номерами и т. д. В то же время он признал на суде, что делился добытыми через свою агентуру сведениями с сотрудниками английской и французской разведок — Сиднеем Рейли и Анри Вертимоном.

Главный помощник Каламатиано — А. Фриде — вовлек в шпионаж ряд лиц (Загряжского, Солюса, Потемкина, Голицына); он же обрабатывал агентурные донесения, составлял из них сводки для Каламатиано и Сиднея Рейли и получал за свою «работу» сначала 500 рублей, затем 750 и наконец 1000 рублей в месяц. На суде А. Фриде признал, что обнаруженные у него при обыске 50 тыс. рублей Каламатиано передал ему «на сохранение». Конечно, такой компетентный человек, как Фриде (царский военный следователь), не мог отрицать, что собираемые им сведения носят шпионский характер, но пытался оправдаться тем, что эти сведения якобы «общеизвестны». Остальные агенты американского разведчика также признали на суде, что за вознаграждение собирали для Каламатиано различные сведения о положении Советской России.

В обвинительной речи Н. В. Крыленко привел факты одновременной и согласованной деятельности Каламатиано и дипло-

матических заговорщиков (Локкарта, Гренара), раскрыл его связь с разведчиками Рейли и Вертимоном, обрисовал характер его деятельности (конспирация, типичные шпионские приемы) и неопровержимо доказал, что он был одним из участников международного империалистического заговора против Советской России. «Каламатиано,— говорил Крыленко,— требовал от своих агентов сведений о количестве военных сил в той или иной местности прифронтовой полосы, о быстроте продвижения войск, о деятельности оружейных заводов, о состоянии транспорта, железнодорожных путей и мостов, о настроении населения — вовсе не... для будущих сношений Америки и России. Ему важно было выяснить, насколько сильна враждебная капиталу Советская власть и насколько способны к сопротивлению советские области... Будучи тесно связан с американскими фирмами, Каламатиано пытался подготовить экономическое и торговое завоевание России американским капиталом. Коммерческая деятельность идет рука об руку с политической — и этим объясняется связь Каламатиано с представителями дипломатических миссий капиталистических стран... Стремясь при посредстве Каламатиано к экономическому подчинению и завоеванию Российской республики, американские капиталисты старались подготовить момент для наложения своей руки и на политическое управление страной. Каламатиано являлся проводником этих тенденций» [1].

Н. В. Крыленко потребовал применения высшей меры наказания в отношении заочно судимых Локкарта, Гренара, Вертимона и Рейли, а также главы шпионской резидентуры Каламатиано, его ближайших помощников и агентов — А. Фриде, Загряжского, Солюса, Голицына. Для остальных подсудимых он требовал иных наказаний. Вместе с тем обвинитель отказался за недоказанностью вины от обвинения Жанны Моренс, Кембер-Хиггса, Иелиннека, Шмейца, Лингарта и Трестара.

Адвокаты А. Тагер и Н. Муравьев, защищавшие Каламатиано, пытались доказать, что «коммерческая работа» Каламатиано являлась «полезной», так как и советские-де органы заинтересованы в развитии торговых отношений с Соединенными Штатами Америки. Дескать, для выяснения торговых возможностей Каламатиано мог собирать необходимые сведения о положении России, а посему в интересах урегулирования отношений с США не следует его строго наказывать. Отвечая защитникам, Н. В. Крыленко сказал: «В речи защитника Муравьева

[1] «Известия ВЦИК», 4 декабря 1918 г.

прозвучал отклик угрозы, бросаемой нам, социалистам, всем капиталистическим миром. Муравьев утверждает, что суровый приговор, вынесенный по отношению к американскому гражданину Каламатиано, тяжело отразится на судьбах широких масс русского населения. Ввиду объявленной нам международными капиталистами открытой войны в целях всемирного подавления социализма эта угроза имеет реальное основание. С ней приходится считаться. Но мы, марксисты, знаем, что не мелкие факты решают сложные международные отношения, а факты крупного экономического значения, и произнесенная здесь угроза не может заставить нас забыть о той основной розни, какая существует между представителями капитала и социалистами».

3 декабря Верховный революционный трибунал вынес приговор, в котором признал установленной «преступную деятельность дипломатических агентов правительств англо-франко-американской коалиции, пытавшихся при пособничестве представителей русских буржуазных контрреволюционных сил, путем организации тайной агентуры для получения сведений политического и военного характера, подкупа и дезорганизации частей Красной Армии, взрывов железнодорожных мостов, поджогов продовольственных складов и, наконец, свержения рабоче-крестьянской власти и убийств из-за угла вождей трудовых масс — нанести смертельный удар не только русской, но и международной социалистической революции» [1]. Политическое значение процесса подчеркивалось указанием в приговоре на ответственность международного империализма за преступную деятельность подсудимых. «Попытка контрреволюционного переворота,— говорилось в нем,— будучи сопряженной с циничным нарушением элементарных требований международного права и использованием в преступных целях права экстерриториальности, возлагает всю тяжесть уголовной ответственности прежде всего на те капиталистические правительства, техническими выполнителями злой воли которых являются (подсудимые.— *Д. Г.*)».

Таким образом, приговор пригвоздил к позорному столбу международных империалистов и стал орудием революционного воздействия на трудящиеся массы зарубежных стран.

Решая судьбу каждого из подсудимых, Верховный революционный трибунал строго определял степень его виновности.

---

[1] «Известия ВЦИК», 5 декабря 1918 г.

Восьмерых подсудимых, среди которых были М. Трестар, П. Политковский, Е. Оттен, английский подданный В. Кембер-Хиггс, француженка Жанна Моренс и чехи Лингарт, Шмейц и Иелинпек, трибунал оправдал, считая не доказанной их преступную связь со шпионами. Сотрудницу ЦИК О. Старжевскую, находившуюся в близких отношениях с разведчиком Сиднеем Рейли, трибунал приговорил к трем месяцам лишения свободы и запретил ей службу в советских государственных учреждениях. Агентов, поставлявших Каламатиано шпионские сведения,— Загряжского, Потемкина, Солюса, Хвалынского, Голицына, Иванова, Ишевского и Марию Фриде — к тюремному заключению сроком на пять лет каждого. Ксенофонта Каламатиано и Александра Фриде — к расстрелу. Впоследствии расстрел для Каламатиано был заменен другим наказанием. Локкарт, Гренар, Сидней Рейли и Вертимон были объявлены вне закона как враги трудящихся и подлежали расстрелу «при первом же обнаружении их в пределах территории России». И. Пшеничку трибунал приговорил к тюремному заключению до прекращения чехословаками активных вооруженных действий против Советской России.

Народный комиссар юстиции Д. И. Курский, разъясняя приговор, заявил: «Советская власть настолько окрепла, что ей не приходится прибегать к суровым карам в целях устрашения. Трибунал отбросил в этом деле привходящие соображения и подошел к процессу Локкарта с чисто деловой точки зрения. Не довольствуясь данными предварительного следствия, трибунал сам произвел тщательную проверку всего следственного материала, детально расследовав степень участия в заговоре каждого из подсудимых. Поэтому приговор не мог быть огульным, одинаковым для всех. Трибунал строго распределил подсудимых на категории и покарал действительных виновников и участников заговора, освободив остальных» [1].

Этим судебным процессом закончился первый год борьбы с подрывной деятельностью шпионов и заговорщиков международного империализма. Борьба была начата могущественными силами капиталистических государств, их крупнейшими специалистами по части разведки и провокаций. Советским органам государственной безопасности удалось в тяжелейшей борьбе защитить завоевания Октябрьской революции. Молодые, недостаточно еще опытные сотрудники советской контрразведки не дали провести себя опытнейшим специалистам английской,

---

[1] «Известия ВЦИК», 5 декабря 1918 г.

французской и американской разведок — Кроми, Локкарту, Лавернюю, Гренару, Сиднею Рейли, Каламатиано.

Некоторые из агентов международного империализма, действовавшие против Советской России в 1917—1918 гг., продолжали свою тайную работу и в последующее время [1]. Но большинство из них впредь не решались появляться в Стране Советов.

4. Политическая смерть левых эсеров

Провокационная авантюра левоэсеровских лидеров 6—7 июля 1918 г. в Москве ускорила процесс разложения и распада партии левых эсеров. Эта авантюра была неожиданной для многих местных организаций и активистов партии, которые теперь открыто порицали своих лидеров.

В Москве выделилась группа левых эсеров, которая официально порвала с политикой своего ЦК и вышла из левоэсеровской партии. 18 августа 1918 г. на организационном собрании эта группа объявила себя «народниками-коммунистами», а в сентябре созванная ею конференция образовала партию «народников-коммунистов». Во главе партии стояло Центральное бюро (бывший заместитель председателя ВЧК Г. Д. Закс, А. П. Оборин и др.), издававшее газету «Знамя трудовой коммуны». «Народники-коммунисты» поддерживали Советскую власть, ее мероприятия по борьбе с кулачеством, но вместе с тем по ряду вопросов у них были тактические расхождения с большевиками, порожденные пережитками народнических взглядов.

В Саратове по инициативе губернского комитета и некоторых влиятельных работников левоэсеровской партии (А. Колегаева, А. Биценко, М. Доброхотова, А. Устинова, В. Безеля и др.) сразу же после левоэсеровского мятежа началась подготовка Всероссийского съезда левых эсеров, не согласных с политикой своего ЦК. В опубликованной инициаторами созыва съезда платформе указывалось на недопустимость срыва Брест-

[1] Особо следует сказать о судьбе английского агента Сиднея Рейли. Бежав из России после провала заговора, он был у Черчилля советником по «русским вопросам», продолжал заниматься организацией шпионской и подрывной работы против Советской России. В 1925 г. Сидней Рейли попал в искусно расставленную советской контрразведкой ловушку. Он тайно прибыл в СССР для связи с контрреволюционной организацией и был арестован органами ОГПУ. 5 ноября 1925 г. его как непримиримого врага Советской России расстреляли. Так был исполнен приговор Верховного революционного трибунала от 3 декабря 1918 г.

ского мирного договора, террористических актов на советской территории и насильственного захвата власти. Эта группа левых эсеров собралась 25 сентября 1918 г. в Саратове на Всероссийскую конференцию и образовала партию «революционного коммунизма», которая провозгласила тактику «классовой борьбы единым фронтом с большевиками против всех врагов Советской России во имя торжества социальной революции». В состав ЦК были избраны Александров, А. Биценко, А. Колегаев, М. Доброхотов, А. Устинов, Г. Максимов и В. Черный. «Революционные коммунисты» издавали в Москве газету «Воля труда». Признавая главной руководящей силой русской революции партию большевиков, они обязались честно сотрудничать с ней, несмотря на некоторые теоретические расхождения.

Не желая порывать с революционными элементами левоэсеровской партии, Советское правительство приняло решение исключать из Советов только тех левых эсеров, которые солидаризировались с авантюристической политикой своих лидеров.

2—7 октября 1918 г. в Москве состоялся IV съезд левоэсеровской партии. Съезд вскрыл всю глубину катастрофического разлада и распада, происшедшего в партии после мятежа. Даже М. А. Спиридонова, игравшая главную роль в организации мятежа 6—7 июля, вынуждена была в письме от 4 октября на имя съезда партии заявить следующее: «Вина ЦК, в частности моя (я бы себя четвертовать дала сейчас за свою вину), в непредусмотрительности, отсутствии дальновидности, которая должна была бы предугадать возможные последствия акта (Спиридонова имела в виду убийство Мирбаха.— *Д. Г.*) и заранее нейтрализовать их». Высказываясь против применения в будущем террора в борьбе с большевиками, Спиридонова предлагала своей партии принять «защитный цвет», чтобы избежать в дальнейшем ударов со стороны большевиков, и «выработать мудрую тактику, которая с наибольшим успехом и с наименьшей потерей времени дала бы... возможность разорвать Брестский мир» [1].

В обстановке разногласий упорствующим лидерам левоэсеровской партии все же удалось протащить на съезде решение о продолжении борьбы с большевиками. А на местах левоэсеровские «активисты» продолжали антисоветские выступления. 13 октября 1918 г. в Петрограде на общем собрании 2-го Балтийского экипажа часть моряков настояла на принятии резолюции

---

[1] См. *Л. М. Спирин.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.), стр. 202—203.

в поддержку левоэсеровских требований [1]. Под влиянием антисоветской агитации матросы арестовали своих командиров и комиссаров, выбрали новых, вышли вечером на площадь перед Мариинским театром и, заставив администрацию театра предоставить им духовой оркестр, направились на набережную Невы. Демонстранты обратились к матросам всех кораблей с призывом примкнуть к ним. А когда к ним прибыл главный комиссар Балтийского флота И. П. Флеровский, они чуть не избили его. Вскоре, однако, демонстранты были окружены и обезоружены.

Как выяснила Петроградская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, «организатором выступления был Петроградский комитет партии левых эсеров, ибо резолюция, принятая матросами 2-го Балтийского экипажа, была выработана при участии членов комитета и единогласно одобрена затем на Петроградской конференции партии, которая послала приветствие матросам. Кроме того, печатание резолюции происходило на ротаторе в помещении Петроградского комитета, и Петроградский комитет посылал на матросские митинги своих партийных агитаторов» [2].

Руководил выступлением моряк Черноморского флота, левый эсер, участник V съезда Советов Я. А. Шашков, приехавший в Петроград 9—10 октября. Используя недовольство части матросов в связи с нехваткой продовольствия и обмундирования и искусственно возбуждая новые взрывы недовольства, он перешел к обычной левоэсеровской агитации и увязал свою «работу» с деятельностью членов Петроградского комитета партии левых эсеров матроса Мозжухина, А. Л. Хаскелиса и члена морской секции комитета, бывшего офицера В. Т. Дедова. Организаторы этого авантюристического выступления понесли заслуженное наказание.

В ноябре 1918 г. Обвинительная коллегия Верховного трибунала сформулировала обвинение против руководителей июльского мятежа левых эсеров в Москве. М. А. Спиридонова, И. А. Майоров, П. П. Прошьян, Я. М. Фишман, Б. Д. Камков, В. А. Карелин, В. Е. Трутовский, Д. А. Магеровский, Л. Б. Голубовский и Д. А. Черепанов обвинялись в том, что они, будучи членами ЦК партии левых эсеров, являлись инициаторами и организаторами мятежа.

Спиридонова, Черепанов, Камков, Карелин, Магеровский, Фишман, Ю. В. Саблин и Д. И. Попов обвинялись, кроме того,

---

[1] «Петроградская правда», 17 октября 1918 г.

[2] «Петроградская правда», 30 октября 1918 г.

в том, что они укрыли от ареста террориста Блюмкина после убийства им германского посла Мирбаха.

Н. А. Андрееву и Я. Г. Блюмкину было предъявлено обвинение в том, что они приняли преступное поручение членов ЦК партии левых эсеров, заведомо сознавая все значение террористического акта и его возможные последствия, и убили Мирбаха.

Упомянутые выше члены ЦК партии левых эсеров обвинялись еще в том, что после убийства Мирбаха подготовили, напечатали и распространили ряд воззваний, листовок и бюллетеней, в которых содержались злостная клевета на Советское правительство и отдельных его членов, обвинение их в сговоре с германским империализмом и предательстве революции, а также призывы к народным массам выступить в поддержку партии левых эсеров.

Спиридонова, Карелин, Фишман, Камков, Трутовский, Прошьян, Магеровский, Черепанов, Попов, Саблин после убийства Мирбаха призывали обманутые ими воинские части к вооруженному выступлению и свержению Советской власти, к сопротивлению выступившим для подавления мятежа советским частям и руководили этим сопротивлением, в результате чего с обеих сторон были раненые и убитые.

Прошьян обвинялся, кроме того, в том, что по поручению ЦК своей партии захватил вооруженным путем телеграф, арестовал находившихся там при исполнении своих обязанностей комиссаров, отправил во все города Советской России телеграмму об убийстве Мирбаха и призывал поддержать начатое левыми эсерами антисоветское выступление.

Участникам заговора, и прежде всего Карелину, Прошьяну, Саблину, Попову и Камкову, было предъявлено обвинение также в том, что они задержали и обезоружили находившихся при исполнении служебных обязанностей председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, его помощника М. Я. Лациса, председателя Московского Совета П. С. Смидовича, начальника отряда Венглинского и других, а также отдали распоряжение о задержке и аресте ряда видных советских работников. А когда стало ясно, что выступление потерпело неудачу, Саблин и Попов организовали вооруженное сопротивление советским войскам при отходе своих частей.

В общей оценке действий мятежников, данной Обвинительной коллегией Верховного революционного трибунала, подчеркивалось, что убийством Мирбаха обвиняемые создали для Советской республики угрозу быть раздавленной превосходящими силами германского империализма в момент, когда собственные

военные силы республики были еще не в состоянии оказать должного сопротивления, и подвергли этим русский пролетариат и крестьянство опасности очутиться под властью буржуазии, восстановленной при помощи немецких штыков. С помощью вероломства, лжи и клеветы они еще более усугубили эту опасность, создав для всех контрреволюционных сил благоприятные условия выступления против Советской власти, и объективно сами оказались в рядах врагов революции в качестве их деятельных и наиболее активных пособников [1].

27 ноября 1918 г. дело левых эсеров было рассмотрено Верховным революционным трибуналом под председательством О. Я. Карклина и при участии обвинителя Н. В. Крыленко.

На суд были доставлены только Спиридонова и Саблин, остальные обвиняемые от суда скрылись. Спиридонова и Саблин заявили, что они возражают против судебного разбирательства, так как, по их мнению, здесь будто бы «происходит суд одной партии над другой». Верховный революционный трибунал отклонил этот отвод.

Н. В. Крыленко в обвинительной речи подчеркнул, что «партия левых эсеров... в настоящее время умерла, но остались определенные лица, с которыми необходимо бороться, когда они становятся вредными», и потребовал сурового наказания для начальника левоэсеровского отряда при ВЧК Попова, изменившего своему служебному долгу. Мерой наказания для других обвиняемых Крыленко считал возможным лишение свободы и высылку за пределы Советской республики [2].

Признав обвинения, предъявленные в заключении Обвинительной коллегии доказанными, Верховный революционный трибунал приговорил: Попова объявить врагом трудящихся, стоящим вне закона, и при поимке и установлении личности расстрелять; Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова, Фишмана — к тюремному заключению на три года с применением принудительных работ; Спиридонову и Саблина — к тюремному заключению на один год, учитывая «их особые прежние заслуги перед революцией» [3].

29 ноября Президиум ВЦИК под председательством Я. М. Свердлова постановил амнистировать Спиридонову и Саблина и освободить их из заключения. Не подверглись позднее наказанию и лица, осужденные заочно. Непосредственный ис-

[1] См. «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 206—220.
[2] См. там же, стр. 222.
[3] Там же, стр. 221—223.

полнитель террористического акта над Мирбахом Я. Блюмкин, явившийся в органы ВЧК с повинной, 16 мая 1919 г. был также амнистирован Президиумом ВЦИК [1].

Снисходительное отношение Советского правительства к лидерам левых эсеров не оказало, однако, на них должного воздействия. В ВЧК поступали сигналы о том, что они готовятся к новым авантюрам. На конференциях левоэсеровской партии 15 ноября и 20 декабря 1918 г. были приняты решения создать при губернских комитетах специальные отделы «по конспиративной подготовке свержения большевиков, организации экспроприаций и террористических актов», организовать контрразведку «для ведения учета квартир и местожительств всех ответственных работников коммунистов, в особенности членов чрезвычайных комиссий». Орган левых эсеров «Наш путь», издававшийся в Вильно, 3 февраля 1919 г. опубликовал написанную одним из левоэсеровских лидеров статью, в которой говорилось, что «только немедленный переход власти к нашей партии может спасти положение». В той же газете была помещена резолюция съезда партии левых эсеров по военному вопросу, в которой указывалось, что партия «считает необходимым: а) широчайшую политическую и военную подготовку восстания трудящихся; б) введение явочным порядком солдатских комитетов в существующей Красной Армии» [2].

Выступления левых эсеров среди рабочих и крестьян становились все более резкими и вызывающими. Выступая на рабочих собраниях московских заводов в январе — феврале 1919 г., М. Спиридонова призывала к забастовкам и свержению большевистской власти. Все это вынудило ВЧК принять меры.

11 февраля 1919 г. в Москве были вновь арестованы Спиридонова, Штейнберг, Трутовский, Рыбин, Прокопович, Розенблюм, Сирота, Кроник и другие левоэсеровские деятели. Тогда же были раскрыты и ликвидированы их конспиративная квартира и нелегальная типография. Аресты левых эсеров проводились и в других городах.

24 февраля 1919 г. в Московском революционном трибунале под председательством А. М. Дьяконова рассматривалось дело Спиридоновой, обвинявшейся в контрреволюционной агитации. Революционный трибунал признал доказанным, что Спиридонова, выступая в январе на московских митингах на фабриках и заводах, публично клеветала на Советскую власть и, таким

---

[1] См. «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 235.
[2] «Известия ВЦИК», 13 февраля 1919 г.

образом, своей преступной агитацией помогала контрреволюции. Определяя меру наказания Спиридоновой, революционный трибунал учитывал «болезненно-истерическое состояние обвиняемой». «...Не преследуя в наказании целей отмщения врагам революции,— говорилось в решении трибунала,— и не желая причинять Марии Спиридоновой излишних страданий, одновременно с тем охраняя рабоче-крестьянскую революцию и стоя на страже ее завоеваний, трибунал постановил изолировать Спиридонову от политической и общественной деятельности на один год посредством заключения ее в санаторий, с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда» [1].

Разложение и распад левоэсеровской партии продолжались. Подлинно революционные элементы ее создавали группы, боровшиеся против экстремистского руководства, выходили из левоэсеровской партии, вступали в партию большевиков. В РКП(б) вступили Ю. В. Саблин, А. Л. Колегаев, А. А. Биценко, Г. Д. Закс, А. М. Устинов, Б. Ф. Малкин и другие, лишь преждевременная смерть помешала сделать это П. П. Прошьяну. 6 ноября 1918 г. чрезвычайный съезд партии «народников-коммунистов» принял решение о слиянии с РКП(б). В то же время немногочисленные группы левоэсеровских «активистов» все более скатывались на позиции открытых врагов Советской власти или пополняли ряды анархистов. Так в конце концов левоэсеровская партия в 1919 г. фактически сошла с политической сцены, сама себя похоронив.

5. «Туркестанская военная организация». Восстание в Ташкенте в январе 1919 г.

Осенью и зимою 1918/19 г. Туркестан переживал тревожное время. В Закаспии хозяйничали «приглашенные» туда лидерами ашхабадских эсеров английские войска генерала Маллесона. В Ферганской области свирепствовали басмачи Иргаша. И здесь была ясно видна рука английского агрессора, руководившего басмачами и снабжавшего их оружием. Шла кровопролитная война.

В городах края, в том числе в Ташкенте, резко ощущалась нехватка продовольствия и промышленных товаров. Цены стремительно росли. Контрреволюционные элементы повсеместно

[1] «Известия ВЦИК», 25 февраля 1919 г.

разжигали среди населения нездоровые настроения. На базарах и в других общественных местах стали появляться антисоветские прокламации.

В ноябре 1918 г., на VI съезде Советов Туркестана, левые эсеры отказались войти в состав Президиума ЦИК, мешая работе правительства края.

Все это, а также отсутствие постоянного оперативного руководства со стороны центрального Советского правительства, связь с которым была прервана из-за военных действий на оренбургском фронте, играло на руку контрреволюции.

В октябре 1918 г. Туркестанской чрезвычайной следственной комиссии стало известно о существовании крупного антисоветского заговора, который готовила так называемая «Туркестанская военная организация» («ТВО»).

В сообщении от 29 октября комиссия указывала: заговор охватывает всю территорию края; руководящие члены заговорщической организации — брат известного монархистского генерала Корнилова — П. Г. Корнилов, командир отряда оренбургских казаков И. М. Зайцев [1], бывший комиссар в Ташкенте при Временном правительстве адвокат А. Д. Арсеньев — ведут работу по мобилизации белой гвардии и активно привлекают к антисоветскому движению басмачей.

В дальнейшем стало известно, что во главе «ТВО» стоят: генерал-лейтенант Л. Л. Кондратович, инженер П. С. Назаров (намечавшийся на пост премьер-министра будущего «правительства Туркестана»), бывший помощник генерал-губернатора Туркестана генерал Е. Джунковский [2], полковник Блаватский

---

[1] В сообщении Корнилов и Зайцев ошибочно названы капитанами, в действительности оба они были полковниками царской армии.

[2] В некоторых документах (например, в телеграмме ТуркЦИК на имя Советского правительства от 7 октября 1918 г. о раскрытии заговора «ТВО»), а также в исторической литературе содержатся сведения о том, что генерал Джунковский приехал в Туркестан из Петрограда, где он в свое время был «градоначальником» или «бывшим комендантом». Это неверно. Генерал В. Ф. Джунковский был московским губернатором с 1905 по 1913 г., затем товарищем министра внутренних дел и командиром отдельного корпуса жандармов до 15 августа 1915 г. В октябре 1915 г. Джунковский служил в действующей армии, командовал дивизией и 3-м Сибирским корпусом. В сентябре 1918 г. В. Ф. Джунковский был арестован органами ВЧК. Именно этого Джунковского считали руководителем «ТВО». Впоследствии выяснилось, что он не имеет никакого отношения к Туркестанскому заговору (см. ЦГАОР, ф. 353, оп. 2, д. 494). В действительности одним из руководителей «ТВО» был Е. Джунковский — бывший помощник генерал-губернатора Туркестана, бежавший после Октябрьской революции в Мешхед, где он связался с английской миссией и по ее поручению организовал «ТВО».

и некоторые деятели буржуазно-националистического движения.

Чекисты установили также, что неблаговидную роль в этом деле играла английская миссия, находившаяся с весны 1918 г. в Ташкенте. Эта миссия, состоявшая из бывшего английского консула в Кашгаре Джорджа Маккартнея, полковника Ф. Бейли и майора Блеккера, также как и английская миссия Локкарта в Москве, заверяла советские организации в своей лояльности, а на деле была связана с белогвардейцами и басмачами, направляла деятельность «Туркестанской военной организации» и являлась, в сущности, шпионским аванпостом английских войск, вторгшихся в Туркестанский край. Особенно в области шпионажа отличался член миссии полковник разведывательной службы «Интеллидженс сервис» Ф. Бейли. Однако местные власти не решились арестовать членов английской миссии, а лишь сообщили в Москву об имеющихся данных и запросили указаний.

26 октября 1918 г. Советское правительство, учитывая английское вторжение на советскую территорию и раскрытие в Москве заговора Локкарта, дало указание интернировать всех подданных бывших «союзных» держав в возрасте от 17 до 48 лет (исключая женщин, детей и стоящих на советской платформе рабочих). Особое внимание в указаниях Советского правительства обращалось на полковника Бейли, которого предлагалось арестовать немедленно.

Однако указания правительства запоздали. Английская миссия успела выехать из Ташкента. Внезапно исчез и полковник Бейли. Много лет спустя английский полковник Тод, рассказывая о деятельности миссии Маккартнея, писал: «Были частые свидания с представителями Советской власти и извлечены выгоды из их невежества и доверчивости. Но было нелегко успокоить комиссарскую подозрительность, когда были получены в Ташкенте сведения о боях между большевистскими силами и войсками военной миссии Маллесона в Закаспии...

Однако маленькая группа продолжала игру обмана до конца сентября (1918 г.— *Д. Г.*). Тогда сэр Джордж Маккартней решил, учитывая трудность получения сведений, которые могли бы быть своевременно переданы для использования, что дальнейшее пребывание в Ташкенте бесцельно. Поэтому он убедил местный Совет дать в его распоряжение специальный поезд для отправки миссии в Андижан, откуда она проследовала через Китайский Памир обратно в Индию. Лишь один офицер... Бейли, остался еще на год для наблюдения за событиями в Ташкенте и его окрестностях. После головокружительных приклю-

чений ему едва удалось уйти переодетым и добраться до Мешхеда» [1].

Недавно в Национальном архиве Индии был обнаружен секретный отчет Ф. Бейли о его деятельности. Этот документ проливает свет на тайную шпионскую антисоветскую работу английской и американской разведок в Туркестане.

Как явствует из отчета, Бейли, приехав в Ташкент, сразу же связался с консулом США Роджером Тредуэллом и в дальнейшем «все время работал с ним в тесном контакте и дружбе». Основной целью миссии Бейли, по его словам, было «предоставить значительную полезную информацию войскам в Закаспии (английским войскам генерала Маллесона.— *Д. Г.*), которые, как я думал, продвинутся к Ташкенту... Ожидалось, что... когда они серьезно продвинутся, я сделаю к их приходу необходимые приготовления».

«Вскоре после моего прибытия,— писал Бейли в отчете,— я вступил в контакт с тем, кто, как я думал, был главой нескольких антибольшевистских организаций... Самая большая организация антибольшевистского типа возглавлялась генералом Кондратовичем, но настоящим ее главой был Назаров. Они сказали мне, что в их организации 3000 русских и что в нее входит Иргаш с 15 000 туземцев (басмачей.— *Д. Г.*)».

Вместе с консулом США Тредуэллом Бейли организовал финансирование, снабжение оружием «ТВО» и басмачей. О провале «ТВО» Бейли писал: «Когда я дал деньги для покупки лошадей, большевики узнали, что он (Кондратович.— *Д. Г.*) покупает лошадей, и, таким образом, раскрыли организацию. Мистер Назаров был арестован, а генерал Кондратович избежал ареста чудом... Я обсудил создавшееся положение с м-ром Тредуэллом и решил исчезнуть» [2].

Об обстоятельствах заговора «ТВО» рассказал в свое время и участник заговора казачий полковник И. М. Зайцев. Как известно, после того, как казаки, двигавшиеся под его командованием на Ташкент, в феврале 1918 г. были разоружены, Зайцев, не желая сдаваться Советской власти, бежал. Его арестовали в Ашхабаде, приговорили к лишению свободы на 10 лет и заключили в Ташкентскую крепость. В июле того же года главари «ТВО» устроили ему побег. С тех пор начались приключения

---

[1] См. *С. П. Тимошков.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане, стр. 61.

[2] Выдержки из отчета Бейли цитируются по публикации К. А. Гафуровой «Документы разоблачают», опубликованной в журнале «Вопросы истории», 1970, № 8, стр. 35—38.

полковника, скрывавшегося под именем землемера Николая Константиновича Турчанинова. Руководители «ТВО» — Кондратович, Назаров и Блаватский — вовлекли его в свою организацию, предложив ему пост начальника штаба.

В то время (начало июля 1918 г.) «ТВО» создала свои отделы, или, как их называли, «очаги борьбы», в крупнейших центрах края. Она имела контакты с контрреволюционными главарями туркменских племен, выразившими готовность участвовать в борьбе с Советской властью, с ашхабадскими мятежниками, с Дутовым и действовала в полном согласии и по указаниям английской миссии Маккартнея и разведчика Бейли.

Касаясь условий соглашения «ТВО» с английской миссией, Зайцев рассказал, что англичане в лице их военно-дипломатической миссии обязались снабжать деньгами, оружием, боеприпасами и другими средствами все вооруженные отряды «ТВО», предназначенные для борьбы против Советской власти, а в случае необходимости оказать и вооруженную поддержку из северных провинций Персии. Заговорщики же обязались после свержения Советов образовать в Туркестане «демократическую республику», которая должна была находиться с Англией в «таких же взаимоотношениях, как ее африканские доминионы, южноафриканские республики (Трансвааль и Оранжевая)». В порядке возмещения всех произведенных расходов будущая «демократическая республика» обязывалась предоставить Англии ряд концессий на разработку природных богатств в крае [1].

На совещаниях руководства «Туркестанской военной организации» был разработан план борьбы с Советской властью, одобренный английским командованием. Он предусматривал совместное выступление всех контрреволюционных сил, действовавших в направлении Туркестана (Дутова, ашхабадских мятежников, басмачей, войск бухарского эмира и т. п.). Этот авантюристический «грандиозный» план «всеобщего выступления» потерпел крах.

...В один из дней января 1919 г. в помещение отряда красноармейцев, охранявших железнодорожную станцию Караул-Кую, ворвались двое вооруженных, которые, скомандовав «руки вверх», объявили, что станция окружена ашхабадскими антисоветскими войсками, и предложили красноармейцам сдаться. Захваченные врасплох красноармейцы (их было несколько человек) сдались; неизвестные обезоружили их. Затем нападавшие

---

[1] См. «Из недавнего пережитого».— Журнал «Соловецкие острова», 1926, № 4, стр. 61—62.

прошли в кабинет дежурного по станции и, воспользовавшись имевшимся там телеграфом, передали телеграмму, в которой, объявив, что войска ашхабадцев находятся на станции Караул-Кую, предложили советскому командованию сложить оружие.

В ответ на это наглое предложение командиры советских частей направили в Караул-Кую разведку. Неизвестные тем временем заставили дорожного мастера разрушить пути к станции. Когда наконец разведка прибыла в Караул-Кую, обнаружилось, что ашхабадских войск там нет и не было, а оба террориста успели бежать.

Вслед за бежавшими бросилась погоня. Вскоре они были настигнуты. Завязалась перестрелка, в результате которой один из авантюристов был тяжело ранен и вскоре скончался, а второй сдался. Первый оказался бывшим штабс-капитаном царской армии Борщинским, второй — техником Мошковым [1].

При убитом Борщинском был найден пакет и 40 тыс. царскими ассигнациями. Когда пакет был вскрыт, в нем оказалось 14 экземпляров антисоветского журнала «Свободная пресса», нелегально издававшегося в Ташкенте, и письмо некоего Цветкова в Ашхабад к жене, в котором тот сообщал о готовящемся в Ташкенте восстании. Кроме того, в пакете нашли набросок плана Ташкента, шифрованную записку и записку на клочке папиросной бумаги, написанную по-английски.

Задержанный Мошков показал, что Борщинский был командирован П. Цветковым — одним из руководителей существовавшей в Ташкенте антисоветской организации — в Ашхабад для связи с тамошними контрреволюционерами. Борщинский пригласил Мошкова участвовать в выполнении этого задания. Чтобы добраться до Ашхабада, они вступили добровольцами в красногвардейский отряд, отправлявшийся на фронт. Так как отряд по каким-то причинам задержался в пути, они взяли отпуск на неделю и выехали в Чарджуй, где пристроились к другому отряду, отправлявшемуся на фронт. На станции Караул-Кую они сошли с эшелона и после ухода его провели операцию по разоружению караула, отправили телеграмму советскому

[1] По поводу личности задержанных существуют разные версии. В воспоминаниях Волженского, бывшего председателя Чрезвычайной следственной комиссии, который вел расследование по этому делу, первый назван бывшим штабс-капитаном Борщинским, а второй — студентом Мошковым («Красная летопись Туркестана», 1923, № 1-2, стр. 163—166). В воспоминаниях Поповича, участника задержания этих лиц, первый назван поручиком Бобчинским, а второй — техником ташкентского трамвая Мошковым — сыном крупного садовода («Воспоминания участников гражданской войны в Туркмении». Ашхабад, 1940, стр. 41—48).

командованию и пытались бежать. Мошков сообщил также об известных ему участниках подпольной организации, проживавших в Ташкенте. Члены фронтовой Чрезвычайной следственной комиссии немедленно выехали в Ташкент.

16 января 1919 г. с материалами расследования ознакомился председатель Туркестанской чрезвычайной следственной комиссии И. П. Фоменко. В течение двух дней комиссия арестовала более десятка заговорщиков, но Цветкову, наиболее важному из них, все же удалось скрыться.

18 января один из арестованных показал, что бывший офицер Ботт, состоявший адъютантом при военном комиссаре Туркестанского края, является членом контрреволюционной организации. В тот же день Ботт был арестован, но военный комиссар края К. П. Осипов категорически потребовал его освобождения. Работники Чрезвычайной следственной комиссии, в частности ее председатель И. П. Фоменко, заподозрили и самого К. П. Осипова, но авторитет последнего и доверие к нему были столь велики, что после вмешательства Туркестанского правительства Ботт был все же освобожден из-под стражи под поручительство того же Осипова. В ту же ночь, с 18 на 19 января, в Ташкенте началось восстание.

Вначале характер восстания был неясен. Можно было предположить, что оно поднято либо деятелями «Туркестанской военной организации», которая не была еще полностью ликвидирована, либо какими-то другими антисоветскими группами, или, наконец, левыми эсерами. Никто из руководителей правительства и не подозревал, что во главе мятежников стоит военный комиссар, командующий вооруженными силами края, член Коммунистической партии К. П. Осипов. Между тем дело обстояло именно так.

Как только началось выступление в городе, местные руководители направились в штаб 2-го полка гарнизона, где находился военком, которому они безгранично доверяли. Там они были схвачены и по личному приказу Осипова расстреляны. Жертвами предателя оказались 14 коммунистов — председатель ЦИК Туркестанского края В. Д. Вотинцев, председатель Совнаркома В. Д. Фигельский, председатель Ташкентского Совета Н. В. Шумилов, его заместитель В. Н. Финкельштейн, нарком продовольствия А. Я. Першин, нарком труда М. С. Качуринер, нарком внутренних дел А. Н. Малков, председатель Чрезвычайной следственной комиссии И. П. Фоменко, нарком путей сообщения Е. П. Дубицкий, председатель чрезвычайного военно-полевого суда А. В. Червяков, председатель Совета профсоюзов

и редактор газеты М. Троицкий, председатель штаба партийной дружины Д. Г. Шпильков, член исполкома Ташкентского Совета С. П. Гордеев, заместитель начальника охраны города Г. И. Лугин.

По городу в это время шныряли участники так называемых «двадцаток» — отрядов гимназистов, студентов (которых в Ташкенте метко прозвали «серой гвардией»), а также солдаты мятежного 2-го полка. Они занимали государственные учреждения, арестовывали и убивали ответственных работников. К утру 19 января мятежники захватили почти весь город, за исключением железнодорожных мастерских и крепости.

Рано утром 19 января в железнодорожные мастерские явились чуть ли не все рабочие-железнодорожники города. Туда пришли и избежавшие расправы представители советского актива. В 6 часов утра состоялся митинг, на котором железнодорожники, еще недавно выражавшие недовольство продовольственными трудностями, единодушно приняли решение защищать свою родную Советскую власть и создать временный революционный военный совет для борьбы с мятежом. В состав военного совета вошли большевики, левые эсеры, один анархист и беспартийные рабочие. Председателем вначале был избран А. И. Панасюк (левый эсер), а через короткое время председателем стал коммунист А. А. Казаков.

С целью выяснения обстановки члены временного революционного военного совета направили во 2-й полк делегатов, которые вскоре вернулись с представителем мятежников, бывшим офицером Гагинским. Они принесли письмо Осипова, в котором тот нагло призывал всех присоединиться к мятежу. Свое послание Осипов подписал как «командующий войсками Туркестанской демократической республики». На мандате делегата, которому поручено было вести переговоры, Осипов и другой главарь мятежа — Тишковский — написали: «Власть насильников уничтожена. Все видные представители расстреляны, как государственные изменники... Ждем вас и надеемся, что вы принесете свою лепту в общее дело».

Как отмечает А. Панасюк, Реввоенсовет все же не поверил, что Осипов стал изменником, и, предполагая, что его силой заставили подписать полученное письмо, послал ему письменный ответ, в котором просил прибыть в железнодорожные мастерские для переговоров [1]. Предатель, конечно, не явился. Продол-

---

[1] Переписка приведена А. И. Панасюком в его работе «Документы январского восстания 1919 г. в г. Ташкенте». Ташкент, 1925, стр. 18—19.

жая военные действия, мятежники попытались овладеть крепостью и Центральными железнодорожными мастерскими, но получили отпор в обоих этих пунктах.

Верный Советской власти, гарнизон крепости под командованием коменданта Ивана Панфиловича Белова встретил цепи мятежников огнем. Осипов, желая убедить красноармейцев крепости присоединиться к мятежу, в 5 часов утра 19 января направил им письмо. «Советская власть пала,— писал он.— Город находится в руках войск. Объявляется военная диктатура... Условия соединения крепости с гарнизоном таковы: гарнизон крепости остается с оружием в руках и поступает в общее командование. При соединении всем полная гарантия неприкосновенности личности».

Гарнизон крепости дал достойный ответ авантюристу. На общем собрании красноармейцы приняли резолюцию: «Обсудив настоящее положение и письмо военного комиссара Осипова, постановили: долой самочинных диктаторов, да здравствует Советская власть, как власть трудового пролетариата! Мы, красноармейцы крепостного гарнизона, категорически протестуем против каких бы то ни было диктаторов и до последней капли крови будем отстаивать нашу твердыню — крепость» [1].

Стойкое поведение гарнизона крепости, ее коменданта И. П. Белова сыграли большую роль в событиях.

Попытка группы мятежников пробраться ночью в железнодорожные мастерские окончилась провалом. Их не допустила в мастерские охрана, а подоспевшие затем красногвардейцы отбили вооруженную атаку, захватив некоторых заговорщиков в плен.

Вскоре выяснилось, что среди руководителей железнодорожников притаились изменники. 19 января в Центральные железнодорожные мастерские несколько раз настойчиво звонили по телефону со станции Кауфманская (недалеко от Ташкента) и просили явиться к прямому проводу председателя Совета мастерских В. Е. Агапова либо Н. Н. Попова (и тот и другой входили как представители железнодорожников в состав революционного военного совета) для переговоров с командиром какого-то отряда. В момент, когда их вызывали на телеграф, Агапова и Попова в помещении не было. Настойчивый вызов к проводу каким-то командиром отряда со станции Кауфманская, о котором не знали другие члены совета, вызвал подозрение. Для переговоров отправился один из членов военного совета. Полагая, что они разговаривают с В. Е. Агаповым, звонившие —

---

[1] «Красная летопись Туркестана», 1923, № 1-2, стр. 209—210.

командир заградительного отряда Асеев и правоэсеровские организаторы по работе среди крестьян, некие Баранов и Савицкий,— сообщили, что они выполнили полученное ими задание, организовали на станции Кауфманская отряд из 350 крестьян, готовых бороться за Учредительное собрание, и просили срочно выслать оружие и подвижной состав для доставки отряда в Ташкент. Одновременно они интересовались положением в Ташкенте: покончено ли уже с Советской властью?

Решено было вызвать в Ташкент главарей отряда, что и было исполнено. Прибывших на паровозе заговорщиков по пути на станцию Ташкент у семафора арестовали и привели в мастерские. Им была дана очная ставка с Агаповым и Поповым. Так выяснилось, что Агапов и Попов являлись участниками заговора. Обоих немедленно арестовали. Были приняты меры и в отношении мятежного отряда на станции Кауфманская. Организаторы этого отряда (Асеев, Баранов и Савицкий) по постановлению регистрационно-следственного отдела военного совета были расстреляны.

Постепенно стали известны все главари мятежа и цели, которые они преследовали. В первом (по-видимому, заранее заготовленном) воззвании мятежники обещали населению немедленно дать хлеб, керосин, топливо, которые «не могла дать ему Советская власть», и повести его «к осуществлению идеи народовластия — Учредительному собранию», которое будет созвано не позднее 20 марта. Пока же «временный комитет» восстанавливал свободную торговлю и заявил, что «до водворения полного порядка» будет применяться смертная казнь и будут «строго судить бывших деятелей Советской власти». Одновременно «комитет» предложил всем воинским чинам старой армии явиться на сборные пункты «с оружием» [1].

Провозглашенные мятежниками цели переворота — созыв давно уже дискредитированного Учредительного собрания, установление военной диктатуры — были встречены трудящимися города резко отрицательно. Поняв это, предатель Осипов неожиданно заговорил о перевыборах Советов. В выпущенном им в критический момент восстания воззвании он обещал созвать новый Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, избранный «на основании свободного голосования всех без исключения трудящихся» [2].

---

[1] Приведено в указанной работе А. И. Панасюка, стр. 20—21. Этот документ опубликован также в журнале «Красная летопись Туркестана», 1923, № 1-2, стр. 206—207.

[2] См. «Красная летопись Туркестана», 1923, № 1-2, стр. 207—208.

Но трудящиеся Ташкента остались глухими и к этому второму воззванию предателя.

В 6 часов утра 20 января советские вооруженные силы перешли в решительное наступление. Гарнизон крепости начал артиллерийский обстрел зданий и позиций мятежного 2-го полка.

Бой продолжался весь день. В 7 часов вечера белогвардейцы стали повсеместно отходить. Ночью Осипов с оставшимся у него небольшим отрядом, ограбив Государственный банк, бежал из города. Ему удалось добраться до разбойничьих становищ ферганских басмачей, к которым он и примкнул.

В приказе № 1, опубликованном 25 января восстановленной в городе Советской властью, говорилось: «В ночь с 18 на 19 января с. г. контрреволюция, во главе с военным комиссаром Осиповым, изменнически и зверски уничтожила главных представителей краевой и местной власти. Ташкентские революционные войска, обе партийные дружины и рабочие быстро ликвидировали эту преступную авантюру. Изменник Осипов с небольшой бандой белогвардейцев бежал. Войска, введенные им в заблуждение, оставили его и группами переходят к нам. Объединенное заседание оставшихся в живых членов ЦИК, Совета комиссаров и Ташкентского Совдепа, а также и членов Военно-революционного комитета избрало Краевой временный революционный совет, который возглавляет теперь правительство в лице ЦИК и Совкома и которому поручено в корне уничтожить эту преступную авантюру. ЦК, Совет комиссаров и Ташкентский Совдеп уже приступили к работе; не позднее 1 марта созывается I Чрезвычайный съезд Совдепов, который и восстановит краевую Советскую власть. Всем Советам на местах предписывается самыми беспощадными мерами уничтожать вспышки контрреволюции, под какими бы лозунгами эти вспышки ни возникали, отнюдь не допуская партийной розни, но произведя тщательную чистку обеих партий. Да здравствует Советская власть! Да здравствует социальная революция! Да здравствует диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства! Долой учредиловцев и врагов Советской власти!» [1]

В результате ликвидации мятежа, а затем и большой работы присланной в Ташкент из Москвы Особой комиссии по делам Туркестана (во главе с видным деятелем большевистской партии П. А. Кобозевым) положение Советской власти в крае укрепилось. Началось движение за слияние обеих советских партий

---

[1] «Наша газета» (Ташкент), 25 января 1919 г.

(большевистской и левоэсеровской) в единую Коммунистическую партию. По решению съезда партии левых эсеров Туркестана эта партия самораспустилась и в марте 1919 г. слилась с Коммунистической партией.

В конце февраля 1919 г., а затем несколько позже Чрезвычайный верховный трибунал Туркестана рассмотрел судебные дела о преступлениях задержанных главарей мятежа.

На суде выяснилось, что январское восстание было организовано антисоветской группой, состоявшей из разнородных элементов, начиная от представителей белогвардейщины и кончая предателем Осиповым, английским агентом, пробравшимся в Коммунистическую партию. Тайными нитями она была связана с английской разведкой и с «Туркестанской военной организацией».

Возникновение и деятельность группы, возглавившей мятеж, представились в следующем виде.

В составе Совета комиссаров Туркестана на посту комиссара по внутренним делам с декабря 1917 г. состоял член большевистской партии В. Е. Агапов. В том же Комиссариате внутренних дел работал и П. Цветков, бывший полковник и управляющий канцелярией краевого управления при керенщине. В то время, в начале советского строительства в крае, в государственные учреждения проникло немало карьеристских элементов, дискредитировавших новую власть. Вместо активной борьбы с этими ненормальностями Агапов лишь негодовал. Поняв слабость комиссара, белогвардеец Цветков исподволь натравливал его против других ответственных работников края и таким путем постепенно разлагал. Наконец в апреле 1918 г. Агапов вышел из большевистской партии и отказался от поста комиссара. Ушел со службы в комиссариате и Цветков. Первый уехал в Перовск, а второй — в Ашхабад.

В Ашхабаде Цветков встретился с деятелями «Туркестанской военной организации». Цветков на следствии показал: «В апреле я встретился с полковником Блаватским, с которым был знаком и раньше, не подозревая, что он состоит в президиуме военно-офицерской организации... Я задал ему вопрос общего характера: если бы произошел какой-нибудь переворот, то новая власть может рассчитывать на содействие военной организации? Ответ был утвердительный. В мае, когда я был в Ашхабаде, Блаватский ездил в Красноводск на свидание с представителями английских отрядов в Персии. Как он мне потом передавал, разговоры свелись к совершенно ясным положениям: англичане готовы всем помочь новой власти, если совершится

переворот»[1]. Так у П. Цветкова зародилась мысль о создании контрреволюционной организации для подготовки антисоветского переворота в Ташкенте. Он рассчитывал на содействие и помощь «Туркестанской военной организации», связанной с англичанами.

Вскоре П. Цветков возвратился в Ташкент. Пытаясь вновь пристроиться на государственную службу, он познакомился с секретарем бюджетно-финансовой комиссии Туркестанского ЦИК, бывшим крупным чиновником и правым эсером А. Тишковским, и завязал с ним близкие отношения как с единомышленником.

Тем временем из города Перовска в Ташкент возвратился и В. Е. Агапов, которого рабочие железнодорожники избрали на пост председателя Центральных железнодорожных мастерских.

Вскоре Цветков, Тишковский и Агапов встретились. Они договорились о создании организации для «демократической пропаганды» среди населения с целью подготовки переворота. Движение должно было идти под лозунгом созыва Учредительного собрания для установления новой демократической власти. А. Тишковский взял на себя работу среди интеллигенции и ответственных служащих советского аппарата, а также по налаживанию связей с другими политическими партиями и организациями. В. Е. Агапов должен был вести работу среди железнодорожников. Решено было издавать нелегальный журнал «Свободная пресса». Цветков готовил для журнала политические статьи.

Из переговоров Тишковского с представителями разных политических партий (меньшевиков, дашнакцутюн и др.) ничего не вышло, лишь правые эсеры приняли участие в организации, делегировав в нее своего представителя — Акимова.

В конце декабря 1918 г. состоялось совещание антисоветской группы, на которое собрались Тишковский, Цветков, Агапов, завербованные ими в железнодорожных мастерских Попов, Новоселов и Песковский, а также полковник Руднев и правый эсер Акимов. Совещание решило усилить работу с целью ускорения подготовки переворота.

Через несколько дней состоялось заседание, на котором полковнику Рудневу было поручено подыскать военных специалистов для работы в организации.

---

[1] Приведено С. Болотовым в работе «Из истории осиповского мятежа в Туркестане» («Пролетарская революция», 1926, № 6, стр. 116).

На следующем совещании группы присутствовали уже представители военной организации, возглавляемой изменником — военным комиссаром К. П. Осиповым. Это была самостоятельная антисоветская организация, состоявшая из бывших офицеров, служивших в Красной Армии и предательски готовивших военный переворот. Группа Агапова — Цветкова — Тишковского установила с нею контакт.

Вскоре авантюрист Осипов захватил инициативу подготовки переворота в свои руки. За 10—12 дней до мятежа на совещании, созванном им в помещении штаба Туркестанского военного округа, Осипов, явившись вместе со своими сподвижниками, бывшими офицерами: адъютантом Стремковским, командиром 2-го полка Бутениным, Савиным и другими, заявил о готовности руководимой им организации немедленно выступить против Советской власти. По его словам, в полном его распоряжении находятся военные силы 2-го полка, 3 эскадрона кавалерии, артиллерийская батарея и часть гарнизона военной крепости Ташкента.

При обсуждении плана выступления участники совещания рассчитывали и на силы созданных Тишковским по городу «двадцаток», а также на антисоветскую группу из военнопленных чехословаков численностью около 300 человек и крестьянский отряд, который предполагалось собрать на станции Кауфманская. В общем, заговорщики рассчитывали выступить силами в 3—3,5 тыс. человек.

Большое значение придавалось участию в выступлении рабочих Центральных железнодорожных мастерских. Однако заговорщики из мастерских (Попов, Песковский и др.) заявили на совещании, что из многотысячного коллектива Центральных мастерских они могут рассчитывать не более, чем на 100 человек.

Общий план мятежа, разработанный заговорщиками под руководством Осипова, предусматривал одновременный захват Центральных железнодорожных мастерских, военной крепости, а также всех правительственных учреждений. Агапов, Попов, Новоселов и другие заговорщики из числа железнодорожников в 6 часов вечера 18 января обязывались занять все входы в железнодорожные мастерские, куда позднее должны были явиться члены «двадцаток». Заговорщики рассчитывали захватить склад оружия в мастерских и вооружить участников мятежа. Одновременно подразделения 2-го полка должны были с помощью предателей из гарнизона овладеть военной крепостью и важнейшими объектами города. План этот, как известно, провалился в первые же часы выступления.

По первому судебному процессу, рассмотренному в Чрезвычайном революционном трибунале Туркестана под председательством Леппа, судились Цветков, Агапов, Попов, Чижов, Матузенко, Лебедев, Бутырин, Акимов и Сосновский. Процесс проходил при большом стечении трудящихся города, с участием общественных обвинителей и общественных защитников. Среди судей, помимо основного состава суда, было шесть, специально избранных рабочими железнодорожных мастерских.

Подсудимые Агапов, Попов, Чижов и Матузенко, признавая свою вину в предъявленном им обвинении, заявили на суде, что они оказались жертвами обмана со стороны Осипова, который вовлек их в кровавую авантюру. Они объяснили, что имели в виду лишь «бескровный переворот» с целью «улучшения власти» трудящихся. Они верили Осипову, не зная о том, что он является белогвардейцем и английским агентом. Когда же в момент выступления они увидели, что Осипов объявил военную диктатуру и расправился с комиссарами Советской власти, они, не согласные с такими методами борьбы, отошли от восстания.

Чрезвычайный верховный трибунал приговорил Цветкова к расстрелу, Агапова и Попова к заключению в тюрьму сроком на 5 лет каждого; Чижова, Матузенко, Лебедева, Бутырина, Акимова и Сосновского — к общественному порицанию.

Через некоторое время был задержан и бежавший А. Тишковский. Верховный революционный трибунал приговорил и его к расстрелу. Что касается главаря мятежа Осипова, то он еще некоторое время продолжал антисоветскую деятельность среди басмачей и в Бухаре. Примерно через год после восстания по вызову англичан он отправился за границу, но в пути заболел и умер.

Так бесславно закончилась еще одна авантюра против народной власти.

6. Ижевско-Воткинское восстание

В истории борьбы с контрреволюцией особое место занимает восстание в Ижевске Вятской губернии. Здесь правым эсерам, меньшевикам и белогвардейцам удалось вовлечь в антисоветское движение значительную часть рабочих и служащих оружейных и сталеделательных заводов. Следует отметить, что среди этих рабочих было немало сыновей лавочников, кулаков, буржуазии, работавших «на оборону», чтобы уклониться от мобилизации на фронт (они проникли на заводы еще до револю-

ции); а также были некоторые слои рабочих, недовольные продовольственными трудностями.

Летом 1918 г. в Ижевске было тревожно. Неподалеку шли бои с наступавшими чехословаками, действовавшими вместе с правоэсеровскими мятежниками, образовавшими в Самаре антисоветское правительство Комуча — Комитета членов Учредительного собрания. В городе и на заводах проявляли активность эсеры и меньшевики: они разжигали недовольство населения, призывая рабочих и обывателей Ижевска к свержению Советской власти и присоединению к «демократической» власти Комуча. Одновременно с правосоциалистическими организациями активную подрывную работу вел в городе и «Союз фронтовиков», насчитывавший около 4 тыс. бывших участников империалистической войны и находившийся под влиянием проникших в него офицеров. Белогвардейцы создали в «Союзе фронтовиков» нелегальные подрывные группы, привлекая в них малосознательные элементы. Таким образом, подрывная работа правоэсеровской организации, готовившей антисоветское выступление в Ижевске, смыкалась с работой белогвардейцев. Местные советские работники и большевистская организация, значительно поредевшая в результате призывов активистов в связи с гражданской войной, не в состоянии были дать должный отпор антисоветским элементам. Образованная в июне 1918 г. чрезвычайная комиссия, состоявшая целиком из рабочих — А. Бабушкина, И. Рогалева, Сазонова, Чекмарева, хотя и арестовала ряд контрреволюционеров из числа бывших офицеров и местной буржуазии, но этого оказалось недостаточно.

4 августа 1918 г. в связи с падением Казани и приближением Чехословацкого фронта в Ижевске была объявлена мобилизация мужчин, родившихся в 1898—1899 гг. Используя момент, «Союз фронтовиков», возглавляемый бывшим фельдфебелем Солдатовым, потребовал от Совета, чтобы фронтовикам выдали оружие на месте, в Ижевске, до отправки на фронт. В Совете разгадали контрреволюционный замысел «Союза фронтовиков», который намеревался использовать оружие для выступления против Советской власти. Оружия не дали.

И тогда 7 августа «Союз фронтовиков» организовал демонстрацию. Большая толпа прошла по центральным улицам города к зданию Совета. Руководители Совета выступили перед собравшимися с объяснениями, но их не слушали: толпа криками поддерживала своих главарей. Затем «фронтовики» двинулись к заводам и здесь вновь митинговали. Теперь уже в митингах участвовали и рабочие оружейного завода. Выступившие с речами

местный лидер правых эсеров В. И. Бузанов, фельдфебель Солдатов и другие призывали свергнуть Советскую власть и установить «истинную демократическую власть». Для поддержания порядка на митинг прибыли три конных милиционера. Толпа набросилась на них, одного столкнули в пруд. Затем «фронтовики» направились к складу винтовок оружейного завода, обезоружили охрану и вооружились. В городе зашевелились антисоветские элементы, появились вооруженные отряды «фронтовиков», гимназистов, учащихся училища оружейных техников.

В тот же день вечером руководители Совета вступили в переговоры с бунтовщиками, убеждая их сложить оружие. Но провокаторы не унимались. В момент переговоров отряд «фронтовиков» пошел в наступление; между ним и малочисленным отрядом коммунистов завязалась перестрелка. Переговоры были сорваны. К рассвету город оказался в руках восставших.

10 августа состоялось заседание исполкома Ижевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большевиков на заседании не было. Был избран новый президиум в составе: председатель — меньшевик Б. Куценко (впоследствии он был заменен меньшевиком П. Михайловым), товарищ председателя — Тюлькин и секретари — Санников и Горев. В президиум были кооптированы, кроме того, правоэсеровский лидер В. И. Бузанов и некий Салтыков, назначенный заведующим канцелярией. Создан был и «военный штаб», в который кроме начальника штаба, полковника Власова, вошли: от исполкома Совета меньшевик Вигдорович, главарь «Союза фронтовиков» Солдатов, «командующий войсками» офицер Цыганов, позже замененный полковником Д. И. Федечкиным.

Таким образом, в начале мятежа Советская власть по форме сохранилась: мятежники не решились упразднить ее, чтобы не вызвать недовольство масс, но попытались приспособить Совет для своих целей.

Между тем в городе царил террор. «Фронтовики», белогвардейские офицеры хватали и убивали ответственных советских и партийных работников города. Среди убитых были военный комиссар П. Лихвинцев, председатель трибунала В. Михайлов, член ревкома Папирмейстер, коммунисты В. Жечев, Ульянов, Самлер, эсеры-максималисты, занимавшие ответственные посты в городе,— Посаженникова и Баталов[1]. Уже 13 августа Солда-

[1] Впоследствии были убиты также: председатель Чрезвычайной комиссии А. Бабушкин, начальник милиции И. Рогалев, председатель военного отдела исполкома Совета Исачев, видный коммунист Холмогоров и многие другие.

тов на митинге объявил, что руководители большевиков казнены. А после этого «исполком Совета» принял такое лицемерное постановление: «Российская демократия всегда стояла за отмену смертной казни, а Совет состоит из сынов этой демократии. Ижевский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов единогласно постановил, что... в Ижевске не должно быть и речи о смертной казни...»

Немедленно же после захвата власти мятежники приступили к созданию вооруженных сил контрреволюции. Они сформировали так называемую «Ижевскую народную армию», в которую вошли взбунтовавшиеся фронтовики, бывшие офицеры, гимназисты, учащиеся училища оружейных техников и другие «добровольцы». Затем была объявлена принудительная всеобщая мобилизация лиц мужского пола от 18 до 45 лет. Силы мятежников оказались довольно значительными. 21 августа восставшие захватили Воткинск, 31 августа — Сарапул и ряд окрестных сел и деревень, где их поддержали кулаки.

Вскоре Советская власть в Ижевске была официально ликвидирована. Главари мятежников 28 августа 1918 г. объявили «во всеобщее сведение, что город Ижевск находится под властью Комитета Всероссийского Учредительного собрания, временно находящегося в Самаре. Все гражданские и военные власти в Ижевске признают названный Комитет единственной и законной верховной властью в России и считают себя в полном и беспрекословном у него подчинении. Ижевский Совет Р., К. и С. Д. и его исполнительный комитет считается классовой рабочей организацией, а не органом верховной власти.

Для создания законной власти в Ижевске должен организоваться Комитет Учредительного собрания немедленно. А так как в Ижевске имеется член Всероссийского Учредительного собрания Василий Иванович Бузанов, то он и должен немедленно, в интересах проведения всех гражданских свобод и истинного народовластия, сорганизовать Комитет Всероссийского Учредительного собрания, который явится обладателем законной власти в Ижевске при обязательном подчинении ему всех гражданских и военных властей» [1].

В Воткинске, занятом мятежниками, нашлись еще два члена Учредительного собрания — Н. И. Евсеев и А. Д. Корякин, которые прибыли в Ижевск 30 августа и вместе с Бузановым составили уже Комитет членов Учредительного собрания При-

[1] *В. Сергеев.* Ижевские рабочие в борьбе за Советскую власть.— В. сб. «Ижевск в огне гражданской войны». Ижевск, 1927, стр. 62—63.

камского края. 9 сентября этот Комитет объявил «населению сел и городов, восставших за Учредительное собрание Прикамского края, что политическая власть Советов и их комитет упраздняются. Советы могут существовать лишь как добровольные классовые организации пролетариата и трудового крестьянства. Восстанавливаются во всех своих правах уездные, волостные и городские органы местного самоуправления, организованные на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, которые и действуют на точном основании положений Временного правительства о земском и городском самоуправлении...

Впредь до производства правильных выборов городских гласных таковыми признаются гласные Ижевского волостного земства, и волостная земская управа именуется Ижевской городской управой, и ей предоставляются все права и обязанности, предусмотренные городовым положением 1915 г. и распоряжением Временного правительства от 29 сентября 1917 г.» [1].

«Учредиловцы» объявили свободу торговли, отменили твердые цены на сельскохозяйственные продукты, аннулировали декрет Советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви. Была создана контрразведка. Прикамский Комитет членов Учредительного собрания как бы копировал Комуч, находившийся в Самаре. И так же, как в Самаре, власть здесь фактически находилась в руках белогвардейских офицеров из «Союза фронтовиков». Ни одно постановление Комуча без подписи военного командования не имело силы. «Командующий войсками» полковник Д. И. Федечкин вел себя как диктатор и готовил военный переворот. Новый «командующий», капитан Г. Ю. Юрьев, получил по его требованию от «учредиловцев» полную свободу действий и заявил угрожающе на митинге: «Я искореню измену и провокацию в рядах армии. Я введу в армии железную дисциплину. От имени моего будут трепетать все изменники и провокаторы...» [2] Смертная казнь, объявленная ранее отмененной, была вновь введена. В казематах «демократической власти» сидели тысячи советских активистов, в том числе председатель исполкома Ижевского Совета старый большевик И. Д. Пастухов, в свое время избранный рабочими в Учредительное собрание. Эсеровские «защитники Уч-

---

[1] Цитируется по документу, приведенному Н. Сапожниковым в статье «Ижевско-Воткинское восстание».— «Пролетарская революция», 1924, № 8-9, стр. 22—23.

[2] См. *В. А. Максимов.* Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание (1918 г.). Ижевск, 1933, стр. 53.

редительного собрания» не помешали белогвардейцам замучить Пастухова только за то, что он был большевиком. Такова была эсеровская «учредиловская демократия»!

Но вскоре мятежники стали терпеть поражения от Красной Армии. К тому же, несмотря на объявленную свободу торговли, в Ижевске свирепствовал продовольственный кризис. Подпольные большевистские организации помогали обманутым рабочим Ижевска и Воткинска понять, куда ведут их мятежники. Началось дезертирство из «народной армии». Кольцо окружения вокруг мятежников смыкалось. 5 октября 1918 г. 2-я сводная дивизия под командованием В. А. Азина заняла Сарапул. Действовавшая совместно с войсками Волжская военная флотилия, которой командовал Ф. Ф. Раскольников, захватила на реке плавучую тюрьму с находившимися там советскими и партийными работниками. В оперативной сводке 2-й армии Восточного фронта от 18 октября сообщалось: «Волжская военная флотилия, узнав, что в Гольянах (на правом берегу Камы, в 30 верстах к северу [от] Сарапула) стоит баржа с арестованными советскими работниками, вышла из Сарапула вверх по Каме с целью захватить указанную баржу. Прибыв в Гольяны, начальник флотилии, выдав себя за белогвардейца, приказал буксирному пароходу, стоявшему у пристани, от имени белогвардейского командования взять баржу на буксир и вести ее вниз к Сарапулу. Хитрость вполне удалась — баржа благополучно прибыла в Сарапул. На барже оказалось 522 советских работника, находившиеся в ужасном положении: большинство были раздеты, покрыты только рогожами, вид их был крайне изнуренный, все они от голода едва стояли на ногах. Накануне 30 чел. были расстреляны. В ночь на 18 октября та же участь ожидала и остальных; радость освобожденных из рук белых палачей была неописуема» [1].

Когда советские войска подходили к Ижевску, белогвардейский «главнокомандующий» Юрьев издал такой приказ: «Пусть арестованные (находившиеся в казематах Ижевска.— *Д. Г.*) молят бога, чтобы мы отогнали красных. Если красные приблизятся к городу ближе, чем на 3 версты, то все арестантские помещения будут закиданы бомбами. В камерах должно быть полное спокойствие; при малейшей попытке к бегству часовым приказано без всякого предупреждения стрелять. Нарушивших чем-

---

[1] «Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Сборник документов, ч. 1 (июнь 1918 г.— начало марта 1919 г.). Ижевск, 1960, стр. 128.

либо порядок выводить во двор и прикалывать» [1]. Мятежники неукоснительно выполняли этот варварский приказ.

7 ноября 1918 г., в годовщину Октябрьской революции, советские войска освободили Ижевск. Во дворе военного отдела красноармейцы нашли гору изрубленных, исколотых трупов советских активистов. Путь от Ижевска до Воткинска, куда отступали озверевшие мятежники, был усеян десятками трупов большевиков.

Колчак оценил рвение и «доблесть» «главнокомандующего» Юрьева. «Милостивый государь Григорий Николаевич! — писал он ему.— Высоко оценивая ваши заслуги перед родиной по созданию армии из восставших рабочих Ижевского и Воткинского заводов, ваши неисчислимые труды по сохранению боеспособности этих частей, несмотря на беспрерывные бои с сентября месяца до последних дней, вашу героическую борьбу с большевизмом, я от лица всей армии благодарю вас за все вами сделанное и награждаю орденом св. Георгия 4-й степени и чином полковника» [2].

После Ижевска советские войска заняли Воткинск. Кровавая авантюра ижевских «учредиловцев», действовавших вместе с белогвардейцами, потерпела крах. «Главнокомандующий» Юрьев решил бросить «игру в демократию» и приказал арестовать членов Комуча — Евсеева, Корякина и других, но им удалось бежать.

Многие ижевцы и воткинцы, ушедшие с белогвардейцами из своих родных мест, вольно или невольно оказались затем в войсках Колчака.

---

[1] Документ приведен Н. Сапожниковым в статье «Ижевско-Воткинское восстание».— «Пролетарская революция», 1924, № 8-9, стр. 37.

[2] Там же, стр. 31.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Общая расстановка главных борющихся сил в период решающих побед Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции

Начавшаяся осенью 1918 г. перегруппировка сил антисоветского лагеря закончилась к весне 1919 г., когда на первый план борьбы против Советской власти выдвинулись наиболее реакционные круги контрреволюции.

К весне 1919 г. при политической, военной и материальной поддержке империалистов Антанты на территории России оформилось несколько крупных антисоветских военно-политических объединений, возглавляемых военными диктаторами — монархистскими генералами. На востоке это были силы во главе с «верховным правителем России» вице-адмиралом А. В. Колчаком, на юге — во главе с «главнокомандующим вооруженными силами Юга России» генералом А. И. Деникиным; в районе Петрограда — во главе с генералом Н. Н. Юденичем. Политическим ядром этих военно-диктаторских режимов явились монархистские и кадетские организации.

Кошмар колчаковского «управления» висел более чем над двенадцатью губерниями Сибири, Урала, Приволжья. Почти сразу же после своего «воцарения» Колчак стал восстанавливать старые порядки, причем проявлялось это и в большом и в малом. Так, например, подражая монархам прошлого, Колчак на документах государственной важности писал: «Согласен». Всегда и везде слова «верховный правитель» писались заглавными буквами, как писались при самодержавии слова «государь император». Но если внешне это только напоминало о самодержавии, то по своей жестокости колчаковский режим в отношении не согласных с ним далеко превосходил все, что было при царях.

Повсеместно были назначены главные начальники с правами генерал-губернаторов, восстановлена охранка, введен ряд зако-

нов о смертной казни. Вынесение приговоров поручалось военно-полевому суду или офицерской «тройке». Посылались специальные карательные экспедиции, в которых особой кровожадностью прославились такие подручные Колчака, как атаманы Семенов и Анненков, генералы Розанов, Красильников и Волков. Были расстреляны, повешены, замучены, живыми зарыты в землю многие тысячи трудящихся. По официальным данным, только в Екатеринбургской губернии колчаковцы расстреляли не менее 25 тыс. человек. В Кизеловских копях было расстреляно и заживо погребено около 8 тыс., в Тагильском и Надеждинском районах замучено около 10 тыс., в Екатеринбургском и других уездах — не менее 8 тыс. Около 10% населения — мужчины, женщины, дети — было подвергнуто жестокой и унизительной порке. Из Тюмени официально сообщалось: «Количество убитых разными способами и поротых красноармейцев и рядовых обывателей и граждан совершенно не поддается никакому учету».

По далеко не полным данным, только в нескольких губерниях Сибири колчаковцы сожгли около 10 тыс. домов, разорили десятки тысяч хозяйств, взорвали несколько мостов.

Желая предстать перед общественным мнением в качестве «либеральной власти», правительство Колчака, возглавляемое сначала кадетствующим сибирским деятелем П. В. Вологодским, а затем В. Н. Пепеляевым, пыталось привлечь на свою сторону так называемые «демократические и левые элементы».

В качестве либерала в колчаковском правительстве на посту заместителя председателя совета министров подвизался один из лидеров антисоветского «Национального центра» А. А. Червен-Водали. Были в правительстве и ренегаты из правосоциалистических партий. Иностранные дипломаты отмечали двуличие колчаковщины. 10 августа 1919 г. американский генерал Грэвс в своем донесении военному департаменту США дал такую характеристику колчаковскому правительству. «Правительство,— писал он,— делится на две различные части: одна — выпускает прокламации и распространяет сообщения для иностранного потребления о благожелательном отношении правительства к созыву Учредительного собрания и готовности осуществить его созыв, другая часть тайным образом строит планы и заговоры с целью восстановления монархии... Лицемерное правительство пытается убедить крестьян, что их задача заключается в предоставлении продовольствия, и ищет психологического момента для восстановления монархии. Колчак окружил себя офицерами

старого режима, спасение которых в будущем зависит только от восстановления монархии» [1].

Бывший царский министр иностранных дел С. Д. Сазонов, исполнявший в Париже обязанности представителя Колчака, образовал там комитет-совещание в составе бежавших из России князя Г. Е. Львова и члена ЦК кадетской партии В. А. Маклакова для работы среди иностранцев в пользу Колчака. В секретной телеграмме на имя колчаковского министерства иностранных дел от 15 января 1919 г. Сазонов писал: «Требуется участие в совещании левых элементов. Пока некого взять... Единственный человек из находящихся здесь, который мог бы сыграть эту роль,— Савинков... Его позиция совершенно согласна с нами. По словам его, у него много сторонников в России, среди не социалистических, но демократических радикальных элементов, а также среди офицерства. Он сам очень желает быть приобщенным к совещанию, о чем нам прямо заявил... Ввиду большой спешности этого вопроса, а также, что телеграмма от 11-го указывает, что и вы находите нужным его иметь с нами... мы решили добиться его участия в совещании и предварительно фактически привлечь его к делу. Мы хотим поручить ему агитацию среди демократических элементов и с этой целью для себя используем его спутников. Просим вашего одобрения. Вместе с тем просим все-таки изыскать способ удовлетворения его денежных притязаний» [2].

Так был куплен еще один «левый элемент», бежавший из России ренегат Савинков, «работу» которого оплачивал теперь Колчак.

Соблазняя иностранных капиталистов богатствами края, колчаковское правительство рассчитывало с их помощью восстановить старый строй, вернуть помещикам их прежние владения, капиталистам — заводы и фабрики. Созданное с этой целью Особое совещание занималось финансированием фабрикантов и заводчиков. Колчаковский совет министров чуть ли не каждый день отпускал десятки миллионов рублей различным акционерным компаниям. Был учрежден Военно-промышленный комитет, в котором верховодили деятели кадетской партии. В этом комитете безнаказанные хищения и растраты достигли невероятных размеров. Иностранным капиталистам колчаковцы отдали тысячи предприятий Сибири для эксплуатации.

---

[1] *Грэвс.* Американская авантюра в Сибири (1918—1920), стр. 169.

[2] См. *И. Субботовский.* Союзники, русские реакционеры и интервенты. Краткий обзор (Исключительно по официальным архивным документам колчаковского правительства). Л., 1926, стр. 66.

Призвав на помощь иностранные войска для борьбы против трудовых масс России, колчаковцы содержали и бесплатно перевозили их по железным дорогам. Они передали правительствам и капиталистам Антанты за поставки оружия огромное количество золота из захваченного контрреволюционерами в Казани золотого запаса государства.

Не менее, если не более реакционной, чем колчаковщина, была господствовавшая на занятой контрреволюцией территории Юга России деникинщина.

В апреле 1919 г. «Особое совещание» — совещательный орган при штабе Деникина — представило официальным миссиям правительств стран Антанты декларацию (она широко распространялась в листовках и среди населения), содержавшую политическое кредо деникинщины. В ней объявлялось, что целью Деникина является уничтожение большевизма, водворение в стране «правового порядка», «восстановление могущества единой и неделимой России». Деникин туманно обещал созвать Национальное собрание (лозунг созыва Учредительного собрания исчез из лексикона деникинщины), дать широкое самоуправление местам, областную автономию, «гражданские свободы», провести «земельную реформу для устранения земельной нужды трудящегося населения», рабочее законодательство, «обеспечивающее трудящиеся классы».

Но это были только слова. За наступавшей Добровольческой армией двигался, как тогда говорили, «помещичий шарабан», пассажиры которого немедленно вступали во владение своей бывшей собственностью в селах и городах. Вся полнота государственной власти переходила в руки «главнокомандующего Добровольческой армией» и назначенных им начальников. Открыто восстанавливались порядки и законы царской России. Русская православная церковь объявлялась «первенствующей»; русский язык — государственным; царский трехцветный флаг — государственным флагом. Вместо обещанной земельной реформы жестко проводился принцип «сохранения за собственниками», то есть помещиками, их «прав на землю». Мало того, Деникин издал закон, по которому крестьянин, засеявший до прихода деникинцев землю помещика, должен был не только возвратить ему землю, но и отдать треть урожая 1919 г. Жестоко подавлялось малейшее проявление национального самосознания всех нерусских народов. Разгонялись рабочие организации. Эту политику Деникин проводил террористическими методами, при помощи карательных экспедиций.

При деникинском «Особом совещании» существовал так называемый «Осваг» — осведомительное агитационное агентство, сочетание агитации с контрразведкой. Газеты «Освага», выходившие большими тиражами, плакаты и лубки носили ярко выраженный черносотенный характер и вели антисоветскую, погромную агитацию, травлю большевиков. Среди деятелей деникинской печати подвизался и Пуришкевич, издававший в Ростове-на-Дону погромный журнал «Благовест».

Вначале в деникинское «Особое совещание» в качестве «советников» входили деятели кадетской партии, крупные промышленники, торговцы и финансисты: член руководства «Национального центра», председатель «Совещания» Н. Астров, С. Маслов, М. Федоров, А. Нератов, А. Герасимов, В. Степанов, И. Шипов, С. Безобразов и др. Позже «Особое совещание» было ликвидировано и создано «правительство» под председательством генерала А. С. Лукомского.

Опорой деникинцев на территории захваченной ими Украины явились южнорусское объединение «Национального центра», возглавляемое бывшим членом Государственной думы монархистом В. В. Шульгиным, и возникший еще в октябре 1918 г. в Киеве «Совет государственного объединения России», состоявший из буржуазных деятелей бывших Государственной думы, Государственного совета, земских и городских самоуправлений, крупных торговцев, промышленников, земельных собственников, церковных деятелей и финансистов. Председателем «Совета» состоял барон В. В. Меллер-Закомельский, бывший председатель Петербургской губернской земской управы и член Государственного совета; товарищами председателя — бывший царский министр земледелия А. В. Кривошеин, профессор П. Н. Милюков, бывший член Государственной думы А. М. Масленников и от торгово-промышленной группы — С. Н. Третьяков; членами «Совета» были профессор Е. Н. Трубецкой, князь А. Д. Голицын и др. Самой «левой» легальной организацией Юга России при деникинщине был южнорусский «Союз возрождения России»; к нему примыкал «Совет земств и городов Юга России». Как и в Советской России, в южнорусский совет «Союза возрождения России» входили так называемые государственно мыслящие народные социалисты, левые кадеты, некоторые правые эсеры и меньшевики. Председатель южнорусского совета «Союза возрождения России», народный социалист В. Мякотин, впоследствии рассказывал, что его организация, не разделяя «во всем» политической линии деникинщины, считала нужным поддерживать ее борьбу с Советской властью в на-

дежде на возможные «демократические реформы». Делегации «Союза возрождения», игравшего роль легальной оппозиции при Деникине, неоднократно рекомендовали военному диктатору различные проекты «улучшения» деникинского аппарата произвола и насилия. Но Деникин отмахивался от этих рекомендаций: дескать, с социалистами поговорим потом [1].

Деникинщина вызывала возмущение не только крестьянских масс и рабочего класса. Начались распри даже среди тех, кто поддерживал Деникина. Отдельные политические группировки пытались наметить меры по «оздоровлению» белогвардейского режима. В одной из записок, представленных Деникину, южнорусский совет «Союза возрождения России» обращал внимание на уязвимые места деникинского режима. Причины неудач белых войск авторы записки видели в тяжелом состоянии тыла и армии. Вину за развал тыла они возлагали не только на население, но и на деникинскую власть. Чтобы укрепить режим, «возрожденцы» советовали Деникину пойти навстречу крестьянам в аграрном вопросе, ибо «без этого нельзя успокоить страну», преодолеть враждебное отношение крестьянства к «государственной власти». Стремясь убедить Деникина в необходимости принять срочные меры по укреплению тыла, авторы записки вынуждены были довольно правдиво обрисовать положение на подвластных ему территориях. «Дороговизна,— писали они,— нарастает с ужасающей быстротой, и все сильнее и шире разыгрывается спекуляция. Последняя не только обездоливает население, но и развращает администрацию, заражая ее чуть ли не поголовно взяточничеством. Вынужденные иногда сами добывать пропитание и обмундирование, воинские части невольно втягиваются в грабежи и хищничество» [2]. Эта «верноподданническая» критика со стороны «Союза возрождения России» не касалась многих злодеяний деникинщины, но и она весьма показательна.

30 мая 1919 г. по настоянию иностранных «союзников» Деникин объявил о своем подчинении Колчаку.

Третьим из наиболее крупных военных диктаторов того времени стал генерал-от-инфантерии Н. Н. Юденич, избравший районом своей деятельности Северо-Запад России. Это был не выделявшийся какими-либо особенными способностями и та-

---

[1] См. *В. Мякотин.* Из недалекого прошлого.— В сб. «На чужой стороне» (Прага), 1925, XI, стр. 226—230.

[2] *В. Мякотин.* Из недалекого прошлого.— В сб. «На чужой стороне». (Недаром Добровольческую армию в народе называли «грабьармией»! — *Д. Г.*)

лантами генерал, ставший популярным в первую мировую войну благодаря успехам войск Кавказской армии, в которой он служил. Это был убежденный и откровенный монархист. Еще во времена керенщины его отрешили от поста главнокомандующего фронтом как сопротивлявшегося распоряжениям Временного правительства.

После Октября Юденич вел контрреволюционную подпольную деятельность в Петрограде, ориентируясь на Германию. Главной целью его был военный захват Петрограда, чтобы сокрушить большевизм в самом его центре. Достичь этого он надеялся с помощью немецких штыков. Но после поражения Германии в войне Юденич изменил ориентацию. В ноябре 1918 г. он бежал из революционного Петрограда в Финляндию, где во главе государства в это время оказался бывший придворный русского царя генерал-майор Маннергейм, с помощью немцев потопивший в крови революцию финских рабочих и крестьян. Юденич вел переговоры с Маннергеймом о совместном выступлении против Советской России, метался от США к Франции, от Франции к Англии, носился с планом создания фронта против Петрограда, используя «берега Финского залива и территории прибалтийских провинций». Он просил помощи и поддержки финансами, оружием и другими средствами, заверял, что признает Антанту, и выражал готовность подчиниться ее руководству. Уверял, что он не монархист и не республиканец и вообще не интересуется политикой и что единственной его программой является уничтожение большевизма в России.

В Финляндии в то время существовала колония русских белоэмигрантов — около 20 тыс. человек, из них 2—2,5 тыс. офицеров. Главную роль среди белоэмигрантов играли промышленники и финансисты, имевшие связи и средства, а также представители царской высшей бюрократии. Из них образовался «Русский политический комитет» явно монархистского направления. Возглавлял его бывший царский премьер-министр А. О. Трепов, придерживавшийся германской ориентации. После поражения Германии, в январе 1919 г., из Петрограда в Финляндию нелегально прибыл один из лидеров «Национального центра», бывший министр Временного правительства профессор богословия А. В. Карташев, сыгравший определенную роль в переориентации «Русского политического комитета». И когда Карташев стал председателем правления «Русского политического комитета», последний принял «союзническую ориентацию». «Русский политический комитет» поддержал Юденича, мечтавшего о захвате Петрограда, и выдвинул его в качестве

лидера антисоветского движения на Северо-Западе. При Юдениче было создано «Политическое совещание».

В письме на имя министра внутренних дел колчаковского правительства В. Н. Пепеляева от 25 мая 1919 г. А. В. Карташев писал: «Юд[енич] создал при себе... Политическое совещание, в общем, достаточно левого оттенка, на фоне крайне правой фин[ской] эмиграции...

Первейшая задача Политического совещания — это быть представительным органом, берущим на себя государственную ответственность в необходимых переговорах с Финляндией, Эстонией и пр. новоявленными малыми державами. Без таких ответственных переговоров и договоров невозможна никакая кооперация наша с ними против большевиков. Второй задачей Совещания является роль зачаточного и временного правительства для Северо-Западной области. Эта роль требует большого количества людей, но первая задача превалирует, и потому пришлось ограничиться подбором минимального количества лиц, не могущих вызвать против себя возражений и в русской среде, и в Париже, и у Антанты. Таким путем в Совещании оказались: Юд[енич] как председатель совещания, я (Карташев) — заместитель председателя (иностр. дела), Куз[ьмин]-Кар[аваев] (юст. и агит.); генерал Кондезеровский — начал. шт[аба] Юд[ени]ча; генер. Сувэров (работавший в Петербурге с «Нац. центром» и стоящий на его платформе) — военн. дела, внутренн. дела и пути сообщения; Лианозов (промышленник-нефтяник, юрист по образованию, ч[елове]к прогрессивный) — торгово-промышлен., труд и финансы. В дополнение и в помощь этим лицам идет второй, политически не ответственный ряд специалистов, ведающих в качестве «товарищей министров»: пути сообщения, финансы, агитацию и пр. Так готовимся к событиям» [1].

При поддержке деятелей «Национального центра» Юденич в январе 1919 г. обратился к Колчаку с посланием, в котором признал для себя обязательной его платформу; предложил Колчаку свой военный план и просил помощи, в частности поддержки перед Антантой. Колчак охотно согласился и даже прислал Юденичу миллион рублей «на наиболее срочные нужды». Финансово-промышленные русские белоэмигрантские круги также субсидировали Юденича (они дали ему 2 млн. рублей), и с согласия Маннергейма он начал тайно формировать белогвардейскую армию в Финляндии. Большие надежды возлагал

[1] «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 143.

Юденич и на то, что ему удастся подчинить себе остатки белой Северной армии, разгромленной красноармейцами в конце 1918 г. под Себежем и Псковом, обосновавшиеся в буржуазной Эстонии («Северный корпус»). В мае 1919 г. на предложения Юденича откликнулась Англия, тайно заверившая его в том, что она окажет ему помощь для осуществления его планов. К Юденичу прибыла английская военная миссия. Англичане требовали от Юденича только одного — полного подчинения Колчаку (они не очень-то верили бывшему германофилу и рассчитывали покрепче привязать его к Колчаку).

Пока шли все эти приготовления, «Северный корпус» из Эстонии под командованием генерала А. П. Родзянко, независимо от Юденича, начал наступление на Петроград, но потерпел поражение. Изменение военной обстановки ускорило приход Юденича к власти. 24 мая 1919 г. Колчак предложил ему принять командование «всеми русскими силами на Северо-Западе». Летом 1919 г. Юденич наконец объединил все антисоветские силы в этом районе и переехал в Эстонию, чтобы оттуда начать свой «марш» на Петроград.

Англичане позаботились о том, чтобы Юденич имел «надлежащее правительство», которому они могли бы верить. Формирование «правительства» походило на фарс с переодеванием. Английский генерал Марш вызвал к себе из Финляндии в Ревель членов «Политического совещания» при Юдениче. Когда они (А. В. Карташев, В. Д. Кузьмин-Караваев, М. Н. Суворов и С. Г. Лианозов) явились в английское консульство в Ревеле, генерал Марш пригласил их в комнату, где уже находились также вызванные бравым генералом белоэмигранты — полковник К. А. Крузенштерн, К. А. Александров, М. М. Филиппео, М. С. Маргулиес, В. А. Горн, Н. Н. Иванов — и корреспондент английских газет Поллак. Здесь же присутствовали и представители американской и французской миссий.

Собравшимся русским белоэмигрантам было предложено немедленно, буквально не выходя из комнаты, образовать «северо-западное русское правительство» и заключить договор с эстонским правительством о признании независимости Эстонии и совместной борьбе против Советской России. Генерал Марш передал присутствующим заготовленный заранее «список членов правительства», в который он включил нужных ему лиц.

Было 18 часов 20 минут. Коверкая слова, Марш по-русски предупредил: «Если к 19 часам правительство не будет создано, всякая помощь союзников будет немедленно прекращена. Мы вас бросим».

Когда присутствующие стали ссылаться на то, что неизвестно, подпишет ли Юденич, которого не было на совещании, заявление о признании независимости Эстонии, Марш пригрозил: «В таком случае у нас будет другой главнокомандующий».

С этими словами он удалился вместе с американским и французским представителями.

Предложение было принято. За 40 минут было образовано «правительство» в таком составе: председатель С. Г. Лианозов, министр внутренних дел К. А. Александров, военный министр Н. Н. Юденич, министр торговли и промышленности М. С. Маргулиес, министр юстиции Е. И. Кедрин, министр продовольствия Ф. Г. Эйшинский, министр просвещения Ф. А. Эрн, министр общественного призрения А. С. Пешков, государственный контролер В. А. Горн, министр земледелия П. А. Богданов, министр вероисповеданий Н. Ф. Евсеев и министр почт и телеграфа М. М. Филиппео.

Старый царский дипломат К. Набоков, выполнявший в Англии роль представителя Колчака, сообщая 20 августа 1918 г. колчаковскому правительству об «искусственном создании англичанами» этого «твердо-законного правительства», писал: «Решительно во всех кругах [это] новое пр-во вызывает лишь негодование, либо смех» [1].

К колчаковскому, деникинскому и юденичскому очагам контрреволюции вплотную примыкали районы открытой оккупации, откуда Антанта поддерживала любое антисоветское движение.

На Севере, в районе Архангельска и Мурманска, против Советов действовали английские, американские и французские войска под командованием генерала Айронсайда, сменившего Ф. Пуля, и белогвардейцы, возглавляемые с января 1919 г. генералом Е. К. Миллером.

На Северо-Западе, в Прибалтике, германские войска под командованием генерала фон дер Гольца, действовавшего по поручению Антанты, а также польские отряды, финские наемники-егеря, эстонские, латышские, литовские буржуазно-националистические воинские части и русские белогвардейцы при участии английского флота свергли рабоче-крестьянскую власть и образовали вооруженный фронт против Советской России.

На Юге России действовали интервенционистские войска Антанты под командованием французского генерала д'Ансель-

---

[1] См. *И. Субботовский.* Союзники, русские реакционеры и интервенты. Краткий обзор (Исключительно по официальным архивным документам колчаковского правительства), стр. 56.

ма, численность которых к 15 февраля 1919 г. достигла 130 тыс. человек.

Азербайджан был оккупирован английскими войсками. Генерал Томсон объявил себя губернатором города Баку. В Грузии меньшевистское националистическое правительство вело подрывную работу против Советской России. Фактически там распоряжались английские оккупационные войска.

Крым был занят войсками Антанты, при поддержке которых было создано «Крымское краевое правительство», возглавляемое табачным фабрикантом С. Крымом и татарскими буржуазными националистами.

В далеком Туркестане все еще существовал Закаспийский фронт борьбы с белогвардейскими мятежниками и английскими интервентами. Но теперь уже вместо эсеровского Ашхабадского «правительства» Фунтикова английский разведчик Тиг-Джонс путем «переворота» создал «правительство Директории» в составе генерала Крутена, Белова, Зимина, английского агента Дружкина и др.

Все это оказывало влияние на состояние фронта борьбы с внутренней контрреволюцией в тылу Советской страны. Агенты Колчака, Деникина, Юденича, Антанты продолжали создавать подпольные организации и плести заговоры в тылу борющейся Красной Армии. Их подрывная деятельность увязывалась с военными действиями мятежных генералов и международных империалистов. Место правосоциалистических партий в качестве руководящих органов антисоветского подполья заняли преимущественно кадетские организации «Национального центра». Кадеты стали соучастниками монархистской контрреволюции.

Так к весне 1919 г. определились главные борющиеся классовые и политические силы в Советской стране. По одну сторону фронта стояли рабочий класс и революционное крестьянство во главе с большевистской партией и Советским правительством, по другую — буржуазия и помещики в союзе с империалистами Антанты.

Руководствуясь принципами ленинской внешней политики, Советское правительство делало все зависящее от него для прекращения войны. Оно не раз выступало с мирными предложениями правительствам США, Англии, Франции, Италии и других капиталистических государств. Но эти предложения оставались без ответа — Антанта не хотела смириться с существованием первого в мире социалистического государства, явившего пример для рабочего класса всего мира, и продолжала поддерживать антисоветских мятежников.

Советская страна, вынужденная обороняться, главное внимание уделяла военным фронтам, усилению Красной Армии. Вся страна была объявлена единым военным лагерем. 30 ноября 1918 г. под председательством В. И. Ленина ВЦИК образовал Совет Рабочей и Крестьянской Обороны, который так определил стоявшие перед страной задачи:

«Необходимо обеспечить армию снабжением и для этого повысить производительность труда.

Необходимо обеспечить продовольствием армию и флот, а также Москву, Петроград и все другие центры формирования и труда.

Для этого нужно заставить все продовольственные и железнодорожные органы в центре и на местах работать с высшим напряжением и высшей добросовестностью.

Не только в армии и во флоте, но и в продовольственном и транспортном деле, а также в области военной промышленности должен быть установлен военный режим, т. е. режим суровой трудовой дисциплины, отвечающей положению страны, которую бандиты империализма вынудили превратить в военный лагерь» [1].

В 1919 г. сложилась система хозяйственных отношений, вошедшая в историю под названием «военного коммунизма». Государство установило принудительные нормы, регулировавшие сельскохозяйственное и промышленное производство, распределение товаров и продуктов, дисциплину труда в интересах победы на фронте. Были полностью национализированы и централизованы крупная, средняя и часть мелкой промышленности. Сердцевину этой системы хозяйственных отношений составляли продовольственная разверстка и запрещение свободной торговли. Согласно декрету, принятому в январе 1919 г., Советское правительство определяло, сколько хлеба и фуража необходимо для нужд государства, и требовало, чтобы крестьяне производящих губерний сдавали установленное количество по твердым ценам. Свободная торговля хлебом была запрещена; у крестьян изымались все излишки хлеба. Суровые правила осажденного лагеря поддерживались всеми сознательными рабочими. Подавляющее большинство крестьянства, заинтересованное в избавлении от помещиков, которые возвращались в свои бывшие имения вслед за войсками белогвардейцев и интервентов, согласно было нести тяготы войны. В результате сложился военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, явившийся основной предпосылкой победы.

[1] «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 93.

Серьезная угроза со стороны общероссийской контрреволюции и интервентов Антанты, нависшая весною 1919 г., создавала одинаковую опасность для всех существовавших тогда советских республик. Необходимо было объединить их совместные усилия в борьбе против общего врага. Это сознавали все рабочие и крестьяне Советской страны. Весной 1919 г. Украинское Советское правительство выступило с такой инициативой. 1 июня 1919 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял декрет, в котором отмечалось, что международный империализм, мобилизовав силы общероссийской монархистской и кадетской контрреволюции, напрягает все усилия к подавлению Советской власти всюду, где она создана массовым революционным движением рабочих и крестьян. Отпор этой попытке ввергнуть в рабство десятки миллионов русских, украинских, латышских, литовских, белорусских рабочих и крестьян требует от них теснейшего объединения боевых сил, централизации и руководства в тяжелой борьбе. Поэтому ВЦИК, «стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма и исходя как из резолюции Украинского Центрального Исполнительного Комитета, принятой на заседании 18 мая 1919 г., так и предложения советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии... признает необходимым провести тесное объединение: 1) военной организации и военного командования, 2) советов народного хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) комиссариатов труда советских социалистических республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий. Объединение должно быть проведено путем соглашения с Центральными исполнительными комитетами и Советами народных комиссаров указанных советских республик» [1].

Так военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, сложившийся к весне 1919 г., дополнился тесным единством всех советских республик в их борьбе против общего врага.

Вооруженные и поддерживаемые международным империализмом, Колчак, Деникин, Юденич начали активные военные действия против Советов. Гражданская война вспыхнула с еще большей силой.

[1] СУ РСФСР, 1919, № 21, стр. 264.

Первой в начале марта 1919 г. в наступление на Восточном фронте перешла колчаковская армия, поддерживаемая Деникиным на Юге, генералом Миллером на Севере и белогвардейцами в Прибалтике. 13 мая начал поход на Петроград командующий белогвардейским «Северным корпусом» генерал Родзянко. Именно в это время в тылу Красной Армии, на самом важном участке фронта — в Петрограде, начало активную подрывную работу петроградское отделение «Национального центра». Усилиями Красной Армии войска Колчака и Родзянко были остановлены и потерпели поражение. Одновременно ВЧК раскрыла и ликвидировала заговор петроградского отделения «Национального центра».

Во второй половине 1919 г. по плану Антанты главный удар должен был нанести генерал Деникин с Юга. Предполагалось также наступление войск Колчака на Востоке, генерала Миллера на Севере и Юденича в районе Петрограда. Деникин захватил Донбасс, Грозный, Царицын; к середине октября 1919 г. его войска заняли Украину, Курск, Орел, угрожали Туле и Москве. В этот тяжелый для Советской страны час в тылу Красной Армии «Национальный центр» и подпольный «Штаб добровольческой армии Московского района» готовили восстание в сердце страны — Москве.

В октябре войска генерала Юденича вновь начали движение на Петроград. Им удалось захватить Ямбург, Красное Село, Гатчину, Детское Село и приблизиться к окрестностям Петрограда. И снова в тылу Петроградского фронта «Национальный центр» готовил удар в спину революции.

В октябре Красная Армия остановила наступление Деникина, а в ноябре разгромила Юденича под Петроградом. Тогда же в тылу Страны Советов ВЧК ликвидировала и остатки контрреволюционных организаций «Национального центра».

Разложение контрреволюционных режимов на территориях, занятых белогвардейцами, поражения, нанесенные им Красной Армией, не могли не оказать влияния на позиции мелкобуржуазных партий. Почти все они официально высказались против деникинщины и колчаковщины.

В августе 1919 г. группа правых эсеров, заключившая ранее от имени членов съезда Комуча соглашение с Советским правительством об отказе от вооруженной борьбы, образовала эсеровскую группу «Народ». Ее руководящая «восьмерка» — К. Буревой, В. Вольский, И. Дашевский, Н. Ракитников, Н. Святицкий, Л. Либерман, Н. Смирнов и Б. Черненков — провозгласила

основной задачей группы борьбу против белых генералов и защиту Советской республики. Группа направила ряд своих членов в распоряжение военных органов Советской власти для борьбы с деникинщиной. В ответ на это ЦК партии правых эсеров распустил, а впоследствии и исключил из партии членов группы «Народ», которая затем существовала как самостоятельная организация меньшинства партии. И все же под влиянием политической обстановки ЦК партии правых эсеров вынужден был заявить и о своем отрицательном отношении к белогвардейщине.

Ряд мелкобуржуазных партий — социал-демократы интернационалисты, РСДРП (меньшевики), Бунд, УКП (боротьбисты), революционные коммунисты, эсеры-максималисты и другие объявили о мобилизации своих членов для защиты Советской республики. Постановлением Президиума ВЦИК от 27 ноября 1919 г. этим партиям было предоставлено по два-три места на предстоявшем VII Всероссийском съезде Советов [1].

На съезде Советов в декабре 1919 г. представители этих партий выступили с лозунгом создания единого революционного фронта. Лидер меньшинства партии правых эсеров К. Буревой в своем выступлении отметил: «Тяжелые уроки кровавого опыта, выпавшие на нашу долю, крайне губительно отразились не только на самой партии эсеров, но и на деле завоевания и укрепления российской революции. Этот опыт показал, что борьба с Советской властью неизбежно сосредоточивает вокруг себя врагов трудового народа, выдвигает и усиливает контрреволюцию, дает мощь мировой реакции». Аналогичные заявления делал на съезде и лидер меньшевиков Ф. Дан [2].

Однако политические позиции мелкобуржуазных партий не отличались устойчивостью. Их словесные декларации расходились с практической деятельностью. Во время успехов контрреволюционных сил даже левые элементы мелкобуржуазной демократии проявляли шатания, колебания, готовность пойти на сговор с реакцией. Значительная часть меньшевиков и эсеров входила в контрреволюционные организации, участвовала в антисоветских заговорах и выступлениях.

Большевистская партия, Советское правительство зорко следили за зигзагами в поведении этих партий и решительно пресекали их, когда это шло во вред рабочему классу и Советскому государству.

---

[1] См. «Правда», 28 ноября 1919 г.
[2] См. «Правда», 6 декабря 1919 г.

В феврале 1919 г. провокационный, опасный характер приобрела пропаганда меньшевистской газеты «Всегда вперед», и Советское правительство запретило ее издание. В специальном постановлении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 26 февраля 1919 г., проект которого написал В. И. Ленин, говорилось: «В газете «Всегда вперед» партией меньшевиков, которая на словах провозгласила разрыв с буржуазной контрреволюцией и на словах же признала необходимость поддерживать Советскую власть как единственную в настоящее время революционную власть, ведется агитация, целиком направленная не только к возможному ослаблению Советской власти, но и к нанесению ей военного удара смертельными врагами рабочего класса и трудового крестьянства. Так, в номере от 20/II-19 г. в статье «Прекратите гражданскую войну» газета обличает перед трудовым народом, в особенности перед крестьянством, Советскую власть в том, что она расходует много материальных средств, в частности продовольствия, на поддержание Красной Армии, и в качестве вывода отсюда требует от Советской власти прекратить гражданскую войну».

В постановлении указывалось, что требование прекратить гражданскую войну, обращенное к Советской власти, означает попытку разоружить рабочий класс и крестьянскую бедноту перед лицом наступающих со всех сторон врагов, что представляло в тех условиях самый злостный вид государственного преступления — измену рабочему и крестьянскому государству. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет считает допустимой и полезной деловую критику работы Советской власти во всех областях. Но Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет не может допустить, чтобы в тылу у рабочей и крестьянской Красной Армии, за ее спиной, под ее защитой велась разнузданная агитация, которая может иметь только одну цель и один результат: ослабить Советскую Россию перед лицом ее многочисленных врагов». ВЦИК утвердил постановление Президиума ВЦИК о прекращении издания меньшевистской газеты до тех пор, пока меньшевики делами своими не докажут «решимости последовательно порвать с Колчаком и твердо встать на защиту и поддержку Советской власти». Постановление заканчивалось предупреждением: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет напоминает всем так называемым оппозиционным элементам, что Советская республика есть военный лагерь, что на всех ее фронтах, истекая кровью, лучшие рабочие и крестьяне отстаивают великие завоевания революции, и предупреждает меньшевиков, что продол-

жение ими контрреволюционной работы вынудит Советскую власть выслать их в пределы колчаковской демократии»[1].

В июле 1919 г. меньшевики спубликовали декларацию под названием «Что делать?». В ней они потребовали расширения избирательных прав в Советы, «восстановления свободы печати, собраний», ликвидации чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и отмены смертной казни. Они хотели «в корне изменить экономическую политику» Советского государства, передать в частные руки или в аренду кооперации большинство предприятий страны, изменить аграрную и продовольственную политику.

На территориях же, занятых белогвардейцами, меньшевики по-прежнему приспосабливались к монархистской контрреволюции и сотрудничали с белогвардейцами под предлогом «защиты профессиональных интересов рабочих». В марте 1920 г. Киевский чрезвычайный революционный трибунал рассмотрел дело о группе лидеров меньшевистской партии, действовавших в городе в период деникинщины. Суд установил, что ответственные деятели этой партии — Кучин-Оранский, Романов, Ланда, Шпер, будучи членами Центрального бюро киевских профсоюзов, сотрудничали с белогвардейской властью и владельцами промышленных предприятий. Они даже обращались к деникинцам с ходатайством о выдаче ссуды Центральному бюро профсоюзов и кооперативу «Сила». Будучи членами правления профсоюзов, меньшевики составляли предательские обращения к рабочим организациям Западной Европы, в которых заявляли о «крахе» Советской власти. Члены Комитета киевской организации меньшевиков Кучин-Оранский, Биск, Скаржинский, Семковский, Сумский-Каплун и Балабанов послали представителей своей партии в городскую управу (восстановленную с приходом деникинских войск), несмотря на ее черносотенный характер. Своей политикой соглашения с буржуазией и белогвардейщиной меньшевики способствовали контрреволюции в удушении Советской власти[2]. Аналогичное дело — о сотрудничестве меньшевиков с деникинцами на Дону — рассматривалось в 1921 г. в Верховном революционном трибунале. Именем своей партии меньшевики прикрывали белогвардейский террор.

Не лучшим было и поведение правых эсеров. Весной 1919 г., в грозный момент наступления белогвардейских войск Колчака, Деникина и Юденича на Советскую республику, эсеровский ЦК

---

[1] «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 439, 440.

[2] См. «Партия меньшевиков и деникинщина». Процесс киевских меньшевиков. М., 1923, стр. 117—119.

обратился к Советскому правительству с «ультиматумом», требуя провести «свободные перевыборы Советов».

28—30 июня 1919 г. IX совет партии правых эсеров, собравшийся на территории Советской России, принял резолюцию, основное содержание которой гласило: «Партия самостоятельно ведет борьбу и с реакцией, и с большевизмом...», но «перед лицом опасности, грозящей всем завоеваниям революции... от рук Колчака, Деникина, Юденича и других представителей внутренней и внешней реакции, учитывая соотношение наличных сил, IX совет п[артии] с.-р. одобряет и утверждает принятое всеми правомочными партийными органами решение прекратить в данный момент вооруженную борьбу против большевистской власти и заменить ее обычной политической борьбой». Вместе с тем в резолюциях того же совета отмечалось, что «выдвигаемая в настоящее время политическая ситуация отказа партии от вооруженной борьбы с большевистской диктатурой... должна истолковываться лишь как тактическое решение, продиктованное положением вещей и расчетом наиболее целесообразного употребления партийных и народных сил» [1]. Таким образом, партия эсеров официально признала, что провозглашенная ею политика отказа от вооруженной борьбы с Советской властью является лишь тактическим маневром.

Но и эти резолюции не проводились в жизнь всеми организациями партии. Правоэсеровская группа лидеров, выброшенных колчаковцами за границу,— Авксентьев, Зензинов, Аргунов, Роговский, а также Керенский, Бунаков-Фундаминский и другие открыто выступили против линии ЦК. Эти эсеры считали, что партия должна и теперь продолжать вооруженную борьбу против Советской власти в войсках Деникина, Колчака, Юденича, что ее задача должна сводиться лишь к содействию «демократизации» режимов этих военных диктаторов. Они требовали, чтобы партия ориентировалась на интервенцию империалистических государств против Советского государства. На такой же позиции стояли и правые эсеры, находившиеся на территориях, занятых деникинцами: они предпочитали «не ссориться» с Деникиным. Для них постановления IX совета партии оказались необязательными. IX совет партии правых эсеров не нашел иных средств борьбы с этими архиправыми группами, как объявить их распущенными, «несуществующими».

---

[1] «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 115; «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 38.

В дальнейшем позиция ЦК партии эсеров все более сближалась с позицией правоэсеровской группы Авксентьева — Зензинова. На сентябрьской конференции 1920 г. эсеры приняли резолюцию, в которой заявили, что «конференция предвидит неизбежность в будущем восстановления партией вооруженной борьбы с большевистской властью» [1].

В. И. Ленин в письме ЦК РКП(б) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» дал исчерпывающую характеристику антисоветского лагеря в 1919 г. Он писал: «...За прямой и открытой контрреволюцией, за черной сотней и кадетами, которые сильны своим капиталом, своей прямой связью с империализмом Антанты, своим пониманием неизбежности диктатуры и способностью осуществлять ее (по-колчаковски),— за ними плетутся, как всегда, колеблющиеся, бесхарактерные, словами прикрашивающие свои дела, меньшевики, правые эсеры и левые эсеры.

Никаких иллюзий на этот счет! Мы знаем «питательную среду», порождающую контрреволюционные предприятия, вспышки, заговоры и прочее, знаем очень хорошо. Это среда буржуазии, буржуазной интеллигенции, в деревнях кулаков, повсюду — «беспартийной» публики, затем эсеров и меньшевиков. Надо утроить и удесятерить надзор за этой средой. Надо удесятерить бдительность...

Относительно меньшевиков, правых и левых эсеров надо учесть последний опыт. Среди их «периферии», среди тяготеющей к ним публики, несомненно, есть сдвиг от Колчака и от Деникина в сторону сближения с Советской властью. Мы этот сдвиг учли, и каждый раз, когда он хоть в чем-нибудь реальном проявляется, делали известный шаг навстречу с своей стороны...

Но в данный момент мелкобуржуазная демократия с эсерами и меньшевиками во главе, бесхарактерная и колеблющаяся, как всегда, держит нос по ветру и колеблется в сторону победителя Деникина...

Наше дело — ставить вопрос прямо. Что лучше? Выловить ли и посадить в тюрьму, иногда даже расстрелять сотни изменников из кадетов, беспартийных, меньшевиков, эсеров, «выступающих» (кто с оружием, кто с заговором, кто с агитацией против мобилизации, как печатники или железнодорожники из меньшевиков и т. п.) *против* Советской власти, *то есть за Деникина?* Или довести дело до того, чтобы позволить Колчаку и

[1] См. «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 42.

Деникину перебить, перестрелять, перепороть до смерти десятки тысяч рабочих и крестьян? Выбор не труден» [1].

Эти указания В. И. Ленина и были положены в основу борьбы с контрреволюцией в тот период.

К началу 1920 г. советский народ одержал решающие победы над объединенными силами Антанты и отечественной контрреволюции.

В ноябре 1919 г. Красная Армия покончила с войсками генерала Юденича. Нависшая над Петроградом, колыбелью революции, угроза была устранена.

В начале января 1920 г. советские войска Восточного фронта, поддержанные мощными народными восстаниями, ударами партизанских отрядов в тылу врага ликвидировали под Красноярском остатки колчаковской армии. 7 марта Красная Армия вступила в Иркутск. Сибирь была полностью очищена от колчаковцев и интервентов.

В результате восстания рабочих Владивостока образовалась Дальневосточная республика, в правительство которой вошли коммунисты.

Был очищен Север России. Войска Антанты эвакуировались отсюда еще во второй половине 1919 г. К февралю 1920 г. было покончено и с белогвардейскими войсками «генерал-губернатора Северной области» Е. К. Миллера.

Одновременно Красная Армия очистила от остатков деникинских войск Украину, а к марту — и Северный Кавказ.

Под влиянием разгрома войск контрреволюции и интервентов усилились революционные процессы и в Закавказье. 27 апреля рабочие Баку подняли восстание против мусаватистского правления. Власть перешла в руки Временного революционного комитета Азербайджана. 28 апреля в Баку вошли советские войска.

В конце 1919 г. части Красной Армии под командованием М. В. Фрунзе перешли к активным действиям против английских и белогвардейских войск в Закаспийской области Туркестана. 6 февраля 1920 г. они заняли Красноводск — последний оплот интервентов в Закаспии. В начале 1920 г. был ликвидирован в Туркестане и Семиреченский фронт против банд Анненкова и Бакича. Остатки банд бежали на китайскую территорию.

В интервенционистские войска Антанты все глубже проникали коммунистические идеи Октября. Правительства стран Антанты вынуждены были отозвать своих солдат из Советской

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 59—61.

страны. 16 декабря 1919 г. на Лондонском совещании представителей США, Англии, Франции, Италии и Японии было решено прекратить дальнейшую помощь антисоветским «правительствам» на занятой контрреволюцией территории. Верховный Совет Антанты, который 10 октября 1919 г. запретил всякие торговые, финансовые, пассажирские, почтовые и радиотелеграфные сношения с Советской Россией, 16 января 1920 г. разрешил обмен товарами с ней, фактически положив конец ее блокаде.

С поражением Юденича, Колчака, Деникина, Миллера и войск иностранных интервентов на фронтах гражданской войны Советская страна получила наконец мирную передышку. Казалось, она могла приступить к восстановлению разрушенного народного хозяйства. С величайшим творческим подъемом советский народ начал мирную работу. Во всех областях жизни страны появились новые планы, новые идеи.

Но международные империалисты нарушили мирную передышку, завоеванную советским народом.

С конца 1919 и до апреля 1920 г. Советское правительство неоднократно обращалось к правительствам капиталистических стран с предложением о мире. За исключением Эстонии, заключившей 2 февраля 1920 г. мир с Советским правительством, правящие круги буржуазных государств не отозвались на эти предложения. Объявив о снятии блокады Советской страны, правительства стран Антанты фактически продолжали вмешательства в ее дела. Они изменили лишь методы интервенции, предпочитая теперь воевать руками русских контрреволюционеров и народов «буферных» государств. Правительства империалистических стран снабжали оружием и всеми другими средствами войны окопавшегося в Крыму последыша Деникина — барона П. Н. Врангеля; то же самое они делали для Польши Пилсудского, подстрекая ее на войну с Советской страной.

25 апреля 1920 г. польская армия начала наступление. Вместе с нею в наступление на украинскую землю пошли ее «союзники» — петлюровцы. 6 мая враги захватили столицу Украины — Киев; в Белоруссии они заняли Минск. 6 июня в наступление перешли из Крыма и войска Врангеля. Советская страна вновь была ввергнута в тяжелую войну. Резко активизировалась шпионская и подрывная деятельность агентов польской разведывательной службы и врангелевских подпольных организаций. Начались поджоги военных складов, взрывы мостов, действия бандитских групп в советском тылу. 9 мая в Москве был взорван склад артиллерийских снарядов. В течение

одного месяца вражеские диверсанты уничтожили до 20 военных объектов. Особенно активна была подрывная деятельность на Украине и в Белоруссии. Советское правительство вынуждено было вновь перевести страну на военное положение.

Между тем, как и в момент деникинского вторжения, крестьянство враждебно встретило новых пришельцев. За польскими войсками на Украину и в Белоруссию потянулись польские помещики и сахарозаводчики, намеревавшиеся восстановить свои имения и заводы. А за врангелевцами, как и раньше за деникинцами, следовал все тот же русский «помещичий шарабан».

25 мая 1920 г. врангелевское правительство (в качестве ближайшего помощника Врангеля в него входил уже известный нам бывший царский министр земледелия А. В. Кривошеин) опубликовало «земельный закон», в котором предусматривалось «принудительное отчуждение крупных земельных владений у владельцев». Но «земля,— гласил закон,— отчуждается не даром, а за выплату государством стоимости ее. Такая передача земли обеспечивает переход ее к настоящим прочным хозяевам, а не ко всякому падкому на даровщину и чуждому земле человеку. Цена за десятину земли определяется пятикратной стоимостью среднего годового урожая с десятины. Уплата за землю рассрочивается на 25 лет, и, следовательно, каждому хозяину предлагается вносить ежегодно одну пятую урожая или выплачивать стоимость ее». Так за фразами о «принудительном отчуждении» скрывалась подлинная цель «закона» — удовлетворить бывших помещиков за счет закабаления крестьян, которые в течение 25 лет должны были ежегодно отдавать помещику одну пятую урожая, что при трехпольной системе превращалось в три десятых с десятины посева, а при залежной системе — в половину урожая, а то и более. И это при крайне низкой в то время стоимости земли.

Даже зажиточные крестьяне были недовольны этим законом. В деревнях процветали взяточничество, пьянство поставленных врангелевцами начальников — надзирателей, стражников, приставов, волостных старшин и тому подобных прихлебателей помещиков и кулаков. Крестьянство не верило в прочность врангелевского режима. Дезертирство и уклонение от службы в армии носили массовый характер. В Крыму и на территориях, занятых врангелевцами, царил режим террора — начальники войсковых частей вешали людей, подозреваемых в сочувствии большевикам.

Таким же было отношение населения Советской страны и к польской шляхте. Характер войны с Польшей, претендовавшей

на русские земли, вызвал подъем патриотизма. В. И. Ленин говорил, что «война с Польшей пробудила патриотические чувства даже среди мелкобуржуазных элементов, вовсе не пролетарских, вовсе не сочувствующих коммунизму, не поддерживающих диктатуры пролетариата безусловно, а иногда, надо сказать, и вообще не поддерживающих ее...» [1]. Советское правительство привлекало на службу всех, кто готов был стать на ее сторону в войне с Польшей. Так, 2 мая 1920 г. Реввоенсовет республики образовал при главнокомандующем «Особое совещание», в работе которого участвовали видные старые генералы — А. А. Брусилов (председатель), А. М. Зайончковский и др.

Создавшаяся в стране обстановка оказывала влияние и на поведение мелкобуржуазных партий и организаций. В мае 1920 г. группа членов ЦК партии левых эсеров призвала членов своей партии к борьбе против наступавших контрреволюционных сил врангелевцев и войск буржуазно-помещичьей Польши. От имени этой группы член ЦК И. З. Штейнберг обратился в ЦК РКП(б) с просьбой разрешить ей легальную деятельность. Просьба была удовлетворена, и в октябре 1920 г. возникло Центральное организационное бюро левых эсеров в составе И. З. Штейнберга, Я. М. Фишмана, И. Х. Бокалла, С. Ф. Рыбкина и О. Л. Чижикова, провозгласившее лозунг всемерной поддержки Красной Армии и Советской власти в отражении вооруженной контрреволюции. Бюро предложило всем членам левоэсеровской партии принять энергичное участие в работе всех существующих советских учреждений и «не превращать своей работы в исключительно политический профессионализм партийной борьбы» [2]. Бюро обратилось также к VIII съезду Советов с предложением своих услуг в восстановлении народного хозяйства страны.

Революционные элементы из мелкобуржуазных партий и даже целые партийные организации («Союз максималистов» — в апреле 1920 г.; социал-демократы интернационалисты — в декабре 1919 г.; Бунд — 1920 г.— март 1921 г.; революционные коммунисты — в сентябре 1920 г.; некоторые украинские партии, советские анархисты) вступали или вливались в Коммунистическую партию.

Несомненно, подобные повороты в политике мелкобуржуазных партий играли положительную роль в жизни Советской

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 11.
[2] «Известия ВЦИК», 26 октября 1920 г.

страны. Следует, однако, сказать, что эти эволюции мелкобуржуазных партий протекали зигзагообразно. Даже члены Центрального левоэсеровского организационного бюро, выступившего с приведенной выше политической платформой, не всегда последовательно проводили ее в жизнь. Если некоторые из них продолжали эволюционировать в сторону сближения с большевиками (например, Я. М. Фишман, вступивший в Коммунистическую партию), то другие (к примеру, тот же И. З. Штейнберг) впоследствии скатились в болото контрреволюции. В этих партиях и группах постоянно существовали группки или отдельные «активисты», которые искали лишь повод для антисоветской деятельности.

Героическими усилиями Красной Армии удалось изменить ход войны с Польшей и Врангелем в пользу Советской власти. Тогда забеспокоились империалисты Антанты, предложившие заключить перемирие между Польшей и советской стороной. Лидеры буржуазно-помещичьей Польши в ходе войны вполне убедились в невозможности осуществления своих захватнических целей. Поэтому 12 октября в Риге между Советской Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой, был подписан Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира. 23 октября ВЦИК ратифицировал этот договор. Теперь можно было все силы бросить против Врангеля. Был создан Южный фронт под командованием М. В. Фрунзе. 28 октября 1920 г. Красная Армия перешла в решительное наступление, которое к 16 ноября закончилось полным разгромом Врангеля и освобождением Крыма. Это была уже окончательная победа в гражданской войне, полный и решительный разгром белогвардейщины и иностранной интервенции.

Прежде чем перейти к изложению карательной политики советских органов борьбы с подпольной контрреволюцией в рассматриваемый исторический период, обратимся к некоторым событиям 1919 г.

2. Разоблачение подпольной преступной деятельности «Национального центра»

Весною 1919 г., когда белогвардейский «Северный корпус» под командованием генерала Родзянко готовился в Эстонии к наступлению на революционный Петроград, в тылу советских войск Петроградского фронта стали совершаться диверсионные акты, налицо была и открытая измена. В. И. Ленин придавал серьезное значение этим фактам, полагая, что здесь действует

антисоветская организация, имеющая связь с наступающими белогвардейскими войсками. В обращении к народу 31 мая 1919 г. В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский призывали:

«Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций...

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с ЧК, с надежнейшими и опытнейшими товарищами из советских работников» [1].

12 июня командный состав форта «Красная Горка» во главе с комендантом форта, бывшим офицером поручиком Неклюдовым, спровоцировал часть гарнизона на мятеж. Одновременно бунт вспыхнул на фортах «Серая Лошадь» и «Обручев». Мятежники открыли огонь по Кронштадту, требуя, чтобы и кронштадтцы присоединились к ним, сдали крепость врагу.

Произведенным позже расследованием, которым занимался Особый отдел ВЧК, было установлено, что мятеж готовился подпольной военной организацией, связанной с английской шпионской сетью. Эта организация распространяла свои действия на Кронштадт, Ораниенбаум, форт «Красная Горка», Красное Село и, по показанию члена организации А. Н. Анурова, строилась на конспиративных началах: одному члену было известно не более трех других членов организации, передача сведений происходила устно. Ближайшей своей задачей организация ставила подготовку мятежей на важнейших подступах к Петрограду — в Кронштадтской крепости, на фортах «Красная Горка», «Обручев» и других с целью сдачи их белогвардейским армиям, наступавшим на Петроград. Начало восстания увязывалось с военными действиями белогвардейских армий и приурочивалось к моменту приближения их к Петрограду. В частности, предполагалось начать выступление с «Красной Горки», мятеж на которой должен был послужить сигналом для других фортов и Кронштадта. В случае нежелания какого-либо форта присоединиться к мятежу предполагалось обстрелять его с «Красной Горки».

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 399.

Последующие события рисовались мятежникам так: вслед за «Красной Горкой» мятеж вспыхивает в Кронштадте и на других фортах, к нему присоединяются крупнейшие корабли; затем в Неву входят английские военные суда; с «Красной Горки» мятежники нанесут удар по Гатчине, перережут Николаевскую железную дорогу, связывающую Петроград с Москвой, и... займут Петроград. В сообщении о ликвидации мятежа отмечалось: «В общий, выработанный совместно с союзниками, план входили: ...военные действия финско-эстонско-английских вооруженных сил, сдача частей (3-й стрелковой), сдача фортов («Красная Горка») и вооруженное восстание буржуазии в Петербурге... Все это при одновременном нажиме со стороны Колчака и поляков» [1].

Произошло, однако, не так. Сигналом к восстанию послужил происшедший 12 июня на форту «Павел» взрыв минного склада. Через несколько часов после этого взрыва комендант форта «Красная Горка» Неклюдов решил начать выступление (в то время белогвардейские части находились в 8—10 километрах от форта). Заранее подготовленные группы мятежников заняли штаб, советские учреждения, телеграф и телефонную станцию, помещение ЧК и арестовали около 350 коммунистов и беспартийных бойцов и командиров. Среди арестованных находились председатель Кронштадтского Совета М. М. Мартынов и работник трибунала Артемьев. Заговорщики заперли коммунистов в бетонированный каземат, а затем часть из них расстреляли.

Между тем к восстанию не присоединились дредноуты «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», на которых рассчитывали мятежники, не присоединились и кронштадтцы. Напрасно Неклюдов беспорядочно обстреливал из 12 орудий соседние форты и Кронштадт, надеясь вызвать восстание и там.

В ночь на 16 июня мятеж был подавлен.

Одновременно с расследованием дела о мятеже партийные и советские органы Петрограда приняли решительные меры к очистке города от контрреволюционных элементов. Свыше 15 тыс. питерских рабочих вместе с сотрудниками Чрезвычайной комиссии под руководством заместителя председателя ВЧК Я. Х. Петерса провели массовые обыски в подозрительных квартирах, в некоторых консульствах и посольствах враждебных Советской России держав. Были изъяты 6626 винтовок, 141 895 патронов, 644 револьвера, пулеметы, бомбы и пироксилиновые шашки; в некоторых консульствах были обнаружены

---

[1] «Правда», 18 июня 1919 г.

драгоценности, принадлежавшие богатым именитым русским семьям. В доме румынского посольства оказалось даже орудие. Чекисты задержали сотни контрреволюционеров, часть которых выслали из города.

Во время обысков в Петрограде чекистам удалось обнаружить документы (письма, донесения белогвардейских агентов, шпионские сводки и т. п.), свидетельствовавшие о том, что в городе существует широко разветвленная организация, которая направляет действия контрреволюционеров,— «Национальный центр». В одном попавшем в руки чекистов документе содержались и данные о деятельности этого кадетско-белогвардейского центра контрреволюции. Однако раскрыть руководящее ядро этого центра тогда еще не удалось.

В июне на Лужском направлении Петроградского фронта красноармейский секрет заметил человека, который пытался пробраться в расположение врага. Красноармейцы открыли по нему огонь. При убитом были обнаружены документы на имя бывшего офицера А. Никитенко. Сотрудники военно-разведывательных органов внимательно осмотрели вещи убитого и в мундштуке одной из папирос нашли записку: «Генералу Родзянко или полковнику С. При вступлении в Петроградскую губернию вверенных вам войск могут выйти ошибки, и тогда пострадают лица, секретно оказывающие нам весьма большую пользу. Во избежание подобных ошибок просим вас, не найдете ли возможным выработать свой пароль. Предлагаем следующее: кто в какой-либо форме или фразе скажет слова «во что бы то ни стало» и слово «ВИК» и в то же время дотронется рукой до правого уха, тот будет известен нам, и до применения к нему наказания не откажите снестись со мной. Я известен господину Карташеву, у которого обо мне можете предварительно справиться. В случае согласия вашего благоволите дать ответ по адресу, который даст податель сего» [1]. Записка была подписана неизвестным, скрывшимся под кличкой «ВИК».

В июле на финляндской границе задержали изменников: начальника сестрорецкого пограничного пункта А. Самойлова и агента того же пункта Н. Борового-Федотова, которые намеревались перебежать к противнику. При аресте Боровой-Федотов выбросил пакет, но красноармейцы заметили это и подняли его. В пакете оказалось письмо от 14 июля, адресованное «дорогим друзьям». Оно содержало сведения о дислокации войск Красной Армии. В письме, между прочим, сообщалось и о группировках

---

[1] «Известия ВЦИК», 25 сентября 1919 г.

контрреволюционных сил, имевшихся в Петрограде. «Здесь работают,— писал шпион,— в контакте три политические организации... В нац. (в «Национальном центре».— *Д. Г.*) все прежние люди... Все мы пока живы и поддерживаем бодрость в других... В Москве было несколько провалов тамошней военной организации... Со смертью Геонисова и с израсходованием средств прекратилась наша связь с остатками этой военной осведомительной организации. Москва нам должна за три месяца. Астров и Москва говорят о каком-то миллионе... Просим экстренным порядком все выяснить нам и, если можно, немедленно переправить деньги, иначе работа станет. Между тем сейчас наша работа могла бы быть особенно полезной и ценной. Мы взялись за объединение всех военно-технических и других подсобных организаций под своим руководством и контролем расходования средств, и эта работа продвинулась уже далеко». В письме был назван представитель генерала Юденича, с июня возглавившего белогвардейские силы Северо-Запада, генерал Махров, с которым организация «находится в контакте, объединяя работу всех технических сил» [1]. Это письмо-донесение, как и письмо, найденное у убитого офицера Никитенко, подписал «ВИК». Допросив Борового-Федотова и Самойлова, чекисты выяснили, что донесение для передачи в штаб Юденича они получили от некоего Штейнингера.

В. И. Штейнингер оказался петроградским инженером, совладельцем фирмы «Фосс и Штейнингер», членом партии кадетов. При обыске у него нашли письмо за подписью Б. Никольского, антисоветские воззвания и пишущую машинку, на которой печаталось донесение, обнаруженное у Борового-Федотова. Письмо Никольского от 30 июня было адресовано «дорогому ВИКу» и содержало инструкции, каким образом поддерживать конспиративную связь с находившимися по ту сторону фронта членами организации, кому направлять донесения. Никольский писал «ВИКу»: «Мы очень просим вас укрепить с нами связи и поддерживать их, так как считаем работу необходимой, а вами пересылаемые сведения очень ценными с чисто военной и с политической точки зрения... До сих пор нельзя сколько-нибудь определенно установить срок взятия Петрограда. Надеемся не позже конца августа. Но твердой уверенности в этом у нас нет. Хотя в случае наступления давно ожидаемых благоприятных обстоятельств, в виде помощи деньгами, оружием, снаряжением в достаточном количестве, этот срок может сократиться...

---

[1] «Известия ВЦИК», 5 и 9 октября 1919 г.

Весьма вероятно, что в ближайшие дни Ю. (Юденич.— *Д. Г.*), с которым мы в полном единении, и все мы перейдем на русскую почву, на тот берег, чтобы включиться в непосредственную работу» [1].

Арестованный Штейнингер вначале отказался давать объяснения, но доказательства были бесспорны, и вскоре он признался, что «ВИК» — его конспиративная кличка, а найденное у Борового-Федотова письмо от 14 июля является его ответом на приведенное выше письмо от 30 июня одного из кадетских деятелей — Новинского (скрывавшегося под псевдонимом «Борис Никольский»), занимавшегося политической работой при штабе генерала Юденича. Было установлено, что В. И. Штейнингер — член руководства петроградского отделения кадетской контрреволюционной организации «Национальный центр», имеющей тесные связи с Деникиным, Колчаком, Юденичем и другими белыми генералами.

Арестовав Штейнингера, чекисты оставили в его квартире засаду и вскоре задержали некоего М. Махова, явившегося туда для связи. Махов был тем самым представителем Юденича — генералом Махровым, о котором говорилось в письме от 14 июля. Чекисты задержали также пришедшего в квартиру Штейнингера известного петроградского меньшевика-оборонца В. Н. Розанова.

Штейнингер и другие арестованные назвали на допросах имена лишь тех своих сообщников, которых они считали погибшими, разоблаченными или перебравшимися за линию фронта, но умолчали о центре организации и руководящих лицах. Поэтому ВЧК, к началу августа закончившая расследование, на первых порах смогла обезвредить только небольшую часть заговорщиков, в частности арестовать, помимо названных, барона А. Штромберга, князя М. М. Андроникова (личного друга Распутина), князя М. Оболенского, генералов Н. И. Алексеева и А. А. Дмитриева. Тогда же выяснилось, что мятежники на «Красной Горке» и изменники — военные специалисты из Кронштадта — тоже состояли в «Национальном центре».

В письме от 14 июля, изъятом у Борового-Федотова, имелись сведения о существовании помимо петроградского еще и московского отделения «Национального центра», однако ничего существенного о нем выяснить тогда не удалось.

27 июля сотрудники милиции, проверяя документы граждан, проезжавших через село Вахрушево Слободского уезда Вятской

---

[1] «Известия ВЦИК», 25 сентября 1919 г.

губернии, задержали неизвестного, который назвался Николаем Карасенко. При обыске у него нашли около миллиона рублей «керенками» и два револьвера. Карасенко заявил, что везет деньги в Москву по поручению «киевского купца Гершмана». 5 августа Карасенко допросили в Вятской ЧК, и он признался, что в действительности является Николаем Павловичем Крашенинниковым, сыном помещика Орловской губернии, и служит в разведывательном отделении колчаковского штаба. В начале июня ему поручили отвезти деньги в Москву и сдать их человеку, который должен был встретить его на Николаевском вокзале, назвав сумму и воинскую часть, которой он послан.

Из Вятки Крашенинникова отправили в Москву. Он долго упорствовал, не хотел больше ничего сообщить. Некоторое время его не беспокоили. Решив, видимо, что его оставили в покое и что за ним не наблюдают, Крашенинников передал однажды из заключения две записки. В одной из них он интересовался судьбой некоего «В.В.М.», а в другой писал: «Арестованы ли Н.Н.Щ. и другие, кого я знаю?» Чекисты перехватили эти записки, и, когда предъявили их Крашенинникову, он заговорил. Оказалось, что ему было поручено доставить в Москву деньги для организации «Национальный центр» и передать их «Н.Н.Щ.» — Николаю Николаевичу Щепкину или Алферову и что «В.В.М.» — это Василий Васильевич Мишин (Москвин), который должен был доставить из штаба Колчака для московского отделения «Национального центра» еще миллион рублей.

22 августа 1919 г. ВЧК сообщила В. И. Ленину о раскрытии центральной организации «Национального центра» и намеченных в связи с этим операциях по аресту членов этой организации. Прочитав сообщение, Ленин в письме Дзержинскому подчеркнул, что на эту операцию «надо обратить *сугубое* внимание. Быстро и энергично и *пошире* надо захватить» [1].

В ночь на 29 августа чекисты арестовали бывшего члена Государственной думы III и IV созывов, крупного домовладельца кадета Н. Н. Щепкина и супругов Алферовых. Щепкин оказался виднейшим деятелем московского отделения «Национального центра», а А. Д. Алферов — директором школы, которую он вместе с женой превратил в конспиративный пункт этой организации.

Во время обыска у Щепкина, в котором участвовал заведующий Особым отделом ВЧК Е. Г. Евдокимов, чекисты нашли

---

[1] Ленинский сборник XXXVII, стр. 167.

во дворе жестяную коробку с шифрованными и нешифрованными записками, шифром, рецептами проявления химических чернил и фотографическими пленками. Записки были написаны очень мелким почерком на узких полосках бумаги (чтобы удобнее было конспиративно переправлять их через фронт) и содержали: изложение плана действий Красной Армии от Саратова; список дивизий Красной Армии по состоянию на 15 августа; сведения об артиллерии одной из армий; план действий армейской группы с указанием ее состава; сообщение о месторасположении и предполагаемых перемещениях некоторых штабов; описание одного из укрепленных районов, расположения зенитных батарей в нем; сведения о фронтовых базисных складах. Там же было обнаружено письмо от 27 августа, адресованное начальнику штаба любого белогвардейского отряда прифронтовой полосы. «Прошу в самом срочном порядке протелеграфировать это донесение в штаб Верховного разведывательного отделения полковнику Хартулари»,— говорилось в этом письме. Затем в нем излагались сведения о советских войсках, о предположительном плане действий Красной Армии, о силах деникинцев в Москве. Наконец, в коробке оказалось письмо Н. Н. Щепкина от 22 августа деятелям кадетской партии, находившимся при штабе Деникина: «22/8, Н. С. От объединения Национального центра, Союза освобождения и Совета общественных деятелей. Действия против большевиков разрозненны: один фронт выступает, потом отходит, за ним второй и т. д. Эти толчки вредны... Предпочтительнее общий удар сразу. Хотя центр изнемогает и вымирает, но готов молча терпеть, если будет знать, что вместо толчков будет накоплена сила и месяца через два последует один общий удар и освобождение. Толчки и отступления создают представление бессилия и морально на руку большевикам». В письме высказывалось предположение, что недели через две может произойти восстание в Москве. «На этот случай,— продолжал Щепкин,— вам надо подготовить нам помощь и указать нам, где ее найти и куда послать для установления связи... Сообщите все технические данные, необходимые для сношений по радио... Просим нас поставить в известность о решении о нас Антанты, роль Англии, Польши, Финляндии, немцев и др. Какие состоялись соглашения... Передайте Колчаку... через Стокгольм, Москвин прибыл в Москву с первой партией груза, остальных нет. Без денег работать трудно. Оружие и патроны дороги. Политические группы, кроме большей части меньшевиков и почти всех эсеров, работают в полном соглашении. Считают, что до Учредительного собрания не надо

Временного правительства, достаточно верховного правителя. Часть эсеров с нами. Вообще, это партия разложения и не пользуется доверием у населения... В ваших депешах давайте только то, за что ручаетесь. Живем в страшной тревоге, начались бои у Деникина, опасаемся его слабости и повторения истории с Колчаком... Ваш лозунг должен быть — «Долой гражданскую войну», «Долой коммунистов», «Свободная торговля и частная собственность». О Советах умалчивайте... В Петрограде наши гнезда разорены, связь потеряна. Пишите и шлите прямо в Москву: по адресам, указанным гонцом. Имена и адреса берегите...» [1]

Это письмо открывало важные данные о методах работы «Национального центра». Стало ясно, что он опирается на самые реакционные группировки контрреволюции и в случае победы Деникина готовится к расправе над трудящимися Советской страны. О том, что «Национальный центр» широко применял обман народа, красноречиво говорят его рекомендации «умалчивать» о Советах, пользующихся большим доверием у трудящихся.

Чекисты проявили найденную у Щепкина фотопленку. На ней оказались письма деятелей кадетской партии, состоявших при штабе Деникина,— Н. И. Астрова, В. А. Степанова, князя Долгорукова. Из писем стало ясно, что Щепкин регулярно поставлял деникинцам шпионские сведения. В одном из писем Астров писал: «Пришло длинное письмо дяди Кокки (кличка Щепкина.— *Д. Г.*), замечательно интересное и с чрезвычайно ценными сведениями, которые уже использованы... Наше командование, ознакомившись с сообщенными вами известиями, оценивает их очень благоприятно, они раньше нас прочитали ваши известия и весьма довольны» [2].

Не менее эффективным оказался и обыск, произведенный у директора школы Алферова. Этим обыском руководил член Коллегии ВЧК В. А. Аванесов. Старый чекист Ф. Т. Фомин, участвовавший в операции, рассказывает: «...Уже... под самое утро взгляд Аванесова остановился на мраморном пресс-папье, украшавшем письменный стол. Аванесов осторожно развинтил его, снял верхнюю мраморную плитку, и мы увидели под ней сложенный вдвое небольшой листочек тонкой бумаги, сплошь исписанный бисерным почерком — длинный перечень фамилий.

---

[1] «Известия ВЦИК», 5 октября 1919 г.
[2] «Известия ВЦИК», 12 октября 1919 г.

В старых брюках Алферова я нашел записную книжку. На первый взгляд в ней не было ничего подозрительного. Что-то вроде счетов, словно хозяин записывал за своими знакомыми одолженные суммы. Например: «Виктор Иванович — 452 руб. 73 коп.», «Владимир Павлович — 435 руб. 23 коп.», «Дмитрий Николаевич — 406 руб. 53 коп.» и т. д. Эти цифры показались мне подозрительными: а не шифр ли это? Может быть, номера телефонов? А что, если попробовать позвонить? Отбрасываю все «руб.» и «коп.» и прошу телефонистку соединить меня с номером 4-52-73. Слышу в трубке мужской голос. Спрашиваю:

— Виктор Иванович?

— Я у телефона.

— Очень хорошо. Алексей Данилович (Алферов.— *Д. Г.*) срочно просит приехать вас к нему, как можно быстрее!

Моя догадка подтвердилась. В записной книжке были зашифрованы телефоны многих участников заговора» [1].

В квартире Щепкина была оставлена засада, и вскоре чекисты арестовали явившихся туда деникинского курьера Г. Шварца; бывшего офицера штаба главнокомандующего, а к моменту ареста окружного инспектора Всевобуча П. М. Мартынова; профессора Института путей сообщения кадета А. А. Волкова; видного члена партии народных социалистов В. В. Волк-Карачевского; жену генерала Н. Н. Стогова. Шварц приехал из Екатеринодара с подложным документом на имя В. Клишина. За несколько дней до этого он передал Щепкину фотопленку, а когда пришел за ответом для деникинского штаба, был арестован. Волков хранил при себе часть расшифрованных и часть еще не расшифрованных сообщений. У него на квартире нашли записанную им расшифровку фотопленки. После этого он сознался, что взялся расшифровать трудные места сообщения, полученного через Шварца.

Исследование донесений, найденных при обыске у Щепкина, и сопоставление их с данными командования Красной Армии показало, что сведения собирались шпионами-специалистами, имеющими доступ в советские военные и гражданские учреждения. ВЧК установила, что сводные донесения, направляемые в штаб Деникина, редактировались генералом Н. Н. Стоговым, который возглавлял так называемый «Штаб добровольческой армии Московского района», и полковником В. В. Ступиным — начальником штаба этой организации, поддерживавшей тесную связь с «Национальным центром». «Штаб добровольческой ар-

---

[1] *Ф. Т. Фомин.* Записки старого чекиста. М., 1962, стр. 108.

мии Московского района» имел широкую сеть агентов в военных учреждениях Красной Армии. Один из арестованных на квартире у Щепкина, офицер Мартынов, как раз и являлся членом этой организации. Его показания сыграли важную роль в раскрытии дела.

П. М. Мартынов был завербован в контрреволюционную организацию присяжным поверенным, бывшим членом Государственной думы, кадетом Н. А. Огородниковым, который ввел его в военную организацию — «Штаб добровольческой армии Московского района» — и направил к одному из руководителей — генерал-лейтенанту В. И. Соколову. Последний предложил Мартынову собирать военно-шпионские сведения о Красной Армии и положении на фронтах и дал ему явку к генералу Б. Левицкому (начальнику разведки организации), с которым он и «работал», получая ежемесячно жалованье в размере 1200 рублей. Впоследствии, когда Мартынова арестовали, он встретился в тюрьме с Огородниковым, который посоветовал ему по выходе из заключения обратиться за материальной помощью к Н. Н. Щепкину, занимавшемуся политической работой в «Национальном центре».

«После освобождения из тюрьмы 25 июля с. г.,— показал Мартынов,— я очутился без гроша в кармане и обратился к Щепкину, который дал мне тысячу рублей, затем я еще раз взял у него тысячу рублей, и в третий раз он мне дал в расчет за время сидения в тюрьме 5200 рублей. Щепкин предложил мне отвезти в разведывательное отделение штаба Деникина сообщение... В субботу 23, вечером, я получил у Щепкина два маленьких сверточка, завернутые в цинковую бумагу, и ключ к шифру, с которого снял для себя копию, и, заклеив сверточек в бумагу... в воскресенье передал их Макарову (Макаров был рекомендован Мартынову, как курьер, генералом Левицким) и 2500 рублей из данных мне Щепкиным денег. Макарову мною были даны указания сдать в первый же штаб деникинской армии маленький сверточек, а второй, большой, сдать в разведывательное отделение штаба Деникина».

В сентябре 1919 г. ВЧК арестовала ряд активных деятелей контрреволюционного «штаба», в том числе генерала Н. Н. Стогова и генерала С. А. Кузнецова, возглавлявшего оперативный отдел Главного штаба Красной Армии. Спустя некоторое время был арестован и последний главарь «штаба» — полковник В. В. Ступин. На допросе в ВЧК он показал, что после ареста Кузнецова связался со Щепкиным, чтобы выяснить положение. Через несколько дней Щепкин рекомендовал ему: 1) не предре-

шая вопроса о главе организации, вести «дело» дальше, 2) взять в свое ведение разведку, 3) поддерживать с ним постоянную связь. Согласившись руководить подготовительной работой организации, Ступин предложил Щепкину конкретизировать задачи организации и спросил, признается ли желательным, чтобы организация готовилась к максимуму, то есть к самостоятельному выступлению... Ответом послужило указание «готовиться... к самостоятельному выступлению» [1].

«Штаб добровольческой армии Московского района» разработал согласованный с «Национальным центром» план восстания в Москве, в котором должны были участвовать курсанты некоторых подмосковных военных училищ и многие бывшие офицеры. Ф. Э. Дзержинский в докладе на общегородской конференции Московской организации РКП(б) 24 сентября 1919 г. говорил: «Цель их была захватить Москву и дезорганизовать наш центр. На своих последних заседаниях они уже подготовляли окончательно свое выступление. Даже час назначен: 6 часов вечера.

Они надеялись захватить Москву хотя бы на несколько часов, завладеть радио и телеграфом, оповестить фронты о падении Советской власти и вызвать, таким образом, панику и разложение в армии. Для осуществления этого плана они скапливали здесь своих офицеров, и в их руках были три наши военные школы. Они предполагали начать выступление в Вишняках, Волоколамске и Кунцеве, отвлечь туда силы, а затем уже поднять восстание в самом городе... Москва была разбита на секторы по Садовому кольцу; за Садовым кольцом на улицах предполагалось устроить баррикады, укрепиться по линии Садового кольца и повести оттуда в некоторых пунктах наступление к центру...

Они были настолько уверены в победе, что заготовили даже целый ряд воззваний и приказов...

Чтобы привести свой план в исполнение, им надо было иметь оружие. Они сосредоточивали его незаконным образом в школах, которые были под их влиянием, а также закупили его в наших складах и образовывали свои склады.

Силы их по подсчетам равнялись 800 человек кадровых офицеров, и, кроме того, они рассчитывали на некоторые части, в которые им удалось послать своих людей для подготовки поч-

---

[1] Показания напечатаны в «Известиях ВЦИК» 2 октября 1919 г. Они, несомненно, принадлежат В. В. Ступину, хотя в публикации фамилия не указана.

вы. Благодаря большим связям в штабах им удавалось посылать своих людей всюду, где это было необходимо» [1].

Все эти планы были сорваны. С помощью партийных организаций и рабочих ВЧК арестовала около 700 контрреволюционеров и разоружила курсантов военных училищ, где явно чувствовалось влияние контрреволюционного офицерства. Одновременно с разгромом контрреволюционного заговора в тылу было остановлено наступление Деникина на Москву.

В октябре 1919 г., когда войска генерала Юденича второй раз подошли к Петрограду, в советском тылу снова активизировалось контрреволюционное подполье. 2 ноября сотрудники ВЧК задержали у станции Преображенская (ныне Толмачево) некоего Сапожникова с фальшивыми документами на имя Лямина. У него оказались шпионские донесения для белогвардейцев. 4 ноября был схвачен и второй курьер заговорщиков — М. М. Шидловский — с фальшивыми документами на имя Шереметьева. Из показаний Шидловского следовало, что он получил задание доставить шпионские сведения в штаб белых от Б. П. Берга — начальника воздушного дивизиона Балтийского флота. Берг был немедленно арестован и при допросе заявил: «Я главный агент английской белой контрразведки, инструкции получаю от разведочной конторы в Стокгольме, военного совета в Лондоне, связи имею с Финляндией... Моими обязанностями были военная морская контрразведка и общие политические... сведения, которые я доставлял раз в неделю» [2].

Так ВЧК раскрыла вражескую сеть в Петрограде. Ее участниками были не выявленные ранее, при ликвидации группы Штейнингера, кадры «Национального центра» и связанной с ним военной организации, в которую входили военные специалисты, служившие в Красной Армии: адмирал М. К. Бахирев, полковник В. Г. Люндеквист, начальник сухопутного отдела штаба Балтийского флота полковник В. Е. Медиокритский, начальник воздушной обороны Петрограда С. А. Лишин, начальник воздушного отряда Ораниенбаумского дивизиона В. Ф. Еремин, начальник оперативного отдела штаба флота Эриксон и другие лица. В этой же организации действовали и шпионы-профессионалы.

Организатором шпионажа являлся агент английской секретной службы «Интеллидженс сервис» Поль Дюкс (клички «Павел Павлович», «Шеф»). Этот разведчик, заброшенный в Рос-

---

[1] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения, т. 1, стр. 282—283.
[2] «Петроградская правда», 23 ноября 1919 г.

сию еще до революции, имел большие связи среди русских, хорошо владел русским языком. После Октября он получил в Англии задание приступить к антисоветской работе и шпионажу в России. Под маской «социалиста, сочувствующего идеалам революции», в ноябре 1918 г. он, переодетый в крестьянскую одежду, нелегально перешел финляндскую границу и возвратился в Россию. Ему удалось войти в доверие некоторых советских учреждений, создать шпионскую сеть и организовать передачу сведений в Лондон через английские консульства в Гельсингфорсе и Стокгольме. Дюкс связался с руководителями петроградского и московского отделений «Национального центра» Штейнингером и Щепкиным, наладил финансирование этой организации и использовал ее для шпионажа в пользу Англии.

Центральной фигурой петроградской военной подпольной организации являлся полковник В. Г. Люндеквист — бывший начальник штаба 7-й советской армии. Хорошо осведомленный о силах и расположении советских войск под Петроградом, Люндеквист разработал и передал в штаб Юденича план наступления на Петроград, который предусматривал прорыв фронта обороны. Наступление должно было развиваться в трех направлениях: 1) по Балтийской и Виндавской железным дорогам, 2) по Николаевской железной дороге на Колпино, 3) со стороны «Красной Горки» и Ораниенбаума. Одновременно военно-морской флот должен был помогать бомбардировкой сухопутному фронту, а воздушный флот — совершить налет на Петроград. В соответствии с планом самолет должен был сбросить на Знаменскую площадь (сейчас площадь Восстания) пятипудовую бомбу (без взрывателя), что означало сигнал к восстанию внутри города.

Когда осенью 1919 г. наступление Юденича было отбито, другой изменник, полковник В. Е. Медиокритский, разработал для передачи в штаб Юденича еще один вариант плана наступления на Петроград. «Для того чтобы исправить положение,— сказано было в этом плане,— необходимо наступать тремя колоннами. 1-я колонна численностью в 3—4 тыс. должна двигаться, связавшись с заслоном, скрывавшим линию Усть-Рудницы и Гостилицы, во фланг такой-то дивизии Красной Армии; 2-я колонна, выбравшись на исходный пункт, должна наступать между Гатчиной и названной дивизией на Красное Село, в расчете на неустойчивость этого участка; 3-я колонна — на Колпино, так как колпинский кулак красных рассосался» [1].

---

[1] «Петроградская правда», 23 ноября 1919 г.

Белогвардейская военная организация разработала подробный план восстания в Петрограде, руководить которым должны были полковник Люндеквист и адмирал Бахирев. Город разбивался на 12 участков, специальные отряды выделялись для захвата Смольного, телеграфа и телефонной станции, стоявшего на рейде близ города военного корабля «Севастополь» (заговорщики намеревались использовать его для обстрела важных объектов города).

Еще до наступления генерал Юденич поручил петроградскому отделению «Национального центра» взамен дискредитированного «правительства» С. Г. Лианозова, созданного «в полчаса» англичанами, сформировать другое «правительство», которое в случае вступления его войск в город могло бы сразу приступить к управлению. Главою «правительства» намечался профессор Технологического института кадет А. Н. Быков, который впоследствии показывал: «Я познакомился с покойным Штейнингером летом... Он усиленно спрашивал мое мнение о возможных, по моим представлениям, кандидатах на министерские посты. Относительно поста министра финансов я назвал Вернадского (я полагал, что он на Украине) и говорил, что мне случалось с разных сторон слышать, что мог бы быть таким кандидатом и Вебер. А что министром продовольствия следовало бы пригласить кого-либо из крупных кооператоров, кого же именно — я решительно не знал, так как в этих кругах знакомств не имею...» [1]

Осенью 1919 г. вопрос о сформировании «правительства» приобрел конкретную форму. При активном участии Поля Дюкса «правительство» было сформировано в следующем составе: председатель — А. Н. Быков, министр финансов — бывший товарищ министра финансов в царском правительстве С. Ф. Вебер, министр путей сообщения — инженер М. Д. Альбрехт, морской министр — адмирал А. В. Развозов (временно, ввиду болезни Развозова, его должен был заменить адмирал Бахирев), министр просвещения — бывший попечитель Петроградского учебного округа монархист Воронцов, министр внутренних дел — Завойко, министр религиозных культов — в прошлом член Временного правительства А. В. Карташев. Петроградским градоначальником намечался полковник Люндеквист. Уже даже обсуждалась будущая программа «правительства».

Однако вынашиваемые контрреволюционерами планы не имели под собой реальной основы. Судя по показаниям заговор-

[1] «Петроградская правда», 23 ноября 1919 г.

щиков, в момент восстания они могли рассчитывать на 400 человек, в том числе на завербованных Дюксом уголовников. События показали полное бессилие контрреволюции. Войска генерала Юденича были отброшены от Петрограда, заговор своевременно раскрыт, большинство его участников во главе с «министрами» (за исключением Карташева, находившегося за границей) арестованы. Как только начались провалы, Дюкс бежал из Советской России, передав шпионскую сеть своей заместительнице — бывшей эсерке Н. В. Петровской (кличка «Мария Ивановна»), которая занималась одновременно организационной и технической работой «Национального центра». Впрочем, через некоторое время была арестована и Петровская.

Осенью 1919 г. за успешное раскрытие и расследование дела «Национального центра» ВЦИК наградил большую группу работников особых отделов ВЧК; среди них был и заведующий Особым отделом ВЧК Е. Г. Евдокимов, награжденный орденом Красного Знамени.

3. Взрыв в Леонтьевском переулке

25 сентября 1919 г. в помещении Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке собрались ответственные работники большевистской партии, лекторы и агитаторы (около 100—120 человек) для обсуждения вопроса о заговоре «Национального центра». Около 9 часов вечера, когда были уже выслушаны доклады, в зал, где происходило собрание, через выходившее в сад окно была брошена бомба. Взрывом частично было разрушено здание, убито 12 и ранено 55 человек. Среди погибших был секретарь МК РКП(б) В. М. Загорский, ранеными оказались А. Ф. Мясников, М. С. Ольминский, Ю. М. Стеклов, Е. М. Ярославский, М. Н. Покровский и другие большевики.

Через некоторое время в Москве появилась нелегально изданная листовка, в которой было сказано, что взрыв совершен «Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан» в знак «отмщения» большевикам за расстрел в Харькове нескольких махновцев по приговору революционного трибунала[1]. Наряду с типичными анархистскими высказываниями,

[1] Речь шла о членах штаба махновских отрядов Озерове, Михалеве, Павленко, Бурдыге, Олейнике, Коробко, Костине, Полунине и Добролюбове, осужденных в связи с дезорганизаторскими действиями махновцев на Южном фронте. Об этом см. ниже.— *Д. Г.*

содержавшимися в этой листовке, «повстанческий комитет» заявлял, что он ставит своей целью стереть с лица земли советский строй [1].

2 октября в поезде около Брянска чекисты задержали анархистку украинской группы «Набат» С. Каплун, у которой нашли письмо одного из лидеров «Набата» — А. Барона (Факторовича), адресованное единомышленникам. Барон писал: «Теперь Москва начеку. Пару дней тому назад местный комитет большевиков взорван бомбой, погибло больше десятка. Дело, кажется, подпольных анархистов, с которыми у меня нет ничего общего. У них миллионные суммы. Правит всем человечек, мнящий себя Наполеоном. Они сегодня, кажется, публикуют извещение, что это сделали они» [2]. Итак, из письма следовало, что террористический акт совершили анархисты-подпольщики и что легальные анархисты знают преступников. Однако представители московских легальных анархистов, к которым обратились советские органы, отказались что-либо сообщить о террористах.

В конце октября Московская чрезвычайная комиссия установила, что в квартире, где прежде жила известная анархистка Мария Никифорова, бывают какие-то подозрительные лица. В квартире произвели внезапный обыск и оставили засаду. Вскоре туда явился неизвестный. Когда его попытались задержать, он стал стрелять и ранил одного из сотрудников ЧК, но в перестрелке был убит. У него нашли револьвер, фальшивые документы и черновик обращения, сходного по содержанию с листовкой, подписанной «Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан». Убитый оказался Казимиром Ковалевичем, служащим Московско-Курской железной дороги и, как позже выяснилось, вожаком анархистского подполья. Воспользовавшись суматохой, вызванной перестрелкой, проживавшие в квартире А. Восходов и какая-то женщина скрылись. Через несколько дней чекисты установили адрес, куда перебрался Восходов, и 3 ноября произвели там обыск. Были обнаружены приходо-расходные записи о поступлении и использовании средств анархистской подпольной организацией, списки ее членов, бомбы, револьверы, руководство по вскрытию несгораемых шкафов и другие вещественные доказательства и арестовано несколько участников подпольной организации.

4 ноября в Б. Гнездниковском переулке (где была устроена засада) при перестрелке с двумя сотрудниками ЧК был убит вто-

---

[1] См. «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 256—257.
[2] «Известия ВЦИК», 14 октября 1919 г.

рой вожак анархистского подполья, Петр Соболев. При нем были три револьвера и записная книжка с пометками о выдаче денег видному члену московской организации левых эсеров, бывшему члену ЦК этой партии, известному по делу о левоэсеровском мятеже,— Д. А. Черепанову.

После неоднократных бесед в Чрезвычайной комиссии один из задержанных, анархист М. Тямин, осудил действия своих сообщников и рассказал о преступлениях анархистов подполья. Тямин подтвердил, что это они организовали взрыв в помещении МК РКП(б). Из его показаний стало известно, что «подпольщики» месяца полтора до взрыва сняли дачу в поселке Красково под Москвой, устроили там свою штаб-квартиру и оборудовали типографию и лабораторию для изготовления бомб.

В ночь на 5 ноября отряд чекистов окружил дачу. Находившиеся там анархисты на предложение сдаться ответили огнем. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся около двух часов. Очевидно понимая, что выхода нет, осажденные подожгли и взорвали дачу. На месте взрыва остались обгоревшие детали типографского станка, оболочки бомб, револьверы. При взрыве погибли анархисты Яков Глазгон, Василий Азов (Азаров), Дмитрий Хорьков, неизвестные по имени Захар («Хромой»), Миша и Таня. Вскоре в поселке Одинцово нашли принадлежавший анархистам склад динамита.

Во время допросов арестованных были выяснены подробности подготовки взрыва в Леонтьевском переулке и его участники. Анархист А. Барановский (Попов) показал: «Взрыв в Леонтьевском переулке был произведен анархистами подполья. В нем участвовали пять человек — я, Петр Соболев (он бросал бомбу), Миша Гречаников, Федя Николаев и один, который убит на даче в Краскове, фамилию его не назову». По словам Барановского, Петр Соболев, узнав о заседании Московского комитета РКП(б), пришел к нему и предложил взорвать здание МК. Взяв бомбу, они вдвоем отправились в Чернышевский переулок, где их ожидали другие участники этого преступления.

Анархисты Ценципер и Гречаников показали, что взрыв был лишь одним из террористических актов, намеченных анархистами подполья в борьбе с большевиками. Левый эсер Николаев в числе участников взрыва назвал и Черепанова [1]. Арестованный 17 февраля левый эсер Д. А. Черепанов заявил на допросе, что «Всероссийский повстанческий комитет революционных парти-

---

[1] См. «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 303.

зан» организовал он, Черепанов, совместно с Казимиром Ковалевичем. Главной своей целью комитет считал осуществление ряда террористических актов. Одним из таких актов и был взрыв в Леонтьевском переулке. Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента были возложены на Д. А. Черепанова. Последний лишь отрицал, что бомбу бросил он [1].

Итак, выяснилось, что во «Всероссийском повстанческом комитете революционных партизан» и в его преступлениях участвовали анархисты и «активистская» группа московских левых эсеров.

Вожак и один из организаторов «Всероссийского повстанческого комитета революционных партизан», Казимир Ковалевич принадлежал к той части московских анархистов, которые и после разоружения анархистских групп оставались на позициях «активного» терроризма и вооруженной борьбы против Советской власти. В мае 1919 г. Ковалевич выехал в Харьков и встретился там с Глазгоном, Ценципером и другими анархистами, служившими ранее у Махно. Здесь и произошло зарождение подпольной террористической организации. «Решено было,— говорил один из анархистов, арестованных ЧК,— начать бить по центру, то есть по Москве, откуда все зло». Возвратившись в Москву, Ковалевич с несколькими единомышленниками, к которым вскоре примкнул экспроприатор Петр Соболев, внесший «на организационные расходы» 300 тыс. рублей, добытых грабежами, основали «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан».

К моменту ликвидации в организации было не более 30 человек, и делилась она на три части: литературную, ведавшую изданием листовок и нелегальной газеты; типографскую, обслуживавшую типографию, и группу боевиков, занимавшуюся экспроприациями, добыванием взрывчатых веществ и подготовкой террористических актов.

Первым нелегальным изданием организации была листовка «Правда о махновщине» (10 тыс. экз.). Вскоре появилась и вторая листовка — «Где выход?» (15 тыс. экз.), в которой содержался призыв к восстанию. 12 августа экспроприаторы ограбили в Москве 9-е отделение Народного банка, 18 августа — отделение банка на Большой Дмитровке, 29 августа похитили из кассы патронного завода в Туле 3480 тыс. рублей. На эти деньги подпольщики приобрели типографский станок, оружие, взрывчатые

---

[1] См. «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 315—316.

вещества, сняли дачу для штаба, выпустили два номера газеты «Анархия» и листовки. Петр Соболев собирался закупить 60 пудов динамита, чтобы, как он говорил, «взорвать Кремль».

Деятельность подпольщиков особенно усилилась после установления связей с группой московских левых эсеров, которую возглавлял Черепанов. Эта группа выступала за активное продолжение борьбы с Советской властью. При аресте у одного из членов группы было обнаружено письмо, характеризующее линию поведения этого «левого крыла» партии левых эсеров. Автор письма писал своим друзьям: «Приходится констатировать факт, что ЦК соглашателей в пресловутое мирбаховское время (так автор называл ЦК партии левых эсеров.— *Д. Г.*) теперь превратился частью в мнимых активистов, частью в людей, по ночам уже видящих сны, где они фигурируют с министерскими портфелями. Теперешний состав ЦК: Камков, Карелин, Штейнберг, Трутовский и Маруся (речь идет о Марии Спиридоновой.— *Д. Г.*) да Самохвалов. Из них большинство соглашателей, и лишь Самохвалов, вероятно, будет с нами. Маруся занимает позицию среднюю — активность на словах» [1]. По мнению автора письма лишь два члена ЦК партии левых эсеров — Черепанов и Крушинский — стояли за активную борьбу с Советской властью. Они вышли из ЦК и вступили в московскую организацию левых эсеров. Превознося успехи «партизанского штаба», в котором левые эсеры сотрудничали с анархистами, автор письма остановился на главной задаче левых эсеров: «По всей России организовать этот Повстанческий штаб революционных партизан из нас и анархистов (настоящих), где они есть, и действовать от их имени».

Политическое кредо объединенной левоэсеровской и анархистской организации — «Повстанческого комитета» — представляло собою смесь путаных мелкобуржуазных идей и демагогических требований, сдобренных псевдореволюционной фразой. В уже цитированном письме говорилось: «Сейчас для масс ясны два имени: большевики и Деникин. Надо популяризировать третье — Повстанческий штаб, за этой третьей силой, революционной силой, будут все — вот, товарищи, наш план действий, которого не дал партии ЦК в течение долгого времени...» Что же касается вопроса о будущей власти, то, не сомневаясь в победе «Повстанческого штаба», левый эсер Черепанов предполагал решить этот вопрос так: «Всю власть необходимо передать профессиональным союзам... Те или другие

[1] «Известия ВЦИК», 25 января 1920 г.

объединения профсоюзов являются органами власти, а Всероссийский союз профсоюзов — верховным органом власти. Совершенно не важно, если некоторые профсоюзы в настоящий момент имеют почти черносотенную окраску, классовое самосознание и руководство высших органов всегда смогут... революционизировать и эти массы» [1].

В сущности, раскрытая подпольная организация, совершившая ряд кровавых преступлений, представляла собой небольшую группу уголовников и людей с нечетким мелкобуржуазным мышлением, выдававших себя за «революционеров». Московская чрезвычайная комиссия пресекла деятельность заговорщиков. М. Гречаников, А. Барановский (Попов), Ф. Николаев, А. Восходов, Д. Хлебныйский («дядя Ваня» — участник многочисленных грабежей), Ценципер, П. Исаев, предатель А. Домбровский (пробравшийся в члены Коммунистической партии и связанный с участниками взрыва) были расстреляны. Д. А. Черепанов выслан в Сибирь, где позднее заболел тифом и умер.

4. Карательная политика органов борьбы с контрреволюцией в период «военного коммунизма»

Начавшееся весной 1919 г. наступление крупных антисоветских военных сил, резкая активизация подрывной деятельности в тылу, раскрытие одного за другим опасных заговоров против Советской власти показали, что главные силы внутренней контрреволюции еще не разбиты. Обстановка требовала усилить меры борьбы с антисоветским подпольем.

Когда в марте 1919 г. контрреволюция предприняла диверсии в тылу Красной Армии (на Петроградском фронте), председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский довел до всеобщего сведения: «Ввиду раскрытия заговора, ставящего целью посредством взрывов, порчи железнодорожных путей и пожаров призвать к вооруженному выступлению против Советской власти, Всероссийская Чрезвычайная комиссия предупреждает, что всякого рода выступления и призывы будут подавляться без всякой пощады. Во имя спасения от голода Петрограда и Москвы, во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв Всероссийская Чрезвычайная комиссия принуждена будет принять самые суровые меры наказания против всех, кто будет причастен к белогвардейским выступлениям и попыткам вооруженного восстания».

---

[1] «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 316.

В другом объявлении ВЧК тогда же предупредила: «Пусть помнят враги Советской власти, что великодушие восставшего рабочего класса может быть исчерпано и карающий меч революции может опуститься на головы изменников и всех пособников контрреволюции... Во имя спасения завоеваний Октябрьской революции она (ВЧК.— *Д. Г.*) беспощадной рукой подавит всякие попытки к восстанию и заглушит призывы к свержению Советской власти» [1].

После мятежа на «Красной Горке» ВЦИК подтвердил, что ВЧК и губернским чрезвычайным комиссиям принадлежит право непосредственной расправы (вплоть до расстрела) за контрреволюционные и некоторые другие преступления в местностях, объявленных на военном положении [2]. Применив этот закон к предателям и изменникам с «Красной Горки» и к лицам, готовившим мятеж в районе Кронштадта (дело Анурова, Шишкова, Рыбалтовского, Кулеша и др.), ВЧК 12 июля заявила: «Опыт полутора лет гражданской войны показал, что иностранные и отечественные империалисты не надеются в открытом бою победить революцию... Одним из главных средств борьбы у контрреволюции является дезорганизация нашей обороны, нашего тыла». Указав, что контрреволюция пытается заговорами и предательством, изменой и шпионажем победить рабочих и крестьян, Всероссийская Чрезвычайная комиссия объявила о необходимости строже наказывать виновных в подобного рода преступлениях и тем самым помочь Красной Армии как можно скорее покончить с внутренними и внешними врагами. «Никакой пощады изобличенным в белогвардейских заговорах и организациях не будет»,— говорилось в этом заявлении. Обращаясь с последним предостережением ко всем тем, кто оказался втянутым в белогвардейские организации по неосмотрительности или излишней доверчивости, ВЧК предлагала им в недельный срок явиться в ВЧК, гарантируя явившимся и раскаявшимся полную безнаказанность [3].

Принимая решительные меры борьбы с вражеской агентурой, ЦК Коммунистической партии и Советское правительство вместе с тем предостерегали от возврата к методам массового красного террора. После взрыва в помещении Московского комитета партии пленум ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о красном терроре и опубликовал извещение, в котором указывал, что по-

---

[1] «Известия ВЦИК», 2 апреля 1919 г.

[2] См. «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.». Сборник документов, стр. 299—300.

[3] См. «Правда», 12 июля 1919 г.

вое преступление контрреволюционеров может побудить рабочих расправиться с заложниками и находящимися на свободе представителями буржуазных и правосоциалистических партий. Однако ЦК считал, что взрыв в помещении Московского комитета не должен отразиться на обычной деятельности ВЧК и губернских ЧК, ибо Советская власть настолько окрепла, что может навести страх на врагов и обезвредить их организации, «не впадая в нервность, сохраняя обычный темп работы трибуналов и комиссий по борьбе с контрреволюцией, не допуская случайных ошибок...» [1].

Исключительная опасность заговоров «Национального центра», злодейский взрыв в помещении МК РКП(б), естественно, вызвали суровые репрессии: эти дела рассматривала внесудебным порядком ВЧК. Активные участники этих преступлений были расстреляны. Но, как правило, подавляющее большинство дел о контрреволюционных преступлениях рассматривалось не чрезвычайными комиссиями, а реорганизованными и ставшими вполне эффективными боевыми органами советского правосудия революционными трибуналами. Весьма гибкая тактика применялась в отношении обвиняемых из мелкобуржуазных слоев.

Согласно постановлению Президиума ВЦИК об амнистии, в ноябре 1918 г. было прекращено расследование по известному делу «рабочей конференции» и освобождены видные меньшевики и правые эсеры, арестованные в июле того же года. 30 июня 1919 г. Верховный революционный трибунал при ВЦИК освободил от суда и наказания обвинявшихся по делу саратовской, петроградской и московской организаций правых эсеров, выразивших солидарность с резолюцией конференции своей партии об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью. 5 ноября 1919 г. Советское правительство в дополнение к общей амнистии в ознаменование годовщины Октябрьской революции опубликовало решение «освободить из мест заключения и концентрационных лагерей всех членов тех политических групп и партий, которые объявили мобилизацию своих членов в защиту Советской республики, как это сделали интернационалисты, революционные коммунисты, поалейционисты, группа социалистов-революционеров «Народ», РСДРП (меньшевиков) и бундовцы, за исключением тех из них, которым предъявлены обвинения в участии в контрреволюционных организациях» [2].

---

[1] «Известия ЦК РКП(б)», № 7, 22 октября 1919 г.
[2] «Известия ВЦИК», 5 ноября 1919 г.

Вместе с тем советские органы принимали решительные меры пресечения деятельности мелкобуржуазных партий и их «активистов», когда они наносили вред обороне республики. Были такие моменты в годы гражданской войны, когда в «профилактических целях» приходилось заключать в концлагерь правых и левых эсеров и часть активных меньшевиков и анархистов. Однако они рассматривались не как наказуемые, а как временно, в интересах революции, изолируемые от общества.

В Отчетном докладе VIII съезду партии 18 марта 1919 г. В. И. Ленин говорил: «Главный урок — быть чрезвычайно осторожным в нашем отношении к среднему крестьянству и к мелкой буржуазии... От нас потребуется частая перемена линии поведения, что для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным. «Как это,— скажет он,— вчера вы давали обещания мелкой буржуазии, а сегодня Дзержинский объявляет, что левые эсеры и меньшевики будут поставлены к стенке. Какое противоречие!..» Да, противоречие. Но противоречиво поведение самой мелкобуржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево. Мы переменили по отношению к ней свою тактику, и всякий раз, когда она поворачивается к нам, мы говорим ей: «Милости просим». Мы нисколько не хотим экспроприировать среднего крестьянства, мы вовсе не желаем употреблять насилие по отношению к мелкобуржуазной демократии. Мы ей говорим: «Вы — не серьезный враг. Наш враг — буржуазия. Но если вы выступаете вместе с ней, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры» [1].

Гибкая тактика по отношению к мелкобуржуазным слоям населения и их партиям в годы гражданской войны помогала Коммунистической партии, Советскому правительству и органам борьбы с контрреволюцией одерживать все новые победы в борьбе с врагами Советской власти.

Как только положение на фронтах гражданской войны улучшилось, ВЧК вновь рассмотрела вопрос о методах борьбы с контрреволюцией. В январе 1920 г. коллегия ВЧК пришла к заключению, что разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска создают новые условия борьбы с контрреволюцией, что разгром белогвардейских армий в корне подрывает надежды и расчеты отдельных групп контрреволюционеров свергнуть Советскую власть путем заговоров,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 136—137.

мятежей и террористической деятельности. Если раньше, в условиях самообороны, рабоче-крестьянская власть вынуждена была применять самые решительные меры подавления подрывной деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу Красной Армии, то теперь, как надеялась ВЧК, можно было отказаться от применения к врагам Советской власти высшей меры наказания — расстрела, «отложить в сторону оружие террора». Исходя из этих соображений, коллегия ВЧК постановила прекратить применение расстрела по решениям всех ее органов и войти в Совет Народных Комиссаров с предложением об отмене высшей меры наказания и по приговорам революционных трибуналов. Это постановление вводилось в действие по телеграфу. ВЧК, конечно, учитывала возможности возобновления Антантой попыток нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян и предупреждала, что возобновление таких попыток «неизбежно может выдвинуть возвращение к методам террора». Коллегия ВЧК предложила всем чрезвычайным комиссиям обратить усиленное внимание на борьбу со спекуляцией и преступлениями по должности, содействуя налаживанию хозяйственной жизни, устранению всех препятствий, создаваемых саботажем, недисциплинированностью и злонамеренностью [1].

По представлению Ф. Э. Дзержинского 17 января 1920 г. ВЦИК и СНК отменили смертную казнь как по постановлению ВЧК и ее местных органов, так и по приговорам революционных трибуналов (за исключением военных трибуналов) [2]. Это постановление было утверждено 2 февраля на первой сессии ВЦИК VII созыва. В докладе на этой сессии о работе ВЦИК и Совнаркома В. И. Ленин говорил: «Вы знаете, что тотчас же после главной победы над Деникиным, после взятия Ростова, тов. Дзержинский, руководящий ВЧК и Наркомвнудел, внес предложение в Совнарком и провел его у себя в ведомстве, чтобы всякое зависящее от ЧК применение смертной казни было отменено...

Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими прие-

---

[1] См. *М. Лацис*. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, стр. 18.

[2] См. СУ, 1920, № 4-5, ст. 22.

мами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни... И я думаю, надеюсь и уверен, что ВЦИК единогласно подтвердит это мероприятие Совнаркома и разрешит его таким образом, чтобы применение смертной казни в России стало невозможным. Само собой понятно, что всякая попытка Антанты возобновить приемы войны заставит нас возобновить прежний террор...» [1]

На IV конференции губернских чрезвычайных комиссий (3—6 февраля 1920 г.) Ф. Э. Дзержинский поставил вопрос о перестройке работы ЧК и призвал «изыскать такие методы, при помощи которых нам не нужно было бы производить массовых обысков, не пользоваться террором, однако все время вести наблюдение и пресекать корни козней и злонамерений врагов» [2]. Выступивший на конференции В. И. Ленин обратил внимание чекистов на то, что «первый острый момент борьбы с контрреволюцией, с белогвардейской вооруженной силой как скрытой, так и явной, этот первый острый период, по-видимому, проходит. Но более чем вероятно, что попытки тех или иных контрреволюционных движений и восстаний будут повторяться...

Так что, хотя по инициативе т. Дзержинского после взятия Ростова и была отменена смертная казнь, но в самом начале делалась оговорка, что мы нисколько не закрываем глаза на возможность восстановления расстрелов. Для нас этот вопрос определяется целесообразностью...

Одним словом,— указывал Владимир Ильич,— нам по-прежнему надо сохранять полную боевую способность к отражению врага... Сохраняя эту боевую готовность, не ослабляя аппарата для подавления сопротивления эксплуататоров, мы должны учитывать новый переход от войны к миру, понемногу изменяя тактику, изменяя характер репрессий» [3].

Опасения В. И. Ленина о возможности новой активизации контрреволюции оправдались. Поэтому в изданном 18 марта 1920 г. новом «Положении о революционных трибуналах» последним предоставлялось «не ограниченное ничем право в определении мер репрессии». Вместе с тем революционные трибуналы признавались единственными органами, имеющими право вынесения приговоров (даже в местностях, объявленных на военном положении). В примечании к статье 1 «Положения» было допущено лишь одно изъятие из этого правила: «В целях борьбы

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 100, 101.
[2] «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 184.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 113—114, 115.

с нарушителями трудовой дисциплины, охранения революционного порядка и борьбы с паразитическими элементами населения, в случае, если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования, за Всероссийской Чрезвычайной комиссией и губернскими чрезвычайными комиссиями с утверждения Всероссийской Чрезвычайной комиссии сохраняется право заключения таких лиц в лагерь принудительных работ на срок не свыше 5 лет»[1].

В приказе ВЧК № 48 от 17 апреля 1920 г. Ф. Э. Дзержинский и член-докладчик кассационного трибунала Н. В. Крыленко дали местным чрезвычайным комиссиям разъяснение по поводу этого изъятия. Необходимость его вызывалась тем, что борьба буржуазии и преступного мира против трудящихся не вошла еще в такое русло, когда всякое преступление могло бы караться только в судебном порядке, когда имеются возможности точно определить всякое преступление и передать его на гласное рассмотрение с уверенностью, что преступник будет наказан. Поэтому закон оставил за ВЧК право в административном порядке изолировать антиобщественные элементы и лиц, заподозренных в контрреволюционных деяниях. В таком порядке могли подвергаться заключению бывшие помещики, капиталисты, князья, царские чиновники, члены враждебных Советской власти партий, лица, подозреваемые в спекуляции или уличенные в связи с явными контрреволюционерами, хранившие их переписку или деньги, а также лица, нарушающие трудовую дисциплину или саботирующие хозяйственную жизнь республики[2].

Естественно, во время войны с белополяками и Врангелем Советское правительство усилило борьбу с подпольной контрреволюцией. Органы государственной безопасности, и в частности особые отделы армий, были укреплены; повышено партийное руководство чрезвычайными комиссиями по борьбе с контрреволюцией. Приняты меры к усилению охраны военных складов и других военных объектов. Некоторым губернским революционным трибуналам ВЦИК предоставил права военных трибуналов. Учитывая усилившуюся активность польской агентуры в тылу Красной Армии (ряд поджогов, взрывов, а также саботаж), ВЦИК и Совет Труда и Обороны издали 28 мая декрет, в котором заявили о необходимости «придать военному положе-

---

[1] СУ, 1920, № 22-23, ст. 115.

[2] См. «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.». Сборник документов, стр. 386.

нию самый решительный и непреклонный характер». Для общего наблюдения за поддержанием военного положения, применением на местах вытекающих из него мер беспощадной расправы с врагами республики при Совете Труда и Обороны была образована специальная коллегия (председатель В. А. Аванесов, члены: В. А. Антонов-Овсеенко и С. А. Мессинг). ВЧК и тем ее органам, которые получали специальные полномочия этой коллегии, предоставлялись права военных революционных трибуналов в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности республики (взрывы, поджоги, измена, шпионаж, спекуляция военным имуществом, преступное нерадение при охране военных складов и других военных объектов).

Специальные меры борьбы с подрывной деятельностью были приняты на Украине, где враждебные действия польской агентуры смыкались с такою же деятельностью петлюровских антисоветских организаций и где резко активизировались подпольные врангелевские организации.

Оценивая карательную линию советских органов борьбы с контрреволюцией в рассматриваемый период, следует отметить, что они последовательно проводили в жизнь классовый пролетарский принцип. Беспощадная расправа, жесткие меры против представителей буржуазии, помещиков, явных белогвардейцев, выступавших с оружием в руках, сочетались с бережным отношением к лицам, которые случайно, временно оказались на стороне контрреволюции. Видный деятель ВЧК М. Я. Лацис указывал, что пролетариат не наказывал попавших во вражеские сети рабочих и крестьян, ограничивался их арестом и изоляцией, «пока не поумнеют, пока не раскроются глаза и пока опасная для нас минута, какие бывали не раз, не пройдет. Но зато он не жалел сознательных и закоренелых контрреволюционеров; он искал руководителей и бил по ним... Но и здесь мы подчас были преступно великодушны» [1].

Классовый подход применялся и при арестах, и при вынесении приговоров, и в практике частных амнистий. Помимо общих амнистий, касавшихся осужденных и привлекавшихся к ответственности за контрреволюционные преступления, Советское правительство применяло специальные амнистии в отношении рабочих и крестьян, обманом вовлеченных в антисоветские выступления.

Такова общая характеристика карательной политики органов борьбы с контрреволюцией в период «военного коммунизма».

---

[1] «Известия ВЦИК», 6 февраля 1920 г.

5. Ликвидация «Тактического центра»

Расследование в 1919 г. дел об организациях контрреволюционного подполья, особенно групп «Национального центра», показало, что в Советской стране существуют политические объединения, центры, которые направляют антисоветские движения. Но в условиях гражданской войны детально распутать все нити заговоров и ликвидировать их центры не удавалось.

После поражения Юденича, Колчака, Деникина, Миллера контрреволюция в тылу Советской страны переживала распад. В феврале 1920 г. ВЧК арестовала группу контрреволюционеров, в том числе профессоров Н. Н. Виноградского и С. А. Котляревского, оказавшихся членами руководящих подпольных центров. Виноградский и Котляревский, а затем и другие арестованные, на собственном опыте участия в колчаковщине и деникинщине убедившиеся в безнадежности борьбы против Советской власти, осознали свою вину перед народом. С их помощью удалось выявить руководящие кадры контрреволюционных организаций и раскрыть неизвестный ранее подпольный «Тактический центр», направлявший антисоветские движения в стране.

В деле «Тактического центра» впервые в истории советских судебных процессов прозвучало на весь мир раскаяние обвиняемых в контрреволюционной деятельности. Один из обвиняемых, профессор С. П. Мельгунов, впоследствии так объяснял в эмигрантской печати, почему подсудимые были откровенны. «Все будущие участники процесса,— писал он,— во время предварительного следствия не держались тактики молчания, и не только о себе, но и о других... Разны, вероятно, были побуждения этой откровенности и разна была степень откровенности... Когда я вернулся в камеру после первого допроса, у меня было тяжелое раздумье о том, как поступить и как себя держать на следствии. Не то, чтобы меня подкупила... ласковость Агранова (следователя ВЧК.— *Д. Г.*). ...Но дело в действительности было уже в полном смысле историческим: приходилось нести ответственность за прошлое, не действенное в настоящем. Следователь знал все, что мог я ему показать с фактической стороны. Казалось поэтому, что принципиальным неговорением я без нужды отягчаю свою судьбу и, может быть, судьбу других, не склонных, как я видел, занять позицию отрицания». Вот почему, как писал Мельгунов, он давал откровенные показания [1]. Оставляя на совести Мельгунова мотивы, которые побуждали его давать

---

[1] Сб. «На чужой стороне» (Прага), 1923, № 3, стр. 141—153.

объяснения во время следствия и на суде, нельзя отказать ни ему, ни другим обвиняемым в том, что они верно раскрыли основные этапы борьбы контрреволюционного подполья с Советской властью в 1918—1919 гг.

Показания обвиняемых помогли выявить антисоветские политические организации и объединения, их руководящие кадры, действовавшие в Советской стране начиная с момента Октябрьской революции («Совет общественных деятелей», Торгово-промышленный комитет, «Союз земельных собственников», «Правый центр», «Национальный центр», «Союз возрождения России»).

Зимой 1918/19 г. в Москве у известной буржуазной общественной деятельницы, бывшей «экономистки» Е. Д. Кусковой, собирались «за чашкой чая» деятели разных антисоветских групп. Они обсуждали политические события, происходившие в стране, стараясь выработать приемлемую для них политическую платформу. В этой среде и возник «Тактический центр». В обвинительном заключении ВЧК говорилось: «В феврале 1919 г. начинаются события, заставляющие московских контрреволюционеров сблизиться окончательно. Таким импульсом, прежде всего, является радио Антанты о предполагаемом созыве конференции на Принцевых островах. В феврале, таким образом, созывается предварительное совещание членов «Национального центра» и «Союза возрождения», на котором присутствуют от «Национального центра» — Щепкин Н. Н., Кольцов, Котляревский, Трубецкой С. Е., Герасимов, Фельдштейн; от «Союза возрождения» — Мельгунов, Волк-Карачевский, Левицкий-Цедербаум (брат известного лидера меньшевиков Ю. Мартова.— *Д. Г.*), Филатьев, Студенецкий, Кондратьев, а затем второе совещание, на которое помимо указанных лиц приглашаются лидеры «Совета общественных деятелей» — Д. М. Щепкин и Леонтьев; присутствовал также член «Национального центра» Муравьев. На этих совещаниях обсуждается вопрос об объединении всех трех организаций в тактическом отношении и в смысле выработки единого плана действий. В результате этих совещаний создается тесный заговорщический союз между монархистами, кадетами, социалистами-революционерами, меньшевиками, народными социалистами и группой «Единство»... Таким образом, в апреле 1919 г. образуется «Тактический центр», объединяющий «Совет общественных деятелей», «Национальный центр» и «Союз возрождения», сохраняя за ними автономность и организационную обособленность, а также самостоятельность касс. Договаривавшиеся группы остановились на следующей общей

платформе: восстановление государственного единства России; Национальное собрание, долженствующее разрешить вопрос о форме правления в России; единоличная, диктаторского характера военная власть, восстанавливающая в стране «порядок» и разрешающая на основе признаваемого права личной собственности ряд неотложных мероприятий экономического и социального характера; вместе с тем «Тактический центр» высказывается за признание Колчака «верховным правителем России»»[1].

В руководство созданной организации вошли: от «Национального центра» — Н. Н. Щепкин, О. П. Герасимов и князь С. Е. Трубецкой; от «Совета общественных деятелей» — Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев; от «Союза возрождения России» — профессор С. П. Мельгунов. Была образована и особая военная комиссия в составе Н. Н. Щепкина, С. М. Леонтьева и С. Е. Трубецкого для связи с подпольными военными группами.

«Тактический центр» не был централизованной организацией, не имел устава и четко сформулированной программы. Он представлял собою, скорее, контактную комиссию, состоявшую из руководящих лиц «Совета общественных деятелей», «Национального центра» и «Союза возрождения России», и расценивался его участниками как некий «мозговой центр» всех антисоветских движений. Его члены разрабатывали принципы общей программы и отдельных преобразований для будущего правительства России. Это были различные проекты государственного устройства, решения аграрного, рабочего, продовольственного, национального вопросов, которые рассматривались в общем в духе программы кадетов. Кроме того, члены «Тактического центра» были связаны с мятежными генералами, военными подпольными группами и дипломатическими представителями стран Антанты.

Известное представление о характере деятельности руководящего ядра «Тактического центра» и о взаимоотношениях входивших в «центр» групп дают показания профессора Н. Н. Виноградского. Он заявил, что «Тактический центр» обсуждал вопрос об отношении к конференции на Принцевых островах и выработал декларацию, не признававшую никакого соглашения с Советской властью и призывавшую Антанту оказать вооруженную и материальную помощь армиям, боровшимся на окраинах против Советской власти. Когда выяснилось, что конференция на Принцевых островах не состоится, в «Совете общественных

[1] «Обвинительное заключение по делу о раскрытых в Москве контрреволюционных организациях и их деятельности в 1918—1919 гг.», стр. 20—21.

деятелей» возникла мысль информировать страны Антанты о положении дел в Советской России: составить записку, характеризующую все стороны государственной и общественной жизни страны. Записка обсуждалась в первой половине 1919 г. Щепкин и Леонтьев поставили в известность «Тактический центр» о намерении «Совета общественных деятелей» информировать таким путем страны Антанты. «Национальный центр» и «Союз возрождения» согласились, чтобы начатая «Советом общественных деятелей» работа была доведена им до конца, а затем подверглась обсуждению в «Тактическом центре». Позднее Леонтьев доложил «Совету общественных деятелей», что записка принята «Тактическим центром» с небольшими изменениями.

Н. Н. Виноградский рассказал, что на заседаниях «Совета общественных деятелей» и «Тактического центра» заслушивались сообщения тайно приезжавших в Москву деникинских и колчаковских разведчиков: Хартулари (начальника деникинской разведки), ротмистра Донина и Азаревича. В конце марта 1919 г., по свидетельству Виноградского, на заседание «Совета общественных деятелей» Леонтьев привел некоего Азаревича, приехавшего из Сибири, и прибывшего с юга Хартулари. Приехавшие сделали доклады о военном положении на фронтах и подробно обрисовали общее положение, больше всего интересовавшее «Совет общественных деятелей». На следующем заседании эти доклады обсуждались и было решено послать в «Колчакию» и «Деникию» декларацию о том, какой строй должен быть установлен на местах после «освобождения» их от Советской власти. Такая декларация была составлена «Советом общественных деятелей» и обсуждалась в «Тактическом центре».

Летом 1919 г. «Национальный центр» через свою петроградскую организацию вступил в контакт с главой английской контрразведки в России Полем Дюксом. Дюкс жил в 1919 г. в Петрограде, но, узнав о существовании в Москве «Национального центра» и других контрреволюционных организаций, в июне выехал в Москву. При посредстве ближайшей своей помощницы по шпионажу Н. В. Петровской он встречался с С. М. Леонтьевым, который познакомил его с Н. Н. Щепкиным, представив последнего Дюксу как председателя «Национального центра». Дюкс виделся с ним несколько раз. Н. Н. Щепкин просил Дюкса от имени «Национального центра» связаться с русскими комитетами в Лондоне и Париже. В свою очередь Дюкс предложил Н. Н. Щепкину субсидию английского правительства в размере полмиллиона рублей в месяц на расходы организации. И хотя

Щепкин вначале отклонил предложение английского шпиона, рассчитывая на финансирование организации Колчаком, но все же запросил мнение «Национального центра». Трубецкой и некоторые другие считали, что деньги можно принять. Щепкин подробно информировал Дюкса о политическом, хозяйственном и военном положении Советской России, обнадеживал его неминуемым крушением Советской власти в результате взрыва изнутри при содействии «Тактического центра». Дальнейшие переговоры с английским разведчиком оборвались из-за ареста Щепкина и отъезда Дюкса в Англию [1].

В августе 1920 г. расследование дела «Тактического центра» было закончено. Многих участников преступлений, совершенных в 1918—1919 гг., освободили по амнистии. Суду Верховного революционного трибунала были преданы 28 человек: руководители «Тактического центра» Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев, С. Е. Трубецкой и С. П. Мельгунов; члены «Совета общественных деятелей» и «Национального центра» профессора В. М. Устинов, С. А. Котляревский, Г. В. Сергиевский, В. С. Муралевич; П. Н. Каптерев, М. С. Фельдштейн, составлявшие проекты программы будущего управления страной; профессор Н. К. Кольцов, хранивший денежные средства «Национального центра»; член коллегии Главтопа профессор Н. Н. Виноградский; бывший начальник политического кабинета в министерстве иностранных дел Временного правительства В. Н. Муравьев; члены ЦК кадетской партии Н. М. Кишкин, Ю. Б. Губарева-Топоркова, Д. Д. Протопопов; член Торгово-промышленного комитета бывший фабрикант С. А. Морозов, финансировавший деятельность «Правого центра», «Совета общественных деятелей» и «Национального центра»; бывший товарищ министра внутренних дел при царизме и Временном правительстве С. Д. Урусов; бывший член Государственной думы В. И. Стемпковский; члены «Союза возрождения России» Н. Д. Кондратьев (Китаев), меньшевики-оборонцы Г. В. Филатьев, В. О. Левицкий-Цедербаум и В. Н. Розанов; член контрреволюционного «Союза русской молодежи» Н. С. Пучков, содействовавший приезжавшим в Москву деникинским агентам (он снабжал их бланками паспортов, похищенными в Главном санитарном управлении, где он служил делопроизводителем); Е. И. Малеина, занимавшаяся технической работой и расшифровкой секретных документов контрреволюционных объединений; А. Л. Толстая, предоставлявшая свою

[1] См. «Обвинительное заключение по делу о раскрытых в Москве контрреволюционных организациях и их деятельности в 1918—1919 гг.», стр. 15—16.

квартиру для заседаний «Тактического центра», и др. Дело рассматривалось Верховным революционным трибуналом с 16 по 20 августа 1920 г. под председательством И. К. Ксенофонтова; обвинение поддерживал Н. В. Крыленко, защитниками выступала группа адвокатов, в их числе А. Тагер и Н. Муравьев.

Характеризуя особенности судебного процесса, Н. В. Крыленко в обвинительной речи говорил: «Начиная от малозначительной фигуры подсудимой Малеиной, типичной интеллигентки, окончившей высшие педагогические курсы, от молодого представителя интеллигенции Пучкова — до убеленных сединами профессоров, авторов научных фолиантов, как Котляревский, до бывших помещиков, собственников и фабрикантов, представители которых также сидят перед вами,— все подсудимые принадлежат... к интеллигенции». Отметив потрясения, которые пережила известная часть интеллигенции в процессе революции, Н. В. Крыленко продолжал: «Сейчас наступает иной момент. 1920 год принес с собой... победу Республики на польском фронте, фактическое признание нашей мощи представителями мирового империализма и, наконец, фактическое вступление рабоче-крестьянской России в ряды европейских держав, которые начинают считаться с нами как с мировой державой. В связи с этим в рядах интеллигенции опять намечается новый перелом: ряд ее представителей, подводя итоги своей борьбы против рабочих и крестьян, говорят: мы ошибались, мы сознаем свои ошибки, а в дальнейшем как граждане будем исполнять свои обязанности к Советской власти вполне лояльно. ...Я не хочу для отдельных представителей данной социальной группы ...закрывать возможность доказать этот перелом. В отношении пяти подсудимых я считаю возможным спокойно заявить, что не требую их наказания... Они могут выйти отсюда свободными...» [1]

Верховный революционный трибунал, признав главных подсудимых «виновными в участии и сотрудничестве в контрреволюционных организациях, поставивших себе целью ниспровержение диктатуры пролетариата, уничтожение завоеваний Октябрьской революции и восстановление диктатуры буржуазии путем вооруженного восстания и оказания всемерной помощи Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте», приговорил их к расстрелу. Но, «принимая во внимание чистосердечное раскаяние их, более или менее полное, искреннее желание работать с Советской властью и принять участие в восстановлении разрушен-

[1] *Н. В. Крыленко.* Судебные речи. Избранное, стр. 77—78.

ного хозяйства, а также решительное осуждение ими вооруженных белогвардейских выступлений и иностранной интервенции». Верховный революционный трибунал постановил заменить им расстрел иными наказаниями. От наказания по амнистии были освобождены четверо подсудимых, к условному наказанию приговорены десять, к лишению свободы сроком на три года — трое, а до окончания гражданской войны — шесть подсудимых. Лишь руководители «Тактического центра» Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев, С. Е. Трубецкой и С. П. Мельгунов были приговорены к тюремному заключению сроком на 10 лет. Один подсудимый — С. Д. Урусов — оправдан. Некоторые члены «Тактического центра», бежавшие от пролетарского суда, были объявлены врагами народа. Но когда задержали одного из них, крупного деятеля «Союза возрождения России» В. Мякотина, расстрел ему заменили пятилетним заключением. Уже в 1921 г. все осужденные по этому делу по амнистии Советского правительства были освобождены из заключения.

6. Дело «кооператоров»

В начале 1920 г. Петроградская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией расследовала дело о преступлениях работников петроградской конторы Центросоюза (потребительской кооперации), занимавшихся массовой скупкой товаров по произвольным ценам у спекулянтов. В ходе расследования чекисты произвели обыск и проверку кассы конторы. Оказалось, что кроме официальной в конторе велась еще и тайная — «черная касса», в которой было обнаружено на несколько миллионов рублей «думских» и «николаевских» кредитных билетов, процентных бумаг и иностранной валюты. Этими изъятыми из обращения денежными знаками работники кооперации рассчитывались со спекулянтами.

Заведующий конторой В. Н. Крохмаль (бывший член ЦК меньшевистской партии) давал сбивчивые и разноречивые объяснения о происхождении «черной кассы». Решено было произвести обыск и у него на квартире. Здесь чекисты нашли ряд писем от заграничной конторы Центросоюза, размещавшейся в Лондоне. Во главе стоял член правления Центросоюза А. М. Беркенгейм. Содержание писем говорило о том, что лондонская контора поддерживает тесную связь и работает в полном согласии с кооперативными организациями России, находившимися на за-

нятой контрреволюцией территории, и даже руководит ими. В одном из писем 1919 г. было сказано, что петроградская контора скоро (очевидно, в связи с предполагавшимся занятием города Юденичем) «вступает в число контор, подведомственных лондонской конторе». Контрреволюционные заправилы из-за границы прислали несколько циркуляров, содержавших директивы по подготовке петроградской конторы к ожидавшимся политическим событиям. В письмах, в частности, речь шла о том, что после вступления в город Юденича лондонская контора организует переброску продовольствия в голодающий Петроград. Заведующему петроградской конторой Крохмалю давались указания не жалеть средств на массовую скупку в городе и районе всевозможных товаров, не останавливаясь перед незаконными финансовыми операциями.

Именно этим объяснялись действия работников петроградской конторы Центросоюза, скупавших товары у спекулянтов и проводивших незаконные операции с иностранной валютой. Крохмаль признал, что он получил из Москвы от членов правления Центросоюза Коробова, Кузнецова и Лаврухина 4 млн. рублей «николаевскими» и «думскими» денежными знаками на приобретение иностранной валюты для расчетов с поставщиками товаров.

Расследование преступлений руководящих работников Центросоюза в Москве показало, что буржуазные «кооператоры», свившие себе гнездо в центральном аппарате потребительской кооперации, вели антисоветскую работу, срывая экономические мероприятия Советской власти и нарушая законы Советского государства.

Продовольственные трудности в годы гражданской войны требовали решительных мер для спасения страны от голода. Было признано необходимым централизовать работу, экономить силы и средства при распределении продовольствия. Поэтому декретом Совета Народных Комиссаров от 16 марта 1919 г. распределение продовольствия и других товаров передавалось широко разветвленному аппарату кооперации. В стране был создан единый распределительный орган — потребительская коммуна, объединивший аппарат рабочей кооперации, сельской потребительской кооперации и общегражданские кооперативы. На кооперацию, таким образом, возлагалась важнейшая государственная задача распределения продовольствия среди всего населения страны. В связи с этим в руководящие органы потребительской коммуны помимо избранных пайщиками членов правления были введены представители советских государственных

продовольственных органов, а в правление Центросоюза — представители Совета Народных Комиссаров.

Буржуазные «кооператоры» встретили этот декрет враждебно. Во время обысков у товарища председателя правления Центросоюза Д. С. Коробова, членов правления В. А. Кузнецова и А. Н. Лаврухина чекисты обнаружили документы, подтверждавшие, что они создали в Центросоюзе группу «своих членов правления», в работу которых не посвящали лиц, назначенных Советским правительством. Эта группа превратилась в антисоветский центр, имевший тайные связи с кооперативными организациями на занятых контрреволюцией территориях России и с членами правления, уехавшими за границу и образовавшими там конторы Центросоюза.

Одним из деятелей антисоветской группы членов правления Центросоюза за границей был А. М. Беркенгейм. В свое время он был командирован в США для закупки оборудования, но вскоре оказался в Лондоне, где основал контору Центросоюза. Беркенгейм тайно связался с представителями правительств империалистических держав, вел с ними переговоры в качестве одного из лидеров «не зависящей» от Советской власти кооперации. Его антисоветская ориентация создала ему авторитет в буржуазных кругах. Когда Антанта обсуждала вопрос об отмене блокады Советской страны, Беркенгейму поручили подготовить для Верховного совета Антанты доклад о возможностях товарообмена между Россией и странами Антанты. 11 января 1920 г. он представил такой доклад. Приняв решение о возобновлении торговых отношений с Россией, Верховный совет Антанты подчеркнул, что товарообмен будет производиться через кооперативные организации. Международные империалисты намеревались таким путем поставить торговлю с Советской страной в зависимость от антисоветской группы «кооператоров», с которой они надеялись договориться в своих интересах. Как только было вынесено это решение, группа «кооператоров» в Центросоюзе (Коробов и другие) без ведома представителей Советского правительства распространила среди населения специальную прокламацию, в которой подчеркнула, что Антанта решила торговать не с правительственными органами Советской страны, а с кооперацией. Такое противопоставление преследовало далеко идущие антисоветские цели.

Члену правления Центросоюза из буржуазных «кооператоров» Зельгейму Советское правительство в свое время разрешило поездку в Швейцарию на лечение. Но Зельгейм, выехав в Стокгольм, создал там контору Центросоюза, которая, как и

лондонская, стала тайно вести антисоветскую работу. В найденной при обыске у Кузнецова копии доклада Зельгейма на имя Коробова указывалось: «Был от Беркенгейма запрос о том, посоветую ли я ему купить партию на 24 млн. долларов от американского интендантства: белья, обуви и плащей военного образца. Я телеграфировал отнестись возможно осмотрительней... советовал запросить наши омскую и ростовскую конторы» [1]. Ясно, что Зельгейм «советовал» реализовать американское военное обмундирование в Омске, где господствовал Колчак, и в Ростове, где хозяйничал Деникин.

Подобным же образом вели себя и некоторые из членов правления Центросоюза на территориях, занятых контрреволюцией.

«Кооператоры» Н. М. Михайлов, член правления Центросоюза, и А. М. Никитин, бывший министр Временного правительства, в докладе на имя Деникина, опубликованном 10 декабря 1919 г. в «Бюллетене кооперации Юга России», писали: «Везде, где кооперативные организации входили в сферу влияния Добровольческой армии, они немедленно и на этот раз искренно и охотно устанавливали тесные отношения... иногда жестоко страдая от большевиков при временном возврате большевистской власти» [2]. Михайлов эвакуировался с белыми из Харькова в Ростов-на-Дону, оттуда в Екатеринодар, а затем и вовсе эмигрировал за границу.

В Сибири член правления Центросоюза Вахмистров открыто поддерживал Колчака. Сибирские «кооператоры» содержали на средства кооперации офицерские дружины, сформированные для борьбы с Советской властью.

Многие буржуазные «кооператоры» участвовали в подпольной деятельности антисоветских политических организаций. В частности, товарищ председателя правления Центросоюза Д. С. Коробов состоял членом «Национального центра».

27 апреля 1920 г. Совет Народных Комиссаров в связи с раскрытыми преступлениями в Центросоюзе отстранил до решения суда от исполнения обязанностей членов правления Центросоюза Коробова, Лаврухина, Кузнецова и находившихся за границей Беркенгейма, Ленскую, Зельгейма, Вахмистрова и Михайлова, временно заменив их вновь назначенными людьми. Но Беркенгейм, Зельгейм и другие лица за границей не сдали дел советским представителям, а, захватив имущество и капиталы контор Центросоюза, объявили себя «независимым акционер-

---

[1] «Известия ВЦИК», 1 сентября 1920 г.

[2] Там же, 28 апреля 1920 г.

пым обществом». Под защитой международного капитала они открыто выступили против Советской власти.

По окончании расследования суду Верховного революционного трибунала было предано 19 обвиняемых, в том числе ряд лиц, причастных к спекулятивным операциям.

Бывший товарищ председателя правления Центросоюза Д. С. Коробов, члены правления А. Н. Лаврухин и В. А. Кузнецов обвинялись в том, что, являясь ответственными руководителями русских кооперативных организаций, создали в Центросоюзе антисоветскую группу для противодействия экономической политике Советской власти и декрету СНК от 16 марта 1919 г. Под разными вымышленными предлогами они командировали за границу, на Украину и в Сибирь некоторых членов правления Центросоюза, известных как антисоветские деятели, поддерживали с ними связь и совместно с ними вели подрывную антисоветскую работу; даже факт снятия Антантой блокады Советской страны был использован ими для антисоветской агитации, для чего они выпустили прокламацию, в которой тенденциозно, во вред Советскому правительству освещали этот вопрос; именно они отдали распоряжение о массовой закупке у спекулянтов товаров по произвольным ценам, что нарушало правила советской торговли и способствовало спекуляции; они же разрешили вести расчеты со спекулянтами денежными знаками, изъятыми из обращения, и иностранной валютой.

Члены правления Центросоюза Сахаров и Прусс обвинялись в том, что содействовали вышеуказанной антисоветской деятельности Коробова, Лаврухина и Кузнецова.

Председатель комитета по делам кооперации Юга России А. М. Никитин обвинялся в том, что вместе с бывшим министром Временного правительства К. А. Гвоздевым и членом правления Центросоюза Н. М. Михайловым (эмигрировавшими за границу) направлял деятельность кооперативных организаций Юга России в контрреволюционное русло поддержки Деникина и деникинщины.

Заведующий петроградской конторой Центросекции (рабочей кооперации) М. М. Розен и его заместитель Е. Г. Дрюбин обвинялись в том, что занимались массовой скупкой товаров у спекулянтов по произвольным ценам и, зная, что эти спекулянты действуют под вымышленными фамилиями, укрывали их и получали от них «комиссионное вознаграждение».

Заведующий петроградской конторой Центросоюза В. Н. Крохмаль и его заместитель Л. И. Шарый обвинялись в

том, что выполняли директиву Коробова о скупке товаров у спекулянтов по произвольным ценам. Кроме того, Шарый, чтобы избежать ответственности за совершенные преступления, в период следствия по предложению некоего Бертгольда решил через него дать взятку следователю ВЧК Назарову и с этой целью передал Бертгольду по фиктивному счету из средств конторы Центросоюза 2 148 500 рублей.

Спекулянт Адольф Мордухович и его сын Александр обвинялись в том, что совершали крупные спекулятивные операции с конторами Центросоюза, сбывая им различные товары по произвольным ценам, выплачивали Розену, Дрюбину и другим лицам «комиссионное вознаграждение» за содействие в этих преступлениях.

Сотрудники Центросоюза К. Ф. Оболенский, Ф. Э. Мосдорф, Шишко, А. М. Арнштам, О. С. Сметанич, Розов обвинялись в укрывательстве спекулянтов и содействии им.

Дело рассматривалось в Верховном революционном трибунале с 31 августа по 4 сентября 1920 г. под председательством И. К. Ксенофонтова, с участием обвинителя Н. В. Крыленко и защитников Брусиловского, Мажбица и др.

Суд приговорил: Коробова, Лаврухина, Кузнецова и Никитина к заключению в концлагерь сроком на 15 лет. Спекулянта Адольфа Мордуховича за злостную спекуляцию — к расстрелу, с заменой ввиду преклонного возраста пожизненным тюремным заключением. Шарый и Дрюбин были приговорены к 10 годам тюрьмы каждый, а Розов за получение от спекулянтов «комиссионных» — к 15 годам заключения в концлагере. Крохмаль был осужден на 3 года тюремного заключения, но, учитывая его раскаяние в совершенных ошибках, освобожден от наказания. Были освобождены от наказаний по амнистии также подсудимые Арнштам и один из сыновей Мордуховича. Условно осуждены на 5 лет лишения свободы сотрудники Центросоюза Оболенский, Мосдорф и Шишко. Сын Мордуховича — Александр — за соучастие в спекуляциях отца осужден на 10 лет, Бертгольд за попытку дать взятку следователю ВЧК — к 15 годам заключения в концлагере. Сахаров, Прусс и Сметанич оправданы.

7. Церковная контрреволюция

В буржуазно-помещичьей России высшая иерархия русской православной церкви, связанная стародавними узами с монархистскими кругами страны, делала все, чтобы церковь исправ-

но обслуживала царизм и правящие классы страны. После Октябрьской революции во главе церкви стал представитель наиболее реакционного крыла духовенства московский митрополит Тихон (В. И. Белавин), 5 ноября 1917 г. избранный на Всероссийском церковном соборе патриархом всея Руси. Самый факт восстановления сана всероссийского патриарха как символа единоличной власти в православной церкви в то время, когда совсем недавно была свергнута единоличная власть монарха в стране и народ боролся за самую демократическую власть на земле, власть Советов рабочих и крестьянских депутатов, достаточно красноречиво выразил антинародные, монархистские устремления реакционных церковников. И действительно, высшая церковная иерархия сразу же выступила против Октябрьской революции, предала анафеме Советскую власть и примкнула к монархистской контрреволюции.

Покончив с политическим господством буржуазии и помещиков, Советская власть одновременно приняла ряд мер, направленных на духовное раскрепощение народа. Декретами от 16 и 18 декабря 1917 г. и 20 января 1918 г. рабоче-крестьянское правительство провозгласило свободу совести и верований и отделило церковь от государства и школу от церкви. Религия была признана частным делом граждан, церковь потеряла право участия в государственной деятельности. Преподавание закона божьего в школах отменялось. Устанавливался гражданский брак и развод по суду. Церковная собственность, в том числе крупные монастырские поместья, объявлялась народным достоянием. Эти декреты лишали православную церковь положения государственного института и в значительной степени подрывали источники ее доходов.

Реакционные церковники с ожесточением выступили как против этих, так и против других декретов Советского правительства, в том числе против Декрета о земле. 27 января 1918 г. Всероссийский священный собор объявил советские декреты «сатанинским гонением» на церковь. «...Изданный Советом Народных Комиссаров декрет об отделении церкви от государства,— говорилось в решении собора,— представляет собою... злостное покушение на весь строй жизни православной церкви и акт открытого против нее гонения; ...всякое участие как в издании сего враждебного церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к православной церкви и навлекает на виновных кару вплоть до отлучения от церкви». Собор постановил не признавать декретов Советской власти о браке и разводе и предавать «церковному

осуждению» всех, кто будет на основании этих декретов расторгать церковные браки и вступать в новые [1].

15 марта 1918 г. делегация церковников во главе с А. Д. Самариным и Н. Д. Кузнецовым передала в Совет Народных Комиссаров декларацию, в которой заявлялось, будто русский народ смотрит на изданные декреты как «на тяжкое оскорбление его религиозного чувства». «Да будет ведомо вам,— заявила делегация Советскому правительству,— что религиозное успокоение ста миллионов православного русского народа может быть достигнуто не иначе, как отменой всех распоряжений, посягающих на жизнь и свободу народной веры» [2]. Это был первый «ультиматум» реакционных церковников.

На протяжении многих лет одним из средств одурманивания отсталых народных масс и источником, из которого церковники извлекали немалые доходы, было канонизирование «святых мощей». Православная церковь создала культ почитания «мощей святых» — останков «благочестивых людей», являющихся будто бы божьими избранниками, посредниками между небом и землей. Тела некоторых таких умерших «святых», в отличие от тел обыкновенных людей, будто бы остаются «нетленными», то есть не гниют, не разлагаются и сохраняются как бы «в свежести». «Святым мощам» приписывалась способность исцелять больных, совершать чудеса. Революционная совесть трудящихся не могла мириться с этим мракобесием и обманом.

В первые годы Советской власти по почину трудящихся во многих губерниях России были произведены вскрытия мощей, хранившихся в храмах и монастырях. При вскрытиях, происходивших в присутствии народа, духовенства, экспертов, в гробницах и раках вместо так называемых нетленных мощей святых оказывались или мумифицированные естественным образом трупы, или истлевшие, превратившиеся в пыль кости, или искусно выполненные из ваты, воска, тканей и картона куклы. В одних случаях в раках оказывались лишние кости, в других, наоборот, костей от скелетов не хватало. От «нетленных мощей преподобного Макария» вообще ничего не осталось, кроме пяти фунтов ваты, которой были проложены остатки костей. Вместо «нетленных мощей Питирима» (Тамбовская губерния) в раке было обнаружено несколько костей, залитых воском; голова «святого» представляла собой восковой слепок. «Мощи праведного Прокопия Устьяжского» являли собой подобие человече-

---

[1] ЦГАОР, ф. 353, оп. 2, д. 712, л. 169—170.

[2] Там же, л. 51 об.

ского туловища, изготовленного из разрозненных костей и ваты (которая, видимо, периодически заменялась). В раке Мстислава Удалого у мощей не оказалось одной руки. В раке князя Владимира были обнаружены остатки кожаных сапог машинного производства. Очевидные факты фальсификации показали массам, чему церковники заставляли их поклоняться, и сыграли большую роль в избавлении народа от невежественных суеверий и религиозных предрассудков.

Церковные власти, обеспокоенные этими вскрытиями, приняли меры. Выполняя предписания патриарха Тихона (циркуляр от 17 февраля 1919 г.), церковники начали приводить мощи в порядок. Епископ Вологодский провел 7 марта заседание епархиального совета. На нем было решено тайно освидетельствовать состояние «святых мощей» и удалить из рак искусственные оправы, добавленные для придания мощам подобия человеческого тела, чтобы избежать возможного со стороны верующих разоблачения «святых мощей» [1]. Новгородский викарный епископ Алексий совместно с другими церковными служителями выбросил из рак предметы фальсификации [2].

20 марта 1919 г. патриарх Тихон обратился с письмом к Председателю Совнаркома В. И. Ленину и потребовал, чтобы вскрытие мощей было прекращено. Это был новый «ультиматум» Советскому правительству. В случае, если требование церкви не будет выполнено, патриарх Тихон угрожал обратиться к народу с призывом «повиноваться более богу, нежели человекам» [3].

Противодействие реакционных церковников мероприятиям Советского правительства не ограничилось «ультиматумами»; они провоцировали и народные волнения. Возбуждаемые ими группы отсталых людей, созываемых набатным звоном «на защиту церкви», нападали на представителей советских органов и сельской бедноты, мешали им исполнять общественные и государственные обязанности.

Однажды представители Люберецкого Совета явились в Николо-Угрешский монастырь и предложили его настоятелю, на основании декрета правительства, выделить для военных нужд

---

[1] См. «Обвинительное заключение по делу бывшего патриарха Тихона (Белавина) и других руководителей церкви, обвиняемых в контрреволюционной деятельности». М., 1923, стр. 26.

[2] ЦГАОР, ф. 353, оп. 5, д. 72, л. 306.

[3] «Обвинительное заключение по делу бывшего патриарха Тихона (Белавина) и других руководителей церкви, обвиняемых в контрреволюционной деятельности», стр. 26—27.

несколько лошадей. «Вашей Советской власти не признаю, делайте что хотите, грабьте без моего согласия»,— вызывающе заявил настоятель. Представители Совета обратились к митрополиту Макарию, проживавшему в монастыре. Тот попросил подождать ответа. Тем временем монахи послали гонцов в близлежащие села: дескать, помогите, большевики грабят монастырь. Вскоре в монастыре собралась толпа крестьян. Возбужденные духовенством, кулаками и подозрительными лицами, проживавшими в монастырской гостинице, прибежавшие в монастырь крестьяне избили представителей Совета, заперли их в пожарный сарай и держали там, пока на помощь им не пришли окрестные бедняки. Николо-Угрешский монастырь, как выяснилось, являлся прибежищем приезжих белогвардейцев, которые вели антисоветскую работу среди крестьян. В покоях митрополита Макария было обнаружено написанное им обращение к населению «молиться об упокоении души благоверного сына церкви, потомка царского дома» Николая II.

Беспорядки произошли также в Звенигородском уезде, где спровоцированной антисоветскими элементами толпой, созванной колокольным звоном «на защиту церкви», были убиты советские работники Макаров, Соколов и милиционер Рожков. В Павловом Посаде возбужденная контрреволюционными церковниками толпа фанатиков подожгла здание Совета и убила семь человек. По сведениям Высшего церковного совета, при проведении в жизнь Декрета об отделении церкви от государства в стране произошло 1414 кровавых столкновений, спровоцированных контрреволюционерами и реакционными церковниками. По данным Н. В. Крыленко, во время беспорядков было убито 138 коммунистов. Революционные трибуналы республики в 1918—1919 гг. рассмотрели 78 таких дел [1].

Реакционные церковники и лично участвовали в борьбе против Советской власти. Не было ни одного крупного заговора, в котором бы они не были замешаны. Патриарх Тихон выступал против Брестского мира. Как это было установлено при расследовании заговора Локкарта, Тихон дал дипломатическим заговорщикам стран Антанты «благословение» на антисоветский переворот в России и собирался за успех его отслужить всенародное молебствие. Патриарх был связан с Колчаком и Деникиным, с лидерами «Национального» и «Тактического» центров. Мно-

---

[1] ЦГАОР, ф. 353, оп. 4, д. 391, л. 34; «Правда», 8 июля 1923 г.; *Н. В. Крыленко.* За пять лет, стр. 61, 66.

гие служители культа являлись непосредственными участниками вооруженных антисоветских выступлений. Во время ярославского восстания священник Владимирской церкви с церковной колокольни стрелял из пулемета по красноармейцам. В муромском восстании участвовали монахи, а престарелый епископ Митрофан дал мятежникам «благословение» и собрал в их пользу среди богатеев города крупную сумму денег. Владимирский губернский революционный трибунал, рассмотрев дело об этом восстании, освободил Митрофана от наказания, учитывая его преклонный возраст, и ограничился выселением его из Мурома; муромский же монастырь, как очаг контрреволюции, был закрыт [1]. Одним из руководителей кулацкого восстания в селе Беловодском (Семиречье) являлся местный священник-черносотенец Иван Ткачев, который на сходе крестьян выступил с погромной речью, открыто призывая участников митинга к вооруженному восстанию против Советской власти. Этот воинственный поп организовал «черный отряд для истребления антихристов-большевиков» [2].

Еще более зловещей была деятельность контрреволюционных церковников на территории, занятой белогвардейцами и интервентами. Архангельское духовенство во главе с епископом Павлом (Павловским) с июля 1918 по март 1920 г. поддерживало белых и интервентов. Церковники собирали деньги и вещи для белой армии, призывали население к беспощадной борьбе с Красной Армией; посылали на фронт проповедников с погромной литературой; отправили послание английскому епископу Кентерберийскому с просьбой к правительствам Антанты не отзывать свои вооруженные силы с Севера России; назначили протоиерея Иоанна Лелюхина для поездки в Англию. В обращении к архиепископу Кентерберийскому контрреволюционные церковники лицемерно заявляли, будто присутствие британских войск в Архангельске необходимо «для спасения божиих святынь от поругания и смиренных людей божиих от ужасов голода и истребления». В августе 1919 г. протоиерей Иоанн Попов составил «акт о явлении под Архангельском богоматери», благословляющей белую армию и интервентов [3]. Уфимский епископ Борис (Шипулин) во время торжественной встречи Колчака в Пермском кафедральном соборе обратился к нему с речью как к «освободителю от большевиков», призывал население жертво-

[1] См. «Красная книга ВЧК», т. 1, стр. 97.

[2] «Ученые записки исторического факультета Киргизского государственного университета», вып. VI. Фрунзе, 1958, стр. 9.

[3] См. «Известия ЦИК», 5 февраля 1921 г.

вать на армию Колчака и бороться с Советской властью. Екатеринбургский и Ирбитский архиепископ Григорий (Яцковский) и другие «отцы церкви» также помогали Колчаку. В ряде мест в Сибири реакционные церковники формировали из монахов и религиозных фанатиков мирян вооруженные отряды, так называемые «Иисусовы полки», «дружины святого креста» для борьбы с Советской властью.

В Ставрополе по инициативе Деникина в мае 1919 г. церковниками был созван юго-восточный поместный собор русской православной церкви, который издал ряд воззваний и обращений к верующим с призывом бороться против Советской власти на стороне Деникина. Собор избрал высшее церковное управление Юго-Востока России, состоявшее из реакционных деятелей (архиепископа Митрофана и др.). Церковное управление южных губерний было откровенным политическим органом борьбы с большевизмом и Советской властью. Оно определяло роль церкви так: «Гидра большевизма и после всех ударов, нанесенных ей нашими доблестными армиями с их беспримерными вождями — патриотами христианами, стоит еще с поднятой головой... Не опасаясь впасть в политику, уклониться от своей надмирной задачи вести чад своих к вечной жизни, церковь должна поднять и крест и палицу свою против этой гидры, как подняла бы она все оружие свое против антихриста... В отношении большевизма ни один класс общества и ни одно сословие не оказались столь непримиримыми и непреклонными, как церковь с ее духовенством...

Церковь... теперь так же твердо стоит перед лицом большевистской гидры, как твердо она встретила первые удары большевистской власти. Отдельные, чрезвычайно, однако, редкие измены отдельных тех или иных представителей церкви и клира ни в каком отношении не могут бросить укора по адресу всей церкви... Они совершенно затушевываются величественным образом мужественного первосвятителя российской церкви, святейшего патриарха Тихона и общим характером церковного настроения и твердого стояния церкви» [1].

При штабе Деникина было образовано церковное ведомство, которым руководил бывший протопресвитер военного и морского духовенства царской армии Георгий Шавельский. Это ведомство «воодушевляло» солдат на борьбу с Советской властью и вело слежку за ними. На Юго-Востоке России при деникин-

---

[1] См. *Борис Кандидов.* Церковь и гражданская война на Юге. М., 1931, стр. 20.

щине отличился и известный воинствующий священник Владимир Востоков, открыто проповедовавший погромные идеи монархистского «Союза русского народа», организатор так называемого «братства животворящего креста» — дружин для борьбы с Советской властью. На Украине действовал знаменитый монархистский зубр митрополит Антоний Храповицкий.

Уважая религиозные чувства известной части трудящихся и считаясь с влиянием церкви, Советское правительство не применяло репрессий по делам о противодействии Декрету об отделении церкви от государства. Лишь в случаях серьезных беспорядков революционные трибуналы наказывали зачинщиков, обычно кулаков и представителей реакционной части церковников. Что же касается темных, спровоцированных на выступления людей, трибуналы ограничивались минимальными наказаниями и условным осуждением.

Многие факты антисоветской деятельности церковных реакционеров стали известны при расследовании дела «Совета объединенных приходов г. Москвы».

Началось с того, что в ноябре 1918 г. член сельского Совета села Титово Зубов пожаловался волостному Совету Бронницкого уезда на кулака Королева, который угрожал ему расправой. Королевым заинтересовались. Выяснилось, что он посещает собрания церковников, распространяет контрреволюционные слухи и наставляет крестьян, чтобы они по колокольному звону являлись «на защиту церкви». При расследовании дела у местного священника Смирнова нашли брошюру «Доклад священника Полозова», в которой осуждался декрет Совета Народных Комиссаров об отмене преподавания закона божьего в школе. Брошюра была издана «Советом объединенных приходов г. Москвы» и распространялась через благочинных священников. Один из них, Тузов, и автор брошюры Полозов были арестованы. При обыске у Полозова нашли документы черносотенного содержания, в том числе погромные воззвания «Союза русского народа» времен царизма. Среди документов находилось и напечатанное на гектографе письмо, адресованное «благочинным уездов Московской епархии». Это был своеобразный бюллетень, выходивший еженедельно и посвященный деятельности учрежденного в Москве «Совета объединенных приходов». В нем отмечалось, что «Совет» был избран 30 января 1918 г. на первом собрании православных приходов и приглашает вступить в организацию все приходы Московской губернии. Особое внимание следствия привлекли рекомендации «Совета» приходам обсудить на собраниях «образ действий на случай покушений со

стороны представителей нынешней власти захватить храм, его принадлежности или иным образом посягнуть на достояние церкви и прихода», а также подробные указания, как противодействовать этому. В частности, «Совет» указывал: «Если бы представители власти не вняли доводам настоятеля храма или приходского совета и стали бы проявлять намерение силой осуществить свое требование, надлежало бы тревожным звоном (набатом) созвать прихожан на защиту церкви... Если есть поблизости другие храмы, то желательно войти с ними предварительно в соглашение, чтобы и в них раздался тревожный звон, по которому население окрестных приходов могло бы прийти на помощь и своею многочисленностью дать отпор покушению на церковь». «Совет» решил организовать охрану патриарха Тихона путем установления постоянного дежурства верующего мужского населения на его подворье. Об обязанностях таких дежурных в решении говорилось: «Если бы оказалось нужным, они должны принять все меры к отвращению и даже предупреждению опасности для патриарха, а в случае обнаружения таковой немедленно всеми способами, в том числе и набатным звоном ближайших церквей, созвать православную Москву на защиту своего святейшего отца...» [1]

Из обнаруженных документов стало ясно, что «Совет объединенных приходов» пытался организовать сопротивление проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства. Охрана патриарха, на жизнь которого никто не покушался, созыв набатным звоном толпы «на защиту» церкви и патриарха имели своею целью провоцировать антисоветские выступления. Правда, в указаниях «Совета» говорилось и о «неприменении оружия», но это были лишь пустые слова. Жизнь показала, что церковный набатный звон играл зловещую роль в кровавых беспорядках, вызванных контрреволюционерами.

Руководство «Совета объединенных приходов» по своему составу было явно контрреволюционным. Председателем «Совета» являлся известный монархистский деятель А. Д. Самарин, бывший обер-прокурор Святейшего синода, «егермейстер двора его императорского величества», губернский предводитель московского дворянства, крупный помещик, владевший до революции 10 тыс. десятин земли. В состав «Совета» входили: священник Полозов — участник черносотенных организаций, профессор церковного права Н. Д. Кузнецов, московские протоиереи Цветков и Успенский, крупный торговец Емельянов.

---

[1] ЦГАОР, ф. 353, оп. 3, д. 744, л. 2—4.

Органы ВЧК давно искали Самарина. 7 октября 1918 г. его задержали на станции Брянск с фальшивыми документами на имя Зарецкого. Он пытался пробраться на Украину, где в то время господствовал гетман Скоропадский. У Самарина обнаружили письмо патриарха Тихона, который поручал ему вести переговоры в Киеве по поводу автокефалии[1] украинской церкви. При расследовании было найдено и письмо Самарина от 18 июня 1918 г. на имя уехавшего на Украину Карпова — одного из деятелей дворянского совета. В качестве «председателя постоянного Совета объединенных дворянских обществ» (давно ликвидированного революцией) Самарин писал Карпову: «Когда будете на Украине, если представится возможность, соберите там остальных членов совета (то есть «Совета объединенных дворянских обществ».— *Д. Г.*) и устройте совещание по вопросам, которые трактуются патриархом Тихоном в его послании по поводу Брестского мира»[2]. Таково было истинное лицо Самарина, выдававшего себя за аполитичного церковного деятеля. В тот раз, однако, ВЧК освободила Самарина. А 29 августа 1919 г. в связи с делом «Совета объединенных приходов г. Москвы» он был вновь арестован.

Другим виднейшим деятелем «Совета приходов» был профессор церковного права Н. Д. Кузнецов, который специализировался на борьбе с Советской властью в «юридической области»: это он был инициатором провокационных жалоб на якобы чинимое советскими служащими «глумление над церковью» и нарушение закона о свободе совести.

В марте 1919 г. по решению съезда Советов Звенигородского уезда было произведено вскрытие мощей «преподобного Саввы», хранившихся в Звенигородском монастыре. Спустя некоторое время Кузнецов подал в Совнарком жалобу, в которой утверждал, будто при вскрытии мощей делегаты съезда Советов вели себя кощунственно и кто-то из них «плюнул» на череп Саввы. В. И. Ленин, к которому поступила жалоба Кузнецова, предложил произвести тщательное расследование[3]. Командированный на место сотрудник НКЮ установил, что заявление Кузнецова носит провокационный, клеветнический характер. Выяснилось, что воротилы монастыря — бывший офицер кавалергардского гвардейского полка игумен Иона (Фиргуф), иеромонах

---

[1] Автокефалия — самостоятельность, организационная независимость поместной церкви от одноименной церковной организации, находящейся внутри или за пределами страны.

[2] ЦГАОР, ф. 353, оп. 4, д. 391, л. 223—224.

[3] ЦГАОР, ф. 353, оп. 3, д. 744, л. 48.

Савва, ризничий Ефрем, иеромонах Илиодор — составили ложный акт о якобы совершенном кощунстве. В качестве «свидетелей» в акте фигурировали имена учеников местной школы — сыновей священников Халанского и Покровского. По уговору старших они подписали акт, в котором говорилось, будто они видели, как кто-то «плевал» на мощи; это же «подтверждал» и слабоумный иеромонах Савва. Провокация в связи со вскрытием мощей в Звенигородском монастыре также была связана с деятельностью «Совета объединенных приходов г. Москвы».

Дело «Совета объединенных приходов г. Москвы» рассматривалось в Московском губернском революционном трибунале с 11 по 16 января 1920 г. с участием обвинителя Н. В. Крыленко и семи защитников. Перед судом предстали 12 подсудимых, в том числе Самарин и Кузнецов. Руководители «Совета» не признавали себя виновными, утверждая, что не имели в виду выступать против Советской власти и действовали исключительно в целях «оживления церковной жизни». Сокрушительную отповедь реакционным церковникам дал Н. В. Крыленко. «Физиономия Совета вполне характеризуется воззванием,— заявил Н. В. Крыленко,— которое говорит: «Организуйтесь в союзы мирян, объединяйтесь повсеместно при реквизициях церковного имущества, в крайних случаях — бейте в набат». Это послание прошлось по всей республике, докатилось до Твери, Тамбова, Сольвычегодска. «Бейте в набат» — так писали в Москве, и набатный звон церковных колоколов раздавался по всей России... «Совет объединенных приходов» установил добровольную охрану патриарха. Для этого была проведена мобилизация мужского населения и учреждены постоянные дневные и ночные дежурства в подворье патриарха с инструкцией: в случае дерзновенного посягательства на его особу опять-таки ударить в набат, собрать по телефону или другими путями толпу и... идти просить не трогать патриарха, чтобы дойти хотя бы до Совета Народных Комиссаров. Что это? Политическое невежество или политический расчет? Лицемерие или грубо задуманный замысел? Когда Самарин, проведший жизнь на службе царскому режиму и видевший воочию дела царских палачей и опричников, когда он говорит о намерениях охраны только «просить» за патриарха,— можно ли ему верить?» [1]

Московский губернский революционный трибунал приговорил Самарина и Кузнецова к заключению в концлагерь «до окончательной победы рабоче-крестьянской власти над мировым

[1] *Н. В. Крыленко.* За пять лет, стр. 67, 69.

империализмом». Цветков и Иона были осуждены на 5 лет, а Максимов, Савва и Тузов — на 3 года лишения свободы каждый. Успенский, Яницкий, Халанский, Смирнов и Ефрем — к условному наказанию. Еще до окончания гражданской войны все осужденные к лишению свободы были выпущены по амнистии.

8. Политический бандитизм на Украине (петлюровщина, григорьевщина, махновщина)

Социально-политическая обстановка на Украине весной 1919 г., сразу после освобождения от гетманщины, немецких оккупантов и петлюровцев, была крайне сложной. Советский строй был еще организационно слабым, повсюду царила глубокая хозяйственная разруха. Украинское Советское правительство вынуждено было требовать от крестьян поставок продовольствия по твердым ценам в порядке разверстки и выполнения других военных обязанностей для удовлетворения потребностей фронта гражданской войны и голодного города. Промышленные предприятия и торговля города не давали нужных крестьянству товаров. Создалось противоречие между рабочим городом и мелкобуржуазной деревней. Повсюду действовали деникинские агенты, аппарат многочисленных антисоветских мелкобуржуазных, особенно украинских националистических, партий, являвшихся тогда идейными вдохновителями контрреволюционных движений.

Антисоветские партии вели ожесточенную, разнузданную агитацию среди крестьян, разжигали ненависть к диктатуре пролетариата и к братскому русскому народу. Эта злобная агитация и подрывная деятельность вызвали волну заговоров и вооруженных выступлений в советском тылу. Основной силой этих движений стало сельское кулачество, которому удалось привлечь на свою сторону значительные массы среднего крестьянства. Участники этих выступлений имели оружие, накопленное в годы империалистической войны, в борьбе с гетманщиной. Поэтому антисоветские выступления носили крайне ожесточенный, кровавый характер и с полным правом рассматривались как политический бандитизм.

Характеризуя антисоветские выступления — бандитизм 1919 г., V Всеукраинская конференция КП(б)У отмечала, что этот «бандитизм был восстанием единого политически села против рабочего и коммунистического города. В зависимости от характерных для различных районов Украины социальных

группировок в селе восстание отличается по различным районам и основным кадрам его участников и своей идеологией. В Александровско-Гуляй-Польском районе основной массой восстающих являются хуторские элементы с анархистско-махновской идеологией, а в Александрийско-Одесском районе основную массу восстающих составляет кулацкий элемент с погромно-бандитской идеологией, в Правобережье — бедняцкие и деклассированные элементы с самостийно-шовинистической идеологией. Но при всем различии основных кадров восстания характерным, типичным для всех районов является:

а) полный распад социальных связей, в особенности города с деревней, превращающий село в самостоятельное, самоснабжающееся, в себе замыкающееся феодального типа «государство»;

б) восстание экономически возглавляется кулацкой верхушкой села, идейно возглавляется или националистическими элементами украинской интеллигенции, или анархистско-левоэсеровскими отбросами рабочего города;

в) в силу политической нерасслоенности села и значительного участия в восстании его беднейших элементов лозунги восстания во всех районах носят исключительно «советский» характер (Григорьев — за «самостийную Советскую власть», Зеленый, «незалежники» — за «самостійну вільну Радянську Україну», Махно — за «вольные Советы»)» [1].

В этой характеристике указаны основные разновидности антисоветских движений на Украине: петлюровщина, махновщина, григорьевщина.

Самым распространенным и опасным из них было петлюровское движение, получившее свое название от фамилии одного из его руководителей, украинского «социал-демократа» С. В. Петлюры. Идеология петлюровщины — буржуазный национализм — направляла политику «правительств», созданных украинскими националистами, и деятельность их подпольных организаций в советском тылу. В задачу подпольной петлюровщины входило поднять массы на восстание против Советов, на войну против братского русского народа, вырвать власть из рук рабочего класса, передать ее «самостийникам» и образовать буржуазно-демократическую республику на украинской земле.

Главными организаторами и руководителями петлюровского движения в 1919 г. являлись деятели Директории, ставшей

---

[1] «Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни» (1919—1920). Київ, 1957, стр. 162—163.

к тому времени откровенно буржуазно-кулацким правительством. Директория продолжала войну с рабоче-крестьянской властью. Организаторами подрывной работы в советском тылу выступили представители украинских националистических партий, в том числе и так называемых «социалистических». Украинские эсеры и социал-демократы — наиболее многочисленные и влиятельные партии мелкой буржуазии — под влиянием социально-политической обстановки в стране непрерывно переживали процессы расколов и шатаний. Борьба украинского крестьянства с гетманщиной заставила многих деятелей этих партий пересмотреть свои политические позиции, враждебные большевизму и диктатуре пролетариата. Левая часть этих партий готова была вступить в соглашение с большевиками. В украинской партии социал-демократов (партии Петлюры) во время восстания против гетманщины образовалась такая левая группа «незалежников». Однако на съезде партии победила антисоветская линия группы Петлюры. После разгрома Петлюры и восстановления Советской власти на Украине «незалежники» вышли из партии украинских социал-демократов и образовали самостоятельную партию с «советской ориентацией». Но уже через несколько недель под влиянием колебаний мелкобуржуазной массы «незалежники» стали во главе восстания против Советской власти во имя «самостийной украинской Советской власти». В феврале 1919 г. они образовали подпольный «Всеукраинский ревком» для руководства восстанием. Во главе «ревкома» стоял «незалежник» Драгомирецкий. Командующим повстанческими силами был назначен Юрий Мазуренко (он скрывался под прозвищем «Кладун»), начальником штаба — Малолитко («Сатана»), начальником политического отдела — Яворский. Мазуренко удалось объединить под своим руководством ряд петлюровских банд (Зеленого, Соколовского, Ангела и др.). Этим объяснялось, между прочим, почему банды пользовались «советскими» лозунгами «незалежников».

Вооруженные банды петлюровцев нападали на местечки, города, громили советские учреждения и предприятия, жестоко расправлялись с советскими активистами, коммунистами, продовольственными работниками, совершали дикие, бессмысленные кровавые погромы. Весной и летом 1919 г. антисоветские отряды, различные по численности и по направлению, бесчинствовали на всей украинской земле. На север от Киева, в Чернобыльском районе, оперировал отряд бывшего петлюровского офицера Струка; к западу от Киева, в Радомысльском и Житомирском районах, действовали бандиты атамана Соколовского,

сына дьяка села Горбылева; к югу от Киева, в районе местечка Триполье,— крупный отряд Зеленого (бывшего трипольского учителя Д. П. Терпило). В районе г. Умани — отряды Тютюнника, Клименко, Попова; в Таращанском районе — отряды под командованием Яценко, Голуба, полковника Нечая. В окрестностях г. Гайсина — отряд бывшего учителя Волынца. Вокруг г. Брусилов — отряд бывшего офицера Мордалевича. В районе г. Липовец — отряд бывшего мирового посредника Соколова. В районе г. Бахмач — отряд бывшего офицера, атамана Ангела. В районе г. Златополь — отряд под командованием Лопаты. В Переяславе — отряд под командованием Лопаткина. Многие из этих атаманов (Зеленый, Тютюнник, Соколовский, Струк, Лопата, Лопаткин и др.) были изменниками: в 1918 г. они возглавляли партизанские отряды, боровшиеся с гетманщиной, затем вступили в Красную Армию и наконец стали атаманами отрядов, выступавших уже против Советской власти.

Народный комиссар по военным делам Украины Н. И. Подвойский, объясняя колебания в политических настроениях крестьянских отрядов и их атаманов в 1919 г., писал: «Повстанцы рекрутировались в огромной массе из сел и деревень, снесенных и сожженных германскими карательными отрядами. Эти повстанцы искренно мнили себя большевиками. Но их большевизм легче укладывался в рамки анархического партизанства... и разбойничьего бандитизма... чем в рамки организованной государственной диктатуры пролетариата. Этим объясняется парадоксальный и странный на первый взгляд факт, что те же уезды, которые были главной опорой Петлюры против гетмана, а затем Советской власти против Петлюры, превратились впоследствии в питательную базу для банд, оперирующих против Советской власти.

Превратить эти повстанческие отряды в регулярную Красную Армию Советской власти было отнюдь не легко. Повстанцам одинаково чужды были как дисциплина регулярной армии, так и социальные идеалы пролетарской диктатуры... Пропитанная насквозь мелкобуржуазными, анархическими и бандитскими вожделениями, [партизанщина] постепенно становилась серьезной угрозой Советской власти» [1].

Крупнейшим антисоветским кулацким мятежом на юге Украины в 1919 г. было восстание, руководителем которого стал штабс-капитан царской армии, сторонник Центральной рады, затем гетмана Скоропадского, а с декабря 1918 г. петлюровский

---

[1] *Н. И. Подвойский.* На Украине. Статьи. Киев, 1919, стр. 16, 18.

атаман Н. А. Григорьев. Это был честолюбивый человек, из кулаков Александрийского уезда Херсонской губернии, политически неграмотный и беспринципный.

В конце января 1919 г., когда власть петлюровской Директории зашаталась, Григорьев, учитывая изменения в настроениях украинского крестьянства в пользу Советской власти, заявил о переходе со своими отрядами, состоявшими из крестьян Южной Украины, на сторону Красной Армии. В телеграмме на имя Александровского советского ревкома этот «атаман партизан Херсонщины и Таврии» и «честный революционер» писал: «Все двадцать моих партизанских отрядов борются с самостийниками и с соглашателями мировой буржуазии, мы идем против Директории, против кадетов, против англичан, и немцев, и французов, которых на Украину ведет буржуазия... Наш девиз — вся власть Советам и диктатура пролетариата».

Украинское советское военное командование объявило, что в переговоры или в соглашения с атаманом Григорьевым оно может вступить лишь при условии безоговорочного признания им Советской власти на Украине в лице Временного рабоче-крестьянского правительства и полного подчинения командованию Красной Армии. Григорьев принял предложенные ему условия и 18 февраля со своими 20 партизанскими отрядами вступил в Красную Армию, образовав 1-ю Заднепровскую украинскую советскую бригаду в составе дивизии под командованием П. Е. Дыбенко.

Григорьевские части, представлявшие в то время значительную военную силу, были переформированы в 6-ю украинскую советскую дивизию. Этим актом советское военное командование надеялось поднять дисциплину в его отрядах и ликвидировать партизанщину. Но штаб Григорьева стал прибежищем антисоветских элементов. Его начштаба — петлюровец Юрий Тютюнник (в то время также перешедший на сторону Советской власти) — был главным идеологом деклассированных, сохранявших культ атаманов, пополнявшихся петлюровцами и кулаками григорьевцев. Вскоре и сам Григорьев открыто проявил антисоветские настроения.

В одной из телеграмм на имя председателя Украинского Совнаркома и наркома по военным делам Григорьев высокомерно заявил: «Если вслед за мною (то есть по следам его наступления.— *Д. Г.*) будет вырастать такая паршивая власть, какую я видел до настоящего времени (это он говорил о советских учреждениях, создаваемых большевиками на освобожденной территории.— *Д. Г.*), я, атаман Григорьев, отказываюсь воевать.

Заберите мальчиков, пошлите их в школу, дайте народу солидную власть, которую он бы уважал»[1].

В марте — апреле 1919 г. дивизия Григорьева вместе с советскими войсками участвовала в боях за Николаев, Херсон, Одессу. После занятия Одессы Григорьев, возомнивший себя единственным «завоевателем» города, заполнил свои склады мануфактурой и другими товарами, захваченными у неприятеля, и как «победитель» раздавал их солдатам и окрестным крестьянам. Разрешал он и «вольности» солдатам: пьяные григорьевцы кое-где стали грабить население. Потом Григорьев самовольно отвел свою дивизию «на отдых» в район Елисаветграда (ныне Кировоград). Вскоре посыпались сообщения об эксцессах между григорьевцами и местными советскими и партийными организациями.

7 мая Григорьев отказался выполнить приказ советского командования о переброске дивизии на Румынский фронт. В тот же день, арестовав всех политических комиссаров и политработников — коммунистов дивизии, Григорьев на митинге в Елисаветграде объявил свой «Универсал», которым призвал украинский народ к всеобщему восстанию против Советской власти.

Главным лозунгом «Универсала» был лозунг «Власть Советам народа Украины без коммунистов». В угоду мелкобуржуазным настроениям крестьянства Григорьев ополчился против «коммуны», «московских комиссаров», продовольственной разверстки, «реквизиций», «чрезвычаек» и обещал установить «подлинную Советскую власть».

Однако первые же действия григорьевцев после объявления мятежа показали, что демагогические обещания «Универсала» являлись ширмой, за которой скрывалась погромная, бандитская сущность выступления. Началась вакханалия расстрелов, убийств, грабежей и погромов. 9 мая григорьевцы разогнали Елисаветградский Совет, расстреляли более тридцати руководителей советских и партийных организаций города, убивали и грабили население. Только 15—17 мая бандиты убили в городе Елисаветграде 1526 человек. В городе Александрии пьяный Григорьев скакал верхом на коне впереди погромщиков и рубил беззащитных людей. Кулаки близлежащих деревень, откликнувшиеся на григорьевский «Универсал», толпами приходили в города и местечки, грабили склады и учреждения, нападали на со-

---

[1] *Б. В. Козельский.* Шлях зрадництва і авантюр. Харків, 1927, стр. 15.

ветских работников и не причастных к политике местечковых обывателей, грабили и убивали их, сваливали награбленное имущество на подводы и увозили в деревни.

Мятежники распространяли полные лжи и бахвальства прокламации среди населения, разжигали ненависть к большевикам и коммунизму.

Украинские «незалежники» предложили Григорьеву действовать вместе с созданным ими «Всеукраинским повстанческим ревкомом». На это Григорьев в обычной для него хвастливой манере ответил: «У меня 23 тыс. штыков, 52 орудия, 20 бронепоездов, миллионы патронов. За меня массы, за меня Херсон, Николаев, Одесса. Скажите, а что вы имеете, что стоит за вами? Ничего! А раз ничего, то я разрешаю вам прийти ко мне и получить от меня такую работу, какую я вам дам». «Незалежники» ушли ни с чем [1].

На 18—20 мая Григорьев назначил уездный съезд «представителей от крестьян и рабочих» Александрийского уезда для организации власти. На съезд должны были собраться крестьяне и рабочие волостей: по одному представителю от каждых 2 тыс. человек и, кроме того, от каждого села по одному представителю на 100 и больше дворов; по одному представителю от каждого завода и от каждого профсоюза; по два представителя от каждого полка и от каждой артиллерийской бригады. Даже этот созванный мятежниками съезд, несмотря на выступления Григорьева, грозившего «уничтожить всякого, кто осмелится подойти к занятой им территории», высказался за прекращение погромов и предложил начать мирные переговоры с Советским правительством.

Мятеж, не поддержанный широкими народными массами, представлял собой кровавый разгул развращенных григорьевских солдат, к которым примкнули сельские бандиты, кулаки, уголовники и небольшая часть среднего крестьянства, обманутого демагогическими обещаниями григорьевского «Универсала». Только внезапность выступления позволила Григорьеву с его «войском» в короткое время захватить Елисаветград, Николаев, Херсон, Кременчуг, Александрию, Знаменку, Христиновку и другие важные пункты.

22 мая 1919 г. части Красной Армии под командованием К. Е. Ворошилова (Кременчугское направление) и А. Я. Пархоменко (Екатеринославское направление) повели наступление на григорьевскую банду и в результате упорных боев нанесли

[1] См. *Б. В. Козельский.* Шлях зрадництва і авантюр, стр. 27.

ей поражение. К концу мая были освобождены почти все занятые григорьевцами города и населенные пункты.

Григорьевский мятеж облегчил Деникину наступление на Южную Украину и помешал переброске советских войск на Румынский фронт для поддержки Венгерской советской республики. Самому Григорьеву некоторое время все же удавалось сохранить довольно крупные силы, и он продолжал разбойничать на Херсонщине до июля 1919 г., пока не был поглощен махновским движением.

Махновщина зародилась в большом селе Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровской области) как крестьянское движение против помещиков, гетманщины и немецких оккупантов.

Главарь движения — Нестор Махно — происходил из крестьян села Гуляй-Поле, с четырнадцати лет работал маляром, а затем литейщиком на Гуляй-Польском заводе сельскохозяйственных машин. Семнадцатилетним юношей вошел в местную анархистскую группу, распространял революционную литературу, участвовал в экспроприациях и террористических актах против царской администрации. В 1910 г. Одесским военно-окружным судом в Екатеринославе Махно вместе с 16 другими анархистами был приговорен к повешению, замененному пожизненной каторгой. В течение 7 лет отбывал наказание и был освобожден лишь после Февральской революции 1917 г. Когда Махно вернулся в родное село, крестьяне избрали его председателем крестьянского Совета. Защищая их интересы, он выступал против помещиков и Временного правительства, что создало ему авторитет среди населения.

Когда Украина оказалась под игом немецких оккупантов и гетманщины, Махно бежал из села, но в августе 1918 г. вернулся и организовал в селе небольшую подпольную группу из анархистов, с которыми работал еще до революции, и друзей (в нее входили Алексей Чубенко, Алексей Марченко, братья Пантелей и Семен Каретниковы, Гусарь). Налетами на помещичьи имения и гетманские учреждения Махно и его товарищи добыли средства и приобрели оружие. Вскоре махновская группа объединилась с группой Федора Щуся, скрывавшегося в лесах. Отряд вырос до 15 человек и все увеличивался за счет примыкавших к нему крестьян. Партизаны нападали на гетманцев, немцев, австрийцев, а передко громили и регулярные воинские части противника.

Вскоре повстанцы объявили Нестора Махно своим батькой — атаманом — и беспрекословно подчинялись ему. Махно поста-

вил перед разросшимся отрядом задачу: поднять крестьян против гетманщины. «Наш спаситель и путеводитель — только террор, только уничтожение всего дворянско-помещичьего строя»,— говорил Махно. Украинские националисты пытались привлечь его на свою сторону, а с образованием Директории предложили присоединиться к петлюровским войскам, но Махно отказался, заявив, что рассматривает власть Директории как «авантюру, отвлекающую внимание масс от революции».

26 декабря 1918 г. Махно по договоренности с большевистским подпольным Екатеринославским ревкомом погрузил в захваченный рабочий поезд большой отряд гуляй-польских партизан, а второй отряд — в другие железнодорожные составы, и таким образом махновцы под видом рабочих вступили в Екатеринослав, занятый войсками Директории. Одновременно в городе подняли восстание екатеринославские рабочие, руководимые подпольным большевистским ревкомом. В результате этой смелой и внезапной операции 7-тысячный петлюровский гарнизон был разгромлен. Большевистский ревком назначил Махно «главнокомандующим советской революционной рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района». Но Махно не стал укреплять фронт, так как преследовал свои цели: «выкачать из города оружие (для своего отряда.— *Д. Г.*) и вновь отойти за Днепр». Через два-три дня петлюровцы крупными силами перешли в контрнаступление, подавили рабочее восстание и выбили махновцев из города.

Между тем отряды Махно продолжали расти за счет крестьянских повстанцев. Как утверждал командир Новоспасского партизанского отряда В. Белаш, которого Махно назначил своим начальником штаба, к концу января 1919 г. у Махно было 29 тыс. бойцов и, кроме того, невооруженный резерв, насчитывавший 20 тыс. Махновцы занимали в тылу белогвардейцев и петлюровцев фронт протяжением около 500 верст.

В феврале 1919 г. отряды Махно вошли в состав советских войск. В апреле они были включены в Заднепровскую, а позже в 7-ю украинскую дивизию в качестве бригады, участвовали в боях с деникинцами в составе 2-й украинской и 13-й армий. Советское военное командование делало все, чтобы повысить дисциплину в махновских частях и превратить их в боеспособные войска. Вскоре, однако, проявились отрицательные стороны махновской партизанщины.

Махновские отряды объединяли в себе разнородные социальные элементы — батраков, бедняков, середняцкие слои крестьянства. Были в них и небольшие группы рабочих. Цели и за-

дачи борьбы представлялись им весьма неопределенно. Все это делало махновщину рыхлым в политическом отношении движением, на которое оказывали влияние мелкобуржуазные политические партии, и прежде всего анархисты.

В ноябре 1918 г. на Украине образовалась анархистская конфедерация «Набат», в которую вошли небольшие группки украинских анархистов-коммунистов и анархистов-синдикалистов. «Набатовцы» усмотрели в махновском движении родственные им черты и стали проникать в махновские отряды даже после перехода Махно в Красную Армию. Чтобы подчинить махновское движение своему влиянию, конфедерация «Набат» посылала в махновские части анархистскую литературу, направляла туда своих активистов — Иосифа Гутмана, Макса Черняка, Михаила Уралова, Венгерова. Кроме того, Махно разыскал известного анархиста, с которым отбывал наказание в Бутырской тюрьме, П. А. Аршинова (подлинная фамилия — Марин), и назначил его редактором газет «Путь к свободе» и «Повстанец», а также заведующим «культурно-просветительной частью» своего штаба.

1-й съезд анархистов конфедерации «Набат», состоявшийся в апреле 1919 г. в Елисаветграде, решил, что на Украине уже настало время переходить к строительству «безвластного общества». Советская власть и ее государственные учреждения, в том числе регулярная армия, по мнению «набатовцев», лишь тормозили развитие «социальной революции». «Истинной защитницей социальной революции,— говорили они,— может быть только партизанская, повстанческая армия». Исходя из этого, проникшие в махновское движение «набатовцы» всячески пытались придать ему свое «идейное» направление. Впрочем, к махновцам примкнули и скатывавшиеся к анархизму авантюристические, левоэсеровские элементы. К Махно пошел служить, например, бывший командир отряда ВЧК Д. И. Попов, активный участник левоэсеровского мятежа в Москве, бежавший от советского правосудия и заочно осужденный Верховным революционным трибуналом за измену к расстрелу.

Уже в феврале 1919 г. созванный Махно в Гуляй-Поле «2-й районный съезд Советов», на котором присутствовало 245 делегатов от 350 волостей и партизанских отрядов, представлявших так называемый махновский «вольный район», принял резолюцию, выражавшую анархистское отрицательное отношение ко всякой государственной власти, в том числе и к Советской власти, осуществляющей диктатуру пролетариата. Написанная под диктовку мелкобуржуазных анархиствующих путаников, эта

резолюция сваливала в одну кучу империалистов, белогвардейцев, петлюровцев и... рабоче-крестьянскую власть. Резолюция укоряла большевиков в том, что они являются «соглашателями», «ведут переговоры с империалистами», и ополчилась против основного организационного принципа советской системы — демократического централизма. «К глубокому своему сожалению,— говорилось в резолюции,— съезд вынужден также установить, что рабочей и крестьянской русско-украинской революции, кроме внешних врагов, угрожает, может быть, еще большая опасность от собственных внутренних непорядков. Советское правительство России и Украины своими приказами и декретами стремится во что бы то ни стало отнять у местных Советов рабочих и крестьянских депутатов их свободу и самостоятельность. Нами не избранные, но правительством назначенные политические и разные другие комиссары наблюдают за каждым шагом местных Советов...» [1] Съезд призывал крестьян и рабочих «самим на местах», вопреки законам Советского правительства, «строить новое свободное общество» [2]. В принятой съездом резолюции по земельному вопросу отразились крестьянские мелкобуржуазные настроения. Съезд протестовал против декрета Украинского Советского правительства о создании совхозов и требовал передачи всей земли в пользование крестьянам по уравнительному принципу.

В махновских отрядах шел и процесс организационного разложения. Зачастую махновцы представляли собой беспорядочную массу недисциплинированных вооруженных людей. После проникновения в отряды анархистов, деклассированных, авантюристических, а порою и уголовных элементов процесс разложения приобрел угрожающий характер — в занятых ими районах махновцы нередко грабили население. Вступив в Красную Армию, Махно ничего не сделал, чтобы прекратить беспорядки в своих отрядах. Не только рядовые махновцы, но и сам Махно не хотел мириться со строгой дисциплиной советской Красной Армии. На словах признавая подчинение, Махно фактически не выполнял распоряжений командования Красной Армии и постоянно подчеркивал свою самостоятельность и независимость.

Эти черты махновщины неизбежно должны были привести к трениям и конфликтам между Махно и Советской властью.

10 апреля 1919 г. махновский штаб, вопреки запрещению советского военного командования, созвал «3-й Гуляй-Польский

---

[1] *М. Кубанин.* Махновщина. Л., 1927, стр. 52.
[2] Там же, стр. 53.

районный съезд», на котором присутствовали представители 72 волостей Александровского, Мариупольского, Бердянского и Павлоградского уездов, а также делегаты от махновских воинских частей. Съезд провозгласил анархистскую платформу. «Требуем,— говорилось в резолюции,— немедленного удаления всех назначенных лиц на всевозможные военные и гражданские ответственные посты; протестуем против всякой системы назначенчества... Требуем проведения правильного и свободного выборного начала... Требуем социализации земли, фабрик и заводов... Требуем изменения в корне продовольственной политики,— замены реквизиционных отрядов правильной системой товарообмена между городом и деревней... Требуем полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т. е. партиям и группам, и неприкосновенности личности работников партий левых революционных организаций и вообще трудового народа... Диктатуры какой бы то ни было партии категорически не признаем. Левым социалистическим партиям предоставляем свободно существовать только лишь как проповедникам путей к социализму, но право выбора путей оставляем за собой» [1].

Это были демагогические, псевдореволюционные требования. Они отражали опасное посягательство мелкобуржуазных элементов на важнейшие принципы демократического централизма и диктатуры пролетариата, положенные в основу Советской власти. Махновщина превращалась в антисоветское движение.

Антисоветские настроения и беспорядки, царившие в махновских отрядах, заставляли советское военное командование настороженно следить за своеволием батьки Махно.

В мае 1919 г. командование 2-й советской армии по ходатайству Махно намеревалось преобразовать разросшуюся бригаду Махно в дивизию. Учитывая беспорядки в махновских частях, командование Южного фронта не утвердило реорганизацию. Тогда махновский штаб разразился заявлением, которое прозвучало как прямой вызов Советской власти. Объявив о «категорическом несогласии с постановлением Южфронта», штаб угрожал, что, если Махно уйдет со своего поста, «целые бригады не примут ничьего другого командования». Наконец, махновский штаб решил все 11 вооруженных полков пехоты, 2 полка конницы, 2 ударные группы, артиллерийскую бригаду и другие свои вспомогательные части преобразовать в самостоятельную повстанческую армию, поручив руководство этой армией Махно.

[1] «На чужой стороне», 1924, сб. VIII, стр. 228—230.

Эту «армию» махновцы объявили подчиненной Южному фронту с условием, что «оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта».

Реввоенсовет Южного фронта в ответ на такое своеволие объявил, что «действия и заявления Махно являются преступлением... Неся ответственность за определенный участок фронта 2-й армии, Махно своими заявлениями определенно вносит полную дезорганизацию в управление, командование и предоставляет частям действовать по усмотрению, что равносильно оставлению фронта. Махно подлежит аресту и суду ревтрибунала...» [1].

События нарастали. 30 мая махновский «Военно-революционный совет» постановил созвать на 15 июня 1919 г. экстренный съезд Гуляй-Польского района. В мотивировке этого решения махновцы выразили недоверие Советскому правительству, заявив, что «выход из создавшегося положения может быть указан только самими трудящимися массами, а не отдельными лицами и партиями». Советские органы запретили созыв съезда.

Учитывая решительное предупреждение военного командования, Махно вынужден был отказаться от намерения созвать съезд и решил уйти с поста командира бригады Красной Армии. С небольшой группой приближенных он оставил войска в тяжелый момент деникинского наступления. Дезорганизаторские действия Махно и его отрядов нанесли большой вред фронту. «Махновщина принесла плоды гораздо более горькие, чем можно было предполагать раньше,— писала большевистская газета «Коммунар».— Наши неудачи в бассейне (речь идет об отступлении советских войск в Донецком бассейне.— *Д. Г.*) отнюдь не объясняются силой неприятельских войск... Единственная причина их победы — тот ужасающий яд махновского разврата, партизанства, самоволия и безволия, который заразил наши части, приходящие в соприкосновение с махновским фронтом» [2].

Вскоре вокруг Махно, порвавшего связи с Красной Армией, стали вновь группироваться вооруженные отряды. Привели к нему свои части и бывшие махновские командиры (Калашников, Буданов, Дерменжи). Анархисты-«набатовцы» расценили конфликт Махно с Советской властью как отражение борьбы «вольной трудовой коммуны.., свободного крестьянства с государственниками-большевиками» и приняли сторону Махно. В авгу-

---

[1] *В. А. Антонов-Овсеенко.* Записки о гражданской войне, т. IV. М., 1933, стр. 307—308.

[2] «Коммунар» (Харьков), 11 июня 1919 г.

сте 1919 г. в махновский лагерь прибыл лидер «набатовцев» — известный анархист Волин (В. М. Эйхенбаум), который стал председателем махновского «Военно-революционного совета». Теперь «набатовцы» в полном смысле превратились в партию махновщины, а махновцы начали открытую борьбу с Советской властью.

В июле 1919 г. в район расположения махновских отрядов вошли уцелевшие григорьевцы. После переговоров Махно и Григорьева последовало решение об объединении махновских и григорьевских отрядов. А через несколько дней Григорьев был убит махновцами.

Ближайший сподвижник Махно анархист П. А. Аршипов впоследствии, явно приукрашивая личность и «деяния» Махно, писал, что убийство Григорьева было задумано Махно еще до объединения махновцев с григорьевцами с целью ликвидации контрреволюционной григорьевщины и включения руководимой Григорьевым вооруженной силы «в общее число революционных сил» (хороши же «революционные силы» — бандиты! — *Д. Г.*) [1].

Бывший член махновского штаба Алексей Чубенко, арестованный впоследствии ГПУ, описывал это событие несколько иначе. Он показал, что рядовые махновцы были недовольны союзом с Григорьевым, которого они обвиняли в связи с деникинцами, и требовали, чтобы Махно покончил с этим контрреволюционером. 27 июля в селе Сентове Херсонской губернии (близ Александрии) на съезде повстанцев махновец Чубенко выступил с обвинениями против Григорьева. «Сначала я ему сказал,— показал Чубенко в ГПУ,— что он поощряет буржуазию... Затем я ему напомнил, что он оставил у одного помещика пулемет, два ящика патронов, несколько винтовок и 60 пар черных суконных брюк... Потом я ему еще сказал, что он действительно союзник Деникина и не хотел наступать на Плетеный Ташлык, так как там были шкуровцы... Григорьев стал отрицать, я ему в ответ: «А кто же и к кому приезжали офицеры, которых Махно расстрелял?» Как только я это сказал, то Григорьев схватился за револьвер, но я, будучи наготове, выстрелил в упор в него... Григорьев крикнул: «Ой, батько, батько!» Махно крикнул: «Бей атамана!» Григорьев выбежал из помещения, а я за ним и все время стрелял ему в спину. Он выскочил на двор и упал. Я тогда его добил. Телохранитель Григорьева выхватил маузер и хотел убить Махно, но Колесник стоял около него и схватил его за

[1] См. «Летопись революции», 1924, № 2, стр. 232—234,

маузер... Махно в это время забежал сзади телохранителя и начал стрелять в него» [1].

После убийства Григорьева Махно распорядился оцепить и разоружить войска Григорьева, и последние в основной своей массе затем присоединились к махновцам.

Несомненно, убийством Григорьева — вожака контрреволюционного мятежа — Махно надеялся восстановить свою подмоченную репутацию «революционера». Главным же побудительным мотивом его действий было очевидное желание присоединить григорьевские войска к своим отрядам. И Махно удалось это сделать: он сформировал из махновцев и присоединившихся к нему григорьевцев новые вооруженные силы численностью около 15 тыс. бойцов.

Так закончилась авантюра изменника Григорьева. Его банды, влившиеся в отряды Махно, разделили впоследствии судьбу махновщины.

Петлюровщина, махновщина, григорьевщина и другие антисоветские движения лета 1919 г. крайне обостряли политическую обстановку в стране и подрывали тыл Красной Армии. Советские организации и рабочий класс не смогли сломить ожесточенного сопротивления эксплуататорских классов. Части Красной Армии в таких условиях вынуждены были отступить с украинской территории. 31 августа 1919 г. петлюровцы заняли Киев, но подошедшие деникинцы выбросили их из города. Украина оказалась во власти злейшего врага украинского и русского народов — Деникина.

Тяжело поплатился украинский народ за измены, дезорганизаторские действия анархистских вожаков, контрреволюционную политику петлюровцев в 1919 г. Оказавшись под пятой откровенного реставратора буржуазно-помещичьего строя, он вынужден был вступить в кровавую битву с опасным врагом, посягавшим на самые важные, жизненные его интересы — землю и волю. Как и во времена борьбы с гетманщиной, возглавили это движение украинские большевики. И снова на помощь украинцам пришел братский русский народ. На собственном опыте украинские крестьяне убеждались в том, что петлюровщина, махновщина и другие антисоветские движения прямым путем ведут к реставрации буржуазно-помещичьего строя, что только в братском единении с русским народом они могут отстоять завоевания революции. Многие крестьяне, входившие ранее в ан-

---

[1] Показания А. Чубенко приведены М. Кубаниным в его книге «Махновщина», стр. 82—83.

тисоветские отряды мятежников, сражались теперь бок о бок с красноармейцами против общего врага. Трудящееся население приветствовало Красную Армию Советской России, вступившую на украинскую территорию. Совместными усилиями российской и украинской советских армий удалось остановить продвижение деникинцев на Москву и заставить их отступить и с украинской земли.

В ходе освобождения страны Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков) по инициативе В. И. Ленина рассмотрел вопрос об Украине и политике, которой следует там придерживаться после изгнания деникинцев. 21 ноября 1919 г. вопрос обсуждался на заседании Политбюро ЦК РКП(б), затем специальная комиссия разработала резолюцию, которая 29 ноября была принята пленумом ЦК РКП(б) и утверждена 2—4 декабря 1919 г. VIII Всероссийской партийной конференцией.

В резолюции «О Советской власти на Украине» Российская коммунистическая партия вновь подтвердила, что она стоит на точке зрения признания самостоятельности Украинской Советской Социалистической Республики. По предложению В. И. Ленина был принят специальный, 2-й пункт резолюции, в котором подчеркивалось: «Считая бесспорной для всякого коммуниста и для всякого сознательного рабочего необходимость теснейшего союза для всех Советских республик в их борьбе с грозными силами всемирного империализма, РКП стоит на той позиции, что определение форм этого союза будет окончательно решено самими украинскими рабочими и трудящимися крестьянами». Далее партия дала конкретные указания коммунистам по вопросам государственного строительства на Украине. Подтверждая необходимость всемерного содействия свободному развитию украинского языка и культуры, привлечению украинского трудового населения, в частности крестьян, к управлению государством, резолюция указывала: «Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения, тождественности интересов трудящихся масс Украины и России... Ввиду того, что на Украине еще в большей мере, чем в России, преобладающую массу населения составляет крестьянство, задачей Советской власти на Украине является завоевание к себе доверия со стороны не только крестьянской бедноты, но и широких слоев среднего крестьянства, которое своими подлинными интересами тес-

нейшим образом связано с Советской властью. В частности, сохраняя основные принципы продовольственной политики (государственная заготовка хлеба по твердым ценам, принудительная разверстка), необходимо способы ее проведения внимательно сообразовать с условиями украинской деревни» [1].

Партия обсудила и вопрос об отношении к партизанщине. Еще в июле 1919 г., в период поражений на Южном фронте, В. И. Ленин считал партизанщину, то есть ту специфическую форму, в которую вылилось крестьянское партизанское движение, одной из главных причин неудач Советской власти на Украине. «При крайне недостаточном пролетарском сознании на Украине,— говорил Владимир Ильич,— при слабости и неорганизованности, при петлюровской дезорганизации и давлении немецкого империализма,— на этой почве там стихийно вырастала вражда и партизанщина. В каждом отряде крестьяне хватались за оружие, выбирали своего атамана или своего «батька», чтобы ввести, чтобы создать власть на месте. С центральной властью они совершенно не считались, и каждый батько думал, что он есть атаман на месте, воображал, что он сам может решать все украинские вопросы, не считаясь ни с чем, что предпринимается в центре» [2]. Ленин выражал уверенность, что опыт деникинщины излечит украинских крестьян от «недостатков партизанщины и хаоса» [3].

VIII Всероссийская конференция РКП(б) признала необходимым сосредоточение вооруженных сил революции на Украине в руках единой рабоче-крестьянской дисциплинированной Красной Армии. Указания Ленина и решения конференции РКП(б) сыграли важную роль в советском государственном строительстве и установлении социалистического порядка на Украине.

Правильная национальная, продовольственная и земельная политика Коммунистической партии, активная работа в этом направлении советских организаций после освобождения Украины от деникинщины привели к улучшению социально-политической обстановки на селе. Заметно усилилось советское влияние на середняцкие слои крестьянства, постепенно освобождавшиеся от влияния петлюровцев, махновцев и других контрреволюционеров и дезорганизаторов. Началось политическое расслоение села, повсеместно образовывались комитеты «незаможных селян», то есть сельской бедноты — комнезамы. Согласно закону

---

[1] «КПСС в резолюциях...», т. 2. М., 1970, стр. 124, 125.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 35.
[3] Там же, стр. 36.

ВУЦИК и СНК УССР от 9 мая 1920 г., комнезамы учреждались «для защиты интересов бедняков и середняков села». Они должны были вместе с государственным аппаратом исполнять советские законы о наделении землей и инвентарем безземельных и малоземельных крестьян, о продовольственной разверстке (причем часть заготовленного хлеба распределять среди сельской бедноты), помогать органам Советской власти в борьбе с бандитизмом, кулацким засильем, неграмотностью и т. п. Комнезамы должны были стать политическими организациями сельской бедноты, опорою диктатуры пролетариата на селе.

Украинские большевики и Советское правительство приняли решительные меры для подавления контрреволюции и бандитизма, обуздания кулачества, устранения хаоса и беспорядка, порожденных партизанщиной.

В воззвании к населению Украины от 10 января 1920 г. Всеукраинский революционный комитет заявил: «В прошлом году партизаны не вошли в ряды Красной Армии. Они продолжали сражаться мелкими отрядами и отдельными частями. Но беда была в том, что каждый батько дрался тогда, когда хотел, и бросал фронт, когда ему надоедало. В прошлом году было столько голов, сколько умов. Каждый распоряжался так, как ему хотелось. Были партизаны, были батьки, но не было порядка, а поэтому мы и не могли добить белых...

Нам не надо батек и атаманов, которые не об общем благе заботятся, но только думают о пользе небольшой кучки своих друзей и соратников или отдельных сел и городов... Если каждый будет распоряжаться сам, то ни порядка, ни толку никакого не будет» [1].

А в декларации по военному вопросу от 22 января 1920 г. Всеукраинский революционный комитет постановил: «В области, занятой частями Красной Армии, не должно оставаться ни одной нерегулярной части. Все партизанские отряды должны быть немедленно разоружены, сопротивляющиеся должны быть истреблены.

...Самой первой и важной военной задачей в освобожденной Украине является разоружение кулацких и бандитских элементов... Обнаглевшее вследствие неустойчивости всех украинских режимов, привыкшее обращаться с оружием, украинское кулачество является элементом социального распада, хаоса, разрушения украинской государственности, независимо от того, вы-

---

[1] «Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (1919—1920)», стр. 43, 44.

ступает ли оно под именем петлюровцев, махновцев или под другим именем» [1].

На Украине закипела созидательная работа. Но эта работа еще не была доведена до конца, как вновь украинская земля стала ареной военных действий, развязанных буржуазно-помещичьей Польшей и Врангелем. И опять на Украине полилась народная кровь, снова в советском тылу усилилась подрывная работа контрреволюционных организаций и банд, связанных с петлюровщиной, врангелевской белогвардейщиной и польскими разведывательными органами. Антисоветские движения 1920 г., однако, существенно отличались от подобных же движений, происходивших на Украине в 1919 г.

В ноябре 1920 г. V Всеукраинская конференция КП(б)У констатировала: «В настоящий период Советской власти сосредоточение партийных сил на всей территории Украины на задачах расслоения села, классовая продовольственная политика, политика комнезаможей на реальной основе перераспределения земельных и продовольственных ресурсов внутри села видоизменяют по всей территории Украины социальную природу бандитизма, превращая прошлогодние восстания всего села или в восстание кулацких верхушек села с соответственной откровенно врангелевской или откровенно петлюровской идеологией, или в откровенный разбойничий грабительский бандитизм деклассированных элементов села. Банды социально отрываются от села, восстанавливая против себя массы не только беднейшего, но и трудового среднего крестьянства... В ряде районов бандитизм становится откровенным продолжением наступления Антанты и Польши, находясь в непосредственной связи и под непосредственным руководством агентов Антанты и Польши» [2].

По-прежнему наиболее опасным и распространенным антисоветским движением на Украине оставалась петлюровщина.

Изгнанные в 1919 г. почти со всей украинской земли, главари петлюровщины приютились в граничащих с Польшей районах и образовали там «правительство Украинской Народной Республики», которое пыталось продолжать буржуазную политику прежних «самостийных» правительств. Во время ликвидации советскими войсками деникинщины петлюровцы направили остатки своих вооруженных сил под командованием Омельяновича-Павленко в глубь страны «для партизанской войны с деникинцами», а фактически для того, чтобы захватить (как и во

---

[1] «Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (1919—1920)», стр. 50—51.

[2] Там же, стр. 162—163.

время ликвидации гетманщины) власть на освобожденной от деникинцев территории. Тогда же и в тех же целях украинские эсеры и незалежники образовали в Каменец-Подольске «Всеукраинский Центральный повстанческий комитет» («Цупком») во главе с членом ЦК партии украинских эсеров Назаром Петренко. Однако петлюровские войска Омельяновича-Павленко были разбиты, а роль партизанских отрядов «Цупкома» в борьбе с деникинцами была столь мизерной, что они не могли и мечтать о захвате власти.

Когда все попытки петлюровцев вновь занять господствующее положение в стране провалились и Украина окончательно стала советской, «правительство УНР» пошло на сговор с правителями Польши. В ночь на 22 апреля 1920 г., накануне нападения на Советскую страну, в Варшаве был подписан тайный «договор», по которому петлюровцы в обмен на признание «украинской самостийности» и помощь им в войне против братского русского народа передавали шляхте почти пятую часть украинской земли (Восточную Галицию, Холмщину, часть Волынской губернии) с населением около 10 млн. человек, а польским помещикам и сахарозаводчикам, проживавшим на Украине,— их владения и привилегии. Далее, петлюровские главари передали под польское командование для войны с Советской страной свои вооруженные силы. Этот сговор дал толчок к оживлению подрывной деятельности петлюровщины и в советском тылу.

Вот только краткое перечисление наиболее известных петлюровских банд, орудовавших на Украине в период войны с поляками и Врангелем: на Киевщине — банды Голого, Грызла, Цветковского, Мордалевича, Дороша, Яременко, Богатыренко, Цербарюка, Струка; в районе Кременчуга — банды Киктя, Левченко, Деркача, Хмары, Клепача, Яблучка, Мамая,练Зализняка, Завгороднего, Степового, Калиберды, Бондаря; на Полтавщине — банды Гонты, Христового, Матвиенко, Вояки, Штапы; на Подольщине — банды Шепеля, Складного, Заболотного, Моргуля, Гранового, Салтиса. Наибольшего распространения петлюровский бандитизм получил в Александрийском, Чигиринском и Черкасском уездах, где орудовала так называемая Александрийская повстанческая дивизия, насчитывавшая в августе — сентябре до 15—20 тыс. вооруженных людей. Ее атаманом вначале был некий «Око», а затем известный бандит Хмара, оперировавший ранее на Полтавщине, а политическим руководителем — Елисаветградско-Александрийский повстанческий комитет во главе с Нестеренко. Крепостью петлюровского движения стал знаменитый Холодный Яр — густой лес, с трясинами, хол-

мами и речками в Чигиринском уезде. Он представлял удобное место, где могли укрываться главари подполья и банды [1].

Если в 1919 г. петлюровское повстанческое движение часто выступало с «советскими» лозунгами, то теперь оно было откровенно кулацким движением, поддерживавшим курс петлюровского «правительства», ставшего орудием Антанты и буржуазно-помещичьей Польши. К перемене курса быстро приспособились известные атаманы петлюровских банд Зеленый и Тютюнник. 20 августа 1920 г. они отправили петлюровскому «правительству» заявление, в котором объявили: «Восстание подымалось под лозунгом — власть трудовому народу, селянству и работникам, ибо психология момента того требовала. Но сейчас, когда стало ясно, что высокая Директория и ее правительство стоят на ином принципе, чем тот, на котором стоят повстанцы, мы заявляем, что если это необходимо для утверждения нашей государственности, то мы отказываемся от наших первых повстанческих лозунгов и будем впредь бороться со всеми врагами нашей государственности и нашей социальной и экономической независимости». Это заявление было опубликовано в петлюровской газете «Украина» 2 октября 1920 г.

Между тем опыт деникинщины, советско-польской войны, врангелевщины вынуждал деятелей украинских националистических партий пересматривать свои политические позиции, что неизбежно вело их в сторону сближения с Советской властью.

В ходе борьбы с деникинцами в украинской партии эсеров образовалась группа боротьбистов, которая затем преобразовалась в отдельную партию — украинскую коммунистическую партию (боротьбистов). В декабре 1918 г. эта партия вошла в организованный большевиками Всеукраинский ревком (ее представителем там стал член ЦК Г. Ф. Гринько). В подписанном соглашении между ЦК КП(б)У и ЦК УКП (боротьбистов) от 17 декабря 1919 г. указывалось, что в основу сотрудничества обеих партий принимаются директивы «О работе Советской власти на Украине», намеченные VIII Всероссийской конференцией РКП(б). Боротьбисты присоединились к Манифесту Всеукраинского ревкома и обязались проводить его в жизнь. Они осудили всякую агитацию, преследующую организацию сепаратных военных образований из бывших партизан и разложившихся петлюровских частей, и военное отделение украинской

---

[1] В октябре 1920 г. части 1-й Конной армии С. М. Буденного совместно с пехотными подразделениями Красной Армии в районе сел Верблюжка и Ново-Стародуб окружили Александрийскую петлюровскую повстанческую дивизию и разгромили ее.

Красной Армии от российской [1]. В марте 1920 г. Всеукраинская конференция партии боротьбистов приняла решение о самоликвидации и вступлении ее членов в КП(б)У. Украинская партия «незалежников» также изменила свои позиции и встала на путь сближения с большевиками. Она тоже назвалась коммунистической.

Серьезные социально-политические сдвиги переживала и махновщина. В августе 1919 г. Махно открыл фронт против деникинцев. К нему снова потянулись массы крестьян (в период наивысшего расцвета армия Махно насчитывала до 80 тыс. человек). В конце сентября 1919 г., когда почти вся Украина была занята войсками Деникина, рвавшимися на Москву, Махно в их тылу проделал глубокий рейд и занял многие районные центры и города, в том числе Пологи, Гуляй-Поле, Бердянск, Никополь, Мелитополь и даже Екатеринослав (он удерживал этот город свыше месяца). Махновское движение стало, таким образом, важным фактором в борьбе с деникинщиной. Украинские большевистские подпольные организации в деникинском тылу завязывали с махновцами связи для совместных действий против белогвардейцев; некоторые советские воинские части, оказавшиеся во время отступления отрезанными в деникинском тылу, входили в состав махновской армии (например, части 58-й дивизии под командованием бывшего командира полка коммуниста Полонского).

Контролируя обширный район, махновцы создали там некое подобие своего «безвластного государства». Здесь-то в полной мере и проявилась идейная несостоятельность махновщины и анархизма. Вопреки провозглашенным принципам «свободы», «безвластия», «безначалия», махновцы ввели на занятых ими территориях режим произвола, принуждения и насилия. В Екатеринославе, например, Махно вместо восстановления демократической власти Советов назначил военного коменданта города, предоставив ему всю полноту гражданской и военной власти.

На состоявшемся по инициативе «революционного военного совета повстанческой армии имени батьки Махно» съезде крестьян, рабочих и повстанцев в Александровске (27 октября — 2 ноября 1919 г.) махновцы объявили декларацию, в которой провозгласили идею отказа от государственного принуждения. И вместе с тем съезд принял, например, такую резолюцию по военному вопросу: «Отрицая в принципе регулярную армию, построенную на началах принудительной мобилизации, как про-

---

[1] См. «Летопись революции» (Харьков), 1925, № 1, стр. 67—68.

тиворечащую основным принципам интернационального социализма, но ввиду тяжелого положения на фронте и необходимости физических сил произвести добровольную уравнительную мобилизацию на территории, освобожденной от белых, от 19 до 39 лет по волостям, селам и уездам с командным составом и хозяйственно-судебным органом при частях, начиная от полка, стремясь превратить повстанческую армию, как таковую, во всенародную рабоче-крестьянскую армию»[1]. Такова была «добровольно-принудительная» мобилизация в махновском «безвластном государстве»!

Махновцы «в принципе» отрицали государственный суд, учреждения охраны государственной безопасности, взрывали тюрьмы и выпускали на свободу заключенных, в том числе уголовников. Вместе с тем они создали «контрразведку», в которой царили беззаконие и террор. Организаторами «контрразведки» были «безвластники»-анархисты (Черняк, Глазгон и др.); ее начальником был анархист Зинковский, а палачами — уголовники. Именно махновская «контрразведка» состряпала «дело о заговоре Полонского» и расстреляла мужественного коммуниста и его друзей.

Вл. Мирошевский, в то время член Екатеринославского губкома большевистской партии и секретарь губревкома, рассказывал: «Наша военная организация концентрировалась вокруг т. Полонского, коммуниста, командира так называемой «Железной махновской дивизии», пользовавшегося в армии популярностью, почти равной популярности самого Махно... Совершенно неожиданно для нас в начале декабря... т. Полонский и целый ряд армейцев-коммунистов были арестованы батьковской контрразведкой и спустя несколько дней зверски растерзаны...

Немедленно после арестов наш партийный комитет отправил делегацию к Махно с требованием гласного суда над Полонским.

— Гласного суда не будет,— отвечал батька,— его судьба решена военным командованием: он будет расстрелян.

— Но если гласности потребуют рабочие и крестьяне, мы надеемся, вы подчинитесь их требованиям?

— Нет,— было кратким ответом.

— Но если гласного суда потребуют повстанцы, бойцы, знающие товарища Полонского, вы их требование исполните?

— Нет. Кто мною недоволен, пусть не служит мне, пусть убирается к...

---

[1] *М. Кубанин.* Махновщина, стр. 92.

5 декабря т. Полонский, его жена, тт. Азаров, Семенченко, Вайнер и Бродский были расстреляны «Мишкой Левчиком», профессионалом-налетчиком, начальником махновской контрразведки.

Махно неловко и неумело пытался скрыть истинные причины этого гнусного убийства честных революционеров. Реввоенсовету было объявлено, что Полонский якобы пытался отравить «батьку» в целях восстановления Советской власти, на заседании же военного штаба «батька» заявил, будто Полонского уличили в сношениях... с белыми» [1].

Махновцы не в состоянии были обеспечить элементарный порядок и условия для нормальной жизни на контролируемых ими территориях. Промышленные предприятия не работали. Все денежные средства банков конфискованы, изъяты и разграблены. Воинские части облагали население городов поборами, контрибуциями, устраивали «экспроприации буржуазии». Отдельные махновцы грабили обывателей. Повсюду царили беспорядок и пьянство.

Между тем Красная Армия, развивая победоносное наступление против деникинцев, приближалась к «безвластному царству». В январе 1920 г. состоялась встреча советских войск (14-й армии) с махновскими отрядами. Все лучшее, что было среди махновцев, партизаны, боровшиеся с деникинщиной, по-братски встречали Красную Армию и массами вливались в ее состав. Лишь Махно и его приближенные уклонялись от встреч.

8 января 1920 г. Реввоенсовет 14-й армии на основании решения Советского правительства о ликвидации всех нерегулярных войск отдал приказ Махно выступить со своей армией по маршруту Александрия — Борисполь — Бровары — Чернигов — Ковель и занять фронт против польских войск как часть Красной Армии. Приказ имел в виду оторвать махновцев от их постоянных баз и превратить их в регулярную войсковую часть. Махновцы долго не давали ответа. Наконец 22 января на встрече с представителями 14-й армии они потребовали, чтобы за их частями была сохранена внутренняя самостоятельность, и отказались выполнить приказ о выступлении на польский фронт. Тогда советское военное командование предложило Махно разоружиться. Махновцы отказались и от этого, и Всеукраинский революционный комитет объявил Махно вне закона. Войска Крас-

---

[1] *Вл. Мирошевский.* Вольный Екатеринослав.— «Пролетарская революция», 1922, № 9, стр. 204—205.

ной Армии предприняли решительные действия, окружив махновские отряды. Но Махно удалось с частью войск прорваться.

Махновские тачанки носились то тут, то там по тылам Красной Армии в селах Екатеринославской, Донецкой, Полтавской и Харьковской губерний, оставляя после себя разрушения и кровь.

Отряды Махно превратились в бандитские шайки. Если раньше к нему шли крестьяне, чтобы сражаться с монархистами, то теперь, когда Махно открыто выступил против Советской власти, бедняцко-середняцкие слои крестьянства ушли из его отрядов. С ним остались лишь кулацкие и деклассированные элементы (профессиональные «партизаны» из старой махновской «гвардии»).

Между тем, когда осенью 1920 г. наступавшие врангелевцы заняли ряд городов Украины, в том числе Бердянск, Александровск, Гуляй-Поле, Синельниково и другие места, собственные интересы заставили Махно, находившегося в то время в районе Старобельска, предложить свои услуги Украинскому Советскому правительству для совместных действий против белогвардейцев.

Предложение Махно, имевшего тогда около 12 тыс. бойцов, было принято Реввоенсоветом Южного фронта Красной Армии. В октябре 1920 г. состоялось соглашение между махновцами и Советской властью. Военную часть соглашения подписали командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе и члены Реввоенсовета Бела Кун и С. И. Гусев, с одной стороны, и представители махновцев — В. Куриленко и Д. Попов — с другой; политическую часть соглашения — представитель Украинского Советского правительства Я. Яковлев и те же махновские делегаты. Махновцы обязались вместе с Красной Армией вести борьбу против «отечественной и мировой контрреволюции». Они включались в состав вооруженных сил Советской страны, «сохраняя внутри себя установленный распорядок», и должны были подчиняться оперативным приказам советского военного командования. Политическая часть соглашения предусматривала отказ махновцев от вооруженной борьбы против Советской власти. Советское правительство обязывалось освободить из-под стражи и амнистировать арестованных махновцев и анархистов, которые откажутся от продолжения вооруженной антисоветской борьбы.

Касаясь этого соглашения с Махно, В. И. Ленин в докладе на совещании актива Московской организации РКП(б) 9 октября 1920 г. говорил: «...Вопрос о Махно обсуждался весьма серьезно в военных кругах и выяснилось, что ничего, кроме вы-

игрыша, здесь ожидать нельзя. Объясняется это тем, что элементы, группировавшиеся около Махно, уже испытали на себе режим Врангеля и то, что он им может дать, их не удовлетворило. Договор наш с Махно обставлен гарантиями, что против нас он не пойдет. Здесь получилась такая же картина, как с Деникиным и Колчаком: как только они затронули интересы кулаков и крестьянства вообще, последние переходили на нашу сторону» [1].

По заданию командования Красной Армии махновцы, к которым примкнули теперь многие крестьяне, прорвались в тыл врангелевцев, заняли Гуляй-Поле, Синельниково, Александровск и другие районы, а позднее приняли участие и в Крымском походе. И все же махновские замашки сказались опять. По пути следования и в тылу Красной Армии махновцы своевольничали, не подчинялись дисциплине, вызывали различные эксцессы.

23 ноября 1920 г., когда с Врангелем было покончено и задача махновской армии оказалась выполненной, командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе приказал штабу махновской армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских частей в нормальные войсковые соединения Красной Армии. В частности, было приказано переформировать махновские части, ввести их в состав 4-й советской армии и направить эти части на Кавказский фронт. Махно должен был ответить через три дня, подчиняется ли он приказу. Махновцы приказа не выполнили. В ночь на 26 ноября 1920 г. войска Южного фронта окружили крымскую группу махновцев, а в Гуляй-Поле — основные их силы во главе с Махно. Самому Махно и нескольким его соратникам удалось прорваться из Гуляй-Поля и бежать. И он снова пошел «гулять» по советским тылам.

9. Борьба с вражеским подпольем на Украине

Борьба с тайной подрывной, шпионской, диверсионной и террористической работой вражеских элементов в тылу Советской Украины требовала создания специальных органов. Их организацией Украинское Советское правительство вплотную занялось в конце 1918 г., тотчас же после свержения гетманщины и восстановления Советской власти. Жизнь показала, что существовавшие прежде на Украине учреждения борьбы с контрреволю-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 340.

цией работали непланомерно и недостаточно эффективно. Революционные трибуналы, занимавшиеся расследованием и судебным рассмотрением дел об уже совершенных контрреволюционных преступлениях, не могли обеспечить своевременного предупреждения готовящихся заговоров, а также подавление антисоветских выступлений в тылу. Для этого необходимо было создать единый специальный мобильный аппарат. Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и ее работа в Советской России послужили примером для образования органов борьбы с контрреволюцией на Украине.

Впервые украинские чрезвычайные комиссии стали возникать по решениям местных военно-революционных комитетов. Например, в м. Почепе, освобожденном от гетманцев, уже в августе 1918 г. начала свою деятельность чрезвычайная комиссия, которая в ноябре, после занятия советскими войсками г. Клинцы, была преобразована в Черниговскую губернскую чрезвычайную комиссию. Такие же комиссии создавались в отдельных уездах, районах и даже волостях Харьковской губернии. В Одессе чрезвычайная комиссия после освобождения города была сразу же образована из членов группы большевистской «контрразведки», действовавшей во время немецкой оккупации для борьбы с провокаторами и собирания сведений, необходимых подпольной организации.

28 ноября 1918 г. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины приняло декрет «Об организации власти на местах» и определило в нем, что при военно-революционных комитетах на местах должны образовываться отделы по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем [1].

3 декабря 1918 г. правительство приняло декрет «Об организации Всеукраинской Чрезвычайной комиссии», которым был создан централизованный аппарат государственной безопасности на Украине. Декрет регламентировал порядок образования ВУЧК, губернских и уездных чрезвычайных комиссий, их права и компетенцию, взаимоотношения с органами НКВД и НКЮ. Чрезвычайные комиссии должны были преследовать и ликвидировать контрреволюционные попытки и действия, от кого бы они ни исходили; предавать суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров, разрабатывать меры борьбы с контрреволюцией, вести предварительное расследование, «поскольку это нужно для пресечения» [2]. В сущности, дек-

---

[1] СУ УССР, 1919, № 1, ст. 3.
[2] Там же, ст. 7.

рет повторял «Положение о чрезвычайных комиссиях», существовавшее в Советской России.

Как известно, в Советской России, согласно «Положению о ВЧК» от 17 февраля 1919 г., право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайных комиссиях, было возложено на революционные трибуналы, и лишь в местностях, объявленных на военном положении, чрезвычайные комиссии сохранили право непосредственной расправы с виновниками особо опасных преступлений. В условиях украинской действительности эти правила ограничивали средства борьбы с врагом, прибегавшим к особо острым формам вооруженных выступлений и политического бандитизма. Поэтому 20 февраля 1919 г. Всеукраинский ЦИК постановил предоставить чрезвычайным комиссиям Украины по любым делам особой важности, требующим «безотлагательного решения», право «самостоятельно выносить приговоры», доводя об этом в каждом отдельном случае до сведения революционных трибуналов [1].

В целях достижения единства действий в борьбе с контрреволюцией Украинское правительство постановило, чтобы местные чекистские органы руководствовались в работе указаниями и инструкциями ВЧК. Политическую же линию Всеукраинской Чрезвычайной комиссии определяли ЦК КП(б)У и Украинское Советское правительство.

Первым председателем Всеукраинской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией был профессиональный революционер, большевик с 1899 г., член ЦК КП(б)У И. И. Шварц («товарищ Семен»). В апреле 1919 г. на Украину был командирован член коллегии ВЧК М. Я. Лацис с группой работников для помощи в организации чекистского аппарата. Согласно постановлению Украинского правительства, М. Я. Лацис сменил И. И. Шварца и был назначен председателем ВУЧК.

Сложная обстановка требовала скорейшей организации чекистского аппарата на Украине, а от его работников — большого напряжения, преданности и добросовестности в работе. Всероссийская Чрезвычайная комиссия оказывала братскую помощь в организации и налаживании украинского чекистского аппарата, посылала туда своих сотрудников, брала на себя значительную часть работы. И все же подготовленных, знающих дело кадров не хватало, нередко в аппарат проникали случайные люди.

---

[1] См. «Временное положение о народных судах и революционных трибуналах». СУ УССР, 1919, № 11, ст. 141, примечание к ст. 2, а также СУ УССР, 1919, № 16, ст. 184.

Весной 1919 г. В. И. Ленину стало известно о непорядках в украинском чекистском аппарате. В связи с этим 4 июня он писал М. И. Лацису: «Каменев говорит — и заявляет, что несколько *виднейших чекистов* подтверждают,— что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы *слишком рано* и впустив в себя массу примазавшихся.

Надо построже проверить состав,— надеюсь, Дзержинский отсюда Вам в этом поможет. Надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся.

При удобной оказии сообщите мне подробнее о чистке состава Чека на Украине, об итогах работы» [1].

Выполняя эти указания В. И. Ленина, партийные и советские органы Украины (специальные комиссии Народного комиссариата социалистической советской инспекции) провели проверку чекистского аппарата и навели в нем порядок.

30 мая ВУЦИК утвердил новое «Положение о Всеукраинской и местных чрезвычайных комиссиях». ВУЧК стала органом Народного комиссариата внутренних дел, работающим на правах одного из его отделов; усиливался контроль исполкомов Советов над местными чрезвычайными комиссиями. Исполкомы получили право приостанавливать исполнение постановлений местных чрезвычайных комиссий до их санкции вышестоящим органом ЧК и во всех случаях по своему усмотрению передавать дела, находившиеся в ЧК, судебным и обычным следственным учреждениям. «Положение» подробно определило компетенцию чрезвычайных комиссий и регламентировало права Народного комиссариата юстиции и его органов на местах по надзору за расследованием и рассмотрением дел в ЧК [2].

Острие чекистского аппарата было направлено главным образом против наиболее опасных в то время петлюровских подпольных организаций, руководивших многочисленными бандами. Партия украинских «незалежников», создавшая центр повстанчества против Советской власти, была объявлена партией контрреволюции. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией закрыли ряд печатных органов этих заговорщиков и приняли другие административные меры к подавлению их антисоветской деятельности. Большая работа велась против засылавшейся в советский тыл главным штабом петлюровской армии и деникинцами агентуры, а также против вооруженных банд.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 338.
[2] СУ УССР, 1919, ч. II, ст. 65.

Вот несколько фактов.

30 марта 1919 г. на фронте под Коростенем красноармейцы задержали двух подозрительных лиц, пробиравшихся в советский тыл. Один из них, Никанор Майба, оказался пленным галичанином, служившим в петлюровской армии (его, как военнопленного, отправили в тыл), а второй назвался Василием Янцевичем. Во время допроса в Особом отделе 1-й украинской советской армии Янцевич сознался в том, что в действительности он Антон Андриенко и является агентом разведки главного штаба петлюровской армии. В подтверждение он вынул из имевшегося у него свежеиспеченного хлеба свернутый в трубочку полотняный документ — удостоверение разведчика — и рассказал, что его послали для связи с киевскими подпольщиками. Андриенко сообщил также, что ему известны конспиративные квартиры, куда обычно являются агенты петлюровской разведки за шпионскими сведениями, и согласился помочь раскрыть подпольные организации. Начальник Особого отдела Ф. Т. Фомин поручил сотруднику отдела Суярко пойти с Андриенко на конспиративные квартиры. На первой из них, по Трехсвятительской улице, в доме профессора Яхонтова, Андриенко и Суярко встретились с петлюровской резиденткой Ксенией Сперанской. Как было условлено заранее, Андриенко предъявил Сперанской полотняное петлюровское удостоверение и представил Суярко сослуживцем по работе в контрразведке. Суярко хорошо сыграл свою роль. Сперанская проинформировала его относительно военно-политического положения в Киеве и сообщила важные шпионские сведения. Она указала и источники информации. Резидентка была арестована. По дороге в Особый отдел она попыталась выбросить находившиеся при ней записи. Но разорванные клочки были собраны, склеены и послужили серьезной уликой. Сперанская вынуждена была рассказать о гнезде петлюровских шпионов и заговорщиков в Киеве. Были арестованы бывший редактор петлюровской газеты «Трибуна» доктор Бийский, делопроизводитель отдела всеобщего военного обучения Павловский и др. Бийский занимал видное положение в петлюровском движении, имел связи с Петлюрой, направлял диверсантов в Черниговский уезд для разрушения железнодорожных путей и телеграфа. Павловский поставлял петлюровцам шпионские военные сведения. Таким же способом, как и конспиративную квартиру Сперанской, чекисты-особисты раскрыли квартиру некой студентки Близнюк, ранее служившей в петлюровском информационном бюро и оставленной в Киеве для нелегальной работы. И здесь было арестовано несколько заговорщиков.

В августе 1919 г. Секретный отдел ВУЧК раскрыл в столице Украины петлюровскую подпольную группу, готовившую государственный переворот и захват власти. Чекисты получили сведения о том, что в одном из домов по Миллионной улице состоялось заседание этой организации под председательством студента, носившего кличку «Назар Стодоля» [1]. Обсуждался план захвата мостов, прилегающих к Киеву, и план ареста членов Советского правительства во время переворота. Петлюровцам удалось завербовать одного из советских командиров. Этот предатель обязался предоставить в распоряжение заговорщиков солдат, настроенных «против коммуны». В вооруженном выступлении заговорщиков должны были участвовать и кулаки киевского пригородного села Веприки (ими руководил кулак села Г. Р. Квасец), и петлюровские банды, оперировавшие недалеко от города. Подготовка, как сообщали осведомители Чрезвычайной комиссии, зашла так далеко, что «Назар Стодоля» поспешил выехать в Жмеринку, чтобы оттуда пробраться в штаб Петлюры, проинформировать его и получить инструкции. Группа предполагала после переворота удерживать власть в Киеве до прихода «правительства Директории». Выезжая, «Назар Стодоля» оставил в Киеве своим заместителем студента Политехнического института К. А. Коржа.

Медлить нельзя было, и чекисты приступили к ликвидации петлюровской группы. У арестованных обнаружили компрометирующие их письма, полевые карты, винтовки и другое оружие. Из писем выяснилось, что заговорщики находились в тесной связи с бандами Зеленого, Ангела, Соколовского. В одном из захваченных при обыске документов — приказе главного штаба петлюровских войск на имя «атамана повстанческих войск на Черниговщине» Ангела — излагался план действий петлюровских банд в поддержку готовившегося в Киеве переворота. Одновременно с выступлением внутри города планировался захват бандами населенных пунктов (Бахмач, Круты и Гребенки), которые нужно было удерживать до соединения с повстанцами из Киева. Банды Ангела должны были выйти правым крылом на соединение с бандой Соколовского, орудовавшей в районе Гастомель — Радомысль, а левым — с бандой Зеленого на юге железной дороги Киев — Полтава [2]. Лишь своевременная ликвидация заговора сорвала все эти планы.

---

[1] Как выяснилось впоследствии (в 1920—1921 гг.), под кличкой «Назар Стодоля» скрывался член ЦК украинской партии эсеров Назар Петренко.

[2] См. «Известия ЦИК», 23 августа 1919 г.

В ряде случаев партийные, комсомольские организации и отдельные коммунисты самостоятельно раскрывали контрреволюционные подпольные группы. Так, например, в ночь на 29 марта 1919 г. на вокзале Конотопа партийцы задержали подозрительного человека. При обыске у него нашли документы, свидетельствовавшие о том, что он состоит в конотопской подпольной петлюровской организации, которая связана с подобными же группами в Борзной и Гомеле. Заговорщики готовились к вооруженному выступлению против Советской власти, назначенному на 6 часов утра 30 марта. Коммунистическая организация Конотопа немедленно мобилизовала все свои силы, образовала Чрезвычайный военный штаб и приступила к ликвидации готовившегося восстания. Заговорщиков арестовали до начала выступления [1].

В другом случае благодаря бдительности членов коммунистической ячейки села Ивашкова Городнянского уезда в июле — августе 1919 г. был раскрыт разветвленный кулацкий заговор в Черниговской губернии.

Накануне этих событий в Городнянском уезде происходили беспорядки, вызванные кулацкой агитацией против объявленной мобилизации в Красную Армию. 27 июня 1919 г. в селе Хриповка (в 3 верстах от уездного города) собралось около 500 человек, отказавшихся от явки на мобилизацию. Верховодили среди них кулаки, подстрекавшие молодежь пойти в город и разогнать исполком. Появилось оружие, доставленное кулаками из Тупичевской волости. Бунтовщиков возглавил местный житель, бывший офицер Онищенко. Село Хриповка превратилось в военный лагерь. На всех дорогах были выставлены заставы. Как только стало известно о готовящемся нападении на уездный город, Городнянский исполком и уездная коммунистическая партийная организация мобилизовали отряд (60 человек пехоты и 20 конников), который под командованием председателя исполкома направился в Хриповку. Беспорядки были ликвидированы без кровопролития. Новобранцы явились на мобилизацию. Однако сами события говорили о том, что в уезде действует контрреволюционная организация.

В августе члены коммунистической ячейки села Ивашкова стали замечать, что у местного кулака Павла Шика по вечерам собираются какие-то подозрительные личности. Однажды, когда к Шику зашли трое неизвестных (об этом рассказали коммунис-

---

[1] См. «Борьба трудящихся Черниговщины за власть Советов (1917—1919 гг.)». Сборник документов и материалов. Чернигов, 1957, стр. 356—357.

там сельские бедняки), члены ячейки решили задержать их. Окружили хату кулака, зашли в нее и обнаружили там какого-то «доктора» из села Тереховка, бывшего подпоручика царской армии П. Е. Тищенко (из села Выхвостово), бывшего гимназиста гайдамака А. Н. Гвинтовка (из Городни) и сына черниговского священника Величковского. У задержанных оказались списки членов антисоветской подпольной организации, два револьвера, бомбы. В списках членов антисоветской группы значились исключительно кулаки. Эта группа являлась частью черниговской губернской подпольной организации деникинского толка, руководимой полковником Пикусом.

О раскрытии антисоветской группы коммунисты сообщили в уездный исполком, откуда тотчас же прибыли председатель исполкома Черноус и несколько милиционеров. Черноус лично занялся расследованием. Задержанный «доктор» отказался назвать свою фамилию, но заявил, что он из Чернигова. Черноус решил выехать вместе с «доктором» в Чернигов. Когда подвода проезжала болото между Тереховкой и Ивашковкой, «доктор» неожиданно вырвал у Черноуса винтовку, пытался застрелить его и бросился бежать на болото. Милиционеры открыли огонь, заговорщик был смертельно ранен и вскоре скончался. В ожидании, пока прибудут оповещенные работники Черниговской губернской чрезвычайной комиссии, Черноус вызвал в Ивашково на помощь членов соседних сельских комячеек и продолжал расследование. Один из жителей села, некто Сердюк, явился к Черноусу и сообщил, что его склоняли к вступлению в контрреволюционную организацию, и помог раскрыть дело.

Черниговская губернская чрезвычайная комиссия расследовала все обстоятельства заговора, который имел своей целью способствовать наступлению деникинских войск. Как оказалось, тупичевской волостной контрреволюционной организацией, в которую входила и ивашковская, руководил студент-медик Карл Лайкс-Шантель из Чернигова: тот самый «доктор», который был убит при попытке к бегству. Этот студент под предлогом занятия медицинской практикой поселился в селе Тереховка Черниговского уезда, откуда разъезжал по селам и создавал повстанческие группы из недовольных Советской властью кулацких элементов. Ему удалось сколотить такие группы в Городне, Ивашкове, Куликове, Тупичевке, Выхвостово, Хриповке, Петрушине, Репках, Звеничеве, Сидневе, Тереховке, на хуторе Глебовка. Ближайшими помощниками Лайкса-Шантеля являлись: бывший офицер (убийца уездного военкома) Н. М. Панченко из

Чернигова, кулак Н. К. Ковбаса с хутора Глебовка, кулак С. Кашко из села Куликовка, сын священника М. А. Митропольский из села Тупичева, бывший офицер П. Е. Тищенко из села Выхвостово, кулак П. Я. Шик из села Ивашково, бывший офицер Онищенко, руководивший бунтом мобилизованных в селе Хриповка, гимназист А. Н. Гвинтовка из Городни; кулак Ф. И. Качный из села Ивашково; кулак А. Довгопол из села Тупичево. Бунт мобилизованных в селе Хриповка 27 июня был одним из результатов «работы» этой организации.

Черниговская губернская чрезвычайная комиссия изъяла у арестованных много оружия и боеприпасов. В крыше сарая кулака Качного в селе Ивашкове чекисты нашли список лиц, которых бандиты, планируя захват Чернигова, намеревались убить. Около 40 активных участников заговора были преданы суду чрезвычайной сессии губернского революционного трибунала и сурово наказаны.

Немало пришлось чекистам бороться и с остатками черносотенных, белогвардейских и монархистских организаций, свивших свои гнезда на Украине в период немецкой оккупации и гетманщины.

В 1919 г. в Киеве совместными усилиями ВЧК и ВУЧК были раскрыты две нелегальные монархистские группы, существовавшие здесь с 1918 г. Во главе одной из них стоял некий Крылов. Обманным путем, под фамилией Чернявский, он проник в большевистскую партию, служил в советском военном учреждении и передавал своему контрреволюционному центру в Москву секретные военные сведения. Крылов был арестован в момент, когда готовил очередное шпионское донесение. Вскоре была ликвидирована и белогвардейская организация князя Касаткина-Ростовского. Среди арестованных монархистов находились: бывший гвардейский поручик помещик Власов, бывший царский военный следователь Чекмарев, штаб-ротмистр Милобенный. Киевские монархистские организации действовали под антисемитскими и другими черносотенными лозунгами, сыгравшими зловещую роль в так называемом куреневском выступлении, угрожавшем столице Украины — Киеву.

В ряде сел неподалеку от Киева (Новые и Старые Петровки, Межгорье, Валки, Вышгород, Гостомеля) в марте — апреле 1919 г. происходили кулацкие волнения. Среди крестьян здесь действовали и петлюровские, и черносотенно-монархистские агенты, распространявшие нелепые слухи о «коммуниях», о «комиссарах», о «преследовании» православной церкви. Вражеские агитаторы подбивали крестьян на погромы и призывали к

наступлению на Киев. Втянутые в движение крестьяне убивали сельских советских активистов, учиняли погромы. В то время эти крестьянские волнения представляли серьезную угрозу, так как вокруг Киева действовали вооруженные банды Струка и Батрака, а на внешних фронтах в это время разгорались бои с деникинцами.

9 апреля в столице Украины был образован оперативный штаб для борьбы с антисоветскими выступлениями. Во главе штаба были командующий корпусом войск ВУЧК, один из основателей чекистских органов Украины, Ф. И. Николаенко, и председатель Киевской губчека И. З. Сорин. В тот же день небольшой конный отряд чекистов во главе с Ф. И. Николаенко и командиром батальона М. Финкельштейном двинулся в район Куреневка — Новопетровка, где находились банды. Бандиты выслали навстречу советскому отряду своих гонцов с предложением начать «переговоры». Николаенко и Финкельштейн бесстрашно отправились к мятежникам. Бандиты, однако, и не думали вести переговоры: они зверски убили мужественных чекистов. Отряд ЧК вынужден был отступить. Кулацкое наступление на Киев продолжалось.

10 апреля толпы вооруженных крестьян сосредоточились в предместье Киева — Куреневке. Многие шли с мешками в надежде поживиться при грабеже города. В толпу втерлись и городские громилы, хулиганы, уголовники. Здесь шныряли и агитаторы монархистских организаций, подстрекая толпу к погрому, к нападению на город под лозунгом «За веру православную!». Озверевшая толпа принялась разбивать и грабить лавки на базаре, убивать ни в чем не повинных обывателей. Бандиты загнали в захваченное ими помещение районной милиции около 150 человек и открыли по ним стрельбу через окна. Было убито 15 человек, в том числе женщины и дети. Двинувшись затем через Подол на Киев, бандиты обложили казармы 1-го украинского запасного полка, вступили в перестрелку с красноармейцами, напали на городской банк, телеграф, подожгли ряд домов на Подоле.

Советские и партийные организации города решительно выступили против погромщиков. Председатель ВУЦИК Г. И. Петровский, председатель губисполкома А. С. Бубнов, наркомвнудел УССР К. Е. Ворошилов вместе с рабочими и чекистскими отрядами лично участвовали в борьбе с бандитами. Нарком по военным делам Н. И. Подвойский обратился к населению с воззванием, в котором, между прочим, заявил: «Куреневка последнее время явилась притоном бандитов, выпущенных петлюровцами

из Лукьяновской тюрьмы. К этим профессиональным громилам примкнули заведомые контрреволюционеры и кулаки. Одни шли ради грабежа, другие для борьбы с Советской властью. И те и другие скрыли свои настоящие цели под маской выступления «за веру»... Заявляю, что Красная Армия не даст себя обмануть... Она знает, что не за веру, а против трудящегося народа идут погромщики, бандиты и контрреволюционеры. Пусть же они не ждут пощады!» [1]

В начавшихся боях советские отряды нанесли поражение бандитам как на подступах к городу, так и в самом городе. Банда Батрака была разгромлена, наступление банды Струка на Днепре отбито. Мужество и героизм проявили чекисты, участвовавшие в боях с бандитами. Председатель губчека И. З. Сорин был дважды ранен, но продолжал руководить боем. К вечеру 10 апреля бандиты повсюду были разбиты, выступление подавлено.

Чекисты арестовали и расстреляли нескольких главарей и организаторов погромного выступления. Это были: руководитель киевского отделения монархистского «Союза русского народа» бывший генерал Петров; графиня Урусова; известный черносотенец доктор М. Котленко — участник расправы над Ф. И. Николаенко; штабс-капитан М. Бородаевский, задержанный в момент распространения погромных прокламаций; монархист В. Соколов, пойманный с винтовкой в руках; бывший чиновник особых поручений при царском министерстве внутренних дел И. Шкотт. Всего было арестовано около 150 человек. Крестьян — рядовых участников беспорядков, признавших свою вину, освободили из-под ареста [2].

В марте 1919 г. Киевская губернская чрезвычайная комиссия напала на след деникинской шпионской диверсионной организации в Киеве. Здесь действовали специалисты контрразведки — бывшие полковники царского генерального штаба Немирко и Ерарский, направленные в Киев деникинской ставкой. Они создали шпионскую сеть и привлекли к ее работе некоторых военных специалистов, работавших в советских военных учреждениях. Среди этих изменников оказались бывший полковник Кирнин, работавший начальником отдела артиллерийского снабжения штаба войск Киевского направления, и Палибин, агент

[1] «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У), 11 апреля 1919 г.

[2] Подробнее о куреневском антисоветском выступлении см. *В. Голиченко.* Вартови революції. Київ, 1966, стр. 32—37; *Л. И. Маймескулов, А. И. Рогожин, В. В. Сташис.* Всеукраинская Чрезвычайная комиссия. Харьков, 1971, стр. 194—198.

американской разведки, ставший начальником информационного отдела комитета Красного Креста [1].

Важным направлением чекистской работы на Украине была борьба с подрывной и шпионской деятельностью разведок и дипломатических служб империалистических держав и их агентуры.

В 1919 г., после поражения Германии, главная роль в подрывной деятельности империалистических сил против Советской страны, в том числе и на Украине, перешла к дипломатическим заговорщикам и разведкам стран Антанты. Хотя Украина по существовавшему между империалистическими хищниками разделу входила в «сферу влияния» Франции, здесь действовали подрывные и шпионские организации не только Франции, но и США, Англии, разведывательные службы пограничных «буферных» государств, особенно польская разведка Пилсудского.

Учитывая огромный вред, наносимый стране подрывными действиями иностранных империалистов, в июне 1919 г. ЦК КП(б)У образовал «Особое совещание» по борьбе с подрывной деятельностью международного империализма. В состав этого «Совещания» входили секретарь ЦК КП(б)У, председатель Совета Народных Комиссаров, председатель ВУЧК и народный комиссар по иностранным делам. «Особое совещание» решило изолировать на время гражданской войны иностранных подданных тех государств, которые участвовали в интервенции. ВУЧК энергично выполняла эту работу.

В ряде случаев чекисты производили осмотр помещений иностранных миссий, где укрывались заведомые шпионы и заговорщики. В городе Николаеве, например, чекисты обнаружили в английском консульстве документы, свидетельствовавшие о связях английских дипломатических представителей с генералом Деникиным, о помощи, которую правительства стран Антанты оказывали русским белогвардейцам. В шведском «нейтральном» консульстве, взявшем на себя защиту интересов французских и английских подданных, чекисты нашли шпионские документы и конфисковали много оружия.

Основной польской контрреволюционной организацией в советском тылу была «Польска организацья войскова» («ПОВ»), возникшая в 1917 г. из остатков разбитых немцами польских легионов, сформированных при Временном правительстве для войны с Германией. Это была буржуазно-националистическая организация, добивавшаяся восстановления польского буржуаз-

---

[1] См. «Известия ВУЦИК», 11 апреля 1919 г.

ного государства. Ее лидеры мечтали об отторжении в пользу Польши западных земель Советской страны (белорусских, украинских, русских). «ПОВ» вела антисоветскую и шпионскую работу главным образом в тех местностях, где имелись компактные группы населения польской национальности, особенно среди молодежи и юношества, разжигая в них шовинистические и антисоветские настроения. Организация имела большие запасы оружия и боеприпасов, спрятанных ею при ликвидации польских легионов.

Польское правительство буржуазных националистов, так называемых «пилсудчиков» (по имени лидера польских националистов Пилсудского), с первых же дней своего существования подпало под влияние империалистической Антанты и встало на антисоветские позиции. Антанта превратила Польшу в «буфер» между Советской страной и буржуазным Западом, возложив на нее обязанность не допускать распространения идей социализма на Запад. Поддерживаемые и подстрекаемые Антантой, польские контрреволюционеры создавали буржуазно-националистические группы и шпионские гнезда в советском тылу.

На Украине они поддерживали петлюровщину, не гнушались помогать и всякому иному антисоветскому движению, любым авантюристам, способным нанести вред государству рабочих и крестьян. Польская разведывательная служба активно занималась шпионажем на советской стороне.

В 1919 г. ВУЧК раскрыла в Киеве ответвления польской центральной разведывательной и подрывной организации. Вот как была ликвидирована одна из групп этой организации. В Киеве на Рейтарской улице помещалась столовая, которую посещали студенты киевских высших учебных заведений, преимущественно польского происхождения. Чекисты обратили внимание на то, что в столовой вечерами происходят какие-то таинственные сборы. Специальные наблюдатели из польских студентов во время таких сборов посменно дежурили у ворот и у крыльца столовой. Чекисты проникли в столовую и произвели там обыск. Здесь были найдены шапирограф и заготовки для печатания антисоветских прокламаций.

Расследование показало, что задержанные студенты являются членами антисоветской польской молодежной группы, примыкающей к «ПОВ». Они пропагандировали буржуазно-националистические и антисоветские идеи среди польской молодежи, занимались шпионажем и поддерживали отношения с украинскими и русскими антисоветскими организациями «для борьбы с уничтожающей силой большевизма». Руководители

группы — сынки польских дворян Марьян Непраш, Петр Борковский, Иосиф Керницкий, Тадеуш Савицкий и Карл Басинский — были наказаны.

Одной из задач чекистов было пресечение дезорганизаторской деятельности махновцев и примкнувших к ним анархистов и уголовных элементов.

В 1919 г., после того, как Махно оставил фронт борьбы с деникинцами, ВУЧК произвела расследование преступлений штаба бригады Махно на Южном фронте и арестовала начальника штаба Озерова, его заместителя, одного из главарей махновцев Михалева-Павленко, помощника начальника штаба Бурдыгу, адъютанта Олейника, командира полка имени батьки Махно Коробко и инструкторов по созыву «Гуляй-Польских съездов Советов» Костина, Полунина и Добролюбова. Расследование показало, что дезорганизаторская работа арестованных привела к разложению бригады, благодаря чему деникинцы прорвали фронт как раз на участке махновцев, зашли им в тыл и нарушили связи между частями Красной Армии. Судебный процесс по делу членов махновского штаба происходил в Чрезвычайном военно-революционном трибунале Донецкого бассейна в Харькове. Подсудимые были признаны виновными и приговорены к высшей мере наказания [1].

Деятельность органов борьбы с контрреволюцией на территории Украины была прервана в 1919 г. в связи с занятием ее деникинцами. В конце года по мере освобождения территории от врага они стали восстанавливаться. Вначале это были главным образом фронтовые военные чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. Лишь в отдельных районах создавались следственные комиссии и другие подобные территориальные судебно-следственные учреждения для борьбы с контрреволюцией.

17 марта 1920 г. ВУЦИК принял декрет об образовании «Центрального управления чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности» («Цупчрезком») на Украине. В отличие от прежней ВУЧК, являвшейся отделом НКВД, «Цупчрезком» учреждался при Совнаркоме УССР и должен был подчиняться только ему [2]. Дальнейшими постановлениями Совнарком УССР установил, что «Цупчрезком» работает в тесном контакте с НКЮ и НКВД. Местные его органы, являющиеся отделами исполкомов

---

[1] «Коммунар» (Харьков), 18 июня 1919 г.; «Коммунист», (орган ЦК КП(б)У), 2 августа 1919 г.

[2] СУ УССР, 1920, № 3, ст. 53.

Советов, работают по инструкциям «Цупчрезкома» в тесном контакте с местными отделениями наркоматов внутренних дел (отделами управления) и юстиции. Заведующие губернскими отделами юстиции и заведующие отделами управления входят в состав коллегии губернской чрезвычайной комиссии, которая в свою очередь делегирует своего представителя в коллегию губернского революционного трибунала. Уездные чрезвычайные комиссии не создавались. Вместо них в составе милиции образовывались уездные политбюро, ведавшие борьбой с контрреволюцией и бандитизмом [1].

Позднее в составе «Цупчрезкома» был образован Особый отдел для охраны границ, ведения контрразведки, для борьбы со шпионажем и бандитизмом. Для военного подавления вооруженных банд действовали войска внутренней охраны (ВОХР), а также части особого назначения (ЧОН); последние формировались местными партийными комитетами и им подчинялись.

ЦК РКП(б) и Советское правительство РСФСР оказывали деятельную помощь в воссоздании украинского чекистского аппарата: в Харьков, Полтаву, Донбасс, Екатеринослав, Одессу и другие города направлялись группы опытных работников, которые создавали костяк чрезвычайных комиссий. Начальником «Цупчрезкома» Совнарком Украины назначил В. Н. Манцева, который был одновременно членом Коллегии ВЧК и начальником Особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов. Такое совмещение постов Манцевым способствовало единству действий аппаратов украинского «Цупчрезкома» и ВЧК.

В мае 1920 г. в связи с наступлением белополяков председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский был назначен по совместительству начальником тыла Юго-Западного фронта и прибыл на Украину (в Харьков) с большой группой работников. Феликс Эдмундович объединил под своим руководством борьбу с контрреволюцией и борьбу с бандитизмом на Украине. За два месяца своего пребывания здесь он провел огромную работу по очищению советского тыла. Энергично действовал на Правобережье Украины и заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс, руководивший специально образованным там штабом тыла.

Острота социально-политической обстановки военного времени, постоянные враждебные действия вооруженных банд и подпольных организаций в украинском советском тылу требовали принятия жестких мер подавления контрреволюционных элементов. Поэтому здесь чрезвычайным комиссиям (начиная с гу-

---

[1] СУ УССР, 1920, № 23, ст. 466.

бернских) предоставлялось право применять меры внесудебных репрессий по делам, требующим немедленного решения.

Всеукраинский ревком решил не применять на Украине январский (1920 г.) Декрет ВЦИК и СНК РСФСР об отмене смертной казни. Отметив, что контрреволюция еще оказывает отчаянное сопротивление на военных фронтах, а в тылу обнаруживаются все новые и новые заговоры, что на Украине еще нет тех условий, какие позволили Советской России отменить смертную казнь, ревком считал, что до тех пор, пока укрепление власти рабочих и крестьян не будет полностью завершено, смертную казнь как средство борьбы с контрреволюцией на Украине необходимо сохранить. Обращаясь в связи с этим к населению, ревком указывал: «Пусть украинский народ, убедившись на примере Советской России, знает, что террор и все тяжкие репрессии в отношении врагов рабочих и крестьян навязываются нам исключительно свергаемой буржуазией и ее наемниками и что эти тяжкие меры отменяются, как только укрепление власти рабочих и крестьян считается завершенным» [1].

Среди многочисленных подпольных организаций петлюровского буржуазно-националистического толка, раскрытых чекистами, представляет интерес так называемый «Комитет освобождения Украины», возникший в мае 1920 г. в Полтаве. Учредителем «Комитета» явилась группа преподавателей местной гимназии во главе с профессором Прийма. В группу входили также сотрудники губернского отдела народного образования Нинковский, Балик, Лойко (последние два — бывшие петлюровские офицеры), комендант театров Юрченко и кооператор Ващин. Эти лица являлись ревностными сторонниками украинской «самостийности», но вначале не были связаны с какой-либо политической партией. Они строили подпольную организацию по принципу «пятерок»: каждый ее член должен был завербовать «пятерку». Таким путем они надеялись распространиться по Украине и в подходящий момент поднять восстание.

«Комитет освобождения Украины» намеревался взять под свое политическое руководство петлюровские повстанческие отряды, орудовавшие в стране. Заговорщики вели об этом переговоры с главарями банд Переяславского, Лубенского, Гадячского и Звенигородского уездов, но успели подчинить себе только местную банду атамана Вовка численностью до 200 человек.

В мае 1920 г. вожаки «Комитета» повели переговоры с деятелями украинских партий эсеров и «незалежников» о совместных

---

[1] СУ УССР, 1920, № 1, ст. 20.

действиях. От «незалежников» в «Комитет» вошли Денисенко и Левченко, а от украинских эсеров — Чубуков-Дорошенко.

Опьяненные этими «успехами», главари «Комитета» решили считать себя «правительством» страны. Председателю «Комитета» Прийма они поручили выехать в Польшу и согласовать с Петлюрой «план работы правительства». Но этим «планам» не суждено было сбыться. Весь состав «Комитета освобождения Украины» и «правительства», вместе с его периферией — «Полтавским губернским повстанческим комитетом», за которыми давно уже следили чекисты,— был арестован.

Ряд дел показал, что петлюровские банды и подпольные антисоветские организации не останавливались перед сговором со злейшими врагами украинских рабочих и крестьян — врангелевскими белогвардейцами.

Во главе раскрытой чекистами в конце августа 1920 г. елисаветградской подпольной организации, руководившей бандитским движением в районе, стояли прибывший из Крыма врангелевский полковник Беличенко и ярый петлюровец, кандидат прав Берлинского университета Мусий. В состав другой подпольной группы, ликвидированной одесскими чекистами в июле 1920 г., входили петлюровцы Климович, атаман банды Усиевич и его помощник Гребач, секретарь «просвиты» Кречец, врангелевские офицеры Снитко, Кошинский, Овсянников и Домбровский. Эта объединенная антисоветская группа, располагавшая большими запасами оружия, намечала создать антисоветское «правительство» из украинских буржуазных националистов и контрреволюционеров белогвардейского толка [1].

Украинские органы борьбы с контрреволюцией много сделали для разоблачения перед трудящимися антинародной сущности политики украинских мелкобуржуазных «социалистических» партий. В этом отношении выделялся судебный процесс по делу членов Центрального комитета партии украинских эсеров. Эта партия имела большинство в Центральной раде. Возглавляемое ею правительство в 1918 г. заключило договор с немцами, отдав в их распоряжение богатства страны, и в немалой степени было повинно в нарождении гетманщины. Украинские эсеры входили в петлюровское «правительство Директории», вступили в союз с империалистической Антантой, приняли участие в войне против братской Советской России и в подавлении

---

[1] См. «На защите революции». Из истории Всеукраинской Чрезвычайной комиссии. 1917—1922 гг. Сборник документов и материалов. Киев, 1971, стр. 234—235.

революционного движения украинских рабочих и крестьян. Эта партия в союзе с другими буржуазно-националистическими партиями руководила повстанческим движением в советском тылу. Только после военного поражения петлюровцев и опыта деникинщины она вышла из состава правительства УНР и 7 февраля 1920 г. официально заявила об отказе продолжать вооруженную борьбу против Советской власти. Но это была лишь пустая декларация.

10 августа того же года в городе Каменец-Подольске Особый отдел 14-й армии арестовал члена ЦК партии украинских эсеров В. А. Голубовича, бывшего в 1917—1918 гг. председателем правительства Центральной рады. Во время обыска у него чекисты нашли записки, уличающие его в сношениях с атаманом петлюровской банды Ю. Мордалевичем. Известно было и об участии эсеров в петлюровских подпольных организациях Полтавской губернии. Все это противоречило официальным заявлениям ответственных деятелей партии о лояльности в отношении Советской власти. Поэтому Особый отдел Всеукраинской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией арестовал членов Центрального комитета партии украинских эсеров И. Лизановского, Н. Петренко, И. Часныка, Ю. Ярослава, ответственных за антисоветскую работу партии; активиста партии Ю. Скугар-Скварского, неоднократно переходившего в 1919 г. линию фронта для передачи шпионских сведений «правительству УНР»; бывшего министра, а затем председателя Совета министров УНР в 1919 г., члена партии украинских эсеров профессора С. Остапенко, который, заявив в 1920 г. об отказе от политической деятельности, фактически продолжал антисоветскую работу, а также члена партии украинских социал-демократов «незалежников» бывшего военного министра правительства УНР Г. Сиротенко, нелегально вернувшегося на Украину и проживавшего по подложному паспорту.

Дело рассматривалось специальным присутствием Всеукраинского чрезвычайного революционного трибунала под председательством М. В. Михайлика с участием государственного обвинителя — видного деятеля Коммунистической партии, члена Президиума ВУЦИК Д. З. Мануильского — и защиты. Судебный процесс, проходивший с 22 по 29 мая 1921 г. в Харькове, сыграл большую роль в разоблачении предательства украинских эсеров. Подсудимые признали себя виновными в тягчайших преступлениях против рабочих и крестьян и подтвердили антинародную сущность петлюровщины, бандитский характер антисоветского повстанчества.

Бывший председатель «Цупкома», член ЦК партии украинских эсеров Назар Петренко, желая как-то обелить свою партию, заявил на суде, что его партия рассматривала антисоветское движение 1919 г. как стихийное явление и видела его причины будто бы в неправильном отношении советских учреждений к украинскому крестьянству. Он утверждал, что участие эсеров в движении имело целью «не дать повстанчеству пойти вправо». Партия эсеров намеревалась, по словам Петренко, «в первую очередь сделать переворот, привлечь массы на свою сторону, уничтожить Директорию, установить там Советскую власть и, с другой стороны, здесь, на территории, где шли восстания, запастись повстанческими комитетами из представителей партии, которые бы направляли в определенное русло повстанческое движение и направляли бы его на правильный курс... Но,— сокрушенно признавал Петренко,— из этого ничего не вышло». Далее Петренко заявил, что пережитые события убедили его в ошибочности позиции эсеровской партии. «Я увидел, что, когда изменилась ситуация, когда Коммунистическая партия приступила к мирной работе, она оставила то, что делала раньше; я понял, что в моменты напряженной борьбы с контрреволюцией она должна была так поступать. Это с одной стороны. С другой стороны, кое-какие факты из политики Советской власти мы ошибочно понимали... Теперь мы видим,— признал Петренко,— что повстанчество (1920 г.) вовсе не имеет стихийного характера, что теперь оно не имеет связи с тем повстанчеством (1919 г.— *Д. Г.*), если имеет, то очень мало, и выродилось в абсолютный бандитизм, и мы его осуждаем» [1].

29 мая 1921 г. Всеукраинский верховный революционный трибунал вынес приговор, которым осудил контрреволюционную деятельность подсудимых и их партии. Трибунал отметил, что «тяжкие преступления по отношению к рабочим и селянам Украины, содеянные Центральным комитетом украинской партии социалистов-революционеров, всей партией и отдельными ее представителями в недавнем прошлом, заслуживают наивысшего и наисуровейшего наказания». В то же время, принимая во внимание мощь и величие революционного движения, раскаяние Голубовича, Петренко, Лизановского, Часныка и Ярослава во всех совершенных ими преступлениях, публичное обещание «словом и делом бороться с так называемой УНР и с повстанческо-бандитским движением на Украине и руководствуясь в

[1] «Дело членов Центрального комитета украинской партии социалистов-революционеров Голубовича, Петренко и др.». Стенографический отчет. Харьков, 1921, стр. 117—118, 137, 151.

этом деле революционной совестью и социалистическим правосознанием», трибунал приговорил В. А. Голубовича, Н. А. Петренко, И. Н. Лизановского, И. Н. Часныка и Ю. Ю. Ярослава к 5 годам заключения, а Г. Т. Сиротенко освободил от отбывания назначенного ему наказания. Ю. А. Скугар-Скварский был осужден к заключению в концлагерь на 5 лет. В отношении профессора С. С. Остапенко трибунал принял следующее решение: «Принимая во внимание решительное осуждение в настоящий момент и в будущем осужденным Остапенко всей политики УНР и всех бандитских выступлений и принимая во внимание ценность гр. Остапенко как научной силы, трибунал постановил заменить Остапенко... наказание 5 годами принудительных работ, без лишения свободы, с использованием по специальности»[1].

В июне 1920 г. в Харьковскую чрезвычайную комиссию явился бывший начальник контрразведки при Директории Юлиан Чайковский. Он заявил, что, раскаиваясь в прошлой деятельности, решил отдать себя в руки советского правосудия.

Чекисты произвели тщательное расследование. Помимо Чайковского, давшего пространные откровенные показания, были допрошены многие свидетели и потерпевшие. Дело Ю. Чайковского рассматривалось в публичном заседании Всеукраинского верховного революционного трибунала. Оно привлекло к себе внимание трудящихся. На суде были оглашены многочисленные факты преступного хозяйничанья петлюровских «вояк» в Киеве в дни господства Директории. Только в Анатомическом музее после изгнания петлюровцев из города нашли 200 трупов зарубленных ими людей.

Спрошенный об этом прибывший весною 1920 г. на Украину из эмиграции и явившийся на суд бывший председатель Директории В. К. Винниченко заявил, что все эти преступления совершались без ведома правительства, которое будто бы даже боролось с ними. «Когда в первый раз в Киеве был разгромлен профсоюз отрядом Коновальца и представители Бюро профсоюзов пришли ко мне,— поведал на суде Винниченко,— я немедленно вызвал тех, кто производил разгром, и поставил им вопрос, на каком основании они это сделали? Мне было отвечено, что, по сведениям контрразведки, в помещении профсоюза собираются большевики, которые угрожают спокойствию и государственной власти. Мне на этот раз не пришлось долго разго-

[1] «Дело членов Центрального комитета украинской партии социалистов-революционеров Голубовича, Петренко и др.» Стенографический отчет, стр. 426—429.

варивать с ними: я просто дал приказ, чтобы немедленно все было исправлено, чтобы арестованные были отпущены, а книги возвращены. Я полагал, что на этом все должно кончиться. Но за первым разгромом последовал другой, за ним — третий. Каждый раз повторялась та же история. Приходилось чинам штаба Осадного корпуса читать лекции о сущности профсоюзов, об их отношении к политическим партиям и т. д.»[1]. Винниченко объяснял, что он и Директория с «резким осуждением» относились к погромам на местах, выносили об этом соответствующие постановления. Но военная власть, представителем которой был Петлюра, никаких практических мер к их прекращению не принимала. «Поскольку постановления Директории,— заявил Винниченко,— вообще не осуществлялись, постольку не осуществлялось и это постановление. Отряд Ковенко, правда, получил задание ликвидировать погромы, но в действительности, выезжая на места для ликвидации, он сам эти погромы устраивал».

Объяснения Винниченко свидетельствовали лишь о том, что он и другие «демократы», входившие в Директорию, в сущности, только создавали иллюзию, будто правительство выступает против преступлений военщины. Фактически они прикрывали злодеяния петлюровцев.

Наконец Винниченко заявил на суде: «Два лица, голова Директории и председатель Совета министров, я и Чеховский, которые по иронии судьбы представляли из себя высшую власть, фактически никакой власти не имели и прямой политики не делали. Несмотря на то, что все резолюции, декларации и постановления выносились в духе этих представителей, власть фактически принадлежала войсковой организации, представителем которой был Симон Петлюра»[2].

---

[1] «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У), 1920, № 4, стр. 80—81.

[2] «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У), 1920, № 4, стр. 81—82.

Интересна судьба В. К. Винниченко. Этот видный деятель мелкобуржуазной украинской партии социал-демократов долго сотрудничал с Петлюрой, но в начале 1920 г. разошелся с ним и выехал за границу. Там он образовал «Заграничную группу (так называемых.— *Д. Г.*) украинских коммунистов». Весною того же года он прибыл на советскую территорию и в сентябре подал заявление в ЦК КП(б)У, в котором писал, что убедился в правильности политической линии Коммунистической партии и Советского правительства, и просил принять его в КП(б)У. ЦК КП(б)У и Советское правительство пошли навстречу Винниченко и предложили ему высокий пост заместителя Председателя СНК Украины. Приняв этот пост, Винниченко вскоре, однако, опять «колебнулся» и решил вновь выехать за границу, чтобы там работать над созданием новой, «хорошо спаянной, организованной, могучей коммунистической

Таким образом, суд над Юлианом Чайковским превратился в суд над Директорией. Он раскрыл перед трудящимися антинародную ее сущность, осветил жалкую и предательскую роль украинских социал-демократов, их виднейших деятелей. Всем стало ясно, что Директория была правительством петлюровской военщины, буржуазии и кулачества, а «социалистические» партии и их деятели, входившие в Директорию и громче всех кричавшие о своей приверженности «демократии», прикрывали ее антинародную сущность.

Во время советско-польской войны в Киеве, Харькове, Одессе, Житомире, Бердичеве, в России действовал глубоко законспирированный аппарат польской войсковой организации («ПОВ»).

В марте 1920 г. на советско-польском фронте, в Подольской губернии, красноармейцы задержали неизвестного, пытавшегося перейти линию фронта. При обыске у него были найдены зашитые в одежду удостоверение «ПОВ» и зашифрованное письмо. Неизвестного препроводили в губчека. Здесь выяснилось, что он является курьером польской разведки Покотянским и связан с киевской организацией «ПОВ». Доставленный в Киевскую губчека, Покотянский дал подробные показания, благодаря чему чекисты раскрыли опаснейший центр польской разведки в Киеве. Выяснилось, что «ПОВ» и польская разведка имели на Украине, в России, на Кубани и Кавказе хорошо поставленный шпионский аппарат. Территория Украины была разделена на шпионские округа с центрами в Киеве, Харькове, Одессе. Киевская «комендатура» руководила шпионскими гнездами в Ровно, Житомире, Бердичеве и других местах. Агенты «комендатуры» проникали в органы снабжения Красной Армии, в управления железных дорог, в штабы советских войск, собирали шпионские сведения, были связаны с петлюровскими бандами. Чекисты арестовали свыше 200 таких агентов. У многих из них нашли шпионские материалы, оружие. Были уничтожены шпионские гнезда также в Харькове, Одессе, Житомире, Белой Церкви и других местах.

Успешно работали украинские чекисты и по ликвидации подпольных групп общероссийской контрреволюции. Они разоблачили и обезвредили немало членов антисоветского «Нацио-

---

партии». За границей Винниченко снова повел открытую враждебную деятельность и окончательно перешел в антисоветский лагерь. V Всеукраинский съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов объявил Винниченко врагом народа (о заявлениях В. К. Винниченко см. «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У), 1920, № 5, стр. 84—86).

нального центра», «Союза возрождения России» и других контрреволюционных организаций, которые пышным цветом расцвели во время господства деникинцев на Украине и продолжали работу после их изгнания в интересах врангелевцев.

Вечером 18 мая 1920 г. одесские рыбаки, возвращаясь с моря, обратили внимание на то, что среди рыбацких шаланд затесалась какая-то незнакомая им шаланда с тремя неизвестными. Рыбаки сошли на берег Одессы, но незнакомцы из подозрительной шаланды не высадились вместе с ними. Заподозрив неладное, рыбаки сообщили об этом чекистам. По распоряжению председателя губчека С. Реденса наряды чекистов осмотрели побережье. Сторожевые катера вышли в море, но шаланду с неизвестными не обнаружили. Перед рассветом оставленная засада пограничников заметила, как на берег из подозрительной шаланды сошли трое. Чекисты окружили их, неизвестные открыли огонь. В завязавшейся перестрелке один из нарушителей границы — он оказался Казимиром Руникером — был убит, второй — Георгий Морданов — ранен, а третий — Арнольд Лелян — сдался.

Расследование установило, что высадившиеся на берег под видом рыбаков Руникер, Морданов и Лелян были агентами иностранных разведок. В частности, профессиональный шпион Арнольд Лелян поддерживал связь между врангелевской и французской разведками. Вместе с тем он, как и раненый Морданов, участвовал в белогвардейской офицерской группе, готовившей восстание в Одессе. Главарь этой организации, бывший офицер Балаев, собирал шпионские сведения через завербованных им в городе лиц, имевших связи с Красной Армией. В работе этих белогвардейцев принимала деятельное участие и жена Морданова, дочь бывшего генерала Желтоновского. Ряд членов этой организации был арестован.

В деле Леляна имелись данные о том, что он должен был встретиться в Одессе с секретарем греческого консульства Серафадисом, передать ему инструкции и получить шпионские материалы для французской разведки. Серафадис, как было известно чекистам, еще во время иностранной интервенции в Одессе поддерживал отношения с деникинской и французской разведками. Теперь в связи с показаниями Леляна стало ясно, что Серафадис собирал шпионские сведения через созданную им шпионскую сеть.

Чекисты тайно ввели в шпионскую группу Серафадиса своих разведчиков. Выяснилось, что один из деятелей деникинской разведки, генерал Гаврилов, во время отступления белых из

Одессы оставил Серафадису деньги для организации шпионской и подрывной деятельности и формирования вооруженного отряда из числа белых офицеров в советском тылу. Серафадис после занятия города советскими войсками повел широкую работу в красноармейских частях, в милиции, поддерживал связи с белыми, которым передавал подробные сведения о планах советского военного командования, дислокации и вооружении частей Красной Армии. Его ближайшими помощниками являлись бывший поручик деникинской армии Голяско и некий Равтопуло. Организация объединяла до 300 человек. 18 июля 1920 г. шпионское гнездо Серафадиса было ликвидировано. Чекисты конфисковали большие запасы оружия, денег, обмундирования. Найден был доклад Серафадиса на имя генерала Врангеля. По постановлению коллегии Одесской губчека Серафадис, Голяско и Равтопуло были расстреляны [1].

15 июня 1920 г. один из командиров Екатеринославского гарнизона доложил начальнику гарнизона о том, что его познакомили с человеком, который имеет связи с антисоветской организацией в городе и вербует в нее военных. Начальник гарнизона сообщил об этом в губчека. По заданию губчека несколько военнослужащих связались с контрреволюционером, оказавшимся Гудкиным-Графским, и «согласились» вступить в антисоветскую организацию. Как выяснилось затем, контрреволюционеры готовили захват города, убийства коммунистов и советских работников. Они ограбили Каменское отделение банка, где захватили 10 млн. рублей. Екатеринославские чекисты ликвидировали эту группу антисоветчиков. Гудкин-Графский и несколько его сообщников бежали из Екатеринослава, но были пойманы в Ростове-на-Дону [2].

Среди операций украинских чекистов в годы гражданской войны было раскрытие анархистского заговора «набатовцев», воспользовавшихся легализацией махновщины. Установив факт заговора, чекисты, одновременно с предпринятой войсками Южного фронта операцией по разоружению махновских частей, в ночь на 26 ноября 1920 г. арестовали в Харькове политическую и военную делегацию махновцев в составе Д. И. Попова (секретарь штаба), членов штаба Буданова, Хохотвы, а также связанных с ними анархистов конфедерации «Набат». Арест махновского штаба Крымского направления был блестяще прове-

---

[1] См. «На защите революции», стр. 232; *В. Голиченко.* Вартови революції, стр. 101—105.

[2] См. «На защите революции», стр. 233; *В. Голиченко.* Вартови революції, стр. 109—110.

ден группой чекистов под руководством сотрудников Особого отдела 6-й армии Н. М. Быстриха и Киборта. Рискуя жизнью, они смело проникли в дом, занятый штабом, захватили пулемет и арестовали ряд махновских командиров. Всего в разных местах Украины чекисты арестовали около 400 человек, среди них видных махновцев и анархистов (Волина, командиров полков Зинченко, Колесниченко, Кусенко). Группа арестованных была отправлена в Москву, в ВЧК. Среди них был и левый эсер Д. И. Попов, приговоренный к расстрелу еще в ноябре 1918 г. за участие в левоэсеровском мятеже. Попов и некоторые другие махновцы по постановлению ВЧК были расстреляны. Одиннадцать анархистов-«набатовцев» (в том числе Волин) постановлением Президиума ЦИК УССР были высланы за границу.

Краткая история создания органов ЧК на Украине и далеко не полный перечень раскрытых ими дел свидетельствуют о том, что украинские чекисты внесли свой весьма значительный вклад в общее дело победы над внешней и внутренней контрреволюцией в годы гражданской войны.

10. Стрекопытовщина

В конце января 1919 г. в Гомель, незадолго до того освобожденный от немецкой оккупации, прибыла 2-я (Тульская) бригада 8-й стрелковой дивизии Красной Армии (в составе 67-го и 68-го полков), передислоцированная сюда в связи с военными действиями против петлюровцев. Положение в городе в это время было весьма напряженным. Советская власть находилась в стадии организации. Повсюду действовала вражеская агентура. Нелегально существовал антисоветский «Полесский повстанческий комитет», готовивший восстание.

Красноармейцы бригады, состоявшей в основном из крестьян, попали в казармы, приведенные немцами в негодное состояние. К тому же было голодно, местные советские продовольственные органы не могли обеспечить питанием прибывавшие воинские части, и вражеская агентура вела среди них антисоветскую агитацию. Некоторые командиры бригады поддались на эту агитацию и вступили в подпольный «Полесский повстанческий комитет». Среди вступивших были начальник хозяйственной части Стрекопытов, в прошлом офицер, бывший полковник Степин, командир 68-го полка Мачигин и др.

18 марта бригада получила приказ отправиться на фронт, и 20-го ее части повели наступление на Овруч, но, не выдержав

вражеского артиллерийского огня, отступили. В то же время некоторые подразделения, особенно разложившийся 1-й батальон 67-го полка, вообще отказались занять боевые позиции и начали митинговать. Они решили бросить фронт, возвратиться в Гомель, а оттуда — по домам, в Тульскую губернию.

Выступление, таким образом, вначале выглядело как протест мелкобуржуазных крестьянских элементов, выражавших недовольство тяготами гражданской войны — мобилизацией, нехваткой продовольствия и обмундирования и другими трудностями. Но этим немедленно воспользовались бывшие офицеры и контрреволюционеры.

Когда бросившие фронт красноармейцы в ночь на 24 марта прибыли на станцию Гомель-Полесский, здесь их встретили и возглавили вожаки контрреволюционного «Полесского повстанческого комитета» и изменившие воинскому долгу командиры. Недовольную массу разложившихся красноармейцев контрреволюционеры направили против Советской власти.

24 марта, захватив станцию, мятежники отправили по железнодорожному телеграфу нижеследующую телеграмму: «Всем железнодорожникам по всей сети российских железных дорог. Военная. Власть большевиков в Гомеле низложена. Движением руководит повстанческий комитет. Арестовывайте членов чрезвычайных комиссий, комиссаров... Не пропускайте большевистских эшелонов. Если нужно, разрушайте пути. Осведомите население и действуйте смело и энергично. Телеграфируйте дальше. Устанавливайте связь в действиях. Осведомляйте на станцию Гомель — Полес. повстанческий комитет» [1]. Эта телеграмма сыграла провокационную роль в событиях, так как получавшие ее считали, что Гомель уже занят контрреволюционерами.

Между тем городские партийные и советские организации готовили отпор мятежникам. Был образован военно-революционный штаб в составе председателя ревкома С. Комиссарова, председателя Чрезвычайной комиссии И. Ланге, редактора газеты «Известия ревкома» П. Билецкого (Езерского), чекиста Я. Фрида и Гулло. Коммунисты и советские активисты заняли боевые позиции. Дали знать о событиях в губернский центр. Вооруженных защитников города, однако, было мало. Они не могли оказать длительного сопротивления взбунтовавшимся солдатам бригады, которыми командовали офицеры.

Со станции мятежники повели наступление на город, захватили тюрьму и освободили около 400 заключенных, главным об-

---

[1] *Г. Лелевич.* Стрекопытовщина. М.-Л., 1923, стр. 30.

разом уголовников. Вскоре в их руках оказалась значительная часть города. Лишь гостиница «Савой», превращенная защитниками города в опорную базу сопротивления, здание ЧК и телефонная станция все еще оставались у них в руках.

Утром 25 марта мятежники начали обстрел из артиллерийских орудий и миномета гостиницы «Савой». Положение осажденных стало катастрофическим. Они вынуждены были вступить в переговоры с мятежниками. Последние согласились отпустить по домам всех находившихся в «Савое» (их оставалось тогда 65 человек). Но когда коммунисты сложили оружие, контрреволюционеры, вопреки обещанию, задержали ответственных работников городских учреждений и, избив, отправили их в тюрьму. Вскоре власть в городе повсеместно перешла к вооруженным мятежникам.

«Полесский повстанческий комитет» и военное командование мятежников выпустили несколько воззваний к населению города и уезда. В одном из воззваний мятежники так сформулировали цели и лозунги своего движения: «1. Вся власть Учредительному собранию. 2. Сочетание частной и государственной инициативы в области торговли и промышленности... 3. Железные законы об охране труда. 4. Проведение в жизнь гражданских свобод. 5. Земля — народу. 6. Вступление Русской республики в лигу народов» [1].

В другом воззвании главарь мятежа Стрекопытов, назвавшийся «командующим 1-й армией Народной республики», лживо объявил крестьянам уезда, будто большевики повсеместно «разбиты и бежали», а «Россия объявлена Народной республикой». И никто, демагогически заверял Стрекопытов, «не посмеет отныне отнимать у вас хлеб, никто не посмеет больше обкладывать вас чрезвычайными налогами... Никто не возьмет больше наших братьев и детей на убой». Воззвание призывало крестьян «бить в набат», создавать повстанческие комитеты в селах, деревнях и местечках, брать власть на местах. В «Приказе № 1 по гарнизону г. Гомеля» от 26 марта было сказано: «С сего дня в городе и уезде объявляется свободная торговля всеми товарами» [2].

Таким образом, по лозунгам мятежников контрреволюционное выступление в Гомеле изображалось как «демократическое» движение. Оно как бы отвечало всем требованиям мелкобуржуазной крестьянской контрреволюции того времени, но фактиче-

---

[1] *Г. Лелевич.* Стрекопытовщина, стр. 35—36.
[2] Там же, стр. 36, 37.

ски вылилось в белогвардейское движение, руководимое бывшими царскими офицерами, и тотчас же привело к установлению личной диктатуры руководителя переворота Стрекопытова.

Население города и уезда чувствовало контрреволюционное существо выступления и не поддержало мятежников. Лишь незначительные группы бывших офицеров, чиновников и несколько советских служащих примкнули к ним. Прибыли в город и отдельные лица из ближайших деревень с мешками, чтобы поживиться на грабежах. Служащие упродкома — бывший капитан царской армии Г. Михайлов, Иванов и Михеев — явились в штаб Стрекопытова и предложили свои услуги. Стрекопытов назначил Михайлова председателем упродкома. Последний произвел чистку служащих в упродкоме, сняв с работы всех коммунистов и приверженцев Советской власти. Поддержали мятежников и некоторые лица из железнодорожной администрации.

Назначенный Стрекопытовым комендант города — бывший полковник Степин — в первый же день издал приказ, в котором говорилось: «Лица, коим известно местопребывание скрывшихся большевистских комиссаров и коммунистов, а также и домовладельцы, где они проживают, должны немедленно донести мне. Виновные в укрывательстве будут караться по всей строгости осадного положения» [1]. Этот приказ послужил как бы сигналом к началу белого террора. Участник событий, бывший председатель упродкома В. Селиванов, впоследствии рассказывал: «По Замковой улице и по другим прилегающим улицам к станции начался поголовный грабеж населения. В домах забирали все, что было ценным. На улицах раздевали встречавшихся частных граждан. В советских учреждениях разбивали несгораемые кассы, забирали денежные знаки, рвали и сжигали дела, нагружали продовольствие из складов упродкома и райсоюза и отправляли на Полесскую станцию... В городе творилась такая вакханалия, которую может себе представить только переживший эту «историю» [2].

26 марта стрекопытовцы отобрали в тюрьме группу ответственных работников города и увезли их на полесский вокзал. Судьба их до подавления мятежа оставалась неизвестной.

Между тем на помощь Гомелю с разных сторон шли отряды трудящихся и части Красной Армии: партийные дружины коммунистов из Могилева, Бобруйска, курсанты Могилевских

---

[1] *Г. Лелевич.* Стрекопытовщина, стр. 38.

[2] «Революционная борьба в Гомельской губернии». Исторические материалы. Гомель, 1921, стр. 161.

командных курсов, отряд из Смоленска, крестьянский отряд из Почепа, части Брянской дивизии.

В ночь на 29 марта стрекопытовцы вынуждены были оставить Гомель. Когда курсанты Могилевских курсов заняли станцию Гомель-Полесский, они обнаружили в «вагоне смерти» груду изуродованных трупов. Это были трупы 14 ответственных работников города. Мятежники зарубили и замучили председателя ревкома С. Комиссарова, председателя Чрезвычайной комиссии И. Ланге, редактора газеты П. Билецкого (Езерского), заведующего отделом юстиции Б. Ауэрбаха (Подгорного), секретаря ревкома П. Каганскую, чекистов Л. Файншмидта и Я. Фрида, рабочего-коммуниста З. Песина и др. Кроме того, мятежники убили в городе комиссара 67-го полка Сундукова, заведующего отделом Центропечати Я. Фишбейна, коммунистов И. Ратнера, Грозного, Бочкина, Гертнера, Копильницкого, Каменко; 9 убитых остались неопознанными.

Из Гомеля стрекопытовцы отступили к Речице. Вскоре Красная Армия окончательно разгромила их. Часть мятежников и их главари (Стрекопытов, Степин и др.) бежали в Польшу, а оттуда перебрались в Эстонию. Там они вступили в армию Юденича, а после ее разгрома были интернированы. Ряд захваченных участников мятежа в Гомеле был предан суду.

11. Борьба с басмачеством [1]

Бежав из Коканда после разгрома «Кокандской автономии», вожак басмачей Иргаш обосновался неподалеку, в кишлаке Бечкир. Он превратил кишлак в крепость, перегруппировал здесь свои силы, устроил мастерские для изготовления боеприпасов, обложил окрестное население «налогами». Реакционное мусульманское духовенство, по старинным обычаям, с соблюдением религиозных церемоний, подняло этого разбойника «на белой кошме» как религиозного вождя, после чего он объявил себя «борцом за ислам», «защитником угнетенных», присвоил себе титул «амири муслимин» — «верховного предводителя воинства ислама» — и начал «священную войну» против Советской власти.

Со всех сторон к нему стекались люди, которые становились басмачами.

---

[1] Название движения происходит от тюркского слова «басмак» — нападать, налетать.

Распространение басмачества объяснялось тем, что их ряды пополнялись малосознательными дехканами, находившимися под влиянием духовенства и баев. Это были люди, недовольные хозяйственными и политическими мероприятиями, проводимыми советскими органами,— запрещением торговли на базарах, монополизацией и конфискацией хлопка и т. п. Коренное население Туркестана нередко возмущалось также неправильным поведением некоторых представителей местных советских органов, в которые на первых порах проникали старые чиновники и другие лица, не изжившие еще колонизаторских привычек. Используя это недовольство, реакционное духовенство, возглавляемое панисламистской организацией «Улема», буржуазные националисты из пантюркистской организации «Иттихад ва таракки» («Единение и прогресс») и другие поднимали дехкан на борьбу под флагом «защиты ислама», «туркестанской автономии», «независимости» и подстрекали их к вступлению в отряды «борца за ислам» — Иргаша. Басмачей пытались превратить в политическую силу, направленную против рабоче-крестьянской власти.

В 1918—1919 гг. центральное Советское правительство из-за военных действий с дутовскими бандами было практически лишено возможности непосредственно руководить советским строительством в Туркестане. Средством связи центра с краем были только телеграф и радио. Тем не менее правительство неоднократно указывало туркестанским работникам на необходимость установления правильных отношений с местным мусульманским населением. В телеграмме, посланной в апреле 1918 г. Народным комиссариатом по делам национальностей в Туркестан, говорилось: «Не отрицание автономии, а признание ее является очередной задачей Советской власти. Необходимо только автономию эту построить на базисе Советов на местах. Только таким путем может стать власть народной и родной для масс» [1]. На основе этих указаний V краевой съезд Советов, проходивший в апреле — мае 1918 г., провозгласил автономию Туркестана в составе РСФСР.

В органы краевой и местной власти стали привлекаться в большем, чем ранее, количестве местные кадры, постепенно исправлялись и ошибки хозяйственного порядка.

Принципиальные основы политики Советской власти в отношении местных национальностей были сформулированы в ра-

---

[1] *А. Коканбаев.* Борьба с басмачеством и упрочение Советской власти в Фергане. Ташкент, 1958, стр. 29.

диограмме ЦК РКП (б) от 12 июля 1919 г. на имя ЦИК Туркестанской республики и краевого комитета Коммунистической партии: «Необходимо широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями. Прекратить реквизицию мусульманского имущества без согласия краевых мусульманских организаций, избегать всяких трений, создающих антагонизм» [1].

Между тем буржуазно-националистические элементы туркестанской реакции при поддержке международного империализма развертывали свою преступную работу все шире, ввергая отдельные слои населения края в кровавую борьбу с Советской властью.

Басмаческий вожак Иргаш постепенно захватил власть в сельской местности вокруг Коканда. Он совершал налеты на кишлаки, на русские селения, нападал и на небольшие отряды красноармейцев, обычно легко уходя от преследования.

В 1918—1919 гг. в Фергане помимо банды Иргаша действовало еще около 40 банд (наиболее крупные из них Хал-ходжи, Махкам-ходжи, Рахманкула, Аман Палвана, Муэтдина). Вскоре среди басмачей выдвинулся Мадамин-бек (его полное имя — Мухамед-Амин-бек Ахметбеков), ранее служивший начальником уездной советской милиции в Маргелане. Летом 1918 г. он создал из подчиненных ему милиционеров-узбеков отряд басмачей. Поначалу тесно сотрудничая с Иргашем, Мадамин-бек после нескольких ссор отделился и начал самостоятельные действия. Замыслив стать во главе басмаческого движения в Фергане, он ввел в отряде строгую дисциплину. К нему потянулись и русские белогвардейцы, которых тот не только охотно принимал, но и назначал на командные посты.

В ноябре 1918 г. Мадамин-бек вместе со своим подручным, отчаянным головорезом и грабителем Хал-ходжой, повел свой отряд, в 500—700 человек, на русские поселки Благовещенское и Спасское, сея смерть и грабя поселенцев. Эти кровавые рейды вызвали стихийное движение крестьянской самообороны. В Благовещенском и Спасском возник отряд самообороны в 60 человек. Красноармейцы дали крестьянам несколько винтовок. Этим было положено начало организации «крестьянской армии».

---

[1] *А. И. Зевелев.* Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959, стр. 405.

Туркестанские власти, испытывая недостаток вооруженных сил, решили легализовать самооборону и предложили населению русских поселков «сорганизоваться в правильные отряды и избрать штаб».

Так в конце 1918 г. официально была учреждена добровольная «крестьянская армия Ферганы». Ее задачей была защита от нападений басмачей.

«Крестьянская армия» строилась по территориальному принципу и включала в свой состав всех мужчин поселков в возрасте от 17 до 50 лет. Подчиняясь командующему Ферганским фронтом, получая от него вооружение и боеприпасы, «крестьянская армия» вместе с тем пользовалась значительной автономией. Ее командиры избирались; управлял армией выборный военный совет, в состав которого в качестве обязательного члена входил военком города Джалял-Абада.

Легализовав «крестьянскую армию», местные власти, несомненно, допустили ошибку. Подавляющее большинство ее участников являлись переселенцами, в свое время помещенными царским правительством на отобранных у туземного населения землях и превратившимися в кулаков. Хотя они и объявили себя сторонниками Советской власти, в силу своей социальной природы эти кулаки не были и не могли быть последовательными союзниками государства диктатуры пролетариата. Отряды «крестьянской армии» нередко притесняли и грабили коренное население. Такие действия усиливали недовольство местного населения, которое отождествляло ее с Красной Армией.

С введением на территории Туркестана экономической политики «военного коммунизма», затронувшей непосредственные интересы крестьянства, население русских поселков, в первую очередь кулачество, стало проявлять недовольство Советской властью. «Крестьянская армия» превратилась во враждебную силу, находившуюся в распоряжении кулацких заправил.

В мае 1919 г. «военный совет крестьянской армии» избрал командующим К. И. Монстрова, в прошлом конторского служащего, подрядчика, а с 1914 г. владельца земельного надела в Джалял-Абадском районе: он быстро пошел по антисоветскому пути. Тогда-то Мадамин-бек, прежде грабивший крестьянское население русских поселков, решил сговориться с кулацкой частью русской «крестьянской армии» для совместной борьбы против Советской власти и начал активно действовать в этом направлении. Несомненно, такой поворот был подсказан Мадамин-беку русскими белогвардейцами, с которыми он был связан. Монстров пошел навстречу Мадамин-беку.

25 июня 1919 г. состоялась их первая встреча, 10 июля — вторая. Они заключили тайное соглашение, по которому Мадамин-бек обязался не нападать на русские поселки, а Монстров — до 10 сентября не принимать участия в военных действиях против басмачей. Тогда же они обсудили и планы совместного выступления против Советской власти.

Об антисоветских замыслах Монстрова уже давно догадывались. Советское военное командование решило ликвидировать и разоружить «крестьянскую армию». Но Монстрову путем хитрого лавирования, а иногда и бегства от красноармейских частей, высланных против него, до поры до времени удавалось избегать открытого конфликта и разоружения.

Летом 1919 г. в Туркестане была введена хлебная монополия и объявлена продовольственная разверстка. От так называемой «советской ориентации» кулаков ничего не осталось. Они решительно выступили против продразверстки. 22 августа «военный совет крестьянской армии» принял решение, ставшее платформой кулацкого выступления. В нем были выдвинуты следующие требования: «Отстранение и перевыборы всех Советов, исполкомов и комитетов — лиц администрации Туркестанской республики на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования с предоставлением мусульманам половины мест... Предоставление всем без исключения гражданам свободы труда, свободы торговли и передвижения и всех прочих гражданских свобод... упразднение Особого отдела, чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, политических комиссаров... Отмена хлебной монополии... Возвращение всех крестьян с политических фронтов в свои районы и др.» [1]. Эти требования кулаки грозили отстаивать «силой оружия». В сущности, это были обычные кулацкие требования ликвидации Советов и других органов диктатуры пролетариата, реставрации капиталистических отношений под видом восстановления свободы торговли. Своеобразие заключалось лишь в том, что кулацкие заправилы, являвшиеся, по сути, колонизаторскими элементами, попытались выступать не только от своего имени, но и от имени мусульманского населения.

На этом же заседании «военный совет крестьянской армии» поручил штабу выработать условия соединения с Мадамин-беком и просить того «представить данные о своей политической платформе». Мадамин-бек поспешил с ответом, в котором

---

[1] *П. Алексеенков.* Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927, стр. 52—53.

объявил, что он всецело присоединяется «к протоколу военного совета крестьянской армии от 22 августа 1919 г.». Свой ответ он подписал как «командующий Мусульманской белой гвардией» [1].

1 сентября между Мадамином и Монстровым был заключен формальный договор о совместных действиях.

Объединенная банда русских кулаков и басмачей выросла в значительную силу. Командовали ею русские белогвардейские офицеры (например, генерал Муханов), присоединившиеся к восстанию. Недаром эти силы пытался включить в общероссийское контрреволюционное движение и Колчак, присвоивший Мадамин-беку чин полковника.

Начав крупное наступление, мятежники на первых порах заняли город Джалял-Абад, превращенный ими в центр движения, захватили Ош и к 18 сентября окружили и осадили 20-тысячной армией город Андижан.

Однако союз между кулаками и басмачами оказался непрочным. Басмачи отказывались воевать вместе с русскими кулаками, которые раньше притесняли их. Русские крестьяне колебались и не хотели драться с русскими рабочими, защищавшими Советскую власть.

23 сентября, разбитые частями Красной Армии под Андижаном, первыми бежали с поля боя басмачи киргизского манапа Хал-ходжи. Это бегство повлекло за собою отступление всей кулацко-басмаческой армии. 26 сентября советские войска заняли город Ош, 30 сентября — центр кулацкого восстания Джалял-Абад. Русские крестьяне стали разбегаться из мятежной армии по домам. «Крестьянская армия» разваливалась.

Мадамин-бек открыто высказывал недоверие и сомнение в боеспособности русских крестьян. Он объявил Монстрову о намерении расторгнуть заключенный между ними договор. Хотя Мадамин-бек тут же взял обратно свои слова, все же в «союзе» между Монстровым и Мадамин-беком образовалась трещина.

В дело вмешались английские агенты, заинтересованные в сохранении «союза» и развитии антисоветского движения. Бывший царский посол в Кашгаре Успенский, действовавший по поручению англичан, предложил создать так называемое «Временное ферганское правительство» и активизировать вооруженную борьбу с Советской властью. Переговоры между Успенским, Монстровым и Мадамин-беком закончились решением создать «правительство». Главою нового «правительства» и главнокомандующим стал Мадамин-бек. Монстров теперь вынужден

---

[1] *П. Алексеенков.* Крестьянское восстание в Фергане, стр. 66—67.

был довольствоваться положением заместителя. В состав «правительства» были введены еще генерал Муханов (военный министр), бывший крупный торговец хлопком Хаким-джан Азизханов (министр финансов) и присяжный поверенный Ненсберг (министр внутренних дел и юстиции).

Начался второй тур кулацко-басмаческого движения. Теперь движение испытывало серьезный спад. Помимо уже указанных, причиной его стали и важные политические перемены, начавшиеся в Туркестане.

Осенью 1919 г. Красная Армия, разгромив банды Дутова, воссоединила Туркестанский край с центром. ЦК РКП(б) и Советское правительство получили наконец возможность непосредственно вмешаться в ход советского строительства в Туркестане.

8 октября 1919 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о создании Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (сокращенно Турккомиссии) в составе Ш. З. Элиавы (председатель), М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Ф. И. Голощекина, Я. Э. Рудзутака, Г. И. Бокия. Комиссия была уполномочена представлять ВЦИК и СНК в пределах Туркестана. Этой же комиссии ЦК РКП(б) поручил осуществлять «высший партийный контроль и руководство от имени ЦК».

В ноябре В. И. Ленин счел нужным лично обратиться к коммунистам Туркестана. «Установление правильных отношений с народами Туркестана,— писал он им в известном письме,— имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание,— приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана,— доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его,— с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от ВЦИК именно в этом духе» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 304.

V Туркестанская краевая конференция Коммунистической партии, состоявшаяся 20—27 ноября, ответила В. И. Ленину: «Приступая к исправлению ошибок прошлого, мы торжественно обещаем Вам, дорогой товарищ, точно руководствоваться всеми указаниями ЦК РКП(б), строго соблюдая все его директивы, и выполнить великое дело освобождения Востока от гнета империализма, как бы это трудно ни было и каких бы жертв и усилий это ни стоило. Лучшим доказательством нашего искреннего желания выполнить это великое дело является наше твердое решение провести в жизнь все резолюции, принятые на данной краевой конференции, в которых красной нитью проводятся принципы самоопределяющегося начала туземных народов, правильного разрешения вопросов нашей национальной политики и в основу которых положено стремление вызвать к деятельности угнетенное местное коренное население и дать ему полную возможность свободного развития и строительства своей жизни» [1].

Выполнение указаний Советского правительства по урегулированию отношений с коренным населением положительно сказалось на ходе борьбы с басмачеством.

Еще летом 1919 г. Туркестанский ЦИК объявил амнистию тем басмачам, которые добровольно прекратят бандитскую деятельность. Была создана Особая чрезвычайная комиссия ЦИК и СНК по борьбе с басмачеством (председателем ее был Сорокин), которая занялась проведением необходимых мер. Начался и процесс отрезвления среди басмачей. 31 января 1920 г. на сторону Советской власти перешли отряды Махкам-ходжи и Акбар Али в составе 600 вооруженных и 2 тыс. невооруженных басмачей, 2 февраля — отряд Парни численностью 3 тыс. человек. Иргаш был убит своими сторонниками.

Мадамин-бек прилагал отчаянные усилия, чтобы сохранить боеспособность своей банды и укрепить басмаческое движение. Как председатель «Временного ферганского правительства» он проводил разные «реформы» на занятой территории. В декабре 1919 г. к нему прибыла афганская делегация. Она пыталась примирить Мадамин-бека с другими главарями басмачества, не желавшими ему подчиняться, создать между ними согласие, обещала помощь деньгами и оружием. Но тщетно. Все более обострялись отношения между кулацкой русской частью антисоветского «воинства» и мусульманской.

[1] «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии». Сборник документов. Фрунзе, 1957, стр. 262—263.

Наконец Монстров понял бесперспективность антисоветской позиции и «союза» с басмачами и решил тайно вступить в переговоры с Советской властью. 13 января 1920 г. через своего представителя Петра Боцана он заявил о намерении перейти на сторону Советов. Советские военные власти потребовали от него полной капитуляции.

Узнав о намерениях Монстрова, Мадамин-бек в момент переговоров напал на его отряды. Монстров бежал. 17 января он явился в Джалял-Абад и капитулировал перед Советской властью, признав свою вину. Вслед за Монстровым из стана Мадамин-бека бежали и другие главари русских кулаков (Васильев, Боцан, Плотников и даже генерал Муханов). Они понесли заслуженное наказание по приговору революционного трибунала. Сдавшиеся рядовые отрядов Монстрова были амнистированы.

Ожесточенная борьба с бандами Мадамин-бека продолжалась до февраля 1920 г., когда наконец, потерпев решительное поражение в боях со 2-й Туркестанской советской стрелковой дивизией, он объявил о признании им Советской власти и в марте начал переговоры о сдаче. Реввоенсовет Ферганского фронта обещал, что его отряд в случае сдачи будет зачислен на советскую службу в качестве самостоятельной войсковой единицы, входящей в тюркскую бригаду. 6 марта об этом было заключено соответствующее письменное соглашение.

Мадамин-бек выполнил свои обязательства. Однако он не смог добиться, чтобы все подчиненные ему курбаши перешли на сторону Советской власти. Один из таких непримиримых, Курширмат, объединил недовольных басмачей и продолжал бандитскую деятельность. В мае 1920 г. Мадамин-бек вызвался склонить Курширмата к прекращению борьбы с Советской властью. Его командировали в расположение басмачей, в долину реки Исфайрам-Сай для переговоров с Курширматом. Последний внешне пошел навстречу Мадамин-беку, заманив его в ловушку. Когда отряд Мадамин-бека показался в Уч-Кургане, Курширмат напал на него и, захватив Мадамина, передал его вожаку киргизских басмачей Хал-ходже, личному врагу Мадамин-бека, который и отрубил беку голову.

События показали, однако, что и «советские басмачи» все же оставались басмачами. Многие из них использовали передышку для пополнения своих отрядов вооружением и боеприпасами за счет Красной Армии. Некоторые курбаши, став командирами советских частей, не подчинялись распоряжениям командования. Военные власти вынуждены были издать приказ о разоружении полков из бывших басмачей. Тогда большинство вожа-

ков басмачей бежали со своими отрядами в степи и присоединились к Куршермату и Халходже.

Теперь на первое место среди басмачей Ферганы стал Куршермат, получивший поддержку средствами и оружием от бухарского эмира Сейид-Алим-хана и представителей Англии. Куршермат объявил себя «командующим войсками ислама». Так началась новая вспышка басмаческого бандитизма.

Коммунистическая партия и Советское правительство принимали меры к налаживанию отношений с коренным мусульманским населением, от чего зависел и успех в борьбе с басмачами. 29 июня 1920 г. в решении «О задачах РКП(б) в Туркестане» Центральный Комитет, чтобы устранить национальное неравенство и искоренить феодально-патриархальные пережитки, предложил отнять у переселенцев киргизских районов все земли, запроектированные переселенческим управлением или самовольно захваченные поселенцами у киргизов, оставляя переселенцам участки в размере трудового надела; изъятые земли обратить в фонд наделения киргизских обществ, артелей и отдельных лиц; обеспечить землей безземельных дехкан; разбить все кулацкие организации, обезоружить кулаков и самыми решительными мерами лишить их возможности не только руководить, но и влиять на организацию местной власти и на местное строительство; выслать из Туркестана в российские концентрационные лагеря всех бывших чинов полиции, жандармерии, охранки, спекулянтов, бывших управляющих крупными российскими предприятиями, всех примазавшихся к партии, советским органам, Красной Армии и т. д.; в порядке перераспределения партийных сил откомандировать в распоряжение ЦК тех туркестанских коммунистов, которые заражены колонизаторством и национализмом; уравнять в продовольственном отношении коренное городское население с русским и принять меры к улучшению продовольственного положения дехкан; принять действенные меры к поддержке и развитию местной промышленности [1].

Выполняя эти решения, туркестанские власти в 1920—1921 гг. провели земельную реформу, в результате которой было ликвидировано 466 кулацких хозяйств, выселено и расселено свыше 8 тыс. переселенческих хозяйств, поступило в земельный фонд более 232 тыс. десятин земли, наделено землей около 13 тыс. хозяйств, в том числе почти 10 тыс. казахско-киргизских, немногим более 3 тыс. узбекских и 54 русских.

---

[1] См. *Ю. Алескеров.* Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959, стр. 179.

В сентябре 1920 г. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией Туркестанской республики объявила приказ о регистрации в органах ЧК всех бывших крупных чиновников, жандармов и полицейских царской администрации, владельцев крупных фабрик, заводов и торговых предприятий и других колонизаторских элементов. Во многих советских учреждениях чекисты выявили бывших жандармов, полицейских, агентов охранки. К началу 1921 г. из пределов Туркестана было выслано более 2 тыс. враждебных элементов.

Большую работу проводили туркестанские чекисты и по непосредственной борьбе с бандами басмачей. Они вели политическую работу по разложению басмачества, разведку о состоянии и местонахождении басмаческих банд, их составе и вооружении. Чекисты проникали в стан басмачей и добывали сведения, служившие ориентировкой для советского военного командования, вели контрразведывательную работу по поимке и обезвреживанию агентуры, способствовавшей басмачам в их преступной деятельности. Среди таких агентов были осведомители (главным образом муллы и торговцы), сообщавшие о передвижениях советских частей; скупщики оружия и боеприпасов (в их числе нередко попадались бывшие белогвардейские офицеры, служившие в советских военных учреждениях) и др.

И все же все эти меры не ликвидировали басмачества в 1920 г. Хозяйственные и политические мероприятия туркестанских советских органов, в значительной степени вытекавшие из общероссийской экономической политики «военного коммунизма» — продовольственная разверстка, запрещение частной торговли и особенно закрытие базаров, всеобщая трудовая повинность, введение светских школ взамен прежних религиозных, отмена религиозного суда,— воспринимались малосознательными массами коренного населения как посягательство на мусульманскую религию и обычаи. Население все еще находилось под влиянием феодально-байских элементов и духовенства.

Басмачи приносили огромный вред не только государству, но и непосредственно населению края. Только в 1920 г., по неполным данным, они сожгли 56 хлопкоочистительных заводов, около 153 тыс. пудов хлопка-сырца, 34,5 тыс. кип волокна, 17,5 тыс. пудов семян. В Ферганской области басмачи истребили из каждой сотни 84 лошади, 93 головы крупного рогатого скота и 90 голов мелкого скота [1].

[1] См. *К. Кулиев.* Борьба Коммунистической партии за упрочение Советской власти и осуществление национальной политики в Средней Азии. Ашхабад, 1956, стр. 50.

В обращении к мусульманскому населению Ферганской области командующий вооруженными силами Красной Армии, действовавшими против басмачей, М. В. Фрунзе писал: «Братья! Два слишним года льется кровь по всей Фергане, два с лишним года измученное население области не знает отдыха и не может спокойно трудиться; два с лишним года шайки басмачей терроризируют мирных жителей, угоняя их скот, забирая жен и сыновей, лишая последнего достояния. В результате их грабительских «подвигов» все население стонет, поля не обработаны, ибо их нечем пахать. Отцы и матери оплакивают тысячи погибших детей, все хозяйство прежде цветущего и богатого края — на краю полного уничтожения...

С этим пора кончить. Пора каленым железом выжечь язву басмачества и железной метлой вымести из края грабителей и бандитов. Отныне с басмачеством, как явным бичом народа, будет вестись беспощадная борьба. Это твердое решение Советской власти... Братья дехкане... поднимайтесь на борьбу с язвой жизни — басмачеством... Собирайтесь в дружную семью под красным знаменем Советской власти» [1].

Басмаческое движение серьезно пополнялось за счет кадров из Бухары и Хивы. Уже давно эти небольшие мусульманские государства, управляемые деспотичными правителями, подстрекаемые английскими империалистами, служили очагами антирусской и антисоветской деятельности, базой буржуазно-националистического движения в Туркестане.

Контрреволюционеры Средней Азии возлагали большие надежды на хивинского хана Асфендиара, имевшего крупные военные силы, которыми командовал один из вождей хивинских племен, Джунаид-хан. В конце 1918 г. Джунаид-хан совершил дворцовый переворот и стал диктатором Хивы. Он завязал связи с англичанами, с Деникиным и официально объявил войну Советской России. В ходе войны части Красной Армии разгромили войска Джунаида. Одновременно и хивинские народные массы восстали против деспотичного правителя. По просьбе руководителей хивинского революционного движения части Красной Армии 1 февраля 1920 г. вступили на территорию Хивы. Власть Джунаид-хана была ликвидирована. Народ Хивы провозгласил Хорезмскую Народную Советскую Республику, которая вошла в состав Туркестана. Джунаид-хан бежал в пески Кара-Кумов, организовал вооруженные отряды и вскоре начал войну, доби-

[1] «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии», стр. 308—309.

ваясь восстановления своей власти. Он контактировал свои действия с басмачами внутренней части Туркестана и совершал бандитские налеты на Хиву.

Подобный процесс происходил и в Бухаре. Подстрекаемый Англией и Афганистаном, бухарский эмир Сейид Алим-хан давно пытался выйти из-под влияния России. С установлением Советской власти Сейид Алим-хан начал подготовку к войне. Находившийся в Бухаре английский штаб снабжал бухарского эмира и басмачей внутреннего Туркестана оружием и боеприпасами.

В августе 1920 г. население Бухары, доведенное до отчаяния деспотизмом эмира, следуя примеру Советского Туркестана, подняло всеобщее восстание. С помощью Красной Армии, занявшей главную крепость эмирата — Старую Бухару, народ сверг эмира. 14 сентября 1920 г. образовалась Бухарская Народная Советская Республика, также вошедшая в состав Туркестана.

Бежавший эмир сколотил в Восточной Бухаре новые вооруженные силы, командовать которыми назначил одного из главарей разбойничьей шайки — бывшего эмирского офицера, бежавшего от смертного приговора за уголовные преступления, Ибрагим-бека. И снова началась война.

12. Контрреволюция в Семиречье

К неспокойным районам Туркестана в годы становления Советской власти относилась и Семиреченская область, в которой создалась весьма сложная обстановка.

Русские, казаки, кулаки-переселенцы, торговцы и чиновники составляли здесь с дореволюционных времен господствующий слой населения. Они принимали участие в усмирении коренного мусульманского населения, поднявшего восстание против колониального гнета царского режима в 1916 г., они рассчитывали и при Советской власти господствовать здесь и эксплуатировать коренное население, которое относилось к ним с ненавистью.

Наиболее организованной силой контрреволюции в Семиречье было реакционное казачество. Его верхушка, пользовавшаяся при царизме особыми привилегиями, пыталась и сейчас сохранить их и захватить власть в области. Реакционному казачеству оказывали сопротивление трудящиеся группы населения, в том числе и крестьянство, ставшее на сторону Советской власти. Однако в связи с недостаточным политическим расслоением

значительное влияние среди крестьянства имело тогда кулачество, которое, в сущности, лишь конкурировало с казаками из-за земель, отобранных у коренного населения. Нередко кулаки поддерживали реакционных казаков и их контрреволюционные выступления. Так, например, когда в ночь на 26 июля 1919 г. казачьи банды заняли ряд «старожильческих» богатых сел Пржевальского уезда, кулаки встречали казаков «хлебом-солью». Вместе с казаками окрестных станиц в выступлении участвовали кулаки селений Михайловское, Семеновское, Преображенское, Покровское. Только крестьяне-бедняки организовали оборону. Три дня бушевали взбунтовавшиеся казаки. Когда мятеж был подавлен, казаки бежали на китайскую территорию, туда же ушли и многие кулаки.

В 1920 г. в результате ликвидации Семиреченского фронта в области появились белогвардейские офицеры и казаки из разгромленных белогвардейских армий. Приказом Реввоенсовета Туркестанского фронта всем им была гарантирована «полная безопасность, забвение прежних вин». Среди них оказалось, однако, немало нераскаявшихся врагов Советской власти, которые, воспользовавшись амнистией, втайне продолжали борьбу против рабоче-крестьянского строя. Кроме того, остатки банд Дутова, Анненкова и Бакича, осевшие на китайской территории в непосредственной близости от Семиречья, продолжали набеги через границу и засылали агентуру для подпольной работы. Все эти обстоятельства осложняли обстановку в Семиречье. Здесь возникали разнообразные антисоветские движения.

Одним из ярких проявлений существовавших в Семиречье противоречий был мятеж гарнизона столицы области — города Верного (ныне Алма-Ата), происшедший 12—19 июня 1920 г. Непосредственным поводом для событий послужило нежелание красноармейцев одного из батальонов 27-го полка выполнить приказ командующего Туркестанским фронтом и отправиться в Фергану для борьбы с басмачами. Крестьяне-семиреки, составлявшие большинство красноармейцев гарнизона, не желали уходить из родных мест.

На состоявшейся беседе с военным командованием 11 июня красноармейцы батальона предъявили требование, чтобы их немедленно вооружили (они прибыли из Джаркента безоружными), выразили недовольство тем, что командование формирует и вооружает мусульманские части, оставляя их на месте, и в то же время будто бы обезоруживает воинские части, состоящие из местных крестьян, намереваясь отправить их за пределы Семиречья. Они резко критиковали деятельность местных органов

Советской власти и выражали недовольство хлебной монополией.

В ночь на 12 июня красноармейцы этого батальона начали мятеж, к которому присоединились другие части гарнизона и милиция города. Мятежники заняли крепость и образовали так называемый «временный областной военно-революционный совет» (или, как его еще называли, «боевой совет»), который объявил, что принимает на себя всю полноту власти в области. Главою «боевого совета» мятежники избрали начальника милиции города, предателя Георгия Чеусова.

В первом «приказе» от 12 июня «временный областной военно-революционный совет», не раскрывая до конца своих замыслов, сообщил, что его целью являются «улучшение быта защитников Советской власти» и предотвращение возможных конфликтов среди трудящихся масс и в красноармейских частях [1]. «Боевой совет» даже предложил уездному комитету Коммунистической партии выделить четырех своих представителей в состав «боевого совета».

Тем временем мятежные толпы разгромили Особый отдел, разогнали его работников, вынудив их бежать в горы, освободили арестованных и грозили разгромить все советские учреждения. К мятежникам стали стекаться крестьяне окрестных русских поселений.

«Боевой совет» фактически захватил власть в городе. Он сместил всех начальников и командиров красноармейских частей, назначив на их посты других. «Командующим войсками Семиреченской области» стал некто Петров, «политическим военным комиссаром» — Чернов, начальником штаба войск — Бороздин.

Всю тяжесть борьбы с мятежом пришлось вынести небольшой группе большевиков и реввоенсовету дивизии во главе с комиссаром Д. А. Фурмановым и начальником дивизии И. П. Беловым (тем самым, который, будучи комендантом Ташкентской крепости, героически проявил себя в дни январского мятежа 1919 г.).

Д. А. Фурманов впоследствии описал эти события в своей документальной повести «Мятеж». Не имея достаточно сил, чтобы немедленно подавить антисоветское движение, большевики вступили в переговоры с мятежниками. «До прихода подмоги,— писал Д. А. Фурманов,— нам неизбежно приходилось ве-

[1] Полный текст заявления приведен Д. А. Фурмановым в его повести «Мятеж» (М., 1925, стр. 184—185).

сти политику лавирования, всяческих уговоров и переговоров и до поры до времени идти на всевозможные компромиссы. Необходимо было выиграть время до подхода вооруженных частей...» [1]

Среди требований мятежников, сформулированных в 12 пунктах и предъявленных гарнизоном военному командованию, были и такие, которые на первый взгляд могли показаться революционными. Но они были лишь ширмой. Выдвигая их, мятежники пытались обмануть красноармейцев, вовлечь их в водоворот событий. Вот некоторые из этих требований: немедленно снять со всех ответственных постов бывших офицеров и анненковских перебежчиков; снабдить крестьянство Семиречья оружием для защиты от казаков и киргизов (это требование означало вооружение кулацких элементов русских поселков); улучшить снабжение красноармейцев обмундированием; улучшить питание красноармейцев и больных, содержащихся в госпиталях; пересмотреть дела всех арестованных Особым отделом и революционными трибуналами; приступить к организации на местах выборной Советской власти (этот пункт был направлен против назначенных центральной властью ревкомов на местах и имел целью передать власть в руки местных кулаков).

Описывая обстановку митинга, на котором были выдвинуты эти требования, Д. А. Фурманов писал: «Митинг состоялся внутри крепости, где теперь уже нашли приют все обиженные и почему-либо недовольные Советской властью: тут были и пострадавшие от карательной политики революционных органов, и беженцы Лепсинского уезда, настойчиво требовавшие возмещения полностью убытков, которые принесла им война с Анненковым; были тут просто бежавшие и выпущенные из тюрьмы; были кулачки ближайших, а может быть, уже и отдаленных сел, приехавшие или за оружием, или с жалобами в крепость... Словом, горючего элемента тут была целая уйма». Толпа, подогреваемая мятежниками, бурно обсуждала свои требования. «И все-таки,— продолжает Д. Фурманов,— более чем на час нам удалось овладеть этой неспокойной и мятежной аудиторией... Увидев, что аудитория слушает... главари крепости вдруг устроили ложную тревогу, объявили о каких-то мусульманских отрядах, появившихся на окраинах города, о броневиках и т. д. Митинг был сорван.

Через несколько минут нас пригласили на объединенное заседание с боевым ревкомом в особое помещение. Там для

---

[1] *Д. Фурманов.* Мятеж в Верном 12—19 июня 1920 г.— «Пролетарская революция», 1923, № 11, стр. 77.

проформы минут 10—15 они несли разную ахинею, а затем явились два молодца (Вуйчич и Технорядов) и объявили нас арестованными «от лица всех красноармейцев»»[1].

Вскоре мятежники привели арестованных на заседание «боевого совета» для обсуждения своих требований. С большим трудом Фурманову удалось успокоить взбудораженных контрреволюционной агитацией солдат.

О событиях в городе Фурманов сообщил Реввоенсовету фронта. В ответ командующий фронтом М. В. Фрунзе дал указание рассмотреть требования гарнизона и устранить ошибки, допущенные местными органами власти. В частности, было предложено выслать из Семиречья бывших анненковцев. Вместе с тем Фрунзе приказал объявить красноармейцам, что в случае невыполнения данных им распоряжений (о переброске частей гарнизона в Фергану и др.) никаких разговоров с ними не будет, и категорически потребовал подчинения центру.

Выполняя указания Реввоенсовета фронта, Д. Фурманову и его товарищам удалось достичь некоего компромисса. Решено было включить в состав военного совета и в облревком представителей, избранных красноармейцами на митинге. Д. Фурманов сообщил Реввоенсовету:

«...Можете себе представить, что значит заставить пятитысячную массу крепости (не только гарнизон, но и полевые части),— массу, страшно взволнованную и требующую оставления своей крепостной власти,— убедить в необходимости подчинения приказу центра! Сегодня, 15 июня, в 10 часов утра мы открыли в крепости общее собрание, длившееся целых шесть часов; налицо имелось двенадцать волнующих массу вопросов... Докладчиком по всем этим вопросам пришлось выступать мне. Одно время раздавались настойчивые требования о нашем аресте и расправе. В конце концов принято голосованием подчинение центру и согласие от каждой роты выбрать по пять человек представителей, которые сегодня в 6 часов собираются в советском театре,— из них будут выбраны добавочные члены в военсовет и в облревком. Как пройдут выборы и состоятся ли они [трудно сказать], так как настроение крепости весьма изменчиво... Город оцеплен патрулями».

Позднее, после митинга, Д. А. Фурманов секретно телеграфировал Реввоенсовету: «Положение считать спокойным не следует. Мы добились главного: вывести части из крепости и

---

[1] *Д. Фурманов.* Мятеж в Верном 12—19 июня 1920 г.— «Пролетарская революция», 1923, № 11, стр. 81—82.

разрядить атмосферу, но волнение не улеглось, и оно будет прогрессивно нарастать по мере приближения срока переброски войск в центр. Семиреки определенно не хотят уходить из Семиречья и подыскивают всякие поводы, чтобы остаться или задержаться здесь. Они затягивают время в надежде на подход других частей, чтобы совместно с ними поднять еще более жестокую бурю. Во главе движения стоят уголовные и политические преступники, пострадавшие от карательных органов. Этим в значительной степени и объясняется... ненависть к Особому отделу и трибуналу. В данное время положение таково: нам удалось привлечь на свою сторону комсостав, который сегодня на своем заседании высказал полную солидарность со всеми нашими взглядами... Общее направление наше сводится к тому, чтобы не было крови, так как это может повести здесь, с одной стороны, к открытию фронта и, с другой,— к мусульманской резне».

Дальнейшие события показали, что враждебные силы продолжали подрывную деятельность среди гарнизона. Когда начавшему мятеж батальону 27-го полка приказали 20 июня выступить из Верного в Ташкент, он вновь взбунтовался.

18 июня Фурманов тревожно сообщил в Реввоенсовет: «Сейчас на собрании батальона определили, что он выступать не хочет из Семиречья, требует, чтобы его оставили до прихода других полков, с которыми он хочет о чем-то поговорить. Ясно, что он хочет спровоцировать, поднять бунт, убрать центровиков и остаться в Семиречье. Нас, человек восемь ответственных работников, постановлено сегодня ночью расстрелять и снова занять крепость. Сведения мы получили секретно. Мы... немедленно выезжаем к 4-му полку, ибо дальнейшими разговорами ничего не сделаешь... Успокоение, как выяснилось теперь, было только поверхностное». Фурманов, Белов и несколько работников штаба ночью тайно покинули город и направились в 4-й кавалерийский полк, стоявший в 20 километрах. На следующий день полк двинулся в Верный.

Вот как описывал Д. А. Фурманов действия преданных революции кавалеристов: «Полк подошел к Верному и остановился, как было предположено, версты за 4. Часов в 8 вечера в город на разведку и для ловли разъездов мятежников был послан эскадрон текинцев... Текинцы, недолго думая, помчались прямо к казармам скандального батальона, окружили его, выгнали на волю опешивших бунтовщиков и тут же их обезоружили, отняв орудие, пять пулеметов и около 300 винтовок. Затем их, как баранов, погнали за город, навстречу уже двинувшемуся полку.

Мы вступали в Верный победителями. В скором времени обезоружены были и другие части, которые мы считали не особенно надежными (перебежчики 25-го полка, инженерная часть и др.). Так без единого выстрела и без капли крови был ликвидирован мятеж Верненского гарнизона» [1].

Большая часть главарей мятежа была арестована.

В августе 1920 г. выездная сессия революционного военного трибунала Туркестанского фронта в г. Верном рассмотрела дело об арестованных мятежниках и их пособниках. Чеусов, Вуйчич, Технорядов и некоторые другие были приговорены к расстрелу, а остальные к разным срокам заключения. Наказали также предателей из числа служащих советского аппарата города.

После верненских событий партийные и советские учреждения Туркестана приняли ряд политических, хозяйственных и административных мер для улучшения обстановки в Семиречье. Кулаков русских поселений обезоружили и отняли у них земли, захваченные у коренного населения, многие колонизаторские и контрреволюционные элементы были высланы из Туркестана, укрепили органы государственной безопасности.

Усилиями чекистов в 1920 г. было раскрыто и ликвидировано несколько белогвардейских групп.

Одну из таких групп возглавлял бывший помещик Казанской губернии полковник царской армии Л. В. Молостов. Незадолго до разгрома банды Анненкова, в которой он служил командиром бригады, Молостов, будучи завербованным английской разведкой, по ее заданию покинул банду и появился в Верном. Там, скрыв свое прошлое, он поступил на советскую службу в качестве заведующего государственными конюшнями. Вскоре он сколотил антисоветскую группу из бывших офицеров и приступил к подрывной деятельности. Каждый член группы, проникнув на работу в советское учреждение, должен был всячески дезорганизовывать работу учреждения, распространять клеветнические измышления, дискредитирующие Советскую власть, вызывать недовольство населения. Таким путем группа готовила подходящую почву для вовлечения населения в антисоветскую работу. Молостов и члены его группы — Попков, Кубышкин и другие — по постановлению Семиреченской чрезвычайной комиссии были расстреляны.

Почти одновременно чекисты ликвидировали контрреволюционную организацию, созданную в районе озера Балхаш полковником Ниловым, направленным в 1919 г. Колчаком с группой

---

[1] «Пролетарская революция», 1923, № 11, стр. 95.

офицеров в Семиречье для подготовки восстания. В созданную Ниловым группу входили бывшие офицеры, жандармы, священники. Ниловскую организацию чекисты накрыли в момент собрания ее участников. Заговорщики оказали вооруженное сопротивление, трое из них были убиты во время перестрелки, а около 40 человек арестованы. Чекисты нашли склад оружия, боеприпасов и антисоветские листовки для распространения среди населения. Участники этой белогвардейской организации были сурово наказаны [1].

5 ноября 1920 г. красноармейцы 1-го батальона 5-го пограничного полка, несшего службу на границе с Китаем (провинция Синьцзян), во главе со своим командиром, бывшим царским офицером Д. Кирьяновым, оставили посты и под предлогом участия в праздновании Октябрьской революции направились в свои казармы, находившиеся неподалеку, в небольшом городке Нарын. Здесь заговорщики арестовали политработников батальона, разоружили небольшие подразделения местного гарнизона, тяжело ранили райвоенкома Копылова, произвели аресты среди партийных и советских работников города, убили председателя горкома партии Хакима Мусабекова, заведующего уездным политбюро по борьбе с контрреволюцией Сулеймана Оразбекова, выпустили на свободу и вооружили всех арестованных и вместе с городскими контрреволюционерами, участвовавшими в заговоре, захватили власть в городе. К мятежу примкнули местные баи. На следующий день мятежники объявили об открытии границы с Китаем и провозгласили лозунги: «Долой коммунистов», «Народная власть», «Свобода торговли».

Из Нарына мятежники двинулись на Пишпек и Токмак. Здесь их встретил советский полк особого назначения и 16 ноября разгромил. 19 ноября мятежники, разграбив город, бежали в Китай. 20 ноября Советская власть в Нарыне была восстановлена.

Произведенным Семиреченским отделом Чрезвычайной комиссии расследованием были установлены все обстоятельства мятежа. Как оказалось, мятеж подготовила контрреволюционная организация, возглавляемая белогвардейским офицером Демченко, амнистированным участником банд белогвардейского Семиреченского фронта. Прибыв в мае 1920 г. в Нарын, Демченко создал там подпольные группы в таможне, штабе 1-го батальона 5-го пограничного полка (в нее и входил упомянутый уже

---

[1] См. *Р. Арипов, Н. Мильштейн.* Из истории органов госбезопасности Узбекистана, стр. 105—107.

командир батальона Д. Кирьянов) и в других учреждениях. Организация была тесно связана с Дутовым, объединившим на китайской территории остатки разгромленных банд Семиреченского фронта и руководившим подпольной деятельностью вражеских групп на советской земле. Организация пыталась увязать свою деятельность с басмачами Ферганы. Выступление было предпринято заговорщиками преждевременно, без согласования с Дутовым и басмачами, так как руководители заговора опасались возможного ареста в связи с проходившей высылкой колонизаторских и антисоветских элементов. Все участники заговора и мятежа были арестованы и понесли заслуженное наказание.

Наиболее серьезной и опасной была офицерская белогвардейская организация, созданная в Верном амнистированными анненковскими офицерами группы Александрова. В нее входили Воронов, Покровский, Сергейчук, Кувшинов и казачий полковник Бойко. Все они устроились на работу в областной военкомат. К сентябрю 1920 г. эта организация сколотила антисоветские группы в ряде станиц области, вовлекая в них казаков и кулаков. В Б. Алма-Атинской станице группа состояла из 80 хорошо вооруженных участников, в Талгаре — из 250, в Надеждинской — из 200, в Тюргене (Михайловском) — из 80 и в Джаланаше — из 50 участников.

Заговорщики разработали план сосредоточения вооруженных групп и продвижения их к городу Верному. План был согласован с Дутовым и предусматривал взаимодействие с его бандами, которые должны были перейти китайскую границу и соединиться с мятежниками на советской территории. По плану, восставшие намеревались захватить крепость в Верном, разоружить воинские части, областную ЧК и Особый отдел. Внутри города уже действовали в этом направлении около 50 участников заговора, проникших на важные военные объекты (полевой и общий телеграф, радиостанция, облревком и некоторые воинские части).

Заговор был своевременно раскрыт. Чекисты получили данные о тайных сборищах у казаков станицы Надеждинской — Романа Шустова и Антона Есютина. Проследив за этими сборищами, сотрудники ЧК установили, что их посещает бывший полковник Бойко. Все это позволило ликвидировать организацию [1].

---

[1] См. *Р. Арипов, Н. Мильштейн.* Из истории органов госбезопасности Узбекистана, стр. 109—113.

13. Народное возмездие колчаковским главарям

В конце 1919 г. колчаковская армия потерпела сокрушительное поражение от Красной Армии и в результате народных восстаний на захваченных Колчаком территориях. Вот почему даже командование Чехословацкого корпуса, оказавшегося в Сибири по воле Антанты, сочло необходимым своевременно отмежеваться от колчаковщины. 13 ноября 1919 г. в меморандуме «союзным державам» генералы мятежного корпуса писали: «Под защитой чехословацких штыков местные военные русские органы (то есть колчаковские власти.— *Д. Г.*) позволяют себе такие дела, от которых весь цивилизованный мир придет в ужас. Выжигание деревень, убийства русских мирных граждан целыми сотнями, расстрел без суда людей исключительно только по подозрению в политической нелояльности составляют обычное явление, а ответственность за все это перед судом народов целого света падает на нас за то, что мы, располагая военною силою, не воспрепятствовали этому бесправию» [1].

...Среди чехословацких эшелонов уныло тащился специальный поезд, в котором находился Колчак со своими приближенными. За ним следовал состав с захваченным колчаковцами золотым запасом России.

4 января «верховный правитель» отрешился от власти и издал «указ» о назначении своим преемником еще не добитого Деникина, а до вступления последнего на этот «пост» приказал передать военную власть... бандитствующему атаману Семенову.

5 января в Иркутске произошло восстание, образовался эсеро-меньшевистский «Политический центр». Эшелоны чехословацких легионеров, под охраной которых находился Колчак, оказались отрезанными. Легионеры просили пропустить их во Владивосток. Командование 5-й армии согласилось на это при условии, что они разоружатся и выдадут Колчака. 6 января 1920 г. в Красноярске сдались в плен остатки колчаковской армии (20 тыс. человек). Остались лишь отдельные отряды, беспорядочно отступавшие в Забайкалье.

15 января чехословаки передали Колчака «Политцентру». 21 января власть в Иркутске перешла в руки образованного большевиками ревкома.

---

[1] Меморандум приведен в книге В. Г. Болдырева «Директория». Колчак. Интервенты», стр. 550.

22 января 1920 г. Военно-революционный комитет сообщил начальнику 30-й стрелковой дивизии А. Я. Лапину, которому были подчинены все партизанские части, действовавшие в районе Иркутска, что власть находится в руках ВРК, Колчак и Пепеляев — в тюрьме, золотой запас России, захваченный при задержании Колчака, перевозится в кладовые Госбанка.

Лапин приказал объявленного вне закона Колчака немедленно расстрелять. Однако Реввоенсовет 5-й армии приостановил исполнение этой меры. Тогда Лапин срочно телеграфировал председателю Иркутского ВРК: «Революционный совет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской Республики» [1].

Для расследования преступлений Колчака и членов его «правительства» еще «Политцентр» назначил Чрезвычайную следственную комиссию, в которую вошли большевик К. А. Попов, меньшевик В. П. Денике и правые эсеры Г. Г. Лукьянчиков и Н. А. Алексеевский. Военно-революционный комитет поставил во главе этой комиссии большевика С. Р. Чудновского. Следственная комиссия работала до 6 февраля 1920 г.

Председатель Иркутского военно-революционного комитета А. А. Ширямов впоследствии рассказывал: «С момента ареста Колчак содержался в Иркутской тюрьме под охраной надежного отряда. Созданная еще при «Политцентре» и реформированная нами следственная комиссия вела следствие и производила допросы Колчака и других членов правительства. Город был занят нами в момент, когда в нем скопилась масса контрреволюционных элементов — буржуазия, застрявшие офицеры колчаковской армии, десятки всевозможных учреждений, юнкера и пр. и пр. В дни боев многие припрятали оружие, и его часто находили при обысках, находили части пулеметов, пулеметные ленты, гранаты, винтовки и т. д. Появились черносотенные прокламации, восхвалявшие Колчака как мученика, призывающие стоять за него. Готовясь к бою, мы приняли все меры к предупреждению восстания у себя в тылу. Интернировали юнкеров, провели ряд арестов. В специальных приказах ревкома предупредили буржуазию и белогвардейщину, что в случае какой-либо попытки к восстанию пощады не будет никому. И все же

[1] «Военно-исторический журнал», 1964, № 4, стр. 126—127.

полной уверенности в том, что во время боя город останется спокойным, у нас не было. Организующим центром этого восстания, его лозунгом оставался по-прежнему Колчак. Председателю следственной комиссии т. Чудновскому было дано распоряжение иметь наготове надежный отряд, который, в случае боя на улицах, должен был взять Колчака из тюрьмы и увезти его из города в более безопасное место. Но числа 3 февраля следственная комиссия представила в ревком список человек на 18, роль которых в колчаковщине была достаточно выяснена. По мнению комиссии, они подлежали расстрелу. В числе их был и Колчак. Ревком выделил из списка только двух — Колчака и председателя совета министров Пепеляева. Все же в тот день вопрос о Колчаке был оставлен открытым; находившемуся в штабе 5-й армии т. Сурнову было по прямому проводу передано поручение выяснить, как отнесется Реввоенсовет к расстрелу Колчака...

Ответ т. Смирнова (председатель Реввоенсовета.— *Д. Г.*) указывал, что если парторганизация считает этот расстрел необходимым при создавшейся обстановке, то Реввоенсовет не будет возражать против него...» [1]

6 февраля 1920 г. Иркутский военно-революционный комитет принял следующее постановление: «Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и пр. и таинственное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения. По городу разбрасываются портреты Колчака и т. д.

С другой стороны, генерал Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего ответа упоминает о выдаче ему Колчака и его штаба.

Все эти данные заставляют признать, что в городе существует тайная организация, ставящая своею целью освобождение одного из тягчайших преступников против трудящихся — Колчака и его сподвижников. Восстание это, безусловно, обречено на полный неуспех, тем не менее может повлечь за собою еще ряд невинных жертв и вызвать стихийный взрыв мести со стороны возмущенных масс, не пожелающих допустить повторения такой попытки.

Обязанный предупредить эти бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны, а равно основываясь на данных следственного материала и постановлении Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федера-

---

[1] «Сибирские огни», 1924, № 4, стр. 137.

тивной Советской Республики, объявившего Колчака и его правительство вне закона, Иркутский военно-революционный комитет постановил:

1) бывшего верховного правителя — адмирала Колчака и

2) бывшего председателя совета министров — Пепеляева расстрелять.

Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв» [1].

7 февраля 1920 г. постановление Военно-революционного комитета было исполнено.

Иркутские революционные власти расстреляли Колчака и Пепеляева в момент, когда на остальной территории Советской России расстрел и смертная казнь, на основании постановления ВЦИК и СНК, не применялись. Этот расстрел следует рассматривать не как кару, а лишь как меру обороны, вызванную сложной военной обстановкой, создавшейся в то время в Иркутске. Ни один честный революционер не считал эту меру каким-либо нарушением. Одиозность фигуры Колчака и его председателя совета министров, их кровавые преступления против народа оправдывали этот акт.

С утверждением Советской власти в Сибири следственные органы полностью расследовали преступления, совершенные Колчаком и членами его «правительства». Были арестованы активный участник антисоветских движений на Юге и Востоке страны, один из организаторов «Национального центра», заместитель председателя колчаковского совета министров А. А. Червен-Водали, бывший меньшевик, министр труда в том же «правительстве» Л. И. Шумиловский, товарищ министра путей сообщения, доверенное лицо капиталистов А. М. Ларионов, директор бюро печати при «верховном правителе» кадет А. Клафтон, министр юстиции А. П. Морозов, товарищ министра профессор Новомбергский, министр просвещения Преображенский, товарищ министра финансов Хреновский, колчаковский государственный контролер Г. А. Краснов, товарищ министра иностранных дел монархист Жуковский, товарищ министра продовольствия Дмитриев и др. 23 активных деятеля колчаковщины в мае 1920 г. были преданы суду Чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском ревкоме. Они обвинялись: «1) в бунте и восстании, при помощи и поддержке иностранных правительств, против власти рабочих и крестьян с целью

---

[1] «Последние дни колчаковщины». Сборник документов. М.—Л., 1926, стр. 208.

восстановить старый строй; 2) в организации истребительной вооруженной борьбы против Советской власти; 3) в организации системы массовых и групповых убийств трудового населения; 4) в предательском призыве иностранных вооруженных сил против страны, к которой они принадлежали; 5) в организации массового разрушения достояния Советской республики и имущества трудового населения; 6) в расхищении и передаче иностранным правительствам достояния Советской республики».

В обвинительном акте по делу этих «министров» было сказано: «Необходимо отметить последние дни существования этой преступной шайки, именовавшей себя российским правительством. Здесь играли особую роль члены тройки, которым весь остальной «совет министров» поручил вести переговоры с свергавшим их трудовым народом. В числе членов этой тройки находился, помимо Ларионова, и член монархическо-шпионской организации «Национального центра» А. А. Червен-Водали, который пробрался через фронт от Деникина к Колчаку с тайными документами. ...Эта тройка от имени всего «совета министров» наподобие Гучкова и Шульгина, умолявших царя Николая отречься и передать власть Михаилу, умоляла Колчака отречься и передать «власть» Деникину, стремясь сохранить военные силы для продолжения нападения на рабочих и крестьян России. Эта тройка, действия которой одобрял весь «совет министров», всячески стремилась оттянуть переговоры, вызывая на помощь японцев и зверские банды Семенова. Этой тройке удалось перебросить на Восток значительные силы сычевских банд, которые и по сие время несут смерть и разрушения трудящимся массам на Дальнем Востоке. Эта тройка во время переговоров настоятельно требовала изменнической отправки золотого запаса иностранным правительствам, пропуска на Восток всех главарей бунтовщической шайки и всех вооруженных сил с целью, как они выражались, сохранения на Востоке противобольшевистского государственного центра, то есть с целью продления и сохранения того дела убийства и разрушения, которому они все время служили и от которого не собирались отказываться» [1].

Судебный процесс по этому делу начался 20 мая в Омске. Председателем Чрезвычайного революционного трибунала был И. П. Павлуновский, членами: В. М. Косарев, П. Е. Щетинкин,

---

[1] Обвинительный акт полностью приведен в сборнике «Колчаковщина» (Екатеринбург, 1924), стр. 146—161.

Байков и Е. М. Мамонтов. Обвинителем выступал профессор А. Г. Гойхбарг. Заседания проходили в железнодорожных мастерских города в присутствии свыше 8 тыс. рабочих, красноармейцев и делегатов районов, пострадавших от колчаковщины.

30 мая трибунал, признав, что подсудимые Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов и Клафтон сохранили связи, которые могут облегчить им повторение преступлений, приговорил их к расстрелу. Краснов, Грацианов, Степаненко, Морозов, Жуковский и Малиновский приговаривались к пожизненному лишению свободы с применением принудительных работ. Цеслинский, Палечек, Молодых, Дмитриев, Введенский, Василевский и Хреновский — к лишению свободы сроком на 10 лет. Преображенский, Новомбергский и Ячевский — к лишению свободы на все время гражданской войны, а Карликов и Третьяк — к условному лишению свободы сроком на 5 лет.

ВЦИК отклонил ходатайство о помиловании, и 23 июня приговор в отношении Червен-Водали, Шумиловского, Ларионова и Клафтона был приведен в исполнение.

Таково было народное возмездие главарям колчаковщины, одной из главных сил внутренней контрреволюции.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Антисоветский лагерь в конце гражданской войны

В ходе гражданской войны контрреволюция потерпела поражение как на внешних фронтах, так и в тылу. Огромные территории страны и населяющие их народы были освобождены от вооруженных сил внутренней контрреволюции, иностранных интервентов и включились в процесс социалистического строительства (Север России, Поволжье, Урал, Сибирь, Туркестан, Белоруссия, Украина, Северный Кавказ, Крым, Азербайджан). В конце гражданской войны Советская власть была установлена в Бухаре (сентябрь 1920 г.), Армении (2 декабря 1920 г.), Грузии (февраль 1921 г.), на Дальнем Востоке (16 ноября 1922 г.). Однако борьба на этом не закончилась.

Контрреволюционный лагерь в советском тылу к концу гражданской войны претерпел серьезные изменения. Часть активных контрреволюционеров была обезврежена, еще большая часть покинула страну. Белоэмигранты (за границей их насчитывалось около 2 млн.) представляли собой значительную силу, поддерживаемую международной буржуазией. Многие из них имели связи с правительственными кругами империалистических стран, а некоторые располагали и крупными средствами в иностранных банках.

На крайнем правом фланге белой эмиграции в конце 1920 г. и в 1921 г. стояли организации, сконцентрировавшиеся вокруг константинопольского центра монархистов (в который входили также реакционные церковники во главе с епископами Вениамином и Евлогием) и вокруг небезызвестного черносотенца, бывшего члена Государственной думы Маркова 2-го, издававшего в Берлине газету «Двуглавый орел». Бежавший с остатками своих войск барон Врангель пытался объединить и возгла-

вить эту монархистскую часть эмиграции. В этих целях он принял руководство антисоветским «Союзом освобождения России».

На правом фланге эмиграции находились и кадеты. Наиболее влиятельной была парижская группа, которая создала сьой комитет, в конце 1920 г. возглавлявшийся П. Н. Милюковым. Этот комитет выдвинул идею создания единого антибольшевистского фронта с «народными социалистами» и эсерами для продолжения борьбы с Советской властью. Парижская группа издавала газету «Общее дело», редактируемую В. Л. Бурцевым.

В Париже обосновался и Торгово-промышленный комитет, члены которого лишились своих предприятий в Советской стране и мечтали об их возвращении. За границей находились также многие деятели разгромленных в России контрреволюционных организаций «Национального» и «Тактического» центров. Широко были представлены в эмиграции и деятели так называемых «социалистических» партий.

Некоторые члены ЦК партии правых эсеров — А. Гоц, Д. Донской, Е. Тимофеев и другие — находились в Советской России и содержались в Бутырской тюрьме. Там они, используя льготные условия заключения (свободное передвижение в пределах тюрьмы, свидания и т. п.), вели переписку, устраивали заседания и пытались даже руководить из тюрьмы эсеровскими партийными организациями. Другие же члены ЦК партии (В. Чернов, А. Керенский, В. Сухомлин и др.) эмигрировали из России и образовали заграничную делегацию ЦК партии эсеров, которая издавала ряд газет («Революционная Россия», «За народное дело» — в Ревеле, «Воля России» — в Праге) и журналов.

Партия меньшевиков в Советской стране находилась на легальном положении. Вместе с тем она вела и нелегальную работу в крупных городах страны. Возглавляли партию члены ЦК, оставшиеся в Советской России (Ф. Дан и др.). Одновременно члены ЦК Л. Мартов, Р. Абрамович, П. Аксельрод, эмигрировавшие за границу, образовали в Берлине заграничную делегацию ЦК и издавали «Социалистический вестник», являвшийся центральным органом меньшевистской партии.

В эмиграции были и некоторые левые эсеры, а также самостоятельные, не связанные с основными политическими партиями антисоветские группы, и среди них организация Бориса Савинкова в Польше. Там же, в Польше, нашли себе пристанище эмигрантское петлюровское правительство, Белорусская рада,

объединения донского, кубанского, терского контрреволюционных казачеств.

Эмигрантские деятели создавали блоки, объединения для совместной борьбы с Советской властью и для представительства перед иностранными империалистическими державами. Таким, например, был существовавший в Париже с середины 1920 г. до апреля 1922 г. антисоветский «Административный центр», формально являвшийся внепартийной организацией, в которую входили эсеры, некоторые меньшевики и разные эмигранты. Учредителями «Административного центра» были эсеры Чернов, Керенский, Авксентьев, Зензинов. Этот «центр» пытался вести подрывную деятельность в Советской стране.

Таким образом, к концу гражданской войны наметилась тенденция перенести руководство антисоветской деятельностью с территории Советской страны в белоэмигрантские и связанные с ними иностранные империалистические круги. Многие из белоэмигрантских деятелей, ничему не научившиеся на уроках истории, продолжали мечтать о вооруженной борьбе с Советской властью, призывали к продолжению интервенции и к войне с Советами.

В конце 1920 г. органам ВЧК стало известно о террористических замыслах белой эмиграции. В опубликованном Советским правительством сообщении говорилось: «Ответственные органы Советской власти располагают достаточными доказательствами того, что различные белогвардейские организации (группа Савинкова, группа Чернова, группа «Национального» и «Тактического» центров, заграничные офицерские группы врангелевцев и пр.) не только сошлись на мысли о применении террористических мер против руководителей рабоче-крестьянской революции, но и предприняли уже ряд практических шагов во исполнение этого замысла. Созданы целые школы контрреволюционных террористов. Ряд агентов направлен через окраинные государства в Россию. Правительства Антанты открыли, разумеется, контрреволюционным убийцам широкий кредит. Жалким безумием является мысль опрокинуть путем отдельных убийств рабоче-крестьянскую власть после того, как она вышла победительницей из идейной, политической и военной борьбы. Но Советское правительство, уверенное в своей несокрушимости, далеко, однако, от мысли предоставлять контрреволюционным террористам, агентам Антанты, возможность снова вернуться к тому методу борьбы, который был ими применен в 1918 г. и вызвал в ответ суровый урок красного террора. Рабоче-крестьянское правительство имеет в своих руках достаточное

количество видных и ответственных контрреволюционных деятелей из лагеря всех перечисленных выше групп, и особенно из среды врангелевского офицерства. Рассматривая всех их, как связанных круговой порукой непримиримой кровавой борьбы против власти рабочих и крестьян, Советское правительство объявляет эсеров группы Савинкова, как и группы Чернова, белогвардейцев «Национального» и «Тактического» центров и офицеров-врангелевцев, заложниками. В случае покушения на вождей Советской России ответственные единомышленники организаторов покушения будут беспощадно истребляться. Социалистическая Республика, готовая ныне все свои силы, уменье, знания и весь свой энтузиазм перенести на дело мирного хозяйственного строительства, не вкладывает, однако, меча в ножны и готова в любой момент обрушить его на головы своих врагов, под каким бы знаменем они ни выступали и к каким бы методам ни прибегали» [1]. Суровое предупреждение Советского правительства произвело переполох в лагере внутренней контрреволюции и возымело свое действие.

Между тем Советская страна, приступившая по окончании гражданской войны к мирному строительству, испытывала большие трудности. Народное хозяйство было разрушено империалистической и гражданской войнами. В довершение ко всему летом 1921 г. страну постигло стихийное бедствие — неслыханная засуха опустошила поля плодороднейших районов, голод охватил миллионы людей.

Основные классы советского общества — рабочие и крестьяне — оказались в тяжелом положении. Рабочий класс, перенесший тяжесть империалистической и гражданской войн, хозяйственной разрухи, устал. Известная часть его деклассировалась, бросала заводы и фабрики, уходила в деревню. Нелегким было и положение крестьян, которые отдавали государству все излишки продуктов. Пока шла война с помещиками и капиталистами, крестьяне мирились с тяготами и суровыми мерами «военного коммунизма». Но после победы они хотели работать на полученной и отвоеванной земле, свободно распоряжаясь, как мелкие товаропроизводители, продуктами своего труда, продавая хлеб на рынке. Они стали выступать против продовольственной разверстки. В результате демобилизации армии в деревни и города возвратились сотни тысяч людей, которые не могли сразу получить работу. Это увеличило количество недовольного населения. В. И. Ленин говорил: «...В 1921 году, после того как мы преодо-

---

[1] «Известия ЦИК», 30 ноября 1920 г.

лели важнейший этап гражданской войны, и преодолели победоносно, мы наткнулись на большой,— я полагаю, на самый большой,— внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас» [1].

В конце 1920 г. и в 1921 г. по стране прокатились волны крестьянских выступлений, разлилась «мелкобуржуазная анархическая стихия». Участники движения выступали главным образом под флагом «беспартийности» и выдвигали требования: «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!», «Свобода для всех!», «Советы без большевиков!» Но, как известно из истории, мелкая буржуазия, колеблющаяся между пролетариатом и буржуазией, никогда самостоятельно не добивалась своих целей. В. И. Ленин говорил: «Мы знаем из своего собственного опыта — и подтверждение этого видим в развитии всех революций, если брать новую эпоху, скажем, сто пятьдесят лет, во всем мире,— что везде и всегда результат был именно такой: все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет» [2]. Проявления мелкобуржуазной стихии в Советской стране немедленно подхватывались всеми контрреволюционерами, которые пытались направить их в сторону реставрации буржуазного строя.

Особую предательскую роль в это время играли активизировавшиеся остатки эсеров и меньшевиков. Их агитация, приноровленная к настроениям недовольных крестьян и голодных рабочих, являлась одной из причин распространения волнений. В. И. Ленин называл их «шептунами» и давал такую оценку их деятельности: «...Когда мы говорим о шептунах эсерах и меньшевиках, то мы говорим о другом классе, говорим о тех, которые идут за буржуазией, о тех, которые пользуются всяким тяжелым положением, выпускают листки и говорят: «Смотрите, у вас отбирают триста пудов излишков, отдайте все, а получите только разноцветные бумажки». Что, мы не знаем таких шептунов? Из какого они класса? Это те же помещики, как бы они

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 282.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 136—137.

себя ни называли, эсерами, сторонниками свободы, народовластия, учредилки и т. д.» [1].

Весной 1921 г. в руках у ВЧК оказались архив и переписка членов ЦК партии правых эсеров. По этим документам, между прочим, было установлено, что ЦК партии правых эсеров дал директиву местным эсеровским организациям об использовании крестьянских, антисоветских движений в интересах своей партии. Так, например, выдвигая в директиве о тактике партии от 25 февраля 1921 г. лозунг «решительного преодоления большевистской диктатуры», лидеры эсеров давали указания своим организациям, чтобы они брали в свои руки руководство вооруженной борьбой на местах и содействовали созданию на «освобожденной» территории органов «демократической государственности» [2].

X совет партии эсеров, состоявшийся в августе 1921 г., прямо заявил: «Вопрос о революционном низвержении диктатуры Коммунистической партии со всей силой железной необходимости ставится в порядок дня, становится вопросом существования российской трудовой демократии» [3]. Эта резолюция знаменовала полный отказ эсеров от решений их февральской конференции 1919 г. и возвращение на позиции VIII совета партии эсеров (май 1918 г.) относительно вооруженной борьбы с Советской властью.

Меньшевики в острый и напряженный момент разгула мелкобуржуазной стихии резко усилили свою работу на предприятиях Москвы, Петрограда, Харькова и других городов. Перекрасившись в «беспартийных», они призывали рабочих к забастовкам и антисоветским выступлениям.

Таким образом, правые эсеры и меньшевики, участвуя в стихийных «беспартийных» выступлениях, вновь пытались стать во главе антисоветских движений. «Весенние события 1921 года,— писал В. И. Ленин,— показали еще раз роль эсеров и меньшевиков: они помогают колеблющейся мелкобуржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить «передвижку власти» в пользу капиталистов и помещиков. *Меньшевики и эсеры научились теперь перекрашиваться в «беспартийных»*... Такие люди помогают мятежам, помогают белогвардейщине» [4]. В другой ра-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 362.

[2] «Известия ВЦИК», 24 июля 1921 г.

[3] «Обвинительное заключение по делу членов Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 50—51.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 241.

боте В. И. Ленин, давая оценку позиции меньшевиков и эсеров в этот период, писал: «Как поступили социалисты-революционеры и меньшевики? Все время они колебались и этим усиливали буржуазию. Организация всех русских партий за границей показала, как обстоит сейчас дело. Умнейшие вожди русской крупной буржуазии сказали себе: «Мы не можем победить в России немедленно. Поэтому нашим лозунгом должно стать: «Советы без большевиков»»... Лозунг сейчас таков: борьба против большевиков какой угодно ценой, во что бы то ни стало. Вся буржуазия помогает теперь меньшевикам и социалистам-революционерам. Эсеры и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции...

Поэтому мы должны продолжать беспощадную борьбу против этих элементов» [1].

Тяжелое положение страны пытались использовать и «леваки»: левые эсеры и анархисты. Они участвовали в антисоветских выступлениях (например, в кронштадтском мятеже, в махновщине), своими дезорганизаторскими действиями осложняли трудности. Некоторые из них возрождали подпольные бандитские группы. Использовали трудности в стране и петлюровцы, и другие контрреволюционные националистические группы.

В самый острый момент разгула мелкобуржуазной стихии, учитывая положение страны, интересы и требования крестьян, а также потребности восстановления разоренного народного хозяйства, Ленин предложил заменить продовольственную разверстку натуральным продовольственным налогом, с тем чтобы брать у крестьян лишь часть излишков продовольствия, другую же часть оставлять в их распоряжении, разрешив свободно продавать ее на рынке. X съезд Коммунистической партии, состоявшийся 8—16 марта 1921 г., принял это предложение. Замена продразверстки продналогом и другие мероприятия новой экономической политики позволили Коммунистической партии и Советскому правительству преодолеть политический кризис и сыграли большую роль в стабилизации внутреннего положения в стране.

2. Разгул и крах мелкобуржуазной стихии

В то время, когда Советская страна переходила к новой экономической политике, в ряде мест продолжалось движение мелкобуржуазной стихии. Оно получило распространение на Там-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 53.

бовщине, в Сибири, на Украине, в Белоруссии, на Северном Кавказе и в других районах.

19 августа 1920 г. в селе Каменка Кирсановского уезда Тамбовской губернии подстрекаемые кулаками крестьяне отказались сдавать хлеб по продовольственной разверстке. Вскоре волнение охватило села Кирсановского, Тамбовского, Борисоглебского, Козловского, Моршанского уездов Тамбовской губернии и частично Воронежскую губернию. Оно быстро перерастало в открытое антисоветское выступление. Вначале во главе движения стояли местные крестьянские вожаки, затем к нему присоединился и возглавил его небезызвестный в Тамбовской губернии авантюрист А. С. Антонов, по имени которого все движение получило название антоновщины [1].

Антонов, происходивший из села Инжавино Кирсановского уезда, в свое время был эсером и отбывал при царизме наказание за экспроприации. После Февральской революции он служил в Кирсанове начальником уездной милиции, а в советское время, захватив в милиции оружие, со своими сподвижниками — милиционером П. Токмаковым и эсером И. Ишиным — сколотил шайку для борьбы с Советской властью. Он изображал себя «идейным противником» большевиков, но не был связан с какой-либо политической партией, а действовал на свой страх и риск методами бандитизма: нападал на сельские Советы, убивал коммунистов, продработников, грабил советские учреждения и хозяйства. Летом 1919 г. в банде Антонова насчитывалось свыше 150 дезертиров, кулаков, уголовников. Этот авантюрист, используя начавшиеся в Тамбовской губернии волнения, подчинил своему влиянию несознательные массы крестьян. В его банду стали вливаться наряду с кулаками, дезертирами, уголовниками и обманутые, недовольные продразверсткой крестьяне. В распоряжении Антонова оказалось большое количество вооруженных им людей.

Антонов разбил свое «войско» на две «армии», состоявшие из «полков». «Полки» он строил по территориальному принципу: каждый из них (Каменский, Семеновский, Верхнеценский) прикреплялся к определенному селу, которое должно было снабжать его фуражом, лошадьми и пополнять людьми. Для руководства движением он образовал «Главный оперативный штаб революционной народной армии», начальником которого стал сам, а для политической работы — губернский «Союз трудового

---

[1] В Воронежской губернии действовали кулацкие банды, подобные антоновским, под предводительством кулака И. С. Колесникова.

крестьянства», во главе которого поставил Токмакова и одного из инициаторов восстания в Каменке — Плужникова. «Союз трудового крестьянства» создавал свои ячейки во всех районах, охваченных восстанием.

Антоновское движение с самого начала носило кулацко-эсеровский характер. Стремясь втянуть в борьбу против Советской власти крестьянскую массу, эсеры еще весной 1920 г. по директивам своего ЦК создавали на Тамбовщине «Союзы трудового крестьянства». Они вооружили повстанцев лозунгами: «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!» Вместе с тем мятежники требовали создания «крестьянского государства» во главе с правительством из представителей антибольшевистских партий и союзов, иногда — созыва Учредительного собрания.

Центральные органы эсеровской партии отрицали свою связь с антоновщиной. Эсеры утверждали, что созданные ими в Тамбовской губернии «Союзы трудового крестьянства» не имели ничего общего с одноименными «союзами», образованными антоновцами. Они заявили, что районный комитет эсеровского «Союза трудового крестьянства» постановил воздержаться от участия в восстании, «но был втянут» в это движение. Позже, во время расследования дела членов ЦК партии правых эсеров, следственные органы сделали вполне обоснованный вывод о том, что партия социалистов-революционеров проводила предательскую политику как по отношению к Советской власти, так и по отношению к обманутым крестьянским массам. Во-первых, эсеры участвовали в работе по подготовке восстания, организовав «Союзы трудового крестьянства». Во-вторых, лозунги, с которыми шли повстанцы, являлись не чем иным, как безграмотным изложением обычных эсеровских лозунгов. И, в-третьих, движение, начатое эсерами, было брошено ими на произвол судьбы и отдано в руки «первого попавшегося проходимца» [1]. Верховный революционный трибунал в приговоре по делу правых эсеров отмечал, что тамбовская организация этой партии вместе с левыми эсерами уже в феврале — марте 1920 г. вела антисоветскую агитацию среди крестьян и организовывала их на борьбу за «отвоевание власти из рук Коммунистической партии в руки нового временного правительства». Официально партия эсеров не возглавила повстанческое движение, но это было результатом «политической двойственности, боязни взять на себя

[1] См. «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партий социалистов-революционеров...», стр. 42—43.

ответственность за движение, хотя и вызванное с.-р., но явно шедшее навстречу поражению»[1].

Антоновское движение, разрастаясь, все более приобретало характер политического бандитизма. Антоновцы зверски расправлялись с коммунистами, продработниками, советскими активистами, грабили советские хозяйства и учреждения. За время своего разгула они убили и замучили около 2 тыс. человек. Особенной жестокостью отличался один из друзей Антонова — известный уголовник «Васька Карась». Участник восстания старый эсер Подхватилин, разочаровавшийся в «движении» и добровольно сдавшийся советским властям, говорил: «Заговорщики и главари бандитизма — это люди в большинстве своем полуграмотные, крайне грубые и невежественные... Большинство руководителей выпущенной программы восстания не понимает... Они не придерживались ее в своей работе и действиях. Грабеж, пьянство, насилие, безразборчивые убийства и расстрелы тружеников — вот, по существу, их «программа»»[2].

В марте 1921 г. для борьбы с антоновщиной была назначена полномочная комиссия ВЦИК под председательством В. А. Антонова-Овсеенко. Комиссия провела среди крестьян большую разъяснительную и политическую работу. Специальным постановлением правительства Тамбовская губерния была освобождена от выполнения плана продовольственной разверстки. Все это положительно повлияло на крестьян, которые стали отходить от Антонова. В дни объявленного двухнедельника (с 21 марта по 5 апреля) добровольной явки с повинной в Борисоглебском уезде, например, пришли 3 тыс. человек. Все участники движения, покинувшие Антонова, были освобождены от ответственности за участие в восстании. В дальнейшем крестьяне, понявшие, что антоновцы их обманывали, и осознавшие ошибочность своего поведения, дружно помогали Красной Армии вылавливать бандитов.

Ликвидацию бандитизма Советское правительство возложило на войска под командованием М. Н. Тухачевского. Большое участие в этом приняли и органы Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Чекистам удалось проникнуть в логово антоновщины, выяснить, кто именно играет в нем руководящую роль, и арестовать ряд его главарей. Бывший работник Тамбовского губкома

---

[1] «Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии эсеров», стр. 6—7.

[2] «Тамбовская правда», 2 июля 1922 г.

партии Б. Васильев, принимавший участие в борьбе с мятежниками, впоследствии рассказывал: «Антоновский главный оперативный штаб и волостные повстанческие организации получали из Тамбова весьма точные сведения о состоянии и передвижениях Красной Армии. Из Тамбова же приходили в деревню политические директивы повстанцам и призывы — не падать духом, так как «помощь близка», «в Москве и Питере власть большевиков уже свергнута» и т. п.»[1] Чекисты обнаружили авторов этих директив. Разведывательной организацией антоновцев заправлял кадет, присяжный поверенный, бывший крупный помещик Д. Ф. Федоров, устроившийся в Тамбове под видом представителя петроградской конторы по закупке лошадей. Федоров старательно скрывал от повстанцев свое прошлое и партийную принадлежность. Для них он был эсер — «товарищ Горский». А исподволь, втайне Федоров пытался направить антоновское движение в кадетское «русло» и искал для этого связи с центром кадетской партии через известного ему члена ЦК партии кадетов крупного тамбовского землевладельца Н. М. Кишкина.

Посланный чекистами разведчик (это был, как стало недавно известно, бывший эсер Е. Ф. Муравьев) сыграл роль «члена ЦК эсеровской партии», связался с главарями антоновщины и направил видных антоновцев — Н. Я. Герасева («Донского»), И. Ишина, Эктова и Д. Ф. Федорова — в Москву «для связи с ЦК эсеровской партии». Муравьев дал им адрес «конспиративной квартиры», в которой в действительности находились вовсе не эсеры, а чекисты. Попавшие таким образом «в ловушку», антоновцы были арестованы[2].

Уже упоминавшийся Б. Васильев рассказывал, что антоновцы «были по чекистской явке вместо ЦК эсеровской партии направлены на конспиративную квартиру ВЧК, где они и рассказали мнимым эсеровским центрам подробности всех своих планов дальнейшей борьбы с Советской властью. Не надо объяснять, что агенты ВЧК очень хорошо и подробно развили эти планы в сторону самой основательной ликвидации верхушки бандитского движения... Когда Чека, которая оказалась хитрее хитрого Федорова, поймав его наконец в одну из его поездок в Москву, показала арестованным бандитским главарям истинную ка-

---

[1] «Антоновщина». Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии, стр. 14—15.

[2] См. сообщение ВЧК, опубликованное в «Известиях ВЦИК» 8 сентября 1921 г.; воспоминания Е. Муравьева «Полтора месяца в стане антоновцев».— В сб. «Особое задание». М., 1968, стр. 212—254.

детскую физиономию называющего себя товарищем Горским, те не только наплевали на эту физиономию, но резко и решительно порвали с бандитским движением» [1].

В мае 1921 г. части Красной Армии, среди которых особенно отличилась кавалерийская бригада Г. И. Котовского, начали решительное наступление на антоновцев. В боях с 29 мая по 7 июня была разбита и перестала существовать так называемая «первая армия» Антонова. Антонов со своим братом и группой бандитов в 10—15 человек бежал. Была разгромлена и «вторая армия» под командованием некоего Богуславского. Долго еще потом местные власти вылавливали остатки банды — мелкие уголовные шайки, которые грабили окрестное население. Через год, 24 июня 1922 г., в селе Нижний Шибрей Борисоглебского уезда отряду Тамбовской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией удалось выследить Антонова, укрывавшегося вместе с братом в избе Н. И. Катанасовой. Антоновы оказали сопротивление и оба были убиты в перестрелке. Крестьяне благодарили чекистов за избавление от бандитов.

Одновременно с антоновщиной происходили крестьянские выступления в Западной Сибири.

31 января 1921 г. в северных волостях Ишимского уезда Тюменской губернии и в районе Усть-Ишима (на границе Тобольского и Тарского уездов) также начались антисоветские выступления. Вскоре весь север Ишимского уезда был охвачен восстанием, которое стало распространяться на соседние уезды. К середине февраля оно охватило все уезды Тюменской губернии, а также прилегающие Петропавловский уезд Омской губернии, Курганский уезд Челябинской губернии, Камышловский и Шадринский уезды Екатеринбургской губернии. Незадолго до восстания кое-где в этих местах происходили так называемые «женские волынки». В Белозерской, Иковской, Падеринской и Усть-Суерской волостях Курганского уезда женщины собирались у сельских Советов и требовали прекращения изъятия хлеба по продовольственной разверстке. Они задерживали подводы с хлебом, направлявшиеся в город, ссыпали хлеб в сельские амбары и кричали: «Долой продразверстку!» Когда их пытались успокоить, выдвигали вперед детей. Было ясно, что «женские волынки» искусно направлялись вражеской рукой. Затем они сменились кровавыми выступлениями.

---

[1] «Антоновщина». Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии, стр. 16, 15.

Повстанцы перерезали железнодорожный путь, связывающий Сибирь с Центральной Россией, прервали доставку хлеба в голодные районы страны, захватили ряд городов Западной Сибири, в том числе Ишим, Петропавловск, Тобольск, Березово, Обдорск, Барабинск, Каинск, и подошли на 4—8 километров к Тюмени.

Антисоветские восстания в Западной Сибири имели свои особенности по сравнению с другими антисоветскими крестьянскими выступлениями 1921 г. В Сибири удельный вес кулацкой прослойки был самый высокий в стране: кулацкие хозяйства составляли в 1920 г. 13,8% всех крестьянских хозяйств и засевали 36,8% общей посевной площади. Середняки также находились в более выгодном положении, чем в Центральной России: в 1920 г. они засевали 44,8% всех посевных площадей и производили более $^{2}/_{3}$ товарного хлеба. В деревнях и городах Сибири еще и в 1921 г. сказывалось влияние дореволюционных купцов и промышленников. Здесь нашли приют белогвардейские офицеры, оставшиеся после разгрома колчаковской армии. Поэтому в Сибири имелось достаточно горючего материала, готового к антисоветским выступлениям, и эти выступления неизменно носили здесь кулацкий характер. Восстание 1921 г. явилось наиболее опасным из них, так как кулачеству удалось привлечь на свою сторону значительные массы зависевшего от него среднего крестьянства, недовольного политикой «военного коммунизма».

Наиболее полно и конкретно «идеалы» и политическая платформа кулацкого движения в Западной Сибири воплотились в деятельности мятежников Тобольска, находившегося под их властью с 20 февраля по 8 апреля 1921 г. 1 марта 1921 г. в статье под заглавием «Основные принципы организации народной власти» некий местный «теоретик» повстанцев с ученым видом доказывал, будто в русских национальных условиях «истинное народовластие» есть «власть, избранная пахарями», так как, де, «80% населения России составляют крестьяне-землепашцы» [1]. Вот такую «крестьянскую диктатуру», основной задачей которой было восстановление частной собственности, и пытались установить главари мятежа. В Тобольске они образовали «городской крестьянский совет», пытавшийся распространить «крестьянскую диктатуру» на окружные села и уезды, составившие

[1] *М. А. Богданов.* Разгром ишимско-петропавловского кулацко-эсеровского мятежа в 1921 г.— «Ученые записки Ишимского государственного педагогического института», т. 3, 1959, стр. 16.

так называемую «Тобольскую федерацию». Состав «крестьянского совета» весьма показателен. В числе его 18 членов не было ни одного рабочего, ни одного крестьянина-бедняка. Главари кулацкой власти не допускали в состав «совета» даже представителей созданного после переворота «временного бюро профсоюзов», который устами своих лидеров из «социалистов» высказывался за поддержку «новой власти». После настойчивых домогательств и торга эсера Корякова с уполномоченными «власти» президиум «городского крестьянского совета» 1 марта принял постановление: «Признать такое представительство (профсоюзов в совете) принципиально приемлемым, но с совещательным голосом»[1]. Решающий голос получили в «совете» кулаки, торговцы и черносотенные элементы, вплоть до открытых монархистов. Председателем «городского крестьянского совета» стал кадет Степанов.

Заправилы восстания на первых порах не решались ликвидировать советскую форму управления, пользовавшуюся доверием у населения. В большинстве случаев они сохраняли местные сельские Советы и волисполкомы, но путем исключения из них коммунистов и включения кулаков делали их пригодными для своих целей. Здесь на практике осуществлялся провозглашенный мелкобуржуазной контрреволюцией лозунг «Советы без коммунистов». Чтобы не отпугнуть трудовое крестьянство и рабочий класс, главари повстанцев заявили, что о возврате земли помещикам и о нарушении закона о 8-часовом рабочем дне «не может быть и речи». Они приспособили к нуждам владельцев предприятий советский Кодекс о труде, исключив из него ряд положений, гарантирующих трудящимся право на отпуск, на пособия по болезни и безработице. Кулацкая власть Тобольска использовала царские судебные уставы 1864 г. как «готовый стройный кодекс» и провела на их основе выборы окружного суда. Это не помешало «главнокомандующему» Желтовскому образовать и «военно-следственную комиссию», которая, вопреки всякой законности, расправлялась с коммунистами и лицами, сочувствовавшими Советской власти. За время кулацкого господства в Тобольске мятежники расстреляли около 200 советских и партийных работников.

Когда кулацкий отряд под командованием бывшего колчаковского офицера Третьякова, посланный из Тобольска, занял село Сургут (ныне город Сургут), тобольская «власть» 14 марта

[1] «Известия Тюменско-Тобольского губисполкома и губкома РКП(б)», 13 мая 1921 г.; «Трудовой набат» (Тюмень), 1 и 7 июня 1921 г.

1921 г. телеграфно распорядилась образовать там «городской крестьянский совет». В телеграмме содержались основные положения политической структуры «крестьянской власти». Предлагалось упразднить советские учреждения: райпродком, милицию, суд, отдел записей актов гражданского состояния и т. д. Взамен упраздняемых советских органов восстанавливались, по образцу бывших царских учреждений, продовольственная управа, полицейская охрана, судебные учреждения, действовавшие по царским уставам 1864 г. Предписывалось записи актов гражданского состояния производить в церквах. Объявлялась полная свобода торговли, частного предпринимательства и собственности [1]. Во главе сургутского «городского крестьянского совета» стал крупный кулак А. Кондаков. Кулацкая власть продержалась здесь с 9 марта по 22 мая 1921 г.

Колчаковские офицеры мобилизовали мужское крестьянское население захваченной ими территории и создали довольно крупные вооруженные силы мятежной «народной армии». Под лозунгами «Да здравствует свободная торговля!», «Долой продразверстку!», «За частную собственность», под видом защиты крестьянских интересов восставшие фактически боролись за кулацкие интересы. Председатель Тюменского губисполкома С. Новоселов на 3-м губернском съезде Советов говорил: «Характерной чертой бандитизма служат якобы «народные», «мужицкие» стремления к свободе. Нам попали в плен несколько командиров «народной армии», простые мужики. Им задаешь вопрос: почему они шли против Советской власти; получаешь ответ: «Не знаю, приказали». А кто приказал? — «Не знаю, штаб». И вот, проходя по цепи этих приказаний, приходится убедиться, что руководителями «народной власти» были «народники» в золотых погонах с генеральскими чинами» [2].

«Штаб сибирского фронта», руководивший ишимско-петропавловской группой повстанческих отрядов, возглавлял бывший генерал царской армии Родин. «Главнокомандующим» тобольской «народной армией» был Желтовский, начальником штаба — полковник Сватош, бывший адъютант чехословацкого генерала Гайды. «Войсками», наступавшими на Петропавловск, командовал бывший полковник Кудрявцев, на Сургут — бывший колчаковский офицер Третьяков. Казачьей «Сибирской кавалерийской дивизией» командовал полковник Токарев, Голышма-

---

[1] См. «Ученые записки Тюменского государственного педагогического института», вып. 2, т. 5, 1958, стр. 84.

[2] «Трудовой набат», 23 июня 1921 г.

новской группой — офицер Свириденко. Мелкими сельскими отрядами повстанцев командовали местные кулаки.

Повсюду на территории, захваченной повстанцами, сельские кулаки жестоко расправлялись с беднотой, с учителями и советскими работниками. Вот характерное сообщение о действиях бандитов: «Красногорская волость Ялуторовского уезда. Одиннадцатилетний мальчик — сын коммуниста в Красногорской волости — убит бандитами ударом железной остроконечной пики в голову. Белыми вырезана огромная по численности, около 200 человек, Красногорская коммуна. В Ялуторовском и Заводоуковском селах разграблены ссыпные пункты. Есть много случаев убийства учителей, арестов и увоза их неизвестно куда. Зверски убит и выброшен в озеро один весьма преклонных лет коммунист, по фамилии Комальцев» [1].

Главное командование Вооруженных Сил республики для борьбы с кулацкими бандами направило воинские соединения. Район мятежа был разбит на три участка: 1) северный (Ишимский), 2) южный (Петропавловский), 3) западный (Камышловско-Шадринский). В ночь на 16 февраля 1921 г. части Красной Армии освободили Петропавловск. 18 февраля разбили Голышмановскую группу мятежников в районе железной дороги, соединяющей Сибирь с Центральной Россией, и к 25 февраля отбросили банды от линии железной дороги. В первых числах марта железнодорожное сообщение на линии Омск — Челябинск было восстановлено. Части Красной Армии волость за волостью очищали от банд северные районы Ишимского уезда. В марте Красная Армия начала наступление на Тобольск и 8 апреля освободила его. Там был захвачен главный «повстанческий» штаб. Остатки банд вместе с главарями «народной армии» Желтовским, Сватошем, Силиным, Степановым бежали на север. В мае северные экспедиционные отряды Красной Армии окончательно разбили банды кулаков, оперировавшие в северных уездах Тюменской губернии. Желтовский, его адъютант Крупинин, полковник Сватош и начальник штаба кулацкой армии Силин были убиты, председатель тобольского «крестьянского совета» Степанов и командующий войсками Данилов взяты в плен. 22 мая был освобожден Сургут, в конце мая — Обдорск.

После ликвидации основных сил мятежников в районах и селах действовали еще мелкие части и отдельные банды, скрывавшиеся в лесах. В июне 1921 г. 3-й губернский съезд Советов

---

[1] «Известия Тюменско-Тобольского губисполкома и губкома РКП(б)», 5 марта 1921 г.

объявил двухнедельник добровольной явки. Первыми откликнулись крестьяне Покровского и Яровского районов: до 300 человек их явилось в Чрезвычайную комиссию; они сдали винтовки, пулеметы, гранаты и бомбы и были помилованы. Потом в Тюменской губернии объявлялся трехнедельник добровольной явки. 1 октября председатель Тюменского губисполкома Макаров говорил на собрании коммунистов города: «Проведенный трехнедельник добровольной явки бандитов дал удовлетворительные результаты, и сейчас остаются в лесах небольшие шайки бандитов, делающие налеты на склады и населенные пункты. Есть случаи убийства ответственных работников на местах» [1]. Борьба с бандитскими шайками продолжалась до конца 1921 г., когда наконец политический бандитизм в Сибири, как и в других местностях России, благодаря наступившему в настроениях среднего крестьянства перелому был ликвидирован.

Немалую роль в ликвидации бандитизма сыграли чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. В феврале 1921 г., в разгар выступлений мелкобуржуазной стихии, органы чрезвычайной комиссии под руководством полномочного представителя ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского ликвидировали организации «Союза трудового крестьянства», связанные с антисоветскими крестьянскими выступлениями. Аресты были произведены в Омске, Тюмени, Новониколаевске, Красноярске и других городах и районах Сибири.

Как выяснилось, в марте 1920 г. в соответствии с указаниями своего ЦК эсеровские партийные организации приступили к созданию «беспартийного» Всесибирского крестьянского союза для руководства крестьянством и подготовки его к антисоветскому восстанию. Среди учредителей «Союза» были видные эсеровские активисты — Юдин, Тагунов-Ельшевич, Тяпкин (член партии с 1904 г.), народные социалисты В. И. Игнатьев (бывший член антисоветского «Верховного управления Северной области»), Савченко, Меринов. Вскоре губернские комитеты «Союза трудового крестьянства» были образованы: в Омске — во главе с Юдиным, Тагуновым и Подвицким; в Новониколаевске — во главе с эсером Степановым (членом партии с 1905 г.) и Гусельниковым; в Алтайской губернии — во главе с членом ЦК партии народных социалистов Игнатьевым; в Красноярской губернии — во главе с народным социалистом Сибирцевым. В Тюменской губернии действовали уже упоминавшиеся эсеры Коряков, Силин, также являвшиеся членами «Союза трудового крестьянства».

---

[1] «Трудовой набат», 5 октября 1921 г.

С первых же шагов антисоветской деятельности руководители «Союза трудового крестьянства» стали связываться не только с кулацким, но и с офицерскими белогвардейскими группами, работавшими среди крестьян. Они стали принимать их в свои организации. Вот, например, как объединились группы «Союза» с белогвардейцами в Омской губернии. Главари «Союза» узнали о существовании в Омске офицерской группы Густомесова. Подпоручик царской армии Н. П. Густомесов участвовал в антисоветском перевороте в Самаре, служил в войсках Комуча, Колчака, дослужился до штабс-капитана. Во время разгрома Колчака Густомесов попал в плен, содержался в концентрационном лагере и оттуда бежал при помощи подпольной группы омских офицеров-белогвардейцев. С этим-то антисоветчиком эсеры и вступили в переговоры о совместных действиях.

Арестованный активный член «Союза» эсер Тагунов при расследовании дела рассказал, что в августе 1920 г. инициативная группа «Крестьянского союза» в Омске, в которую входили Юдин, Тяпкин, Данилов и он, Тягунов, узнала о существовании в Омске военной организации. «После предварительного знакомства Данилова с начальником штаба военной организации Густомесовым мне «Крестьянским союзом» было поручено вступить с военной организацией в переговоры. Цель переговоров — выяснить политическую платформу военной организации. Мною было установлено, что военная организация определенной платформы не имела и вообще политически слабо ориентировалась. Так, например, организация высказывалась за полное восстановление частной собственности, как помещичьих земель, так и промышленных предприятий и банков. Организация допускала возможность оставления земли у крестьян, но только за выкуп. Я развил Густомесову программу «Крестьянского союза», после чего Густомесовым мне было заявлено, что его военная организация, пожалуй, может согласиться с программой «Крестьянского союза» и его задачами. О результатах ознакомления с военной организацией Густомесова мною на заседании комитета «Крестьянского союза» был сделан доклад, по заслушанию доклада было решено, что данных для вхождения военной организации в состав «Крестьянского союза» достаточно» [1].

В октябре 1920 г. белогвардейская группа Густомесова, «признавшая» программу «Союза трудового крестьянства», вместе с имевшимся у нее складом оружия была принята в омский

[1] Приведено И. П. Павлуновским в статье «Сибирский крестьянский союз».— «Сибирские огни», 1922, № 2, стр. 127—128.

«Союз» и стала работать в его военном отделе под руководством эсера Тяпкина. Некоторые ее члены были командированы «Союзом» для организации повстанческих групп: поручик Новицкий — в Тюмень, поручик Зелимхан — на станцию Вагай, штабс-капитан Трофимов и поручик Горбунов — в Славгородский уезд. Белогвардейские офицеры участвовали в работе «Союза трудового крестьянства» также в Тюменской, Алтайской, Красноярской, Новониколаевской губерниях. В военный отдел Красноярского «Союза» входили 89 офицеров-белогвардейцев. Главарь алтайского «Союза трудового крестьянства», член ЦК партии народных социалистов В. И. Игнатьев показывал: «В некоторых случаях мне приходилось встречаться с организациями Крестьянского союза, руководимыми лицами, ничего общего не имеющими с нашей организацией. Эти организации стремились к проведению монархических начал» [1].

В начале февраля 1921 г., когда кулацкие повстанческие отряды, руководимые деятелями «Союза трудового крестьянства», подступили почти к самой Тюмени, внутри города белогвардейская организация готовила восстание. Во главе заговора стоял бывший колчаковский корнет Лобанов. Заговорщики вербовали сторонников среди населения, в красноармейских частях, среди железнодорожников и колчаковских офицеров. Установив связь с главарями отрядов повстанцев и заручившись с их стороны обещанием вооруженной помощи, заговорщики разработали план восстания в городе и наметили его на 9 часов вечера 11 февраля. Прежде всего они намеревались прервать телеграфную и телефонную связь и, воспользовавшись тем, что им удалось узнать пароль, захватить склады с оружием. К этому времени в Тюмень должны были прибыть повстанческие отряды из волостей. Предполагалось захватить и губчека, но заговорщики сами попали в руки губернской чрезвычайной комиссии, не успев привести в исполнение свой замысел [2].

Таким образом, антисоветским движением мелкобуржуазной крестьянской стихии в Западной Сибири, подготовленным и поднятым правоэсеровскими мятежниками через «Союзы трудового крестьянства», фактически, как это видно на примере ишимско-петропавловского восстания, руководили белогвардейцы.

---

[1] Приведено И. П. Павлуновским в статье «Сибирский крестьянский союз».— «Сибирские огни», 1922, № 2, стр. 126.

[2] См. «Известия Тюменско-Тобольского губисполкома и губкома РКП(б)», 12 марта 1921 г.

Арестованные Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, главари этого антисоветского движения (в том числе Юдин, Тагунов, Тяпкин, Густомесов), кулацкие заправилы и белогвардейцы были сурово наказаны. Вместе с тем чрезвычайные комиссии и революционные трибуналы великодушно относились к среднему крестьянству, обманно вовлеченному в антисоветское движение. Выездная сессия военного трибунала рассмотрела в Петропавловске много дел участников восстания. Лишь особо злостные из них приговаривались к суровым наказаниям, малосознательные крестьяне освобождались от ответственности. Примером карательной линии революционных трибуналов может служить приговор Тюменского губернского революционного трибунала о мятежниках Червищенской волости Тюменского уезда. По этому делу привлекалось к судебной ответственности 35 крестьян, среди которых были командир сельского бандитского отряда Иван Рычков, председатель «крестьянского совета» Степан Панышев, товарищ председателя Петр Панышев, секретарь «совета» Прохор Благушин, «начальник штаба» Иван Осколков. 25—26 сентября 1921 г. революционный трибунал приговорил: «Рычкова И., Панышева С., Мокрюкова И., Зырянова Л. и Туранова И. подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять, но, принимая во внимание их несознательность, приговор смягчить, подвергнуть вышеуказанных лиц заключению в рабочий дом сроком на 5 лет каждого». Остальным подсудимым трибунал назначил условное наказание [1].

Весьма остро протекали кулацкие выступления на Северном Кавказе.

После поражения Деникина здесь остались многие сторонники и соучастники его преступлений, рассеявшиеся по станицам, селам и городам. Добровольческая армия и белоказачий актив как бы рассыпались по территории Северного Кавказа, готовые в любую минуту вновь вступить в борьбу против Советской власти.

Тяжелый экономический и хозяйственный кризис, изъятие хлеба у крестьян и казаков в порядке продовольственной разверстки, трудовая повинность, мобилизация в связи с советско-польской войной, аннулирование деникинских денег без замены их советскими — все это вызывало недовольство крестьян и казаков и способствовало росту антисоветских настроений, дезертирства, перехода на нелегальное положение и организации повстанческих банд. Советское правительство объявило амнистию

---

[1] См. «Трудовой набат», 30 сентября 1921 г.

всем лицам, служившим в деникинских и казачьих бандах. Но активные белогвардейцы, чувствовавшие за собой вину, не доверяли амнистии, скрывались и часто искали убежища в бандах.

Таким образом, кадры мятежников на Северном Кавказе в конце гражданской войны состояли из «зеленых» — дезертиров и скрывавшихся от репрессий, оперировавших преимущественно вблизи своих станиц и сел; закоренелых белогвардейцев — офицеров, жандармов, представителей буржуазной интеллигенции, порвавших с самого начала с Советской властью; фанатичных врагов Советской власти из казаков и кулаков. Кроме того, в рядах мятежников оказывались случайные элементы: уголовники, авантюристы, лица, попадавшие в отряды в результате проводимых повстанцами так называемых летучих мобилизаций. В связи с этим политическая окраска повстанческих движений на Северном Кавказе была весьма пестрой. Здесь были белогвардейцы — бывшие деникинцы и врангелевцы; верхи кубанских и терских казаков, мечтавшие о сохранении прежних казачьих привилегий; «автономисты» из горских народностей; крестьяне, выступавшие под руководством кулаков с лозунгами «За Советы без коммунистов». Были здесь и чисто монархистские и грабительские банды.

Большую помощь контрреволюционерам Северного Кавказа оказывало меньшевистское правительство Грузии. Несмотря на мирный договор, заключенный с правительством Советской России 7 мая 1920 г., оно приютило на своей территории многие антисоветские организации. Крупнейшей из них был «Комитет помощи генералу Врангелю», или, как его еще называли, «Комитет освобождения края от большевиков», возглавлявшийся генерал-лейтенантом князем Меликовым и Тумановым. «Комитет» имел в своем распоряжении огромные денежные средства и являлся базой врангелевского влияния на Северном Кавказе. Он направлял своих агентов и организаторов в советский тыл, чтобы объединить и организовать всех контрреволюционеров под единым врангелевским знаменем. В Тифлисе находились также бежавшие члены кубанского правительства во главе с Тимошенко; терского правительства во главе с Букановским; горского правительства (Тапа Чермоев).

Летом 1920 г. мелкие разрозненные антисоветские отряды бело-зеленых на Кубани превратились в «Армию возрождения России», главари которой пытались сформулировать свою собственную политическую программу. В ней были требования созвать Учредительное собрание «из выборных от народа», пере-

дать землю «трудовому народу», говорилось о том, что «помещики не будут владеть землей», что необходимо уничтожить сословия, ввести «народовластие на местах» и т. п. Все это, однако, служило лишь прикрытием фактических целей повстанческого движения, находившегося под влиянием и управлением белогвардейцев. Командующим «армией», состоявшей из нескольких тысяч хорошо вооруженных казаков и кулаков, являлся явный монархист генерал Фостиков, а командирами частей — бывшие деникинские офицеры, действовавшие по указаниям врангелевского военного штаба.

На Тереке, в Пятигорском отделе, в то же время действовали повстанческие отряды под командованием полковника Гиреева, Крым-Шанилова и Серебрякова.

14 августа на побережье Азовского моря в районе станицы Приморско-Ахтарской (южнее Ейска) высадился десант из отборных офицерских и казачьих врангелевских частей под командованием генерала С. Г. Улагая. Затем по соседству высадились другие такие же десанты. Эти операции были тщательно разработаны; на них возлагались серьезные надежды. Врангель решил захватить Кубань, соединиться здесь с бело-зелеными отрядами и свергнуть Советскую власть. Он предполагал, что местное население окажет десантам активную поддержку. В приказе по войскам десанта генерал С. Г. Улагай специально предупреждал офицеров, казаков и солдат: «Кубанцы! Развал армии Деникина совершился только исключительно благодаря грабежам и насилиям войск над мирным населением. Все города... провожали нас с ненавистью... Надо идти к населению с чистыми руками и совестью, иначе мы вновь погубим то, что создадим тяжелыми усилиями и потерями». Улагай грозил расстрелом за малейший грабеж и «ничтожнейшее насилие» над населением [1]. Но все эти приказы не достигали цели. Население видело во врангелевских десантниках прежних деникинцев. Между казачье-крестьянской Кубанью и реакционной врангелевщиной было явное противоречие. Объявленная Улагаем мобилизация в армию провалилась. Не пошли на соединение с десантами и отряды Фостикова. Части Красной Армии разбили десант Улагая. Разгромлена была и «Армия возрождения России». Фостиков со своими людьми бежал в Грузию, а оттуда к Врангелю.

Иной характер носили контрреволюционные движения среди горцев Северного Кавказа. В начале 1920 г. в Чечне и Даге-

[1] См. *А. Голубев.* Врангелевские десанты на Кубани. М.-Л., 1929, стр. 45.

стане вспыхнуло восстание, поднятое богатыми скотоводами и мусульманским духовенством под флагом «защиты ислама». Во главе движения стояли Нажмуддин Гоцинский, объявивший себя имамом Дагестана и Северного Кавказа, и Алиханов. Для привлечения населения к антисоветскому движению вождем был объявлен внук Шамиля — офицер французской службы Саид-бей. В действительности он был лишь декоративной фигурой. Вначале выступление охватило ряд округов (Гунибский, Аварский, Андийский). Но горская беднота вскоре разгадала маневры своих богатеев и не пошла за Гоцинским. Дагестанские партизаны сражались против имама плечом к плечу с Красной Армией. В октябре 1920 г. мятеж принял более серьезный характер. Руководители движения выдвинули лозунг образования самостоятельной горской республики.

Весною 1921 г. антисоветское движение на Северном Кавказе усилилось. В Баталпашинском отделе Кубанской области под командованием полковника Серебрякова возникла вооруженная группа так называемых «Народных войск Северного Кавказа», которая к маю 1921 г. насчитывала более четырех полков. К тому же времени в Ейском отделе сформировался другой отряд, под командой полковника Жукова, назвавшийся «дивизией помощи русской армии генерала Врангеля». Эти две мятежные группы сообща вели разрушительную работу в тылу советских войск, обманом вовлекая в нее казаков и крестьян.

К 25 мая 1921 г. основные силы Жукова и Серебрякова были разгромлены Красной Армией. Остатки их бежали в горы. «Главком» Серебряков был взят в плен и понес заслуженное наказание.

В сентябре — октябре 1921 г. на Кубани было создано подпольное «Кубанское временное повстанческое правительство» в составе полковника Савицкого, бывшего члена Кубанской рады Пилюка и Малиновского. Из разрозненных банд казаков, под командой генерала Марченко (он же Пржевальский), «правительство» сформировало «Кубанскую повстанческую армию», которая в сентябре предпринимала активные боевые операции. Она подступила почти к самому Краснодару. Но подоспевшими частями 1-й Конной армии мятежники были остановлены и 22 сентября у села Белого потерпели окончательное поражение. «Кубанская повстанческая армия» была ликвидирована, а ее руководители — Савицкий, Пилюк, Малиновский и другие — преданы суду.

В 1921 г. были ликвидированы и горские антисоветские отряды. С тех пор на Северном Кавказе кое-где орудовали раз-

дробленные, мелкие группы, выродившиеся в уголовные шайки. Крестьянство и трудовое казачество, осознав новую экономическую политику Советской власти, отказывали теперь авантюристам в поддержке и становились на сторону Советов.

3. «Народный союз защиты родины и свободы» на службе международного империализма

В западных пограничных областях Белоруссии, несмотря на окончание советско-польской войны, в 1921 г. было неспокойно. На границах возникали вооруженные инциденты, провоцируемые польской военщиной и разведкой. Из Польши на советскую территорию перебрасывались агенты и вооруженные отряды для диверсионной и подрывной работы. Контрреволюционеры и белогвардейцы, обосновавшиеся в Польше, создавали подпольные организации, вели шпионскую работу в советском тылу, подстрекали население к антисоветским выступлениям.

Антисоветский бандитизм в Белоруссии был связан с действиями остатков разгромленных Красной Армией войск Булак-Балаховича и отрядов белорусских буржуазных националистов, принимавших участие в советско-польской войне на стороне Польши. В октябре 1920 г. разбитое «войско» С. Н. Булак-Балаховича сосредоточилось в районе Турова и Давид-Городка. Здесь Булак-Балахович при помощи поляков сформировал так называемую «Народную добровольческую армию» в составе четырех дивизий. С этими силами он перешел в наступление на Мозырь и Овруч.

В ноябре 1920 г. части Красной Армии нанесли решительное поражение Булак-Балаховичу, и его «армия» рассыпалась. Часть ее капитулировала, часть перешла границу и была интернирована в Польше. Остальные, раздробившись на мелкие шайки и в одиночку, рассеялись по окрестным селам.

Вскоре белорусские контрреволюционеры с согласия польских властей стали перебрасывать из Польши на советскую сторону отдельных активистов и небольшие группы из интернированных отрядов Булак-Балаховича. Они должны были создавать в пограничных районах плацдармы для будущих наступлений более крупных соединений из Польши, а также организовывать базы для контрреволюционного восстания в советском тылу.

В таком же направлении действовали и находившиеся в Польше остатки отрядов белорусских буржуазных националистов, сосредоточенные вокруг организации «Зеленый дуб», во

главе с неким Дергачом-Адамовичем. Они содержались за счет так называемого «Комитета обороны восточных окраин» — организации польских помещиков Западной Белоруссии — и польской разведывательной службы. В начале 1921 г. отряды «Зеленого дуба» формально были расформированы. Но фактически они по-прежнему перебрасывались из Польши на советскую землю для подпольной борьбы, и их деятельностью все так же руководил штаб «Зеленого дуба», находившийся на захваченной Польшей территории (в Молодечно) и содержавшийся на польские средства.

Руководители всей этой антисоветской закордонной системы напрягали усилия, чтобы вовлечь в подготовлявшееся ими восстание крестьян в советском тылу. Большие надежды они возлагали при этом на мелкобуржуазную стихию. В первое время им удалось кое-где вовлечь в преступную авантюру часть среднего крестьянства. Однако основными кадрами создававшихся тогда банд в Белоруссии и в западных областях Советской России были переброшенные из Польши солдаты и офицеры Булак-Балаховича, активисты «Зеленого дуба», дезертиры, кулаки и деклассированные элементы, наживавшиеся на бандитизме. Соучастниками банд была и шляхта — зажиточные поляки, жившие компактными массами в пограничных районах. Они снабжали бандитов продовольствием и оказывали им всяческое содействие.

Действуя небольшими отрядами в 20—30 человек, бандиты совершали нападения на советские учреждения, взрывали мосты, уничтожали телеграфные и телефонные линии, склады продовольствия, грабили население, нападали и на отдельных прохожих в лесах. Иногда банды разрастались за счет местных грабителей.

За зиму 1920/21 г. бандиты произвели в Белоруссии до 40 погромов, из которых 21 в Мозырском уезде, где оперировали булак-балаховцы. В марте 1921 г. погромов было совершено 18, в апреле — также 18, в мае — 53. В Игуменском уезде оперировал отряд численностью до 400 человек под командованием полковника Павловского, в Бобруйском — отряд в 300 человек под командой капитана Колосова. К июню 1921 г. на территории Белоруссии действовало до 40 банд с постоянным контингентом до 3 тыс. человек.

Для ликвидации бандитизма в Белоруссии был создан Революционный военный совет, в который вошли командующий войсками И. П. Уборевич, председатель Белорусской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Я. Ольский, народный

комиссар внутренних дел республики Абрамович. К борьбе с бандами привлекались партийные и советские организации и крестьянская беднота. Был издан приказ, согласно которому добровольно явившимся с повинной участникам банд гарантировалось прощение. Вместе с тем применялись конфискация имущества у семей скрывавшихся бандитов и иные принудительные меры.

При каждом отряде по борьбе с бандитами действовал специальный чекистский аппарат, который вел разведывательную работу, проникая в банды и подпольные организации. На места, в села, для суда над участниками банд выезжали революционные трибуналы, которые слушали дела в открытых судебных заседаниях в присутствии крестьянских масс. Приговоры имели большое воспитательное значение.

Весной 1921 г. отряды ВЧК и Красной Армии настигли и разгромили несколько крупных бандитских отрядов в Белоруссии. Выяснилось, что их начальники (Павловский, Прудников, Пименов и др.) являлись офицерами разбитых Красной Армией банд Булак-Балаховича и Перемыкина и были переброшены из Польши на советскую территорию контрреволюционной организацией — так называемым Всероссийским комитетом «Народного союза защиты родины и свободы», обосновавшимся в Варшаве.

В мае органы ВЧК раскрыли в Гомеле западный областной комитет этого «Союза», имевший отделения в разных городах Белоруссии и в северо-западных областях России. Чекисты арестовали членов этого комитета, многих активистов, закордонных курьеров, шпионов — всего несколько сотен участников организации. Были захвачены также многочисленные документы. Выяснилось, что во главе «Народного союза защиты родины и свободы» стоит небезызвестный Борис Савинков.

После провала в 1918 г. восстания в приволжских городах Савинков бежал на территорию, занятую чехословаками, и продолжал борьбу против Советской власти в рядах контрреволюционных армий. Так, например, он участвовал в действиях каппелевского офицерского отряда. В конце 1918 г. Савинков был представителем Колчака за границей. Обивая пороги французских и английских министерств, он добывал оружие, снаряжение и обмундирование для колчаковских и деникинских войск. Во время советско-польской войны 1920 г., будучи в Варшаве, Савинков стал председателем белоэмигрантского «Русского политического комитета» («РПК») и завязал тесные отношения с польскими властями и французской военной миссией. Он участ-

вовал в создании так называемой «Русской народной армии» под командованием Перемыкина и Булак-Балаховича, воевавшей на стороне Пилсудского, и в составе ее отправился в поход на Мозырь. По окончании войны Савинков вместе со своим братом, казачьим есаулом Виктором, создал в Польше организацию для добывания секретных сведений о положении в Советской стране и с этой целью насаждавшую шпионскую сеть в советском тылу. Часть полученных материалов Савинков передавал разведывательному отделу польского генерального штаба и французской военной миссии в Варшаве, руководимой генералом Нисселем.

В январе 1921 г. братья Савинковы из остатков «Русского политического комитета», переименованного к тому времени в «Русский эвакуационный комитет», начали сколачивать новую антисоветскую организацию, которую назвали «Народным союзом защиты родины и свободы». Вознамерившись превратить ее во всероссийский антисоветский центр, Борис Савинков заключил соглашения о совместных действиях с эмигрантским петлюровским правительством УНР, с белорусскими буржуазными националистами и казачьими антисоветскими группами, находившимися в Польше. С тех пор бандитизмом в Белоруссии руководили главным образом савинковские организации.

13—16 июня 1921 г. в Варшаве состоялся съезд «Народного союза защиты родины и свободы», на котором присутствовал 31 человек, и среди них представители поддерживавших «Союз» иностранных государств: офицеры французской (майор Пакелье), английской, американской, итальянской (Стабини) военных миссий в Варшаве и офицер службы связи между министерством иностранных дел и военным министерством Польши — Сологуб. На съезде были и представители Петлюры (Юрий Тютюнник) и белорусских буржуазных националистов. Съезд обсуждал вопросы подготовки восстания на территории советских республик. Главари контрреволюционного движения твердили о необходимости поднять «всеобщее восстание». С этой целью для дезорганизации жизни в Советской стране решено было широко применять террор и диверсии. Один из представителей Всероссийского комитета «Союза» рассказывал: «Террор должен был ослабить репрессии со стороны Советской власти, для чего предлагалась организация налетов и разрушение центров управления, Советов, исполкомов, парткомов, организация взрывов в советских учреждениях, на съездах, совещаниях и т. д. Террор выдвигался как средство для деморализации коммунистов и как средство, долженствующее прекратить

приток свежих сил в РКП(б), что должны были достичь расстрелами и отравлениями коммунистов и репрессиями против их семейств»[1]. «Народный союз защиты родины и свободы» принял также решение об организации диверсий в народном хозяйстве Советской страны (повреждение железнодорожных путей, порча паровозов, уничтожение подвижного состава, поджоги строений, складов, уничтожение продовольствия, убийство продработников).

В состав руководства «Народного союза защиты родины и свободы», помимо братьев Савинковых (Борис Савинков был избран председателем), вошли известный деятель бывшего «Союза защиты родины и свободы» А. А. Дикгоф-Деренталь, литератор профессор Д. В. Философов, генерал Г. Е. Эльвенгрен, казачий полковник Михаил Гнилорыбов и др. Участие в «Союзе» генерала Эльвенгрена, активного монархиста, которого арестовывали за контрреволюционную деятельность еще при правительстве Керенского, и представителя Донского казачьего круга полковника Гнилорыбова достаточно красноречиво характеризовало лицо созданной организации. Б. Савинков хотел изобразить «Народный союз защиты родины и свободы» как непартийное объединение, задачей которого явилась бы практическая подготовка свержения Советской власти. Дальнейшая судьба России должна была, по его расчетам, решаться после поражения большевиков. Такая позиция давала возможность объединять в «Союзе» самые разнородные элементы — от монархистов до «социалистов».

«Народный союз защиты родины и свободы» образовался при содействии польских властей и представителей французской военной миссии в Варшаве, заинтересованных в подрыве тыла Советской страны и в создании шпионской сети на ее территории. Фактически «Союз» стал подсобным органом польской разведки. В докладе ВЧК о деятельности «Народного союза защиты родины и свободы» говорилось: «Роль польского генерального штаба сводится к следующему: а) разрешению и содействию организации на территории Польши партизанских отрядов и перевозке их по железной дороге за счет польского военного министерства (например, отряды полковника Павлова, полковника Павловского, поручика Прудникова, Пименова и др.); б) снабжению этих отрядов оружием. Например, оружие отряду поручика Орлова перед налетом его отряда на м. Койданово было выдано начальником пастерунка офензивы (погра-

[1] «Известия ВЦИК», 24 июля 1921 г.

ничного поста польской разведки.— *Д. Г.*), в м. Рубежевичи — вахмистром Туора; в) содействию вербовке в лагерях военнопленных и интернированных организаторов антисоветских групп и отправке их в Россию; г) содействию реорганизации и приведению в боевую готовность остатков интернированных армий Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры».

В распоряжении ВЧК имелось письмо Булак-Балаховича на имя исполнявшего обязанности начальника рабочих дружин в Польше капитана Поворзака, из которого было ясно, что армия Балаховича, якобы интернированная в Польше, на самом деле была переформирована в дружины, подчинявшиеся второму отделу польского генерального штаба. ВЧК располагала также документами, указывавшими на то, что интернированные казаки принимались на польскую службу в качестве пограничной стражи, при которой была учреждена должность казачьего представителя (таковым являлся член Всероссийского комитета «Народного союза защиты родины и свободы» полковник Гнилорыбов).

Польский генеральный штаб снабжал савинковских агентов и курьеров бесплатными проездными документами и выдавал разрешения на провоз антисоветской литературы. Почти все агенты Савинкова состояли одновременно на службе польской разведки и контрразведки (офензивы и дефензивы). Все военные и политические сведения, доставлявшиеся из России, курьеры Савинкова передавали в польский генштаб и французскую военную миссию. Проводниками агентов и диверсантов, направлявшихся через пограничные посты в Советскую Россию, служили чины польской офензивы и жандармерии.

Организацию Савинкова финансировали второй отдел польского генерального штаба и французская военная миссия в Польше. Последняя ежемесячно выдавала В. В. Савинкову на нужды организации десятки миллионов польских марок. За особо важные сведения о Красной Армии шеф информационного отделения французской военной миссии майор Марино выплачивал дополнительное вознаграждение. В перехваченном ВЧК письме полковник Павловский, командующий всеми партизанскими отрядами Савинкова на советской территории, просил Б. Савинкова «содрать» с французов за доставляемые им сведения о Красной Армии возможно дороже. При поездке весною 1921 г. в Париж для переговоров с французским правительством Б. Савинкову удалось при помощи русского промышленника Путилова организовать группу крупных капиталистов для субсидирования савинковской организации.

Всероссийский комитет «Союза» фактически являлся международным бюро шпионажа о вооруженных силах Советской России и о положении Советской республики вообще. Он добывал, систематизировал сведения о Красной Армии и снабжал ими посредством регулярно выпускаемых бюллетеней все иностранные военные миссии в Варшаве[1].

На территории России и Белоруссии «Народным союзом защиты родины и свободы» был создан ряд областных комитетов, которые, в свою очередь, организовывали губернские, уездные, городские и волостные комитеты и ячейки в советских учреждениях, на предприятиях, в деревнях, в частях и штабах Красной Армии. Эти организации должны были подготовить местные повстанческие силы к вооруженному выступлению, в котором предусматривалось участие переброшенных из Польши интернированных остатков войск Булак-Балаховича, Перемыкина, Петлюры.

После разгрома военно-политических формирований Колчака, Деникина, Юденича, учитывая развитие движения мелкобуржуазной крестьянской стихии, Борис Савинков решил сделать ставку на крестьянские восстания в Советской стране. В одной из брошюр того времени он писал: «Основная, решающая ошибка Колчака, Деникина, Юденича состояла именно в том, что и Колчак, и Деникин, и Юденич — доблестные вожди — не уразумели того, что идею нельзя победить штыками, что идее нужно противопоставить тоже идею, и идею, не вычитанную из книг и не взращенную на традициях Карамзина, а живую, жизненную, понятную каждому безграмотному солдату и близкую его сердцу». По мнению Савинкова, «Россия ни в коем случае не исчерпывается... двумя враждующими лагерями («красные», большевики — с одной стороны, «белые», «реставраторы» — с другой). Огромное большинство России — крестьянская демократия... Не очевидно ли, поэтому,— писал Б. Савинков,— что, пока вооруженная борьба с большевиками не будет опираться на крестьянские массы, иными словами, пока патриотическая армия не поставит себе целью защиту интересов крестьянской демократии и только ее, большевизм не может быть побежден в России. Именно крестьянству, именно во имя своих собственных интересов суждено свергнуть большевиков и восстановить порядок в России». Разгул мелкобуржуазной крестьянской стихии в Советской стране Савинков расценил как подтверждение своей «идеи». Ему казалось, что он сможет использовать

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 24 июля 1921 г.

обстановку и поднять весною 1921 г. «всеобщее восстание» против Советской власти. К этому моменту и готовились все савинковские организации, а вместе с ними их «союзники» — петлюровцы, белорусские националисты, реакционные казачьи группировки.

Но весна 1921 г. не оправдала надежд контрреволюции. Подпольные савинковские организации в Белоруссии и западных областях Советской России так и остались лишь группками авантюристов и бандитов, лишенных сколько-нибудь широкой социальной базы. Основные массы крестьянства не поддержали савинковцев и шедших с ними белорусских буржуазных националистов. Кровавые похождения савинковцев в селах и местечках раскрыли глаза крестьянам на суть «повстанчества», к которому их призывали контрреволюционные «активисты», переброшенные из-за границы. Крестьяне сумели распознать в них все тех же белых офицеров, белогвардейцев, от которых они избавились в результате гражданской войны. Заявление Советского правительства о переходе к новой экономической политике, отмена продовольственной разверстки изменили настроение крестьян. Они стали отворачиваться от савинковцев и буржуазных националистов, а в ряде случаев помогать советским органам в поимке засланных из-за границы организаторов банд. Главарям контрреволюции пришлось отложить «всеобщее восстание» сначала до момента сбора урожая и внесения продовольственного налога, а потом и на более поздний срок.

По последним планам Савинкова восстание должно было начаться в августе 1921 г. «Народный союз защиты родины и свободы» разделил территорию Советской страны на три «полосы», во главе которых поставил военных специалистов. Северная полоса, которой должен был командовать полковник Данилов, охватывала северные губернии, включая Петроград; в среднюю (командующий — полковник Эрдман) входили Полоцк, Смоленск и даже Москва; в южную (командующий — генерал Матвеев) — Минск, Гомель и Орел. Одновременно должны были выступить и подпольные организации в тылу. Предусматривалось свержение Советского правительства, захват Москвы, Петрограда.

Однако контрреволюции не удалось реализовать свои планы. Красная Армия и чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией неизменно срывали происки врага. Чудовищные зверства и погромы, совершаемые бандами, переброшенными Савинковым и его организацией на советскую территорию, вызывали гнев народных масс.

Вот лишь краткий перечень преступлений одного из ближайших сподвижников Савинкова — полковника С. Э. Павловского, который во главе банды контрреволюционных головорезов совершал рейды из Польши на советскую территорию.

Во время первого рейда банда Павловского ворвалась в город Холм. Бандиты убили здесь 250 и ранили 310 человек. Отступая из Холма в направлении Старой Руссы, они заняли Демянск, разгромили там все советские учреждения, выпустили из тюрьмы уголовников, зверски расправились с коммунистами, советскими активистами, комсомольцами и местным населением, убив 192 человека.

Во время второго рейда банда Павловского в районе Пинска захватила в плен юношей из отряда ЧОН. Головорезы заставили 14 членов этого отряда рыть для себя могилы, после чего Павловский лично расстрелял их. В селе Корюкине по приказу Павловского был замучен и повешен продработник коммунист Силин. Банда ограбила банки в уездных центрах Духовщина, Белый, Поречье и Рудня.

Во время третьего рейда головорезы совершили налет на пограничную заставу, убили отдыхавших после дежурства на заставе девять красноармейцев, повесили беременную жену начальника заставы. В Велиже они ограбили банк, а в Опочке живым сожгли директора банка Г. И. Хаймовича. Отступая с советской территории, бандиты по приказу Павловского угнали много скота, принадлежавшего советским людям.

Так же зверствовали и другие савинковские банды. Захватив местечко Пуховичи, бандиты отряда бывшего офицера Павлова бросили в котел с кипящей смолой старика пастуха, заподозренного в сочувствии Советской власти; зверски замучили и убили двух коммунистов, захватили 11 жителей местечка и потребовали за них выкуп; получив требуемую сумму денег, бандиты все же зарубили заложников. Близ Полоцка бандиты спустили под откос поезд, ограбили почтовый вагон и пассажиров, расстреляли 15 коммунистов, у которых нашли партийные билеты.

В январе 1922 г. красноармейцы задержали нарушителя границы, оказавшегося бывшим подполковником В. Свежевским. Этот изменник, служивший в Красной Армии, а затем сражавшийся против нее в составе разных банд, был интернирован в Польше. Когда ему «надоело бездействовать», он предложил свои услуги «Народному союзу защиты родины и свободы». По ходатайству Б. Савинкова и М. Гнилорыбова, руководившего террористической деятельностью «Союза», польские власти ос-

вободили Свежевского. Он получил от савинковского «Союза» задание убить Ленина и с этой целью пробирался в советский тыл.

В связи с раскрытием связей «Народного союза защиты родины и свободы», а также украинских и белорусских буржуазных националистов с польскими разведывательными органами Советское правительство в ноте правительству Польши 4 июля 1921 г. потребовало ликвидации на польской территории организаций, действующих против Советской России, Белоруссии и Украины, и изгнания их руководителей. В ноте подробно характеризовалась враждебная Советскому государству деятельность савинковских организаций и приводились многочисленные факты связи их с органами польской разведки. В ноте говорилось также о том, что польский генеральный штаб содействовал отправке в Россию яда с целью массового отравления красноармейских частей в момент восстания. Так, например, второй отдел польского генерального штаба за подписью майора генерального штаба Бека выдал агентам Савинкова документ на провоз в Советскую Россию якобы для исследовательских целей двух килограммов яда. Польское правительство истратило 350 млн. марок на поддержку «Русского политического комитета» и его заговорщической деятельности.

Советское правительство потребовало немедленного изгнания с польской территории обоих братьев Савинковых, Философова, Мягкова, Одинца, Дикгофа-Деренталя и других членов «Русского политического комитета»; братьев Булак-Балаховичей, Перемыкина, Эльвенгрена, Васильева и других членов «Народного союза защиты родины и свободы»; Петлюры, Тютюнника, Мордалевича, Орлика, Струка и других украинских контрреволюционных главарей, а также Злотского и других руководителей белорусских контрреволюционных организаций, полковника Гнилорыбова и других руководителей казачьих контрреволюционных групп и всех агентов указанных выше лиц и организаций [1].

После долгих переговоров 7 октября 1921 г. между представителями РСФСР и Польши был подписан протокол, по которому польскую территорию должны были покинуть В. Савинков, Д. Одинец, М. Ярославцев, А. Дикгоф-Деренталь, А. Рудин, А. Мягков, В. Уляницкий, М. Гнилорыбов, Эрдман, С. Пет-

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. IV. М., 1960, стр. 203—208.

люра, Ю. Тютюнник, Павленко, Зелинский, Н. Булак-Балахович [1].

28 октября главари антисоветских организаций покинули пределы Польши. Борис Савинков уехал раньше. Деятельность «Народного союза защиты родины и свободы» была парализована. К концу 1921 г. бандитизм в Белоруссии и западных областях Советской России был почти полностью ликвидирован.

4. Разгром основных сил петлюровщины. Крах махновщины

На Украине, где крестьянские мелкобуржуазные движения бурно развивались еще в 1919—1920 гг., в 1921 г. они стали острее и многочисленнее. В. И. Ленин 28 февраля 1921 г. о положении на Украине говорил: «Там было 120 правительств, и зажиточное крестьянство там развращено. Оно не может понять, что есть рабоче-крестьянское правительство и что раз оно берет хлеб, то для того, чтобы облегчить положение рабочих и крестьян. До тех пор, пока мы не добьемся там полного освещения всех этих вопросов, мы не перестанем получать известия о беспорядках, бандах, восстаниях. Это неизбежно, потому что неизбежны темнота, распыленность и озлобленность отдельных крестьян, которые остались нам в наследие от капитализма, которых нам нужно перевоспитывать годами» [2]. Антисоветские крестьянские выступления на Украине были использованы всеми действовавшими здесь контрреволюционными силами: общероссийской буржуазно-кадетской контрреволюцией; общероссийскими мелкобуржуазными партиями эсеров, меньшевиков, анархистов; организациями, выступавшими под флагом «беспартийности». Но в наибольшей степени их использовали петлюровцы и махновцы.

После окончания войны с Польшей и краха петлюровской «государственности» вожаки украинского контрреволюционного националистического движения, в том числе члены «правительства Украинской Народной Республики», очутились в эмиграции, в Польше. Там же в Польше (и в Румынии) сосредоточились интернированные остатки войск УНР численностью 25 тыс. человек. Заправилы петлюровщины теперь уже из-за границы пытались вызвать антисоветские движения на Укра-

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 394.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 363—364.

ине. Конечно, эти эмигранты являлись находкой для польского и румынского буржуазных правительств, которые вели враждебную Советскому государству политику. Вот почему за небольшую плату в виде «помощи украинской государственности» польская и румынская разведки привлекли главарей петлюровщины на службу.

В Польше (во Львове) Симон Петлюра образовал «Центральный штаб» для ведения подрывной деятельности в советском тылу. Начальником «штаба» он назначил Юрия Тютюнника, возведенного в звание «генерал-хорунжего армии УНР». Начальниками отделов «штаба» состояли: полковник Отмарштейн — начальник оперативного отдела, полковник Ступницкий — организационного, полковник бывшего царского генерального штаба Кузьминский — разведывательного и подполковник Добротворский — административно-политического. Вся работа «штаба» приспосабливалась к нуждам польской разведывательной службы. В петлюровский «штаб» входил и фактически контролировал его деятельность польский поручик Ковалевский. Полковник Кузьминский был связан со 2-м отделом польского генерального штаба и, в сущности, состоял там на службе. Все лица, нелегально направляемые «штабом» на советскую территорию, непременно получали от польской разведки шпионские задания, а по возвращении информировали не только петлюровский «штаб», но и польскую разведывательную службу. Переброска через границу петлюровских шпионов и диверсантов осуществлялась с помощью той же польской разведки. Средства на содержание петлюровского «штаба» давал 2-й отдел польского генштаба из секретных сумм; в расходах участвовала и французская разведка, получавшая через поляков сведения, добытые петлюровскими шпионами.

Антисоветские движения, широко распространившиеся в конце 1920 и начале 1921 г. в Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Кременчугской и Донецкой губерниях и районах, вселили новые надежды в умы петлюровских главарей: у них созрел план — воспользоваться этим движением и поднять «общее восстание» на Украине. В связи с этим они и заключили соглашение о совместных действиях с эмигрантскими савинковскими организациями, белорусскими контрреволюционными националистами и группами реакционного казачества.

Согласно выработанному «Центральным (петлюровским) штабом» плану, вся территория Украины разбивалась на пять частей, образующих повстанческие группы, каждая из которых, в свою очередь, разделялась на 4—5 районов, а последние — на

подрайоны. Эти части организационно должны были объединить все петлюровские вооруженные силы, предназначенные для действий на территории этих районов. Командующие группами назначались «Центральным штабом» из числа наиболее известных военачальников; командиры районов — командующими группами из местных людей или из офицеров, присылаемых из-за кордона. Помимо повстанческих отрядов, согласно плану, нужно было организовать повстанческие подпольные комитеты — повстанкомы (центральный, групповые, губернские, уездные). Сеть повстанкомов строилась так: в каждом селе создавалась повстанческая «двойка», из представителей сельских «двоек» выделялась волостная «тройка», последние должны были создать уездный повстанком из пяти человек. Комитеты более высоких ступеней назначались «Центральным штабом». В момент, определенный «штабом», по его сигналу вся эта система петлюровских повстанческих отрядов и комитетов должна была начать «общее восстание». Одновременно планировалось вторжение на советскую территорию из Польши и Румынии интернированных там контингентов петлюровских войск.

Этот план в значительной части остался на бумаге. Фактически «Центральный штаб» в 1921 г. образовал в советском тылу две группы. Первая охватывала мятежников южных (Одесской, Херсонской и Таврической) губерний; во главе ее стоял командующий полковник А. Гулый-Гуленко, находившийся в Румынии. Вторая группа охватывала мятежников Киевщины и Волыни; командовать ею назначили бывшего командира бригады петлюровских войск полковника С. Яворского («Карого»). Остальные группы не были образованы, хотя «штаб» послал во все концы Украины немало инструкторов и офицеров, которые создавали на местах повстанкомы и отряды.

Тем временем в Киеве образовался и подпольный «Всеукраинский центральный повстанческий комитет» («Цупком»), или, как он еще себя называл, «Комитет освобождения Украины».

В сентябре 1920 г. петлюровский министр Левицкий от имени «правительства УНР» предложил киевскому инженеру Наконечному взяться за организацию подпольных антисоветских ячеек, подчиненных петлюровскому эмигрантскому правительственному центру. К февралю 1921 г. Наконечный привлек к выполнению этого задания группу украинских интеллигентов, которые создавали в провинции ячейки, вовлекая в них главным образом учителей, кооператоров и других представителей интеллигенции. В этой-то среде и возникла мысль об образовании всеукраинского подпольного центра. В группу по созданию «цент-

ра» вошли Наконечный, сотрудники Киевского отдела народного образования Чепилко (бывший полковник), Грудницкий, работники кооперации Махиня и Андрух, сотрудник губвоенкомата Комар. В марте 1921 г. группа провела нелегальное совещание, пригласив для участия в нем представителей украинских антисоветских партий. Во время обсуждения вопроса о характере создаваемого «центра» разгорелась дискуссия. Представитель эсеров Максименко высказался за то, чтобы «центр» строился по партийному принципу. Наконечный и Чепилко возражали. Совещание постановило строить «Всеукраинский центральный повстанческий комитет» по персональному принципу, независимо от партийной принадлежности его членов.

Далее инициаторы организации решили связаться с эмигрантским «правительством» и получить от него полномочия на руководство подпольным движением в масштабе всей Украины. С этой целью в Польшу выехали Андрух и Наконечный. В беседах с Петлюрой и Тютюнником «делегаты» «подпольного центра» старались создать впечатление о большом значении и влиянии созданной ими организации. В этом им удалось убедить главарей контрреволюционного национализма, и они получили от Петлюры мандат на объединение под своим руководством всех подпольных повстанческих сил, имевшихся на Украине. Петлюра отпустил им и средства на нужды организации.

Председателем «Всеукраинского центрального повстанческого комитета» был избран Чепилко, а членами — Наконечный (уполномоченный по иностранным делам), Грудницкий (уполномоченный по военным делам) и Данчевский (уполномоченный по делам связи с периферией). «Цупком» налаживал связи с имевшимися подпольными губернскими повстанческими комитетами и вооруженными отрядами.

Весной 1921 г. эмигрантские петлюровские вожаки начали ускоренную подготовку военного выступления. Как стало известно впоследствии, разработанный «Центральным штабом» план вторжения из-за кордона петлюровских банд на Украину был согласован с военным командованием Польши, с французской военной миссией, находившейся в Варшаве, с савинковской организацией. Польский генерал Сосnковский от имени польского военного командования и французский генерал Ниссель от имени французской военной миссии принципиально согласились поддержать вторжение и одобрили смету на расходы по этой авантюре. Фактически был заключен договор, по которому поляки: 1) разрешили организовать петлюровский штаб на своей территории; 2) обязались снабжать средствами как штаб, так

и все пропускные пункты, через которые будут проходить посылаемые на Украину агенты; 3) дали разрешение использовать интернированных в лагерях офицеров и казаков для посылки на Украину; 4) предоставили право получения документов польского генерального штаба и бесплатного проезда по железной дороге петлюровским агентам; 5) обязались выпустить к моменту восстания всех интернированных офицеров и казаков из лагерей и снабдить «дивизии» необходимым оружием, снаряжением, обмундированием, обозом по штатным нормам для создания фронта против Советов. Такие же обязательства приняло на себя и румынское военное командование во время переговоров с полковником А. Гулый-Гуленко.

Готовился к выступлению и «Всеукраинский центральный повстанческий комитет». Его главари — Чепилко, Наконечный и другие — выехали уже из Киева в Холодный Яр, откуда предстояло объявить о начале «общего восстания».

Не менее активно действовал в то время и Махно. Прорвавшись в конце ноября 1920 г. сквозь кольцо окруживших его в Гуляй-Поле советских войск, он в короткий срок вновь создал, теперь уже из кулацких, антисоветских элементов и старой махновской «гвардии», крупную банду.

В сводке информационного отдела ЦК КП(б)У о работе в Александровском районе 9 декабря 1920 г. отмечалось: «Большая часть губернии находится в сфере действия и влияния махновцев. Таково положение в районах Гуляй-Польском, Ореховском и почти по всему Александровскому уезду, где рассыпаны штабы Махно. Эти штабы рассылают агитаторов, разгоняют волревкомы, организуя вместо них вольные советы, запрещают населению выполнять советскую разверстку и снабжать красные части, вербуют добровольцев в партизанские отряды. Бандиты убивают членов ревкомов, политработников, продагентов и даже сестер милосердия и раздевают красноармейцев. Население терроризировано» [1].

12 декабря рано утром махновцы напали на город Бердянск и заняли его. В 14 часов они начали отход и к 16 часам оставили город, явно избегая встречи с советскими воинскими частями. За десять часов своего пребывания в этом небольшом городе махновцы убили 86 человек и среди них председателя ревкома Михеловича; насиловали женщин; ограбили ряд советских уч-

---

[1] «За власть Советов». Сборник документов и воспоминаний о борьбе за установление и упрочение Советской власти на территории Запорожской области (1917—1920 гг.). Запорожье, 1957, стр. 202—203.

реждений. Город был разрушен артиллерией. Надолго запомнили бердянцы эту жестокую, бессмысленную махновскую «прогулку».

Борьба с бандитизмом в конце 1920 г. стала одной из главных задач Советской власти на Украине. С этой целью Советское правительство образовало «Военное совещание» во главе с командующим войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе. Значительно были усилены войска ВЧК. В основном очаге махновщины, в Александровском районе, ЦК КП(б)У и СНК УССР образовали специальную «Политсекцию Александровского района», которую возглавил народный комиссар внутренних дел Украины В. А. Антонов (Саратовский). В январе 1921 г. все местные чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Правобережной Украине были объединены и подчинены специальному уполномоченному ВЧК, прибывшему из Москвы. Все это сыграло важную роль в подавлении контрреволюции. В дальнейшем замена продразверстки продналогом и другие государственные мероприятия, связанные с проведением новой экономической политики, позволили Коммунистической партии и Советскому правительству преодолеть мелкобуржуазную стихию и на Украине. Подавляющее большинство украинских крестьян сочувственно встретило новый закон. Петлюровский и махновский бандитизм лишился на Украине благодатной почвы. Махновские банды были изгнаны с насиженных мест и стали беспорядочно метаться по Херсонской, Киевской, Полтавской губерниям.

Уже в конце июля 1921 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе мог заявить: «Бандитизм, как вооруженная сила, резко и определенно идет на убыль. Подавляющее большинство прежних крупных бандитских соединений уничтожено... Банды петлюровской окраски, действовавшие на территории Правобережья, потерпели за последнее время ряд крупных военных ударов и в связи с этим, а также в связи с последними экономическими и политическими мероприятиями Советской власти утратили почву в украинской деревне... Среди петлюровских банд полное разложение, что особенно резко выразилось в сдаче целого ряда главарей отдельных соединений — Мордалевича, Богатыренко и других... Значительная часть действующих ныне на территории Правобережья банд — зарубежного происхождения, и появляются [они] у нас периодически, сорганизовавшись или сформировавшись на территории Румынии и Польши при попустительстве румынских и польских властей.

Что касается Левобережья, то здесь приходится отметить... почти полное искоренение самого сильного бандитского соединения, так называемой «повстанческой армии Махно». Махно... к весне текущего года... был вынужден распустить свою армию [1]. 25 мая, очевидно в надежде на широкое развитие повстанческого движения... отдельные шайки Махно вновь соединяются... Наши части изо дня в день вели неослабное преследование... Повстанческая армия в настоящее время почти совершенно ликвидирована... Убиты ближайшие помощники Махно — Забудько, Куриленко, тяжело ранен ряд других (Щусь, Фома Кожин), отбит весь обоз, все тачанки с пулеметами. У одного Махно взято около 40 пулеметов.

Относительно положения на всей Украине можно сказать, что борьба с бандитами вступила ныне в новую форму... Красной Армии, как силе, активно борющейся с бандитизмом, сейчас, ввиду отсутствия крупного противника, делать почти нечего, и на первый план выступает отныне роль ЧК и милиции» [2].

В апреле 1921 г. на основании решения V Всеукраинского съезда Советов Центральное управление чрезвычайных комиссий Украины было преобразовано во Всеукраинскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Согласно постановлению ВУЦИК и СНК УССР от 2 апреля 1921 г. «О Всеукраинской чрезвычайной комиссии», в чекистском аппарате усиливались коллегиальные начала, важнейшие вопросы работы решались коллегией с участием представителей НКЮ и НКВД. Председателем ВУЧК был назначен В. Н. Манцев, членами коллегии Е. Г. Евдокимов, Н. А. Рославец и др.

Внимание чекистского аппарата было сосредоточено на ликвидации бандитизма и петлюровских повстанческих комитетов. Чекисты увязывали свои действия с военным командованием: вели разведку петлюровских и махновских банд, проникали в са-

---

[1] Речь идет о следующем приказе Махно, изданном в марте 1921 г.: «В данное время при известных боевых операциях Красной Армии наша революционная повстанческая армия Украины [Махно] для сохранения живой силы (кроме отдельных боевых групп, действующих самостоятельно.— *Д. Г.*)... распускается. Общая задача боевых групп: 1) разрушать тыл Красной Армии... 2) разрушать линии железных дорог во время летнего сезона, 3) разоружать красные части, причем хорошее оружие в удобных местах должно быть сохранено, 4) стараться увеличить число бойцов в группах и их боеспособность... 6) стараться сохранить сильные группы до известного времени...» (*Д. Лебедь.* Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины. Харьков, 1921, стр. 28—29).

[2] «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У), 28 июля 1921 г.

мую гущу бандитских соединений, вылавливали отдельных главарей и активистов. Они проделали огромную работу по ликвидации петлюровских банд атаманов Мелашко, Лозина, Федотченко, Степового (Пастушки), Бровы, Зирки — на Екатеринославщине, банды Трепета на Киевщине и др. Венцом этой работы была ликвидация «Всеукраинского центрального повстанческого комитета» («Цупкома»).

7 августа 1921 г. информационный отдел Всеукраинской Чрезвычайной комиссии опубликовал отчет о своей работе и сообщил о ликвидации «Цупкома». Как оказалось, в конце 1920 и в начале 1921 г. Екатеринославской губчека удалось арестовать бывшего начальника кавалерии банды Степового — Илью Тимошина (он же Иванов) и бывшего начальника штаба той же банды Гвиненко. В результате этих операций были установлены подробности деятельности петлюровского эмигрантского «Центрального штаба», польской разведки и подпольного «Цупкома», находившегося в лесах Холодного Яра.

Одновременно чекистам удалось напасть на след крупного петлюровского деятеля Гелева. Серб, врач по специальности, этот авантюрист по каким-то неясным причинам связал свою судьбу с петлюровщиной. Вначале он участвовал в похождениях банды Трепета на Киевщине. Потом, после ее разгрома, спасаясь от преследования чекистов, бежал за границу, пробрался в Польшу и явился к Петлюре. Последний вручил Гелеву мандат на организацию повстанческих отрядов и комитетов на советской территории; «Центральный штаб» дал Гелеву несколько явок, и Гелев с группой помощников вернулся на Украину.

Чекисты бдительно следили за деятельностью Гелева и раскрыли его связи с подпольным «Цупкомом». Между тем части 1-й Конной армии во время преследования банды на Екатеринославщине окружили в одном из сел самого Гелева с тремя его помощниками. Буденновцы предложили всем сдаться, но бандиты открыли огонь. В результате перестрелки дом, в котором находился Гелев, загорелся, и этот авантюрист погиб. После этого чекисты приступили к ликвидации организаций, во главе которых стояли соучастники Гелева, связанные с «Цупкомом».

Чекисты установили адрес важной конспиративной квартиры «Цупкома». Эта явка была «накрыта». Здесь были арестованы: видный петлюровец Цыбенко, прибывший из Польши с шифром для связи между петлюровскими организациями, один из их холодноярских атаманов, а также супруги Уманские — содержатели явки «Цупкома».

На основе всех этих данных был выработан план ликвидации «Цупкома». В его разработке приняли участие видные чекисты, работавшие в 1920—1921 гг. на Украине: В. Н. Манцев, К. М. Карлсон, Е. Г. Евдокимов, М. П. Портнов.

В сообщении ВУЧК говорилось: «Начатая органами ЧК ликвидация повстанкомов давала нити, которые вели, с одной стороны, за кордон в стан Петлюры, Львовский польский штаб и к генералу Врангелю (в конечном счете к Антанте), а с другой стороны, в Холодный Яр... где нашел себе приют петлюровский «Цупком»... План захвата «Цупкома» был разработан во всех деталях и дал блестящий результат. Весь «Всеукраинский повстанческий комитет», состоящий из пяти человек, был изъят. Арестованными оказались: голова «Цупкома» полковник Чепилко, секретарь Наконечный (он же Днистров) и члены — Комар и полковник Грин. Начальник штаба «Цупкома» (штабс-капитан Чепилко-младший) при попытке бежать и сопротивляться был убит» [1].

Несмотря на эти поражения, петлюровские эмигрантские вожаки продолжали безрассудную авантюру — готовили так называемое «общее восстание» на территории Советской Украины. Начало «восстания», по согласованию с польским генеральным штабом, они перенесли на осень 1921 г. Польские власти обещали освободить «для пробы» из лагерей 2—3 тыс. интернированных петлюровцев и перебросить их через границу.

Между тем правительства Советской России и Украины потребовали от польского правительства прекращения враждебных действий, противоречащих условиям мирного договора, и высылки из страны главарей заговора. Как известно, 7 октября 1921 г. был подписан протокол, по которому польское правительство обязалось не позже 20 октября 1921 г. выдворить со своей территории Петлюру, Тютюнника и других видных петлюровцев.

Между тем в начале октября 1921 г. из Польши на советскую территорию в районе Острога проник вооруженный отряд петлюровцев под командованием генерала Нельговского. Он взял направление на Волынь. 25 октября в районе села Копиченец

---

[1] Сообщение информационного отдела ВУЧК о ликвидации петлюровских повстанкомов было опубликовано в газете «Коммунист» — органе ЦК КП(б)У (Харьков) 7 августа 1921 г.

За участие в ликвидации «Цупкома» 10 августа 1921 г. ВУЦИК наградил орденом Красного Знамени группу ответственных работников ВУЧК, в том числе В. Н. Манцева, Е. Г. Евдокимова, председателя Екатеринославской губчека А. М. Трепалова, председателя Одесской губчека М. А. Дейча, начальника Особого отдела Киевского военного округа И. А. Воронцова и др.

двинулась на советскую Подолию вторая крупная группа петлюровских войск под командованием подполковника Палия-Черного.

Наконец, в ночь на 5 ноября в районе юго-западнее Олевска с большим отрядом — так называемой киевской дивизией — перешел советскую границу и сам «генерал-хорунжий» Юрий Тютюнник. Как выяснилось впоследствии, польские власти, освободив из лагерей значительное число интернированных войск «УНР», содействовали им в переходе советской границы.

Наконец-то петлюровцы осуществили свой долго вынашиваемый план вторжения на украинскую землю. Они надеялись, что им удастся привести в движение созданные ими на Украине подпольные организации и вовлечь крестьянство в антисоветское восстание. Юрий Тютюнник опубликовал «приказ», в котором объявил, что «разрешается свободная торговля, хранение и перевозка товаров», а также «неприкосновенность частной собственности». В петлюровской газете «Волынское слово» от 10 ноября какой-то журналист разглагольствовал: «Объявленная теперь генералом Тютюнником неприкосновенность частной собственности... слила всех без различия вероисповеданий, партийной и социальной принадлежности... Дружной цепью идут бок о бок крестьянин, помещик, купец, еврей и рабочий». Но это было чистейшее вранье. В действительности ни крестьяне, ни рабочие не поддержали «тютюнниковского рейда».

17 ноября 1921 г. в районе деревни Звиздаль (35 километров северо-западнее Тетерева) кавалерийская бригада Г. И. Котовского и бригада червонного казачества В. М. Примакова разгромили объединенную банду Тютюнника и Палия-Черного. Тютюнник бежал.

Так провалилось последнее крупное вооруженное наступление петлюровцев на украинскую землю. Тем временем Красная Армия и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией окончательно ликвидировали махновский бандитизм.

Под влиянием новой экономической политики крестьяне группами и в одиночку уходили от Махно. Многие добровольно сдавались Советской власти. К осени 1921 г. сдались: член штаба махновской армии Зверев, инспектор артиллерии Шаровский, начальник связи Полено, электротехник Пахарь и другие махновские командиры — всего 30 человек и 2443 рядовых махновца.

Лишь Нестор Махно с горсткой своих «гвардейцев» метался, убегая от преследования Красной Армии и чекистов. В августе 1921 г. Махно с небольшим отрядом прорвался к румынской гра-

нице, 28 августа перешел реку Днестр и сдался румынским властям. Правительства Советской России и Украины в ноте правительству Румынии от 20 сентября 1921 г. заявили: «Известный бандит Махно перешел 28 августа бессарабскую границу у Монастыржевки с шайкой своих приверженцев, ища убежища на территории, которая фактически находится под властью Румынии. Этот разбойник в качестве главаря преступных банд совершил на территории Советской России и Украины бесчисленные преступления, сжигая и разграбляя деревни, избивая мирное население и пытками вымогая у него имущество. Ввиду этого Российское и Украинское правительства обращаются к Румынскому правительству с формальной просьбой выдать им как обыкновенных уголовных преступников упомянутого главаря шаек с его соучастниками» [1]. Правители Румынии не выдали Махно. Многие бежавшие за границу махновцы сами с повинной вернулись на родину. Среди них начальник махновского штаба Виктор Белаш, старые махновские командиры Ф. Каретников, Курильников, Иван Лепетечко, Лесовик и др. Советское правительство амнистировало их.

С ликвидацией мелких вооруженных шаек махновская эпопея, ушедшая в историю с клеймом бандитского движения, закончилась. Нестор Махно перешел на положение эмигранта. Некоторое время он находился в румынском концлагере, затем бежал в Польшу, где был арестован. В 1922 г. его освободили, он переехал в Париж и отошел от политической жизни. Умер Махно 24 сентября 1936 г.

5. Кронштадтский мятеж

Наиболее серьезным выступлением мелкобуржуазной контрреволюции в 1921 г. был кронштадтский мятеж. В феврале в Петрограде началось брожение среди рабочих, закончившееся забастовкой на некоторых предприятиях города, спровоцированной в основном деятелями «социалистических» партий и главным образом меньшевиками, которые использовали недовольство рабочих, страдавших от недостатка продовольствия и хозяйственной разрухи. В Петрограде орудовал в то время член ЦК партии меньшевиков Ф. Дан [2]. На заводских собраниях меньшевики

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 364.

[2] См. *С. Н. Семанов.* Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 года. М., 1973, стр. 41—43.

разглагольствовали о ликвидации заградительных отрядов, боровшихся с мешочниками и спекулянтами, требовали свободной торговли, равного для всех распределения продуктов, «демократических» свобод и перевыборов Советов.

Слухи о брожении среди рабочих петроградских фабрик и заводов дошли до матросов кронштадтской морской базы, среди которых было много крестьян, пришедших на флот взамен испытанных революционных моряков. 25 февраля на линейном корабле «Севастополь» состоялось общее собрание команды, которая решила послать делегацию в Петроград «для выявления причин волнений на фабриках и заводах». Такое же постановление 26 февраля вынесла и команда линейного корабля «Петропавловск». Делегаты матросов наслушались в Петрограде агитаторов «социалистических» партий и по возвращении в Кронштадт выступили на собраниях моряков с отчетом о результатах поездки. Подстрекаемые антисоветскими элементами, моряки «Петропавловска», а затем и «Севастополя» приняли резолюции, повторявшие меньшевистские и эсеровские требования. 1 марта вожаки начавшегося движения созвали матросов кронштадтской морской базы и морских частей, дислоцированных в Петрограде, на Якорную площадь (ныне площадь Революции) на митинг «беспартийных моряков». Выступившие на митинге мнимые «беспартийные» демагогическими выкриками призывали толпу к мятежу. Митинг принял резолюцию, ставшую платформой кронштадтского мятежа. В ней были требования перевыборов Советов, свободы слова и печати для мелкобуржуазных партий, освобождения из тюрем и концлагерей всех осужденных за антисоветские выступления, упразднения политотделов и коммунистических отрядов, предоставления полного права крестьянам распоряжаться землей «так, как им желательно», разрешения свободного кустарного производства и т. д. [1]

Это были типичные для того времени требования мелкобуржуазной контрреволюции. Только некоторые из них (как, например, требования свободной торговли, свободного распоряжения своим хозяйством) отражали экономические интересы мелкобуржуазных крестьянских масс, политические же требования навязывались массам меньшевиками, эсерами и анархистами, сомкнувшимися с белогвардейцами.

2 марта по предложению местных советских властей, стремившихся урегулировать конфликт, состоялось совещание деле-

---

[1] Более подробно о положении в Петрограде к весне 1921 г. и в кронштадтской базе накануне мятежа, а также о причинах мятежа см. в указанной выше работе С. Н. Семанова, стр. 20—77.

гатов от команд кораблей и предприятий Кронштадта для обсуждения выдвинутого на митинге требования о перевыборах Совета. В момент совещания кем-то был пущен провокационный слух, будто против собравшихся движется отряд «в две тысячи человек». Делегаты под руководством писаря с линкора «Петропавловск» С. Петриченко тут же арестовали комиссара Балтийского флота Н. Н. Кузьмина и председателя Совета П. Д. Васильева и решили образовать руководящий движением комитет. Этот комитет в составе пяти человек «в целях охраны» отправился на линейный корабль «Петропавловск», ставший штабом мятежа. В тот же день по его распоряжению матросы заняли типографию, учреждения, штабы и другие важные объекты города.

3 марта состоялось заседание комитета, в котором приняли участие присоединившиеся к мятежу начальник артиллерии Кронштадтской крепости бывший генерал Козловский и некоторые офицеры, впоследствии составившие «штаб обороны» мятежников. Козловский предложил установить связь с Финляндией и начать наступление против Советской власти, пользуясь защитой крепости и внезапностью нападения.

4 марта на собрании делегатов от частей и кораблей был избран кронштадтский «временный революционный комитет». В него вошли 15 «беспартийных» моряков. Это были: председатель — старший писарь линкора «Петропавловск» С. Петриченко; заместители председателя — телеграфист Яковенко и машинный староста Н. Архипов; секретарь — штурман дальнего плавания Кильгаст; члены — мастер лесопильного завода В. Вальк, содержатель аварийной доков Романенко (они ведали гражданскими делами «ревкома»), заведующий обозом Бойков (ведал следственной частью); мастер электромеханического завода Тукин (ведал продовольствием); машинист линкора «Севастополь» Г. Ососов, старший гальванер Ф. Патрушев, матрос «Севастополя» С. Вершинин, старший лекарский помощник Куполов, заведующий школой Орешин, гальванер П. Перепелкин. Лица, близко знавшие этих «беспартийных», отмечали, что Вальк и Романенко были меньшевиками, Тукин и Бойков — домовладельцами, Павлов — бывший сыщик полиции, Орешин — эсер. Ясна была и политическая физиономия Петриченко, которого матросы прозвали «Петлюрой». Большую роль в мятеже играли эсер-максималист А. Ламанов и бывший священник Путилин (отец Сергий), служивший ранее в Кронштадтском соборе. Они редактировали «Известия временного революционного комитета». Их сочинения носили путаный, мелкобуржуазный,

анархистский характер и были пропитаны злобной клеветой против большевиков и Советской власти. Так в одном антисоветском клубке сплелись меньшевики, эсеры, анархисты, священник, бывший полицейский и прочие контрреволюционеры.

После первых же выстрелов в Кронштадт прибыл из-за границы Вилькен, бывший командир линейного корабля «Севастополь», бежавший в свое время от революции. Он предложил «ревкому» помощь в виде 800 вооруженных офицеров и оставался в городе во время мятежа в качестве «представителя» русского отдела американского Красного Креста в Финляндии. Мятеж поддержал и лидер кадетов П. Н. Милюков. В эмигрантских «Последних новостях» он дал такую оценку программе кронштадтцев: «Эта программа может выразиться в кратком лозунге: «Долой большевиков, да здравствуют Советы». «Да здравствуют Советы» — для настоящего момента означает, всего вероятнее, что власть должна перейти от большевиков к умеренным социалистам, которые получат большинство в Советах...» Милюков как бы сформулировал основной лозунг кронштадтских мятежников — «Советы без большевиков» — и согласился с ним, не без оснований надеясь, что впоследствии власть перейдет в руки буржуазии. Лидер эсеров В. Чернов предложил мятежникам помощь людьми и свое посредничество перед иностранными державами для обеспечения их продовольствием. Эмигрантский контрреволюционный «Административный центр» получил от бывшего царского посла в Соединенных Штатах Америки Бахметева 25 тыс. долларов и отправил их в Кронштадт. Кроме того, «Административный центр» прислал из Парижа 50 тыс. франков и установил связь с русскими банкирами и промышленниками, находившимися в Париже, для организации снабжения мятежников продовольствием. Одновременно с этим меньшевики, эсеры, анархисты и нелегальная группа «Уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов Петрограда» вели агитацию среди рабочих Петрограда в поддержку мятежников. Однако питерские рабочие, поняв, к чему могут привести забастовки на предприятиях, отвернулись от мятежников.

В. И. Ленин характеризовал кронштадтский мятеж как яркое проявление «мелкобуржуазной анархической стихии». 8 марта 1921 г. на X съезде партии он говорил: «Что оно означает? Переход политической власти от большевиков к какому-то неопределенному конгломерату или союзу разношерстных элементов, как будто бы даже немножко только правее большевиков, а может быть даже и «левее» большевиков,— настолько неопределенна та сумма политических группировок, которая в

Кронштадте попыталась взять власть в свои руки. Несомненно, что в то же время белые генералы,— вы все это знаете,— играли тут большую роль. Это вполне доказано. За две недели до кронштадтских событий в парижских газетах уже печаталось, что в Кронштадте восстание. Совершенно ясно, что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев, и вместе с тем движение это свелось к мелкобуржуазной контрреволюции, к мелкобуржуазной анархической стихии... Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая, с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата... Как бы ни была вначале мала или невелика, как бы это сказать, передвижка власти, которую кронштадтские матросы и рабочие выдвинули,— они хотели поправить большевиков по части свободы торговли,— казалось бы, передвижка небольшая, как будто бы лозунги те же самые: «Советская власть», с небольшим изменением, или только исправленная,— а на самом деле беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы» [1].

Позднее В. И. Ленин писал: «Характернее всего в кронштадтских событиях именно колебания мелкобуржуазной стихии. Вполне оформленного, ясного, определенного очень мало. Туманные лозунги «свободы», «свободы торговли», «раскрепощения», «Советов без большевиков», или перевыбора Советов, или избавления от «партийной диктатуры» и так далее и тому подобное. И меньшевики и эсеры объявляют кронштадтское движение «своим»... Вся белогвардейщина мобилизуется *«за Кронштадт»* моментально, с быстротой, можно сказать, радиотелеграфической... Крупные банки, все силы финансового капитала открывают сборы на помощь Кронштадту. Умный вождь буржуазии и помещиков, кадет Милюков, терпеливо разъясняет... что не к чему торопиться с учредилкой, что *можно и должно высказаться за Советскую власть — только без большевиков.*

...Милюков прав против Черновых и Мартовых, ибо выдает *действительную* тактику *действительной* белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков: давайте поддерживать кого угодно, даже анархистов, какую угодно Советскую власть, *лишь бы* свергнуть большевиков, *лишь бы* осуществить *передвижку власти!* Все равно, вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков; а остальное,— а остальное «мы», Милюковы, «мы», капиталисты и по-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 23—24.

мещики, «сами» сделаем, анархистиков, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним...» [1]

Когда все попытки урегулировать конфликт мятежниками были отвергнуты, 5 марта Реввоенсовет республики объявил кронштадтцам приказ сложить оружие в течение 24 часов. Срок этот был продлен еще на сутки. Мятежники не выполнили приказа. Тогда 7-я армия под командованием М. Н. Тухачевского начала военные действия.

На стороне мятежников были хорошо вооруженные военные моряки, первоклассная морская крепость, мощная артиллерия. Решено было штурмовать крепость сухопутными частями по льду, окружавшему форты. Первая атака, предпринятая в ночь на 8 марта, не увенчалась успехом. В подготовке решительного штурма большую роль сыграли 300 делегатов X партийного съезда, прибывшие в войска 7-й армии и энергично развернувшие политработу в частях и штабах. 15 марта командующий армией М. Н. Тухачевский отдал приказ штурмовать Кронштадт, и в ночь на 17 марта после мощной артиллерийской подготовки части Красной Армии двинулись по льду на штурм. В 6 часов утра красноармейцы ворвались в крепость и город. Коммунисты, остававшиеся на линкорах «Петропавловск» и «Севастополь», вместе с сознательной частью матросов арестовали своих мятежных «комитетчиков» и офицеров и сдали корабли наступавшим войскам. К утру 18 марта город и крепость были полностью очищены, а главари «ревкома» и белогвардейские офицеры бежали в Финляндию.

Арестованные мятежниками коммунисты, в том числе комиссар Балтийского флота Н. Н. Кузьмин, председатель Кронштадтского Совета П. Д. Васильев, были освобождены. В городе и крепости был восстановлен революционный порядок. Состоялся ряд судебных процессов над участниками мятежа.

В ноябре 1921 г. Советское правительство в ознаменование 4-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции освободило от наказания рабочих и крестьян, вовлеченных в мятеж путем обмана, насилия или по своей малосознательности. Через год ВЦИК провел вторую амнистию, по которой получили полное прощение все рядовые участники мятежа. Тем из них, кто бежал за границу, была предоставлена возможность вернуться на родину. Лишь главари мятежников остались на чужбине и превратились в группу наемных заговорщиков, предлагавших свои «услуги» реакционным кругам эмиграции.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 237—238, 239.

6. Раскрытие «Петроградской боевой организации»

В июне 1921 г. Петроградская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией напала на след подпольной группы бывших участников кронштадтского мятежа. Один из арестованных сознался и дал подробные показания, которые способствовали раскрытию дела. Руководителем группы, носившей название «Объединенная организация кронштадтских моряков», оказался бывший матрос линейного корабля «Петропавловск» М. А. Комаров, исполнявший во время мятежа обязанности коменданта кронштадтского «Временного ревкома». На его квартире обосновался штаб заговорщиков. Здесь чекисты нашли динамит, документы, печать, штамп, бланки и типографский станок, на котором печатались антисоветские прокламации. Чекисты арестовали несколько активистов группы.

Как выяснилось, Комаров с группой участников кронштадтского мятежа пробрался нелегально в Петроград из Финляндии по заданию председателя контрреволюционного кронштадтского «Временного ревкома» С. Петриченко для подпольной антисоветской работы. Заговорщики вербовали сторонников, создавали подпольные ячейки в городских районах и ставили во главе их доверенных людей, преимущественно из числа бывших участников кронштадтского восстания. Так, например, начальником Василеостровского района был поставлен И. А. Федоров, начальником 2-го городского района — И. Аплеев (он же Андреев), начальником Невского района — П. Ищенко, вернувшиеся из Финляндии. Все эти активисты получали от организации ежемесячное вознаграждение в размере 400 тыс. рублей (советскими денежными знаками того времени).

Далее чекисты установили, что «Объединенная организация кронштадтских моряков» являлась частью другой, более крупной «Петроградской боевой организации» («ПБО»), во главе которой стоял профессор В. Н. Таганцев, член ликвидированного в свое время «Национального центра». Арестованный в первые же дни раскрытия дела, Таганцев долго и упорно отказывался давать объяснения, скрывал правду. В конце июля от него все же удалось получить нужные сведения. Стало известно, что «Петроградскую боевую организацию» возглавлял комитет, в который входили В. Н. Таганцев, бывший полковник артиллерии В. Г. Шведов и бывший офицер, агент финской разведки Ю. П. Герман. Эта организация, созданная еще до кронштадтского мятежа, придерживалась кадетского направления и вклю-

чала, кроме «Объединенной организации кронштадтских моряков», еще две группы — профессорскую и офицерскую.

В профессорскую группу входили известный финансист князь Д. И. Шаховской, ректор Петроградского университета, царский сенатор профессор Н. И. Лазаревский, царский сенатор Манухин, профессор М. М. Тихвинский и др. Группа эта «идейно» направляла работу всей организации и разрабатывала проекты государственного и хозяйственного переустройства России, считая, что свержение Советского правительства — это лишь вопрос времени. Н. И. Лазаревский, например, подготовил проекты переустройства местного самоуправления, денежной реформы, план восстановления кредита. Профессор Тихвинский, связанный со старыми служащими нефтяных предприятий Нобеля, собирал сведения о состоянии нефтяной промышленности страны. Разработанные проекты и планы отсылались в заграничный центр организации, в Париж, а сведения о состоянии нефтяной промышленности — бывшим владельцам нобелевских предприятий. В. Н. Таганцев вместе с князем Д. И. Шаховским пытались создать подпольные банковские конторы, чтобы срывать финансовые мероприятия Советского правительства. В профессорской группе состояли также князь К. Д. Туманов, работавший в информационном центре РОСТА и использовавший его материалы в интересах контрреволюции, князь С. А. Ухтомский, геолог В. М. Козловский, на квартире которого хранились динамит и белогвардейская литература, и др.

Офицерскую группу возглавлял сподвижник Юденича — подполковник П. П. Иванов. Группа разработала план вооруженного восстания в Петрограде и области. Оно должно было начаться одновременно в Петрограде, Рыбинске, Старой Руссе, Бологом и на станции Дно и таким образом отрезать Петроград от Москвы. Петроград был разбит на районы, и в каждом из них во главе мятежных сил поставлен опытный офицер. Группе удалось привлечь к антисоветской деятельности несколько офицеров, служивших в Красной Армии и на флоте. Среди таких изменников были: М. Н. Подня (он же Бутгель-Подлобный), дворянин, скрывший свое прошлое, обманным путем вступивший в Коммунистическую партию и ставший комиссаром роты 3-го минно-подводного дивизиона; Г. Х. Рооп, сын генерала, адъютант того же дивизиона, снабжавший документами членов подпольной организации и шпионов.

Кадет В. Н. Таганцев вынашивал идею создания «массовой базы», на которую могла бы опираться «ПБО», и искал связей с антисоветскими группами, действовавшими среди рабочих. Он

непрочь был использовать лозунги мелкобуржуазной контрреволюции — «Свободные перевыборы в Советы», «Советы без большевиков», полагая, что они могут послужить и кадетам. Во время забастовок в Петрограде и кронштадтского мятежа члены «ПБО» (например, Е. Г. Манухина) распространяли среди рабочих прокламации антисоветского содержания, а один из лидеров организации, В. Г. Шведов, выступал с антибольшевистскими речами даже на заводских собраниях. В поисках связи с «демократическими» элементами Таганцев вошел в контакт с группой так называемых «уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов г. Петрограда», созданной по меньшевистским рецептам. Эта группа представляла собой авантюристический блок выходцев из разных «социалистических» партий, выступала под флагом «беспартийности» и вела антисоветскую пропаганду на предприятиях. Деятельную помощь в установлении связи с этой группой оказал Таганцеву кооператор Н. И. Ястребов. Вот что он рассказывал: «В конце марта (1921 г.— *Д. Г.*) ко мне обратился Михаил Кондратович Названов с предложением познакомить одну политическую группу, имеющую связь с заграницей, с меньшевиками. Я ему ответил, что у меня есть знакомый меньшевик. Названов прислал ко мне в кабинет Владимира Николаевича (теперь при очной ставке я вижу, что это Владимир Николаевич Таганцев). Я вызвал к себе в кабинет Павла Николаевича Богомила, старого активного меньшевика, служащего в союзе рабочих производственных кооперативов в должности инспектора... Свидание Богомила с Владимиром Николаевичем состоялось у меня в кабинете. О существовании «Союза уполномоченных фабрик и заводов» я узнал от Богомила, кажется, во время кронштадтских событий... От разговоров с Богомилом... у меня составилось впечатление, что этот социалистический (так именует его Н. И. Ястребов.— *Д. Г.*) блок, включавший также эсеров, носит несколько авантюристический характер, ничего серьезного в смысле широкого массового движения собой не представляет. Этот блок стоял как будто на платформе кронштадтских лозунгов — беспартийных Советов, но в этом блоке было и течение, стоящее за Учредительное собрание... В начале мая с. г. Владимир Николаевич принес мне для передачи Богомилу отпечатанные за границей воззвания «Союза уполномоченных фабрик и заводов» и белые газеты» [1].

«Петроградская боевая организация» помогала группе «уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов» изда-

---

[1] *И. Вардин.* Революция и меньшевики. М., 1925, стр. 144—145.

вать за границей антисоветские прокламации, которые затем распространялись на предприятиях Петрограда. В сообщении ВЧК по этому поводу говорилось: «В мае месяце сего года между Таганцевым и этим блоком (группой «уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов».— *Д. Г.*) было заключено соглашение, в силу которого «ПБО» обязалась предоставлять свои технические средства и аппарат связи для нужд блока. Представители блока пытались склонить Таганцева к подчинению «ПБО» «идейному руководству» «социалистического блока». «С нашей стороны,— говорил Таганцев,— за моральное воспитание наших членов он (представитель блока) желал получить денежную субсидию, а равно техническое содействие работе блока. По вопросу о технической помощи мы изъявили согласие, от моральной опеки мы с Комаровым нашли необходимым воздержаться» [1].

Кстати следует заметить, что и меньшевики пользовались техническими средствами «ПБО». Впоследствии Ф. Дан признавал, что во время кронштадтских событий меньшевики распространяли среди рабочих Петрограда «летучки и воззвания, которые в силу условий печатались в Стокгольме».

Попытки «ПБО» вовлечь в свои ряды трудящихся закончились провалом. Не помог и контакт с группой «уполномоченных фабрик и заводов»,— она сама, по сути дела, не была связана с массами трудящихся. Мечты Таганцева о «массовой базе» не сбылись. В мае 1921 г. Таганцев начал переговоры с находившимся в Финляндии кронштадтским «Временным ревкомом», главари которого (Петриченко, Яковенко, Ососов) просто-напросто торговали участниками кронштадтского мятежа, интернированными в Финляндии, и направляли их по договоренности с разными антисоветскими группами в Россию для подпольной работы. По соглашению между «ПБО» и «Временным ревкомом» в Петроград приехали несколько моряков во главе с Комаровым, «работу» которых оплачивала «ПБО». Эта группа, образовавшая «Объединенную организацию кронштадтских моряков», заменила собой «массовую базу» организации, на нее и возлагали надежды главари заговора.

«Объединенная организация кронштадтских моряков» занялась вербовкой сторонников и подготовкой террористических актов и диверсий. Террористической деятельностью организации руководил матрос В. И. Орловский, заочно осужденный к расстрелу за шпионаж еще в 1919 г. Этот шпион, служивший

[1] «Известия ВЦИК», 31 августа 1921 г.

финской и американской разведкам, приобрел гранаты, динамит; его разбойничья группа взорвала в Петрограде памятник В. Володарскому, подожгла трибуны в день первомайского праздника; она готовила взрывы предприятий, террористические акты против деятелей большевистской партии и налет на поезд, в котором перевозились государственные ценности.

Из центра «Петроградской боевой организации», созданного за границей, организация получала десятки миллионов рублей. В сообщении ВЧК указывалось: «ПБО» имела значительные связи с белыми кругами за рубежом. До съезда национального объединения центр этой организации в Париже составляли генерал Владимиров, кадеты Карташев и Струве, бывший царский министр Коковцев, Иваницкий и др. В то время как Владимиров организовывал распыленные эмигрантские военные круги, Коковцевым и Струве была организована группа финансистов для оказания продовольственной и финансовой помощи Петрограду после переворота. В Финляндии центр организации составляли редактор белой газеты «Новая русская жизнь», бывший ректор Петроградского университета (член ЦК кадетской партии.— *Д. Г.*) профессор Д. Д. Гримм, член редакции той же газеты кадет Новицкий и глава русского Красного Креста в Финляндии профессор Цейдлер.

Задачи подготовки вооруженного восстания были тесно связаны с интенсивной работой по шпионажу в пользу финского генерального штаба и Франции. По показаниям участников заговора, политический и экономический шпионаж являлся одним из источников финансовых средств для работы в белых организациях. По отношению к Финляндии доставляемые петроградскими организациями сведения о положении Советской республики служили компенсацией за допущение Финляндией существования на ее территории зарубежных белых центров и свободного перехода курьеров через границу. Курьеры «ПБО» Судравский, Болотов, Таль и один из лидеров — Герман — состояли на службе разведывательного отдела финского генерального штаба [1].

Арест Таганцева, гибель шпиона Германа, убитого при незаконном переходе границы, внесли замешательство в ряды заговорщиков. В это время произошла смена зарубежного руководства «ПБО». На съезде правых белоэмигрантских группировок в Париже состоялось их объединение под руководством бежавшего из России с остатками своих войск барона Врангеля,

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 31 августа 1921 г.

который стал руководителем «Союза освобождения России». Финансирование этой монархистской организации взял на себя Торгово-промышленный комитет. Один из главарей «ПБО» — В. Г. Шведов — вошел в «Союз освобождения России» и получил задание выехать в Петроград для активизации работы «ПБО» и объединения всех правых группировок. Одновременно в Петроград был послан и резидент «Союза освобождения России» лейтенант П. В. Лебедев. Но надежды заговорщиков, связанные с выездом в Петроград П. В. Лебедева и В. Г. Шведова, не оправдались. ВЧК удалось напасть на их след. На квартире бывшего морского офицера шпиона Г. В. Золотухина, служившего на советском эсминце «Азард», чекисты устроили засаду, в которую и попал посланец Врангеля Лебедев. При аресте он оказал сопротивление, застрелил чекиста. На явочной квартире «ПБО», принадлежавшей бывшей дворянке Т. Н. Арнгольд, сотрудники Особого отдела ВЧК арестовали В. Г. Шведова, который также отчаянно сопротивлялся и убил двух чекистов.

Аресты профессионального разведчика П. В. Лебедева (он совершил 19 переходов через границу) и одного из главарей «ПБО» — В. Г. Шведова позволили выявить новые шпионские гнезда, созданные как «ПБО», так и врангелевским «Союзом освобождения России». Были ликвидированы явочные квартиры финляндской, американской, французской и английской разведок в Петрограде (эти квартиры содержали дочь царского генерала О. П. Рафаилова, бывшая дворянка Е. Г. Манухина, купец И. Д. Калачев, бывшая помещица О. С. Лунд, дочь царского полковника М. В. Карлович, контрабандисты В. П. Матвеев и К. М. Зубер, некая Е. А. Антипова) и арестован ряд шпионов. На явочной квартире американской разведки у морского офицера Г. Д. Дмитриева был обнаружен курьер американской разведки Старк, который застрелил двух чекистов и скрылся. В сообщении ВЧК указывалось, что «ПБО» была связана с другими белыми организациями в Петрограде. Русская белая организация, работавшая на американскую разведку, располагала рядом явочных квартир в Петрограде и имела связи среди морских офицеров, в числе которых были флаг-интендант штаба Балтийского флота бывший лейтенант Дмитриев, мичман Золотухин, мичман Кунцевич и др. Сначала она являлась чисто шпионской организацией, продававшей добываемую ею информацию о политическом, военном и экономическом положении Советской республики финскому генеральному штабу и американцам. После кронштадтского восстания эта организация приступила к созданию боевых ячеек из матросских групп, руководимых из

Финляндии. Подобная же организация, работавшая на французскую разведку, пользовалась покровительством французского консульства в Гельсингфорсе. Во главе ее стояли бывшие русские офицеры Николай Лион и Степанов (псевдоним «Стефан»). В Петрограде организацию возглавляли бывший колчаковец капитан Мейзе, подполковник Дурново, временно исполнявший обязанности начальника 2-го отдела Петроградского окружного артиллерийского управления, и начальник управления военно-морских учебных заведений бывший контр-адмирал Зарубаев. Организация эта вначале также преследовала разведывательные цели в пользу Франции, но после кронштадтского восстания, по предписанию из-за границы, перед нею была поставлена задача создания боевых групп из матросов, присланных при посредничестве барона Вилькена из Финляндии, и распределения этих матросов по заводам. Эта организация стала доставлять информационный материал для белогвардейских центров, обосновавшихся за рубежом [1].

К Ленину неоднократно поступали ходатайства в защиту некоторых буржуазных специалистов и интеллигенции, арестованных по делу «ПБО». Владимир Ильич тщательно проверял такие заявления, требуя от Чрезвычайной комиссии представления данных об обоснованности ареста. В частности, к Ленину поступали заявления в защиту профессоров В. Н. Таганцева и М. М. Тихвинского. Ленин убедился в том, что арест этих лиц был обоснованным, и оставил ходатайства без последствий. В связи с ходатайством Русского физико-химического общества за профессора химии М. М. Тихвинского, изобличенного в экономическом шпионаже, Ленин заметил: «Тихвинский не «случайно» арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга» [2].

По этому же делу В. И. Ленин рассматривал и ходатайство об освобождении инженера-технолога консультанта Госплана М. К. Названова, приговоренного Петроградской губчека к расстрелу. Вина Названова заключалась в том, что весною 1921 г. он через Н. И. Ястребова свел В. Н. Таганцева с антисоветской группой «уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов г. Петрограда». В. И. Ленин получил прошение отца Названова о смягчении участи сына, а также положительные характеристики о работе Названова со стороны Л. Б. Красина, председателя Госплана Г. М. Кржижановского и двух рабочих —

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 31 августа 1921 г.

[2] См. Ленинский сборник XXXVII, стр. 311, 314; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 278—279; т. 53, стр. 169.

членов ЦК профсоюза рабочих сахарной промышленности. Кржижановский рассказал Ленину о том, что Названов раньше действительно был антисоветски настроен, но весною или летом 1921 г. (очевидно, после совершения Назвaновым преступления) он, Кржижановский, заметил у Названова перелом в настроениях и взял его на работу в Госплан. Владимир Ильич, таким образом, убедился в том, что Названов не представлял опасности для Советской власти, и потребовал приостановить исполнение постановления Петроградской губчека и рассмотреть вопрос о судьбе Названова на заседании Политбюро ЦК РКП(б). Со своей стороны Владимир Ильич предложил «отменить приговор Петрогубчека и применить приговор, предложенный Аграновым (следователем ВЧК, расследовавшим дело «ПБО».— *Д. Г.*).., т. е. 2 года с допущением *условного* освобождения»[1]. Политбюро ЦК РКП(б) согласилось с этим предложением, и Названов был освобожден. В. И. Ленин интересовался и после этого поведением Названова. В частности, он поручил потребовать через два месяца отчет о работе Названова в Госплане.

Общее количество арестованных по делу «ПБО» составляло свыше 200 человек. По постановлению Петроградской чрезвычайной комиссии от 29 августа 1921 г. наиболее опасные из них; в том числе Таганцев, Шведов, Лебедев, Орловский, были расстреляны, остальные заключены в концлагерь.

7. «Левые» в период разгула мелкобуржуазной стихии и кулацких восстаний

Кулацкие выступления и разгул мелкобуржуазной, анархической стихии, распространившиеся в стране после окончания гражданской войны, оживили и левацкие течения мелкобуржуазной «демократии», казалось бы ушедшие в небытие в период гражданской войны.

Группа левых эсеров, возглавляемая И. З. Штейнбергом и приближавшаяся к советским позициям, оказалась недолговечной. «Активистские» элементы партии, «вдохновленные» поднявшейся крестьянской стихией и кулацкими выступлениями, включились в антисоветские движения и в ряде случаев направляли их. Они считали эти движения «крестьянской революцией».

В 1920 г. анархистские группы в большинстве своем существовали легально, издавали газеты. В марте 1920 г. ЦК РКП(б)

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 53, стр. 255.

указывал, что Советская власть и Коммунистическая партия проводят «строжайшее разграничение между анархистами-революционерами и анархистами-контрреволюционерами, ибо... и в среде анархизма грязная контрреволюционная идеология свила себе прочное гнездо». Анархисты, не принимающие участия в антисоветской деятельности, могут свободно заниматься пропагандой своих идей. Но подпольные анархисты-контрреволюционеры не могут требовать от Советской власти снисхождения [1]. В 1921 г., после окончания гражданской войны, анархисты под влиянием разгула мелкобуржуазной стихии, так же как и другие мелкобуржуазные организации, включились в антисоветские движения, возрождая группы анархистов подполья.

В ночь на 26 августа 1921 г. в Таганской тюрьме Москвы во время спектакля для заключенных шестеро из них вышли во двор, подошли к главным воротам тюрьмы, постучались и, когда надзиратель открыл дверь, напали на него, разоружили, при помощи отобранного ключа открыли наружные ворота, вышли из тюрьмы и скрылись.

Выяснилось, что бежали левые эсеры. Среди них: С. С. Ган-Погодин — бывший губвоенком и товарищ председателя Череповецкого губисполкома в 1918 г., Е. С. Филатов-Бурятов — бывший секретарь Калужского губкома левоэсеровской партии, И. С. Елисеев-Семенов — активный деятель петроградской организации.

В следующую после побега ночь чекисты настигли беглецов в Москве, на Шаболовке, в Варваровском переулке, 21, в квартире Е. А. Смирновой и Б. Н. Уткина. Беглецы оказали вооруженное сопротивление, но были задержаны. При обыске в квартире чекисты нашли 4 типографские полукассы, шрифт, две накатные доски, по-видимому части нелегальной типографии, и левоэсеровскую литературу. Здесь были и подпольные листовки: «К рабочим, крестьянам и красноармейцам» — 29 экз.; «К трудовому крестьянству» — 36 экз.; «Товарищи крестьяне!» — 22 экз.; первомайская — «Товарищи крестьяне и рабочие» — 21 экз.; «Кронштадтская революция» — 13 экз.; «К рабочим, крестьянам и красноармейцам» № 1 — 29 экз.; «Товарищи красноармейцы!» — 1 экз.; «Всероссийская каторга» — 22 экз.; «Как смотрит партия левых социалистов-революционеров на задачи профессиональных союзов» — 32 экз.; «Кропоткин» — 22 экз.; «Резолюция Бромлея» — 22 экз. Здесь же были обнаружены два

---

[1] См. *Л. М. Спирин.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.), стр. 396, 397.

револьвера и патроны. Вместе с участниками побега была задержана эсерка Л. А. Головина. Стало ясно, что это конспиративная квартира «активистской» группы левых эсеров.

Найденная на квартире литература и допрос арестованных позволили установить, что левоэсеровские «активисты» распространяли среди крестьян, рабочих и красноармейцев прокламации, в которых разжигали ненависть к большевикам и поддерживали антисоветские выступления в стране. Они писали: «В Сибири, на Украине, на Урале, в Саратовской, Самарской, Казанской, Тамбовской, Воронежской и Курской губерниях катится волна крестьянской революции. Факел грядущей революции — Кронштадт... Товарищи крестьяне, помните завет кронштадтских героев!» Листовки повторяли кулацкую клевету о «насилиях» советских органов в отношении крестьян, выступали против сельских «комитетов бедноты», называли бедняков «последними людьми — лодырями и пьяницами», призывали к установлению «истинного социализма и подлинной Советской власти». «Партия левых социалистов-революционеров твердо знает,— «учили» они,— что всякая централизованная государственная власть, в чьих руках она ни будь, должна неизбежно привести к рабству трудового народа... Крестьянский союз должен быть основан, товарищи крестьяне!.. В его руках будет защита отдельных хозяйств. Требуйте скорейшего созыва Всероссийского крестьянского съезда... свободно избранного съезда...» Несмотря на проводившиеся Советским правительством реформы в хозяйственной жизни страны, они продолжали твердить свои набившие оскомину «идеи»: «Только социализированные фабрики и заводы и другие предприятия, управляемые самими рабочими и им принадлежащие, способны поднять промышленность, наладить транспорт и снабдить деревню продуктами фабричного производства. Только вольная рабоче-крестьянская кооперация, обслуживаемая миллионами практических дельцов из среды трудящихся, сможет наладить правильный обмен и распределение продуктов сельского хозяйства и городской промышленности».

В условиях существовавшей тогда хозяйственной разрухи, недостатка средств для поднятия производства, необходимости сконцентрировать все силы и средства в руках пролетарского государства, в условиях бушевавшей мелкобуржуазной стихии такая агитация левых эсеров была особенно вредна.

Арестованные принимали и непосредственное участие в выступлениях мелкобуржуазной контрреволюции. С. С. Ган-Погодин был арестован в Тамбове, куда его командировало левоэсе-

ровское руководство в период антоновщины. На судебном процессе он объяснил, что тамбовские левые эсеры были среди восставших крестьян, чтобы вести пропаганду своих «идей». Подсудимый И. С. Елисеев-Семенов во время кронштадтского мятежа вел антисоветскую агитацию среди рабочих Путиловского завода и на «Треугольнике», выезжал в Москву для информации левоэсеровской организации и ознакомления ее с резолюциями кронштадтских мятежников. Е. А. Смирнова, П. А. Сугуцкий-Смирнов, В. Н. Уткин и Л. А. Головина содержали конспиративную квартиру левоэсеровской группы, хранили и распространяли антисоветские листовки.

Судебный процесс по этому делу происходил в Верховном революционном трибунале 27—29 июня 1922 г. под председательством А. А. Сольца с участием обвинителя Васильева и защитников Динесмана, Липскерова и др. Суд приговорил С. С. Гана-Погодина, Е. С. Филатова-Бурятова, И. С. Елисеева-Семенова,— «имея в виду, что эти лица не осознали конечных целей преступления»,— к 3 годам лишения свободы каждого, а Е. А. Смирнову, В. Н. Уткина, П. А. Сугуцкого-Смирнова и Л. А. Головину — к условному лишению свободы сроком на один год каждого.

16 августа 1921 г. группа вооруженных грабителей совершила в Москве налет на кассу Главного военно-инженерного управления (ГВИУ) и захватила 100 млн. рублей. Служащие конторы подняли тревогу. Грабители, бросив мешок с деньгами, бежали. За ними началась погоня. Налетчики открыли стрельбу, в результате которой оказались убитыми и ранеными семь человек, находившихся на Смоленском рынке. Один из бандитов был окружен толпой. Он пытался застрелиться, ранил себя и был задержан. У него нашли записки и несколько адресов. По этим данным в ночь на 17 августа сотрудники Московской чрезвычайной комиссии арестовали соучастников раненого бандита «Трошки» (Т. П. Силантьева). Это были члены группы «анархистов подполья»: П. Д. Турчанинов, В. С. Потехин, С. Д. Барон, Илья Шапиро, Шерешевская, Карасик, Ахромеев, Чекмасов и др. Почти одновременно был арестован и содержатель конспиративной квартиры анархистов, уголовник В. И. Фаер. Установив квартиру одного из участников налета на ГВИУ, Тихона Каширина, чекисты устроили в ней засаду. Через некоторое время появился неизвестный, который открыл перестрелку с чекистами и убил одного из них, но и сам был убит. Он оказался участником налета Иваном Бубновым. После этого на квартире Бубнова и Т. Н. Романова были задержаны анархисты

И. Н. Гаврилов и Тихон Каширин — главные участники налета на ГВИУ. Потом была арестована и «идейная» вдохновительница анархиствующих бандитов — Фаня Анисимовна Барон. Во время обысков чекисты нашли литографские камни, краски, экспедиционную бумагу, револьверы и переписку анархистской группы.

Инициатором создания группы был Павел Турчанинов (он же Лев Черный). В подпольной анархистской деятельности он участвовал и в 1919 г. Между прочим, на его квартире в свое время печаталось «извещение» анархистов о совершенном ими злодейском взрыве в Московском комитете РКП(б). Тогда анархистское подполье было разгромлено. А теперь, два года спустя, Турчанинов (в момент разгула кулацких выступлений) решил, что снова пришло его время. В инициативную группу по созданию организации входили также остававшиеся на свободе с 1919 г. анархисты подполья Владимир Пивоваров, Юзик Перельман и Шапиро. Начало деятельности группы положил Юзик Перельман, который организовал в Казани налет на артельщиков Райлескома, захватив у них около 200 млн. рублей, и из этих денег дал Павлу Турчанинову несколько десятков миллионов рублей на «организационную работу». Инициативная группа решила привлечь в организацию лиц, известных по прежней анархистской деятельности, в том числе отбывавших наказания в тюрьме в Рязани Ивана Гаврилова, Тихона Каширина, Виктора Курбатова и Фаню Барон. Для этого они устроили 10 июля 1921 г. побег из тюрьмы. Намерения группы были широкие: они мечтали повсеместно создать подпольные организации анархистов для террористической борьбы с Советской властью.

Пока же преступники устроили нелегальную типографию для печатания фальшивых советских денежных знаков. Турчанинов и Потехин связались с уголовником Фаером, договорились установить на его квартире станок для печатания денег, закупили специальную бумагу, заказали клише и т. п. Вопросы этики не беспокоили бандитствующих псевдореволюционеров. Павел Турчанинов объяснял потом, что он «как-то не подумал, что делает зло», изготовляя фальшивые денежные знаки, ухудшая финансовое положение рабоче-крестьянской страны. Другой участник этого позорного дела, В. Потехин, заявил, что «предпочитает лучше экспроприацию, чем печатание фальшивых денег при Советской власти»; И. Гаврилов же упрямо твердил на следствии, что «как экс (экспроприация.— *Д. Г.*), так и печатание фальшивых денег, даже в условиях Советской

власти, является этичной и революционной работой». Бандит же «Трошка» признал, что «печатный станок гораздо больше грешит против революционной этики, чем экс». Уголовники, находившиеся в анархистской группе, торопили главарей поскорее начать печатание денег. Турчанинов отчетливо сознавал опасность этого. «В их руках,— говорил он,— деньги пойдут на их личные, ничего общего с анархистской работой не имеющие надобности». Но все же он передал им «типографию». Преступникам не удалось приступить к фабрикации фальшивых денег; они были своевременно арестованы. Все типографское оборудование и материалы были изъяты Чрезвычайной комиссией.

Одновременно с приготовлениями к печатанию фальшивых денежных знаков подпольщики занимались и грабежами. 1 августа 1921 г. Тихон Каширин и Иван Бубнов в Москве в Армянском переулке во время налета убили артельщиков Центрального управления торфа Рунова и Железнякова.

По постановлению Московской чрезвычайной комиссии активные участники этой группы анархиствующих бандитов были расстреляны[1].

Все эти действия левоэсеровских «активистов» и анархиствующих бандитов вынудили ВЧК принять решительные меры против них. В Москве, Петрограде и других городах страны были проведены аресты преступников.

8. Голод и контрреволюция

Летом 1921 г. в районах Поволжья, Приуралья, Кавказа, Крыма и части Украины засуха уничтожила посевы. Плодороднейшие районы, являвшиеся житницей страны, не дали не только хлеба для снабжения населения, но и семян для нового посева. Советская страна, не оправившаяся от хозяйственной разрухи, унаследованной со времен империалистической и гражданской войн, оказалась перед новым страшным бедствием — голодом. К зиме и весне 1922 г. голод охватил свыше 30 млн. человек, то есть почти четвертую часть населения страны того времени. Особенно тяжело было в Поволжье, где население от голода вымирало.

Советское правительство принимало чрезвычайные меры для борьбы с голодом. Миллионы трудящихся, работая на фабриках, заводах и полях страны, отчисляли из своего скудного заработ-

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 30 сентября 1921 г.

ка и полуголодного пайка продовольствие и деньги для помощи голодающим. Но внутренние ресурсы были ничтожны, разоренная страна нуждалась в помощи извне. В. И. Ленин призвал международный пролетариат оказать такую помощь. А. М. Горький обратился ко всем честным людям Европы и Америки с просьбой помочь русскому народу. Призыв В. И. Ленина и обращение А. М. Горького встретили широкий отклик среди трудящихся за рубежом. Нашлись, однако, и силы, попытавшиеся использовать стихийное бедствие, постигшее Советскую страну, в контрреволюционных целях.

В июне 1921 г. А. М. Горький предложил учредить общественный Всероссийский комитет помощи голодающим. За это предложение ухватились бывшие кадетские «общественные деятели»: С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, бывший царский министр Н. Н. Кутлер и др. Они образовали инициативную группу по созданию комитета. 21 июля состоялось собрание этой группы совместно с представителями Советской власти. Кишкин долго рассуждал о значении участия буржуазной «общественности» в работе по ликвидации народного бедствия. Он потребовал «независимости» организаций учреждаемого комитета, «строгих гарантий» со стороны советских органов в отношении деятельности работников комитета, полную сохранность его грузов и пожертвований. Он говорил о том, что комитету надо предоставить право и возможность связываться с зарубежными организациями. Было ясно, что «общественные деятели» намереваются использовать свое участие в борьбе с голодом в политических целях. Представитель Советского правительства, присутствовавший на собрании, указал, что правительство не связывает себя никакими политическими обязательствами и не собирается делать из данного начинания никаких политических выводов. Характер же гарантий, которые может дать правительство, определяет диктатура пролетариата. «Мы гарантируем деловой работе комитета все условия, которые могут делать успешными ее практические результаты. Деловая работа не встретит никаких препятствий со стороны правительства и местных властей» [1].

Желая привлечь к борьбе с голодом возможно больше общественных сил, Советское правительство пошло навстречу предложению инициативной группы. В тот же день, 21 июля 1921 г., декретом ВЦИК был учрежден Всероссийский комитет помощи голодающим. Ему присвоили знак Красного Креста, под

[1] «Известия ВЦИК», 22 июля 1921 г.

флагом которого он должен был работать. Первоначально Комитет был утвержден в составе 63 человек, большинство его, за исключением нескольких представителей правительства и советских работников, состояло из общественных деятелей старой формации. Только председатель Комитета и его заместитель назначались ВЦИК, остальные члены президиума избирались закрытой баллотировкой на общем собрании Комитета, которому предоставлялось в дальнейшем право самостоятельно пополнять свой состав. Всероссийский комитет помощи голодающим был наделен правами образовывать свои отделения на местах и за границей, приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты и другие предметы, распределять их среди голодающих.

Буржуазные элементы расценили создание Всероссийского комитета помощи по-своему. Контрреволюционеры надеялись, что они сумеют, прикрываясь легальной работой, превратить местные отделения Комитета в органы политической борьбы и направить их против Советской власти. Белогвардейская эмиграция торопилась связаться с членами Комитета. Большие надежды на Комитет возлагали и агенты международного империализма.

Широкое общественное движение за границей заставило и заправил капиталистического мира выразить свое отношение к проблеме помощи голодающим в России. 10 августа 1921 г. Верховный совет Антанты принял решение образовать комиссию «для выяснения возможности оказать помощь голодающему населению России». Во главе комиссии был поставлен всем известный враг Советской власти, бывший посол Франции в России Нуланс. Комиссия Нуланса в качестве непременных «условий предоставления помощи голодающим России» потребовала от Советского правительства признания внешних долгов царского и Временного правительств, «достаточных гарантий соблюдения будущих обязательств» и создания «нормальных условий» экономической жизни в стране.

В Соединенных Штатах Америки на призыв А. М. Горького откликнулась Американская администрация помощи (АРА), которую возглавлял министр торговли Герберт Гувер. АРА являлась ассоциацией нескольких благотворительных, религиозных и националистических обществ, действовавших под управлением единой администрации. Ее целью было оказание продовольственной и иной помощи пострадавшим от войны народам Европы. Одной из тайных задач этой организации было империалистическое проникновение в разные страны и оказание на

них политического воздействия. Во время начавшихся переговоров с Советским правительством представители АРА добивались права бесконтрольной деятельности, экстерриториальности своих отделений на земле Советской России и даже потребовали предоставления залога в обеспечение того, что доставленное в Россию продовольствие будет использовано «по назначению». В. И. Ленин, внимательно следивший за ходом переговоров с АРА, 13 августа 1921 г. писал:

«Ввиду того что подлые американские торгаши хотят создать видимость того, будто мы способны кого-то надуть,

предлагаю формально предложить им тотчас по телеграфу от имени правительства...

следующее:

мы депонируем[1] золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120% того, что они в течение месяца дают на миллион голодных детей и больных. Но условие наше тогда такое, что ввиду столь полной материальной гарантии ни малейшей тени вмешательства не только политического, но и административного американцы не допускают и ни на что не претендуют. Т. е. тогда отпадают все пункты договора, дающие им хоть тень права на административное хотя бы только вмешательство. Проверка же производится паритетными комиссиями (от нашего правительства и от них) на местах.

Этим предложением мы утрем нос торгашам и впоследствии осрамим их перед всем миром»[2].

АРА во время переговоров в Риге вынуждена была отказаться от претензий на залог и от ультимативного домогательства экстерриториальности своих представителей. 20 августа было заключено приемлемое для обеих сторон соглашение. Администрации АРА предоставлялись довольно широкие права по размещению своих отделений, самостоятельному набору сотрудников, распоряжению своими фондами и т. д. Советское правительство получило, однако, право отвода сотрудников американских отделений.

В середине августа 1921 г. в Женеве состоялась конференция представителей международных и национальных организаций Красного Креста, которые избрали популярного общественного деятеля, норвежского полярного исследователя Фритьофа Нансена главным уполномоченным организаций Красного Креста по оказанию помощи голодающим в России. Нансен без

---

[1] То есть фактически даем залог.— *Д. Г.*

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 53, стр. 115—116.

лишних проволочек вступил в переговоры с Советским правительством и 27 августа заключил с ним соглашение о работе созданной им организации — Исполнительного комитета международной помощи России, в который входили и представители Советской власти. В отличие от АРА, Нансен всю работу по распределению продовольствия в России предложил проводить через местные органы власти.

Соглашение с АРА и деятельность международной организации помощи голодающим Нансена раскалывали единый фронт, который, используя голод, пытались образовать империалисты против Советской России. Лишь правительства стран Антанты, представленные в комиссии Нуланса, не достигли соглашения с Советским правительством. Вскоре выяснилось, что империалистические круги питают большие надежды на деятелей из Всероссийского комитета помощи голодающим. Агенты французского правительства уже начали переговоры с представителем этого комитета в Париже — М. И. Скобелевым.

Всероссийский комитет помощи голодающим образовал в стране большое количество местных отделений, в которые вошло немало буржуазных «общественных деятелей». Благодаря своему большинству в комитете кадетские деятели избрали для посылки за границу делегацию во главе с Н. М. Кишкиным, С. Н. Прокоповичем, Е. Д. Кусковой. Они торопили с отъездом делегации, явно стремясь принять участие в политических переговорах между Советским правительством и правительствами капиталистических стран.

Советские органы своевременно разгадали политические ухищрения деятелей Всероссийского комитета. 18 августа ВЦИК признал необходимым отложить поездку этой делегации за границу и предложил Комитету выделить максимальное число своих членов для практической работы в районах, охваченных голодом. Большинство Комитета, не согласившееся с решением ВЦИК, 23 августа в ультимативной форме потребовало пропустить делегацию за границу, пригрозив в противном случае прекратить работу.

27 августа ВЧК произвела ряд обысков и арестов среди членов Комитета. По этому поводу ВЧК сообщила: «С первых же дней возникновения Комитета в ВЧК стали поступать сведения, указывающие на то, что группа членов Комитета, не отказавшаяся на деле от своих активных политических задач, подошла к народному бедствию Поволжья как средству политической борьбы и заговора против Советской России, возложив все надежды на новую интервенцию заграничных капиталистов в но-

вой форме. Эта группа устраивала ряд тайных собраний, заводила, пользуясь легальностью ВКПГ (Всероссийского комитета помощи голодающим.— *Д. Г.*), связи и т. п. Все эти данные заставили ВЧК произвести 27 августа сего года среди членов Комитета и лиц, окружавших его, ряд обысков и арестов, которые дали богатый материал, подтверждающий правильность предварительных данных».

У члена партии кадетов Кафьевой, являвшейся секретарем Кишкина, чекисты обнаружили писанную рукой Кишкина подробную схему переустройства Советской России — с верховным правителем во главе государства, с канцлером, с государственной думой и государственным советом, с областными, губернскими, уездными и волостными начальниками и т. д. У арестованного несколько ранее другого члена Комитета — П. Т. Саламатова — были обнаружены «тезисы доклада по поводу записки «Воссоздание единой России»», в которых оспаривалась схема Кишкина. В тезисах предлагалось после низвержения Советской власти образовать единую сильную национальную власть, указывалось, что только единоличная диктаторская власть способна восстановить порядок в России. В тезисах предусматривался способ свержения Советов — ряд местных восстаний, сливающихся затем в единое движение под руководством из центра.

Во время обысков и арестов служащих комитета и лиц, связанных с ними, в здании Комитета были обнаружены документы, свидетельствующие о его совершенно определенной политической работе. Так, например, у инструктора-организатора местных комитетов Е. С. Галкиной было изъято письмо, в котором она указывала, что «вокруг Комитета завязывается интересная работа», сообщала о целом ряде организаций и лиц, занимающихся антисоветской деятельностью на Украине. Заведовавший отделом общественных работ Комитета петроградский инженер М. Метт в письме от 22 августа в Ригу рекомендовал своему другу «члена Комитета и заграничной миссии С. Н. Прокоповича как «своего» человека, которому надлежит оказывать всяческое содействие и находиться в его полном распоряжении». В другом письме, адресованном Национальному банку в Нью-Йорке, Метт писал: «Национальному банку, Нью-Йорк. Настоящим подтверждаю мой чек за № 116, подписанный мною 30 марта 1921 г., на сумму 3000 долларов; благоволите выплатить означенную сумму моему представителю в Риге (Латвии) мистеру Эфраиму Нибургу или тому, кого он укажет, а также заметьте, что мистер Эфраим Нибург — инженер — будет являться моим

представителем в Риге до тех пор, пока изменится порядок вещей в России. С уважением М. Метт, инженер». Член комитета Булгаков в своем дневнике, касаясь политической деятельности Комитета, писал: «И мы и голод — это средство политической борьбы» [1].

Стало ясно, что Комитет помощи голодающим является на самом деле центром антисоветской работы. 30 августа 1921 г. Советское правительство сообщило, что «большинство Комитета окончательно оказалось в плену политических расчетов, не имеющих ничего общего с интересами голодающих, и что Комитет склонен пренебречь интересами деловой работы ради участия в той контрреволюционной политической игре, которая завязалась вокруг его создания среди заграничных белогвардейцев и вдохновляемых ими правительственных групп Европы. Советское правительство, вынужденное с сожалением констатировать этот результат своего шага, направленного к возможно широкому привлечению бывших активных противников Советской власти к делу помощи голодающим, постановило ликвидировать Комитет. Вместе с тем Советское правительство призывает всех тех, кто не согласен приносить интересы голодающих в жертву контрреволюционным расчетам, напрячь свои силы и на почве широкой самодеятельности вести дальше дело помощи голодающим» [2]. Наиболее активные «деятели» из Всероссийского комитета помощи голодающим — Н. М. Кишкин, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова и др. — были в административном порядке высланы из Советской страны.

Однако империалисты стран Антанты продолжали попытки использовать голод в Советской России для осуществления своих политических целей. 4 сентября 1921 г. Нуланс сообщил Советскому правительству о решении возглавляемой им комиссии направить в Россию «комитет экспертов, уполномоченных произвести на месте быстрое и подробное обследование размеров нужд и способов к наиболее быстрому и наиболее действительному их удовлетворению». Нуланс потребовал, чтобы этим «обследователям» в количестве около 30 человек были предоставлены «все необходимые условия и гарантия» для работы. Он привел подробный перечень вопросов, подлежавших обследованию,— это была, по существу, плохо замаскированная программа сбора шпионских сведений о состоянии России. Возмущенный требованиями Нуланса, В. И. Ленин в тот же день заявил:

---

[1] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.». Сборник документов, стр. 466.

[2] «Известия ВЦИК», 30 августа 1921 г.

«Нуланс нагл до безобразия». В предложенном проекте постановления Политбюро Ленин писал: «Поручить Чичерину составить в ответ Нулансу ноту отказа в самых резких выражениях типа прокламации против буржуазии и империализма, особенно подчеркнув контрреволюционную роль самого Нуланса, особо указав издевательски-наглый характер предложения послать до всякого договора комиссию шпиков под названием комиссии экспертов... Особо подчеркнуть, что мы не можем ни секунды верить в желание помочь гг. Нулансов *при таком их подходе к делу*»[1].

В ноте правительствам Великобритании, Франции, Италии и Бельгии[2] от 7 сентября 1921 г. народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин указывал: «Трудящиеся России не забыли имени того, кто был одним из самых злостных и коварных врагов их во время борьбы не на жизнь, а на смерть, которую они вели против контрреволюции и иностранного вмешательства. Они не забыли того, что с самых первых дней существования рабоче-крестьянского правительства в России господин Нуланс среди иностранных представителей больше всех прилагал усилий, чтобы не допустить соглашения и взаимного понимания между Советским правительством и правительствами Антанты... Господин Нуланс все свои силы отдал подготовке заговора против безопасности Республики и против жизни ее руководящих деятелей, подготовке восстаний, вербовке участников всевозможных авантюр, направленных против Республики, попыткам устраивать взрывы мостов и железнодорожные крушения и т. д. На г-на Нуланса падает главная вина за восстание чехословаков, обманутых врагами русского народа и вовлеченных ими в борьбу против Советской власти. Г-н Нуланс был одним из наиболее активных руководителей той самой системы блокады, которая привела весь русский народ в состояние разорения и нищеты, в значительной мере обусловивших нынешнее неслыханное бедствие голода... Назначение этого постоянного руководителя всех предприятий, направленных против Советской России, представителем международной комиссии помощи голодающим уже само по себе глубоко поразило широкие массы русского народа и вызвало в них величайшее негодование. Комиссия г-на Нуланса заменила помощь голодающим собиранием сведений о внутреннем состоянии Советской

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 116.

[2] В комиссию Нуланса входили дипломаты этих стран и крупные иностранные собственники предприятий, национализированных в России.

России. Она выставила обширную программу расследования, требующую для своего выполнения продолжительного времени и сводящуюся к установлению ресурсов и средств Советской России в области земледелия, транспорта, скотоводства и т. д., причем это должно делаться под руководством тех людей, которые уже занимались этим изучением в ничем не прикрытых целях устройства мятежей и облегчения продвижения иностранных армий на территории Советской Республики. Голод и страдания трудящихся России оказались поводом для этой комиссии, чтобы попытаться узнать, какими силами и средствами располагает Советское правительство.»

Отказываясь удовлетворить домогательства комиссии Нуланса, Советское правительство вместе с тем указывало, что «оно пойдет в полной мере навстречу всякой другой организации, раз оно увидит, что эта организация действительно хочет заняться помощью голодающим. Всякой такой организации Советское правительство предлагает установить вполне точно и конкретно способы оказания помощи и способы контроля над распределением предоставляемых для помощи голодающим средств в виде формального договора, по примеру тех, которые уже заключены с Американской администрацией помощи и с верховным комиссаром Нансеном... В предложениях же комиссии Нуланса Советское правительство усматривает лишь неслыханное издевательство над миллионами умирающих голодающих» [1].

Все попытки Фритьофа Нансена привлечь к делу честной помощи голодающим правительства стран Антанты и Лигу наций наталкивались на непреодолимые преграды. В книге «Россия и мир», изданной в 1923 г., Нансен указывал, что главным препятствием, которое он встречал, был тот довод политических деятелей Европы, что «помощь умирающему от голода и страдающему русскому народу была бы равносильна поддержке Советского правительства и большевиков». «Сердца политических деятелей,— говорил Нансен,— часто бывают черствы и бесчеловечны». IX Всероссийский съезд Советов в специальном обращении к Фритьофу Нансену 25 декабря 1921 г. указывал: «Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробивавшего путь через вечные льды мертвого Севера, но оказавшегося бессильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушие правящих классов капиталистических стран» [2].

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 307—311.
[2] Там же, стр. 594.

В. И. Ленин писал: «Капиталисты, управляющие сейчас сильнейшими государствами в мире — как Англия, Америка, Франция — правда заявили нам, что они-де тоже хотят помогать нашим голодающим крестьянам, но на таких условиях, которые означают передачу в их руки всей власти над нашей рабоче-крестьянской республикой. Дело понятное. Когда же видано, чтобы кровопиец рабочего человека, капиталист и ростовщик помогал ему бескорыстно. Голодом трудового человека класс капиталистов всегда пользовался, чтобы закабалить его тело и душу. И нашим голодом хотят сейчас воспользоваться, чтобы уничтожить нашу кровью добытую свободу, навеки вырвать власть из рук рабочих и крестьян и посадить над их головами снова царя, помещика, хозяина, станового пристава и чиновника» [1].

Антисоветскую деятельность пытались вести и сотрудники Американской администрации помощи. Руководитель АРА Герберт Гувер не скрывал своего враждебного отношения к советскому строю и, заключая соглашение с Советской Россией, преследовал, конечно, собственные цели [2]. Строго соблюдая условия Рижского соглашения, Советское государство и его органы на местах внимательно наблюдали за деятельностью американских представителей.

Создав аппарат в Советской стране, АРА укомплектовала его американскими сотрудниками (их было около 300), многие из которых являлись кадровыми разведчиками. Директором АРА в России был полковник Хаскель, а его секретарем — разведчик Джон А. Лерс (в прошлом американский консул в Петрограде). Разведчиками были также помощник директора Мэтьюз Филипп, представитель по Юго-Востоку России М. А. Дрисколь, уполномоченный в Казани Джон Г. Бойд, в Башкирии — Крейг, руководитель украинского отдела полковник В. Р. Гров, в Одессе — полковник Хайнес, в Белоруссии — армейский разведчик Гарди и др. В качестве русских сотрудников деятели АРА часто принимали к себе на службу людей с темным, антисоветским прошлым, реакционных священников, бывших эсеров, кулаков. Кроме распределения продовольствия и руководства питательными пунктами, этот аппарат немало времени отдавал разведывательной и подрывной антисоветской деятель-

---

[1] Ленинский сборник XXXIV, стр. 425.

[2] США, между прочим, при посредничестве АРА избавлялись от залежей военных запасов продовольствия, что давало возможность капиталистам поднимать цены на сельскохозяйственные товары внутри страны.

ности. Сотрудники АРА совершали частые поездки по стране (пытались проникать даже в пограничные районы, где не было питательных пунктов), вербовали в свою агентурную сеть неустойчивых людей из советских граждан, «опрашивали» лиц, обращавшихся за помощью в АРА, собирали секретные и официальные сведения о состоянии промышленности, сельского хозяйства и военном положении Советской страны.

По заданию американского разведчика из АРА Вудворта некий Пальчич собирал секретные карты нефтепромыслов Баку, Сураханы и Грозного с указанием мест расположения нефтяных скважин, вышек, сведения о производственных мощностях нефтеперегонных заводов, о военной промышленности, электростанциях и полезных ископаемых.

В ряде мест, подбадриваемые деятельностью АРА, подымали голову кулацкие элементы, усиливалась антисоветская агитация. По одному только Самарскому уезду с декабря 1921 по октябрь 1922 г. за антисоветские выступления, связанные с американской помощью, было привлечено к ответственности 44 кулака. Оживлялись и белогвардейские элементы.

Органы государственной безопасности Советской страны вели неустанную борьбу с попытками шпионской и подрывной деятельности американских разведчиков под вывеской АРА. Например, Царицынским ГПУ за активный сбор разведывательных сведений и оскорбительные действия в отношении местных властей был выслан из Советской страны американский разведчик из АРА Фой. Советские же граждане, изобличенные в незаконной деятельности, привлекались к суду или по требованию советских органов увольнялись от работы в организациях АРА [1].

И все же Советское правительство сумело установить с АРА деловые отношения в работе по оказанию помощи голодающим. Это дало возможность направить богатые ресурсы этой организации на помощь голодающим.

...Бедствия, причиняемые голодом, создали почву для усиления религиозных суеверий и предрассудков. Малосознательные массы искали спасения от этих бедствий у сверхъестественных сил. В 1921—1923 гг. по стране прокатилась волна «обновления чудотворных икон», крестов, которые якобы были ниспосланы

---

[1] Более подробные данные о подрывной деятельности АРА в Советской стране см. в работах: *Н. Ф. Городничий.* Малоизвестная страница деятельности АРА в Советской стране.— «Вопросы истории», 1968, № 12, стр. 47—58; *А. Н. Коган.* Антисоветские действия американской администрации помощи (АРА) в Советской России в 1921—1922 гг.— «Исторические записки», 1949, т. 29, стр. 3—30.

богом для помощи или в наказание людям. Церковь как религиозная организация, стремившаяся сохранить свое влияние на широкие массы, не могла остаться в стороне от тяжелых испытаний, выпавших на долю народа, и должна была принять участие в борьбе с голодом. Патриарх Тихон 22 августа 1921 г. обратился к населению с воззванием, в котором рекомендовал жертвовать в пользу голодающих «кто сколько может» [1]. Вместе с тем реакционное духовенство устраивало массовые крестные ходы с «обновленными чудотворными иконами», молебны на выжженных солнцем полях, возбуждая в народе религиозный фанатизм, и исподволь настраивало население против «безбожной» Советской власти, будто бы повинной в голоде.

В июне 1921 г. в селе Боево Воронежского уезда распространились слухи о том, что в местном храме «обновилась» старая икона под названием «Достойна есть». Неграмотные, отсталые крестьяне, преимущественно женщины, устроили паломничество к иконе и стали требовать от духовенства выдачи ее для молебствий. Получив икону, толпы крестьян двинулись с нею на поля. Они верили, что икона поможет избавиться от засухи. Священники устраивали торжественные встречи иконы с колокольным звоном, молебны, акафисты и т. п. Религиозный психоз, охвативший крестьян, был настолько велик, что во многих окрестных деревнях также «появились» «обновленные» иконы, и не только в храмах, но и в домах крестьян. Дело о вдохновителях и организаторах ложного «чуда» рассматривалось Воронежским губернским революционным трибуналом. В его приговоре от 22 октября 1921 г. отмечалось: «Научно-психиатрическая экспертиза установила развитие эпидемии массового религиозного психоза (у крестьян.— *Д. Г.*), а судебное следствие установило извлечение материальных выгод из этого народного бедствия для другой стороны — черничек и церкви». Революционный трибунал признал привлеченных к ответственности крестьян, а также некоторых священнослужителей «одержимыми религиозным психозом» и освободил их от наказания. 11 подсудимых были оправданы, и лишь 7 священнослужителей приговорены к общественно-исправительным работам, без лишения свободы, сроком на шесть месяцев каждый условно [2].

В Рязанской губернии предметом поклонения стала хранившаяся в Троицком монастыре «чудотворная» икона, которой в 1613 г. рязанский архиепископ Феодорит якобы «благословлял»

---

[1] ЦГАОР, ф. 353, т. 5, д. 254, л. 2—3.
[2] См. «Революция и церковь», 1922, № 1—3, стр. 49—52.

на царствование Михаила Романова. Настоятель монастыря священник Эвергетов выдал эту икону председателю церковного совета Рыковой слободы Копину, который устроил обход с нею домов во многих селениях. Сопровождавший икону кортеж белого и черного духовенства устраивал молебствия, а контрреволюционно настроенные лица многозначительно напоминали, что этой самой иконой «благословляли» на престол царя Михаила Романова [1].

Когда народное бедствие достигло предела, в общественных организациях трудящихся стали подумывать о том, чтобы для борьбы с голодом использовать огромные ценности, имевшиеся в церквах. Об этом говорили на многочисленных собраниях рабочих и крестьян. А в январе 1922 г. представители голодающих губерний обратились с подобным ходатайством к Советскому правительству. 23 февраля ВЦИК принял решение «изъять из церковного имущества все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть самого культа», и передать в фонд помощи голодающим. Тогда-то в полной мере и выявилось истинное лицо реакционного духовенства. 28 февраля 1922 г. патриарх Тихон обратился с воззванием ко всем «верующим чадам российской православной церкви», в котором, касаясь постановления ВЦИК, провозглашал: «С точки зрения церкви подобный акт является актом святотатства, и мы священным нашим долгом почли выяснить взгляды церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных чад наших... Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, освященных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами вселенской церкви и карается ею как святотатство, мирян — отлучением от нее, священнослужителей — низвержением из сана» [2].

Это был прямой призыв к неподчинению постановлению Советского правительства. Воззвание Тихона объявлялось с амвонов церквей, передавалось из уст в уста и возбудило волну беспорядков, нередко кровавых. 12 марта 1922 г. комиссия по изъ-

---

[1] См. «Известия ВЦИК», 1 февраля 1922 г.

[2] ЦГАОР, ф. 353, оп. 5, д. 254, л. 5—6.

Как установила впоследствии авторитетная экспертиза, состоявшая из научных работников и церковных деятелей, ссылки в воззвании патриарха Тихона на церковные каноны, якобы воспрещающие обращение церковных ценностей на помощь голодающим, были неосновательны. Церковные каноны не воспрещают обращения церковных ценностей на благотворительные дела.

ятию церковных ценностей в городе Шуе Иваново-Вознесенской губернии явилась в соборный храм, где уже собралась враждебно настроенная толпа. Комиссию встретили криками и ругательствами. Наиболее ретивые черносотенцы из толпы толкали членов комиссии и наносили им удары. Желая избежать столкновения, комиссия решила отложить выполнение задания до 15 марта. Но 15 марта по призыву черносотенного духовенства в храме и на соборной площади собралась еще бо́льшая толпа. Когда к собору подошел наряд милиции для установления порядка, толпа встретила его камнями. На колокольне храма стали бить в набат. Колокольный звон продолжался полтора часа, возбуждая массы. К месту сборища явилась полурота красноармейцев. Из толпы раздались револьверные выстрелы. Красноармейцев окружили и, оттеснив от строя четырех, обезоружили их и тяжко избили. Тогда красноармейцы вынуждены были стрелять. В перестрелке погибло четыре человека.

В правительственном сообщении по этому поводу указывалось: «Со времени издания декрета об изъятии церковных ценностей для спасения голодающих и для восстановления их хозяйства на верхах духовенства началась явно преступная работа, выражающаяся в издании противоправительственных воззваний с призывом не сдавать золота, серебра и бриллиантов, в рассылке контрреволюционных организаторов и в частных совещаниях духовных заправил совместно с влиятельными мирянами, преимущественно из бывших купцов и крупных чиновников, продолжающих играть руководящую роль в группах верующих. Держась сами в тени, привилегированные заправилы церкви стараются всюду на первое место выдвинуть наиболее темные элементы населения, старух, кликуш и даже детей. Руководствуясь единственно задачей удержать церковные ценности, созданные народом, в своих руках, заправилы церкви распространяют чудовищные и бессмысленные слухи о том, будто бы ценности пойдут не голодающим крестьянам, а на уплату Польше или на расходы Красной Армии и пр. На почве такого рода преступной агитации, нити которой сходятся в едином руководящем центре, возникли в нескольких местах недоразумения при приступе комиссий по изъятию к своей работе, определенной декретом Президиума ВЦИК...

Правительству чужда мысль о каких бы то ни было преследованиях против верующих и против церкви... Ценности созданы трудом народа и принадлежат народу. Совершение религиозных обрядов не потерпит никакого ущерба от замены драгоценных предметов другими, более простыми. На драгоценности

же возможно купить достаточное количество хлеба, семян, рабочего скота и орудий, чтобы спасти не только жизнь, но и хозяйство крестьян Поволжья и всех других голодающих мест Советской федерации. По призыву и требованию самих голодающих, а также рабочих, крестьян и красноармейцев всей страны Президиум ВЦИК постановил произвести изъятие церковных ценностей. Подавляющая масса низшего духовенства признала и признает этот декрет безусловно правильным и справедливым. Только клика князей церкви, привыкших к роскоши, золоту, шелкам и драгоценным камням, не хочет отдавать эти сокровища на дело спасения миллионов погибающих. В жадном стремлении удержать в своих руках ценности какой бы ни было ценой центральная привилегированная клика не останавливается перед преступными заговорами и провокацией открытых мятежей... Сохраняя по-прежнему полное внимание и терпимость к верующим, Советское правительство не потерпит, однако, ни единого часа, чтобы привилегированные заправилы церкви, облаченные в шелка и бриллианты, создавали особое государство церковных князей в государстве рабочих и крестьян» [1].

Сопротивление верхушки духовенства было сломлено. В фонд помощи голодающим поступило большое количество церковных ценностей, которые пошли на спасение жизни людей.

Огромными усилиями Коммунистической партии, советского народа, его правительства, при помощи международного пролетариата к 1923 г. голод в стране удалось ликвидировать. Контрреволюции не удалось использовать его в своих целях.

9. Конец дутовщины

Весною 1920 г., после крушения колчаковщины, разгромленные Красной Армией отряды атамана оренбургского казачьего войска А. И. Дутова включились в «Отдельную Семиреченскую армию» Б. В. Анненкова и вместе с нею перешли китайскую границу. Они расположились в землянках вблизи города Чугучака, а некоторая часть в самом городе.

Скопившаяся на китайской территории масса развращенной ничегонеделанием военщины (анненковцев, дутовцев, семеновцев, колчаковцев) и сопровождавших ее беженцев представляла собою угрозу для Советской страны, в частности для соседнего

[1] «Известия ВЦИК», 28 марта 1922 г.

Семиречья. Это скопище было опасно и для китайских властей. Обнищавшие, потерявшие надежду на лучшее будущее, люди зверели, теряли всякое представление о совести, чести, добре и зле.

К началу 1921 г. атаман Дутов задумал объединить все остатки русской военной белогвардейщины в Китае. Неоднократно битый Красной Армией, он вновь ввязывался в борьбу с Советской властью. Дутов установил контакты с антисоветскими зарубежными организациями, с Врангелем, с английскими разведывательными органами, с басмачами и готовился к крупным операциям против Советской страны. В октябре 1920 г. в письме к командующему ферганскими басмачами Иргашу Дутов писал: «Еще летом 1918 г. от Вас прибыл ко мне в Оренбург человек с поручением от Вас — связаться и действовать вместе. Я послал с ним Вам письмо, подарки: серебряную шашку и бархатный халат в знак нашей дружбы и боевой работы вместе. Но, очевидно, человек этот до Вас не дошел. Ваше предложение — работать вместе — мною было доложено Войсковому правительству Оренбургского казачьего войска, и оно постановлением своим зачислило Вас в оренбургские казаки и пожаловало Вас чином есаула. В 1919 г. летом ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал Ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака едет миссия в Хиву и Бухару, послал с нею Вам вновь письмо, халат с есаульскими эполетами, погоны и серебряное оружие и мою фотографию, но эта миссия, по слухам, до Вас не доехала. В третий раз пытаюсь связаться с Вами. Ныне я нахожусь на границе Китая у Джаркента в г. Суйдун. Со мной отряды всего до 6000 человек. Теперь я жду только случая ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с Вами и общность действий. Буду ждать Вашего любезного ответа».

Надо было обезвредить Дутова. Советские чекисты задумали «выманить» Дутова на советскую землю или похитить его и за все его злодеяния предать суду.

Для этого необходимо было проникнуть в расположение Дутова, войти в доверие к лицам, окружавшим его, и изыскать способ доставить Дутова на советскую сторону. Эту сложную задачу поручили группе чекистов, и в том числе Касымхану Чанышеву, у которого были родственники на китайской территории и который мог поэтому появиться там, не вызывая подозрений.

Касымхан Чанышев перешел границу и прибыл в Кульджу. Там он встретил друга детства полковника Аблайханова, слу-

жившего переводчиком у Дутова, и через него добился свидания с последним. Он сыграл роль «недовольного Советской властью» и предложил Дутову свои услуги для работы в советском тылу. Весьма подозрительный по натуре, генерал, однако, поверил Чанышеву и дал ему задание вернуться в Джаркент, приступить к подготовке восстания, подробно информировать его о положении дел и поддерживать с ним постоянную связь через доверенных людей. Дутов предупредил Чанышева, что в случае измены найдет его «даже на дне моря и расстреляет».

Завязалась «игра» чекистов с Дутовым. В нее был включен в качестве «связного» между Чанышевым и Дутовым чекист Махмуд Ходжамиаров. Последний стал приносить с советской стороны интересующие Дутова «сведения», а для Чанышева от Дутова — указания и контрреволюционные листовки для распространения среди населения. Дутов в свою очередь послал в помощь Чанышеву своего агента Нехорошко. В «игру» были включены и другие чекисты, получившие таким путем доступ к Дутову. Чанышев завоевал доверие атамана.

В январе 1921 г. чекисты решили приступить к завершению операции по захвату Дутова. Ее назначили на 6 февраля 1921 г. Авторы книги «Из истории органов государственной безопасности Узбекистана» Р. Арипов и Н. Мильштейн на основании документальных материалов подробно описали проведенную операцию. В намеченный день в крепости Суйдуне собрались тщательно проинструктированные участники операции; каждый из них четко знал свои обязанности. У ворот крепости с лошадьми дежурили Азиз Ашурбакиев, Кудек Баймысаков и Юсуп Кадыров. Ходжамиарову предстояло пройти с письмом от Чанышева к Дутову, а Баймысакову — «убрать» часового, стоявшего у дверей квартиры Дутова. Передавая письмо Дутову, Ходжамиаров должен был сильным ударом в голову оглушить его, а затем вместе с Баймысаковым втиснуть атамана в мешок и нести к лошадям. Если бы кто-нибудь заинтересовался содержимым мешка, участникам операции следовало ответить, что они несут полученные воззвания. Сам Чанышев должен был находиться неподалеку от дверей караульного помещения и в случае необходимости открыть огонь по окну и двери помещения и задержать конвой.

Войдя к Дутову, Ходжамиаров передал ему письмо следующего содержания: «Господин атаман, хватит нам ждать, пора начинать. Все сделали. Готовы. Ждем только первого выстрела. Тогда и мы спать не будем. Ваш *Чанышев*». В ту минуту, когда Дутов начал читать письмо, Ходжамиаров ударом оглушил его

и сразу же позвал Баймысакова. Но тут в комнату неожиданно вошел адъютант Дутова, который, проходя мимо, заметил отсутствие часового. Увидев в комнате Ходжамиарова и Баймысакова, которые склонились над оглушенным атаманом, адъютант выхватил оружие, но был убит успевшим выстрелить раньше Баймысаковым.

Конвоиры пытались выбежать из караульного помещения, но путь им преградил Чанышев. Ходжамиаров, видя, что похитить в такой обстановке Дутова невозможно, выстрелом в упор убил атамана. Убедившись, что Дутов мертв, Ходжамиаров и Баймысаков выпрыгнули через окно во двор и бросились к воротам крепости. К ним присоединился и Чанышев. Все трое вскочили на коней и, отстреливаясь, галопом помчались к границе. Вскоре они были в безопасности [1].

Настала очередь покончить и с белогвардейским скопищем, образовавшимся в Китае. Один из участников событий, бывший белый эмигрант, впоследствии писал: «Весною 1921 г. в Чугучаке наступил настоящий голод... Ежедневно на улицах умирали люди, трупы которых по нескольку дней никем не убирались — они лежали скорчившись, в арыках, на скамейках около земляных стен. Нищих и больных появилось ужасающее количество. С раннего утра до вечера они шли беспрерывной вереницей, и у дверей все время слышался несмолкаемый стон: «О-ой байбича, ой бай, ой баяй» — или русское: «Подайте милостинку, христа ради». Вглядываясь в лица русских, лишь с трудом можно было узнать в этих лохматых, сгорбленных, дрожащих фигурах знакомых людей: «Вот этот полуголый, хрипло скулящий «христа ради»... бывший сельский хозяин, за ним дикий, косматый субъект в опорках — бывший инженер, дальше офицер, он почти беспрерывно плачет, вот учитель, вот окончивший консерваторию музыкант, лесничий, женщина с двумя ребятишками, за ней еще и еще... Они ходят по улицам Чугучака, одни из них просят милостыню, другие еще не просят, но скоро будут просить...

...Грабежи к тому времени сделались уже обычным явлением и происходили почти каждую ночь. Нападали преимущественно на беженцев, т. к. они были наиболее беззащитны. Люди не спали, ходили с палками по дворам и ждали, когда дойдет до них очередь. Однажды грабители были почти обнаружены, один из них был убит и опознан, оказался офицером. За следст-

---

[1] См. *Р. Арипов. Н. Мильштейн.* Из истории органов госбезопасности Узбекистана, стр. 118.

вие взялись русские и, в конце концов, добрались до главы шайки — ею оказался старый толстозадый щеголь полковник...»

Заканчивая свое повествование, автор писал: «Я хочу подвести общий итог всех переживаний, всего опыта, всего, что передумали и перечувствовали люди за период своей борьбы с Советской властью, своего пребывания в пределах колчаковщины, своего крестного пути в Китай и жизни в нем. Я напрягаю всю свою мысль, я хочу вникнуть в то неведомое, что называется человеческим сердцем, и, ясно сознавая всю нравственную ответственность за сказанное, зная, что написанное мной послужит материалом будущему историку, я говорю: подавляющее большинство не понимало, за что, почему и с кем они боролись; не понимало в широком значении этого слова, т. к. многие боролись за свои личные интересы, но, так сказать, в глубину не видели ничего...

Страдания учат многому. Военную диктатуру, власть буржуазии и бюрократии люди изучили хорошо. Дикость и никудышность их стояли у каждого перед глазами. Во времена колчаковщины, а в особенности там, в далеком Китае, все приняло простые ясные формы, все обнажилось. Стесняться было нечего, и перед людьми во всем великолепии выступило все, скрытое раньше под громкими фразами, размалеванными декорациями и густым слоем грима. В Китае спали последние покровы, румяна и белила слиняли, и под ними показалось дряблое, гнусное, отжившее лицо... Старое было безнадежно скомпрометировано, нового не могли видеть. Пустота. С одной стороны — безобразная военщина и лавочники, с другой — страшная Советская республика...» [1]

Это была безнадежность людей, потерявших родину... Советское правительство решило предпринять операцию по ликвидации белогвардейщины в Китае и возвращению этих отчаявшихся людей к мирной жизни на родине. 24 мая 1921 г. части Красной Армии по соглашению с китайскими властями перешли границу и двинулись на лагери белогвардейцев. Многие из этих людей были взяты в плен и переброшены на советскую территорию. Здесь они постепенно включались в мирную жизнь страны. Лишь непримиримые враги советского строя, профессиональная белогвардейская военщина продолжали свои авантюры. Теперь, после гибели Дутова, ими стал командовать на китайской территории генерал-лейтенант А. С. Бакич.

---

[1] «Сибирские огни», 1923, № 1-2, стр. 106—107, 109—110.

10. Дело Унгерна

Среди многочисленных и разных врагов революции и Советского государства, действовавших в первые годы Советской власти, особое место принадлежит барону Унгерну фон Штернбергу. Этот отпрыск древнего рода прибалтийских баронов, предки которого состояли членами ордена меченосцев и участвовали в крестовых походах, являлся одним из злейших врагов советского строя.

Военная карьера барона, служившего в русских войсках и до революции, была связана с Забайкальем. Сюда он вместе с казачьим атаманом Семеновым был послан после революции Керенским для формирования бурятских полков. В годы гражданской войны Унгерн фон Штернберг подавлял народные движения в Сибири и Забайкалье. За эти «заслуги» Семенов присвоил своему помощнику, 35-летнему Унгерну, чин генерал-лейтенанта. В 1920 г. барон, расставшись с Семеновым и разбитыми Красной Армией колчаковцами, самостоятельно организовал вооруженную банду из разбойничьего сброда: русских казаков-монархистов, а также контрреволюционно настроенных монголов, китайцев, бурят и японцев. Местом своей деятельности он избрал Монголию. Здесь хозяйничали тогда китайские милитаристы, ликвидировавшие остатки монгольской автономии. Глава ламаистской церкви «живой бог» — богдогэгэн — вместе с монгольской феодальной знатью жалко пресмыкался перед чиновниками пекинского правительства. Вместе с тем в стране поднималось мощное народно-освободительное движение, руководимое Монгольской народно-революционной партией во главе с Сухэ-Батором.

Барон Унгерн, хорошо знавший обстановку в Монголии, играя на национальных чувствах монгольского народа, выдвинул лозунг «освобождения» страны и восстановления ее автономии. Он сумел воздействовать на богдогэгэна, которого насильно привез в свой штаб, и заручился обещанием его поддержки. В конце 1920 г. Унгерн со своей бандой двинулся в Монголию. В феврале следующего года он захватил ее столицу — Ургу — и восстановил богдогэгэна на престоле. Фактически диктатором в стране стал он сам.

В Урге окончательно оформились «философия» и политическое кредо барона. Отпрыск христианских рыцарей-крестоносцев, сокрушавших неверных «за веру Христову», барон Унгерн выступил против европейского «гнилого Запада» и выдвинул идею... воссоздания «Срединной Азиатской империи», подобной

империи Чингисхана, чей образ он избрал своим идеалом. Эта империя должна была объединить под властью свергнутой народом в Китае маньчжурской династии Цин все территории, на которых жили племена «монгольского корня»,— Китай, Маньчжурию, Монголию, Тибет и некоторые области Советского Туркестана. В последующем барон мечтал восстановить монархию в России и во всем мире.

Будущее человечества представлялось Унгерну весьма просто. Власть в государствах должна принадлежать монархам, опирающимся на дворян и аристократию; фабрики и заводы — их владельцам, земля — помещикам. Рабочие, крестьяне, солдаты должны работать, служить и повиноваться монарху, капиталистам и помещикам. И никакого участия в государственной и общественной деятельности. Всякая революция — враг государства и народов. Порядок в стране должен поддерживаться силой; за нарушение дисциплины и веры в бога применять телесные наказания (до 100 ударов палками или кнутом) и казни.

Унгерн сносился с китайскими генералами, боровшимися против революционного движения в Китае и за восстановление монархии (Чжан Цзо-лин); с маньчжурским принцем, претендентом на престол в Срединном царстве; с феодальной верхушкой монгольских племен. Как средневековый рыцарь, он предлагал им свою саблю и службу: писал письма, приглашал объединиться во имя не дававшей ему покоя «идеи».

В письме, направленном главам киргизских племен, Унгерн писал: «Зная хорошо Запад, где родились гибельные учения большевизма и коммунизма, зная западную культуру, оценивая пользу и вред, идущие оттуда, я ясно вижу, что монгольским племенам, где бы они ни жили, грозит смертельная опасность как со стороны Русской, так и со стороны Китайской революции... Надо спасаться и начать борьбу... Я продумал план этой борьбы. Он одобрен Святейшим Богдоханом и лучшими людьми Монголии. Борьба эта — в объединении всех племен внешней и внутренней Монголии, управляемой ныне Богдоханом и его правительством в Урге. Дальнейшей задачей — соединение всех племен и верований монгольского корня в одно независимое могущественное Срединное государство, которое будет как ветвь огромного дерева питаться от могучего древнего древа, верное прежним заветам Срединной империи, возглавляемое императором из кочевой Маньчжурской династии, носительницы веры, верности и любви ко всем народам великого Могола» [1].

[1] *Ем. Ярославский.* Барон Роман Унгерн фон Штернберг. Птб., 1922, стр. 6.

В письме одному из китайских генералов он так формулировал свои замыслы: «Следующий этап организационной работы в Азии, работы, идущей под лозунгом «Азия для азиатов», является образование Срединного Монгольского царства, в которое должны войти все монгольские народы. Я уже начал сношения с киргизами и отправляю письмо влиятельному деятелю Алаш-орды, бывшему члену Государственной думы, очень образованному киргизскому патриоту, потомку наследственных ханов Букеевской орды (от Иртыша до Волги) — А. М. Букайхану.

Необходимо вам из Пекина действовать в этом направлении на Тибет, Китайский (восточный) Туркестан и особенно в первую очередь на Синсян (Синьцзян.— *Д. Г.*)...

Необходимо подчеркнуть во всех сношениях необходимость спасения Китая от революционной смерти путем восстановления маньчжурской династии...» В окончательном восстановлении династии Цинов, писал Унгерн, «я вижу меру борьбы с мировой революцией».

Унгерн понимал, что восстановление монархии в России — дело очень трудное, и поэтому, предлагая свою службу китайскому реакционному генералу, писал ему: «Я, к сожалению, остался в настоящее время без хозяина. Семенов меня бросил, но у меня есть деньги и оружие. Вашему превосходительству известна моя ненависть к революционерам, где бы они ни были, и потому понятна моя готовность помогать работе по восстановлению монархии под общим руководством вождя, генерала Чжан Цзо-лина. Сейчас думать о восстановлении царей Европы из-за испорченности европейской науки и вследствие испорченности этих народов, обезумевших под идеями социализма, невозможно. Пока возможно только начать восстановление Срединного царства и народов, соприкасающихся с ним, до Каспийского моря и только тогда начать восстановление Российской монархии, если народ к тому времени образумится. А если нет, то и его покорить».

А вот отдельные «мысли» барона: «Государства крепки своими монархами и их верными помощниками — аристократами. У нас, аристократов, одна идея, одна цель, одно дело — восстановление царей...», «Самое наивысшее воплощение идеи царизма — это соединение Божества с человеческой властью, как Богдыхан в Китае, Богдохан в Халхе и в старые времена русские цари» [1].

---

[1] *Ем. Ярославский.* Барон Роман Унгерн фон Штернберг, стр. 8, 12 и др.

Как видим, «теории» прибалтийского барона не отличались оригинальностью: он повторял давно осужденные передовыми людьми средневековые представления о власти и государстве. Но, странное дело, его замыслы явно приходились по душе японским милитаристам, мечтавшим о создании под протекторатом Японии нового государства в составе Монголии, Маньчжурии, Тибета и некоторых русских дальневосточных областей. Как ни старался барон доказать самобытность своих «идей», они, по существу, совпадали с позицией японских милитаристов и с честолюбивыми мечтами потомков восточных деспотов. Недаром маньчжурский принц, претендент на престол в будущей «Срединной Азиатской империи», в ознаменование «заслуг» Унгерна издал «милостивый указ», по которому барону предоставлялось право иметь паланкин зеленого цвета, красновато-желтую курму, желтые поводья, трехочковое павлинье перо и присваивалось звание «Дающий развитие государству Великий Герой». А глава ламаистской церкви — богдогэгэн — присвоил ему высший княжеский титул в Монголии — «Ван».

К маю 1921 г., кочуя со своей ордой по монгольским степям, грабя местное население, Унгерн почти исчерпал средства «кормления». 21 мая он издал приказ о наступлении против Красной Армии в Советской Сибири. Приказ этот являл собою документ, в котором причудливо переплетались «философские» разглагольствования Унгерна, его религиозно-мистические бредни, желание одурачить малосознательных людей, изуверство черносотенца. Русский народ, говорилось в приказе, «в недрах своей души преданный Вере, Царям и Отечеству», под влиянием интеллигенции и «неприменимых принципов революционной культуры, революционных бурь с Запада», «начал,— по мнению Унгерна,— сбиваться с прямого пути», и Российская империя распалась. «Россию,— проповедовал барон,— надо строить заново». И вот как он предлагал это сделать. «Ему (народу.— *Д. Г.*),— писал Унгерн,— нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный Хозяин земли русской — Император Всероссийский Михаил Александрович». Эту кандидатуру в цари он и выдвинул, ссылаясь... на Евангелие. Когда впоследствии дознавались, почему он это сделал, Унгерн отвечал: «Я верю в Евангелие. По Евангелию выходит (глава XI.— *Д. Г.*), что есть предсказание пророка Даниила,— и это должно быть в июле 1921 г.— пришествие Михаила. На этих предположениях мы стоим...»

В том же приказе Унгерн предписывал своим войскам во время похода «комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать

вместе с семьями. Все имущество их конфисковать» (п. 9 приказа). «Мера наказания может быть лишь одна — смертная казнь разных степеней. Единоличным начальникам, карающим преступника, помнить об искоренении зла до конца и навсегда и о том, что неуклонность в суровости суда ведет к миру, к которому мы все стремимся, как к высшему дару Неба» (п. 10 приказа). «Продовольствие и другое снабжение конфисковать у тех жителей, у которых оно еще не было взято красными» (п. 14) [1].

Унгерн утверждал в приказе, что он подчиняется атаману Семенову, который также в начале июня выступит против Красной Армии со стороны Уссурийского края «при поддержке японских войск или без этой поддержки...».

«Философско»-черносотенный приказ монархистского мракобеса Унгерна, задуманный им как некий манифест к русскому народу, не мог вдохновить крестьянские массы, которые покончили с монархией и помещиками. К объявленному бароном походу присоединился лишь генерал А. С. Бакич, начавший со своей бандой наступление с китайской территории в Алтайский край. Но народ не поддержал ни Унгерна, ни Бакича, ни кровавого Семенова. Двигаясь по левому берегу Селенги на Троицко-Савск, Унгерн оставлял за собою пепелища сожженных деревень и трупы. Все имущество «непокорных» Унгерн раздавал участникам своей банды, кормившейся за счет грабежей. Как-то Унгерну, находившемуся со своей бандой в Кулингинской станице, сообщили, что многие казаки станицы ушли в степи к красным партизанам. Унгерн приказал составить список всех родственников казаков, ушедших к красным. Накануне ухода из станицы он распорядился, чтобы все не попавшие в список в течение двух часов выехали из станицы, после чего Кулингу отдать во власть солдат Татарского полка. Пьяные бандиты грабили дома, насиловали женщин, а ночью подожгли станицу. Унгерн «покорял» русский народ методами Чингисхана.

Между тем народно-освободительное движение в Монголии разрасталось и крепло. В начале 1921 г. там образовалось Народно-революционное правительство, и армия во главе с Сухэ-Батором повела успешную борьбу с китайскими милитаристами и белогвардейской бандой Унгерна. По просьбе Временного народного правительства на помощь монголам пришла Красная Армия, вступившая в столицу Монголии — Ургу. Тогда и богдо-

---

[1] См. «Революция на Дальнем Востоке», вып. 1, М.— Пг., 1923, стр. 429—433.

гэгэн выступил против Унгерна, призывая народ уничтожить этого «распутного вора».

В августе 1921 г. Красная Армия совместно с монгольскими народными войсками разбила банду Унгерна. Чекисты же, под руководством полномочного представителя ОГПУ по Сибири И. П. Павлуновского, организовали захват живым этого палача народа. В войска Унгерна были посланы разведчики, которые провели большую работу среди унгернских солдат, и они сами выдали барона красноармейцам.

15 сентября в Новониколаевске (ныне Новосибирск) состоялось открытое судебное заседание Чрезвычайного революционного трибунала по делу Унгерна. Суд заседал в составе председателя Сибирского отдела Верховного революционного трибунала Опарина, членов Габишева, Гуляева, А. Д. Кравченко, И. Кудрявцева. Обвинителем выступил Емельян Ярославский, защищал Боголюбов.

Высокий, худощавый, белокурый, с длинными свисающими усами, одетый в потертый желтый монгольский халат (тот самый, который пожаловал ему маньчжурский принц), с генеральскими погонами на халате и георгиевским крестом, стоял угрюмый Унгерн перед пролетарским судом. «Я на одном конце,— говорил он,— вы на другом. В свете есть две противоположности: доброе и злое, горячее и холодное, плюс и минус. Одно представляет власть труда, другое — монархия. Пусть и на Мадагаскаре, и в Индостане, и в России... должны объединиться и монархисты» [1].

Чрезвычайный революционный трибунал признал, что Унгерн предпринял попытку свергнуть советский строй, причем «путь к этой попытке [вел] по рекам пролитой крови не только советских работников и их семей, но и невинных женщин и детей — не убиваемых, а истерзываемых и предаваемых самым бесчеловечным, известным нам только по глубокой истории, пыткам. Сжигались громадные села с женщинами и детьми (село Укыр и др.), расстреливалось сотнями крестьянство (станица Мензинская). Применялись пытки такого рода (сажание на лед, раскаленную крышу, битье кнутами, такое, чтобы летели куски мяса, и т. п.), о которых при упоминании и особенно при зверском хладнокровии Унгерна, вполне сознавшегося в их применении, невольно вспоминается феодализм со всеми его грязными бесчеловечными нравами феодалов» [2].

---

[1] *Ем. Ярославский.* Барон Роман Унгерн фон Штернберг, стр. 7.
[2] «Советская Сибирь», 20 сентября 1921 г.

Унгерн был приговорен к единственно возможному наказанию — к смерти — и казнен в Новониколаевске.

Такая же участь постигла и другого участника похода на Советскую Россию. В декабре 1921 г. Красная Армия разгромила банду Бакича, который с небольшим отрядом своих головорезов бежал в Монголию, где был взят в плен и передан Советской власти. В мае 1922 г. Сибирское отделение военной коллегии Верховного революционного трибунала рассмотрело дело о злодеяниях генерала Бакича и шестнадцати его соучастников, в том числе его начальника штаба, генерала Смольнина-Терванда, генерала Шеметова, полковника Токарева и др. Все они были сурово наказаны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Особенности борьбы с контрреволюцией в период новой экономической политики

Новая экономическая политика благотворно сказалась на народном хозяйстве, обеспечила подъем промышленности и земледелия, рост производительных сил. Рабочие и инженерно-технический персонал возвращались на заводы и фабрики. Крестьяне с новыми силами принимались за работу в сельском хозяйстве.

Вместе с тем новая экономическая политика привела к некоторому оживлению капитализма в городе и деревне. Но за развитием капиталистических элементов был установлен государственный контроль.

Изменения в экономической жизни определяли характер классовой борьбы и состояние антисоветского лагеря того времени.

С введением новой экономической политики чаяния подавляющего большинства крестьянства — середняков — были удовлетворены. Эти мелкобуржуазные массы, еще недавно оказывавшие поддержку антисоветскому лагерю, теперь отошли от него. В то же время мелкотоварное крестьянское хозяйство, свободная торговля усиливали позиции и старого, и вновь нарождавшегося кулачества.

Разгромленная ранее промышленная буржуазия также частично ожила. Некоторые из бывших собственников старались получить в свое распоряжение мелкие и средние предприятия в порядке денационализации, остальные же поступали на службу на советские заводы, фабрики, в учреждения. Часть буржуазии и буржуазной технической интеллигенции все еще надеялась на реставрацию капитализма и предпринимала попытки бороться с Советской властью; другие же специалисты, устроив-

нись на государственные предприятия, честно помогали налаживать хозяйство.

Разгром основных сил контрреволюции в России и новая экономическая политика усилили процесс расслоения в белоэмигрантских кругах. Наряду с крайними «активистскими» элементами, жаждавшими продолжать борьбу с революцией прежними авантюристическими методами, появились группы, пересмотревшие методы борьбы с Советской властью. Образовалось «сменовеховское течение», получившее свое название от сборника и журнала «Смена вех». Их издавала в Праге и Париже группа кадетских профессоров-белоэмигрантов (Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, Г. Л. Кирдецов, С. С. Лукьянов, П. В. Дюшен, Ю. Н. Потехин), многие из которых принимали раньше прямое участие в антисоветской деятельности. «Сменовеховцы» поняли, что насильственная реставрация буржуазно-помещичьего строя в России — дело несбыточное, и свои надежды связывали с новыми явлениями в экономической жизни Советской республики. Новая экономическая политика была рассчитана на развитие производительных сил страны в социалистическом направлении, на упрочение союза рабочего класса и крестьянства, на укрепление диктатуры пролетариата. «Сменовеховцы» же полагали, что нэп неизбежно должен привести к восстановлению капитализма, и решили «примириться» с Советской властью. Профессор Ю. В. Ключников, объясняя причины поворота настроений «сменовеховских» кадетов, писал: «Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что решающим моментом перехода нас на новую позицию был момент крушения общего антисоветского фронта в лице Колчака, Деникина, Юденича и Миллера, когда они совместно окружили Советскую Россию и давили на нее. После их поражения всякие мечты об уничтожении Советской власти не только становились безнадежными, но уже и политически вредными и гибельными для России... Мы все следим за усилиями Советской власти наладить экономическую жизнь, обеспечить в России правовой порядок и поддержать в ней культурное творчество. Нам кажется, что «смена вех» есть выражение глубокого органического процесса, переживаемого всей Россией, а именно: сближаются полюсы, открываются возможности людям, стоящим на разных точках зрения, делать одно общее дело. Мы протянули руку большевикам» [1].

---

[1] «Известия ВЦИК», 28 марта 1922 г.

Меньшевики и эсеры, так же как и «сменовеховские» кадеты, полагали, что нэп переводит Россию на капиталистические рельсы развития. Они по-своему приветствовали новую экономическую политику. Меньшевики пытались принудить Советское правительство к капитуляции перед капиталистическими элементами, предлагали передать частному капиталу, национальному и иностранному, все предприятия промышленности и допустить в полной мере частную инициативу. В политической области они вновь заговорили о создании «демократической республики».

Советское правительство учло поворот в настроениях буржуазной интеллигенции и мелкобуржуазных слоев. Представители этих слоев населения, выразившие готовность работать в советских учреждениях и на советских предприятиях, привлекались к работе по восстановлению народного хозяйства. В. И. Ленин говорил: «Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты — это капля в море, капля в народном море...

Управлять хозяйством мы сможем, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят» [1].

Конечно, коммунисты отдавали себе отчет в том, что некоторые из «примирившихся» шли на сотрудничество с Советской властью, чтобы получить известные возможности бороться против нее. Опасности, возникавшие в связи с допущением буржуазных элементов к работе в народном хозяйстве, были серьезны, но они могли быть преодолены пролетарским контролем и революционной бдительностью.

Через год после введения новой экономической политики XII Всероссийская конференция РКП(б), состоявшаяся в августе 1922 г., констатировала: «В общем и целом за последний год в антисоветском лагере обнаруживается начало серьезного расслоения. Раскол кадетской партии на правых и левых кадетов и образование, в связи с этим, двух отдельных кадетских центров за границей, появление сменовеховского течения среди определенной части буржуазии, начавшийся глубокий раскол церкви, чреватый серьезнейшими последствиями, разделение меньшевиков и эсеров на ряд новых групп и подгрупп... усиление дифференциации среди студенчества в России и даже среди эмигрантской части студенчества, усиливающаяся дифферен-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 98.

циация среди верхов бывшего белогвардейского генералитета — все это, вместе взятое, является симптомом ослабления антисоветского лагеря и косвенным подтверждением упрочения наших позиций».

Но первый же год существования Советской власти в условиях новой экономической политики принес с собой и новые опасные явления, которые необходимо было учесть. Антисоветские партии и течения пытались использовать советскую легальность в своих контрреволюционных интересах, взяв курс на «врастание» в советский режим, который они надеялись постепенно изменить в духе буржуазной демократии, ибо, по их расчетам, он сам шел к неизбежному буржуазному перерождению.

Все указанные процессы распада, разложения и перегруппировок в антисоветском лагере питались «не только уже давно обозначившимся отслоением некоторых групп буржуазной интеллигенции от старого блока генеральско-помещичьего крепостничества с крупной капиталистической буржуазией, но и процессом частичного восстановления капитализма в рамках Советского государства, порождающего рост элементов так называемой «новой буржуазии» (торговцы, частные арендаторы, различные свободные профессии в городе и в деревне, деревенское кулачество и т. д.)» [1].

Антисоветские партии, действуя через интеллигенцию (профессуру, специалистов, литераторов), вели работу среди учащейся молодежи, мелкобуржуазных и обывательских элементов, создавали опорные пункты в высшей школе, в печати, литературных кругах, кооперации. Достаточно сказать, что в первый год нэпа в Москве возникло 337, а в Петрограде — 83 издательства, учрежденных товариществами, группами и отдельными лицами, среди которых подвизались буржуазные деятели разных направлений. Во многих выпущенных этими издательствами книгах, журналах в завуалированной форме пропагандировались антисоветские идеи. В журнале «Экономист» выступал эсер Питирим Сорокин; в журнале «Утренник» — бывший член ЦК партии кадетов А. С. Изгоев; немало журналов и книг издавали «сменовеховцы», ожидавшие новых экономических и политических уступок со стороны Советской власти. В некоторых философских трактатах «обосновывались» буржуазная идеология, мистические идеи. Публиковались формалистические, далекие от жизни литературные произведения. На съезде врачей раздавались голоса, направленные против «коммунисти-

---

[1] «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 391.

ческого окружения». Антисоветские выступления прозвучали на агрономическом съезде и съезде сельскохозяйственной кооперации, оказавшейся почти целиком в руках эсеров и кадетов.

XII Всероссийская конференция РКП(б) отмечала: «Первый год существования Советской власти в условиях новой экономической политики, совпавший с тягчайшим голодом, с усилением международной капиталистической реакции, с предъявлением Советскому государству грубо реставраторских требований от капиталистов и правительств Антанты (Генуя, Гаага), подтолкнул на усиленную контрреволюционную работу не только меньшевиков и эсеров, но и политиканскую верхушку мнимо-беспартийной буржуазной интеллигенции». Конференция наметила ряд практических мер борьбы с буржуазной идеологией и диверсиями контрреволюции. «...Нельзя отказаться,— говорилось в резолюции конференции,— и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием.

Репрессии, которые неизбежно не достигают цели, будучи направлены против поднимающегося класса (как, например, в свое время репрессии эсеров и меньшевиков против нас), диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом, позиции» [1].

Новая экономическая политика должна была привести к серьезным изменениям в форме и методах карательной политики диктатуры пролетариата.

Как только были ликвидированы внешние фронты гражданской войны, 8 января 1921 г. председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский дал указания органам ЧК об изменении методов их работы. Он писал, что бороться с контрреволюцией старыми методами сейчас нельзя. «Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе... нужно держать на учете, выяснить, проверить. Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план...

Грубые признаки различения на своего или не своего по классовому признаку — кулак, бывший офицер, дворянин и про-

---

[1] «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 391, 395—396.

чее — можно было применять, когда Советская власть была слаба, когда Деникин подходил к Орлу...» Теперь, указывал Ф. Э. Дзержинский, буржуазия и ее техническая интеллигенция в значительной части превратились в советских служащих, вошли в советские предприятия и учреждения и «могут погубить все попытки коммунистов восстановить производство». Определяя этот новый вид подрывной деятельности как «техническую контрреволюцию», Ф. Э. Дзержинский писал: «...Опасность технической контрреволюции, руководимой иностранным капиталом, нельзя предотвратить грубыми, случайными ударами чекистского молота. Надо, чтобы он пришелся по руке злодея, а не по самой машине... Здесь нужно иметь в руках точные улики, конкретные данные, которые опять-таки можно получить лишь хорошей информацией... Но если нам удастся поставить борьбу с техническими контрреволюционерами на новые рельсы, то само собой понятно, что расправа с пойманными, уличенными саботажниками должна быть беспощадна. Для таких буржуазных преступников должен быть установлен особый, суровый тюремный режим так, чтобы другим неповадно было» [1].

В мае 1921 г. по инициативе газеты «Известия» в печати началось обсуждение вопросов революционной законности. Все выступавшие высказывались за то, чтобы роль нормальных судебных учреждений в борьбе с контрреволюцией и уголовной преступностью была повышена, и, в частности, за прекращение практики внесудебного разрешения дел чрезвычайными комиссиями. Однако обстановка 1921 г., когда в стране бушевал политический бандитизм, не давала пока возможности радикально решить все вопросы революционной законности.

23 июня 1921 г. ВЦИК издал декрет об объединении всех революционных трибуналов республики. 11-й пункт декрета устанавливал: «Срок лишения свободы по приговорам чрезвычайных комиссий, без направления дела для судебного разбирательства в народные суды или трибуналы, понизить до двух лет, ограничив присуждение к таковому только в отношении лиц, уличенных в принадлежности к антисоветским политическим партиям или к явно белогвардейским элементам. Все остальные дела, находящиеся в производстве чрезвычайных комиссий, поскольку таковые дела не направляются в трибуналы, обязательно направляются чрезвычайными комиссиями в особые камеры народного суда, подлежащие образованию при каждой чрезвы-

---

[1] «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.». Сборник документов, стр. 418, 420, 419.

чайной комиссии. В местах, объявленных на военном положении, предоставленные чрезвычайным комиссиям права по применению всех мер наказания, вплоть до расстрела, ограничить исключительно тремя категориями преступлений: а) по делам о шпионаже, б) по делам о бандитских преступлениях, в) по делам об участии в открытом вооруженном восстании. Все чрезвычайные комиссии обязать отчетностью о постановленных ими в несудебном порядке приговорах в Верховный трибунал...»[1]

К осени 1921 г. Красная Армия и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией в основном закончили ликвидацию политического бандитизма в стране. И тогда Коммунистическая партия и Советское правительство приступили к решению коренных проблем революционной законности и перестройке работы органов борьбы с внутренней контрреволюцией.

1 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассматривало вопрос о ВЧК. Сохранились собственноручные записи В. И. Ленина о проекте постановления Политбюро. Они содержат такие предложения:

«1-ое: компетенцию сузить
2-ое: арест еще у́же права
3-ье: срок < 1 месяца
4-ое: суды усилить или только в суды
5-ое: название
6-ое: через *ВЦИК* провести > серьезные умягчения»[2].

Эти ленинские предложения послужили директивой для последующей реформы. Существо и значение ее раскрываются в выступлениях В. И. Ленина и принятых Советским правительством решениях.

На заседании IX Всероссийского съезда Советов 23 декабря 1921 г. В. И. Ленин так обосновал необходимость реформы ВЧК: «...Это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас... Вы знаете из истории... как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это — достоинство нашей ВЧК...

Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на

---

[1] СУ, 1921, № 51, ст. 294.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 261.

блюде свои права помещиков, свои права капиталистов. Это мы очень хорошо знаем, но знаем вместе с тем, что достоинства человека могут стать его недостатками, и мы знаем, что та обстановка, которая у нас создалась, повелительно требует ограничить это учреждение сферой чисто политической, сосредоточить его на тех задачах, при которых обстановка и условия помогают ему. Если попытки контрреволюции будут таковы, как они были до сих пор,— а мы не имеем доказательств, чтобы на этот счет психология наших противников изменилась, у нас нет к этому оснований,— то мы сумеем отвечать так, чтобы видели в нашем ответе нечто серьезное. Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать Советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем, благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение, как ВЧК. Это мы можем всем и всякому гарантировать. Но вместе с тем мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота,— этого требует новая экономическая политика,— а это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем у́же становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло» [1].

IX Всероссийский съезд Советов отметил, что завоевание Советской Россией мира, хотя бы временного и неустойчивого, позволило приступить к мирному строительству; поэтому «очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности». Съезд указал на необходимость строгой ответственности органов и агентов власти, а также граждан за нарушения созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка, но в то же время потребо-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 327, 328—329.

вал усиления «гарантий личности и имущества граждан». Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономической политики, говорилось в постановлении съезда, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Съезд высказался за установление твердых гражданских норм для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений. «Граждане и корпорации, вступив в договорные отношения с государственными органами, должны получить уверенность, что их права будут охранены. Судебные учреждения Советской Республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована» [1]. Съезд Советов поручил Президиуму ВЦИК в кратчайший срок пересмотреть положение о ВЧК и ее органах в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности.

6 февраля 1922 г. ВЦИК, исполняя постановление IX Всероссийского съезда Советов, издал декрет, по которому ВЧК и ее местные органы упразднялись. Задачи, которые ранее выполняла ВЧК,— подавление открытых контрреволюционных выступлений и бандитизма, борьба со шпионажем, охрана железнодорожных и водных путей сообщения, охрана границ РСФСР, борьба с контрабандой, выполнение специальных поручений Президиума ВЦИК или СНК по охране революционного порядка и расследование дел о контрреволюции — возлагались на Народный комиссариат внутренних дел, для чего в его составе создавалось Государственное политическое управление под председательством народного комиссара внутренних дел или назначаемого Совнаркомом его заместителя. На местах вместо чрезвычайных комиссий создавались политические отделы в автономных республиках и областях при ЦИК и в губерниях при губисполкомах, а также их уполномоченные в уездах. Все местные политические отделы должны были находиться в непосредственном подчинении НКВД через Государственное политическое управление на тех же основаниях, как и другие объединенные народные комиссариаты и управления республик и областей. В составе ГПУ учреждались особые отделы и транспортные отделы для борьбы с преступлениями в армии и на железной дороге. Декрет строго регулировал порядок арестов, обысков и иных следственных действий, производимых орга-

[1] СУ, 1922, № 4, стр. 43.

пами ГПУ: устанавливалось, что не позднее двух недель со дня ареста обвиняемому должно быть предъявлено конкретное обвинение, а все расследование должно быть закончено в двухмесячный срок. Лишь в исключительных случаях срок содержания под стражей мог быть продлен Президиумом ВЦИК. Декрет устанавливал следующее важнейшее положение о борьбе с контрреволюцией и другими опасными преступлениями: «Впредь все дела о преступлениях, направленных против советского строя или представляющих нарушения законов РСФСР, подлежат разрешению исключительно в судебном порядке революционными трибуналами или народными судами по принадлежности» [1].

Советское правительство приняло меры к укреплению судебных и следственных органов и к разработке твердых законов — кодексов пролетарского государства.

На третьей сессии ВЦИК 9-го созыва (12—20 мая 1922 г.) обсуждался разработанный Наркомюстом проект Уголовного кодекса. Некоторые участники сессии выступили за исключение из кодекса такой меры наказания, как расстрел. Расстрел, говорили они, может применяться лишь в качестве внесудебной меры революционной борьбы с врагами, а не по суду. Народный комиссар юстиции Д. И. Курский разъяснил, что подобные предложения возвращают нас «к тому моменту, от которого мы отошли». А Советская республика на новом этапе считает необходимым с контрреволюционными преступлениями бороться путем закона [2].

В. И. Ленин внимательно следил за подготовкой судебной реформы и изданием кодексов. Ему принадлежала формулировка статьи Уголовного кодекса, в которой давалось определение контрреволюционного преступления и мер наказания за него. Ленин рассматривал пропаганду, агитацию, участие в организации или содействии ей «в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами» как контрреволюционные преступления и предложил карать такие преступления «высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за

[1] СУ, 1922, № 16, ст. 160.

[2] См. «Бюллетень III сессии ВЦИК 9-го созыва», № 4, заседание 23 мая 1922 г., стр. 4—5, 13—14.

границу». Предлагая эту формулировку, В. И. Ленин писал Д. И. Курскому: «Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть* и *оправдание* террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого» [1].

Сессия ВЦИК приняла Уголовный кодекс с учетом указаний В. И. Ленина. Она признала, что рассмотрение дел о контрреволюции должно производиться судебным порядком на основе точно определенных законом положений, и допустила расстрел в качестве высшей меры наказания за такие преступления. Сессия ВЦИК приняла также Уголовно-процессуальный кодекс и «Положение о прокурорском надзоре». По этим законодательным актам ГПУ становилось органом дознания (а по делам о контрреволюции — органом предварительного следствия), поднадзорным прокурору. Прокурор давал санкции на арест обвиняемых, обязательные для ГПУ указания по расследованию, решал вопросы предания суду и прекращения дела, возникшего в ГПУ. В дальнейшем (согласно «Положению о судоустройстве», принятому в октябре 1922 г.) территориальные революционные трибуналы были ликвидированы, и все дела, в том числе и дела о контрреволюционных преступлениях, подлежали рассмотрению в общих судебных учреждениях (губернском суде, Верховном суде). В качестве специальных судов сохранялись лишь военные и военно-транспортные революционные трибуналы.

Органы пролетарской диктатуры получили достаточные средства, чтобы и в условиях новой экономической политики в случае необходимости наносить неотразимые удары по преступным элементам и контрреволюции. Когда различные антисоветские элементы попытались использовать условия нэпа для подрывной деятельности, ГПУ в соответствии с решениями XII Всероссийской конференции РКП(б) приняло необходимые меры. В августе — сентябре 1922 г. по постановлению Государственного политического управления из Петрограда, Москвы, Киева и дру-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 190.

гих крупных центров страны в административном порядке были высланы наиболее активные контрреволюционеры. «Правда» по этому поводу разъясняла: «По постановлению Государственного политического управления наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов высылаются частью в северные губернии России, частью за границу... Советская власть обнаружила слишком много терпения по отношению к этим элементам, надеясь, что они поймут бессмысленность своих надежд на возвращение к прошлому. Она предоставляла им полную возможность работать для дела восстановления нашего хозяйства и для действительно научной работы. Но кадетствующие и эсерствующие элементы не пожелали пойти по этой дороге... Среди высылаемых почти нет крупных научных имен. В большинстве это — политиканствующие элементы профессуры, которые гораздо больше известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами... Высылка активных контрреволюционных элементов из буржуазной интеллигенции является первым предостережением Советской власти по отношению к этим слоям. Советская власть по-прежнему будет высоко ценить и всячески поддерживать тех представителей старой интеллигенции и специалистов, которые будут лояльно работать с Советской властью, как работает сейчас с ней лучшая часть специалистов. Но она по-прежнему в корне будет пресекать всякую попытку использовать советские возможности для открытой или тайной борьбы с рабоче-крестьянской властью за реставрацию буржуазно-помещичьего режима» [1].

Примерно в то же время ГПУ произвело в Москве аресты спекулянтов-валютчиков. Как высылка контрреволюционной профессуры, так и аресты «черных биржевиков» вызвали ложные толки, будто Советское правительство отказывается от провозглашенной им новой экономической политики. В. И. Ленин в интервью с корреспондентом английских газет, разъясняя причины ареста валютчиков, заявил: «...Арестованы исключительно деятели так называемой черной биржи, и в руках наших властей имеются данные, устанавливающие связь этих биржевиков-валютчиков с некоторыми сотрудниками иностранных миссий в Москве, причем эти данные устанавливают не только продажу платины, золота (слитков), но и *организацию контрабандной переправы этих ценностей за границу.*

---

[1] «Правда», 31 августа 1922 г.

Из этого Вы можете видеть, как абсолютно лишены содержания слухи о том, будто бы мы кладем конец «новой экономической политике», и как до последней степени фальшивы обвинения антирусской печати в Англии, которая старается самым неслыханным извращением дела и обманом представить нашу политику в ложном свете. На самом деле абсолютно не было и речи в каких бы то ни было правительственных кругах о том, чтобы положить конец «новой экономической политике» и вернуться к старой. Вся работа правительства, между прочим, в происходящей сейчас сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, направлена к тому, чтобы то, что называется новой экономической политикой, закрепить законодательно в наибольшей степени для устранения всякой возможности отклонения от нее» [1].

Советские органы государственной безопасности и в дальнейшем применяли административную высылку преступных и контрреволюционных элементов. К такого рода мерам следует отнести, например, очищение в 1923 г. Москвы и других крупных центров РСФСР от паразитических нэпманских и социально опасных элементов. 24 декабря 1923 г. председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский опубликовал объявление: «Ко всем гражданам города Москвы. Жестокий жилищный кризис в Москве и продолжающееся заполнение Москвы социально опасными элементами поставили перед ОГПУ задачу очищения города Москвы и крупнейших центров РСФСР от той накипи нэпа, которая, взамен участия в нормальном товарообороте и производстве, взяла на себя паразитическое использование новой экономической политики. Во исполнение указаний правительства и наказа вновь избранному Моссовету об освобождении Москвы от элементов, не занятых никакой общественно полезной работой, ОГПУ в последнее время произведены аресты и высылка социально опасных элементов. Всего по сей день арестовано 916 человек, из коих 532 высланы из пределов Москвы в различные места, а остальные будут высланы в ближайшие дни. По категориям высылаемые делятся: 1) торговцев спиртом — 110 человек; 2) шулеров и аферистов — 156 человек; 3) контрабандистов ценностей, валютчиков и пр.— 120 человек; 4) лиц без определенных занятий, занимающихся ростовщичеством, и пр.— 453 человека; 5) торговцев кокаином — 24 человека; 6) содержателей притонов — 53 человека. Итого — 916 человек. ОГПУ предупреждает, что в отношении лиц, не имеющих

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 243—244.

определенных занятий и прибывших в Москву в целях паразитического существования, будет и впредь применяться высылка в отдаленные места республики... Вместе с тем ОГПУ указывает, что те, кто участвует в нормальном товарообороте и производстве, уплачивая соответствующие налоги и ведя соответствующие законам СССР торговые и производственные дела, могут совершенно спокойно продолжать их, не опасаясь никаких преследований и высылок» [1].

В течение 1922—1925 гг. советский народ добился огромных успехов. Новая экономическая политика создала благоприятные условия для успешной борьбы с капиталистическим сектором народного хозяйства; она укрепила союз рабочего класса с крестьянством и упрочила диктатуру пролетариата. За эти годы советский народ под руководством Коммунистической партии в основном решил задачу восстановления народного хозяйства страны и заложил фундамент для перехода к новому этапу социалистического строительства. Широкие народные массы, в том числе крестьянство, чаяния которого были удовлетворены, еще более сплотились вокруг партии и Советского правительства.

Важнейшее значение для укрепления государства диктатуры пролетариата имела классовая солидарность рабочих и крестьян разных национальностей Советской страны. Пять лет принципы пролетарского интернационализма служили фундаментом, скрепляющим фактическое единство советских социалистических республик. Сейчас сохранение единства, совершенствование его организационных форм приобретали новое значение.

По инициативе коммунистических организаций разных республик был поставлен вопрос об образовании единого союзного, объединяющего все социалистические государства,— Союза Советских Социалистических Республик. Этот почин был поддержан республиканскими съездами Советов. Съезд Советов УССР — 13 декабря, Белорусской ССР — 18 декабря, ЗСФСР — 13 декабря и РСФСР — 26 декабря 1922 г. раздельно постановили образовать СССР. 30 декабря 1922 г. созванный в Москве съезд Советов СССР принял Декларацию об образовании СССР. Решение было передано на дополнительное рассмотрение и отзыв всех советских республик. Наконец, II съезд Советов СССР 31 января 1924 г. утвердил окончательный текст Основного Закона (Конституции) СССР.

---

[1] «Правда», 25 декабря 1923 г.

Эти исторические постановления констатировали, что только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей большинство населения, оказалось возможным уничтожить национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов; только благодаря этому советским республикам удалось отбить нападения внутренней контрреволюции и империалистов всего мира, успешно ликвидировать гражданскую войну и приступить к мирному хозяйственному строительству. В постановлении съезда отмечено: «Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству... неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежными создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения; наконец, само строение Советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью. Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспеяние, и свободу национального развития народов». Союз Советских Социалистических Республик был образован на основах пролетарского интернационализма, добровольного объединения равноправных народов.

Образование СССР внесло четкость во взаимоотношения между отдельными советскими республиками и сыграло огромную роль в деле упрочения социализма в каждой советской республике и во всей Советской стране.

Союз Советских Социалистических Республик становился первоклассной великой державой, с которой должны были считаться все капиталистические государства мира. В течение 1921—1924 гг. Советское правительство заключило сперва торговые соглашения, а затем (главным образом в 1924 г.) установило нормальные дипломатические отношения с 22 государствами мира, в том числе со всеми, за исключением США, великими державами, заявившими о юридическом признании СССР.

В связи с образованием Союза ССР Советское правительство 15 ноября 1923 г. приняло новое положение, регулирующее работу органов государственной безопасности. Было учреждено единое для всего Советского Союза, самостоятельное ведомство охраны государственной безопасности — Объединенное государ-

ственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. ОГПУ должно было руководить работой ГПУ союзных республик, особых отделов военных округов, органов ГПУ на железнодорожных и водных путях сообщений и их местных органов. В новом положении об ОГПУ закреплялись правила расследования и рассмотрения дел о контрреволюции, разработанные Советским правительством при переходе к новой экономической политике.

В 1922—1925 гг. антисоветский лагерь в стране сокращался. «Сменовеховские» и мелкобуржуазные «социалистические» партии и группы, рассчитывавшие, что страна пойдет по капиталистическому пути развития, все более убеждались в тщетности своих надежд и разваливались. Кадетская партия в Советской стране окончательно распалась. За время с 1918 до конца 1922 г. развалилась и меньшевистская партия, из которой вышли такие ее представители, как О. А. Ерманский, И. М. Майский, А. А. Трояновский, А. С. Мартынов, Б. И. Горев, Феликс Кон, Л. М. Хинчук, Н. А. Рожков, М. Г. Рафес, С. Семковский. Член ЦК меньшевистской партии О. А. Ерманский писал: «Мы видели, что находим поддержку главным образом в среде мещанства... Это действовало удручающим образом». И в апреле 1921 г. Ерманский вышел из партии, убедившись, как он говорил, в ее «мещанском уклоне» [1]. Многие из этой плеяды меньшевиков, осознав контрреволюционный характер деятельности своей партии и правильность политической линии Коммунистической партии, вступили в РКП(б).

Вместе с тем не примирившиеся с Советской властью жалкие остатки мелкобуржуазных партий и контрреволюционных организаций уходили в глубокое подполье. Органы государственной безопасности решительно громили охвостья некогда опаснейших антисоветских движений и контрреволюционных организаций, а также преступную деятельность вновь возникающих под влиянием условий нэпа антисоветских групп. В августе 1922 г. был проведен судебный процесс по делу ряда членов ЦК партии правых эсеров, продолжавших антисоветскую работу. Осенью 1922 г. были высланы за границу некоторые меньшевики, занимавшиеся нелегальной деятельностью, в том числе члены ЦК партии меньшевиков Дан, Югов, Гарви.

Успехи социалистического строительства в Советском Союзе, правильная политика Коммунистической партии заставили в эти годы даже наиболее активных представителей контр-

---

[1] *О. А. Ерманский.* Из пережитого. М.—Л., 1927, стр. 188, 200.

революции отказаться от продолжения борьбы с Советской властью.

Прославившийся кровавым террором против трудящихся деникинский генерал Я. А. Слащев осенью 1921 г. вернулся из эмиграции, из Константинополя, куда он бежал с врангелевскими войсками, в Советскую Россию. Он выразил желание честной службой искупить свою вину перед рабоче-крестьянской Родиной. Советское правительство амнистировало его. Неоднократно выступая по радио и в печати, Слащев обращался к генералам, офицерам и солдатам белой армии, находившимся в эмиграции: «Я — бывший генерал Слащев-Крымский — добровольно вернулся на родину, в Советскую Россию. Я раскаялся в своих грехах и получил прощение от Советского правительства. Мне предоставлено право продолжать военную службу, созданы хорошие материальные условия... Я призываю вас всех последовать моему примеру». Трудно сказать, насколько искренен был Слащев. Но его возвращение отражало процесс разложения в рядах белогвардейщины и способствовало этому процессу.

Один из лидеров антисоветского «Союза возрождения России», бывший член Уфимской директории и ее главнокомандующий генерал В. Г. Болдырев, боровшийся с Советской властью с первых дней Октября, в июне 1923 г., будучи арестованным, обратился во ВЦИК с таким заявлением: «Внимательный анализ пережитых пяти лет революции привел меня к убеждению:

1) что за весь этот период только Советская власть оказалась способной к организационной работе и государственному строительству среди хаоса и анархии, созданных разорительной европейской, а затем внутренней гражданской войнами, и в то же время оказалась властью твердой и устойчивой, опирающейся на рабоче-крестьянское большинство страны;

2) что всякая борьба против Советской власти является безусловно вредной, ведущей лишь к новым испытаниям, дальнейшему экономическому разорению, возможному вмешательству иностранцев и потере всех революционных достижений трудового населения;

3) что всякое вооруженное посягновение извне на Советскую власть, как единственную власть, представляющую современную Россию и выражающую интересы рабочих и крестьян, является посягновением на права и достояние граждан Республики, почему защиту Советской России считаю своей обязанностью.

В связи с изложенным, не считая себя врагом Советской России и желая принять посильное участие в новом ее строи-

тельстве, я ходатайствую (в порядке применения амнистии) о прекращении моего дела и об освобождении меня из заключения»[1]. Советское правительство амнистировало Болдырева, и он впоследствии добросовестно служил в советских учреждениях.

Повинную принес и генерал А. Н. Пепеляев (брат председателя колчаковского правительства В. Н. Пепеляева), боровшийся против рабоче-крестьянской власти с весны 1918 г. в рядах колчаковцев, а в 1922 г.— на Дальнем Востоке. Взятый в плен советскими войсками после набега на Якутию, Пепеляев раскаялся в совершенных им преступлениях и 18 апреля 1923 г. обратился к своим соратникам, предложив им сложить оружие и прекратить борьбу против Советской власти. Суд приговорил Пепеляева к расстрелу, но ВЦИК амнистировал его и заменил назначенное ему наказание десятилетним заключением.

Главарь кронштадтского мятежа С. Петриченко тоже разочаровался в «прелестях» эмиграции и пожелал вернуться на родину. В письме от 17 ноября 1923 г., оценивая свое участие в мятеже, он писал: «Скажу вам, что... стихийно на поверхность был выброшен я. Ну, а дальше, уже подхлестываемый стихией и по инерции, я вынужден был продолжать начатое дело. Кроме того, не могу сказать, что в то время, т. е. в начале наших событий, я был убежденный в каком-либо направлении и сильной воли человек, а скорее был похож на обывателя с мещанской душой. Поэтому и неудивительно, что я не устоял перед стихией и она захлестнула меня. Да и не такие мы политики, чтобы могли видеть дальше своего «носа»... Когда мне, благодаря моему положению, пришлось окунуться поглубже в политические вопросы, то очень во многом себя теперь обвиняю, ибо горький опыт заставил меня понять научиться многому... С осени 1922 г. я начал ходатайствовать перед советским консульством о возвращении на родину... Жить здесь, слушать эмигрантские сплетни, грызню и т. п. противно стало, и чем дальше, тем грызня становится хуже. Хотя бы постеснялись европейцев. И все эти люди присваивают себе право на звания: «мозг России», «носители российского общественного идеала», «цвет и гордость русской нации», «поборники свободы» и т. д. и т. д. Полюбуйтесь, как вам нравится! Чем не крепкие слова. Одно время и я всем этим интересовался и увлекался, но давно уже разочаровался и бросил всех и все»[2].

---

[1] *В. Г. Болдырев.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания, стр. 12—13.

[2] «Ленинградская правда», 17 марта 1927 г.

Органы борьбы с контрреволюцией бдительно следили, чтобы под маской кающегося грешника в страну не проник активный, неразоружившийся враг. Так был разоблачен казачий полковник М. Гнилорыбов, член руководства савинковского контрреволюционного «Народного союза защиты родины и свободы». Притворившись раскаявшимся, он выразил желание «помочь» казакам, находившимся в эмиграции, возвратиться на родину. Однако ГПУ быстро вывело его на чистую воду. 21 сентября 1922 г. ГПУ опубликовало сообщение, в котором отмечалось, что за последнее время наблюдается усиленная тяга из-за границы в Россию элементов белогвардейщины, которые разочаровались в вооруженной борьбе с Советской властью. Подчеркивая, что Советская власть предоставляет полную возможность вернуться на родину рабочим и крестьянам, которые обманом были вовлечены в гражданскую войну и которых их золотопогонные командиры покинули на чужбине на произвол судьбы, ГПУ в то же время предупреждало: «Но Советская власть не может допустить спекуляции на бедственном положении невольных эмигрантов и политиканства всякого рода авантюристов, которые, под видом забот о томящихся на чужбине, обделывают свои личные темные дела. К числу таких политиканов, пытающихся сделать себе карьеру на деле реэвакуации бывших белогвардейских солдат, относится прибывший недавно в Россию Гнилорыбов, который отнюдь не является представителем интернированных казаков, за какового он выдает себя, а наглым авантюристом-самозванцем, все усилия которого направлены на то, чтобы восстановить свою утерянную популярность. Даже в эмигрантской среде Гнилорыбов потерял какой-либо авторитет. Единственно, чему можно поверить из всех разглагольствований Гнилорыбова... это тому, что обманутое казачество стремится обратно в Советскую Россию. Ввиду того, что, направляясь в Советскую Россию, Гнилорыбов обманул наше заграничное представительство, скрыв свое участие в террористической работе против представителей Советской власти, ввиду того, что против Гнилорыбова имеются тяжкие улики, свидетельствующие об его двурушничестве и авантюризме, Госполитуправление нашло необходимым взять под стражу самозванного «представителя казачества»» [1].

В первые годы новой экономической политики, активно используя распад и разложение антисоветского лагеря, органы

---

[1] «Правда», 21 сентября 1922 г.

борьбы с контрреволюцией сумели окончательно разоблачить преступную деятельность ряда контрреволюционных организаций.

2. Преступления правых эсеров становятся достоянием гласности

В конце 1921 г. Всероссийской Чрезвычайной комиссии стали известны факты, которые по-новому осветили контрреволюционную деятельность эсеровской партии. Ряд неизвестных ранее данных о преступных действиях лидеров этой партии сообщили ВЧК бывшие эсеровские активисты Г. И. Семенов (Васильев) и Л. В. Коноплева. 15 января 1922 г. Коноплева написала заявление в ЦК РКП(б) и дала показания в ВЧК, а Семенов, кроме того, в феврале того же года опубликовал за границей разоблачительную брошюру «Военная боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.». Будучи в прошлом непосредственными участниками преступлений, Г. Семенов и Л. Коноплева открыли факты применения эсерами диверсий, экспроприаций и террора в отношении виднейших деятелей большевистской партии и Советского государства.

27 февраля 1922 г. президиум Государственного политического управления сообщил, что ГПУ располагает рядом важных материалов, подтверждающих имевшиеся ранее сведения о террористической и боевой деятельности партии социалистов-революционеров в годы гражданской войны. В качестве одного из этих материалов указывалась брошюра Г. Семенова (Васильева), бывшего начальника центрального летучего боевого отряда партии эсеров и руководителя террористической группы, организовавшей, в частности, покушения на жизнь В. И. Ленина и В. Володарского. «Ввиду того, что имеющиеся в распоряжении ГПУ материалы с несомненностью устанавливают преступления партии с.-р. перед пролетарской революцией,— говорилось в сообщении,— Центральный комитет этой партии и ряд ее активных деятелей предаются суду Верховного революционного трибунала. Государственное политическое управление призывает гражданина Семенова (Васильева) и всех с.-р., причастных к деяниям этой партии, но понявших ее преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться на суд над партией социалистов-революционеров» [1].

---

[1] «Известия ВЦИК», 28 февраля 1922 г.

Разоблачения Семенова и Коноплевой потрясли советский народ и прогрессивную общественность мира. Однако главные обвиняемые — члены Центрального комитета партии эсеров, находившиеся под стражей, а также эмигрировавшие активисты этой партии не признавали своей вины и решили превратить предстоявший суд в трибуну для разъяснения и оправдания политики своей партии в русской революции. Эмигрантская группа членов ЦК партии эсеров выступила за границей с опровержением разоблачений Семенова и Коноплевой и попыталась изобразить готовившийся процесс как расправу. Эсеры клеветнически утверждали, что суд незаконен, так как за свою прошлую деятельность будто бы все эсеры в феврале 1919 г. были Советским правительством амнистированы, что подсудимым предрешен смертный приговор. Подняв шумную кампанию, эсеры обратились за поддержкой к «социалистическим партиям всего мира». В то время III, Коммунистический Интернационал намечал тактику единого международного рабочего фронта и предложил созвать всемирный конгресс из представителей всех международных объединений рабочего класса для выработки плана совместных действий в борьбе с капиталом. Воспользовавшись собравшейся в связи с этим 2—3 апреля 1922 г. в Берлине конференцией трех Интернационалов, лидеры реформистских II и II½ (Венского) Интернационалов, взявшие под защиту эсеров, потребовали от делегации Коминтерна в качестве непременного условия соглашения о совместных действиях согласия на допуск представителей обоих реформистских Интернационалов защитниками на судебный процесс и письменного заверения, что в отношении обвиняемых не будет применена смертная казнь. Представители РКП(б) в Коминтерне Бухарин и Радек дали от имени Коминтерна соответствующие обязательства. В статье «Мы заплатили слишком дорого», опубликованной в «Правде» 11 апреля 1922 г., В. И. Ленин подверг критике этот шаг, квалифицируя его как политическую уступку, сделанную буржуазии пролетариатом без какой-либо компенсации со стороны международной буржуазии по отношению к революционному пролетариату [1].

В ответ на провокационные заявления эмигрантских кругов о незаконности предстоящего суда ввиду амнистии 1919 г. народный комиссар юстиции Д. И. Курский заявил, что эта амнистия касалась лишь тех правых эсеров, участвовавших в вооруженной борьбе с Советской властью, которые пересмотрели

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 141—142.

свое поведение и отказались от продолжения борьбы. Те же обвиняемые, которые не отказались от террора, диверсий и экспроприаций, не подлежат амнистии. Касаясь юридического значения того морального обязательства, которое взяли на себя представители РКП(б) на совещании трех Интернационалов (что к обвиняемым эсерам не будет применена высшая мера наказания), Д. И. Курский указал, что оно имеет чисто политический характер. Такого рода политическое обязательство не может связывать суд; оно означает лишь, что, каков бы ни был приговор суда, руководящая партия обязуется принять все необходимые меры к тому, чтобы высшая мера наказания не была применена. «Другими словами, если бы трибунал счел необходимым приговорить тех или других обвиняемых к этой мере наказания, потребовалось бы вмешательство высшего органа в лице ВЦИКа для того, чтобы добиться помилования» [1].

Когда рассматривалось дело правых эсеров, в Советской стране были провозглашены новые начала революционной законности, которые в судебной области означали предоставление подсудимым больших прав на защиту, большую гласность процесса. Эти начала, зафиксированные в первом Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, принятом ВЦИК 25 мая 1922 г., формально вводились в жизнь с 1 августа, но фактически влияли на практику уже с момента их провозглашения. Поэтому, хотя судебный процесс (8 июня — 7 августа) проводился по правилам судопроизводства, предусмотренным положением о трибуналах, фактически на процесс по делу правых эсеров оказывали сильное влияние новые начала революционной законности.

Расследование по делу эсеров вело сначала ГПУ, а затем по постановлению пленума Верховного революционного трибунала от 29 апреля группа следователей трибунала во главе с Е. Розмирович.

Следователи допросили сотни свидетелей и обвиняемых, приобщили к делу партийные решения, письма и т. д., материалы многих судебных процессов по делам о контрреволюции. Число обвиняемых достигало 218 человек. Следователи и Верховный трибунал исключили из процесса неразысканных обвиняемых, находившихся за границей, лиц, которые подлежали амнистии (они давали подписку об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью); из основного дела выделили материалы для отдельных производств. В конечном итоге суду Верховного ре-

---

[1] «Известия ВЦИК», 19 апреля 1922 г.

волюционного трибунала по основному делу были преданы 34 человека. Обвинительное заключение, убедительно подтверждавшее обвинение, представляло собой книгу, изданную типографским способом, объемом в 117 страниц.

За время расследования среди обвиняемых произошло резкое политическое размежевание. Члены ЦК и другие ответственные работники партии эсеров (А. Гоц, Д. Донской, Е. Тимофеев, Л. Герштейн, М. Лихач, Е. Ратнер-Элькинд, М. Веденяпин, М. Гендельман-Грабовский, Н. Иванов, Д. Раков, Ф. Федорович, С. Морозов и др.— всего 22 человека) упорно защищали провалившуюся политику своей партии и не отказывались от продолжения борьбы с Советской властью; активисты же и рядовые члены боевых отрядов эсеровской партии (Г. Семенов, Л. Коноплева, И. Дашевский, Г. Ратнер, К. Усов, Ф. Зубков, Ф. Федоров-Козлов, П. Ефимов, П. Пелевин и др.), убедившиеся в ошибочности политики эсеровского руководства, порвали с партией. Это политическое размежевание существенно отразилось на ходе расследования и суда. Первая группа обвиняемых вела себя вызывающе. Большинство из этой группы не давали показаний на предварительном следствии, заявив, что объяснения будут давать только на гласном суде. По окончании предварительного следствия они ознакомились с делом и тщательно подготовились к выступлениям. Вторая же группа обвиняемых разоблачала эсеровские преступления и участие в них лидеров партии. Конкретные показания этих подсудимых являлись существенной частью доказательственного материала.

Немалые трудности были и при формировании состава сторон на суде. Центральные комитеты партий эсеров и меньшевиков добивались участия своих представителей в процессе, надеясь превратить его в трибуну для антисоветских демонстраций. Заграничная группа членов ЦК партии эсеров выдвинула в качестве защитников эсеров-эмигрантов, потребовала разрешения на въезд их в Советскую Россию и гарантий их неприкосновенности. Верховный трибунал, руководствуясь ст. 17 «Положения о революционных трибуналах», отклонил незаконные домогательства эсеров и меньшевиков. Вместе с тем на основании специального постановления Наркомюста трибунал допустил к защите представителей реформистских Интернационалов и решил, что в судебном процессе должны участвовать также представители Коминтерна. В результате состав сторон был определен так: защиту первой группы подсудимых (членов ЦК партии эсеров) представляли допущенные в порядке изъятия из правил ст. 17 «Положения о трибуналах» де-

легаты II и $II^{1}/_{2}$ Интернационалов — деятели реформистского социалистического движения того времени — Э. Вандервельде, Т. Либкнехт, К. Розенфельд и небезызвестные дореволюционные адвокаты Н. Муравьев, А. Тагер, а также правозаступники Жданов, Патушинский, Карякин, Липскеров, Оцеп и Буревич. Защиту второй группы подсудимых (эсеров, отошедших от партии) вели общественные деятели — профессор Членов, Р. Катанян, а также представители Коминтерна Ф. Кон, Ж. Садуль, А. Грамши и др. Обвинителями были назначены Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский и некоторые работники Коминтерна, в том числе Клара Цеткин.

Дело слушалось специальным присутствием Верховного революционного трибунала при ВЦИК.

Начало судебного процесса ознаменовалось политической демонстрацией. Гендельман от имени первой группы подсудимых заявил отвод всему составу суда на том основании, что судьи, являющиеся членами Коммунистической партии, будто бы не могут быть беспристрастными в этом процессе. По «логике» отвода выходило, что члены Коммунистической партии вообще не могут быть судьями по делам о контрреволюционных преступлениях. Абсурдность такого отвода понимали и сами подсудимые. Член ЦК партии эсеров подсудимый Тимофеев поспешил заявить, что подсудимые не отказываются от данного суда. Трибунал отклонил явно провокационный отвод. Но подсудимые продолжали свои наскоки на суд: заявили отвод обвинителю Н. В. Крыленко, возбудили ходатайства о допущении защитниками меньшевиков, о вызове новых свидетелей и т. п. Трибунал отклонил отвод Крыленко, подтвердил прежнее решение о недопущении защитников-меньшевиков, ходатайство же о вызове дополнительных свидетелей в основном удовлетворил. На третий день процесса подсудимые вновь устроили демонстрацию. Тимофеев от имени первой группы подсудимых выступил с политической декларацией, смысл которой заключался в том, что партия эсеров и в настоящее время не отказывается от борьбы с Советской властью.

Особенно вызывающе вели себя иностранные защитники. Э. Вандервельде, К. Розенфельд и Т. Либкнехт, не считаясь с процессуальными нормами советского трибунала, требовали особых привилегий для себя и, когда получали обоснованный отказ, демагогически заявляли, будто советская сторона нарушает берлинское соглашение. Трибунал предоставлял подсудимым и их защитникам все возможности в рамках советского процессуального права. Не кто иной, как Розенфельд, в одном из су-

дебных заседаний признал это, заявив: «Я был очень рад, что обвиняемым и защите была дана возможность защищать те интересы, которые здесь должны быть защищены. Я надеюсь, что мне удастся вернуться в Германию, и я сумею там сказать, что действительно обвиняемым дается возможность защищаться» [1]. Лишены были оснований и ссылки иностранных защитников на нарушения берлинского соглашения: требуя привилегий на основании этого соглашения, иностранные защитники умалчивали о том, что оно, в сущности, уже разорвано реформистами, отказавшимися созвать всемирный конгресс, ради чего оно и заключалось.

13 июня иностранные защитники спровоцировали очередной инцидент. Они потребовали на основании берлинского соглашения разрешить им вести свою отдельную стенограмму судебного процесса. Конечно, защитники имели право вести свои записи, на что и не требовалось разрешения трибунала, но частная стенограмма, не предусмотренная процессуальными нормами, не могла иметь юридического значения. Защитникам были даны соответствующие разъяснения, но они продолжали незаконные домогательства. Это вызвало отпор со стороны обвинения и представителей Коминтерна, которые потребовали прекращения ссылок на берлинское соглашение. А. В. Луначарский заявил: «Я от лица государственного обвинения выражаю самый категорический протест против того, что здесь вновь вмешивается в вопрос процессуального характера обязательство, взятое на себя III Интернационалом по отношению ко второму... Трибунал должен решать вопрос исключительно на основании закона и прецедента... Когда народный комиссар юстиции в порядке надзора и контроля заявит, что с точки зрения правительства необходимо сделать те или другие изменения в процессуальном порядке суда, то трибунал примет это в соображение. Никаких прямых указаний на какие бы то ни было... политические, моральные и какие угодно соглашения близких и компетентных для трибунала институций, никаких ссылок здесь быть не может» [2]. На следующий день иностранные защитники не явились в суд. Они передали через подсудимых заявление об отказе исполнять свои обязанности ввиду «нарушения» судом берлинского соглашения. Гендельман и Тимофеев, передавая это заявление, демонстративно объявили, что подсудимые первой группы солидарны с иностранными защитниками и освобож-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 354, л. 5.
[2] Там же, д. 353, л. 196—197.

дают их от защиты. Это было подготовленное провокационное выступление, имевшее целью дискредитировать советское правосудие. Трибунал дал обоснованный ответ иностранцам и так оценил их поведение: «Иностранная защита, с самого начала усвоившая себе неправильный тон по отношению к трибуналу, пытавшаяся заподозрить его объективизм и беспристрастие, осмелившаяся сопоставлять его с антипролетарскими буржуазными судами капиталистических государств, убедившаяся на деле в том, что процесс ведется со всеми гарантиями действительной защиты подсудимых и действительного выяснения индивидуальной виновности каждого... что перед лицом фактов политической манифестации остается все меньше и меньше места,— эта защита искала только предлога, чтобы покинуть процесс, участие на котором для нее становилось явно политически невыгодным» [1]. Так иностранные «защитники» ушли с процесса.

Вскоре произошел новый инцидент. Вечером 20 июня в суд явились представители московских и петроградских рабочих и попросили разрешения огласить резолюции, принятые на фабриках и заводах в связи с проходившим процессом. Трибунал, принимая во внимание, что он «является органом Рабоче-Крестьянской Республики и [что] мнение трудящихся масс (для него) имеет чрезвычайно существенное значение, хотя в своих суждениях Верховный трибунал и независим от мнения какой бы то ни было группы товарищей» [2], разрешил рабочим огласить резолюции. Делегаты заклеймили преступления эсеров и потребовали строгого их наказания. Отвечая на эти выступления, председательствующий разъяснил рабочим: «Здесь, на суде Верховного трибунала, речь идет не просто о политическом споре, речь идет об ответственности отдельных живых людей, и поэтому мы со всей тщательностью разбираем все доказательства, как за, так и против вины как отдельных лиц, так и целых организаций партии социалистов-революционеров... Только после того, когда мы все показания, все объяснения подсудимых (проверим.— *Д. Г.*), после этого мы сможем с точностью сказать, кто, как и в чем виноват... Поэтому, товарищи,— говорил председатель, обращаясь к рабочим,— вы можете быть спокойны на ваших фабриках и заводах. Суд Верховного трибунала заседает недаром. Он не допустит ошибочного осуждения и ошибочного оправдания» [3].

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 354, л. 4.
[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 358, л. 143.
[3] Там же, л. 163—164.

Подсудимые и их буржуазные адвокаты не преминули воспользоваться фактом выступления рабочих на суде для очередной демонстрации. Адвокат Муравьев усмотрел в этом некое «ниспровержение основ судебного процесса» и потребовал прекращения дальнейшего разбирательства дела и назначения нового суда. Как справедливо заметил Феликс Кон, это было требование, чтобы «суд покончил жизнь самоубийством». Конечно, оно не могло быть удовлетворено. Тогда подсудимые первой группы демонстративно заявили, что отказываются вообще от услуг защитников и будут защищаться сами. 26 июня защитники Муравьев, Тагер, Патушинский, Жданов, Буревич, Липскеров и Оцеп подали ходатайства об освобождении от участия в процессе ввиду отказа подсудимых от их услуг. Трибунал вынужден был удовлетворить это требование, и в дальнейшем суд проходил без них. Но среди подсудимых было немало юристов и бывших адвокатов; это были опытные политические дельцы, и они в полной мере использовали предоставленные им права на защиту. Поистине трудно найти в истории еще один подобный политический судебный процесс, на котором подсудимые пользовались бы большей свободой слова и бóльшими правами на защиту!

Рассмотрение фактов антисоветской деятельности подсудимых полностью подтвердило разоблачения, сделанные Г. Семеновым и Л. Коноплевой. Партия социалистов-революционеров и ее Центральный комитет, как выяснилось, систематически организовывали вооруженные восстания против рабоче-крестьянской власти, связывались в этих целях с злейшими врагами трудящихся — белогвардейцами и международными империалистами, вели шпионаж в пользу воюющих с Красной Армией белогвардейцев и интервентов, совершали диверсионные акты — взрывы стратегических объектов, экспроприации в советских организациях. Подсудимые и не отрицали этих фактов, заявляя, что в 1917—1918 гг. вели вооруженную борьбу против Советской власти и оправдывали такую свою линию политическими соображениями. Они утверждали, однако, что прекратили вооруженную борьбу в феврале 1919 г. и с тех пор занимались лишь политической организацией масс для последующей борьбы, от чего не отказываются и сейчас.

Наиболее важной частью судебного процесса явилось раскрытие данных о террористических актах, совершенных эсерами против виднейших деятелей Советской власти. Четыре года эти факты тщательно скрывались эсерами. Подсудимые — члены ЦК партии эсеров — не признавали этих фактов и на суде. Они

заявляли, что их партия, применявшая террор в борьбе с царским режимом, не практиковала его в отношении деятелей Советского правительства и большевистской партии. Но это было не так. На суде с особой яркостью выявилось двурушничество и лицемерие эсеровских лидеров, которые пытались изобразить себя противниками применения террора против большевиков и Советского правительства, а фактически поощряли террор и тайно руководили им.

После Октябрьской революции правые эсеры не останавливались перед применением любых средств в политической борьбе с большевиками. В эсеровских партийных организациях культивировались террористические настроения. В конце 1917 г. члены Центрального комитета партии эсеров А. Гоц, Е. Ратнер и В. Чернов неоднократно выступали с заявлениями о необходимости террора; за применение террора против деятелей Советского правительства и большевистской партии высказывались целые эсеровские организации (петроградская, харьковская). Наконец в феврале 1918 г. ЦК партии эсеров официально обсуждал этот вопрос. На заседании выявились две точки зрения: одни (В. Чернов и др.) высказались за террор, другие (М. И. Сумгин) считали невозможным применение террора против Советского правительства и большевиков. Победили сторонники террора. Однако принятое решение держалось в секрете. На суде эсеровские руководители уверяли, что ЦК партии принял большинством голосов отрицательное решение о терроре. Но показания участников боевых эсеровских отрядов и практика эсеровской партии подтверждали обратное.

Первые попытки организовать антисоветский террор делались отдельными эсерами и местными эсеровскими партийными организациями. В частности, в Петрограде зародился план — устроить взрыв поезда Совнаркома во время переезда правительства из Петрограда в Москву, а эсеровская активистка Коноплева задумала совершить покушение на жизнь В. И. Ленина. В обвинительном заключении по делу правых эсеров отмечалось: «Первая попытка организации террористических актов, как устанавливает следственный материал, принадлежала не ЦК партии или особо созданной с его ведома и под его наблюдением организации, а петербургскому губкому партии, по его личной инициативе, за свой страх и риск» [1].

---

[1] «Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров...», стр. 81.

Злодейский замысел у сотрудницы петроградского комитета партии эсеров Л. Коноплевой возник в феврале 1918 г. О своем намерении совершить покушение на жизнь В. И. Ленина она сообщила руководителю военной работы при ЦК партии эсеров Б. Рабиновичу и члену ЦК А. Гоцу. Заботясь о том, чтобы партия эсеров не несла ответственности за это злодеяние, Коноплева предложила придать покушению форму «индивидуального акта». Это означало, показывала позже на суде Коноплева, что «акт должен совершиться с ведома партии, с ведома ЦК, но я, идя на это дело, не должна была заявлять, что это делается от имени партии... и даже не должна была говорить, что являюсь членом партии» [1].

Б. Рабинович и А. Гоц от имени партии санкционировали задуманное Коноплевой злодеяние. В марте Коноплева вместе с приглашенным ею эсером П. Ефимовым выехала из Петрограда в Москву для осуществления своего замысла. В организации слежки за В. И. Лениным, добывании оружия, финансировании «предприятия» Коноплевой оказывали содействие находившиеся в Москве члены ЦК партии эсеров — В. Рихтер, Е. Тимофеев и М. Веденяпин. Однако ЦК партии эсеров старался организовать дело так, чтобы на него не пала ответственность за террористический акт. Обещая, что она не будет выступать от имени партии, Коноплева все же добивалась «моральной санкции» ЦК. Но те же самые Гоц и Рабинович, которые санкционировали ее замысел, стремились лишить ее возможности сослаться потом на эту санкцию. Гоца, который приехал в Москву, очень испугало впечатление, произведенное на него Коноплевой. Она выглядела «душевно удрученным и морально разбитым человеком». Такой человек мог, конечно, «подвести» лидеров эсеров, и Гоц, согласно его показаниям, сказал Коноплевой: «Бросьте не только вашу работу, которую вы ведете, но бросьте всякую работу и поезжайте в семью отдохнуть» [2].

В этот раз задуманное эсерами покушение на жизнь В. И. Ленина не состоялось.

В мае 1918 г. начальник эсеровской боевой дружины в Петрограде Семенов предложил образовать при ЦК партии «центральный боевой отряд» и начать организованную террористическую работу против виднейших представителей Советской власти. Члены ЦК партии Гоц и Донской, с которыми Семенов вел переговоры об этом, дали от имени партии санкцию на образо-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 368, л. 111—112.

[2] Там же, л. 170—171.

вание такого отряда под начальством Семенова. Тот привлек в отряд эсеров, которые и раньше действовали в этом же направлении (Коноплеву, Иванову-Иранову, Усова, Сергеева и др.), и отряд начал свою преступную работу. Решено было убить руководителей петроградских большевиков В. Володарского, М. С. Урицкого и др. Эти цели были намечены и тайно санкционированы членами ЦК эсеровской партии. В результате 20 июня был убит В. Володарский.

Не скрывая своей ответственности за это преступление, начальник отряда Г. Семенов на суде показал: «Когда один из моих боевиков — Сергеев — направился на очередную слежку на Обуховскую дорогу, он спросил меня, что, если будет случайная возможность легко произвести покушение, как быть? Я указал, что... вопрос ясен, тогда нужно действовать, поскольку вопрос санкционирован ЦК, а (право определить.— *Д. Г.*) время и день действия бесспорно принадлежит боевой организации... Как раз такая возможность представилась — и товарищ Володарский был убит. Сергееву удалось благополучно бежать» [1].

Не имея возможности опровергнуть показания Семенова и других членов его отряда, подсудимые — члены ЦК и их единомышленники из эмигрантской группы — вынуждены были признать, что они знали об убийстве В. Володарского членом эсеровской боевой группы Сергеевым, и попытались представить это событие как случайный эпизод, не связанный с указаниями партии и совершенный по инициативе Семенова и Сергеева. В. Чернов и Б. Рабинович в эмигрантской печати утверждали, будто убийство было совершено самовольно эсером Сергеевым, который якобы «не стерпел», встретившись случайно с В. Володарским.

Даже из этих объяснений было ясно, что Центральный комитет партии социалистов-революционеров знал об участии эсеровской боевой дружины в убийстве В. Володарского. Тем не менее 22 июня 1918 г. А. Гоц от имени петроградского бюро ЦК партии опубликовал дезориентирующее извещение о том, что «ни одна из организаций партии к убийству комиссара по делам печати Володарского никакого отношения не имеет». Г. Семенов на суде говорил: «Вполне понятно, что это заявление ЦК возмутило как меня, так и всех боевиков... В тот же день я через Коноплеву получил сообщение, что Рабинович желает со мною видеться около Александринского театра. Это свидание произошло, причем Рабинович в повышенном тоне заявил, что я не

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 350, л. 11.

имел права делать покушение на тов. Володарского, что в последнем разговоре Гоц сказал, что нужно выждать некоторое время, и я не имел права действовать... Я в свою очередь напал на Рабиновича за то, что ЦК позволил себе такую вещь в отношении боевой организации, указав на трусость... Он мне предложил... чтобы я и боевики уехали в Москву. Я указал, что нет никакой надобности переезжать в Москву, что дело сделано настолько умело, что все следы заметены, но он категорически настаивал на отъезде, указав, что партия может попасть под удар... В конце концов я согласился»[1].

Центральный комитет партии социалистов-революционеров, таким образом, сохранил террористическую группу Семенова и после убийства Володарского лишь перебазировал ее в Москву. Группа продолжала террористическую работу, готовя покушение теперь уже на жизнь В. И. Ленина. 30 августа 1918 г. Ленин был тяжело ранен в результате покушения Ф. Каплан.

Долгое время обстоятельства этого злодеяния, совершенного Ф. Каплан, не были полностью вскрыты[2]. Через четыре года на суде показаниями участников «центрального боевого отряда» при ЦК партии эсеров Семенова, Коноплевой, Усова, Федорова-Козлова, Зубкова, Пелевина, Ставской, а также Дашевского и других было установлено, что покушение на жизнь В. И. Ленина являлось делом «отряда». Они заявили, что члены ЦК

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 350, л. 12—13.

[2] В 1920 г. Борис Савинков опубликовал за границей брошюру, в которой изложил историю своей борьбы с большевиками. В ней он писал, что руководимый им «Союз защиты родины и свободы» разработал в 1918 г. план убийства В. И. Ленина. «...Предполагалось в Москве убить Ленина.., и для этой цели было установлено наблюдение. Одно время оно давало блестящие результаты... Покушение на Ленина удалось лишь наполовину. Дора Каплан (так в своей брошюре Б. Савинков назвал Фаню Каплан.— *Д. Г.*), ныне расстрелянная, ранила Ленина, но не убила». Эти слова могли быть расценены как признание, что Каплан совершила злодейский акт по плану савинковского «Союза защиты родины и свободы». Как выяснилось впоследствии, заявление Савинкова было блефом. По-видимому, он в эмиграции пытался приписать себе побольше антисоветских «заслуг», чтобы «набить цену».

В 1924 г., когда Б. Савинков был задержан советскими органами, он на судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, отвечая на вопрос о причастности к покушению на жизнь В. И. Ленина, так объяснил это место в процитированной выше брошюре: «Это — неудачная фраза. Вы знаете не хуже меня, что в покушении Каплан на Ленина мы не принимали никакого участия. В этой брошюре, которая была предназначена для широкого распространения, я описал правду, но не с такой точностью, с какой говорю вам» («Дело Б. Савинкова». Л., 1924, стр. 53—54).

А. Гоц и Д. Донской в июле 1918 г. санкционировали это тягчайшее преступление.

На суде выяснились такие подробности.

Террористка Ф. Каплан начала готовить свое преступление еще в феврале — марте 1918 г., приехав специально для этого в Москву. Она считала, что «будничной работой» сейчас заниматься не время, нужно «вспомнить старые заветы партии», и организовала небольшую эсеровскую террористическую группу для совершения покушения на жизнь В. И. Ленина. Характеризуя группу Каплан, Семенов рассказывал: «В ее группе оказались кроме нее всего три человека: Пелевин, старый каторжанин, с.-р., бывший матрос; Рудзиевский — эсерствующий, с сильным белогвардейским оттенком; и Маруся — с.-р., лет 20... Представление о терроре у них было совершенно дикое. Они, примерно, считали возможным отравить Ленина, вложив что-нибудь соответствующее в кушанье, или подослать к нему врача, который привьет ему опасную болезнь. Предполагалось, что исполнителем будет Фаня. Никто из остальных и не пошел бы на это... Слежка велась беспорядочно, и вела ее одна Каплан. У нее была бомба, специально приготовленная ее знакомым химиком, с.-р., работавшим в военной организации» [1]. Осуществить тогда эти злодейские планы Каплан не удалось, она совершила покушение только после вступления в отряд Семенова.

«Центральный боевой отряд» Семенова, переехавший в Москву, насчитывал в это время около 15 человек. Каплан была принята в состав отряда по рекомендации члена военной комиссии партии эсеров И. Дашевского. В начале июля он узнал о твердом намерении Ф. Каплан совершить террористический акт против Ленина. Дашевский считал необходимым, чтобы такого рода выступления, могущие иметь неожиданные последствия, совершались под контролем и руководством ЦК. Поэтому он решил связать Каплан с Семеновым, работа которого санкционировалась и проходила под контролем ЦК.

Отряд Семенова деятельно готовил покушение. В то время в Москве еженедельно по пятницам проходили митинги на предприятиях города, и В. И. Ленин часто выступал на них. Заговорщики разделили город на части и назначили исполнителей, которые должны были стрелять в Ленина, когда он прибудет на митинг. В часы митингов исполнитель должен был находиться в условленном месте (центре района). На крупные предприятия посылались дежурные террористы, которые при появлении

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 346, л. 46.

Ленина должны были сообщить об этом исполнителю. Один из членов террористической группы, подсудимый К. Усов, говорил на суде: «Все наши руководящие лица: Семенов, Елена Иванова и Коноплева — категорически настаивали, чтобы убийцей Ленина непременно был рабочий. Это...— мотивировали они,— послужило бы большой агитацией против Коммунистической партии... (Они настаивали.— *Д. Г.)*, чтобы исполнителем убийства товарища Ленина был я» [1]. Кроме Усова исполнителями террористического акта были назначены Ф. Федоров-Козлов, Ф. Каплан и Л. Коноплева. К. Усов, встретив на одном из митингов В. И. Ленина, не смог выполнить преступного задания. На суде он объяснял это так: «Ленин был встречен громом аплодисментов и восторженными криками, и, конечно, вырвать бога у полуторатысячной рабочей массы я... не решился... Я стрелять не стал» [2]. Так же поступил в другом случае и Ф. Федоров-Козлов.

30 августа на заводе Михельсона дежурил член террористической группы Новиков, который и сообщил Каплан о приезде Ленина. Она явилась на завод. Когда Ленин, окруженный рабочими, выходил из помещения, где только что закончилось собрание, Новиков умышленно споткнулся и застрял в двери, сдерживая выходящих людей. В это время Каплан произвела выстрелы.

Уличенные в организации покушения на жизнь В. И. Ленина, подсудимые — члены ЦК партии эсеров — вновь прибегли к версии, которую неоднократно выдвигали на процессе. Они пытались изобразить действия Каплан и Семенова как самовольные. Заявляли, что фанатичка Каплан, будучи членом их партии, предлагала ЦК свои услуги для совершения террористического акта, но они будто бы отказались. Когда же на суде выяснилось, что накануне покушения Каплан встречалась с членом ЦК партии Д. Донским, который одобрил ее преступный план, Донской поспешил опровергнуть последнее утверждение. Он не отрицал, что виделся с Каплан, но заявил, что во время встречи якобы сказал ей, «что партия террористической борьбы не ведет», и добавил еще, что в таком положении, в каком она находится, желая выступить с террористическим актом, она ставится вне партии, если выступит... «Это было очень незадолго до покушения на Ленина, так что, когда произошло покушение, у меня явилась первая мысль о ней... (Через два дня.— *Д. Г.*)

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 373, л. 165.
[2] Там же, л. 173.

мне удалось встретиться с моими товарищами по бюро. Обсудивши и выяснивши положение, мы решили выпустить сообщение... о непричастности партии к этому покушению» [1].

Отказ эсеровских лидеров признать покушение на В. И. Ленина «партийным делом» вызвал недовольство у членов «центрального боевого отряда». Семенов рассказывал: «После покушения па Ленина в газетах появилось сообщение от московского бюро ЦК о том, что партия эсеров непричастна к этому покушению. Это произвело на наш отряд впечатление ошеломляющее... Мы никак не могли понять, каким образом могло произойти такое предательство... На собрании я указал па недопустимость отношения ЦК и предложил, чтобы кто-нибудь из боевиков вместе со мной пошел бы к Донскому... что ЦК должен взять обратно свое решение. У нас состоялось свидание... Донской сказал, что партия обратно не возьмет этого решения, что сейчас идет красный террор, что если мы это решение возьмем обратно, то вся партия в целом будет подвергнута разгрому. В конце концов мы с Новиковым, ничего не добившись, вернулись обратно... В связи с отказом ЦК у нас в боевой организации создалось настолько тяжелое настроение, что боевая организация дольше существовать не могла... Мы пятеро считали возможным продолжать эту работу от имени «боевой группы эсеров»... В связи с этим решением я был у Донского, сообщил, что большинство боевой организации перебрасывается на фронт, и указал па террористическую группу, которая собирается продолжать работу под таким названием («боевая группа эсеров».— *Д. Г.*). Донской сказал, что под таким флагом группа работать не может... Он сказал, что единственная возможность, которая осталась,— эта мысль ему понравилась — действовать как народные мстители, черные маски, вот это дело хорошее, тут партия будет в стороне, и, с другой стороны, капитал приобретем, удар основательный нанесем Советской власти...» [2]

Причастность членов ЦК партии эсеров к покушению на жизнь В. И. Ленина подтверждали и другие данные расследования. Донской, Гоц, Тимофеев, Морозов признали на суде, что Каплан являлась членом их партии, и подтвердили, что эсеровские боевики, уверенные в том, что ЦК партии санкционировал применение террора, выражали свое возмущение отказом признать покушение 30 августа «партийным делом». Л. Коноплева рассказала о своей беседе в июле 1918 г. с А. Гоцом, который так

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 372, л. 164—165.
[2] Там же, л. 10, 13, 14.

мотивировал необходимость антисоветского террора: «Сейчас идет открытая борьба с большевиками, с Советской властью; сейчас ситуация такова, что террористические акты нужны и необходимы для дела, которое творится на востоке (в то время на востоке страны образовалось антисоветское Самарское правительство.— *Д. Г.*)... Сейчас нужны террористические акты на Ленина и других... Партия эти акты если сейчас не признает, то она их позже признает» [1]. Д. Коноплева также рассказала, что член ЦК партии Д. Донской предложил Новикову, участвовавшему в покушении, написать воспоминания об этом, с тем чтобы оставить их в архиве партии. А позже, весной 1919 г., член ЦК партии Морозов приобрел карточку Каплан для партийного архива [2]. Когда Морозова спросили на суде, для чего ему понадобилась карточка Каплан, он сказал: «Я был секретарем, и все бумаги, которые имели касательство к партии, я всегда собирал» [3]. Так эсеровские лидеры, официально отрицая причастность своей партии к покушению, фактически руководили им и пытались увековечить в партийном архиве злодейскую «заслугу» Каплан в этом деле.

На суде было установлено, что Каплан стреляла из револьвера, данного ей Семеновым — командиром эсеровского «центрального боевого отряда». Вот почему в 1918 г. Каплан упорно не отвечала на вопросы следователей о том, где она взяла браунинг. Правдиво ответив на этот вопрос, она тогда же раскрыла бы существование эсеровского террористического отряда. Теперь стало понятно и то, почему у Каплан в портфеле находился железнодорожный билет Томилино — Москва. Из показаний участников семеновского отряда выяснилось, что на даче в Томилино находилась конспиративная квартира отряда, и там неоднократно бывала Каплан, приезжавшая из Москвы.

Верховный революционный трибунал произвел тщательный анализ всех показаний и документов и дал судебную оценку делу. Он устанавливал участие членов ЦК и членов партии социалистов-революционеров в террористических актах, экспроприациях и подрывной работе в отношении каждого из обвиняемых в отдельности.

Судебный процесс над группой членов ЦК партии социалистов-революционеров показал, что эта партия была связана с империалистическими державами, вела диверсионную, подрыв-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 373, л. 84.
[2] Там же, л. 91—92.
[3] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 374, л. 178.

ную и террористическую деятельность против Советской власти с первых дней ее существования и вплоть до судебного процесса. Даже те члены ЦК, которые находились под стражей в момент принятия X советом партии резолюции о возврате к политике вооруженной борьбы с Советской властью, солидаризировались с такой политикой. Арестованные Гоц, Донской, Тимофеев и другие, воспользовавшись мягким режимом заключения, 5 сентября 1921 г. послали вновь избранному Центральному бюро партии эсеров письмо, в котором писали: «С радостью узнали мы о благополучном исходе X совета партии. X совет партии совершенно правильно заявляет, что главным заданием является преодоление диктатуры правящего правительства». Эти подсудимые и на суде заявляли, что не отказываются от вооруженной борьбы с Советской властью.

Верховный революционный трибунал после 50-дневного тщательного судебного разбирательства приговорил членов ЦК партии социалистов-революционеров А. Гоца, Д. Донского, Л. Герштейна, М. Гендельмана-Грабовского, М. Лихача, Н. Иванова, Е. Ратнер-Элькинд, Е. Тимофеева, членов различных руководящих органов партии С. Морозова, В. Агапова, А. Альтовского, члена ЦК партии народных социалистов В. Игнатьева и членов «центрального боевого отряда при ЦК партии эсеров» Г. Семенова, Л. Коноплеву и Е. Иванову-Иранову к расстрелу. Десятерых подсудимых — ответственных деятелей партии эсеров, в том числе членов ЦК Д. Ракова, Ф. Федоровича и М. Веденяпина, а также непосредственных участников террористической и боевой деятельности партии эсеров — П. Ефимова, К. Усова, Ф. Зубкова, Ф. Федорова-Козлова, П. Пелевина, И. Дашевского Ф. Ставскую — к разным срокам тюремного заключения. Двое подсудимых — Г. Ратнер и Ю. Морачевский — были оправданы. Вместе с тем Верховный трибунал обратился в Президиум ВЦИК с ходатайством об освобождении осужденных Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева от наказания, так как нашел, что эти подсудимые заблуждались при совершении ими тяжких преступлений, а затем вполне осознали всю их тяжесть, поняли контрреволюционную роль партии эсеров, вышли из нее и из стана врагов рабочего класса [1].

8 августа 1922 г. Президиум ВЦИК, рассмотрев приговор Верховного трибунала, дал такую оценку политике эсеров:

---

[1] См. «Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии эсеров», стр. 28—30.

«В величайшей борьбе исторических сил, где, с одной стороны, были капитал, привилегии, короны, церкви, все формы и способы насилия имущих над неимущими, а с другой стороны, восставшие рабочие массы России при возраставшем сочувствии трудящихся всего мира,— в этой борьбе партия социалистов-революционеров встала целиком на сторону капитала, угнетения, реакции. Свою организацию и свой авторитет, выросшие на борьбе с царизмом, она обращает целиком на борьбу с правительством рабочего класса. Заговорщические, террористические приемы борьбы она направляет против органов и вождей трудовой республики. Подпольную конспирацию боевых дружин она сочетает с тайными происками и секретными фондами миссий и посольств мирового империализма. Ее прямыми союзниками являются генералы, монархисты, бывшие царские бюрократы, помещики, капиталисты, священники, кулаки...

Все затруднения и бедствия блокированной империализмом рабоче-крестьянской страны служат Центральному комитету партии эсеров для того, чтобы вызвать вмешательства, восстания, покушения, кровавые конфликты, усугублять хаос, умножать раны и страдания трудящихся и таким путем вызвать крушение Советской власти, на смену которой могла бы прийти только власть торжествующей буржуазии.

Центральный комитет партии социалистов-революционеров организует попытки восстаний в армии, во флоте, в крестьянстве против власти Советов, начиная с ноября 1917 г. и кончая сегодняшним днем.

Всей политикой партии социалистов-революционеров вдохновленные и фактически рукой ее Центрального комитета направляемые, боевики партии совершают ряд убийств и покушений на деятелей, которым рабочие и крестьяне России вверили ответственные посты в своей Республике. В метаниях между активной службой буржуазной реакции и тщетными усилиями удержать остатки доверия рабочих масс партия социалистов-революционеров пропитывается двойственностью, лживостью, лицемерием: фактически подталкивает к убийствам и организует их, официально отказываясь от них; поддерживает, питает, организует каждое движение против Советского строя, из каких бы черносотенных источников оно ни исходило, не беря на себя открыто ответственности».

Далее в постановлении ВЦИК указывалось, что буржуазная и правосоциалистическая печать всего мира взяла под защиту разоблаченную судебным процессом партию эсеров и воздействует в этом смысле на отсталые массы рабочего класса. Поэтому

Президиум ВЦИК, «признавая, с одной стороны, в полной мере правильность и революционную целесообразность приговора Верховного трибунала, принимая, с другой стороны, во внимание наличность этих отсталых, запуганных буржуазией и обманутых социал-демократией слоев мирового рабочего класса и ставя себе в данном случае задачей дать трудящимся наглядный урок революционного действия...— постановляет:

1. Приговор Верховного трибунала в отношении к подсудимым: Гоцу, Донскому, Герштейну, Гендельману-Грабовскому, Лихачу, Н. Иванову, Е. Ратнер-Элькинд, Тимофееву, Морозову, Агапову, Альтовскому и Е. Ивановой-Ирановой, приговоренным к высшей мере наказания, утвердить, но исполнение приостановить.

Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольную заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать.

Наоборот, применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа...

2. В отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева ходатайство Верховного трибунала о полном освобождении их от наказания удовлетворить» [1].

14 января 1924 г. Президиум ЦИК Союза ССР вновь рассмотрел вопрос об осужденных эсерах и констатировал, что решение от 8 августа 1922 г. «диктовалось в то время исключительно соображениями обезопасить Советскую республику от возможного продолжения той же деятельности со стороны единомышленников осужденных», что «за истекшие полтора года, хотя на деле партия правых эсеров и не прекратила своей контрреволюционной деятельности ни по агитации, ни по пропаганде свержения Советской власти внутри страны, ни своей предательской деятельности по отношению к рабочим и крестьянам за границей, путем организации и подготовки вооруженного вмешательства в тех же целях извне, тем не менее, в связи с общим,

---

[1] «Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии эсеров», стр. 31—34.

основанным на росте хозяйственного возрождения укреплением Советской власти внутри страны, ростом доверия по отношению к ней со стороны трудящихся масс и, как результат этого укрепления, ростом международного значения Советской власти, эта деятельность кучки потерявших всякую связь с трудящимися массами Союза ССР, озлобленных эмигрантов и разбитых и рассеянных групп их единомышленников внутри страны не может представляться в настоящее время внушающей серьезные опасения; что, наконец, поведение самих заключенных за истекшие с момента приговора полтора года также не дает оснований считать их настолько опасными, чтобы приведение в исполнение приговора в отношении осужденных диктовалось необходимостью». Исходя из этих соображений, Президиум ВЦИК заменил осужденным высшую меру наказания — расстрел — лишением свободы сроком на пять лет; остальным осужденным сократил срок лишения свободы наполовину [1].

Характерный отзвук получил этот процесс в Баку.

Когда во время расследования выяснилось, что правые эсеры возвратились на позиции борьбы с Советской властью, органы государственной безопасности решили обезвредить ее наиболее опасные «активистские» кадры. В апреле 1922 г. Азербайджанская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией во исполнение этого решения арестовала группу «активистов» бакинской эсеровской организации.

Через два дня после этого, 9 апреля вечером, на бакинском нефтяном промысле в Раманах загорелся бак с нефтью; в результате пожара сгорело пять буровых. 10 апреля утром загорелась нефтяная вышка в Балаханах. В тот же день вечером начался пожар в Сураханах, который удалось локализовать огромными усилиями рабочих и коммунистов Баку. Промыслам был причинен большой ущерб: добыча нефти возобновилась только через 15—20 дней.

Тщательное расследование показало, что пожары — результат умышленного поджога и что здесь действовали правоэсеровские «активисты».

В первых числах апреля 1922 г. член бюро бакинской организации правых эсеров Самородова, встретив рабочего нефтяных промыслов — эсера Зайцева, сообщила ему о предполагаемых арестах правых эсеров. Как она узнала об этом, неизвестно. Она сказала Зайцеву:

— В случае наших арестов надо поджечь промысла...

---

[1] См. «Правда», 15 января 1924 г.

Зайцев принял слова Самородовой как решение оргбюро своей партии и передал об этом другому эсеровскому «активисту» — Плетневу, а тот в свою очередь — Голомазову.

Когда была арестована группа правых эсеров, в том числе Самородова и Плетнев, оставшиеся на свободе «активисты» (Голомазов, Зайцев и др.) решили отомстить и организовали поджог нефтяных вышек.

1—10 декабря 1922 г. Верховный революционный трибунал Азербайджанской ССР в Баку под председательством Я. Полуяна при рассмотрении дела о преступлениях группы арестованных членов бакинской организации правых эсеров установил и виновных в поджоге нефтяных промыслов. Трое подсудимых — Зайцев, Голомазов и Плетнев, непосредственные участники поджога,— признали себя виновными в совершении этого злостного преступления. Они были приговорены к расстрелу, но президиум Азербайджанского ЦИК, учитывая упрочение Советской власти и раскаяние подсудимых, заменил им высшую меру наказания тюремным заключением сроком на 8 лет.

Судебный процесс по делу членов ЦК партии правых эсеров еще яснее показал трудящимся действительное лицо этой партии, углубил процесс разложения в ее рядах, подтвердил ее окончательную политическую гибель.

Многие рядовые эсеры, потрясенные разоблаченными на процессах фактами контрреволюционной деятельности лидеров своей партии, выразили протест. Созванный инициативной группой Всероссийский съезд бывших рядовых членов эсеровской партии (главным образом рабочих и крестьян), состоявшийся в Москве с 18 по 23 марта 1923 г., констатировал полный распад партии, заклеймил позорную деятельность ее лидеров и лишил полномочий членов ЦК. Съезд призвал эсеров вступать в ряды Коммунистической партии, выражающей интересы трудящихся. В дальнейшем многие эсеры вступали в ряды РКП(б) или окончательно отходили от политической работы. Только незначительные остатки этой некогда крупной партии, не примирившиеся с Советской властью, и ее эмигрантские лидеры пытались продолжать бесплодную антисоветскую подпольную работу.

3. Кто руководил убийством М. С. Урицкого!

Если убийство В. Володарского и покушение на жизнь В. И. Ленина на судебном процессе по делу членов ЦК партии правых эсеров было в полной мере выяснено, то убийство

М. С. Урицкого к этому времени все еще оставалось не вполне раскрытым. Физический исполнитель этого преступления — Л. Канегиссер — был задержан, понес заслуженное наказание, но возникали вопросы: действительно ли это убийство является индивидуальным террористическим актом? Не было ли сообщников у убийцы? Не было ли убийство результатом деятельности контрреволюционной организации? Какой именно?

Как известно, в тот самый день, когда в Петрограде был убит М. С. Урицкий, 30 августа 1918 г. в Москве на заводе Михельсона Каплан стреляла в Ленина и тяжело ранила его.

Естественно было предположить, что совершенные в один день в Петрограде и Москве покушения представляли собою акты организованного террора и были подготовлены одной политической группой контрреволюционеров. Эту версию подтверждали и обстоятельства происшедшего незадолго до этого, 20 июня 1918 г., и на первых порах не раскрытого убийства В. Володарского. ВЧК обоснованно проверяла эту версию, вытекавшую из социально-политической обстановки, в которой находилась тогда страна. Но при расследовании выяснилось, что Каплан в прошлом была анархисткой, затем эсеркой, а Канегиссер состоял в партии народных социалистов. Центральный комитет партии правых эсеров и другие «социалистические» партии выступили с официальными публичными заявлениями о том, что их организации не имеют никакого отношения к убийству М. С. Урицкого и покушению на жизнь В. И. Ленина. Еще раньше они заявляли то же по поводу убийства В. Володарского. Конкретных данных, опровергающих утверждения этих партий, ВЧК в то время не имела.

Далее, естественно было предположить, что убийство М. С. Урицкого было совершено с целью устранить видного борца с контрреволюцией — руководителя Петроградской чрезвычайной комиссии. Но какие именно контрреволюционеры, какой организации сделали это?

В дни, предшествовавшие убийству М. С. Урицкого и покушению на жизнь В. И. Ленина, Чрезвычайная комиссия активно разрабатывала данные о подрывной деятельности дипломатических представителей стран Антанты против Советской России, в частности известное дело английского представителя в России Локкарта. Немалую роль в этом играла и Петроградская чрезвычайная комиссия под руководством М. С. Урицкого, в руках которого в последние дни его жизни сосредоточивались данные об империалистическом заговоре.

Представлялось подозрительным и то обстоятельство, что Канегиссер, спасаясь от погони после убийства М. С. Урицкого, искал убежища в доме по Миллионной улице, 17, в котором помещалось Английское собрание и жили англичане. Представляла интерес и история с переодеванием его в этом доме. Не являлись ли террористические акты 30 августа делом агентуры дипломатических заговорщиков?

Предположение о причастности дипломатов-заговорщиков к убийству М. С. Урицкого и покушению на жизнь В. И. Ленина было обоснованным. Это косвенно признает сам Локкарт. «Надеяться на то, что нас не тронут (после событий 30 августа.— *Д. Г.*),— писал он в своих воспоминаниях,— мы никак не могли. Мы с Гиксом просидели до поздней ночи, шепотом обменивались своими соображениями по поводу этой катастрофы и в страхе ожидали последствий, которые она могла иметь для нас» [1].

«Предчувствие» не обмануло заговорщика. Сразу же после событий 30 августа чекисты ликвидировали заговор Локкарта. На рассвете 31 августа на своей московской квартире был задержан и сам Р. Локкарт. Первым вопросом, какой задал ему заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс, был вопрос об отношении его к террористическим актам, знает ли он террористку Каплан. Локкарт, сославшись на правила дипломатического иммунитета, не ответил на вопрос Петерса.

Расследование по делу Локкарта не дало возможности вскрыть конкретные доказательства причастности его к убийству М. С. Урицкого.

Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией обратила внимание и на связи убийцы М. С. Урицкого с Филоненко. В сообщении Петроградской чрезвычайной комиссии указывалось, что Канегиссер являлся двоюродным братом Филоненко. Этот интерес к Филоненко не был случайным.

М. М. Филоненко, по образованию инженер, был поручиком царской армии. Он прославился издевательским отношением к «низшим чинам» и заслужил ненависть и презрение солдат. Это был человек огромного честолюбия, карьерист, склонный к авантюрам. После Февральской буржуазно-демократической революции он всплыл на поверхность, примкнул к эсеровской партии.

Керенский назначил его военным комиссаром Временного правительства при 8-й армии Корнилова. Учуяв в Корнилове претендента в военные диктаторы страны, Филоненко стал одним

---

[1] *Р. Локкарт.* Буря над Россией, стр. 312.

из главных его советников. Действуя вместе с таким же авантюристом, как и он сам,— Б. Савинковым, занимавшим в то время пост комиссара Временного правительства по Юго-Западному фронту (в который входила и 8-я армия), Филоненко всячески поддерживал Корнилова и его проекты установления военной диктатуры в стране, введение смертной казни и т. д. Когда Корнилов был назначен верховным главнокомандующим и организовал заговор против революции, Филоненко стал одним из ближайших его сообщников. Корнилов намечал его членом правительства военной диктатуры. Но Филоненко своевременно переметнулся и отошел от Корнилова. После революции он начал тайную борьбу против Советской власти.

Однако весьма подозрительная связь Канегиссера с Филоненко в деталях вскрыта не была.

Итак, расстрел исполнителей террористических актов против М. С. Урицкого и В. И. Ленина в 1918 г.— Ф. Каплан и Л. Канегиссера — не снимал вопроса о вдохновителях и организаторах этих гнусных преступлений. Вопрос сохранял важнейшее политическое значение. Поэтому в последующих процессах о контрреволюционных организациях следственные и судебные органы неоднократно вновь обращались к нему.

В связи с вскрытым на процессе правых эсеров фактом их причастности к покушениям на В. И. Ленина и В. Володарского возник вопрос, не является ли и убийство Урицкого делом рук тех же эсеров. Эта версия, зародившаяся уже в первый день после убийства, в 1922 г. приобрела конкретный характер. Она могла быть проверена, так как бывшие члены эсеровского боевого отряда (Г. Семенов, Л. Коноплева и др.) откровенно рассказывали о террористической деятельности эсеров, об убийстве В. Володарского, о покушении на жизнь В. И. Ленина. И все же они отрицали причастность эсеров к убийству М. С. Урицкого. Активистка эсеровского отряда Л. Коноплева показывала, что убийство Урицкого входило в планы отряда, санкционированные эсеровским ЦК, но фактически не было им исполнено. «Для слежки за Урицким,— показывала Коноплева,— я сняла комнату на 9-й линии Васильевского острова, против дома, где он жил; бывала в его квартире, хозяйкой которой была зубной врач, к которой я ходила лечить специально для этой цели сломанный зуб... В середине июля мною была дана Семенову (начальнику отряда, находившемуся в то время в Москве.— *Д. Г.*) телеграмма, что покушение на Урицкого можно произвести. Одновременно с этим я была вызвана в Москву, где по постановлению летучего отряда должна была остаться. Перед отъездом слежка

за Урицким передана была мною боевику Василеостровского района Зейме. Он вскоре выехал из Петербурга, и работа эта прекратилась. Позже, в августе, Урицкий был убит Канегиссером, который никакого отношения к нашему отряду не имел» [1].

Материалы судебного процесса по делу правых эсеров выявили и более подробные данные о личности Канегиссера. Как выяснилось, последний постоянно вращался среди антисоветски настроенных офицеров и юнкеров, участвовал в подпольных и военных группах, создававшихся в Петрограде. Он являлся сторонником агрессивных методов борьбы с Советской властью. Член ЦК партии народных социалистов В. И. Игнатьев показал, что Канегиссер как член партии народных социалистов предложил ему использовать в партийных интересах военные группы, в которых он работал. «Приблизительно в конце марта (1918 г.— *Д. Г.*),— рассказывал Игнатьев,— ко мне явился... Канегиссер, который представил мне определенные рекомендации от знакомых мне лиц и после некоторого разговора предложил мне сорганизовать или, вернее, оформить уже существующую организацию беспартийного офицерства, которая поставила своей задачей активную борьбу против Советской власти. Он сказал, что свыше 100 человек разбиты по разным районам города. Город разделен на комендатуры. Я осведомился, каково политическое кредо этой группировки. Ответ получился такой, что они стоят на точке зрения идейного народоправства. Затем мы более детально обсудили этот вопрос... Я просил более ответственных руководителей (организации) и комендантов прийти ко мне на совещание. Около полумесяца пошло на эту организационную работу» [2]. В конце концов офицерские военные группы, в которых участвовал Канегиссер, перешли в ведение партии народных социалистов, и член ЦК этой партии Игнатьев взял на себя политическое руководство ими. Между тем в городе существовали и военные группы правых эсеров. Впоследствии все городские военные группы слились в единую организацию, ставшую военным костяком антисоветского «Союза возрождения России». В районах Петрограда были созданы низовые объединенные военные организации «Союза» — военные комендатуры, большая часть которых возглавлялась правыми эсерами. Комендантом же Выборгского района был Канегиссер.

В. И. Игнатьев рассказал, что Канегиссер предлагал ему вступить от имени партии народных социалистов также в связь

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 346. л. 80.
[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 367, л. 8.

с действовавшей в городе самостоятельной антисоветской организацией Филоненко. «Канегиссер неоднократно говорил мне,— показывал Игнатьев,— о своих личных связях с Филоненко, о своей прошлой работе с ним, о встречах с ним в период своей работы в «Союзе возрождения»... Канегиссер находился несомненно под влиянием (Филоненко)... От встречи с Филоненко я отказался, от вхождения в связь с его организацией — уклонился, так как по моей информации организация его носила правый уклон и слишком личный характер, служила не для достижения общих целей, а для честолюбивых устремлений Филоненко к власти... Непременным условием для совместной работы с его организацией ставилось признание Филоненко в качестве будущего премьера и военного министра». Отвечая на вопрос о причастности Филоненко к убийству М. С. Урицкого, Игнатьев сообщил на следствии, что он встречался с Филоненко в Архангельске во времена господства там «союзных» оккупантов и антисоветского «правительства Северной области», при этом «во время разговора с Филоненко у последнего пробегала мысль о том, что он что-то знает по делу убийства Урицкого, но я, скорее, был склонен приписать ее желанию похвастаться своей актуальностью в борьбе с большевиками перед правыми кругами и союзниками, с которыми Филоненко был тесно связан — он был лидером правых групп в Архангельской городской думе и одновременно служил в Союзной контрразведке, содержался за счет французского посольства (в виде субсидии на газету «Отечество», а может быть, и еще под каким-либо другим видом)» [1].

Новые данные о личности Канегиссера, его связях с правоэсеровскими организациями были рассмотрены следственными органами, которые пришли к выводу, что они, однако, не вполне достаточны для определенных суждений. В обвинительном заключении по делу правых эсеров указывалось: «Следствием установлено, что Канегиссер все же находился в тесной связи с организацией партии с.-р., входил в организацию Филоненко и в свое время был одним из назначенных военных комендантов партии с.-р. в Выборгском районе при подготовке попытки восстания и был на одном из заседаний военного штаба за Невской заставой. По этому же поводу произведенное расследование по делу убийства Урицкого не дает оснований утверждать о прямой связи совершенного убийства с ЦК партии с.-р., но оставляет открытым вопрос о полной непричастности ЦК к этому убий-

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 346, л. 188. В 1919 г. М. М. Филоненко скрылся из Архангельска, захватив с собою средства французских покровителей русской контрреволюции.— *Д. Г.*

ству. Санкция на убийство, во всяком случае, своевременно, как это указывает Коноплева, была дана»[1].

Итак, при расследовании и рассмотрении в 1922 г. дела членов ЦК партии правых эсеров обстоятельства убийства М. С. Урицкого в полной мере не были выявлены.

В 1926 г. в белоэмигрантском сборнике «Голос минувшего на чужой стороне», издававшемся в Париже под редакцией профессора С. П. Мельгунова и В. А. Мякотина, была опубликована статья-воспоминание под названием «Белые террористы». Автор статьи, бывший капитан лейб-гвардии Преображенского полка, принимавший участие в антисоветской деятельности в Петрограде, скрывшийся за инициалами «Н. Н.», рассказал в ней о Канегиссере и об обстоятельствах убийства М. С. Урицкого.

По словам автора, в мае 1918 г. по приглашению Канегиссера он вступил в террористическую группу, возглавляемую Филоненко, которая поставила своей целью «истребление видных большевистских деятелей». «Кроме Филоненко,— писал «Н. Н.»,— в организацию входил Канегиссер, студент Г. и еще один господин, собственник автомобиля, которого назову Х. Тогда же было решено начать слежку за Урицким... Я предложил принять в организацию моего друга, адвоката К., который и был принят на роль вспомогательного сотрудника и должен был доставать бензин для машины и предоставить свою квартиру для сборов организации. Было начало июня. Слежка подвигалась медленно. Хотя Канегиссеру и удалось проследить Урицкого до его квартиры на 11-й линии Васильевского острова, но оказалось, что он почти не бывал дома, оставаясь даже ночевать в ЧК. Вторым препятствием являлась малолюдность улицы. Я выходил на слежку несколько раз в роли разносчика папирос, но безрезультатно, и первоначальный план — убить Урицкого у его квартиры — нам пришлось оставить. Вскоре через Филоненко были получены сведения, что Урицкий едет на совещание в Москву. Эти сведения ему удалось добыть, пробравшись под видом маляра в самую ЧК. После целого ряда предположений остановились на следующем: к отходу поезда Канегиссер должен был пробраться на платформу и ждать Урицкого у вагона, Г.— у главного входа в Николаевский вокзал, я — у входа на платформу со стороны Лиговки, Филоненко же должен был ходить на углу площади и Лиговки, чтобы воспользоваться им, если не удастся сразу же скрыться в толпе...» Этот замысел не

[1] «Обвинительное заключение по делу членов ЦК партии эсеров», стр. 91.

был проведен в жизнь (Урицкий не поехал в Москву), и тогда в организации возник новый чудовищный проект. «На одном из совещаний,— продолжал автор,— Филоненко было предложено несколько изменить тактику. Представлялась возможность произвести террористический акт над целой группой лиц. Филоненко удалось достать 5 баллонов с синильной кислотой, которые, по его плану, должны были быть разбиты на предполагавшемся в скором времени Всероссийском съезде Советов, результатом чего явилась бы смерть если не всех, то большинства собравшихся». Автор подробно рассказал, как шли приготовления к этому злодейскому акту, как хранились баллоны с кислотой у К., как неожиданно у К. был произведен обыск и чекисты арестовали рассказчика, случайно ночевавшего у К., как Урицкий допрашивал рассказчика и отпустил его на свободу под подписку о том, что он не будет в дальнейшем заниматься контрреволюционной деятельностью. Далее анонимный автор заявил: «После выхода из ЧК я не принимал уже активного участия в организации, так как вскоре уехал из Петербурга. Работа же там шла своим чередом. Канегиссеру наконец удалось проследить Урицкого, и при выходе последнего из автомобиля у самой ЧК он убил его 4-мя выстрелами в упор» [1].

Казалось бы, теперь была внесена ясность в вопрос о причастности организации Филоненко к убийству М. С. Урицкого. Но... за границей оказался еще один белый эмигрант, который, по его словам, участвовал в террористической группе Филоненко. Скрывшись под анонимной подписью «Х», он обратился с письмом в редакцию журнала «Голос минувшего на чужой стороне» и уличил «Н. Н.» в ряде неточностей при изложении им фактов деятельности группы и обстоятельств убийства М. С. Урицкого. По мнению «Х», тогда еще не настало время назвать имена деятелей и точные обстоятельства работы указанной организации. Тем не менее он утверждал, что «террористический свой акт Канегиссер совершил независимо от организации, задумав и выполнив его самостоятельно, не привлекая никого из ближайших своих сотрудников по конспиративной деятельности и не посвящая их в свой план». Он заявил, что Канегиссер, «видя бесплодность коллективных выступлений, наблюдая распад организации... самостоятельно задумал и самостоятельно совершил свой акт» [2].

---

[1] «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж), 1926, сб. 1, стр. 147—155.

[2] «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж), 1927, сб. 5, стр. 316—317.

Итак, вопрос вновь остался открытым.

В деле об убийстве М. С. Урицкого все возникавшие при расследовании версии имели под собою фактические основания. Недаром в советских изданиях и публикациях террористические акты против В. И. Ленина, В. Володарского и М. С. Урицкого основательно рассматриваются как проявление единой тактики организованного террора контрреволюции против вождей рабочего класса. В самом деле, разве правые эсеры, разведчики и агенты международного империализма, такие авантюристы, как Филоненко и Савинков, состоявшие на содержании империалистических разведок, действуя в отдельности и вступая в различные заговорщические комбинации, не осуществляли террористические акты против вождей рабочего класса? Разве убийца М. С. Урицкого Канегиссер не был связан с такими организациями? Наконец, пропаганда террора, оплата этими главными группами контрреволюции услуг всяких проходимцев-террористов создали такую обстановку, что отдельные враги Советской власти могли решиться и на подобные самостоятельные действия.

4. Ликвидация петлюровского охвостья

После введения новой экономической политики в течение 1922—1925 гг. Коммунистическая партия (большевиков) и Советское правительство Украины успешно вели работу по восстановлению народного хозяйства, обеспечению социалистического общественного порядка и разъяснению в массах ленинской национальной политики. Государственные мероприятия новой экономической политики позволили ликвидировать хозяйственный кризис, поднять благосостояние государства и народа. Широкие массы крестьянства были удовлетворены; они жаждали мира, порядка и спокойствия на своей многострадальной земле. Украинский народ на своем опыте убедился в том, что его социальные и национальные интересы совпадают с интересами всех братских народов Советского Союза и могут быть обеспечены лишь при осуществлении социалистических идеалов на основе пролетарского интернационализма. Идеология буржуазного национализма — петлюровщина — теряла в его глазах кредит. Правильная ленинская политика Коммунистической партии и Советского правительства позволила отсечь от петлюровщины середняцкие и бедняцкие массы украинского крестьянства. В марте 1921 г. V Всеукраинский съезд Советов объявил амнистию всем крестьянам — участникам антисоветских движений,

если они возвратятся к мирному труду. Советские органы борьбы с контрреволюцией широко применяли эту амнистию. Крестьяне все больше и больше отходили от петлюровцев и махновцев и не только не помогали им, но и стали выступать против творимых теми злодеяний, убийств, погромов, оказывая поддержку чекистам в искоренении бандитизма.

В 1922—1925 гг. первейшими задачами борьбы с контрреволюцией на Украине были искоренение охвостья петлюровских подпольных организаций, насажденных в советском тылу эмигрантским «Центральным штабом», и решительное пресечение попыток создать новые петлюровские повстанческие комитеты.

В марте 1922 г. Киевская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией ликвидировала крупнейшую подпольную организацию, которая пыталась воссоздать на месте разгромленного «Цупкома» новый петлюровский центр, так называемую «Казачью раду Правобережной Украины».

Киевским чекистам удалось проникнуть в эту организацию. Шесть месяцев длилось ее предварительное изучение, затем в одну ночь чекисты произвели крупную операцию: арестовали свыше 600 человек, причастных к этой организации, изъяли ряд документов, 10 пулеметов, много винтовок, револьверов, гранат и патронов. Начальник секретно-оперативной части Киевской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Перцов рассказал впоследствии такие подробности этой операции: «В ночь с 3 на 4 марта необходимо было захватить участников этой организации как в Киеве, так и на периферии. Такой план одновременного и быстрого натиска диктовался простым соображением: выполнение части операции в одном только Киеве дало бы возможность уцелеть организации, находившейся на периферии, и наоборот. Всего подлежало аресту в Киеве около 200 человек, на периферии — более 400. Для производства этой сложной операции был создан небольшой штаб, начальником которого был назначен я. Были мобилизованы все сотрудники, вплоть до регистраторов, очень плохо или совсем не владеющих оружием. Вооруженные сотрудники были направлены по адресам согласно предварительно разработанному плану. Заместителем предгубчека являлся тогда покойный тов. Кравченко (речь идет об известном украинском чекисте Иване Васильевиче Кравченко.— *Д. Г.*). До отправки сотрудников по адресам он явился в штаб и изъявил желание также получить адрес, попросив дать ему «место поопаснее»... Я предложил тов. Кравченко отправиться на Жилянскую, 94, где проживал начальник ж.-д. милиции Винокуров, являвшийся вместе с тем

комендантом повстанческого штаба, в распоряжении которого было большое количество оружия. Тов. Кравченко, рассмотрев список направленных туда сотрудников, решил, что туда посланы лучшие работники, которым его помощь вряд ли будет нужна. Он остался в штабе «на всякий случай». В 11 часов вечера я экстренно был вызван по телефону в одно место, где необходимо было разрешить сложный «узел». Замещать меня в штабе остался тов. Кравченко. Через полчаса, вернувшись, я не застал его. Предгубчека тов. Лившиц (известный чекист Яков Абрамович Лившиц.— *Д. Г.*) взволнованно сообщил мне, что Кравченко смертельно ранен, а один сотрудник — Янковский — убит... (был убит чекист Дмитрий Васильевич Янковский.— *Д. Г.*). Во время моего отсутствия в штаб донесли по телефону о том, что на одной из квартир по Дионисьевскому переулку членами петлюровской контрразведки убит наповал наш сотрудник Янковский, а остальные (регистраторы) деморализованы. Предпринятому делу, таким образом, грозил полнейший срыв по всему фронту. Тов. Кравченко, захватив с собой несколько сотрудников, немедленно отправился на место происшествия. Не доехав до Дионисьевского переулка, все сошли с автомобиля, чтобы не спугнуть бандитов, и направились по переулку. Пройдя небольшое расстояние, тов. Кравченко заметил двух мужчин и одну женщину, направляющихся к нему навстречу. Заподозрив в них членов шайки и убийц Янковского, Кравченко выхватил оружие и бросился на них с криком «Руки вверх!». Следовавшие за ним сотрудники еще не успели как следует подтянуться, как раздался выстрел. Тов. Кравченко зашатался и упал. Будучи ранен, он успел еще выстрелить в своего убийцу. Поднялась перестрелка между нашими сотрудниками и раненым злоумышленником, который, лежа на земле, не переставал посылать пулю за пулей. В результате он был изрешечен пулями, а спутники его задержаны. Тов. Кравченко понесли в ближайший медпункт, где он через 15 минут скончался. Убивший его оказался членом петлюровской контрразведки Брейненсеном, постоянно курсировавшим между штабом Петлюры и контрразведкой через границу. Так тов. Кравченко буквально грудью спас положение и, возможно, жизнь других сотрудников, находившихся по другим адресам, которых, несомненно, контрразведчик Брейненсен поспешил бы известить об опасности» [1].

---

[1] «Пролетарская правда» (Киев), 11 февраля 1923 г. И. В. Кравченко за участие в раскрытии дела «Казачьей рады» был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Расследование преступлений арестованных производилось по трем основным направлениям. По делу главарей «Казачьей рады Правобережной Украины» было установлено, что этот подпольный центр создали в г. Белая Церковь Киевской губернии в августе 1921 г. оставшиеся на свободе активисты разгромленного «Цупкома»: Николай Лозовик (бывший заместитель председателя информационного бюро при Директории), Тихон Бессарабенко (имевший мандат «Центрального штаба УНР» за № 0303), Михаил Симак — он же Сущ-Дубок (бывший член «Цупкома») и Иван Шамуленко (Федорцев), работавший в Белоцерковском районном союзе потребительской кооперации.

«Казачья рада» была утверждена Симоном Петлюрой в качестве центра информационной работы на Правобережье Украины. Но такая роль не удовлетворяла вожаков организации. В сентябре 1921 г. они решили расширить свою компетенцию и действовать еще и как центр по подготовке восстания в Киевской, Волынской, Николаевской и Одесской губерниях. Председателем избрали служащего Белоцерковской кооперации Павла Гайдученко («Гонта»), начальником информационного бюро — Николая Лозовика, уполномоченным почт и телеграфа — Михаила Симака, «командующим вооруженными силами повстанцев северо-восточной части Правобережья» — атамана Тихона Бессарабенко, командующим северо-западной частью — Ивана Шамуленко, генеральным писарем — Григория Григоренко.

Активисты «Казачьей рады» энергично вербовали сторонников. Белоцерковский районный союз потребительских обществ (Райфилию) и ее помещения они превратили в конспиративные квартиры контрреволюционной организации. Члены правления Райфилии — Присяжнюк, Зубченко и Остап Титаренко — содействовали работе подпольщиков. По требованиям «Казачьей рады» Райфилия снабжала ее продовольствием и деньгами, предоставила в ее распоряжение пишущую машинку; машинистка Райфилии Луконенко печатала под диктовку Гайдученко и Бессарабенко тайные полотняные мандаты для заговорщиков. В работе «Казачьей рады» участвовали и некоторые служащие Белоцерковского уездного военкомата, земельного отдела, почты и других учреждений. Григорий Григоренко вовлек в организацию сотрудников штаба 45-й советской дивизии Голянта, Виговского, Малика, Белика, которые добыли для заговорщиков топографические военные карты и сообщали им секретные сведения о совещаниях, происходящих в штабе. Лозовик и Симак завербовали в Киеве опытную подпольщицу Анастасию Гудимович, которая составляла антисоветские прокламации и связала «Казачью ра-

ду» с петлюровскими элементами Черниговской и Полтавской губерний. Они вовлекли в работу секретаря Киевского церковного совета Ивана Тарасенко и его дочь Марию. Наконец, «Казачья рада» завязала отношения с «8-м повстанческим районом» и с «УНРовской подпольной контрразведкой» в Киеве, созданными «Центральным (эмигрантским) штабом», и с вооруженными бандами Гаевого и Трейко.

Вся эта организационная работа протекала в отрыве от «Центрального штаба», что особенно выявилось во время «тютюнниковского рейда». Эта крупная петлюровская акция прошла без участия «Казачьей рады». Урок, полученный закордонными петлюровцами, не отрезвил авантюристов из «Казачьей рады», и они продолжали свою зловещую «работу».

19 января 1922 г. вожаки «Казачьей рады» созвали в Белой Церкви совещание, на котором решили учредить штаб для военной подготовки вооруженного выступления весной 1922 г. Атаманам, связанным с организацией, было предложено привести свои вооруженные силы в боевую готовность и добыть средства на нужды восстания (путем ограбления сахарных заводов и других советских учреждений).

30 января в Белой Церкви состоялось второе совещание, на котором они решили перенести свою резиденцию в Киев и издавать там печатный орган. В Киеве штаб заговорщиков обосновался на квартире начальника 4-го участка советской железнодорожной милиции изменника Леонида Винокурова, ставшего комендантом «Казачьей рады». Он снабжал петлюровскую организацию оружием и принимал на службу в милицию ее членов. 23 февраля на квартире Винокурова состоялось третье совещание «Казачьей рады», а в марте чекисты прервали «бурную деятельность» авантюристов.

По второму делу, о «8-м повстанческом районе», выяснилось следующее. В апреле 1921 г. «Центральный (петлюровский) штаб» вызвал из лагеря интернированных войск «УНР» в Польше содержавшегося там поручика Николая Якубовича. Начальник штаба Тютюнник объявил Якубовичу о назначении его «начальником 8-го повстанческого района» и приказал отправиться на Киевщину для сформирования вооруженных сил «района». Начальник административного отдела штаба полковник Ступницкий вручил Якубовичу тайный (полотняный) мандат на имя «Невідомого» («Неизвестного»), начертанный на полотне план территории «района» и прикомандировал к нему казака Александра Дударца. Во 2-м отделе 6-й польской армии Якубович получил через полковника Кузьминского деньги и

документы для проезда. С помощью польских пограничников, выдавших ему советский паспорт на имя Гайлевич Зинаиды Константиновны (этот паспорт переделали на мужское имя — Гайлевича Зинаида Константиновича), Якубович в мае 1921 г. нелегально перешел границу. Сопровождал его Дударец, который должен был как житель Таращанского уезда познакомить его с подпольными петлюровскими элементами. Дударец привел своего начальника к жителю одного из уединенных хуторов уезда, крупному кулаку Ивану Тимченко. Здесь они и обосновались.

Вскоре произошло непредвиденное. На хуторе неожиданно появились сотрудники милиции, проводившие облаву на дезертиров. Когда они приблизились к хате, дочь Тимченко, заметив их, предупредила Якубовича и Дударца. Якубович успел выбросить за комод компрометирующие его документы и оставил при себе лишь фальшивый паспорт на имя Гайлевича. Посланцы закордонцев были задержаны как подозрительные лица.

Спустя несколько дней местная жительница Ольга Дударец явилась в милицию и попросила разрешить ей свидание с арестованным родственником Дударцом. Во время свидания Дударец тайно сообщил родственнице, что вместе с ним арестован крупный петлюровский деятель (Якубович), который выбросил свои документы за комод в хате Тимченко. Дударец поручил ей взять эти документы и передать их лесничему Гавриилу Грабовскому, проживавшему в глухом лесном селе Ревухи. Ольга Дударец выполнила поручение, и уже на следующий день лесничий Грабовский (бывший петлюровский сотник) явился в милицию с просьбой разрешить ему свидание с Гайлевичем (Якубовичем). Во время свидания, чтобы не задерживать выполнение задания «Центрального штаба», Якубович передал Грабовскому свои полномочия по организации «8-го повстанческого района». «Передачу дел» Якубович оформил таким любопытным «приказом», который он состряпал, находясь в тюрьме: «Секретно. Приказ № 1. 10 июля 1921 г. Тараща. Тюрьма. I. Учитывая, что я не могу приступить к работе, так как арестован большевиками, я, начальник 8-го района 2-й группы по организации восстания на Украине, поручик Нэвидомый, сего числа передаю мои документы и назначаю своим заместителем господина сотника Гавриила Грабовского. II. Сотнику Грабовскому приказываю немедленно приступить к исполнению своих обязанностей согласно приложенной к этому инструкции. III. Отправить немедленно связистов в главный штаб с моим и своим донесением. Начальник 8-го района Нэвидомый. Работу проводить во всем районе,

начертанном на полотне. *Нэвидомый*»[1]. Получив это «назначение», Грабовский избрал себе кличку «Галайда» и приступил к исполнению «обязанностей». Уже от своего имени он назначил известных ему петлюровцев Никиту Ковтуненко — своим заместителем, Скотницкого — организатором по Таращанскому уезду, Хрисанфа Ронского и Александра Столяренко — организаторами по Белоцерковскому уезду, агронома Таращанского уездного земельного отдела Илью Комаха — начальником связи и разведки.

Между тем 14 августа 1921 г. Таращанское политбюро (уездная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией) освободило арестованных Гайлевича (Якубовича) и Дударца «за отсутствием улик». Оказавшись на свободе, они возобновили антисоветскую деятельность. Якубович вновь возвратился к исполнению обязанностей начальника «8-го повстанческого района». По заданию «штаба» «8-й повстанческий район» должен был сформировать вооруженную повстанческую «дивизию». Якубович разделил свой район на три подрайона. В первый подрайон, коим командовал атаман уголовной шайки Куровский («Богун»), он включил повстанцев Таращанского и Сквирского уездов; во второй, с хорунжим Питеренко («Ястребом») во главе,— повстанцев Белоцерковского и Каневского уездов; в третий, под командованием Титаренко — Кузьменко,— повстанцев Звенигородского и Черкасского уездов. Кроме того, он выделил в самостоятельный подрайон повстанцев сел, лежащих по реке Рось, и назначил их начальником сотника Хрисанфа Ронского. Он же назначил и начальников повстанческих сил уездов. В отряды вовлекались бандиты, участвовавшие ранее в восстаниях и налетах, кулаки и петлюровские активисты из советских служащих, сельских учителей, духовенства. Студенты киевских институтов Дмитрий Тимченко и Иван Крицкий, примкнувшие к петлюровцам, образовали в Киеве антисоветскую группу студентов-земляков (таращанцев); такая же группа образовалась и среди учащихся Ставищенской семинарии. Эти группы также вошли в созданную Якубовичем организацию.

«8-й повстанческий район» являлся частью 2-й (северной) группы, образованной эмигрантским «Центральным штабом». Группой должен был, как известно, командовать полковник С. Яворский («Карый»). Последний, однако, весною 1921 г., прибыв из-за кордона, направился в Бердичевский уезд, связался там с атаманами уголовных банд Трейко и Пугай-Кравченко и

[1] «Пролетарская правда» (Киев), 30 августа 1922 г.

«загулял»: занялся грабежами, нападал на сахарные и винокуренные заводы, а то и на проезжавших по дорогам граждан. Он так и не встретился с подчиненным ему «начальником 8-го повстанческого района».

Осенью 1921 г., когда готовился «тютюнниковский рейд», повстанцами 2-й группы стал командовать начальник организационного отдела эмигрантского «штаба» полковник Д. Ступницкий. Он направил Якубовичу «приказ» от 23 октября 1921 г. о переходе его «сил» к военным действиям ввиду объявленного «всеобщего восстания» на Украине. В свою очередь и Якубович издал «приказ». «Согласно приказу по 2-й группе повстанческих войск УНР,— говорилось в нем,— объявлено всеобщее восстание на территории всей Украины. Мне приказано уничтожить вражеские части в моем районе, не дать им вывозить имущество, прервать связь, всеми силами поддерживать и распространять панику, занять станцию Бобринскую. Главные силы сосредоточить в районе Таращи, Белой Церкви и Сквири. Приказываю начальникам Таращанского, Белоцерковского, Сквирского, Звенигородского, Черкасского и Каневского уездов объявить всеобщее восстание в своих уездах и распространять прилагаемые при этом воззвания... Немедленно утверждать народную власть на местах, освобожденных от врага» [1].

Все эти «приказы» создавали лишь видимость деятельности. Так называемая «2-я группа повстанческих войск УНР», в том числе и 8-й район, оказалась не у дел, так как крестьяне не поддержали мятежников. Якубович тем не менее продолжал свои авантюры и после разгрома тютюнниковцев. В январе 1922 г. он вступил в переговоры с членом руководства «Казачьей рады» Лозовиком и признал свое подчинение этому центру. Он получил задание грабить сахарные заводы и занялся уголовщиной. Наконец чекисты поймали его в доме лесничего Грабовского. Якубович пытался скрыть свою фамилию, назвался Ковтуновским, но в конце концов был уличен на очной ставке с Александром Дударцом. В доме Грабовского чекисты обнаружили и «канцелярию» 8-го района.

Попутно с арестом участников «8-го повстанческого района» чекисты пресекли преступную деятельность и некоторых связанных с ними лиц. Так, был разоблачен вовлеченный Якубовичем в петлюровскую деятельность некий Василий Мещанюк, проникший на службу в Таращанское политбюро и образовавший там небольшую антисоветскую группку из разложившихся сотруд-

---

[1] «Пролетарская правда» (Киев), 31 августа 1922 г.

ников. Чекисты выловили и диверсантов, засланных эмигрантским «штабом». Одним из них был петлюровский офицер А. Порпленко, посланный для шпионажа; другим — Иосиф Ратушный, назначенный «начальником 7-го повстанческого района». Прибыв в местечко Тетиево Киевской губернии, Ратушный вступил там в организацию незаможных селян и вскоре стал председателем волостного комитета незаможных селян. Впоследствии он пробрался даже на пост председателя волисполкома. Наконец чекисты задержали в Бердичевском уезде и «начальника 2-й группы» полковника Яворского («Карого»).

Третья группа арестованных Киевской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией привлекалась по делу «УНРовской подпольной контрразведки г. Киева».

В августе 1921 г. эмигрантский «Центральный штаб» командировал в Киев офицера Николая Афанасьева, окончившего в Польше курсы контрразведки, для шпионской работы. Николай явился к своему отцу, Самуилу Афанасьеву, бывшему директору департамента в министерстве финансов при Директории, и рассказал о цели приезда. Отец и сестры (Ольга и Елена) добыли Николаю Афанасьеву подложные документы, позволившие ему легализоваться в Киеве, а затем познакомили с лицами, которые могли бы помочь ему в выполнении преступного задания.

Спустя некоторое время независимо от Николая Афанасьева в Киев прибыл командированный эмигрантским «штабом» и 2-м отделом 6-й польской армии бывший полковник Генерального штаба царской армии Виктор Алексеев. Этот специалист контрразведки получил мандат на организацию в Киеве подпольной петлюровской контрразведки и билет польского агента-шпиона № 625 для перехода границы. Под фамилией Георгия Мосейчука он с помощью жены и ее знакомых поступил на службу в советское военное учреждение. Далее он разыскал Николая Афанасьева и договорился с ним о совместной работе по сбору шпионских сведений. Они завербовали агентов, среди которых были Николай Харченко, Эдуард Брейненсен, Петр Фессаи, Павел Пионтек (бывший полковник старой армии, занимавший пост помощника начальника 4-й советской артиллерийской школы), и приступили к «работе». Собранные шпионские сведения Алексеев в шифрованном виде регулярно переправлял в Польшу через Эдуарда Брейненсена. К Алексееву прибывали гонцы и из Польши. В одном из заданий, полученном от «штаба», ему предписывалось подготовить группу, которая занялась бы разрушением железных дорог, мостов, заводов и террористическими актами.

В феврале 1922 г. В. Алексеев, узнав о существовании «Казачьей рады», вошел в контакт с нею. Заговорщики предложили ему работать по совместительству помощником начальника контрразведки при штабе «Казачьей рады». Алексеев принял предложение, содействовал работе этой организации и переправлял через свою шпионскую сеть ее донесения в Польшу. 3 марта 1922 г. чекисты ликвидировали и «УНРовскую контрразведку».

По указанным трем делам было предано суду 245 человек. Дела рассматривались чрезвычайной сессией Киевского губернского революционного трибунала под председательством известного чекиста Е. Г. Евдокимова, входившего в состав трибунала в качестве представителя ГПУ. 24, 26 августа и 1 сентября 1922 г. трибунал вынес приговоры, согласно которым от наказания освобождались 53 подсудимых, а остальные приговаривались к разным срокам лишения свободы. Участники же бандитских шаек, выступавшие с оружием в руках, и шпионы были приговорены к расстрелу.

Во время военного разгрома вторгшихся на советскую землю отрядов Тютюнника и Палия-Черного некоторым участникам «рейда» удалось вырваться из окружения и рассеяться по селам Волыни и Подолии. Одна из таких групп, спасшихся при разгроме отряда Палия-Черного, состояла из военного врача отряда В. Грунтенко, его помощника Н. Длугопольского, разведчика генерального штаба УНР И. Зубченко и казака отряда М. Чмиля. Они укрылись в селе Карповцы Полонского уезда Волынской губернии у кулака Слубского. Спустя некоторое время они узнали, что в соседнем селе Трощи скрывается еще один участник отряда, хорунжий А. Маслюк, с которым поспешили связаться. Маслюк рассказал им, что он вошел в оперировавшую в районе уголовную банду Тимофея Мельника («Торгана»). Грунтенко с друзьями последовал его примеру. Вскоре к банде присоединился еще один петлюровец из отряда Палия-Черного, хорунжий И. Андреевский, скрывавшийся на хуторе возле Коровинецкого леса, у кулака Чумака. Вместе с уголовниками банды «Торгана» закордонные петлюровцы участвовали с ноября 1921 г. по июль 1922 г. в нападениях и грабежах. В местечке Краснополье они напали на милицию и волисполком, уничтожили там все документы и архивы, захватили 12 винтовок и убили предволисполкома Богдана; они грабили лесничества, ссыпные пункты, совхозы района.

В июле 1922 г. во время одной из перестрелок с милицией бандитский главарь Мельник («Торган») был убит. Руководство

бандой перешло к Длугопольскому, Грунтенко и другим закордонцам, которые попытались придать ей «политический характер» и направить в петлюровское «идейное» русло. Они вовлекли в банду несколько сельских интеллигентов, назвали вновь созданную организацию «Повстанческим комитетом крестьянской мести», переименовали ее в «Военный штаб», а впоследствии даже в «Центральный повстанческий комитет». Аппетиты авантюристов росли, и они решили связаться с другими петлюровскими подпольными группами и с УНРовским руководством в Польше. Их посланец М. Зубченко нелегально перешел границу, явился к члену «Центрального штаба» полковнику Ступницкому, подробно рассказал ему о деятельности своей организации и просил указаний. Лидеры УНР, потрясенные сокрушительным разгромом «тютюнниковского рейда», рекомендовали приостановить активные действия группы Длугопольского и до особого распоряжения занять выжидательную позицию. С этим Зубченко и вернулся. Арестованный И. Андреевский впоследствии показал: «Зубченко привез (из Польши.— *Д. Г.*) самые неутешительные сведения. В «украинской армии» — развал полнейший, голодовка в таборах (лагерях интернированных.— *Д. Г.*) — ужасная... Тютюнник... поменял орден Железного Креста на блюда, тарелки, вилки и открыл ресторан. Отмарштейн убит; кем — неизвестно. Ступницкий в Ровно сидит на бобах и ничего утешительного не передал. Петлюра просит, чтобы ему для нужд армии переслали отсюда, с Украины, золото...» [1].

В отряде Тютюнника, вторгшемся на советскую землю, находилась так называемая административная «тройка», на которую петлюровцы возлагали задачу организовать «власть» в занятых ими районах. Главарь этой «тройки» во время разгрома тютюнниковцев погиб, второй член «тройки» бежал за границу, а третий — инженер-путеец Афанасий Петрик — скрылся. Позже он объявился в село Дидковичи Татарновической волости Коростенского уезда Волынской губернии. Как-то к бывшему сельскому старосте кулаку Лукашу Костюшко явился неизвестный. Они быстро нашли общий язык. Это и был Афанасий Петрик.

Петлюровский эмиссар рассказал Костюшко о своей «миссии» и просил содействия. С его помощью Петрик завязал отношения с атаманами уголовных банд, действовавших в районе (Зубрием и другими головорезами), и начал создавать подпольную антисоветскую группу. Узнав, что в районе сел Карповец —

---

[1] Из показаний И. Андреевского, опубликованных в «Волынском пролетарии» (Житомир) 13 декабря 1922 г.

Трощи Полонского уезда оперирует организация Длугопольского, Петрик и Костюшко в январе 1922 г. решили установить с нею связь. Они отправились в село Высокая Печь Житомирского уезда к брату Костюшко, местному священнику, чтобы через него уточнить сведения об этой организации. В то время у священника Костюшко скрывался его родственник, студент Павел Недашковский, бывший офицер войск УНР, который группировал вокруг себя петлюровцев и кулаков. Через священника приехавшие познакомились с Недашковским. Петрик отрекомендовался «полномочным представителем УНР» и предложил Недашковскому, чтобы тот со своей группой влился в возглавляемую им организацию. Недашковский согласился. Теперь организация Петрика увеличилась, хотя еще и не объединилась с группой Длугопольского.

Чтобы вовлечь крестьян в антисоветское движение, Петрик распространял слухи, будто в феврале 1922 г. петлюровцы с помощью Антанты начнут восстание против Советской власти. С помощью этой провокации организация Петрика вовлекла в свои ряды новых членов из числа местных кулаков и сельских служащих. В феврале восстания не произошло, и тогда Петрик стал уверять, что оно отложено до мая. Наконец 1 мая 1922 г. Петрик созвал совещание активистов, на котором было решено создать губернскую военную организацию под названием «Повстанческая Волынская армия» и начать подготовку восстания собственными силами, независимо от эмигрантского центра.

Волынскую губернию заговорщики разделили по числу уездов, каждый из которых должен был сформировать повстанческую дивизию. Дивизия составлялась из «ватаг» (полков), охватывавших от 4 до 10 сел. «Ватаги» разбивались на «сотни», а последние на «чоты» (взводы) из сельских повстанцев. Петрик объявил себя «командующим повстанческой Волынской армией»; «начальником штаба» назначил Лукаша Костюшко, адъютантом — Федора Костюшко, «начальником полевого суда» — Андрея Лазаренко. При «штабе» он основал «курень помсты» («отряд мести») во главе с учителем Иваном Закусило для проведения террора в отношении советских активистов Заговорщики назначили и связных, которые должны были поддерживать живую связь между частями «ПВА» и собирать шпионские сведения о передвижениях Красной Армии.

Вскоре «начальник штаба» Костюшко и «старшина особых поручений» Михневич, разыскав наконец группу Длугопольского в селе Трощи, начали переговоры с ее руководителями. Закордонцы из «Центрального повстанческого комитета» решили

влиться в «ПВА», составив ее «Полонскую повстанческую дивизию». Группа Недашковского в селе Высокая Печь была реорганизована в сотню «Полонской дивизии». Наконец, в «ПВА» вошла и житомирская городская петлюровская подпольная группа интеллигентов, называвшая себя «Комитетом освобождения родного края». По договоренности с делегатами «ПВА» Недашковским и Длугопольским эта группа должна была составить «Житомирскую повстанческую дивизию». Теперь все петлюровские организации Волынской губернии слились в одну.

Объединенная организация вела активную антисоветскую агитацию, издавала прокламации, призывала население к погромам. Крестьян запугивали «святой народной местью», если они не присоединятся к контрреволюционному движению.

«Штаб ПВА» решил начать «восстание» осенью 1922 г., приурочив его к продналоговой кампании и призыву новобранцев в Красную Армию. В связи с этим «ПВА» поручила Длугопольскому и Михневичу выехать в Польшу и связаться там с эмигрантским центром. Но Длугопольскому и Михневичу не удалось выполнить поручение — они были арестованы чекистами. Арест «делегатов» организации вызвал замешательство среди главарей «ПВА», и они решили незамедлительно приступить к активным действиям. Заговорщики привели части «ПВА» в боевую готовность. Сигналом к выступлению должно было послужить уничтожение местечка Базар Овручского уезда. Эту бандитскую диверсию главари «ПВА» задумали провести под видом акта «народной мести» за погибших в Базаре участников «тютюнниковского рейда». По бандитскому плану 12 специальных поджигателей одновременно в ночь на 8 октября 1922 г. поджигают в разных местах дома жителей и советские учреждения. В это время «курень помсты», окружив Базар со всех сторон, беспощадно убивает убегающих из горящего местечка людей. Все это является как бы «сигналом» для повстанческих «дивизий», которые начинают военные действия, расширяя восстание в сторону Киева и к польской границе.

Однако дикая авантюра была предотвращена. В ночь на 5 октября 1922 г. все активисты «ПВА» были арестованы. Чекисты давно уже следили за заговорщиками. В ликвидации «ПВА» приняли участие многие трудящиеся Волыни. В своем выступлении на заседании Житомирского городского Совета 12 ноября председатель Волынского губернского отдела ГПУ Голышев подчеркнул, что идеи Советской власти пустили глубокие корни в рабоче-крестьянской среде и что «заслуги красноармейцев в деле ликвидации движения громадны. Каждый рядовой красно-

армеец, участвовавший в этой операции, выявил необычайную твердость, сознательность и глубокую преданность Советской власти. Не меньшие заслуги и отдельных членов профессиональных организаций, а также незаможников, оказывавших всевозможное содействие и лично активно участвовавших в этой ответственной операции»[1].

7—18 марта 1923 г. чрезвычайная сессия Волынского губернского суда под председательством Е. Г. Евдокимова рассмотрела дело о 285 активных участниках «ПВА». Губернский суд устанавливал индивидуальную вину каждого из привлеченных и применял гибкий, классовый подход к решению их судьбы. 45 человек суд оправдал, 58 человек освободил от отбывания назначенного им наказания, 69 человек приговорил к лишению свободы от 3 до 5 лет. Лишь бандитов, кулаков и активных петлюровцев, принимавших участие в кровавых налетах, суд приговорил к 10 годам лишения свободы, а особо опасных из них — к расстрелу[2].

В марте 1922 г. в г. Валки Харьковской губернии во время облавы был задержан воспитатель детского дома Захарчук, оказавшийся бывшим петлюровским офицером. Захарчук сознался в том, что в группе, состоящей из 12 человек, он прислан на Украину из-за кордона для подпольной антисоветской работы. Задержанный по указанию Захарчука другой участник группы, Бабюк, тоже оказался бывшим офицером австрийской и петлюровской армий, членом Украинской коммунистической партии (УКП), как теперь именовалась украинская партия эсеров-боротьбистов, заявившая в 1920 г. об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью.

Выяснилось, что петлюровские активисты за границей вступали в УКП для того, чтобы, используя членство в этой партии, легально переправиться на Украину и там уже начинать антисоветскую деятельность. В частности, Бабюк, Захарчук и некоторые другие петлюровцы для возвращения на Украину использовали советскую комиссию, занимавшуюся репатриацией на родину бывших военнопленных, находившихся в Германии.

Прибыв таким путем на Украину, Бабюк, Захарчук и другие посланцы эмигрантских петлюровских организаций под видом «друзей» Советской власти обратились в Центральный Комитет КП(б)У и получили направление на службу в Школу червоных старшин (украинские советские командные курсы) в Харькове.

[1] «Волынский пролетарий» (Житомир), 12 ноября 1922 г.

[2] См. приговор по делу «ПВА» в номерах «Волынского пролетария» за 21—22 марта 1923 г.

Вскоре Бабюк и Захарчук уволились из Школы червоных старшин, выехали в Валковский уезд и там устроились школьными учителями, а спустя некоторое время — воспитателями в детские дома. Здесь они приступили к выполнению своей подлинной цели — начали создавать нелегальную петлюровскую группу, в которую вовлекали учителей, деятелей украинской «просвиты», государственного хора и т. п. Они установили связи и с петлюровскими офицерами, бежавшими из лагеря военнопленных — Пасикой («Пчелка»), Семенюком и Руленко, проживавшими под чужими фамилиями.

Познакомившись с учителем Огульчанской волости Валковского уезда Яковом Гаевским, Бабюк узнал от него о существовании Харьковского губернского «повстанческого» (петлюровского) комитета, во главе которого стоял бывший петлюровский полковник Котелевец — атаман вооруженного отряда. Бабюк и его группа связались с этой организацией. В ноябре 1921 г. на созванном заговорщиками совещании произошло распределение обязанностей. Пасика и Бабюк получили назначение командирами «повстанческих» отрядов в Валках, Гаевский — в Огульчанской волости, бывший петлюровский полковник Перетятько, служивший в уездном земельном отделе, был назначен руководителем всех «повстанческих» сил в Валковском уезде.

Заговорщики поддерживали связи с бандами Котелевца, Демченко, Юрченко и Лобидовского, оперировавшими в Харьковской губернии. Однако вскоре эти банды были ликвидированы. Котелевец расстрелян, а «идейные» петлюровцы из Валковского уезда арестованы Харьковским губернским отделом ГПУ. В сентябре 1922 г. чрезвычайная сессия Всеукраинского верховного революционного трибунала рассмотрела дело о 45 участниках этой организации. 24 подсудимых крестьян трибунал освободил от наказания как обманутых петлюровской агитацией, пять главных обвиняемых — Бабюка, Перетятько и других — приговорил к расстрелу.

1 сентября 1921 г. в Купянское уездное политбюро Харьковской губернии явился некий В. Кияшко, предъявил документы и отрекомендовался сотрудником Донской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Он заявил, что ему поручено найти спрятанные склады оперировавшей в Купянском уезде банды атамана Загоруйко, и просил освободить или выдать ему арестованного политбюро бандита Коломийца, знающего об этих складах. В политбюро ответили, что вопрос о Коломийце необходимо согласовать с Харьковской губернской чрезвычайной комиссией, и предложили Кияшко поехать для этого в Харьков

с сотрудником политбюро. Кияшко согласился. Он сказал только, что должен сначала отпустить бричку, на которой приехал. С этими словами он вышел к подъезду. За ним последовали сотрудники политбюро. Во дворе Кияшко неожиданно выхватил револьвер, двумя выстрелами ранил одного из сотрудников политбюро, вскочил в бричку и скрылся.

Политбюро выяснило, что Кияшко работал на находившейся в Купянском уезде гидротехнической станции и что при этой станции состоит «трудовой отряд» численностью около ста человек, причем в нем много дезертиров и лиц, подозреваемых в бандитизме. Вскоре небольшая группа сотрудников и красноармейцев политбюро появилась на станции. При обыске чекисты нашли здесь фальшивые бланки Донской чрезвычайной комиссии, отряда особого назначения по борьбе с бандитизмом, штаба Северо-Кавказского военного округа и инженерного отряда. Несколько человек из администрации «станции» (а на самом деле — главарей банды) — Ищенко, Прима, Попов — были арестованы. Заведующий «станцией» Павлюк скрылся. Кияшко нигде не было. Не успели еще чекисты закончить обыск, как на горизонте в боевом строю появился отряд всадников, 250 человек. Малочисленная группа сотрудников политбюро вынуждена была покинуть «станцию». Вскоре чекисты увидели, что «станция» горит.

7 сентября 1921 г. Кияшко наконец был пойман в одном из сел уезда. Как оказалось, Кияшко, родившийся в Купянском уезде, был студентом Ростовского (на Дону) политехнического института. Там он вступил в Кубанскую «национально-социалистическую» повстанческую организацию, которая вела антисоветскую работу с целью «освобождения» Кубани и Украины. От этой организации Кияшко получил задание под видом гидротехнической станции организовать в Купянском уезде повстанческую банду для борьбы с Советской властью. В июне — июле 1921 г. Кияшко прибыл в Купянский уезд и, используя заготовленные поддельные бланки ростовских советских учреждений, официально зарегистрировал «гидротехническую станцию» в Купянске. С помощью петлюровских элементов он завербовал в так называемый «трудовой отряд» при «станции» дезертиров и бандитов, на которых даже получал продовольственное снабжение и обмундирование от упродкома и других советских учреждений Купянска. Далее Кияшко и привлеченные им петлюровцы связались с бандами Клодия, Примы,Данченко, Грайворонского, Сыроватского и других, действовавшими в округе. Кияшко мечтал придать этим уголовным бандам «идейный ха-

рактер». Он привлек к работе знакомых учителей, служащих, сыновей кулаков, учеников средних учебных заведений. В июле 1921 г. Кияшко созвал совещание главарей банд и убедил их объединиться. Батькой объединенной банды был избран бывший полковник петлюровской армии Журба, скрывавшийся в Волчанском уезде под фамилией Павлюк. Одновременно Журба — Павлюк был «назначен» «заведующим гидротехнической станцией». Теперь отряд контрреволюционной организации состоял из 250 человек и, несмотря на решение оставить уголовщину, все же занимался грабежами.

Ближайшими помощниками Кияшко были: петлюровский «ветеран» Яков Ищенко, бежавший от Николаевской чрезвычайной комиссии; учитель Кравцов, учитель из села Сватовая Лучка Мурлыга. Среди сочувствующих и содействующих банде были помещик Мартыненко, владевший до революции 700 десятинами земли, братья Заморцевы — бывшие владельцы 200 десятин земли, помещица Компанеец, в прошлом собственница ссыпного пункта, и прочая «уездная знать».

Эта опасная организация была ликвидирована Харьковской чрезвычайной комиссией. В столкновениях с частями Красной Армии и чекистами банды потеряли две трети своего состава вместе с некоторыми главарями (Данченко, Грайворонским). Остатки банд — 43 человека — после долгих скитаний сдались Советской власти. По приговору чрезвычайной сессии Всеукраинского Верховного революционного трибунала от 7 сентября 1922 г. 15 подсудимых, привлеченных по этому делу, преимущественно крестьяне, были оправданы, трое приговорены к денежным штрафам, семеро — к лишению свободы на срок от одного до трех лет, четверо — к лишению свободы сроком на пять лет, пятнадцать наиболее опасных бандитов — к расстрелу.

В те же 1922—1925 гг. чекисты ликвидировали еще ряд повстанкомов и вооруженных отрядов в районе Кременчуга, Николаевской, Киевской, Подольской, Одесской, Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний. Среди разгромленных организаций были: «Первый повстанческий округ», действовавший в Елисаветградском, Каменском, Первомайском, Александрийском, Звенигородском уездах во главе с известным атаманом Нестеренко («Орел»); «9-й и 10-й повстанческие районы» — в Шепетовском и Коростенском уездах; петлюровские организации в Дережнянском и Жмеринском уездах, связанные с знаменитой бандой Гальчевского, ушедшей в сентябре 1921 г. на территорию Польши; ликвидированы Сквирский и Уманский повстанкомы, банда Хмары в Подольской губернии, банды Скрип-

ченко и Левченко в Полтавской губернии; банда во главе с бывшим командующим петлюровской дивизией Бондаренко в Криворожском уезде.

Трудна и опасна была эта работа. Многие сотрудники — уполномоченные органов государственной безопасности — непосредственно проникали в вооруженные банды и повстанкомы и самоотверженно вели свою опасную работу.

Вот как чекисты захватили группу петлюровских главарей, и среди них «начальника 2-й Холодноярской дивизии» атамана Завгороднего, участвовавшего в петлюровском движении с 1919 г.

В начале 1921 г. Завгородний сформировал банду численностью около 220 человек, на вооружении которой имелось 13 пулеметов. Затем он объединил несколько других, более мелких банд (Зализняка-Голика, Гупало) и стал орудовать значительными вооруженными силами. Банда совершила более 100 налетов, грабежей и убийств. Особенно жестокими были налеты на станции Знаменская, Каменец, сахарный завод в Грушковке, на село Кохановку. Банда вела бои и с частями Красной Армии (на станциях Цибулево, Знаменская, Фундуклеевская, в Разумовке, под Черкассами).

Чтобы ликвидировать эту опасную группу, киевские чекисты заслали в нее своих разведчиков, представившихся «бандитами». Один из сотрудников ГПУ предложил бандитам созвать съезд атаманов для обсуждения планов дальнейшей «деятельности». Сыграв роль завзятого петлюровца, он усыпил бдительность главарей бандитов. Съезд был созван в Звенигородке Киевской губернии. 28 сентября 1922 г. Завгородний с семью главарями банд (Зализняком-Голиком, Гупало, адъютантом Компанейцем, бандитом Тимченко и др.) прибыл на конспиративную квартиру. В разгар «совещания» подготовленная группа сотрудников ГПУ и чекисты, игравшие роль «участников съезда», без единого выстрела обезоружили и захватили живыми всех бандитов. Особенно отличился уполномоченный Смелянского политбюро Иван Васильевич Андреев, награжденный за эту операцию правительственной наградой. Завгородний и другие вожаки бандитов предстали 2 февраля 1923 г. перед судом чрезвычайной сессии Киевского губернского революционного трибунала.

Примерно таким же образом был пойман другой известный бандит — Гаевой (Грисюк), орудовавший со своей бандой в Киевском и Белоцерковском уездах. Начальник секретно-оперативной части Киевского губернского отдела ГПУ Перцов, руководивший этой операцией, впоследствии рассказывал: «Отдел ГПУ

задался целью во что бы то ни стало изъять известного бандита Гаевого, главаря банды, виновника крушения продмаршрута для Донбасса и участника мно́гих убийств, грабежей и нападений... Его никак не удавалось поймать на периферии, несмотря на массу затраченных сил и на жертвы. Необходимо было заставить Гаевого приехать в Киев, выудить его из района, где он имел много связей. После шестимесячной разработки плана комбинированным подходом удалось наконец выудить Гаевого, начальника его штаба и двух «пэвных» казаков в Киев... В первых числах октября 1922 г., в 6 часов утра, я получил сведения, что Гаевой со штабом прибыл в одну из квартир по Львовской улице. Нам было также известно, что вечером того же дня они собираются уехать поездом и что у каждого из них имеется много оружия (у Гаевого два револьвера и бутылочная бомба, у остальных — 5 револьверов и 2 бомбы). Необходимо было найти способ изъятия всех живьем, без жертв. Был разработан следующий план: нам было известно, что бандиты собираются отправиться на вокзал. Сначала должны были проследовать Гаевой со спутником, а спустя полтора часа — следующая пара. Принимая во внимание, что путь их следования лежал по Дмитриевской улице, мы решили, что на углу Дмитриевской и Столыпинской первая пара должна быть изъята. Необходимость брать их на улице диктовалась тем, что из квартир, где они остановились, брать их нельзя было без применения оружия. А ведь, кроме Гаевого и его штаба, изъятию подлежали все его покровители на периферии. Было также известно, из заявления самого Гаевого, что при попытке кого бы то ни было задержать его на улице он патронов не пожалеет и что в его правом кармане всегда имеется бутылочная бомба, в кольце которой он всегда держит указательный палец... Мною было подготовлено 8 человек, которых я разбил на две группы... В 8 часов вечера первая группа уже стояла на Дмитриевской улице, вторая — на бывшей Столыпинской. Расстановка людей была сделана с таким расчетом, чтобы группа по Дмитриевской улице была в тылу у Гаевого и чтобы на углу двух улиц обе группы сошлись, сплюснув с двух сторон Гаевого и его спутника, после чего немедленно приняться за разоружение. Одновременно было привлечено несколько сотрудников, обязанностью которых было следить за Гаевым и сообщать мне своевременно как о времени отъезда Гаевого, так и возможности следования его по другой дороге. На близлежащем базаре тоже было расставлено несколько человек, которые должны были во всяком случае прийти на помощь или задержать бандитов в случае попытки к бегству...

Вся операция была рассчитана на пунктуальность и быстроту выполнения. Малейшее промедление грозило катастрофой. К 8 часам нам донесли, что Гаевой с товарищем направляется к тому месту, где находились группы. Я был тут же... Все было сделано так, как предполагалось. Бандиты очутились в тисках между двумя группами, сошедшимися с двух сторон. Я машинально стал считать в уме количество секунд, остававшихся до взрыва, которого, однако, не последовало... Конечно, спустя несколько минут бандиты были обезоружены, связаны и посажены в автомобиль. Мне при свете уличного фонаря особенно врезались в память лицо и фигура Гаевого в тот момент, когда его стиснули с двух сторон. Он остался без движения, словно каменный. В автомобиле, после первого впечатления, он заметил: «Оце работа!» А на вопрос о том, почему он в первую минуту не стрелял, ответил: «Забувся». Спустя полтора часа были задержаны и остальные бандиты» [1].

Особенностью борьбы с петлюровщиной в 1922—1925 гг. явилось все возраставшее участие в ней украинских незаможных селян (бедноты), которые образовывали вооруженные отряды (была даже конная бригада незаможников) и преследовали бандитов.

В 1922 г. в дебрях Холодноярского леса скрывалась вооруженная банда Грозного, насчитывавшая около ста человек. Бандиты орудовали в окрестных селах и местечках. Они разгромили Валявский волисполком, зверски убили всех членов коммунистической ячейки в волостном центре, неоднократно нападали на Балаклеевский и Городищенский сахарные заводы, лавки и предприятия районных обществ потребительской кооперации, грабили их. Бандиты убили пятерых командиров Красной Армии, застав их врасплох во время сна в одном из сел.

12 августа 1922 г. воинская часть при помощи незаможников настигла банду Грозного и разгромила ее. Уцелевшие бандиты бежали и вскоре, преследуемые красноармейцами и незаможниками, оказались в критическом положении. Им предложили сдаться. Переговоры с бандитами вел начальник Черкасского уездного отделения ГПУ С. А. Бергавинов (член КП(б)У с 1917 г., по совместительству исполнявший обязанности заместителя председателя уездного исполкома). Он пришел в самое логово бандитов —в хату лесника в глухом лесу — и решительно заявил бандитам, что они должны выдать оружие, награбленное имущество и беспрекословно подчиниться Советской власти.

---

[1] «Пролетарская правда» (Киев), 11 февраля 1923 г.

Бандиты не сразу дали ответ. А ночью Бергавинов подслушал, как они совещались в сенях, выполнить ли им предъявленные условия или убить большевика — и делу конец... Наступила ночь. Воспользовавшись тем, что все уснули, Бергавинов неслышно вылез через окно и скрылся в лесу. В селе Орловец, куда он пришел на следующее утро, 29 августа, открывалась ярмарка. Опытный партийный работник и чекист, Бергавинов выступил перед восьмитысячным сходом крестьян, съехавшихся на ярмарку, и призвал их к борьбе с бандитами. Тут же на ярмарке крестьяне избрали делегацию в составе 50 человек (среди них был и священник села Орловец), которые пошли в лес к бандитам Грозного и потребовали, чтобы они сдались властям. Уже на следующий день, когда Бергавинов снова появился перед бандитами, 15 из них беспрекословно сдались. 3 сентября, как писал корреспондент газеты «Коммунист», «в Черкассах можно было наблюдать своеобразную картину. По запруженным праздной толпой улицам, ведущим к исполкому, направилась группа «лесовиков» со знаменами впереди. На красном полотнище знамени была надпись: «Да здравствует Советская власть на Украине!» Повитвыконкому (уездному исполкому.— *Д. Г.*) от бывших бандитов»[1]. Пятьдесят сдавшихся бандитов были амнистированы. Спустя некоторое время бежавший Грозный и трое его ближайших сподвижников были обнаружены отрядом незаможных селян в одном из сел и во время перестрелки убиты.

Иногда амнистированные участники банд все же возобновляли преступную деятельность. В Нежинском уезде Черниговской губернии длительное время оперировал бандит Панкрат Хижняк, житель села Бранница. Вместе с сообщниками он в 1920 г. убил председателя сельсовета Бондаренко, члена сельсовета С. Полуяна и его сына, терроризировал сельских активистов. В 1921 г., учитывая раскаяние бандитов и их бедняцко-середняцкое происхождение, советские органы амнистировали Хижняка и участников его банды. Мало того, им поручили вылавливать бандитов, продолжавших свое преступное дело. Но амнистированные не оправдали доверия. Участвуя в разоружении шайки Шидловского в Козелецком уезде, они присвоили оружие бандитов. В связи с этим в село Бранница прибыли милиционеры. Старший команды милиционеров Гладкий потребовал от Хижняка сдачи оружия, но бандиты убили Гладкого и милиционеров и скрылись. В 1922 г. по ходатайству местного

[1] «Коммунист» (Харьков), 14 сентября 1922 г.

населения Хижняк и его сообщники снова были амнистированы и вернулись в село. Спустя некоторое время, летом 1922 г., в Браницу прибыл из Киева некий Лука Артеменко, представившийся мелким торговцем. Он познакомился с Хижняком и тайно сообщил ему, что имеет связь с членом Центрального повстанческого (петлюровского) комитета, который поручил распространить несколько прокламаций с призывом создать в селах повстанческие группы. Хижняк принял прокламации и обещал организовать вооруженную группу. Собрав старых «друзей» (бывших бандитов) и сочувствующих им (десять человек), Хижняк ознакомил их с прокламацией. Бандиты решили создать в Бранице подпольный повстанческий комитет. Председателем комитета избрали Филиппа Царения, а во главе повстанческого отряда поставили Хижняка. В то время неподалеку от Браницы скрывался прибывший из-за границы петлюровский организатор Иван Назаренко. Хижняк и Артеменко связались с Назаренко, и тот включился в работу повстанческого комитета. Заговорщики добыли пишущую машинку, издавали прокламации, заготовляли оружие. О существовании петлюровской организации в Бранице стало известно чекистам. В апреле 1923 г. в село прибыл отряд ГПУ, которому удалось арестовать несколько членов организации. Сам Хижняк и остальные бандиты скрылись в лесу. Но вскоре и они были пойманы и в октябре 1924 г. предстали перед Черниговским губернским судом. Хижняк, Артеменко и двое самых активных их сподвижников были приговорены к расстрелу. Но советские власти вновь проявили к ним снисходительность: принимая во внимание их социальное происхождение, расстрел был заменен им лишением свободы сроком на 10 лет [1].

Бывали случаи, когда крестьяне самосудом расправлялись с бандитами. В свое время в Елисаветградском уезде свирепствовала банда бывшего подпрапорщика Галки, совершившая много жестоких преступлений. Вожак банды Галка собственноручно расстрелял в деревне Ивановке пятнадцать крестьян, отказавшихся вступить в его отряд. В 1924 г., когда банда Галки была ликвидирована и ее амнистированные участники возвратились в свои деревни, местные жители расправлялись с ними самосудом.

В январе 1925 г. в Киевском губернском суде рассматривалось дело Андрея Чмеля, Генриеты Ган и других, совершивших преступления в Киевском уезде в 1921—1922 гг.

[1] См. «Красное знамя» (Чернигов), 18—28 октября 1924 г.

Один из главных обвиняемых, двадцатилетний Андрей Чмель, проживавший в селе Боярки Киевского уезда, воспитанный в духе украинского буржуазного национализма, мечтал об активной политической деятельности и искал связей с какой-нибудь петлюровской организацией. Он познакомился с появившимся в селе бывшим петлюровским сотником Косарем (Драпником), прибывшим из-за кордона. Затем он обратился за содействием к учительнице Генриете Ган, муж которой, петлюровец Винник, в свое время был расстрелян Чрезвычайной комиссией за антисоветскую деятельность. Ган, немка по национальности, продолжала контрреволюционную деятельность покойного мужа. Будучи знакома с уже упоминавшимся членом «УНРовской контрразведки г. Киева» Николаем Афанасьевым, она решила связать с ним своего бывшего ученика, который охотно согласился освещать петлюровской контрразведке состояние повстанческого движения на селе.

Чмель явился к Афанасьеву вместе с Косарем. Афанасьев дал им задание создавать петлюровские ячейки в Киевском уезде. Выполняя это поручение, Чмель собрал в своем селе близких ему молодых людей. Так в Боярском районе появилась петлюровская ячейка. Была избрана руководящая «тройка» в составе Чмеля, Луцкана и Казнодия. Один из членов ячейки, Проценко, раздобыл типографский шрифт и организовал типографию, в которой можно было печатать прокламации. Ячейка связалась с оперировавшей в это время поблизости бандой Гаевого и оказывала ей содействие, информируя о расположении советских воинских частей и т. п.

Между тем Косар, получивший вскоре через Афанасьева от петлюровского «Центрального штаба» назначение на пост «начальника повстанческого района», объединившего повстанцев Киевского и Радомысльского уездов, создавал петлюровские ячейки в других районах.

В октябре 1921 г. в связи с готовившимся «тютюнниковским рейдом» на Украину Косар поручил учительнице Ган выехать за границу, вручить петлюровскому эмигрантскому руководству доклад о деятельности организации, получить средства для работы и указания. Задание Ган выполнила. Она нелегально перешла границу, пробралась во Львов, передала доклад, получила шифровки, деньги и все это, возвратившись, вручила Косарю.

Вскоре, однако, последовали ликвидация «УНРовской контрразведки г. Киева» и арест Афанасьева, поражение банды Гаевого, провал «тютюнниковского рейда». Деятельность организации замерла. Весной 1922 г. Боярская ячейка вновь ожила:

Чмель напечатал прокламацию, призывавшую крестьян не уплачивать продналога, сопротивляться изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. Но осенью 1922 г. ячейка окончательно распалась. Андрей Чмель выехал из Боярки и стал скрываться то в Житомире, то в Киеве под фамилией Крыжановского. Генриета Ган бежала в Уманский уезд, затем на станцию Вапнярка и в конце концов была арестована в июне 1923 г.

Чекисты привлекли по этому делу к судебной ответственности 12 человек. Суд состоялся в январе 1925 г. К этому времени политические настроения большинства участников петлюровской ячейки Боярского района изменились. Андрей Чмель заявил на суде, что он давно уже разочаровался в петлюровском движении и в настоящее время является врагом петлюровщины, которая не имеет никаких корней в крестьянстве. Генриета Ган, оказывавшая раньше вредное влияние на своих бывших учеников, заявила на суде, что готова «признать свои преступления перед народными массами». В таких условиях Киевский губернский суд вынес приговор, по которому двоих подсудимых оправдал, шестерых приговорил к условному наказанию. При этом суд ходатайствовал перед ВУЦИК о полном помиловании Чмеля; лишь Генриету Ган и еще двух обвиняемых суд приговорил к лишению свободы сроком на 5 лет [1].

В июле 1922 г. Одесскому губернскому отделу ГПУ стало известно, что в Одессу нелегально из Румынии прибыл какой-то видный антисоветский деятель. Чекисты установили за ним наблюдение и вскоре выяснили, что прибывший собирается возвратиться за границу. Его арестовали в тот момент, когда он садился на подводу, чтобы уехать. Это был командующий южной группой войск УНР полковник А. Гулый-Гуленко.

Гулый-Гуленко заявил на следствии: «Анализ всех событий привел меня к той мысли, что дальнейшая вооруженная борьба с Советами бесполезна и бессмысленна. Слишком уж жалкую роль мы играли во время последнего восстания, нанося непоправимый вред украинскому народу. Задумываясь о том, что может дать украинскому народу какая-нибудь другая власть, за исключением УНР, которая ни в коем случае отвоевать Украину не может, я пришел к заключению, что из всех других властей для украинского народа приемлема только власть Советов, как единственная власть, дающая возможность культурного и национального развития» [2]. Так от петлюровщины отошел один из видных ее деятелей.

---

[1] См. «Правда», 13, 26, 27, 30 января 1925 г.
[2] «Правда», 23 августа 1922 г.

В сентябре 1922 г. с разрешения Украинского Советского правительства на родину вернулся бежавший из лагеря интернированных в Стржелкове (Польша) петлюровский военный специалист генерал И. С. Мартынюк.

Наконец потерпел крушение и ближайший сподвижник Симона Петлюры, командующий антисоветским «рейдом» — генерал-хорунжий Юрий Тютюнник. В середине 1923 г. он вместе с несколькими другими эмигрантами нелегально прибыл на Украину для подпольной работы в созданной им новой петлюровской организации — «Высшем военном совете». Пробыв несколько месяцев на родине, Тютюнник убедился в тщетности своих усилий продолжать борьбу с Советской властью и решил сдаться. В письме на имя В. П. Затонского он писал: «Тяжким путем я пришел к уверенности, что властвующие на Западе силы способны только угнетать украинский народ, а не помогать его освобождению. Эти силы, используя легкомысленные и окончательно деморализованные элементы нашей эмиграции, думают только о своем благополучии. Поскольку деморализованность эмиграции дошла до наивысшей степени, для меня стало понятным, что будущее Украины выковывается здесь, на Украине. Прошло уже несколько месяцев, как я перешел кордон и, находясь на территории УССР, изучаю действительное положение. В первую очередь меня интересовала природа власти на Украине. В том, что эта власть является властью рабочих, я никогда не сомневался, но является ли она украинской властью,— в этом у меня были сомнения, а в свое время даже уверенность в противоположном». Ознакомление с украинской действительностью и с характером Советской власти на Украине убедило Тютюнника в том, что он заблуждался. «Сейчас на Украине,— писал он Затонскому,— украинская власть».

Украинское Советское правительство поручило ГПУ УССР проверить искренность заявления Тютюнника и его группы, ходатайствовавших о помиловании. Тютюнник представил такие доказательства: сдал весь архив петлюровского «штаба», вызвал свою семью на Украину и т. п. ГПУ УССР дало заключение о возможности применения амнистии. 28 декабря 1923 г. Президиум ВУЦИК удовлетворил ходатайство Тютюнника. Были амнистированы и другие петлюровские деятели, и среди них известный украинский националистический деятель, бывший председатель Центральной рады профессор М. С. Грушевский, выразивший желание заняться в Киеве научной работой [1]. Юрий Тю-

---

[1] См. «Правда», 27 октября и 30 декабря 1923 г.

тюнник вскоре опубликовал мемуары, в которых подробно рассказал о роли польских разведывательных органов и международного империализма в петлюровском движении[1]. Впоследствии, однако, Тютюнник вновь занялся преступной деятельностью и был наказан.

В 1924 г. чекистами был пойман проникший на советскую территорию из Польши известный петлюровец Хмара, бывший учитель, штабс-капитан царской армии, член партии украинских эсеров и агент польской разведки. На протяжении ряда лет он боролся с Советской властью методами террора, диверсий и шпионажа. Теперь Хмара уверял суд в том, что он «заблуждался», не понимал национальной политики Советской власти. В последнем слове, обращаясь к суду, он сказал: «В случае осуждения меня к высшей мере прошу передать от моего имени Петлюре: пусть оставит бесплодную, ненужную борьбу с Советской властью и поступит по примеру Тютюнника...» [2].

Но главарь петлюровщины Симон Петлюра не последовал совету Хмары. Перебравшись из Польши во Францию, он безуспешно пытался продолжать антинародную деятельность. 25 мая 1926 г. в Париже он был убит Самуилом Шварцбардом — родственником одной из семей, погибших во время диких петлюровских погромов на Украине. Шварцбард отомстил вдохновителю погромов. Парижским судом присяжных Шварцбард был оправдан.

5. «Центр действия» перестает действовать

В 1921 г. в Париже несколько «активистов» из числа белых эмигрантов задумали создать организацию для антисоветской борьбы в условиях новой экономической политики. Это были председатель ликвидированного «Верховного управления Северной области», лидер партии народных социалистов Н. В. Чайковский, кадеты А. В. Карташев, Н. П. Вакар и др. Они исходили из того, что в России в скором времени должна произойти «национальная революция», которая-де приведет к свержению Советской власти. Для содействия такой «революции» они считали необходимым создать на советской территории подпольные ячейки. Учредители назвали свою организацию «Центром действия», образовали ее руководство в Париже и выработали «Наказ ответственным руководителям центров действия на местах».

---

[1] См. *Ю. Тютюнник*. З поляками проти Вкраїни. Харків, 1924.
[2] «Правда», 5 ноября 1924 г.

В «Наказе» излагались задачи созданной организации: «Необходимым условием грядущего свержения советского правопорядка является создание и оживление русской общественности как определенного фактора, воздействующего на ход русской жизни... «Центр действия» ближайшими задачами работы «центров действия» считает пробуждение жизни в существующих в России легальных обществах и организациях, возбуждение в них разного рода общественных вопросов и политическую пропаганду среди селянства, рабочих, красноармейцев и учащейся молодежи...»

Для проведения этой «работы» в России на местах создавались «областные центры действия», которые, в свою очередь, должны были организовать сеть ячеек в разных слоях населения, вовлекая в них «наиболее активных и самоотверженных людей». В ячейках предполагалось собрать те «специальные кадры» из представителей различных политических группировок — от правых кадетов вплоть до народных социалистов, «которые могут быть использованы непосредственно после свержения Советского правительства в качестве военной и технической силы». «Центр действия» не определял конкретного будущего государственного строя России после свержения Советской власти. Сразу после переворота власть намечалось передать временному органу Верховного управления [1].

Жизнь, однако, показала, что оторвавшиеся от русского народа белоэмигранты строили свои планы на песке. Советский народ поддерживал рабоче-крестьянскую власть, и потуги эмигрантов вызвать новые антисоветские движения оказывались бесплодными.

Уже при первых попытках создания технического аппарата (резидентур) для связи с нелегальными ячейками, создаваемыми в советском тылу, руководители «Центра действия» столкнулись со шпионскими учреждениями иностранных государств, которые попытались использовать их в своих целях. Разведывательные органы Франции и Польши выразили готовность содействовать «Центру действия», если он будет за это поставлять им шпионские сведения о Советской России. Авантюристы из «Центра действия» вступили в контакт с профессиональными разведчиками. Так возникла «неофициальная» сторона деятельности «Центра действия» — добывание секретных сведений о военном, политическом и экономическом положении Советской

---

[1] См. «Дело Киевского областного центра действия». Стенографический отчет судебного процесса. Харьков, 1927, стр. 667—669.

России для разведок Польши и Франции. Последние обещали содействовать организации резидентур «Центра действия» в пограничной с Россией Польше и оплачивать их. Особенно отличались в организации шпионской работы Н. П. Вакар, скрывавшийся под кличками «Зело», «Зелинский», и главный резидент «Центра действия» в Варшаве Б. А. Евреинов — «Гусар». Они создали резидентуры в польских пограничных городах Корец и Ровно и превратили «Центр действия» в контору, торгующую шпионскими сведениями.

В апреле 1922 г. Вакар отправился из Польши в «инспекционную» поездку в советский тыл и пробрался в Киев. Разыскав здесь старого товарища по гимназии А. В. Яковлева, Вакар рассказал ему о своем участии в подготовке свержения Советской власти, предложил вступить в «Центр действия» и образовать в Киеве молодежную группу интеллигенции. Задачей этой группы могло бы быть создание вооруженных отрядов, издание и распространение антисоветского пропагандистского журнала, участие в образовании городской думы, которая приступит к работе после переворота, и т. п. Яковлев вначале пытался возражать Вакару, высказывая сомнения в реальности подъема антисоветского движения, но в конце концов согласился организовать группу академической молодежи. От военной работы Яковлев отказался, обещав, впрочем, подыскать кого-либо, кто мог бы заняться ею.

Затем Вакар занялся организацией в Киеве руководящего «областного центра действия». О своих целях он рассказал старому знакомому, бывшему прокурору Киевской судебной палаты С. М. Чебакову, служившему в земельном отделе коммунхоза. Вакар просил его собрать видных и верных людей и обещал выступить перед ними с докладом о деятельности парижского «Центра действия». Через несколько дней на квартире бывшего товарища министра просвещения при Временном правительстве и министра просвещения при гетманщине профессора Киевского института народного хозяйства, бывшего члена ЦК кадетской партии Н. П. Василенко состоялось нелегальное собрание. Помимо С. М. Чебакова и хозяина квартиры, на этом собрании были: брат хозяина, бывший видный меньшевик К. П. Василенко; работавший в губернском статистическом бюро профессор П. П. Смирнов; бывший кадет адвокат Л. Э. Чолганский. Заседание длилось с перерывами три дня. Главным докладчиком был Вакар. Характеризуя международное и внутреннее положение страны, он утверждал, что в России вот-вот произойдет переворот, к которому призывал подготовиться, чтобы взять

власть в свои руки, и предложил образовать в Киеве руководящий «областной центр действия». Доклад Вакара вызвал критику. Собравшиеся указывали, что лидеры «Центра действия» в Париже не знают русской действительности, что их надежды на насильственный переворот в России иллюзорны и необоснованны. Профессора указывали, что сейчас, в связи с новой экономической политикой, положение в стране стабилизируется и должно постепенно измениться в сторону все большей «демократизации общественной жизни» (так они именовали возрождение капитализма и буржуазной демократии). В сущности, они высказали взгляды, близкие к «сменовеховским». Все же они согласились создать в Киеве «областной центр действия» для сплочения своих сил и участвовать в издании и распространении в России нелегального журнала под названием «Новь».

Вакар доверительно рассказал Чебакову о том, что в Киеве существует тайная техническая «линия связи», через которую «областной центр действия» сумеет вести переписку, пересылать материалы и получать издаваемый за границей нелегальный журнал. Он познакомил Чебакова с заведующим «линией связи» Б. Ю. Павловским и рекомендовал ему в целях конспирации переписку «областного центра действия» с Парижем вести за подписью «Катя». Вакар дал также указание руководителю молодежной группы Яковлеву связаться с профессором П. П. Смирновым как с представителем «областного центра действия». Закончив организационную работу в Киеве, совершив с этой же целью поездку в Москву, Вакар уехал за границу.

Вначале деятельность подпольных групп, созданных Вакаром в Киеве, протекала оживленно. Собирался «областной центр действия», его члены рассуждали о будущем устройстве России, разрешали текущие дела. Чебаков через «линию связи» передавал в Париж материалы для журнала «Новь». Сообщения «областного центра действия», которые обычно в форме дружеских писем писал К. Василенко, также направлялись в Париж, а оттуда поступали указания.

В течение августа — ноября 1922 г. из-за кордона было доставлено некоторое количество экземпляров двух изданных номеров журнала «Новь» для распространения. Этот журнал представлял собой набор злобных антисоветских «сочинений» и свидетельствовал о полном незнакомстве эмигрантских редакторов с жизнью Советской России. Лишь две статьи киевлянина Б. Н. Толпыги, статья, подписанная псевдонимом «Юрист» (впоследствии было установлено, что автором ее являлся некто Вельмин), и статья, написанная К. Василенко, были близки по

мыслям киевским членам организации. В статьях «К кризису идеологии» и «Опыт подведения итогов» Б Толпыга утверждал, будто в России нарождается новое антисоветское движение, которое базируется на известной социально-экономической почве, создаваемой нэпом. Автор призывал использовать возможности нэпа для идеологической борьбы с коммунизмом путем поддержки оппозиционных настроений, «деловой, легальной критики отдельных мероприятий Советской власти» на заседаниях научных обществ, профессиональных союзов, в специальной прессе, путем завоевания советского административного аппарата при помощи «спецов», соответствующей работы в кооперации, высшей школе и т. д.[1]

Признаки жизни проявляла и молодежная группа. Яковлев вовлек в нее ассистента Института народного образования Л. М. Венгерова, преподавателя того же института В. С. Тартаковского. В эту же группу вошли и скрывшиеся позднее от суда Швайковский и Москвич. Участники молодежной группы вели бесплодные разговоры о создании ячеек среди студенчества. Яковлев несколько раз обращался к представителю «областного центра действия» профессору П. П. Смирнову, предлагая свои услуги для работы в журнале «Новь», но «старшие» отказывались от сотрудничества с «молодыми», считая Яковлева легкомысленным, увлекающимся человеком.

Как-то летом Яковлев через Г. Швайковского познакомилс˜ с военным работником, помощником начальника 1-го отделения штаба Киевского военного округа С. П. Единевским. Помня задание Вакара о создании подпольных вооруженных отрядов, Яковлев предложил Единевскому взяться за эту работу. Единевский отказался, заявив, что не имеет знакомых, которые согласились бы вступить в отряд. Но при следующих встречах Единевский предложил Яковлеву секретные военные документы, которые могут быть полезны «Центру действия». Он передал похищенные в штабе Киевского военного округа отпечатанные на пишущей машинке «Перечень № 2 управлений, учреждений, заведений и частей, которые должны формироваться Киевским военным округом с объявлением мобилизации, для войсковых соединений, не входящих в состав 4-й армии и КВО»; «Перечень № 3 управлений, учреждений, заведений и частей, входящих в состав КВО, которые должны остаться или быть сформированными округом по мобилизации по выделению армейского аппа-

---

[1] См. «Дело Киевского областного центра действия». Стенографический отчет судебного процесса, стр. 697—698.

рата». Получив эти документы, Яковлев поспешил к профессору Смирнову и дал их ему для использования «областным центром действия». Смирнов, несмотря на отрицательное отношение к Яковлеву, документы у него все же взял и передал Чебакову, а тот — заведующему «линией связи» Павловскому. Последний поручил курьеру «линии связи» М. А. Онищенко-Павлюку («молодому») отвезти документы в Полонное и передать за границу, что последний и выполнил. Документы попали в главный штаб польской армии. Об этом стало известно советской разведке. В декабре 1922 г. в главном штабе в Варшаве советскими разведчиками были сняты и переданы в Государственное политическое управление фотокопии поступивших туда от киевских шпионов документов, представлявших собой часть секретного мобилизационного плана Киевского военного округа. Передача их одной из враждебных Советской России держав — Польше — в какой-то мере раскрывала наши мобилизационные планы и представляла угрозу Советской республике [1].

Так и «старшие» и «младшие» участники киевской группы скатились в общее русло шпионской деятельности «Центра действия».

Наиболее важной частью подпольной организации в Киеве являлась тщательно оберегаемая «линия связи», созданная в марте 1921 г. еще до возникновения «областного центра действия» [2]. Сначала в ней работали связистками сестры Куцеваловы — Леонида («Пианистка») и Зинаида («Гимназистка»), вовлеченные в преступную работу братом, бывшим капитаном деникинской армии Бонифацием Куцеваловым, резидентом шпионской организации в польском местечке Корец. Сестры Куцеваловы принимали курьеров, приезжавших из-за границы, получали от них материалы и деньги, имели шифры и передавали за границу шпионские сведения. Активнейшим курьером, начиная с 1921 г., являлся бывший деникинский доброволец Онищенко-Павлюк. Он неоднократно с помощью польских разведывательных органов нелегально пробирался из Польши в Киев и обратно, перевозил материалы и деньги, связывался с заведующими «линией связи», а также выполнял задания по сбору шпионских сведений для польских властей.

---

[1] См. «Дело Киевского областного центра действия». Стенографический отчет судебного процесса, стр. 702.

[2] Как выяснилось впоследствии, эта «линия связи» принадлежала раньше контрреволюционному «Народному союзу защиты родины и свободы». В 1922 г. Б. Савинков передал ее (как и «линии связи» на финской границе) по соглашению с Н. В. Чайковским и Н. П. Вакаром «Центру действия».

С апреля 1922 г. заведующим «линией связи» в Киеве стал бывший подполковник Генерального штаба царской армии и опытный разведчик Б. Ю. Павловский, носивший клички «Варин» и «Мухин». Он поселился на квартире Варвары Виноградовой, которую постепенно вовлек в свою работу. Павловский наладил связи с заграницей через жителей Новоград-Волынского и местечка Полонного, профессиональных контрабандистов О. Кереш и Шарвар, и использовал в качестве курьеров незаметных лиц, женщин и родственников разведчиков, в том числе сестру и мать резидента шпионской организации в польском местечке Корец бывшего офицера Д. Капоцинского («Орленка») — Анну и Марию Капоцинских. Пожилая женщина, Мария Капоцинская по заданию шпионов нелегально переходила границу, переносила шпионские материалы, которые тщательно заклеивались в жестяные коробки или в чемодан с двойным дном. Однажды, когда Капоцинская уезжала из Корца, сын ее, резидент «Орленок», велел ей разорвать советскую кредитку на две равные части и одну из них отдать в Новоград-Волынском Ольге Кереш, а другую отвезти в Киев и отдать тому человеку, который явится за ней. Приехав в Новоград-Волынский, Мария Капоцинская выполнила поручение сына и одну половинку разорванной кредитки отдала Ольге Кереш, а другую, оставшуюся у нее, половинку кредитки впоследствии отдала в Киеве лицу, принесшему ей письмо от сына. Эта половинка кредитки и послужила паролем при поездке разведчика Онищенко-Павлюка летом 1922 г. в Новоград-Волынский к Ольге Кереш с почтой киевской организации [1].

После смерти Павловского в декабре 1922 г. «линией связи» стала заведовать В. В. Виноградова под кличкой «Соломон».

В мае — июне 1923 г. главный резидент «Центра действия» Б. А. Евреинов («Гусар») сообщил из-за границы по «линии связи» в Киев членам организации, что «Парижский центр действия» распался и что он, Евреинов, выехал в Прагу и ведет переговоры об издании нового журнала, в котором предлагает участвовать и киевским «активистам». Получив это письмо, Чебаков возмутился. Он считал, что еще можно было «действовать», когда во главе движения стояли такие хорошо известные в антисоветской среде лица, как Чайковский. Но после того, как «Центр действия» распался, не могло быть и речи об участии киевских «активистов» в новом предприятии «Гусара» [2].

---

[1] См. «Дело Киевского областного центра действия». Стенографический отчет судебного процесса, стр. 180.

[2] См. там же.

В июле 1923 г. работники Киевского отдела Государственного политического управления, давно уже напавшие на след организации и наблюдавшие за нею, арестовали всех наличных участников старшей и молодежной групп и «линии связи» «Центра действия» в Киеве. Наиболее дальновидные члены этой организации уже поняли беспочвенность надежд на переворот. Большинство арестованных признали свою вину. По окончании расследования дела суду были преданы 18 человек, из них несколько профессоров и преподавателей высших учебных заведений. Дело это рассматривалось в марте — апреле 1924 г. в Киевском губернском суде.

Процесс вызвал широкие отклики в стране и за рубежом. Белоэмигрантские круги подняли кампанию по поводу «притеснений» интеллигенции и профессуры в Советском Союзе. Президент Франции Пуанкаре, известный своей ненавистью к революции, решил даже вмешаться в ход судебного процесса. В телеграмме на имя народного комиссара иностранных дел 7 апреля 1924 г. он выражал опасение, что профессорам, потеря которых «болезненно ощущалась бы как сокращение мирового интеллектуального достояния», может быть вынесен смертный приговор. Телеграмма Пуанкаре вызвала негодование широкой советской общественности. Даже подсудимые выступили с публичным заявлением, отвергая вмешательство иностранцев. Г. В. Чичерин от имени Советского правительства в ответной ноте писал: «Правительство СССР с негодованием отклоняет попытку французского правительства вмешиваться в судебное разбирательство дела о киевских шпионах и изменниках, попытку, противоречащую общепризнанным правовым понятиям и элементарным требованиям уважения к суверенитету другого государства... Телеграмма г. Пуанкаре рассчитана на введение в заблуждение неосведомленных читателей, представляя заведомо разоблаченных шпионов и изменников в виде невинных жертв. Преступный характер деятельности обвиняемых был известен французскому правительству уже по тому одному, что они оказывали услуги французской секретной разведке. Французское правительство, разведочные органы которого в настоящее время активно и самостоятельно выступают в соседних с СССР государствах, в данном случае заступается за своих шпионов под маской мнимой гуманности... Советское правительство, стоя на страже безопасности рабоче-крестьянской республики, проходит мимо попытки французского правительства вмешаться в компетенцию судебных органов республики. Но Советское правительство не может пройти без серьезного внимания мимо ярких про-

явлений враждебного отношения французского правительства к СССР...» [1]

Генеральный прокурор Украинской Советской Социалистической Республики Н. А. Скрыпник заявил, что представители западной буржуазии не в первый раз осмеливаются вмешиваться в ход судебных дел, разбирающихся в Советской республике. Пуанкаре пытается прикрыть поддержку белогвардейщины ссылками на мировое значение научных заслуг обвиняемых профессоров и на недоказанность обвинения. Но истинная причина выступления Пуанкаре заключается в том, что пролетарский суд судит представителей буржуазии. «С глубоким негодованием отвергаем мы какое бы то ни было право Пуанкаре на моральные сентенции,— говорилось в заявлении Н. А. Скрыпника.— Не Пуанкаре, у которого руки в крови рабочих, протестовать против высшей меры наказания, применяемой к шпионам. Разве во Франции не продолжается действие военно-исключительного положения, по которому шпионы приговариваются к высшей мере наказания? Разве французский буржуазный суд перестал быть классовым, пристрастным? Разве по подозрению в большевизме сотни и тысячи французских солдат не заключены в тюрьмы?.. С глубоким возмущением и омерзением надо отнестись к лицемерному заявлению Пуанкаре в пользу польско-французских шпионов. Из 18 обвиняемых по делу «Центра действия» лишь 3 принадлежат к профессуре. Это десятистепенные величины из цеха ученых» [2].

8 апреля 1924 г. Киевский губернский суд вынес приговор, по которому Б. А. Язловского (преподавателя Института народного хозяйства) оправдал; занимавшихся содействием шпионажу Марию Капоцинскую и Анну Оберучеву, а также членов молодежной группы «Центра действия» В. С. Тартаковского и Л. М. Венгерова приговорил к условному наказанию; Леониду и Зинаиду Куцеваловых — к 5 годам лишения свободы; шпионку Анну Капоцинскую — к 7 годам лишения свободы; профессора Н. П. Василенко, К. П. Василенко, Б. Н. Толпыгу, адвоката Л. Э. Чолганского, профессора П. П. Смирнова и шпиона М. А. Онищенко-Павлюка — к 10 годам лишения свободы; изменника С. П. Единевского, бывшего царского прокурора С. М. Чебакова, А. Я. Яковлева и заведующую шпионской «линией связи» В. В. Виноградову — к высшей мере наказания — расстрелу.

---

[1] «Известия ВЦИК», 12 апреля 1924 г.

[2] «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У), 13 апреля 1924 г.

16 мая 1924 г. Президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, рассмотрев ходатайство осужденных о помиловании, вынес решение: «...Установив, что контрреволюционная организация «Киевского областного центра действия» при всей контрреволюционности стремлений инициаторов и руководителей его была лишь бессильной и беспочвенной попыткой представителей старой буржуазии к восстановлению капиталистического строя; что попытка эта была заранее осуждена на полную бесплодность ввиду враждебного отношения к ней со стороны широких масс рабочего класса, крестьянства, а также украинской и русской интеллигенции, что выразилось в широких демонстрациях и массовых собраниях трудящихся; что государственная измена и шпионаж, неизменно и тесно переплетающиеся со всякой контрреволюционной организацией, имеющей свои корни вне советских республик, и в данном случае имели первенствующее значение, но на деле существенного вреда не принесли; вина осужденных перед трудящимися велика, но контрреволюционные стремления их оказались в безусловной мере бессильны и бесплодны, а сами осужденные опасности для Советской республики не представляют, а потому, принимая во внимание действительное и чистосердечное раскаяние принесших просьбу о помиловании, Всеукраинский Исполнительный Комитет постанавляет в порядке помилования по делу «Киевского областного центра действия» заменить установленную утвержденным Верховным судом УССР приговором Киевского губернского суда высшую меру наказания в отношении осужденных Чебакова Сергея, Единевского Сергея, Яковлева Алексея и Виноградовой Варвары — 10 годами лишения свободы со строгой изоляцией и поражением прав сроком на 5 лет каждого. В отношении Куцеваловой Леониды, Куцеваловой Зинаиды, Капоцинской Анны, Василенко Николая, Толпыги Бориса, Чолганского Леонтия, Смирнова Павла, Онищенко-Павлюка Михаила, осужденных к разным срокам лишения свободы, срок наказания сократить наполовину» [1].

Кроме «Киевского областного центра действия» органы ГПУ ликвидировали также немногочисленные кадры «Центра действия» в других городах России, в том числе в Москве. «Центр действия» как за границей, так и в Советской России перестал действовать.

---

[1] «Дело Киевского областного центра действия». Стенографический отчет судебного процесса, стр. 748—749.

6. Борьба с экономической контрреволюцией

В основе саботажа и вредительства в народном хозяйстве в первые годы Советской власти лежала иллюзорная надежда контрреволюционеров на скорое падение рабоче-крестьянской власти и возвращение фабрик и заводов их бывшим владельцам. Политические и хозяйственные объединения крупных промышленников и торговцев, выброшенные революцией из страны, обосновались за границей и оттуда вели наблюдение за предприятиями в Советской России, чтобы овладеть ими, как только в результате интервенции или внутренних восстаний будет свергнута диктатура пролетариата. Упоминавшийся выше Торгово-промышленный комитет обосновался в Париже, а в других местах за границей разместились его отраслевые объединения. Слежку и подрывную работу внутри России они проводили через своих представителей — буржуазных специалистов, оставшихся на предприятиях, которые перешли в руки Советского государства.

В 1921 г. в связи с ликвидацией заговора «Петроградской боевой организации» впервые открылись подробности такой деятельности служащих нефтяных предприятий акционерного общества «Нобель». Выяснилось, что еще в ноябре 1918 г. член правления акционерного общества Густав Нобель перед отъездом за границу собрал в Петрограде группу ответственных служащих фирмы и, обещая им денежное вознаграждение, просил принять меры к сохранению технического и материального оборудования предприятий, с тем чтобы в момент, когда, как он надеялся, Советская власть будет свергнута, возвратить предприятия акционерному обществу в полной исправности. В 1919 г. в Финляндии образовалась отраслевая, входившая в Торгово-промышленный комитет, нобелевская организация, возглавлявшаяся белогвардейцем — полковником Бунаковым и Лебурдье. Эта отраслевая организация вела экономический шпионаж в Советской России. Она ежемесячно пересылала сюда деньги для раздачи старым служащим фирмы «Нобель» и получала от них регулярные отчеты о добыче нефти и вообще о состоянии предприятий. Для пересылки денег в Россию и передачи шпионских сведений использовались нелегальные связи, в том числе и услуги дипломатических представителей — дипкурьеров буржуазной Эстонии. Главарями нобелевского шпионажа в России являлись участник заговора «Петроградской боевой организации» профессор М. М. Тихвинский и управляющий Петроградским районным нефтяным комитетом голландский подданный

В. В. Гармсен, в сферу «влияния» которого входил и Баку. В заговоре участвовали также: лаборант петроградской конторы «Главнефть» Х. Н. Казин (доверенный капиталистов по распределению денег, получаемых из-за границы), член коллегии, начальник технического правления «Главнефти» в Москве В. К. Истомин и другие лица.

С введением новой экономической политики Торгово-промышленный комитет и бывшие собственники предприятий поставили перед своими агентами внутри Советской страны задачу помочь им получить свои предприятия в порядке денационализации или концессии.

В 1921 г. бывшие владельцы «Товарищества мануфактуры Коншина» братья Кнопп совместно с другими русскими текстильными фабрикантами образовали в Германии объединение «Висбаденское соглашение» для продолжения дореволюционной коммерческой деятельности. Фабриканты рассчитывали на то, что в скором времени они снова получат свои предприятия. Участники «Висбаденского соглашения» открыли в Берлине контору во главе с бывшим директором-распорядителем «Товарищества мануфактуры Коншина» А. А. Ценкером, бежавшим из Москвы. Ценкер энергично взялся за работу, создал шпионскую сеть, в которую вовлек многих бывших служащих товарищества. Эта сеть была так широка, что, как выяснилось впоследствии, учрежденный в Советской России осенью 1921 г. Серпуховский текстильный трест почти целиком был во власти лиц, выполнявших задания «Висбаденского соглашения». Наиболее деятельным агентом Ценкера стал заведующий товаро-производственным отделом треста, в прошлом член правления коншинского товарищества Н. М. Калинин, который организовал сбор сведений о состоянии текстильных фабрик, передачу их за границу, а также распределял между старыми служащими «хозяйские подачки». Их получали заведующий финансовым отделом треста М. Е. Епанешников, главный бухгалтер московского отделения треста С. Т. Шелягин, заведующие некоторыми отделами. К этой группе примыкал и бывший смоленский губернатор К. А. Шумовский, занимавший теперь скромную должность заведующего отделом продовольственного снабжения треста.

В 1922—1923 гг. французские капиталисты, члены правления анонимной Платино-промышленной компании, владевшей до революции приисками на Урале, учредили новую фирму — «Эндюстриель де платин» и возбудили ходатайство перед Советским правительством о передаче им прежних предприятий для эксплуатации в порядке концессии. Представитель «Эндюстри-

ель де платин» французский геолог профессор Дюпарк представил Советскому правительству доклад, в котором доказывал «выгодность» для России передачи уральских платиновых приисков в руки компании. Его доклад изобиловал столь подробными и достоверными сведениями о состоянии советской платиновой промышленности, что не могло не возникнуть вопроса, откуда Дюпарк получил такие данные.

Вскоре сотрудники ГПУ напали на след того, кто так точно информировал французов. Это был известный на Урале профессор, заведующий геологоразведочной частью треста «Уралплатина» и одновременно председатель научного общества любителей естествознания Модест Клер. Злоупотребив оказанным ему как ученому доверием, Клер, являвшийся швейцарским подданным, предложил французской компании свои услуги и содействовал ее представителям во время переговоров о получении концессии. В одном из писем Клер писал французскому профессору Дюпарку: «Многоуважаемый и дорогой учитель! Если тем или иным образом я могу быть Вам полезен, я с удовольствием сделаю геологические изыскания для заинтересованных групп, которые Вы представляете. Я мог бы, если обстоятельства мне не помешают, приехать в Швейцарию за их счет, чтобы их осведомить и сговориться о способе действовать». Компания «Эндюстриель де платин», приняв предложение Клера, наладила с ним связь через своего агента полковника Жильбера Сютель-Дюлонга, до первой мировой войны заведовавшего коммерческой частью французских приисков, а в то время являвшегося на Урале директором французской миссии Красного Креста по оказанию помощи голодающим. В письме на имя директора компании «Эндюстриель де платин» Брэна «благотворитель»-разведчик Дюлонг сообщал: «Клер был мне весьма полезен и снабдил меня массой документов (некоторые из них весьма секретны, что могло ему стоить жизни). Он может быть нам полезен и в будущем. Надеюсь, что Париж поблагодарит меня. По мнению Клера, лучше не писать ему непосредственно. Я знаю здесь одного человека, которому можно доверять вполне. Условимся: все письма, которые Вы будете помечать четным числом, будут для Клера, а нечетным — для меня»[1]. Обнаруженная ГПУ переписка достаточно красноречиво говорила о преступлениях Клера. Советское правительство отказало французской компании в предоставлении концессии. А Модест Клер был арестован и в феврале 1921 г. осужден за экономический шпионаж на 10 лет лишения свободы.

[1] «Правда», 24 февраля 1924 г.

15 декабря 1923 г. жена главного инженера Кадиевского рудоуправления в Донбассе Гулякова явилась в ГПУ и сообщила о том, что ее муж занимается экономическим шпионажем. Она рассказала, что по поручению мужа несколько раз ездила в Харьков к представителю польского консульства Ружицкому, передавала ему сведения о состоянии рудников и получала от него крупные суммы денег, которые распределялись среди работников рудоуправления. ГПУ произвело расследование заявления Гуляковой и выявило группу инженерно-технических работников Кадиевского рудоуправления, занимавшихся экономическим шпионажем и вредительством. Выяснилось, что в 1919 г., после разгрома деникинцев, правление Днепровского южнорусского металлургического общества, в состав которого раньше входили и Кадиевские рудники, бежало в Польшу. Покидая пределы России, правленцы поручили некоторым своим ответственным служащим, остававшимся на месте, сохранить в целости предприятия и информировать их о положении дел. Из-за границы правленцы организовали связь со своей агентурой и, в частности, использовали для этого аппарат польского консульства в Харькове, куда коммерческим советником был назначен бывший член правления общества Ружицкий. Этот-то Ружицкий и руководил шпионской работой главного инженера Кадиевского рудоуправления Гулякова и расплачивался с ним от имени хозяев. В течение 1921—1923 гг. Гуляков передавал Ружицкому сведения о техническом и хозяйственном состоянии рудников и выполнял его вредительские задания, пользуясь услугами нескольких вовлеченных им «в работу» инженеров (Балтайтиса, Манукьянца, Годзевича), с которыми делился хозяйскими подачками. Гуляков и члены его вредительской группы старались сохранить в исправности оборудование рудников до возвращения их бывших владельцев, создавать на рудниках угольные запасы; в результате их деятельности рудоуправление систематически не выполняло плана добычи угля для советской промышленности.

Другая группа вредителей была разоблачена на Днепровском металлургическом заводе вблизи Екатеринослава (ныне это Днепродзержинский завод), ранее принадлежавшем тому же Днепровскому южнорусскому металлургическому обществу. Там правленцы оставили своего «уполномоченного» — инженера Жарновского, который ревностно исполнял их поручения. Жарновский вовлек во вредительскую группу главного бухгалтера завода Простакова, заведующего технической бухгалтерией Храповицкого, начальника прокатного отделения Шихова, на-

чальника вагонного отделения Гирского, дав каждому из них соответствующие задания и распределяя между ними деньги, получаемые из-за границы. В 1921 г., когда возникла надежда на получение завода в концессию, бывший директор правления общества Макомацкий прислал Жарновскому из-за границы письмо, в котором сообщил о том, что правление решило увеличить жалованье Жарновскому до 1000, Простакову — до 850, Храповицкому — до 800, Шихову — до 500 франков в месяц и ставит перед ними задачу содействовать в получении завода в концессию. Нужно было сохранить квалифицированные кадры служащих и рабочих, оборудование и материалы завода, старую документацию. Бывшие владельцы рассчитывали, что при сохранении минимального темпа работ советские власти будут снабжать завод всем необходимым, ремонтировать его за государственный счет, кадры будут сохранены, оборудование не будет изнашиваться и завод, таким образом, на полном ходу перейдет к ним. В руководящей «тройке», осуществлявшей эти вредительские указания на заводе, состояли главный инженер Жарновский, главный бухгалтер Простаков и заведующий технической бухгалтерией Храповицкий. Расчеты с вредителями производил все тот же представитель польского консульства в Харькове Ружицкий. В 1922 г. Жарновский выехал в Польшу и не возвратился на родину. Он привез бывшим владельцам завода немало документов о состоянии завода. Вредители из бывших служащих Днепровского южнорусского металлургического общества (на Кадиевских рудниках и Екатеринославском заводе) были приговорены в 1924—1925 гг. к разным срокам лишения свободы.

Дальнейшая работа ГПУ позволила выявить и другие факты деятельности вредителей в угольной промышленности. Выяснилось, что отдельные инженеры имели связи с бывшими хозяевами рудников, выехавшими за границу. Так, например, инженер Шадлун поддерживал отношения с бывшим директором акционерного общества Берестово-Богодуховского района французским капиталистом Ремо; инженер Матов — с директором-распорядителем Донецко-Грушевского акционерного общества Дворжанчиком; инженер Детер — с бывшим владельцем Кондратьевских рудников и бывшим министром торговли и промышленности белогвардейского донского правительства Фениным; инженер Сущевский — с бывшим членом правления акционерного общества по разработке угля и соли на Юге России французским капиталистом Сансе; инженер Кувалдин — с капиталистом Парамоновым и т. д. Эти верные слуги капиталистов в их

интересах действовали на советских рудниках и получали за это вознаграждение.

В 1923 г. в Париже из остатков дореволюционного капиталистического объединения «Совета съездов горнопромышленников Юга России» образовалось «Объединение бывших горнопромышленников Юга России» во главе с Соколовым, Прядкиным, Буро-зом, Фениным. Это «Объединение» решило взять в свои руки руководство деятельностью оплачиваемых капиталистами вредителей. Такую же работу вело и «Польское объединение бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе», руководимое Дворжанчиком.

Начался процесс объединения вредительских групп, имевшихся на отдельных рудниках. В 1923—1924 гг. в Донбассе образовался «Харьковский центр», состоявший главным образом из инженерных работников советского хозяйственного объединения «Донуголь». Вредители подготовляли наиболее выгодные условия получения бывшими владельцами «своих» предприятий в порядке денационализации или концессий. «Харьковский центр» принимал меры к восстановлению рудников и к поддержанию их в хорошем состоянии. Вместе с тем, выполняя планы советских хозяйственных органов по добыче угля, вредители старались не истощать богатые участки. Они накапливали на рудниках большое количество механического оборудования, но так, чтобы оно до определенного момента не могло быть использовано; восстанавливали в первую очередь сильно разрушенные шахты, что обходилось очень дорого; тормозили разработку новых выгодных участков путем искусственной задержки разведок, закладывали новые шахты на малоценных участках. Их вредительские действия имели целью показать советским хозяйственным органам невыгодность, нерентабельность эксплуатации рудников и — как естественный вывод отсюда — необходимость денационализации или сдачи их в аренду или в концессию. Но по мере развития народного хозяйства и роста социалистического уклада в экономике страны надежды бывших собственников и их агентуры на возвращение им национализированных предприятий рушились. ГПУ сумело раскрыть вредительскую деятельность «Харьковского центра» и других организаций в области экономики и пресечь ее.

7. Базаровско-незнамовская авантюра

В первые годы новой экономической политики кулацкие выступления в деревне не прекращались, хотя и не находили уже поддержки в широких слоях крестьянства.

В 1922 г. попытку вооруженного выступления сделала базаровско-незнамовская контрреволюционная группа в Сибири. Эта кулацкая организация, имевшая ячейки в ряде районов Западной Сибири и на Урале, образовалась в результате объединения двух ранее существовавших отдельно антисоветских групп, возглавлявшихся Базаровым и Незнамовым.

Базаровская подпольная группа была создана в 1920 г. бывшим старшим урядником Оренбургского казачьего войска И. Д. Жваловым. В декабре 1919 г., когда войска Колчака, в которых он служил, были разгромлены, Жвалов, укрывшись в Красноярске, изготовил для себя фальшивые документы на имя А. Ф. Базарова. В 1920 г. он под этим именем проник в Коммунистическую партию и служил в железнодорожной рабоче-крестьянской инспекции. В августе 1920 г. Базаров сколотил в Барабинске небольшую группу единомышленников, среди которых выделялись дьякон Дудин, Пономарев, домовладелец Сметанин и работавший ревизором телеграфа на железной дороге сын псаломщика Архаров. Эта группа создавала антисоветские ячейки в учреждениях, на предприятиях города и в окружающих селах.

В 1921 г., передав руководство барабинской ячейкой Дудину, Базаров переехал в Тюмень, где развернул контрреволюционную работу в более крупных масштабах. К моменту наибольшего развития базаровская организация имела ячейки в Тюмени, Барабинске, Омске (возглавляли священник Родионов и железнодорожный служащий Федоров), в Посаде Троицком (руководили кулак Маханов и Шенгальц), в Петропавловске (возглавляли служащий Побелянский и Струков), в Кургане (Букин и Кривошеев), в Боровом (Жданов), в Павлодаре (капитан речного флота Ширинский), в Заводоуковском (дьякон Пономарев) и ряде сел. Базаров создал военный комитет для подготовки вооруженного восстания, в который вошли бывшие офицеры Колпаков, Пестряков, Лукьянов, Миронов; железнодорожный комитет — из служащих на транспорте для сбора сведений о железнодорожных маршрутах и для участия в предполагаемом восстании; гражданский комитет.

Основной идеей базаровской кулацкой организации было образование Сибирской автономной крестьянской советской республики. Как и другие главари кулацких движений, возникавших в 1921 г., Базаров противопоставлял «крестьянские советы» Советам рабочих и крестьянских депутатов. На следствии Базаров лживо заверял, что он стремился «к созданию такой организации, которая путем мирной демонстрации и подачи петиционного

заявления выявила бы правительству нужды и запросы трудящихся масс». Эта демонстрация, по его словам, должна была пройти под лозунгом созыва Учредительного собрания и образования Сибирской автономной крестьянской республики [1]. Когда же его спросили, для чего он создавал военные ячейки, Базаров отвечал, что «на обязанности последних лежало выяснение состава частей и их состояния, выявление местонахождения складов оружия, агитация в частях за добровольную передачу оружия и выработка планов захвата, на случай восстания военных складов, дабы предупредить возможное кровопролитие» [2]. Базаровский лозунг «Автономия Сибири» служил прикрытием действительной цели его организации — свержения диктатуры пролетариата.

Руководителем незнамовской антисоветской группы являлся один из участников ишимско-петропавловского восстания 1921 г., бывший казачий офицер штабс-капитан А. А. Карасевич. После разгрома армии Колчака, в которой он служил подъесаулом, Карасевич занимался некоторое время подпольной антисоветской работой, а затем был на советской службе в Петропавловске. В феврале 1921 г., когда повстанческий отряд, руководимый «главнокомандующим» — полковником Кудрявцевым, занял Петропавловск, Карасевич примкнул к нему и был назначен «помощником главнокомандующего». Затем Карасевич получил от Кудрявцева задание сформировать «независимый особый добровольческий отряд» под названием «отряд атамана Незнамова» и начать вооруженную борьбу в тылу советских войск. Вместе со своим заместителем, офицером Заморским-Дубровиным, имевшим аналогичное задание от Кудрявцева, Карасевич углубился в советский тыл. Вскоре Карасевич приехал в Барабинск и встретился там с эсером А. Окуличем, раньше работавшим информатором при штабе повстанческих войск полковника Кудрявцева. С помощью Окулича он и приступил к выполнению задания.

Вначале ядром создававшейся Карасевичем организации была эсеровская группа: Окулич, Чижевский, Сакш, Островский, Хухарев и Новиков. Но через некоторое время Карасевич приступил к формированию вооруженного отряда. Это дело он поставил на военную ногу: создал штаб-квартиру в Каинске, «штабы пополнения», контрразведку. «Командующий отрядом атаман Не-

---

[1] См. «Обвинительное заключение по делу о базаровско-незнамовской контрреволюционной организации». Новониколаевск, 1923, стр. 12.
[2] Там же, стр. 13.

знамов» (в других случаях он выступал как генерал Белов, доктор Грибоедов, Баратов и т. д.) письменными приказами назначал своих сообщников на различные посты, выдавал назначенным лицам мандаты с печатью. Члены организации Карасевича вербовали сообщников главным образом среди кулаков и духовенства окрестных сел. В организацию вошли: священник церкви села Булатова Чемоданов, священники Сотников, Иванов, Гусев, Рождественский и др. Предполагалось, что восстание начнут крестьяне, а созданные Карасевичем-Незнамовым «штабы пополнения» вольются в движение и придадут ему военный характер, формируя части «особого независимого добровольческого отряда атамана Незнамова». Главари надеялись также, что к восстанию примкнут и остатки банд, действовавших во время ишимско-петропавловского мятежа.

В декабре 1921 г. руководитель барабинской ячейки базаровской группы Дудин информировал Базарова о том, что в Каинском районе действует антисоветская группа Незнамова, «крупного деятеля» петропавловского восстания. В январе 1922 г. Базаров приехал в Барабинск и встретился с членом руководства незнамовской группы Островским. Они договорились о совместной работе обеих групп и в дальнейшем действовали сообща.

Вскоре «атаман Незнамов» назначил вооруженное выступление против Советской власти. Выступление должно было начаться 20 июня 1922 г. в селе Гутово, где находился советский кавалерийский отряд численностью в 65—70 человек. Местному кулаку Нехорошеву, на квартире которого жил командир отряда, было поручено убить командира, а кулацкой повстанческой ячейке — разбить отряд, оставшийся без начальника. После расправы с кавалерийским отрядом один из заговорщиков, бывший офицер Михалевский, должен был произвести спешную мобилизацию окрестных крестьян и явиться на помощь повстанцам, действующим под командованием «атамана Незнамова», для занятия Каинска. Одновременно с выступлением в Каинске намечалось взятие Барабинска. Затем объединившиеся повстанческие отряды, пополнившись за счет мобилизации населения, должны были начать военные действия в сторону Новониколаевска (Новосибирска), Омска, Томска.

Выполняя этот план, вожаки незнамовской группы развернули работу. Всем своим сообщникам Незнамов выдал мандаты о назначении на ответственные должности. Сын мыловаренного заводчика Матюшкин был назначен «начальником северного партизанского отряда», бывший псаломщик Гаркуша — «началь-

ником штаба Каинской группы», бывший офицер Иванов-Боярский — «адъютантом атамана Незнамова», бывший чиновник военного времени Хухарев — «начальником штаба пополнения отряда в Новониколаевской губернии и комендантом г. Новониколаевска», кулак Гилев — «начальником района Булатовской волости», бывший офицер Кондряков — «начальником штаба пополнения в Семипалатинске». Назначения получили и бывшие офицеры Оземковский, Михалевский, Хорошкеев и др. Рядовым участникам заговора через волостных организаторов было приказано явиться в назначенный день с оружием в руках на Громовскую заимку, где будет находиться штаб организации.

Узнав о том, что Незнамов назначил вооруженное выступление, и считая организацию неподготовленной к восстанию, Жвалов-Базаров выехал в Барабинск для переговоров с Незнамовым. Но переговоры не состоялись. В назначенный день, 20 июня 1922 г., в условленном месте собралась группа кулаков. Их было так мало, что о вооруженном выступлении не могло быть и речи. Как отмечается в обвинительном заключении, «выступление не увенчалось даже частичным успехом, исключительно благодаря тому, что вовлеченные случайно в организацию середняцкие элементы в самый решительный момент поняли, что свержение рабоче-крестьянской власти противоречит их насущным интересам, и на открытый конфликт с Советской властью не пошли» [1].

Провал базаровско-незнамовской антисоветской затеи характеризует то новое положение, которое создалось в деревне после введения новой экономической политики. Середняцкие массы, которые еще недавно находились под влиянием кулачества, теперь безвозвратно отходили от кулаков. Попытка вооруженного выступления 20 июня 1922 г. вместе с тем показала и авантюристический характер заговора. Карасевич-Незнамов и Жвалов-Базаров, будучи типичными авантюристами, не брезгали никакими средствами. «Атаман Незнамов» похитил «для пополнения средств организации» 600 млн. рублей из кассы «Сибоблзаготскота», куда он поступил кассиром; вместе с другими соучастниками он убил «неблагонадежного» члена организации Островского; участвовал в покушении на жизнь заведующего барабинской конторой «Заготскот» (который попытался раскрыть уголовные преступления «атамана»), тяжело ранив его; покушался на убийство секретаря булатовской деревенской ком-

---

[1] «Обвинительное заключение по делу о базаровско-незнамовской контрреволюционной организации», стр. 9.

мунистической ячейки, открывшего местопребывание контрреволюционного штаба Незнамова на заимке. После провала вооруженного выступления Карасевич-Незнамов скрылся, но в июле 1922 г. был задержан в Коканде вместе со своим сообщником Матюшкиным.

По делу базаровско-незнамовской организации было арестовано в Новониколаевской и Омской губерниях около 200 человек. 95 активных участников заговора вместе с Жваловым-Базаровым и Карасевичем-Незнамовым предали суду, среди них 25 кулаков и бывших землевладельцев, 21 офицера, 9 священников и дьяконов, 7 представителей сельской интеллигенции и, кроме того, незначительное число служащих и крестьян. Эти данные ясно показывают, на кого опирались заговорщики.

Судебный процесс состоялся 21 апреля — 18 мая 1923 г. в Новониколаевском губернском суде под председательством С. Чудновского, при участии прокурора Сибири П. Алимова и защиты. 20 подсудимых были оправданы, 12 — освобождены от наказания по амнистии, остальные приговорены к разным срокам заключения от 1 до 10 лет, лишь некоторые кулаки и активисты были приговорены к расстрелу.

Крах базаровско-незнамовской авантюры еще раз показал беспочвенность попыток вооруженной борьбы кулаков совместно с белогвардейскими последышами против Советской власти.

8. Разгром басмачества

Еще в 1921 г. басмаческое движение в Туркестане начало спадать. Во главе басмачей Ферганы в то время стоял один из наиболее непримиримых и вероломных вожаков — Курширмат, получавший поддержку от низложенного бухарского эмира Сейид-Алим-хана и англичан. Действовали в этом районе также отряды киргизского курбаши Муэтдина, банда Исраила и др. Они совершали внезапные налеты, непрерывно меняли стоянки, имели хорошую разведку. Поэтому борьба с ними была весьма трудной. Снова встал вопрос о создании воинских частей, знакомых с условиями быта и языком коренного населения.

В апреле 1921 г. на советскую сторону перешел один из вожаков басмачей, Джаны-бек, из отряда которого был сформирован территориальный кавалерийский полк. Учитывая прошлые уроки измены перешедших на советскую сторону басмачей, советское военное командование действовало теперь осмотрительнее.

Летом 1921 г. мирные переговоры начал Курширмат. Вел он их уклончиво. 12 сентября Курширмату было предъявлено ультимативное требование сдать оружие. Он снова уклонился от прямого ответа. И тогда части Красной Армии начали военные действия против его отрядов в Маргелановском районе. Курширмат скрылся в камышах Сырдарьи.

Так же вел себя и киргизский вожак Муэтдин. Он бесконечно вилял во время переговоров с советским военным командованием. Части Красной Армии выступили и против него. Муэтдин оказал упорное сопротивление, но, будучи не в силах выдержать боя, скрылся в горах. В ноябре 1921 г. Курширмат передал командование отрядами Муэтдину, а сам ушел в Восточную Бухару, откуда перебрался в Афганистан.

Зловещую роль в туркестанских событиях сыграл Энвер-паша, зять турецкого султана, бывший военный министр Турции. Этот ловкий авантюрист выдавал себя за представителя турецкого национально-освободительного движения. В 1920 г. он прибыл в Москву, оттуда выехал в Баку на съезд народов Востока, где произносил псевдореволюционные речи. В конце 1921 г. Энвер-паша появился на туркестанской земле. Здесь он выступил как глашатай пантюркизма и панисламизма. Он бредил мечтой создать «Великое мусульманское государство» в составе Турции, Персии, Бухары, Хивы, Афганистана и советских территорий Средней Азии, был связан с афганскими реакционными кругами и английской разведкой.

Проинструктированные Энвером, деятели буржуазно-националистического движения Джанузаков и Абдурашитов создали по его указаниям тайный антисоветский «Комитет национального объединения». Главными деятелями «Комитета» стали ташкентский муфтий[1] Садретдин-ходжа Шарифходжаев, Гариф Каримов, Юсупбек Курбанов, Мухамедяр Мухамед Умаров, Рустамбек Ниязбеков и Абдулладжан Зия Мухамедов. Эта строго конспиративная организация (при вступлении в нее приносилась присяга на Коране и пистолете) строилась на принципе «троек» (каждый ее член должен был завербовать троих) и быстро распространялась по Туркестану.

«Комитет национального объединения» был раскрыт чекистами и частично ликвидирован весною 1921 г. благодаря бдительности семнадцатилетнего сотрудника аулие-атинской уездно-городской чрезвычайной комиссии коммуниста Хамида Расулькариева, которого пытался завербовать руководитель мест-

---

[1] Муфтий — высшее духовное лицо у мусульман.

ной организации «Комитета национального объединения» бывший торговец Шукур Мухамедов. Чекист сообщил о предложении Мухамедова в ЧК и по ее указанию «согласился» вступить в организацию. В течение нескольких месяцев Хамид Расулькариев «работал» в контрреволюционной организации, выведывая ее замыслы.

В марте 1921 г. ташкентский муфтий Садретдин-ходжа Шарифходжаев как руководитель «Комитета национального объединения» написал письма английскому и японскому консулам в Кульдже с просьбой об усилении помощи басмачам (оружием и другими средствами) в борьбе против Советской власти. Эти письма в Кульджу должны были доставить члены организации Каримов и Курбанов. Когда эти лица по пути приехали в Алиэ-Ату, Шукур Мухамедов поручил Хамиду Расулькариеву как «члену организации» помочь приехавшим беспрепятственно добраться до границы. Молодой чекист согласился сопровождать посланцев «Комитета национального объединения», выехал с ними на лошадях, избрав путь мимо здания Чрезвычайной комиссии. У этого здания он остановился, арестовал посланцев «Комитета» и сдал их в ЧК вместе с письмами [1].

«Комитет национального объединения» и после этого частичного провала продолжал подрывную антисоветскую деятельность и являлся опорой Энвер-паши в его авантюрах по Туркестану. В частности, «Комитет» давал указания басмачам, чтобы они содействовали Энверу и объединялись под его руководством.

Осенью 1921 г. Энвер-паша прибыл в Бухару. Здесь в то время басмаческое движение было слабым. Еще в начале 1921 г. отряды бухарского эмира были разбиты частями Красной Армии, а сам Сейид-Алим-хан бежал в Афганистан. Только в Восточной Бухаре орудовали басмачи Ибрагим-бека.

Скрыв свои преступные намерения, Энвер-паша предложил бухарскому советскому руководству услуги в качестве инструктора по формированию национальных частей Красной Армии. Получив такой пост и хорошо изучив обстановку в стране, Энвер-паша бежал из Старой Бухары в Восточную к Данияр-беку, бывшему командующему национальным отрядом армии Бухарского Советского правительства, изменившему Советской власти. Далее Энвер-паша связался с эмиром и предложил ему свои услуги в качестве руководителя войны с Советской Россией.

---

[1] Подробнее об этом см. *Р. Арипов, Н. Мильштейн.* Из истории органов госбезопасности Узбекистана, стр. 143—148.

В конце 1921 г. Энвер-паша стал «главнокомандующим вооруженными силами ислама и наместником эмира Бухарского» (в серебряной печати, заказанной Энвером, была надпись: «Верховный главнокомандующий войсками ислама, зять Халифа и наместника Магомета»). С содействия «Комитета национального объединения» Энвер-паша заключил соглашение с Курширматом, с главарем хорезмских басмачей Джунаид-ханом, другими басмачами и координировал их действия против Красной Армии. Эти события резко усилили антисоветское движение в Средней Азии. Энвер занял почти всю территорию Восточной Бухары, окружил Дюшанбе и после двухмесячной осады занял его.

Решающие бои против банд Энвер-паши начались летом 1922 г. 4 августа вблизи границы Афганистана во время стычки с отрядом 8-й советской кавалерийской бригады Энвер-паша был убит. Командование басмачами перешло к Данияр-беку, который также вскоре был убит. Басмаческое движение пошло на спад и в Бухаре. В 1922 г. чекисты ликвидировали организации «Комитета национального объединения».

В течение 1922 г. в Туркестане на сторону Советской власти перешли 137 курбашей и 2420 рядовых басмачей, сдавших оружие. Большие заслуги в этом принадлежали туркестанским чекистам.

Решительная ликвидация басмачества в Туркестане была осуществлена благодаря проникновению в сознание населения принципов новой экономической политики и осуществления их советскими органами. Хозяйственно-политические мероприятия здесь строились теперь на более внимательном учете национальных особенностей коренного населения, решительной борьбе с остатками колонизаторских пережитков, привлечении к советской работе и к борьбе с басмачами значительных слоев местного населения.

ЦК РКП(б) настойчиво требовал от туркестанских работников тщательного и строгого соблюдения принципов новой экономической политики, призывал к ликвидации в национальном вопросе как пережитков колонизаторства, так и местного национализма. Одним из важных документов, определявших линию Коммунистической партии в этих вопросах, явилось циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 11 января 1922 г. туркестанским коммунистическим организациям. «Вы должны отдавать себе ясный отчет в том,— указывалось в этом документе,— что полное изживание колонизаторского уклона (который есть прямая измена коммунизму и бесстыдное надругательство над

принципами III Интернационала) должно быть и может быть достигнуто сравнительно в наименьший срок и является основой оздоровления национальных отношений и роста доверия трудящихся масс местных наций к Коммунистической партии и Советской власти.

ЦК считает необходимым установить, что эта линия национальной политики в Туркестане ни в какой степени не изменяется так называемым «новым курсом» экономической политики. Глубоко ошибочны и совершенно поверхностны выводы тех товарищей, которые считают, что проведение новой экономической политики в Туркестане должно повести к пересмотру земельной политики Советской власти, например — пересмотру семиреченской земельной реформы, возвратившей киргизскому населению захваченные у него земли; эти выводы — суть старое колонизаторство под новым флагом, совершенно ложно приписывающее Советской власти готовность вернуть киргиза в кабалу фермеру-кулаку. ЦК РКП санкционировал семиреченскую земельную реформу... и не допустит никакого возврата к прошлому, равно как даст беспощадный отпор попытке создать в Туркестане... колонизаторскую фронду национального меньшинства, рассчитывающего на поддержку «центра».

...Одновременно с мерами, направленными к упрочению и расширению рыночного товарооборота, советская экономическая политика в Туркестане должна реализовать меры поддержки трудового землероба и хлопкороба, кустаря, гончара или кожевника и т. п. против торгового капитала, через экономическую поддержку кооперации трудящихся во всех ее видах. Ибо проведение новой экономической политики в Туркестане совершенно не означает предоставления свободного поля действия туземному торговому и денежному капиталу, предоставления ему «права» экономического закабаления и политического подчинения себе трудящихся масс полупролетариев и пролетариев. Органы Советского государства, применяясь к законам рынка, должны экономически связаться с мелкими производителями и, дав им выход, избавляющий их от капиталистической кабалы, найти в них прочную политическую опору, обеспечить в них верных и убежденных союзников партии пролетариата. В частности, новая хозяйственная политика, дополненная усиленной политработой среди узбеков, поможет в Фергане окончательно вырвать почву из-под ног басмачества, являющегося теперь одним из важных факторов хозяйственного разложения» [1].

---

[1] «Образование СССР. 1917—1924 гг.». Сборник документов. М.—Л., 1949, стр. 227—228.

Соблюдение этих указаний ЦК РКП(б), исполнение их сыграли решающую роль в ликвидации басмачества.

10 июня 1922 г. против Муэтдина были начаты военные действия, которые привели к быстрому разложению его отрядов и вызвали волну сдач частям Красной Армии как отдельных басмачей, так и целых их групп. Муэтдин был взят в плен и предан суду.

В сентябре 1922 г. Военно-революционный трибунал Туркестанского фронта под председательством П. А. Камерона при огромном стечении населения рассмотрел дело о преступлениях Муэтдина и семи его ближайших сообщников.

Присутствовавший на суде участник борьбы против басмачей Шацилло написал в свое время репортаж, который ярко отражает перемену отношений местного населения к преступлениям басмачей.

«Громадный двор мечети Азрет в городе Оше. Тысячная толпа. Здесь и местные жители, здесь и приехавшие за сотни верст любопытные и делегаты; каждый стремится пробраться вперед и увидеть, хоть на один момент, скамью подсудимых, на которой сидит царек Ошского района Муэтдин, или, как он именовал себя, Эмир-ляшкар-баши Муэтдин-катта-бек Усман Алиев, что в переводе значит: Верховный главнокомандующий, непобедимый Муэтдин, большой господин Усман Алиев.

Вокруг Муэтдина — ближайшие помощники его. Здесь и известный палач Камчи Темирбаев...

Путем жесточайшего, невиданного террора осуществлял Муэтдин господство над дехканством Ошского района. Десятками насчитываются его кровавые подвиги и тысячами — жертвы. Недаром же матери пугали его именем своих детей, недаром даже здесь, на суде, бледнели и шарахались в сторону свидетели от одного его взгляда.

Несколько дней тянулись свидетельские показания. Свидетели — живые страницы жуткой летописи о кровавом разгуле. Вот толстый арбакеш. Он вез, под охраной 45 красноармейцев, транспорт.

— В транспорте,— рассказывает он,— было до шестидесяти человек граждан; среди них были женщины и дети. По нашим законам беременная женщина считается святой. Но для Муэтдина нет ничего святого — он уничтожал всех. Беременным женщинам вскрывали животы, выбрасывали плод и набивали животы соломой. Детям разбивали головы о колеса арб или устраивали из них козлодранье, и они разрывались на части. Красноармейцев сжигали на костре...

Все можно прочитать на лице Муэтдина, но только не раскаяние.

— Ты показываешь против меня,— перебивает Муэтдин,— меня расстреляют, ну, а куда ты денешься от меня на том свете? Я тебе там покажу!

Появляются новые свидетели, и все твердят одно: если власть не расстреляет бандита, они покинут свои места и уйдут в Мекку. Десятками поступают приговоры от населения.

Вот мальчик лет 11—12. Со слезами и дикой злобой кричит он в лицо палачу:

— Ты зарезал моего отца, я это видел сам.

— Врешь,— отвечает басмаческий вождь,— он сам себя зарезал нечаянно ножом.

Свидетель, старик мулла, картинно поднимает руки к небу и воздает молитву к своему богу за справедливый пролетарский суд. И, как по команде, тысячи голосов присоединяются к его молитве и тысячи глаз устремляются к небу.

Долгими, несмолкаемыми аплодисментами встречается речь обвинителя, требующего расстрела для Муэтдина и его приближенных. Протестующие крики и угрозы несутся по адресу защитника, просящего о снисхождении. Защитник теряется.

Приговор мог быть только один. Муэтдин и семь его помощников приговорены к расстрелу» [1].

Туркестанскими военно-революционными трибуналами в декабре 1922 г. были рассмотрены дела главаря узбекских басмачей Рахманкула и десяти его сподвижников, орудовавших в районе Старого Коканда; крупной банды басмачей (54 человека) Маргеланского уезда. Главари были расстреляны, активные участники преступлений осуждены к лишению свободы на разные сроки, а дехкане, вовлеченные по несознательности в банды, освобождены от наказания.

Большое значение в борьбе с басмачеством имела правильная национальная политика Советской власти. В конце 1924 г. в Туркестанском крае были образованы Киргизская и Казахская автономные, Узбекская и Туркменская союзные республики. Местное население все более вовлекалось в управление страной. Советское правительство оказывало и экономическую помощь населению. В 1923 г. в Фергану было завезено большое количество хлеба, необходимого дехканам для перехода от посева пшеницы к посеву хлопка; много промышленных товаров;

---

[1] «Боевые эпизоды». Басмачество в Фергане и Хорезме. Сборник материалов. Москва — Ташкент, 1934, стр. 46—47.

выданы семенные и денежные ссуды; отпущены значительные средства на ирригацию. Дехкане принялись за восстановление разоренного хозяйства.

Но непримиримые элементы басмачества в ответ на это стали расправляться с населением. Один из курбашей Маргеланского района, Умар Али, в «наказание» за то, что дехкане посеяли хлопок, вырезал в одном из кишлаков 54 человека, пригрозив в случае повторения посева хлопка «построить священный курган из голов жителей». Борьба басмачей против Советской власти превращалась в борьбу против трудового населения. Басмачи теряли связи с населением. Они не могли уже скрываться в кишлаках и окончательно превратились в разбойников, нарушающих мирную жизнь страны. Даже среди басмачей начались расколы.

В 1923 г. Маргеланский, Андижанский, Кокандский, Наманганский районы Ферганы были очищены от банд. Сдались и были захвачены в плен такие крупные главари басмачей, как Баястан, Исламкуль, Аман-Палван, Казак Бай и др. Они были преданы суду.

Военно-революционный трибунал приговорил Аман-Палвана и его помощника Хаким-бая Авибаева к расстрелу.

За девять месяцев 1923 г. басмачи Ферганы потеряли 320 курбашей и около 3200 басмачей, из них добровольно сдались 175 курбашей и 1477 басмачей. Кроме того, было изъято много оружия и боеприпасов.

Были ликвидированы и другие очаги басмачества в Средней Азии, в частности в районе Локайя (входившего ранее в Восточную Бухару). Здесь на смену Энвер-паше пришел снова Ибрагим-бек, назначенный бухарским эмиром «главнокомандующим войсками ислама».

В районе г. Куляб весной 1923 г. появился новый авантюрист — турецкий офицер Селим-паша, принявший под свое командование остатки энверовских банд в районе левобережья реки Вахш. Селим-паша заключил соглашение о совместных действиях с Ибрагим-беком, установил связи с ферганскими басмачами и начал военные действия. Вооружение и боеприпасы он получал из английских источников. Селим-паше удалось осадить и занять г. Куляб, но его оттуда выбили, и он вынужден был перейти на правый берег реки Вахш. В мае 1923 г. части Красной Армии принудили Селим-пашу бежать в Афганистан. После этого были разгромлены и банды Ибрагим-бека, который, однако, еще долго скрывался в малодоступных горных районах Таджикистана. В 1926 г. бандам Ибрагим-бека было нанесено

решительное поражение. В июне 1926 г. он также бежал в Афганистан [1].

Организованному басмаческому движению был положен конец.

9. Авантюра грузинских «паритетчиков»

25 февраля 1921 г. грузинские трудящиеся при помощи Красной Армии Советской России свергли меньшевистско-националистическое правительство Ноя Жордания и установили в Грузии рабоче-крестьянскую власть. Грузинский народ получил подлинную свободу и национальную независимость. Среди безземельных и малоземельных крестьян было распределено свыше 250 тыс. десятин пахотной земли, инвентарь и постройки, изъятые у местных князей-помещиков и торговцев. Материальное положение рабочего класса улучшалось. Господствовавшая ранее в стране партия грузинских меньшевиков (самая крупная группа меньшевиков в бывшей Российской империи) потеряла свое влияние. Состоявшийся в Тбилиси 25—30 августа 1923 г. Всегрузинский съезд меньшевиков, представлявший 11 235 членов партии, объявил о ликвидации меньшевистской партии Грузии и призвал к поддержке Советской власти. В обращении съезда говорилось: «Сопоставив поведение меньшевистского правительства в Грузии с поведением сменившего его Советского правительства, мы убедились, что первое загоняло пролетариат под ярмо буржуазии, а второе выводит его на широкую дорогу к социализму. Поэтому, и только поэтому, мы решили покинуть ряды меньшевистской партии». В течение 1923 г. из меньшевистской партии Грузии ушло около 17 тыс. рабочих и крестьян. На стороне бывшего ЦК меньшевиков осталось примерно 2 тыс. человек, главным образом выходцев из дворянских и буржуазных кругов [2].

Между тем лидеры обанкротившегося меньшевистско-националистического движения не примирились с поражением. Они эмигрировали за границу, образовали там «грузинское правительство в изгнании» (в него входили Ной Жордания, Ной Рамишвили, Ираклий Церетели и др.) и попытались из-за грани-

---

[1] Бандитская деятельность Ибрагим-бека продолжалась вплоть до июня 1931 г., когда наконец он был пойман дехканами и отрядом войск ОГПУ.

[2] См. *И. Я. Трифонов.* Конец мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров.— «Ученые записки Ленинградского государственного университета», вып. 30. Л., 1959, стр. 164—165.

цы организовать борьбу с Советской властью под флагом борьбы за «независимость Грузии». Они создавали нелегальные заговорщические группы, поддерживали бандитские шайки в советском тылу и готовили контрреволюционный переворот. Главную надежду они возлагали на помощь «союзников» — правительств западноевропейских буржуазных государств, призывая их к интервенции против Советской страны.

В течение 1922—1924 гг. заговорщикам удалось кое-где (в Сванетии, Гурии) спровоцировать кулацкие выступления. Скрывавшиеся в лесах и горах шайки бывшего полковника Какуцо Чолокашвили, Манцкава и других вожаков бандитизма, связанных с националистами, совершали отдельные налеты и мешали советскому строительству в стране.

В августе 1922 г. остатки пяти грузинских партий — социал-демократов (меньшевиков), национал-демократов, социалистов-федералистов, независимых социал-демократов и эсеров — заключили соглашение о создании единого фронта в борьбе за «независимость Грузии». Соглашение состояло из пяти пунктов: 1) партии объединяются для того, чтобы общими силами бороться за «независимость Грузии»; 2) после свержения Советской власти в Грузии должно быть созвано Учредительное собрание, которому дадут отчеты в своей деятельности как правительство, находящееся за границей, так и то, которое будет образовано в переходное время; 3) на заседании Учредительного собрания будет организовано новое правительство на коалиционных началах, причем ни одна партия не имеет права занять в нем более одной трети мест; 4) избирается паритетная комиссия для разбора деятельности прежнего правительства; 5) для руководства подготовкой и проведением восстания образуется на паритетных началах «Комитет независимости Грузии».

Образованный таким путем «Комитет независимости Грузии», или, как его называли еще «Паритетный комитет», руководил организацией на территории Советской Грузии заговорщических групп, занимавшихся подготовкой мятежа и разведывательной работой. Шпионские сведения о состоянии Красной Армии, добываемые этими группами, переправлялись за границу. Во главе «Комитета независимости» в 1922 г. был поставлен командированный в Грузию из-за границы член ЦК партии грузинских меньшевиков, бывший министр земледелия меньшевистского правительства Ной Хомерики.

Грузинская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией в течение 1922—1924 гг. вела непрестанную борьбу как с бандами, действовавшими в стране, так и с «паритетчи-

ками[1]. Время от времени чекисты задерживали активистов «Комитета независимости» и наносили удары по их организациям.

Летом 1924 г. Чрезвычайной комиссии удалось арестовать часть лидеров «Комитета независимости», в том числе его председателя Ноя Хомерики и члена ЦК меньшевиков Бения Чхиквишвили.

У Бения Чхиквишвили было обнаружено письмо Ноя Жордания, который из-за границы давал «советы» «Комитету независимости». Он, между прочим, писал: «Конечно, оно (восстание.— *Д. Г.*) не может осуществиться вооруженной борьбой только грузин... Выступление же в Закавказском (с Дагестаном) масштабе обязательно приведет к победе, если это выступление будет производиться общими силами. Русские цари только с Дагестаном вели борьбу более 30 лет. А сколько лет понадобится большевикам, чтобы вести борьбу не с одним Дагестаном, а с целым Закавказьем, легко представить. Перенос военной базы на Кавказский хребет и укрепление там всеми нашими вооруженными силами — залог нашей победы. Только в этом случае Европа обратит на нас серьезное внимание и окажет помощь»[2].

6 августа 1924 г. Грузинская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией задержала прибывшего из-за границы члена ЦК партии грузинских меньшевиков, бывшего командира «преторианской» контрреволюционной «народной гвардии» меньшевистского правительства Валико Джугели, руководившего теперь непосредственной подготовкой восстания.

Находясь под стражей, Джугели убедился, что в распоряжении Чрезвычайной комиссии имеются подробные данные о деятельности «Комитета независимости». Он понял, что готовящаяся авантюра обречена на провал. Тогда он попросил работников ЧК дать ему свидание с меньшевиками, через которых он мог бы передать письмо участникам заговора. Он обещал посоветовать им отказаться от выступления, грозящего национальной катастрофой.

Чекисты приняли предложение Джугели, и последний 12, а впоследствии и 26 августа написал из заключения письма

---

[1] Грузинская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, организованная в марте 1921 г., продолжала свою работу и в 1924 г., когда в других местностях Советского Союза чрезвычайные комиссии уже были ликвидированы и заменены ГПУ.

[2] Приведено в брошюре М. Кахиани «Меньшевики за работой». Тифлис, 1924, стр. 17—18.

«Комитету независимости», в которых предлагал отказаться от вооруженного выступления. Одно из писем было опубликовано в газетах.

Джугели писал своим сообщникам, что не малодушие и не трусость привели его к отказу от борьбы, а безнадежность задуманного предприятия. «Я испытал на себе,— писал Джугели,— страшное влияние воздуха Чека, и я понял, что вся сила этого воздуха состоит в том, что именно здесь ближе знакомишься с обратной стороной нашей работы, со всеми теневыми ее сторонами» [1].

Между тем в связи с арестом Джугели, в руках которого сосредоточивались нити заговора, оставшиеся на свободе заговорщики вынуждены были отложить намеченное на 15 августа выступление. Но потом, получив письма Джугели, они не поверили им и все же решили начать восстание 28 августа 1924 г.

В этот день, на рассвете, небольшая группа вооруженных заговорщиков во главе с князем Георгием Церетели захватила город Чиатуры и образовала «Временное правительство Грузии». Уже на второй день, когда советские отряды приблизились к городу, мятежники и их «правительство», просуществовавшее всего 22 часа, бежали.

В село Приют ворвались 60 всадников из банды Какуцо Чолокашвили. Они окружили сельский Совет, открыли стрельбу, ранили нескольких человек и разграбили местный цейхгауз. Назначенный «временным комендантом», Чиковани издал приказ, в котором писал: «Каждый гражданин села Приют должен соблюдать тишину и скромность по отношению к войскам Какуцо Чолокаева... В случае, если кто-нибудь окажет содействие Советскому правительству и будет начинать или принимать активное участие против войск Чолокаева, тот будет предан полевому суду...»

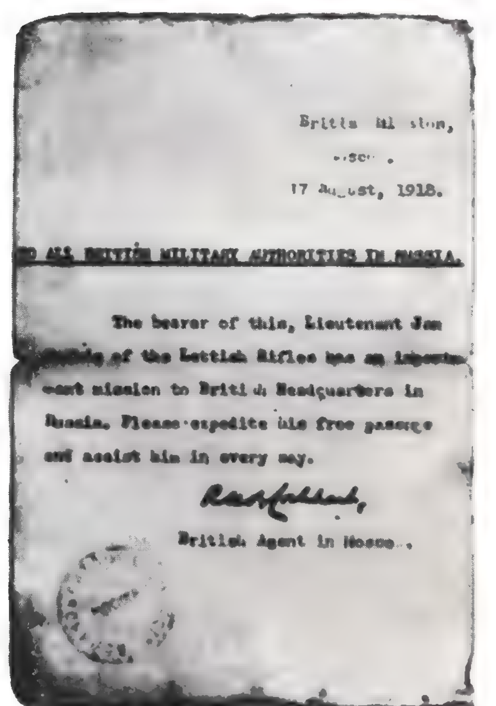
В Сенакском уезде мятежники заняли на 1—2 дня города Сенаки, Абашу и ряд деревень. Гражданскую власть в Сенаки поделили между собой местные богатеи — братья Каландарашвили и Шалва Иоселиани, начальником военного штаба был назначен бывший царский офицер Лахшия. Приступая к «реформам», мятежники сразу же обнаружили помещичьи, буржуазные цели своего движения: они восстанавливали дореволюционные учреждения, возвращали национализированные дома,

---

[1] См. *М. Кахиани.* Меньшевики за работой. Тифлис, 1924, стр. 17—18.

Я. Я. Буйкис, чекист.

British Mission,

Moscow.

17 August, 1918.

TO ALL BRITISH MILITARY AUTHORITIES IN RUSSIA.

The bearer of this, Lieutenant Jan [illegible] of the Lettish Rifles has an import- ant mission to British Headquarters in Russia. Please expedite his free passage and assist him in every way.

British Agent in Moscow.

Удостоверение, выданное Локкартом Я. Буйкису для связи с английским военным командованием в Архангельске.

№ 119.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О ЛИКВИДАЦИИ ЗАГОВОРА ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, РУКОВОДИМОГО АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ В МОСКВЕ

2 сентября 1918 года

Сегодня, 2 сентября, ликвидирован заговор, руководимый англо-французскими дипломатами, во главе с начальником британской миссии Локкартом, французским генеральным консулом Гренаром, французским генералом Лявернои и др., направленный на организацию захвата при помощи подкупа частей Советских войск Совета Народных Комиссаров и провозглашения военной диктатуры в Москве.

Вся организация, построенная по строго заговорщическому типу, действовавшая подложными документами и подкупами, раскрыта.

Между прочим найдены указания, что в случае удавшегося переворота должны были бы быть опубликованы поддельная тайная переписка русского правительства с правительством Германии и сфабрикованы поддельные договоры, в целях создания подходящей атмосферы для возобновления войны с Германией.

Заговорщики действовали, прикрываясь дипломатическим иммунитетом (неприкосновенностью) и на основании удостоверений, выдававшихся за личной подписью начальника британской миссии в Москве г. Локкарта, многочисленные экземпляры которых имеются ныне в руках Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Установлено, что только через руки одного из агентов Локкарта лейтенанта английской службы Рейли за последние полторы недели прошло 1 200 000 рублей на подкуп.

Заговор обнаружен благодаря стойкости тех командиров частей, к которым заговорщики обратились с предложением подкупа.

На конспиративной квартире заговорщиков был арестован один англичанин, который после того, как был доставлен в Чрезвычайную Следственную Комиссию, назвал себя английским дипломатическим представителем Локкартом.

После установления личности арестованного Локкарта он был немедленно освобожден.

Следствие энергично продолжается.

«Известия» № 189 (453) от 3 сентября 1918 г.

Официальное сообщение о ликвидации заговора против Советской власти.

Э. Берзинь, командир дивизиона латышских стрелков.

В. Володарский, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации.

М. С. Урицкий, председатель Петроградской чрезвычайной комиссии.

ВСѢМ СОВѢТАМ

РАБОЧИХ КРЕСТ., КРАСНОАРМ. ДЕПУТ.

ВСѢМ АРМІЯМ, ВСѢМ, ВСѢМ ВСѢМ.

Нѣсколько часов тому назад совершено злодѣйское покушеніе на тов. ЛЕНИНА. Роль тов. Ленина, его значеніе для рабочаго движенія Россіи, рабочаго движенія всего міра извѣстны самым широким кругам рабочих всѣх стран.

[illegible]

ПРИЗЫВАЕМ ВСѢХ ТОВАРИЩЕЙ К ПОЛНЕЙШЕМУ СПОКОЙСТВІЮ, К УСИЛЕНІЮ СВОЕЙ РАБОТЫ ПО БОРЬБѢ С КОНТР-РЕВОЛЮЦІОННЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ.

НА ПОКУШЕНІЯ, НАПРАВЛЕННЫЯ ПРОТИВ ЕГО ВОЖДЕЙ, РАБОЧІЙ КЛАСС ОТВѢТИТ ЕЩЕ БОЛЬШИМ СПЛОЧЕНІЕМ СВОИХ СИЛ, ОТВѢТИТ БЕЗПОЩАДНЫМ МАССОВЫМ ТЕРРОРОМ ПРОТИВ ВСѢХ ВРАГОВ РЕВОЛЮЦІИ.

[illegible]

Спокойствіе и организація! Всѣ должны стойко оставаться на своих постах! Тѣснѣе ряды!

Предсѣдатель В. Ц. И. К. Я. Свердлов.

[illegible]

Обращение ВЦИК в связи с покушением на В. И. Ленина 30 августа 1918 г.

Постановление Совета Народных Комиссаров.

О КРАСНОМ ТЕРРОРЕ.

(Собр. Узак. № 65, ст. 710).

Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой Комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и приступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответетвенных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстреляных, а также основания применения к ним этой меры.

Подписали: Народный Комиссар Юстиции *Д. Курский*. Народный Комиссар по Внутренним Делам *Г.Петровский*. Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров *Вл. Бонч-Бруевич*.

5 сентября 1918 г.

Распубликовано в № 195 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 10 сентября 1918 года.

Постановление Совета Народных Комиссаров.

КРАСНЫЙ ТЕРРОР.

В отвѣтъ на покушеніе на тов. Ленина и убійство тов. Урицкаго в цѣлом рядѣ городов Чрезвычайными Комиссіями выпущены предупрежденія, что при малѣйшей попыткѣ кого либо посягнуть на власть рабочих и крестьян желѣзная диктатура пролетаріата отбросит свое великодушіе к своим врагам. Ниже мы печатаем одно из таких предупрежденій, выпущенное, Торжской Чрезвычайной Комиссіей:

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Всѣм гражданам города Торжка и уѣзда.

Наемники капитала направили руку на вождей Россійскаго пролетаріата. — В Москвѣ ранен Предсѣдатель Совѣта Народных Комиссаров Владимир Ленин, — в Петроградѣ убит тов. Урицкій.—Пролетаріат не должен допустить, чтобы его вожди умирали от злодѣйских грязных рук наймитов контр-революціонеров и на террор должен отвѣтить террором. За голову и жизнь одного из наших вождей должны слетѣть сотни голов буржуазіи и всѣх ея приспѣшников. Доводя об этом до всеобщаго свѣдѣнія граждан города и уѣзда, Новоторжская Чрезвычайная Комиссія увѣдомляет, что ею арестованы и заключены в тюрьму—как заложники—поименованные ниже представители буржуазіи и их пособники: правые эсеры и меньшевики. При малѣйшем контр-революціонном выступленіи, направленном против Совѣтов, при всяком покушеніи на вождей рабочаго класса—эти лица Чрезвычайной Комиссіей будут немедленно *разстрѣляны.*

Объявление Новоторжской чрезвычайной комиссии, опубликованное в «Еженедельнике ВЧК» № 1 от 22 сентября 1918 г.

В. Р. Менжинский, член коллегии ВЧК.

В. Н. Манцев, председатель Московской губернской чрезвычайной комиссии.

БЕРЕГИТЕСЬ ШПИОНОВ!

Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их.

Железнодорожные работники и политические работники во всех без из'ятия воинских частях в особенности обязаны удвоить предосторожности.

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с Ч. К., с надежнейшими, с опытнейшими товарищами из Советских работников.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны **В. Ульянов (Ленин).**

Наркомвнудел **Ф. Дзержинский.**

«Берегитесь шпионов!»

Е. Г. Евдокимов, заведующий Особым отделом ВЧК.

И. И. Шварц («товарищ Семен»), первый председатель Всеукраинской чрезвычайной комиссии.

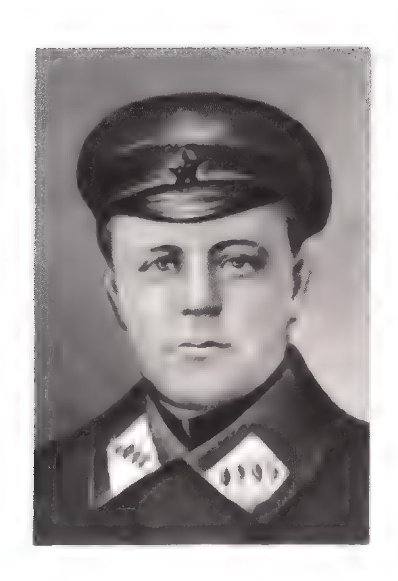
В. М. Примаков, командир Червонного казачества.

Записка Ф. Э. Дзержинского о раскрытии разведывательной организации антоновцев.

И. П. Павлуновский, полномочный представитель ВЧК по Сибири.

И. В. Кравченко-Пахомов, заместитель председателя Киевской губернской чрезвычайной комиссии.

К. М. Карлсон, член коллегии «Цупчрезкома» Украины.

С. А. Бергавинов, начальник Черкасской уездной чрезвычайной комиссии.

Коллегия ВЧК в 1919 году.

Д. И. Курский, народный комиссар юстиции в 1920 г.

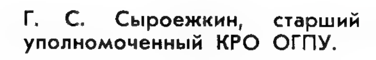

А. Х. Артузов, начальник контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ.

Сотрудники ОГПУ, проводившие операцию по поимке Б. В. Савинкова:

Р. А. Пиляр, заместитель начальника КРО ОГПУ.

Г. С. Сыроежкин, старший уполномоченный КРО ОГПУ.

Б. Савинков перед судом Военной коллегии Верховного суда СССР. Август 1924 г.

предприятия и земли бывшим владельцам. Духовенство служило молебны о «даровании» победы мятежникам.

Антисоветские выступления незначительных групп имели место также в Саберинском уезде, где во главе мятежников стоял бывший князь Чхотуа, в Шарапанском, Зугдидском и Душетском уездах. В городе Батуме Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией удалось еще до начала выступления арестовать местный подпольный «Паритетный комитет» во главе с членом ЦК партии меньшевиков Миха Сабашвили и «командующим вооруженными силами» генералом Соломоном Каралашвили.

В целом выступление вылилось в авантюру, не имевшую поддержки в массах. Рабочий класс Грузии отнесся к мятежникам резко враждебно. На предприятиях городов проходили многолюдные митинги протеста. Крестьянство Грузии в первый же день антисоветских выступлений убедилось в том, что главную роль в них играют бывшие помещики, дворяне, князья, торговцы, генералы и офицеры, а также уголовные бандиты, скрывавшиеся в лесах. С этими элементами крестьянству было не по пути. Поэтому почти повсеместно, за редкими исключениями (например, в Гурии), крестьяне выражали недовольство нарушением мирной жизни страны и не поддерживали мятежников. В ряде мест (Талавском, Сигнахском, Сенакском и других уездах) крестьяне выступили против князей и дворян.

Наконец, против восстания выступило население национальных автономных областей Грузии: абхазцы, осетины, аджарцы. 1500 крестьян-аджарцев с оружием в руках охраняли советские границы с Турцией на случай возможного нападения оттуда. Абхазские крестьяне помогали красноармейским отрядам в борьбе с повстанцами в Зугдидском и Горийском уездах. В Ахалцихском уезде свыше 1000 крестьян разных национальностей встали на защиту Советской власти.

Серго Орджоникидзе говорил: «То, что сделано в продолжение трех с половиной лет для культурного и экономического возрождения Грузии, свидетельствует о том, что Россия является нашим бескорыстным союзником и другом. Работа, проделанная в течение трех с половиной лет, доказала грузинскому крестьянину и рабочему, что защита его интересов, как национально-культурных, так и экономических, лучше всего возможна в Союзе Советских Социалистических Республик. Это было причиной того, что грузинские рабочие и крестьяне не пошли за меньшевиками и национал-демократами. Не меньшее значение имело и то, что грузинские крестьяне и рабочие сразу почувст-

вовали и увидели, что, если восстановится меньшевистский строй, тогда сейчас же начнется национальная война между грузинами и армянами, между грузинами и татарами, между осетинами и грузинами, между абхазцами и грузинами и т. д. Эта борьба имела место при меньшевиках. Недаром вооружились аджарские крестьяне в количестве 1500 человек, недаром поднялись Абхазия и Осетия, недаром взял в руки оружие ахалцихский крестьянин. Они вооружились для защиты Советской власти, ибо меньшевизм несет за собой междунациональную ненависть и истребление» [1].

31 августа 1924 г. Коллегия Чрезвычайной комиссии Грузии объявила: «Подпольный центральный комитет меньшевиков и другая белогвардейская организация, известная под именем «Паритетного комитета Грузии», в центре всей своей деятельности за три с лишним года существования в Грузии советского режима ставили вопрос о вооруженном восстании в целях свержения Советской власти. Из документов, захваченных у Ноя Хомерики, Г. Папава, Цинамдзгвершвили, стало совершенно очевидно, что меньшевики и другие бандитские партии окончательно избрали этот авантюристический путь. Отобранное при аресте Б. Чхиквишвили директивное письмо Ноя Жордания с призывом к восстанию и письмо Валико Джугели указывают на то, что меньшевики перешли к реальной подготовке в ближайшее время бандитских выступлений против Советской власти в Грузии. До последнего времени Чрезвычайная комиссия Грузии все же полагала, что контрреволюционные партии (меньшевики, нац.-демократы, правые федералисты и пр.) не решатся приступить к осуществлению своих планов вследствие явной несостоятельности подобных авантюр. Но события последних дней, когда меньшевистские бандиты совместно с князьками, дворянами, генералами и купцами произвели вооруженное выступление в Чиатурах и в некоторых других пунктах Грузии, показывают, что нет границы поползновениям контрреволюционеров и что самая суровая расправа со стороны органов пролетарской власти с преступниками, ввергающими трудовые массы в кровавую авантюру, способна предотвратить страну от повторения этих безумных попыток. Поэтому Чрезвычайная комиссия Грузии постановляет... организаторов восстания против пролетариата и непримиримых врагов рабоче-крестьянской власти предать высшей мере наказания — расстрелу».

---

[1] «Заря Востока», 7 октября 1924 г.

На основании этого постановления были расстреляны 44 активиста заговора, из коих 17 бывших князей и помещиков и 18 участников банды Чолокашвили, занимавшихся убийствами и грабежами [1].

4 сентября 1924 г. работники ЧК выследили и арестовали председателя «Комитета независимости» князя Коте Андроникашвили, секретаря «Комитета» члена ЦК партии национал-демократов князя Ясена Джавахишвили, скрывавшихся в Шио-Мгвимском монастыре (Мцхете), а также членов «Комитета» от партии правых эсеров Михаила Бочаришвили, члена ЦК меньшевиков Г. Джинория и члена ЦК национал-демократической партии Михаила Ишхнели.

Это были руководители восстания. 5 сентября 1924 г. они выступили с таким заявлением, опубликованным в газетах: ««Комитет независимости Грузии», ставя себе целью восстановление независимости Грузии, был уверен, что он сможет для этой цели подготовить и осуществить вооруженное выступление грузинской нации. Для этой цели «Комитет независимости» при посредстве представленных в нем партий в течение нескольких лет вел соответствующую работу и вооружал отряды. С другой стороны, при посредстве заграничного бюро он стремился к созданию в западноевропейских государствах — и в особенности во Франции и Англии — соответственных условий для получения помощи.

Но наша надежда не оправдалась, в результате чего мы понесли поражение. Массовое организованное выступление, которого мы ожидали, не состоялось; широкие народные массы нас не поддержали, и мы остались только с теми активными силами, которые были набраны в верхних слоях нации и большей частью скрывались в лесах.

Наше выступление фактически против нашей воли превратилось в авантюру, за которой, естественно, последовали репрессии власти, ответственность за каковые всецело падает на нас. Признавая свою ошибку в подготовке этого выступления, «Комитет независимости» объявляет, что с сегодняшнего дня продолжение вооруженной борьбы против Советской власти является совершенно лишенным всякой перспективы и гибельным для грузинской нации. Ввиду этого «Комитет независимости» предлагает всем входящим в него партиям и всем вооруженным отрядам, которые рассеялись по разным уголкам Грузии, и в их числе отряду Какуцо Чолокашвили, немедленно отказаться от

---

[1] См. «Заря Востока», 31 августа и 2 сентября 1924 г.

выступлений против правительства, распустить всецело все вооруженные силы, сдать правительственным органам оружие и покорностью постараться уменьшить то величайшее несчастье, которое наше выступление обрушило на голову грузинского народа. С сегодняшнего дня мы объявляем распущенным «Комитет независимости» как в центре, так и на местах» [1].

Это было публичное признание краха «Комитета независимости» и поднятого им восстания.

Показания арестованных руководителей восстания ярко раскрыли его авантюристический, «бутафорский», как тогда говорили, характер. Член ЦК национал-демократической партии М. Ишхнели, рассказывая о силах, на которые рассчитывали главари движения, показывал: «Бения Чхиквишвили привез нам (из-за границы.— *Д. Г.*) следующие конкретные сведения, сообщенные нам через Ясона Джавахишвили: Эррио, Ренодель и другие члены французского правительства в личной беседе с Церетели обещали нам помощь... Заграничное бюро сообщало: если Франция помогает Румынии и Польше, она поможет и нам. В 1923 г. мы получили письмо от Александра Асатиани, предлагавшего нам взрывать мосты, полотно железной дороги и прочее, чтобы создать в Европе впечатление восстания. Три месяца тому назад Давид Вачнадзе сообщал, что спустя две недели после восстания мы получим оружие и деньги». Надежды на военную помощь из-за границы не оправдались. Мятежники получили лишь некоторую сумму денег из Франции. Но это не могло повлиять на развитие событий.

Не оправдались также надежды грузинских мятежников на помощь других народов Кавказа.

Тот же М. Ишхнели от имени «Комитета независимости» вел переговоры с контрреволюционными националистическими элементами Азербайджана, Дагестана, Северного Кавказа о совместных действиях. Но и это оказалось бесплодной затеей.

Вот как он описал свою беседу в Гудермесе с одним из главарей горских националистов, Али Митаевым:

« — Какие силы можете вы выставить,— спрашиваю я,— в том случае, если мы выступим?

Задумавшись немного, он ответил, что могут вывести до двух тысяч человек.

— А мы получили сведения в Грузии (об этом сообщал Цинамдзгвершвили), что вы можете вывести девять тысяч вооруженных людей, частью конницей, частью пехотой.

---

[1] «Заря Востока», 6 сентября 1924 г.

— Нет, в первый день мы сможем вывести две тысячи человек. Это много значит...

Председатель меджилиса говорит мне:

— Вы хорошо знаете, в случае начала восстания неисчислимые русские войска будут напирать на нас и задавят нас, если не получим соответствующую поддержку войсками от Грузии и Азербайджана. Мы в первое время больше тысячи пятисот человек не можем вывести, а увеличение или уменьшение этого количества зависит от поражения или победы. Кроме того, у нас оружие есть, но патронов нет, мы надеемся получить их в Грузии.

Так рассуждали почти все. Вы представляете, в какое положение мог стать я, выслушав вышеуказанное. Мне оставалось только сказать, что я доктор, не военное лицо и что это дело специалиста. Для меня было бесспорно, что они не хотели восстания...»

Интересны показания того же Ишхнели и о переговорах, какие он вел с представителями контрреволюционного казачества.

«На заседании присутствовал вызванный из гор представитель терского казачества, полковник, не то генерал — Федюшкин. Обращаясь к нему, я сказал:

— Будем откровенны. Мы хотим независимости Грузии так же, как Горская республика и Азербайджан. Вы же, свергнув большевиков, пойдете против нас же, как мы полагаем. Можете ли вы поручиться, что после победы казачество не пойдет против нас?

Федюшкин ответил, что не политик, а старый солдат, сначала убьем медведя, а потом будем делить шкуру» [1].

Грузинские заговорщики решились выступить в одной Грузии, не дожидаясь «союзников» из других местностей Кавказа. И они вновь просчитались, теперь уже в подсчете своих собственных сил.

Председатель «Комитета независимости» Коте Андроникашвили рассчитывал выставить в Западной Грузии около 3 тыс. бойцов. В Восточной Грузии Какуцо Чолокашвили обещал двинуть против Советской власти 600 вооруженных людей. Фактически же в Западной Грузии выступили незначительные силы, а у Чолокашвили вместо 600 человек оказалось всего 60 бандитов.

Андроникашвили вынужден был на следствии сказать:

«Я убеждаюсь теперь, мы потерпели поражение также по-

---

[1] «Заря Востока», 7 октября 1924 г.

тому (помимо того, что не поддержала «пассивная» Восточная Грузия и Тифлис молчал), что имели преувеличенное представление о своих силах и душевном настроении народа в нашу пользу» [1].

А вот как характеризовал деятельность «высшего командования» мятежников член «Комитета независимости» Михаил Бочаришвили.

«Последнее заседание «Паритетного комитета»,— показывал он,— состоялось 18 августа, когда и было назначено время восстания — 2 часа ночи 28 августа. Чолокашвили было поручено взять Манглис и разоружить находившиеся там войска. Полковник Цагурия должен был захватить артиллерийский лагерь в Вазнани, где, как известно, находилась вся закавказская артиллерия, а потом, после разоружения этих частей, двинуться на Тифлис. Лошкаришвили было поручено захватить Гори и Ахалкалаки. Сам же «Паритетный комитет» взял на себя высшее руководство. «Паритетный комитет» перешел в Шио-Мгвимский монастырь для того, чтобы руководить оттуда восстанием...

Коте Андроникашвили и Джавахишвили вышли из города 24-го. То же самое решил сделать и я 26 августа, так как проживал легально. Я отправился в Мцхет, где меня встретил проводник, доставивший меня к Андроникашвили и Джавахишвили. Там же я нашел Шалву Амираджиби и Давида Ониашвили. При нас находилась стража из 5 человек.

28 августа к нам явился курьер от Лашкарашвили с сообщением, что последний готов для занятия Гори и Ахалкалаки. Мы отдали распоряжение о наступлении на Гори. В тот же день явился человек из Манглийского района от Чолокашвили, сообщившего, что вместо ожидаемых 300 человек к нему явились только 60. Несмотря на это, Чолокашвили надеется захватить Манглис, разоружить войска и соединиться с Цагурия.

29 августа мы не получили никаких известий. 30-го же числа Чолокашвили сообщил нам, что он напал на Манглис, но безрезультатно, вследствие чего принужден был отступить.

31-го до нас дошла весть, что восстание охватило всю Западную Грузию [2].

1 сентября мы не получили вестей. 2 сентября — то же самое. Ночью, в 10 часов, мы уже меняли место. Несколько раз

---

[1] «Заря Востока», 26 октября 1924г.

[2] Фактически к 31 августа восстание было уже в основном ликвидировано. Показания Бочаришвили свидетельствуют лишь о том, что «руководители» ничего не знали о ходе восстания.

перекочевывали с места на место. В это время красноармейцы открыли по нас стрельбу. Мы бежали вместе с охраной. Я скрылся в кустах. Вдруг в темноте на меня наткнулся Ясон Джавахишвили и принялся уверять меня, что он ранен в спину. Я осмотрел его: раны не было. Потом заявил, что он ранен в ногу. Я осмотрел и ногу: и там раны не оказалось. До утра мы меняли места. К вечеру Ясона Джавахишвили одолела жажда. Пристал ко мне с просьбой спуститься вместе к ручью. Я просил его потерпеть еще один день, но ему было невмоготу. Мы пошли к монастырскому ручью, где и были арестованы» [1].

После краха авантюристического выступления «паритетчиков» Грузинское Советское правительство обратилось к народу с призывом к мирной жизни. Оно обещало тем, кто порвет связь с авантюристами, их преступными замыслами и деяниями, «предать забвению их невольные прегрешения» [2]. Все рядовые участники выступления, приходившие с повинной и сдававшие добровольно оружие, не подвергались никакому наказанию. Лишь крестьяне по своей инициативе в некоторых местах расправлялись самосудом с бывшими князьями, помещиками и дворянами, посмевшими выступить против Советской власти. Советское правительство и ЦК КП(б) Грузии приняли решительные меры к прекращению подобных эксцессов [3].

Провал авантюристического выступления «паритетчиков» оказал большое влияние на процесс разложения меньшевистской партии в Грузии. В 1924—1925 гг. как политическая сила она уже не существовала.

10. Дело патриарха Тихона

28 февраля 1922 г. патриарх Тихон (В. И. Белавин) и состоявшие при нем члены Священного синода русской православной церкви обратились к верующим с воззванием. Они призывали к неподчинению и сопротивлению представителям Советской власти при изъятии церковных ценностей для помощи голодающим. Это воззвание вызвало волну кровавых беспорядков в стране. 5 мая 1922 г. Московский революционный трибунал постановил привлечь патриарха Тихона к судебной ответственности. Такие

---

[1] «Заря Востока», 7 октября 1924 г.
[2] Там же.
[3] См. «Борьба за упрочение Советской власти в Грузии». Тбилиси, 1959, стр. 398.

же определения вынесли Новгородский, Петроградский, Донской и другие революционные трибуналы.

ГПУ арестовало Тихона и его соучастников — членов Священного синода — Н. Г. Феноменова, А. Г. Стадницкого и П. В. Гурьева. В июне 1923 г. расследование было закончено и дело передано в Верховный суд РСФСР. В обвинительном заключении были изложены многочисленные факты антисоветской деятельности Тихона и его ближайшего окружения. Эти факты свидетельствовали о том, что реакционные деятели церкви под общим руководством и при непосредственном участии патриарха Тихона (Белавина), Стадницкого, Феноменова и Гурьева создали организацию, поставившую своей целью свержение власти Советов, и направляли к этой преступной цели деятельность легально существовавших религиозных объединений.

В мае — августе 1918 г. Тихон поддерживал связи с агентами французского правительства и «благословлял» мероприятия этого правительства по организации военной интервенции против России. Как лично, так и через поставленных им иерархов церкви он поддерживал связь с возникавшими на территории РСФСР и находившимися за границей враждебными Советской России группировками и организациями и контрреволюционными генералами Деникиным и другими, объявлявшими себя правителями России. Рассчитывая на свое религиозное влияние в массах, Тихон «благословлял» деятельность этих контрреволюционных сил, добиваясь поддержки их несознательными верующими людьми. Он выпустил ряд воззваний, возбуждавших народные массы против внутренней и внешней политики рабоче-крестьянского правительства, в частности против мероприятий Советской власти по отделению церкви от государства, издал циркуляр, обязывавший низшее духовенство организовывать на местах специальные ячейки приходских и епархиальных советов для борьбы против Советской власти, а также инструкцию о способах вовлечения несознательных масс в движение сопротивления Советской власти (принятие резолюций, осуждающих мероприятия Советской власти, устройство демонстративных крестных ходов, созыв прихожан набатным звоном «на защиту церкви»). В результате выполнения этой инструкции местными церковниками произошли кровавые беспорядки в Звенигородском уезде, Павловом Посаде, Туле и других местах республики. Он предписал епископам, в целях удержания верующих масс под влиянием религиозных предрассудков и чтобы воспрепятствовать советской общественности в разоблачении

религиозного обмана, устранить из рак с «нетленными мощами святых угодников» посторонние предметы, одновременно выпустил воззвание, призывавшее верующих сопротивляться при вскрытии мощей. Учитывая ставку помещичье-буржуазной контрреволюции на удушение Советской власти путем голода, постигшего Россию в 1921 г., и имея намерение использовать в этих целях голод в Поволжье, Тихон ответил на мероприятия Советской власти об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим воззванием, в котором призывал верующие массы выступить против этих мероприятий и запрещал выдачу Советской власти церковных ценностей. В случае исполнения требований Советской власти он угрожал мирянам отлучением от церкви, духовным лицам — лишением сана, сделав в воззвании заведомо ложные ссылки на каноны, якобы запрещающие выдачу властям церковных ценностей. В результате этого призыва возник ряд кровавых беспорядков в Москве, Шуе, Смоленске и других местах республики.

Наиболее активными исполнителями постановлений Тихона были Никандр Феноменов — епископ Вятской епархии, Арсений Стадницкий — товарищ председателя Поместного собора российской православной церкви, Петр Гурьев — управляющий канцелярией Священного синода и Высшего церковного совета [1].

Предстоявший судебный процесс над церковными деятелями вызвал шумную кампанию протестов антисоветских кругов за границей; там утверждали, будто патриарх Тихон не занимался антисоветской деятельностью. Но сам патриарх во время подготовки судебного процесса 16 июня 1923 г. выступил с публичным заявлением, в котором признал правильность решения суда о привлечении его к ответственности. Он выразил раскаяние в своих поступках против государственного строя, заявил, что отныне он не враг Советской власти, и просил Верховный суд изменить меру пресечения, освободив его из-под стражи. Тихон отмежевался как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции [2].

Учитывая это заявление, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР 25 июня 1923 г. удовлетворила ходатайство Тихона (Белавина) и освободила его из-под стражи. Рассмотрение дела было отложено.

---

[1] См. «Обвинительное заключение по делу бывшего патриарха Тихона (Белавина) и других руководителей церкви, обвиняемых в контрреволюционной деятельности», стр. 51—55.

[2] «Известия ВЦИК», 1 июля 1923 г.

Выйдя из тюрьмы, Тихон пожелал вернуться на патриарший престол, но его церковные противники вступили с ним в борьбу.

Вызванное Октябрьской революцией мощное народное движение социализма заставило наиболее дальновидных деятелей церкви пересмотреть традиционное отношение православия к социальным вопросам. Так же как и на Западе, в русской православной церкви появились течения «обновления», требовавшие «социализации» доктрины православия. Идеологи этого течения, пытаясь пристроиться к мощному движению современности — социализму, доказывали, будто социалистические идеалы коренятся в христианстве или, во всяком случае, не противоречат христианству, и призывали к «примирению» церкви с Советской властью. Это была одна из попыток церковников удержать под своим влиянием массы трудящихся. В 1922—1923 гг. эти течения в русской православной церкви, возглавлявшиеся епископами Антонином, Георгием Добронравовым и протопресвитером Красницким, приобрели большую силу. Созванный «обновленцами» поместный собор лишил патриарха Тихона священного сана и избрал новое Высшее церковное управление. Тихон не согласился с таким решением. В ответ Высшее церковное управление обратилось к верующим с воззванием, в котором дало уничтожающую характеристику патриарху. В воззвании были и такие строки: «Он говорит о 16-м правиле двукратного собора Константинопольского, запрещающего поставлять новых епископов при жизни предшественников, не лишенных сана и чести епископской; но сам-то он пусть вспомнит еще живого, разбитого теперь болезнью митрополита Макария, на место которого он сел и не подумал об этом правиле». Обвиняя Тихона в деспотическом управлении церковью, духовные пастыри призывали на его голову «божию кару и божие отмщение» [1].

Советская власть не была столь сурова.

Через несколько месяцев, 21 марта 1924 г., Президиум ЦИК СССР принял такое постановление: «Принимая во внимание, что гр. Белавин В. И., бывший патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян, что среди широких масс рабочих и крестьян проявляется усиленная тяга от религиозных суеверий в сторону науки и просвещения, что тем самым влияние так называемой православной церкви на широкие массы рабочих и крестьян решительно ослаблено и что вследствие этого гр. Белавин, бывший патриарх Тихон, и привлеченные с ним граждане

[1] «Правда», 8 июля 1923 г.

не могут быть социально опасными для Советской власти, Президиум ЦИК Союза ССР постановил: дело по обвинению граждан Белавина В. И. (бывшего патриарха Тихона), Феноменова Н. Г., Стадницкого А. Г. и Гурьева В. В. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 62 и 119 Уголовного кодекса РСФСР, производством прекратить» [1].

Вскоре патриарх Тихон вполне искренне изменил свое отношение к Советскому государству. Несомненно, на него оказали влияние: упрочение советского строя, рост доверия широких масс трудящихся к Советской власти, серьезное движение среди верующих за обновление церкви. В оставленном им завещании от 7 января 1925 г. престарелый патриарх Тихон призвал священнослужителей и верующих мирян православной церкви «со спокойной совестью, без боязни погрешить против святой веры, подчиняться Советской власти не за страх, а за совесть» и осудил вредную антисоветскую деятельность церковников [2].

11. Как «каялся» атаман Анненков

Б. В. Анненков принадлежал к кучке казачьих атаманов (Дутов, Семенов, Калмыков, Унгерн, Красильников и др.), главной целью которых было удушение Октябрьской революции, восстановление царского строя.

Сын полковника из потомственных дворян Новгородской губернии, Борис Анненков окончил Одесский кадетский корпус, Московское военное училище и всю жизнь служил в казачьих войсках. Во время первой мировой войны он командовал партизанским отрядом в германском тылу.

Убежденный монархист, Анненков мечтал об идеальном государе, наделенном неограниченной властью и «твердой волей». Свержение Николая II, которого он считал «неспособным», Анненков встретил спокойно и ожидал, что вместо него будет избран «по воле всего народа государь с твердой волей». Но революция развивалась совсем не так, как ожидал Анненков. Народ отвергал монархию и шел по пути социализма. Анненков стал жестоким врагом революционного народа, его «карателем» и «усмирителем».

После Октября казачий отряд Анненкова, находившийся на фронте, получил приказ разоружиться и направиться в Омск.

[1] «Известия ВЦИК», 22 марта 1924 г.

[2] См. *Н. П. Красников.* Эволюция социальной концепции православия.— «Вопросы истории», 1970, № 9, стр. 23.

Анненков нарушил приказ и направился в Омск с вооруженным отрядом. Там ему Совет казачьих депутатов вновь предложил разоружиться. Но Анненков и теперь не подчинился, ушел с казаками из города и перешел на «партизанское» положение. С тех пор «партизанский отряд Анненкова» (так он назывался) стал вооруженной силой контрреволюции. Передвигаясь с места на место, он вел войну с народом: уничтожал революционные учреждения в селах, районах, городах, убивал активистов революции, грабил и терроризировал население. В отряд Анненкова вступали зажиточные сибирские и семиреченские казаки, которым он обещал сохранить их привилегии, бывшие жандармы, стражники, полицейские, разорившиеся мелкие торговцы, искатели легкой добычи, уголовники и т. п. Частям своего отряда Анненков давал звучные, громкие названия: «черные гусары», «голубые уланы», «кирасиры», «атаманский полк». Анненковцы содержались за счет грабежей, пожертвований буржуазии и казачьей верхушки. Семипалатинские торговцы и промышленники, например, дали Анненкову 2,5 млн. рублей на формирование отряда. Главари казахской «Алаш-орды» формировали казахские полки в составе анненковского отряда. Анненковская банда превратилась в «дивизию». Она входила сначала в состав войск «Временного сибирского правительства», а впоследствии в состав войск Колчака. Полем ее действий стали Омская и Семипалатинская губернии и Семиреченский край. Колчак произвел тридцатилетнего Анненкова в генералы и назначил «командующим отдельной Семиреченской армией».

Но Анненков всегда сохранял особую, «партизанскую» самостоятельность и часто не подчинялся ничьим приказам. В его отряде были свои «атаманские» обряды и правила. Слово «господин» заменялось словом «брат». На приветствие отвечали — «привет», на благодарность — «стар», на поздравление — «благодар». На знамени отряда был начертан девиз: «С нами бог» — и вышита эмблема — человеческий череп с двумя перекрещенными костями. «Атаманцы» к девизу «С нами бог» добавляли: «и атаман Анненков». Такие надписи красовались на стенах вагонов, на орудиях, даже на теле «атаманцев» в виде татуировок. Девиз «С нами бог и атаман Анненков» был постоянно на устах головорезов отряда. «Нам нет никаких запрещений, с нами бог и атаман Анненков, руби направо и налево»,— говорили анненковские разбойники. В анненковских частях свирепствовали офицерская контрразведка и военно-полевые суды, следившие за каждым шагом солдат и населения и жестоко расправлявшиеся с инакомыслящими. За Анненковым следовал

специальный вагон, в котором содержались арестованные. Редко кто выходил оттуда живым. Единоличным и непогрешимым правителем и законодателем в этой большой разбойничьей банде был «брат атаман» — фанатичный деспот и садист Анненков.

Даже официальные органы белогвардейской власти иногда бывали шокированы поведением анненковских отрядов. Павлодарский уездный комиссар «Временного сибирского правительства» Зефиров 30 декабря 1918 г. доносил в губернию: «Обозревая жизнь города и уезда за истекающий месяц и отмечая сравнительное спокойствие среди масс, я не могу не остановиться на одном нежелательном явлении, которое в значительной степени затрудняет дело управления уездом и, главным образом, дело воспитания в массах уважения к законности и порядку. Таким нежелательным явлением необходимо признать открытое вмешательство в сферу деятельности административной и даже судебной находящегося в Павлодаре так называемого штаба пополнения отряда Анненкова в лице начальника штаба поручика Чернова и его адъютанта хорунжего Пашина. Возглавляемый этими лицами отряд совершает порки, производит реквизиции и налагает контрибуции, оставляя получаемые таким образом средства в своем распоряжении... Мною зарегистрировано несколько случаев, когда представители штаба вызывали к себе разных киргиз и под страхом порки и лишения свободы вымогали у них деньги и скот» [1].

В начале 1920 г. отдельная Семиреченская армия, разбитая частями Красной Армии, отступила к китайской границе, а затем и пересекла ее в районе синьцзянского города Урумчи. Это битое «войско» шло тремя группами: северной, под командованием генерала Бакича (в ней находились остатки колчаковских войск); южной, состоявшей в большинстве из семиреченских казаков под командованием атамана Семиреченского казачьего войска генерала Щербакова; центральной, которую составляли анненковские головорезы под командованием самого «атамана» Анненкова.

И в Китае Анненков держал себя «по-атамански». Ни он, ни его «атаманцы» оружия не сдали, как того требовали китайские власти. Анненков намеревался продвинуть свой отряд к востоку, чтобы присоединиться к такому же, как и он, атаману Семенову [2] и продолжать кровопролитие. Тем временем его головорезы бан-

---

[1] См. *П. И. Павловский.* Анненковщина. М.—Л., 1928, стр. 67—68.

[2] Свирепствовавший ряд лет на Дальнем Востоке и в Сибири атаман Г. М. Семенов после гражданской войны бежал в Маньчжурию, где возглавил белую эмиграцию. В 1945 г. во время советско-японской вой-

дитствовали на китайской земле. И тогда, в 1921 г., китайские власти разоружили «атаманцев», а самого Анненкова посадили в тюрьму, где он пробыл около трех лет. Только при помощи друзей из числа английских и японских влиятельных лиц его в феврале 1924 г. освободили.

К тому времени «анненковское братство» рассыпалось: многие ушли в белогвардейские отряды, формировавшиеся здесь русскими эмигрантскими контрреволюционными организациями, пробрались к Семенову, некоторые поступили на службу к китайским генералам, которые вели гражданскую войну, и лишь небольшая часть вернулась на родину с повинной.

Выйдя из тюрьмы, Анненков со своим бывшим начальником штаба полковником Н. А. Денисовым (которого он самолично произвел в генералы) и с небольшим отрядом (человек 18) оставшихся верными ему «атаманцев» в мае 1924 г. направился в глубь Китая, поселился неподалеку от города Ланьчжоу и занялся... разведением племенных лошадей. В белоэмигрантской печати изредка писали о том, что «атаман отошел от политики»: то ли подумывает о «примирении с Советской властью», то ли собирается выехать в Канаду, чтобы разводить там лошадей.

В апреле 1926 г. в советской, китайской и белоэмигрантской печати было опубликовано и широко распространено такое заявление Б. В. Анненкова от 5 апреля 1926 г.: «Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету. Я, Борис Анненков, в минувшую гражданскую войну принимал самое деятельное участие в борьбе на стороне белых. Я считал большевиков захватчиками власти, неспособными вести народ и страну к благу и процветанию. Суровая трех с половиной летняя борьба кончилась нашим поражением, и мы эмигрировали в Китай. Шесть лет эмиграции были самыми тяжелыми в моей жизни. Потеря своей родины, сознание своей вины перед людьми, которые верили мне и которых я повел за собой в скитание в Китай, сильно угнетали меня. Но эти шесть лет изгнания не прошли даром. Строгий анализ своих прошлых поступков и действий привел меня к таким выводам: гражданская война и борьба с Советами была глубоким моим заблуждением, ибо то, что сделала Советская власть после того, как окончила борьбу на всех

ны был захвачен в плен Советской Армией и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в 1946 г. за все свои злодеяния казнен. О суде над Семеновым см. статью Н. Ф. Чистякова «Разгром семеновщины» в сборнике «Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок». М., 1973, стр. 147—160.

фронтах с белыми и поляками, говорит за то, что Советская власть твердо и неуклонно ведет народ и страну к достижению намеченных ею идеалов. Тот огромный шаг по пути строительства, который сделала Советская власть, является показателем того, что народные массы идут за своей властью, ибо только при полной поддержке всего народа можно было достичь тех колоссальных успехов, кои достигнуты в СССР. Сознавая свою огромную вину перед народом и Советской властью, зная, что я не заслуживаю снисхождения за свои прошлые действия, я все-таки обращаюсь к Советскому правительству с искренней и чистосердечной просьбой о прощении мне моих глубоких заблуждений и ошибок, сделанных мной в гражданскую войну. Если бы Советская власть дала мне возможность загладить свою вину перед Родиной служением ей на каком угодно поприще, я бы был счастлив отдать все свои силы и жизнь, лишь бы доказать искренность моих заблуждений... Каков бы ни был приговор, я приму его как справедливое возмездие за свою вину».

Вслед за этим Анненков, а затем и его начальник штаба Н. А. Денисов прибыли из Китая в Советскую Россию. Анненков обратился к своим бывшим «партизанам» и ко всем белогвардейцам с призывом прекратить антисоветскую борьбу, покаяться перед Советской властью и вернуться на родину с повинной...

Подобное не было в то время неожиданностью. Советский народ и весь мир знали уже немало случаев раскаяния врагов советского строя, осознавших безнадежность продолжения борьбы. Среди них были и непримиримые ранее политические противники, много лет сражавшиеся против Советской власти, видные белогвардейские генералы. И все же раскаяние и явка с повинной Анненкова представляла в некотором роде загадку. Что повлияло на Анненкова, заставило его прекратить борьбу с Советской властью? Как мог надеяться на помилование этот фанатичный, жестокий «каратель» и «усмиритель»? И хотя судебный процесс Анненкова и его начальника штаба проходил публично и под знаком раскаяния подсудимых, причины раскаяния и явки с повинной Анненкова оставались неясными на протяжении многих лет.

Только недавно, через сорок с лишним лет после процесса, были опубликованы данные, которые пролили свет на дело Анненкова[1]. И оказалось, что раскаяние Анненкова было «раскаянием особого рода».

---

[1] Например, они были изложены в документальной повести Сергея и Милиты Мартьяновых «Дело Анненкова», опубликованной в журнале Союза советских писателей Казахстана «Простор» № 10 и 11 за 1970 г.

Ни на один момент после освобождения из китайской тюрьмы Анненков не оставлял мысли о продолжении вооруженной борьбы против Советской власти. Из медвежьего угла, неподалеку от Ланьчжоу, где он «разводил племенных лошадей», Анненков вел обширную переписку с бывшими соратниками, лидерами многочисленных русских белогвардейских организаций, действовавших на китайской территории. Он присматривался к белому лагерю, изучал, оценивал перспективы, возможности вновь продолжить борьбу, искал в ней свое место (конечно же подобающее его «высокому положению атамана»). И на «ферму» к Анненкову стекались вести со всех сторон.

В Китае существовало в то время много белоэмигрантских антисоветских организаций. В интересующем Анненкова русском монархистском лагере действовала тогда шанхайская группа «Н. Н.» — бывшего великого князя Николая Николаевича, образовавшего в Париже центр для объединения монархистской контрреволюции. Возглавлял эту шанхайскую группу некий Николай Остроухов. В том же Шанхае существовала и другая монархистская организация — «Богоявленское братство» — под руководством бывшего полкового врача анненковской армии Д. И. Казакова. Обе антисоветские группы конкурировали между собой и обе призывали Анненкова в свои ряды.

Были и чисто военные организации из бывших офицеров и солдат колчаковской, дутовской, семеновской, анненковской армий. Они влачили жалкое существование, жили на подачки белоэмигрантов и империалистических разведок. Причудливо вплетались они и в гражданскую войну в Китае между реакционными генералами Чжан Цзо-лином и У Пей-фу и Народной армией сторонников Сунь Ят-сена, возглавляемой Фэн Юй-сяном. Разбитые в боях с Красной Армией, остатки антисоветской военщины нанимались на службу главным образом к реакционным китайским генералам. У генерала Чжан Цзо-лина советником состоял белогвардейский полковник Меркулов, глава одной из военных белогвардейских группировок. У того же генерала во главе отряда, состоявшего из семеновцев, анненковцев и колчаковцев, служил бывший семеновец полковник Нечаев.

Среди белой эмиграции действовали и разведчики империалистических государств. Анненков впоследствии на суде показал: «Антисоветская газета «Россия» поддерживается англичанами, среди эмигрантов она распространяется бесплатно; ее редактор, бывший колчаковский полковник Колесников, имеет связи с англичанами... Газета популяризует имя Глебова (бывшего активного колчаковца.— *Д. Г.*) и чуть ли не в каждом

номере публикует сенсационные сообщения о скором выступлении и походе на Москву. По замыслам, Глебов возьмет на себя организацию партизанских отрядов и объединит казачий элемент. Направит отряды в полосу отчуждения КВЖД и здесь организует захват приграничных пунктов, поднимая восстания в пограничной полосе. Предпримет высадку десантов в Приморье или Корее при ближайшем содействии японцев. Семенов получит задачу формировать отряды в Монголии и будет действовать в Бурят-Монгольской республике, распространяясь в Забайкалье. Будет выделен отряд на Кобде, конечная цель которого — захват Алтая и т. д. В Западном Китае будут действовать остатки белоэмигрантских групп, главным образом в районе Кашгара, в направлении Узбекистана, при содействии англичан, с базой в Индии. Таков был полет фантазии Глебова».

Неутешительна была для Анненкова обстановка. Он пришел к выводу, что главные места в антисоветском лагере, кажется, уже заняты, и ему, «атаману», остается слишком малое поле. Его положение оказалось неблагоприятным еще и потому, что он проживал в районе действий китайской Народной армии (Фэн Юй-сяна); еще свежи были в памяти годы, которые он провел в китайской тюрьме. Он понимал, что китайские власти следят за ним, и вел тайную работу осторожно.

В начале ноября 1925 г. Анненков встретился со своим «атаманцем», бывшим начальником личного конвоя Ф. К. Черкашиным, которому безусловно верил. Тот, появившись в Ланьчжоу под видом закупщика пушнины для английской фирмы, передал Анненкову письмо от начальника штаба русской белогвардейской группы в войсках Чжан Цзо-лина, бывшего начальника штаба 5-й сибирской колчаковской дивизии М. А. Михайлова, действовавшего по поручению Меркулова. В письме содержалось предложение организовать под командованием Анненкова отряд из русских белоэмигрантов для борьбы с революцией в рядах Чжан Цзо-лина, с перспективой переключения отряда на борьбу с Советским Союзом. Эта последняя перспектива сыграла главную роль в решении Анненкова. Он согласился.

Свое решение и ответ Анненков выразил в трех письмах, переданных им Черкашину для вручения адресатам.

В письме на имя Михайлова Анненков заявил, что согласен взять на себя командование отрядом русских белогвардейцев. Он писал: «Сбор партизан (анненковских «партизан», находившихся в Китае.— *Д. Г.*) и их организация — моя заветная мечта, которая в течение пяти лет не покидала меня... И я с большим удовольствием возьмусь за ее выполнение... Судя по многочислен-

ным письмам, получаемым от своих партизан, они соберутся по первому призыву... Все это дает надежду собрать значительный отряд верных, смелых и испытанных людей в довольно непродолжительный срок. И этот отряд должен быть одним из кадров, вокруг которых сформируются будущие части... Самое главное внимание я обращал на район Кульджи, где имеется довольно большая, хорошо организованная группа, которая, несмотря на близость Совдепии, не разложилась, держится стойко, имеет связь с тайными организациями Семиречья и при первой возможности перейдет границу для активных действий...»

В другом письме, адресованном бывшему анненковцу П. Д. Иларьеву, служившему при штабе Чжан Цзо-лина, он написал, что получил предложение собирать отряд и поручает ему, Иларьеву, временно командовать им, так как он сам пока не может открыто взяться за это. «Для того, чтобы я выбрался отсюда (то есть из Ланьчжоу.— *Д. Г.*),— писал Анненков,— нужно добиться того, чтобы мое имя совершенно не упоминалось в причастности к отряду. Лучше наоборот, распускать слухи о моем отказе вступать в дальневосточные организации, о моей перемене фронта. Конечно, то тяжело, но в данном случае «цель оправдывает средства». Иначе не усыпить бдительной слежки за мной. Верь в меня и, что бы ты ни услышал, знай про себя, что я делаю все, что только можно, для общего блага... Письмо сожги, ты его не получал от меня».

Анненков написал еще и третье письмо на имя руководителя монархистской организации «Богоявленское братство» Д. И. Казакова. Впоследствии он так в ОГПУ характеризовал это письмо: «Указанное письмо по своему содержанию чисто провокационного характера. На случай, если Черкашин попадет по возвращении в руки 1-й Народной армии. В этом письме я писал Казакову о моем «якобы нежелании вступить в ряды Чжан Цзо-лина и организации отрядов», которые бы впоследствии выступили против 1-й Народной армии. В случае, если бы Черкашин попал в руки 1-й Народной армии, то он постарался бы уничтожить вышеуказанные два письма (письмо Михайлову и письмо Иларьеву), оставив третье, провокационное письмо на имя Казакова».

Хитер и осторожен был Анненков. Но он не учел того, что за ним следили не только китайские власти. Пристально следила за ним и советская контрразведка, заинтересованная в освещении белоэмигрантской контрреволюции, которая непрерывно в союзе с китайской реакцией устраивала провокации и диверсии против Советского Союза. Советские чекисты и поймали в сети

Анненкова. Не одно, а все три письма Анненкова (им написанные, им подписанные и скрепленные «атаманской печатью») попали не к адресатам, а в руки чекистов... И стало ясно, что кроется за разговорами и слухами о «перемене Анненковым своих политических позиций», о его намерении «примириться с Советской властью». Теперь нужно было обезвредить опасного врага.

План разрабатывался в ОГПУ под руководством В. Р. Менжинского и начальника контрразведывательного отдела А. Х. Артузова. Решено было заставить Анненкова и его начальника штаба Денисова сдаться советской контрразведке, доставить их в Советский Союз и предать суду за совершенные ими злодеяния. Для этого можно было использовать ложную версию и слухи, которые распространял сам Анненков о том, будто он «отошел от политики» и намерен «примириться с Советской властью». Анненков пустил в ход такие слухи, чтобы под их прикрытием тайно вести антисоветскую работу. Теперь нужно было заставить его публично принести «повинную». Раскаяние бывшего атамана Анненкова могло бы содействовать разложению белоэмиграции в Китае: если Анненков явится с повинной в Советский Союз, то его примеру могут последовать и многие его «атаманцы» и лица, среди которых он пользовался авторитетом. Но как заставить Анненкова сдаться в руки советских органов, раскаяться? Мог ли он на это пойти добровольно? Как иначе можно было заставить его сдаться? Может быть, если поставить его в безвыходное положение, он сам попытается и перед советскими органами продолжить «игру в добровольное раскаяние», чтобы заслужить снисхождение?

Выполнить сложный, трудный план поручили группе чекистов во главе со специально для этого командированным в Китай опытным контрразведчиком С. П. Лихариным.

В Китае в то время в Народной армии маршала Фэн Юйсяна в качестве советников работала группа советских военных специалистов во главе с героем гражданской войны, бывшим командиром Червонного казачества В. М. Примаковым. Так как деятельность Анненкова, формировавшего белогвардейский отряд для помощи Чжан Цзо-лину, затрагивала интересы Фэн Юй-сяна, чекисты сообщили свой план захвата Анненкова В. М. Примакову и просили его договориться с Фэн Юй-сяном, чтобы тот «пригласил» Анненкова к себе и разрешил советской контрразведке в случае надобности задержать его.

Все было сделано, как задумано.

Приехав по приглашению Фэн Юй-сяна в его штаб, Анненков через некоторое время был задержан чекистами. Перед ним раскрыли карты. Анненков понял, что находится в руках советской контрразведки и должен нести ответственность за все свои злодеяния на советской земле. Ему не оставалось ничего иного, как попробовать сыграть роль «добровольно раскаявшегося»: авось это поможет. Чекисты не возражали. Они знали истинную цену «раскаяния» Анненкова. После того как Анненков написал приведенную уже просьбу о помиловании, чекисты под солидной охраной привезли Анненкова в Москву и передали его в руки советского правосудия.

Следствие по делу Анненкова и его начальника штаба вел следователь по особо важным делам Прокуратуры РСФСР Д. Матрон. А рассмотрено оно было в Семипалатинске выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 25 июля — 12 августа 1927 г. под председательством Мелнгалва. Государственное обвинение на суде поддерживал старший помощник прокурора Верховного суда СССР Павловский и общественные обвинители Ярков, Мустамбаев и Паскевич. Защищали адвокаты Борецкий и Цветков. На суд были вызваны десятки свидетелей из Омской, Семипалатинской губерний и Семиречья. Помимо вызванных по списку обвинительного заключения по инициативе общественных обвинителей на суде были допрошены еще 90 свидетелей обвинения.

Были установлены чудовищные факты злодеяний Анненкова и его банды. Вот некоторые из них.

В сентябре 1918 г. крестьяне Славгородского уезда Омской губернии, недовольные мобилизацией в армию молодежи и возмущенные репрессивными мерами белогвардейских властей в связи с отказом молодежи явиться по мобилизации, решили выступить под руководством подпольной большевистской организации (находившейся тогда в селе Черный Дол) против белых. В один из базарных дней, когда в уездном городе Славгороде собралось много крестьян, чернодольцы начали восстание, освободили арестованных и очистили город от белых. Вскоре в Славгороде собрался уездный крестьянский съезд, на который съехались свыше 400 делегатов. А в Черном Доле обосновался образованный крестьянами военно-революционный комитет.

Омское «Временное сибирское правительство» приняло «меры». Бывший жандармский офицер, а тогда «военный министр» П. П. Иванов-Ринов поручил «ликвидацию славгородских большевиков» Б. Анненкову.

11 сентября 1918 г. анненковцы заняли город Славгород. В первый же день ими было убито около 500 человек. Захваченных делегатов крестьянского уездного съезда (87 человек) Анненков приказал изрубить на площади против Народного дома и здесь же закопать. Этот варварский приказ был исполнен.

Одновременно анненковцы принялись за села и деревни уезда. Деревня Черный Дол была сожжена дотла. Крестьян же, их жен и даже детей расстреливали, били, вешали на столбах. В деревнях Павловке, Толкунове, Подсосновке и других с раннего утра казаки производили массовые порки крестьян обоего пола и всех возрастов, а затем казнили.

— И как казнили! — рассказывал очевидец этих событий Блохин.— Вырывали живым глаза, вырывали языки, снимали полосы на спине, живых закапывали в землю.

Другой свидетель, Голубев, показывал:

— Привязывали к конским хвостам веревкой за шею, пускали лошадь во весь опор и таким образом убивали насмерть.

Молодых девушек из города и ближайших деревень приводили к стоявшему на железнодорожной станции поезду Анненкова, насиловали, а затем тут же расстреливали.

Степь была усеяна обезглавленными трупами крестьян.

«Ликвидировав» крестьянское движение в Славгородском уезде, Анненков своим «приказом» упразднил волостные, земские и сельские комитеты, восстановил царский институт старшин и старост. Под угрозой расстрела каждого пятого обложил крестьян контрибуцией, собрав с деревень большие суммы денег.

После этих жестоких экзекуций Анненков сообщил «военному министру» Иванову-Ринову об исполнении его задания и ходатайствовал о разрешении сформировать на месте, в Славгородском уезде, новую «добровольческую дивизию» и о присвоении ей имени Анненкова.

«Военный министр» Иванов-Ринов удовлетворил ходатайство Анненкова и в ознаменование его «заслуг» запросил послужной список для производства его из полковников в генерал-майоры. Но Анненков ответил, что «он может быть произведен лишь его императорским величеством» [1].

В городе Сергиополе (ныне Аягуз) анненковцы расстреляли, изрубили и повесили 80 человек, часть города сожгли, имущество граждан разграбили. В селе Троицкое они убили 100 мужчин, 13 женщин, 7 грудных детей, а село сожгли. В селе Никольском (Шмидовка) анненковцы выпороли 300 человек, расстреляли 30

[1] Из обвинительного заключения по делу Б. В. Анненкова.

и 5 повесили; часть села сожгли, скот угнали, имущество граждан разграбили. В селе Знаменка вырезали почти все население.

Вот что рассказали на суде чудом спасшиеся от смерти свидетели Самбурский и Суриков.

В начале ноября 1919 г. атаман Анненков прибыл с небольшим отрядом в Усть-Каменогорск, где был торжественно встречен «отцами» города, казачьими верховодами и местной буржуазией. Ему устроили пышный банкет с музыкой. А в это время прибывшие с Анненковым «атаманцы» явились в Усть-Каменогорскую крепость, в которой содержалось около 500 политзаключенных. «Атаманцы» отбирали арестованных в анненковский «вагон смерти», находившийся в Семипалатинске. Они издевались и терроризировали всех заключенных, некоторых из них расстреляли прямо в коридорах тюрьмы. Наконец они отобрали группу заключенных, 30 человек,— работников Павлодарского Совета и советских работников других мест. Их поместили на пароход атамана Анненкова для доставки в Семипалатинск.

Когда пароход был уже в пути, Анненков приказал оркестру играть похоронный марш. При этом «атаманцы» открыли люки и трюм, где находились арестованные, и издевательски сообщили им, что похоронный марш посвящен специально им.

По прибытии в Семипалатинск арестованные были помещены в «вагон смерти». Через несколько дней Анненков без всякого суда и следствия распорядился расстрелять всех 30 человек. Анненковцы вывели их на берег уже скованного льдом Иртыша, сделали прорубь и приказали им прыгать в воду. В нежелающих прыгать стреляли...[1]

Двигаясь по Семиречью, анненковские разбойники продолжали кровавые преступления. И здесь чаша терпения крестьянского населения была исчерпана. В обвинительном заключении указывается: «Когда пьяная разнузданная банда... стала безнаказанно пороть крестьян, насиловать женщин и девушек, грабить имущество и рубить крестьян, невзирая на пол и возраст, да не просто рубить,— заявлял свидетель Довбня,— а «рубить в несколько приемов: отрубят руку, ногу, затем разрежут живот и т. д.»; когда, ворвавшись в крестьянскую хату, анненковцы, по словам свидетеля Турчинова, «насаживали на штык покоящегося в колыбели грудного ребенка и со штыка бросали в горящую печь»,— крестьяне селений Черкасского, Новоантоновского, вместе с бежавшими жителями из самого г. Лепсинска, Покатиловки и Веселого, встали как один против бандитов». По при-

---

[1] См. *П. И. Павловский.* Анненковщина, стр. 62—64.

меру этих сел стали организовываться и другие, лежащие к востоку от Черкасского селения — Новоандреевская, Успенское, Глинское, Осиповское, Надеждинское, Герасимовское, Константиновское и другие и часть Урджарского района. Вооружившись чем попало: вилами, пиками, гладкоствольными ружьями и в небольшом количестве трехлинейными винтовками, крестьяне тех селений создали против анненковцев настоящий фронт.

Несколько месяцев крестьяне стойко отбивали нападения бандитов. И только после третьего наступления, начатого Анненковым 14 июля 1919 г., осажденные в селе Черкасском из-за голода, цинги, тифа вынуждены были сложить оружие. Захватив Черкасское, анненковцы уничтожили в нем 2 тыс. человек, в селе Колпаковке — более 700 человек, в поселке Подгорном — 200 человек. Деревня Антоновка была разгромлена и стерта с лица земли. В селении Кара-Булак Уч-Аральской волости были уничтожены все мужчины.

Расследование и суд установили, что Анненков терроризировал не только население. «Из свидетельских показаний,— говорилось в обвинительном заключении,— видно, что некоторые анненковские части «как неблагонадежные» уничтожались поголовно. Так, в Семипалатинске во время наступления на лепсинские красные части солдаты бригады генерала Ярушина, влившиеся затем в анненковский отряд, отказались действовать против крестьян и стали переходить на их сторону. Видя такую картину, Анненков решил расформировать и обезоружить бригаду. По его приказу большая часть бригады в количестве 1500 человек, в том числе и офицеры, была расстреляна и изрублена анненковским полком в непроходимых Алакульских камышах».

Один из свидетелей — военный комиссар кавалерийского полка Красной Армии Василий Довбня — показывал на следствии: «Недалеко от границы (речь идет о китайской границе, куда отступала Семиреченская армия Анненкова.— *Д. Г.*) нас поразила груда пустых пулеметных гильз. Оказалось, что соседнее ущелье завалено трупами. Около сотни трупов лежало при входе в ущелье, но обследовать их не было возможности, они уже разлагались. По словам свидетелей, Анненков здесь собрал части и заявил им: «Со мной должны остаться только самые здоровые борцы, решившие бороться до конца. А тех, кто устал, я не держу, пусть, кто хочет, идет назад в Советскую Россию». Многие изъявили согласие возвратиться в Советскую Россию, не идти в Китай. С Анненковым остались лишь сверхотъявленные головорезы. Тогда потихоньку было отдано распоряжение расстреливать тех, которые собираются в Советскую Россию и

не уходили в Китай. Этим объясняется ворох пулеметных гильз и трупы».

Тщательно разбирал суд эпизод расстрела Анненковым солдат, не желавших уходить в Китай. Анненков не признавал этого. И тогда советский консул в Чугучаке в присутствии должностных лиц и понятых 5 августа 1927 г. обследовал район озера Ала-Куль и в трех верстах от озера (в местности Ак-Тума) нашел пять могил, четыре из которых были с надмогильными холмами, а одна из могил открыта. Эта последняя была наполнена человеческими костями и черепами. Как выяснил консул, здесь были захоронены и валялись кости зарубленных по приказу Анненкова солдат и офицеров расформированных им воинских частей, не желавших переходить китайскую границу. По сведениям, собранным консулом, было зарублено тогда свыше 3 тыс. человек[1].

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Анненкова и его подручного Денисова к расстрелу. 24 августа 1927 г. приговор был приведен в исполнение.

12. Крах савинковщины

В августе 1924 г. советская пресса опубликовала официальное сообщение, привлекшее внимание крупнейших информационных агентств мира. «В двадцатых числах августа,— говорилось в нем,— на территории Советской России ОГПУ был задержан Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов рабоче-крестьянской России (Савинков задержан с фальшивым паспортом на имя Степанова В. И.)».

Это сообщение в кратких словах подытоживало сложную и смелую операцию советских чекистов, которые «выманили» Савинкова вместе с несколькими его сподвижниками из-за границы и арестовали.

Вынужденный оставить в конце 1921 г. Польшу, Борис Савинков обосновался в Париже и лихорадочно искал новых возможностей для продолжения антисоветской деятельности. К тому времени савинковский «Народный союз защиты родины и свободы» был почти парализован: финансирование его иностранной разведкой резко упало, и он существовал в виде немногочисленных «областных комитетов» в Варшаве, Вильно и кое-

---

[1] См. *В. Шалагинов.* Конец атамана Анненкова. Новосибирск, 1969, стр. 46—47.

где в советском тылу. Но Савинков все еще пользовался авторитетом в международных антисоветских кругах, и можно было ожидать с его стороны новых диверсий.

Летом 1922 г. советские пограничники задержали при переходе границы из Польши одного из деятелей «Народного союза защиты родины и свободы», адъютанта Савинкова, бывшего царского офицера Л. Д. Шешеню, который шел на связь с заброшенными в свое время в советский тыл савинковскими агентами. При допросе в ГПУ Шешеня рассказал о полученном им задании и выдал агентов, с которыми должен был встретиться. Один из этих агентов, М. Д. Зекунов, так же как и Шешеня, сознался и предложил ГПУ свои услуги по разоблачению савинковского подполья. Шешеня и Зекунов были использованы чекистами для проникновения в заграничные савинковские центры, чтобы выяснить и расстроить их антисоветские планы.

ОГПУ направило Зекунова в Вильно к деятелю «Народного союза защиты родины и свободы» Ивану Фомичеву с письмом от Шешени (его родственника). По полученному от ОГПУ заданию Шешеня сообщал в письме, будто он связался с одной группой, ведущей серьезную контрреволюционную работу в Москве. Эта легенда явилась «приманкой», за которую ухватились деятели «НСЗРС» и в Вильно, и в Варшаве. Они поверили, что удалось найти на советской стороне солидную контрреволюционную группу и что можно, следовательно, вновь развернуть активную антисоветскую работу. Фомичев выразил желание немедленно же поехать в Советский Союз, чтобы установить связь с «московской группой». Конечно, сподвижники Савинкова поскорее сообщили своему шефу в Париж о важном событии.

И вот тогда ОГПУ разработало смелый план дальнейшей работы по делу савинковских зарубежных организаций, поставив целью, как говорили чекисты, «вывести Савинкова на советскую территорию», чтобы здесь арестовать его и ликвидировать организации. Под руководством Ф. Э. Дзержинского и В. Р. Менжинского план этот проводился силами контрразведывательного отдела ОГПУ (КРО), во главе которого стоял А. Х. Артузов.

Это была сложная операция. Надо было заставить Савинкова и его ближайших сотрудников поверить в легенду о якобы существующей в Советской стране антисоветской организации. Следовало сделать так, чтобы у Савинкова возникло желание приехать в Советский Союз для непосредственного участия в ее деятельности. Все это требовало крайней осторожности, чтобы

не вызвать подозрения у таких опытных конспираторов, каковыми являлись и сам Савинков и его ближайшие сотрудники.

В работу по проникновению в савинковские зарубежные организации ввели опытного чекиста — старшего оперативного уполномоченного КРО ОГПУ А. П. Федорова, блестяще сыгравшего роль одного из «активных деятелей» «московской антисоветской организации». Под именем А. П. Мухина он несколько раз выезжал в Варшаву, встречался там с деятелями варшавской и виленской группы «НСЗРС» — И. Фомичевым, Д. В. Философовым, бывшим членом Одесского царского окружного суда Е. С. Шевченко, М. П. Арцыбашевым, произвел на них хорошее впечатление. Они поверили в существование «московской организации». Федорову (Мухину) удалось заинтересовать их, а через них и Савинкова.

Затем в Москве «нелегально», не без помощи чекистов, побывал представитель виленского отделения «НСЗРС» Фомичев, который лично познакомился с «деятелями» пресловутой «московской организации» (их роль исполняли сотрудники ОГПУ, а представлял их Фомичеву в качестве «деятелей контрреволюции» Шешеня). Фомичев пришел к выводу о реальности и солидности этой группы. Вместе с варшавским представителем «НСЗРС» Философовым Фомичев стал рьяным сторонником установления связей «НСЗРС» с «московской организацией» и уговаривал Савинкова возглавить ее.

В июле 1923 г. А. П. Федоров под фамилией Мухина выехал в Париж как «представитель московской организации» и встретился там непосредственно с Савинковым. Он сообщил ему, что ввиду разногласий по некоторым вопросам в «организации» назревает кризис, и намекнул, что эти разногласия может ликвидировать только такой опытный деятель, как Савинков.

Но осторожный Савинков решил еще раз проверить реальность существования «московской организации» и дал соответствующее указание отправившемуся в Советский Союз своему ближайшему помощнику, небезызвестному полковнику С. Э. Павловскому. В сентябре 1923 г. после ряда бандитских похождений вблизи границы тот прибыл в Москву и явился на квартиру к Шешене. Вел он себя агрессивно, был крайне опасным, и ОГПУ решило арестовать его.

Попав в чекистскую «ловушку», Павловский, чтобы заслужить снисхождение при рассмотрении дела о его кровавых преступлениях, изъявил согласие оказать помощь ОГПУ. Чекисты включили в «игру» и Павловского. По заданию ОГПУ в письмах к савинковским деятелям за границу он подтвердил суще-

ствование «московской организации», ее жизнеспособность, а в письме к Савинкову высказал мнение о необходимости его приезда в Москву [1].

Операция закончилась тем, что Савинков со своими ближайшими помощниками — А. А. Дикгоф-Деренталем и его женой, а также Фомичевым с «помощью» пресловутой «московской организации» 15 августа 1924 г. «нелегально» перешел польскую границу и, встреченный работниками ОГПУ, 16 августа был арестован в Минске [2].

Преступления Бориса Савинкова были хорошо известны. Органы государственной безопасности в течение 1921—1923 гг. ликвидировали западный областной комитет «Народного союза защиты родины и свободы» и его местные группы общей численностью свыше 300 человек; несколько ячеек «Союза» на территории Петроградского военного округа; 23 савинковских резидентуры в Москве, Самаре, Саратове, Харькове, Киеве, Туле, Одессе. Было проведено несколько крупных судебных процессов над савинковцами. Наиболее важные из них: «Дело 44-х», рассмотренное в августе 1921 г. революционным трибуналом Западного края в Минске; «Дело 12-ти», рассмотренное в июле 1922 г. Петроградским военным трибуналом; «Дело 43-х», рассмотренное 16—25 июня 1924 г. Военной коллегией Верховного суда СССР. Эти судебные процессы разоблачили Савинкова как агента, состоявшего на содержании у разведок империалистических государств.

Савинков не мог опровергнуть эти обвинения. Он рассказал, как постепенно убеждался в том, что белое движение направлено против народа, а иностранные империалисты, поддерживая

---

[1] В конце концов Павловский не выдержал своей роли. Он попытался бежать из-под стражи, напал в тюрьме на конвойных и был убит.

[2] Подробнее эта чекистская операция описана В. В. Коровиным и Э. П. Русановым в статье «Дело Бориса Савинкова», опубликованной в журнале «История СССР», 1967, № 6, стр. 143—155. По материалам этого дела В. Ардаматский написал повесть «Возмездие», опубликованную в журнале «Нева» за 1967 г., № 8, 9, 10, 11 и вышедшую также отдельным изданием.

Согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 5 сентября 1924 г., за выполнение операции по поимке Савинкова и проявленную преданность делу орденом Красного Знамени были награждены член Коллегии ОГПУ В. Р. Менжинский, заместитель начальника контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ Р. А. Пиляр, помощник начальника того же отдела С. В. Пузицкий, старший оперуполномоченный КРО ОГПУ А. П. Федоров и работники того же отдела Г. С. Сыроежкин и Н. И. Демиденко. Объявлена благодарность рабоче-крестьянского правительства начальнику КРО А. Х. Артузову, его сотрудникам И. И. Сосновскому, С. Г. Гендину и работнику Минского ГПУ Я. П. Крикману.

и финансируя русскую контрреволюцию, преследуют свои собственные цели, не соответствующие интересам России и русского народа. Он заявил, что уже давно сомневался в избранном им пути борьбы с Советской властью и поехал в Советский Союз для того, чтобы «увидеть своими глазами» и потом решить, как надо «ему поступить». Теперь он убедился в полном поражении, понял, что «русский народ был не с нами, а с РКП».

Савинков признал, что он и руководимые им организации с 1918 г. состояли на содержании иностранных империалистических держав; что в 1920—1923 гг. он снабжал разведывательные органы Франции и Польши шпионскими сведениями о Советской России, получая от них за это вознаграждение.

Уже спустя несколько дней после задержания, 27 августа 1924 г., Б. В. Савинков предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР.

Судебный процесс по делу Савинкова сорвал завесу с подрывной антисоветской деятельности международных империалистов. В частности, он подтвердил их участие в организации ярославского мятежа.

Еще 24 ноября 1918 г. активный деятель савинковского «Союза защиты родины и свободы» А. А. Дикгоф-Деренталь в екатеринбургской белогвардейской газете «Отечественные ведомости» писал, что антисоветские восстания на Волге были подняты по указанию «союзников». «В связи с ожидаемым десантом союзников в Архангельске,— писал он,— и для непосредственного его облегчения решено было поднять восстание на Верхней Волге — в Рыбинске и Ярославле и одновременно во Владимире, Муроме, где помещалась большевистская ставка, и в Арзамасе. Во всех этих пунктах уже имелись местные организации «Союза»... Полученные не только определенные сведения о времени высадки десанта, но и просьбы именно приурочить к нему начало открытия действия против большевиков из политических соображений заставили назначить 6 июля днем выступления во всех вышеуказанных местах» [1].

Пойманный в 1922 г. советскими органами государственной безопасности руководитель ярославского восстания А. П. Перхуров подтвердил, что восстание было предпринято по соглашению с представителями французских кругов и в расчете на помощь со стороны предполагаемого десанта «союзников». Перхуров писал, что, по полученным им от Савинкова сведениям, «союзники категорически обещали не позже как через 4 дня после

---

[1] «Красная книга ВЧК», т. I, стр. 71.

начала восстания высадить десант в Архангельске и двинуть его через Волгу на Ярославль... На четвертый день (после начала восстания.— *Д. Г.*) вечером явились ко мне два француза в форме французских летчиков и заявили мне, что они прибыли в Ярославль в качестве квартирьеров для тех французских войск, которые должны высаживаться в Архангельске. Они показали мне несколько телеграмм за подписью Нуланса и Лаверня... На следующий день они просили дать им пропуск через Заволжский участок, чтобы они могли продвинуться навстречу частям десанта и поторопить их прибытие. Пропуск был дан, французы уехали, и больше о них сведений я не имел» [1].

В том же 1922 г. на процессе правых эсеров бывший сотрудник французского генерального консульства Ренэ Маршан рассказал о некоторых деталях истории ярославского мятежа: «Савинков обратился через Готье (сотрудника французского консульства, поддерживавшего отношения с Савинковым.— *Д. Г.*) к французскому послу с просьбой о необходимости увеличения кредита ассигнований его организации, и Нуланс, который был чрезвычайно скуп, отказал. Когда Савинков стал настаивать, Нуланс через Готье сказал: «Передайте ему, что, пока он не докажет наконец, что он, по крайней мере, имеет где-нибудь людей, способных идти в бой, я ему больше ни одного су не дам...» Савинков, увидев, что нет возможности получать дальше кредиты, через Готье просил передать французскому послу, что он может сейчас выступить в двух городах: или в Калуге, или в Ярославле, по приказанию французского посла и по его выбору. Нуланс передал через Готье, что он выбирает Ярославль. На основании этого торга (я не могу назвать иначе) Савинков по приказу французского посла поднял ярославское восстание, сам зная... что это дело безнадежное, что он не имеет настолько вооруженных сил, чтобы его поддержать. Этот шаг был сделан только для того, чтобы получить лишние кредиты и доказать французскому послу, что он действительно может иметь людей, которые готовы идти на смерть» [2].

В 1924 г. и сам Савинков рассказал на суде: «Французы в лице консула Гренара, военного атташе генерала Лаверня, которые действовали от имени французского посла Нуланса... заявили мне о том, что союзники полагают продолжать войну с Германией на русском фронте. Мне было заявлено, что для этой цели будет высажен англо-французский десант со значитель-

---

[1] *С.* и *М. Бройде.* Ярославский мятеж. М., 1930, стр. 40—41.
[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 362, л. 38—39.

ными силами в Архангельске. Этот десант было предположено поддержать вооруженными выступлениями изнутри. План был такой: занять верхнюю Волгу, а французский десант поддержит восставших. Таким образом, верхняя Волга должна была быть занята для движения на Москву. Мы должны были занять Ярославль, Рыбинск, Кострому и Муром. Вологду французы, как они заявили, оставили за собою» [1]. «Союзники» финансировали савинковские организации. «Сначала французы давали небольшими суммами — 40—100 тыс. рублей. Когда же речь зашла о восстании, тогда на это дело они сразу дали большую сумму, если не ошибаюсь, 2 млн. рублей... Но,— заявил Борис Савинков,— французы нас обманули. Десант в Архангельске не был высажен [2], и мы остались висеть в Ярославле. Восстание утратило смысл. Мы оказались в положении людей, обманутых иностранцами» [3].

Конечно, Б. Савинков не все открыл советскому суду [4], но его сообщения сыграли определенную роль в разоблачении происков международного империализма против Советской страны.

В последнем слове Савинков выразил раскаяние и заявил, что окончательно отходит от контрреволюции. Он говорил: «Я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой. И каждому русскому человеку, который любит родину свою, я, прошедший всю эту кровавую и тяжкую борьбу с вами, я, отрицавший вас, как никто, я говорю ему: если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорок» [5].

29 августа 1924 г. Военная коллегия Верховного суда СССР признала доказанным, что Б. Савинков виновен в следующем:

1. До Октябрьской революции, будучи комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте, управляющим Во-

---

[1] «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР». М., 1924, стр. 57—58.

[2] Союзнический десант в Архангельске был высажен только 2 августа 1918 г., когда восстание было уже ликвидировано.— *Д. Г.*

[3] «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР», стр. 58.

[4] В частности, Б. Савинков ни слова не сказал на суде о своих связях с английской и американской разведками и даже отрицал факт получения денег от англичан. После поимки в 1925 г. английского разведчика Сиднея Рейли выяснилось, что он был тесно связан с Савинковым и финансировал его авантюры против Советской власти. Английский дипломат-разведчик Локкарт также рассказал о своих связях с Савинковым.

[5] «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР», стр. 144.

енным министерством в правительстве Керенского, членом Совета союза казачьих войск, активно и упорно противодействовал переходу земли, фабрик и всей полноты власти в руки рабочих и крестьян, призывая подавлять их борьбу самыми жестокими мерами и приказывая расстреливать солдат, не желавших вести войну за интересы империалистической буржуазии.

2. После Октябрьской революции пытался поднять казачьи полки в Петербурге для свержения рабоче-крестьянской власти, но, потерпев неудачу, бежал вслед за Керенским на Северный фронт и совместно с генералом Красновым активно боролся против восставших рабочих и крестьян, защищая интересы помещичье-капиталистической контрреволюции.

3. В конце 1917 и в начале 1918 г. принял активное участие в контрреволюции на Дону, сотрудничая с генералами Алексеевым, Калединым и Корниловым, которых убеждал в необходимости вести вооруженную борьбу против Советской власти, помогал формированию белой Добровольческой армии, которая до конца 1920 г. при поддержке англо-французских капиталистов разоряла Украину, Донскую область, Северный и Южный Кавказ.

4. В начале 1918 г., явившись в Москву, создал контрреволюционную организацию «Союз защиты родины и свободы», в которую привлек участников тайной монархической организации, гвардейских и гренадерских офицеров, и своими главными помощниками избрал монархистов — генерала Рычкова и полковника Перхурова, после чего обратился к главе южной монархической контрреволюции генералу Алексееву с донесением об образовании «Союза защиты родины и свободы» и с просьбой дать руководящие указания. Созданная им организация имела своей целью свержение Советской власти путем вооруженных восстаний, террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства и получала материальную поддержку и руководящие указания от французского посла Нуланса.

5. Весной 1918 г., получив от чехословацкого политического деятеля Масарика 200 тыс. рублей на ведение террористической работы, организовал слежку за Лениным и другими членами Советского правительства, но совершить террористические акты ему не удалось по причинам, от него не зависевшим.

6. Получив разновременно весною 1918 г. от французского посла Нуланса около 2,5 млн. рублей, по предложению того же Нуланса, в целях поддержки готовившегося англо-французского десанта в Белом море, организовал, опираясь на офицерские отряды и «Союз защиты родины и свободы», при поддержке

меньшевиков и местного купечества в начале июля 1918 г. вооруженные выступления в Ярославле, Муроме, Рыбинске и пытался поднять восстание в Костроме, отвлекая тем самым значительные силы Красной Армии, оборонявшие Казань и Самару от чехословаков и эсеров.

7. После ликвидации мятежей на верхней Волге бежал в Казань, занятую чехословаками, и принял участие в боевых действиях Каппеля в тылу красных войск.

8. В конце 1918 г. принял предложение Колчака быть его представителем за границей и в течение 1919 г., посещая неоднократно Ллойд Джорджа, Черчилля и других министров Англии, получал для армии Колчака и Деникина большие партии обмундирования и снаряжения; по поручению Колчака, находясь во главе бюро печати «Унион», распространял заведомо ложную информацию о Советской России и вел в печати агитацию за продолжение вооруженной борьбы капиталистических государств против Советской республики.

9. Во время советско-польской войны 1920 г., состоя председателем белогвардейского русского политического комитета в Варшаве, по предложению Пилсудского на польские средства и при содействии французской военной миссии в Варшаве организовал так называемую «русскую народную армию» под начальством генерала Перемыкина и братьев Булак-Балаховичей, а осенью того же года после заключения перемирия между Советской Россией и Польшей с ведома Пилсудского лично принял участие в походе Булак-Балаховича на Мозырь.

10. В начале 1921 г. через специальное информационное бюро, во главе которого стоял его брат, Виктор Савинков, организовал военно-разведывательную работу на территории Советской России, передавал часть полученных сведений польскому генеральному штабу и французской военной миссии в Варшаве, получая за это денежные вознаграждения.

11. С 11 июля 1921 г. по начало 1923 г., став во главе восстановленного им «Народного союза защиты родины и свободы», неоднократно посылал в западные пограничные губернии вооруженные отряды, которые совершали налеты на исполкомы, кооперативы, склады, пускали под откос поезда, убивали советских работников, а также собирали сведения военного характера для передачи польской и французской разведкам.

12. В 1923 г., после разгрома большинства организаций «Народного союза», когда денежная поддержка, получаемая от Польши и Франции, сильно сократилась, пытался получить средства от Муссолини.

13. В августе 1924 г., желая лично проверить состояние контрреволюционных организаций на территории СССР, перешел по фальшивому документу советско-польскую границу.

За все эти преступления Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Савинкова к высшей мере наказания — расстрелу. «Принимая, однако, во внимание, что Савинков признал на суде всю свою политическую деятельность с момента Октябрьского переворота ошибкой и заблуждением, приведшим его к ряду преступлений и изменнических действий против трудовых масс СССР, принимая, далее, во внимание проявленное Савинковым полное отречение и от целей, и от методов контрреволюционного антисоветского движения, его разоблачение интервенционистов и вдохновителей террористических актов против деятелей Советской власти и признание им полного краха всех попыток свержения Советской власти; принимая, далее, во внимание заявление Савинкова о его готовности загладить свои преступления перед трудящимися массами на службе трудовым массам СССР,— Верховный суд постановил ходатайствовать перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении настоящего приговора» [1].

Рассмотрев ходатайство Верховного суда и учитывая заявление Савинкова о полном отказе от какой бы то ни было борьбы против Советской власти, ЦИК СССР пришел к выводу, что «применение высшей меры наказания не вызывается интересами охранения революционного правопорядка, а мотивы мести не могут руководить правосознанием пролетариата». Ходатайство Верховного суда было удовлетворено. ЦИК СССР заменил Б. В. Савинкову высшую меру наказания лишением свободы на 10 лет [2].

Подводя итог своей борьбы против Советской власти, Борис Савинков вынужден был сказать: «Для меня теперь ясно, что не только Деникин, Колчак, Юденич, Врангель, но и Петлюра, и Антонов, и эсеры, и «савинковцы», и грузинские меньшевики, и Махно, и Григорьев, и даже кронштадтцы не были поддержаны русским народом и именно потому и были разбиты; что, выбирая между всеми разновидностями бело-зеленого движения, с одной стороны, и Советской властью — с другой, русский народ выбирает Советскую власть. Всякая борьба против Советской власти не только бесплодна, но и вредна» [3].

---

[1] «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР», стр. 145—149.

[2] Там же, стр. 149—150.

[3] *Б. Савинков.* Последние письма и статьи. М., 1926.

Публичное раскаяние такого упорного и непримиримого врага Советской власти, как Борис Савинков, его разоблачения международного империализма и белой эмиграции произвели большое впечатление во всем мире. Контрреволюционная свора эмигрантов и империалисты подняли неистовый вопль вокруг судебного процесса. Бывшие сподвижники объявили Савинкова «предателем». В письмах из тюрьмы Савинков писал в ответ бывшим друзьям и родным: «Истина заключается в следующем: я прибыл в Россию и (по заслугам) был судим Верховным судом... Правда в том, что не большевики, а русский народ выбросил нас за границу, и что (мы) боролись не против большевиков, а против народа... Когда-нибудь... это... поймут даже эмигрантские «вожди»» [1].

И все же Борис Савинков не примирился со своим новым положением. Он рассчитывал, что советские люди сразу поверят его раскаянию, простят все его преступления и он получит свободу. 7 мая 1925 г., через восемь месяцев после вынесения приговора, он обратился к Ф. Э. Дзержинскому с письмом, требуя немедленного освобождения из заключения. Он писал: «Я был против Вас, теперь я с Вами; быть серединка-наполовинку, ни «за», ни «против», т. е. сидеть в тюрьме или сделаться обывателем, я не могу... Я многое передумал в тюрьме и, мне не стыдно сказать, многому научился. Я обращаюсь к Вам, гражданин Дзержинский! Если Вы верите мне, освободите меня и дайте работу, все равно какую, пусть самую подчиненную. Может быть, и я пригожусь... Если же Вы мне не верите, то скажите мне это, прошу Вас, ясно и прямо, чтобы я в точности знал свое положение» [2]. Администрация тюрьмы, приняв заявление Савинкова, высказала свое мнение о малой вероятности нового пересмотра приговора. Тогда Савинков, воспользовавшись отсутствием оконной решетки в комнате, где он находился по возвращении с прогулки, выбросился из окна пятого этажа во двор и разбился насмерть. Так закончил свой жизненный путь этот, по меткому выражению А. В. Луначарского, «артист авантюры».

Конец савинковщины как бы подводил итоги борьбы с контрреволюцией, отражал историческую победу советского народа над его врагами в первые годы Советской власти.

---

[1] *Б. Савинков.* Последние письма и статьи.

[2] «Правда», 13 мая 1925 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С первых же дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции против молодой страны социализма ополчились все силы отечественной контрреволюции и международного империализма. Они пытались военным путем ликвидировать октябрьские завоевания народа — создали фронт гражданской войны и вооруженной интервенции. Они же в тылу Советской страны создали и внутренний фронт борьбы с рабоче-крестьянской властью — организовывали в центре и в национальных районах антисоветские движения, заговоры, восстания.

Победа Красной Армии в гражданской войне означала бесславный финал вооруженной борьбы внешней и внутренней контрреволюции. Все надежды российской буржуазии, буржуазно-феодальных элементов национальных районов и международной буржуазии на ликвидацию Советской власти вооруженным путем рухнули. Страна вступила в период мирного строительства, восстановления разрушенного мировой и гражданской войнами народного хозяйства.

С победой Красной Армии в гражданской войне контрреволюционные движения и вражеское подполье в стране лишились своей главной опоры и каких бы то ни было шансов на успешную борьбу против власти Советов. Деятельность антисоветского лагеря все более становилась проявлением бессильной злобы и отчаяния, вырождалась в политический бандитизм.

Рухнули надежды антисоветского лагеря и на буржуазное перерождение Советской власти в результате нэпа. Не удалось враждебным силам подорвать народное хозяйство страны.

Советский народ и органы его государственной власти, учреждения по борьбе с контрреволюцией вели тяжелую битву с

заговорщиками, диверсантами, шпионами, террористами и антисоветскими идеологами из представителей капиталистов, помещиков, кулаков, буржуазной интеллигенции, реакционного духовенства, националистов, мелкобуржуазных партий.

Это было трудное, сложное дело. Коммунистической партии и Советскому правительству приходилось часто на ощупь в процессе революционного строительства новой жизни разрабатывать методы и формы карательной политики в отношении каждого из антисоветских течений, создавать и совершенствовать новые учреждения защиты, охраны социалистического строя, всячески поддерживая и развивая творческую инициативу широких масс трудящихся. Коммунистическая партия, Советское правительство решили эту задачу. Воспитанные партией, советские бойцы внутреннего фронта — чекисты, следователи, судьи, воодушевленные великими идеями социализма, самоотверженно боролись с коварным врагом. Опираясь на поддержку всего трудового народа, они нанесли сокрушительные удары по контрреволюции, разгромили ее основные очаги, вместе с героической Красной Армией отстояли молодую республику Советов. Многие опасные заговорщики, шпионы и террористы в эти годы вынуждены были капитулировать перед советским народом, потерпели крах и контрреволюционные движения, и вражеское подполье.

Каковы же причины этого краха?

Ни в годы гражданской войны, ни по ее окончании антисоветские движения и вражеское подполье, как и лагерь контрреволюции в целом, не имели опоры в массах трудящихся. Контрреволюционный лагерь отражал интересы и вожделения ничтожной кучки эксплуататоров, а их интересы в корне противоречили чаяниям трудового народа. Задачи, поставленные контрреволюцией, не имели под собой реальной почвы, были неосуществимы. И наоборот, успехи Красной Армии и специальных карательных органов Советского государства в борьбе с вражескими силами определялись в конечном счете тем, что на стороне партии большевиков, возглавлявшей борьбу трудящихся против сил контрреволюции, на стороне Советской власти была вся трудовая Советская страна, сбросившая ярмо эксплуатации и не желавшая возврата старого, буржуазно-помещичьего строя.

Опыт нашей истории неотвратимо свидетельствует о том, что любая контрреволюция, любое подполье, враждебное народу, поднявшемуся на борьбу за свободу, независимость и социальные преобразования, недолговечны и обречены на поражение.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Голинков Давид Львович

КРУШЕНИЕ АНТИСОВЕТСКОГО ПОДПОЛЬЯ В СССР (1917—1925 гг.)

Заведующий редакцией
А. И. КОТЕЛЕНЕЦ

Редактор
Г. М. ИГНАТКОВИЧ

Младший редактор
А. С. КОЧЕТКОВА

Художник
Н. П. ПЕШКОВ

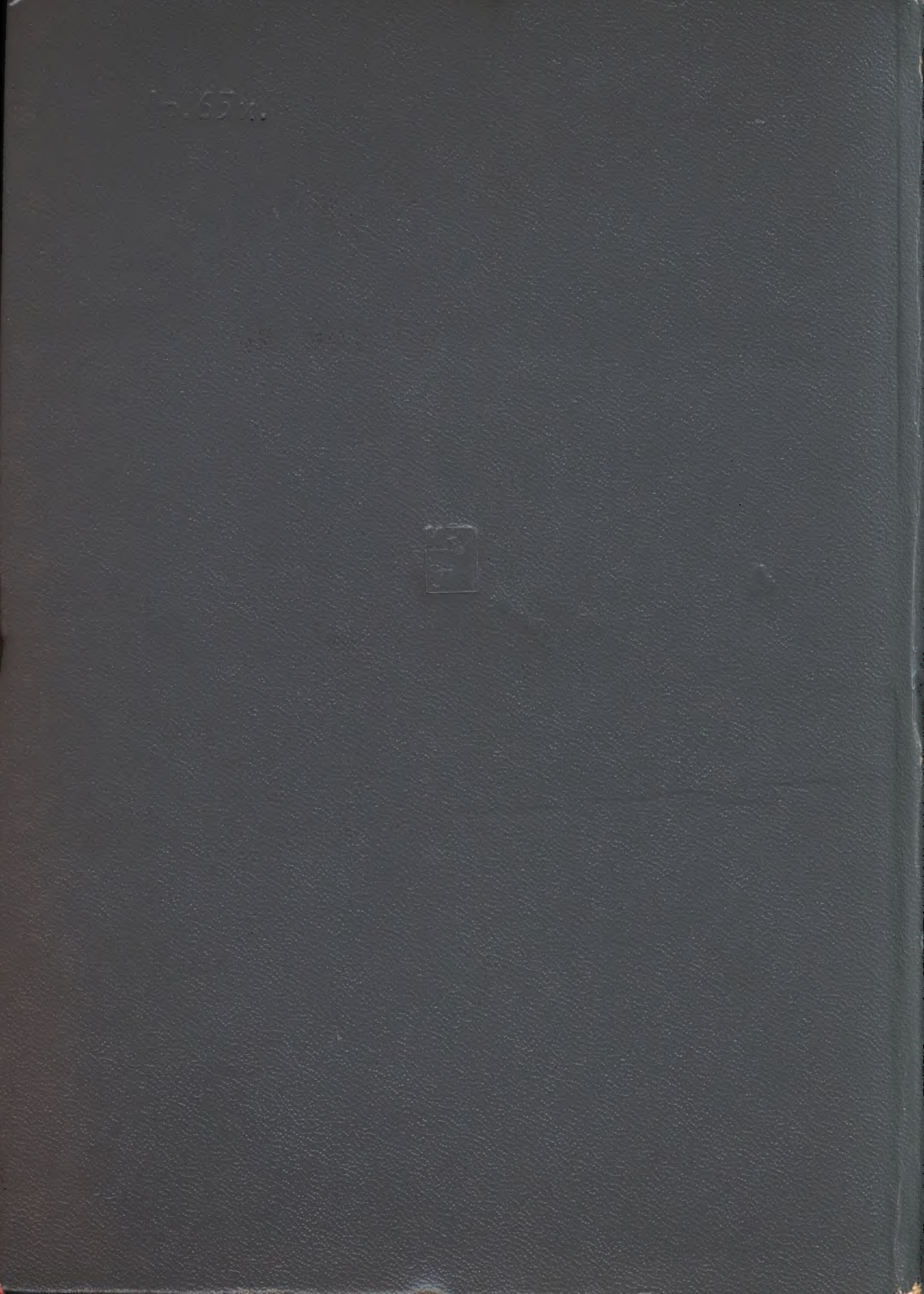
Художественный редактор
Г. Ф. СЕМИРЕЧЕНКО

Технический редактор
Л. К. УЛАНОВА

Подписано в печать с матриц 23 октября 1975 г. Формат 60×84$^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 42,78. Учетно-изд. л. 44,27. Тираж 200 000 (100 001—200 000) экз. А00021. Заказ № 4668. Цена 1 р. 65 к.

Политиздат. 125811. ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

Д. Л. ГОЛИНКОВ

КРУШЕНИЕ АНТИСОВЕТСКОГО ПОДПОЛЬЯ В СССР